Проверено 1964 г.

МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

2467

Проверено 1948 г.

ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

книга тридцать девятая.

34-40

Императорскаго Юридическаго Лицея С.-Петербургск. Университета

ЯРОСЛАВЛЬ.

Въ типо-литографіи Г. В. Фалькъ.

1886.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ

тридцать девятой книги Временника Лицея.

Стран.

Протоколы Совѣта Лицея засѣданій 18 и 30 января и 15 февраля 1886 г. съ приложеніями 1—14

Личное задержаніе какъ полицейская мѣра безопасности. Ч. II. Отд. 2. Періодъ Императорскій. Орд. Проф. *И. Т. Тарасова* (продолженіе) 201—336

Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ восточной церкви. Орд. Проф. *Н. С. Суворова* (продолженіе) . . . . . 49—80

Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ запада. И. д. Экстра-Орд. Проф. *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляреескаго* (продолженіе) 241—312

О происхожденіи и развитіи русскаго раскола Орд. Проф. *Н. С. Суворова* (первая половина) 1—32

Государственный кредитъ Орд. Проф. *А. А. Исаева* . . . . . 1—159

Каталогъ библіотеки Лицея . . . . 297—320

Объявленія о имѣющихся въ Лицеѣ въ продажѣ книгахъ.

XXXIX книга вышла 10 апрѣля 1886 года; въ ней 30 листовъ.

ЖУРНАЛЫ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1886 года января 18 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора *С. М. Шпилевскаго*, ПРИСУТСТВОВАЛИ: Ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ* и *Н. С. Суворовъ*; Профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; Испр. д. Экстра-ординар. профес. *И. Г. Табашниковъ*; Доценты: *А. Н. Лодыженскій*, *В. Г. Щегловъ*; Исправ. д. Доцента *М. А. Липинскій*; Приватъ-Доценты: *А. Е. Назимовъ*, *А. Е. Минервинъ* и *В. Ф. Левитскій*. НЕ ПРИСУТСТВОВАЛЪ Исправ. д. Экстра-орд. проф. *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій* по болѣзни.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, Опредѣлили: Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 15 сего января за № 600, коимъ увѣдомляетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ

30 день минувшаго декабря, Высочайше соизволилъ на оставленіе въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ студента *Снѣгирева*, для окончанія образованія, на 3-й годъ на 2 курсѣ. Опредѣлили: Принять къ исполненію.

3. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 24 декабря 1885 г. за № 10,268, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ производить оставленному съ 1-го іюня 1885 г. при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію кандидату *Бесѣдкину* содержаніе въ размѣрѣ 600 руб. въ годъ во все время оставленія его при Лицеѣ, т. е. въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, изъ остатковъ имѣющихъ образоваться въ 1886 и 1887 гг. отъ содержанія личнаго состава Лицея. Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію, для удовлетворенія же г. Бесѣдкина содержаніемъ копію съ заслушаннаго предложенія передать въ Правленіе Лицея.

4. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 31 декабря 1885 г. за № 10.434, коимъ разрѣшаетъ Директору Лицея Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Шпилевскому* прибыть въ Москву для принятія участія на имѣющемъ быть 8 января 1886 г. засѣданіи предварительнаго Комитета для выработки программы VII Археологическаго съѣзда въ г. Ярославлѣ. При этомъ Секретарь Совѣта доложилъ, что г. Директоръ отправился въ Москву 6-го января, возвратился же въ Ярославль и вступилъ въ исправленіе своей должности 12 января. Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

5. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 21 декабря 1885 г. и 15 сего января за №№ 10,199 и 601, коими разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта Лицея

22 и 29 ноября 1885 года. Опредѣлили: Принять къ исполненію.

6. Отношенія Губернскихъ Земскихъ Управъ: Смоленской отъ 18 декабря 1885 г. за 9,706, Новгородской отъ того же числа за № 7.852, Владимірской отъ 21 того же декабря за № 13,305, Нижегородской отъ 3 сего января за № 106 и Херсонской отъ 12 сего января за № 297, коими изъявляютъ готовность высылать въ библіотеку Лицея, въ обмѣнъ на Временникъ, свои изданія. Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и въ обмѣнъ на изданія Управъ высылать имъ издаваемый Совѣтомъ Временникъ, начавъ высылку съ XXXVII книги и впредь высылать по выходѣ слѣдующихъ книгъ.

7. Отношеніе Черниговской Губернской Земской Управы отъ 20 декабря 1885 г. № 337, коимъ соглашаясь, въ обмѣнъ на издаваемый Совѣтомъ Временникъ Лицея, высылать свои изданія, проситъ Совѣтъ, чтобы Временникъ былъ высылаемъ въ Управу въ двухъ экземплярахъ, одинъ для библіотеки Земскаго Собранія, а другой для библіотеки Статистическаго отдѣла. При этомъ Управа препроводила и свои изданія. Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и въ обмѣнъ на изданія Управы высылать Временникъ Лицея въ 2-хъ экземплярахъ, начавъ высылку съ XXXVII книги и впредь высылать по выходѣ слѣдующихъ книгъ.

8. Отношеніе Одесской городской библіотеки отъ 8 сего января за № 18, коимъ, изъявляя благодарность за высланную въ библіотеку XXXVII книгу Временника Лицея, проситъ Совѣтъ не оставить высылать и впредь свои изданія, а также не найдетъ ли Совѣтъ возможнымъ выслать библіотекѣ Временникъ Лицея начиная съ 1-й книги. Имѣя въ виду, что первыхъ книгъ Временника (до XI-й) остается уже по немногу экземпля-

ровъ, Опредѣлили: Выслать въ Одесскую читальню Временникъ съ XI книги.

9. Окончившій въ 1885 году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи, *Митрофанъ Гродзицкій* таковую представилъ, подъ заглавіемъ: „Основныя начала теоріи и практики народнаго образованія". Сочиненіе это по журналу Совѣта отъ 20 Декабря 1885 г. передано было ординарному Профессору *И. Т. Тарасову*, для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи представленнаго Профессоромъ Тарасовымъ отзыва о сочиненіи Гродзицкаго, Опредѣлили: Утвердить Гродзицкаго въ степени Кандидата юридическихъ наукъ, и выдать ему надлежащій о тотъ аттестатъ и экземпляръ судебныхъ уставовъ; отзывъ же о его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

10. Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что находившійся въ командировкѣ въ г. Москвѣ Исправ. д. Доцента *М. А. Липинскій* изъ командировки этой возвратился 15 сего января. Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

11. Г. Директоръ заавилъ Совѣту, что находившійся въ отпуску въ Костромской губерніи студентъ 3-го курса Лицея *Дмитрій Чижовъ*, 13 сего января, померъ. Опредѣлили: Исключить умершаго Чижова изъ списковъ студентовъ Лицея.

12. Приватъ-Доцентъ *В. Ф. Левитскій* заявилъ Совѣту, что изъ трехъ часовъ, назначенныхъ ему по росписанію для чтенія студентамъ лекцій, онъ два часа посвящаетъ чтенію лекцій и одинъ часъ чтенію и разбору классиковъ. Опредѣлили: Заявленіе Левитскаго принять къ свѣдѣнію.

13. Г. Дирскторъ Лицея заявилъ, что г. бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія отъ 6 марта 1871 г. за № 2477, увѣдомилъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, какъ видно изъ предложенія г. управлявшаго округомъ бывшему Директору Лицея отъ 18 того же Марта за № 1095, что онъ, г. Министръ, разрѣшилъ Совѣту Лицея издавать Временникъ по изложенной въ представленніи Совѣта отъ 4 февраля 1871 г. за № 59 программѣ. Просматривая эту программу, я нашелъ, что въ оную включенъ „критическій разборъ новыхъ книгъ", между тѣмъ какъ въ 37-ми вышедшихъ донастоящаго времени книгахъ Временника Лицея не было помѣщено ни одного такого разбора книгъ. Такой отдѣлъ въ спеціальномъ юридическомъ изданіи, былъ бы, по моему мнѣнію, весьма полезенъ и для студентовъ Лицея, служа для нихъ руководствомъ освѣжающимъ и пополняющимъ указанія, дѣлаемыя имъ профессорами на лекціяхъ и находимыя ими самими въ учебникахъ. По обсужденіи сего вопроса, Опредѣлили: Такъ какъ авторамъ всякаго рода сочиненій, помѣщаемыхъ во Временникѣ Лицея, въ видѣ вознагражденія, выдается по 200 экземпляровъ оттисковъ этихъ сочиненій, а между тѣмъ небольшія, могущія быть даже въ одну страницу, статьи критическаго содержанія не могутъ быть вознаграждаемы такимъ же путемъ, то представить г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа и просить ходатайства Его Сіятельства предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи Лицею—имѣющія помѣщаться во Временникѣ Лицея статьи критическаго содержанія выпускать отдѣльными оттисками въ 200 экземпляровъ подъ заглавіемъ: „Юридическая Библіографія". Приложеніе къ такому-то тому Временника Де-

мидовскаго Юридическаго Лицея, поручивъ редактированіе статей г. Директору Лицея; за тѣмъ эти отдѣльные оттиски пускать въ продажу тетрадями до 3-хъ печатныхъ листовъ по 10 коп. за листъ и вырученныя отъ продажи деньги, по примѣру подобнаго же изданія Юридическимъ Факультетомъ Петербургскаго Университета, обращать въ спеціальныя средства Лицея; авторовъ же критическихъ статей, за ихъ трудъ, вознаграждать, вмѣсто 200 оттисковъ, по 32 руб. за печатный листъ, изъ спеціальныхъ средствъ Лицея, выпуская въ годъ этотъ отдѣлъ не болѣе какъ въ 15 листовъ.

(*Приложеніе къ ст. 9-й.*).

Митрофанъ Гродзицкій. Основныя начала теоріи и практики народнаго образованія.

Кандидатское разсужденіе г. Гродзицкаго, озаглавленное „Основныя начала теоріи и практики народнаго образованія“, состоитъ изъ введенія и двухъ главъ. Введеніе посвящено указанію на связь между культурнымъ развитіемъ вообще и собственно народнымъ образованіемъ, при чемъ сдѣлана попытка, не совсѣмъ удачная, представить враткій историческій очеркъ послѣдняго въ Западной Европѣ и Россіи. Вообще эта часть изслѣдованія г. Гродзицкаго слабѣйшая, сравнительно съ остальными, преизобилуя неудачными обобщеніями и отличаясь безсистемностью. Во первой главѣ говорится и значеніи народнаго образованія *вообще*, съ указаніемъ на политику народнаго образованія въ Англіи, Франціи, Германіи и Россіи. Во второй главѣ авторъ выдѣляетъ изъ понятія о народномъ образованіи вообще *собственно* элементарное народное образованіе, указавъ въ то-же время и на органическую связь между ними, а затѣмъ переходитъ къ анализу управленія, училищнаго права, права уча-

щихъ и учебнаго порядка въ разныхъ государствахъ Европы и Америки, при чемъ вездѣ Россіи удѣлено преимущественное вниманіе. Первая глава скомпилирована почти всецѣло по Лоренцу Штейну и, такъ какъ авторъ избралъ предметомъ своего изслѣдованія только элементарное народное образованіе, то она и является излишнею. Для второй главы г. Гродзицкій воспользовался почти всею русскою литературой по избранному имъ предмету, съ присоединеніемъ къ ней данныхъ, почерпнутыхъ изъ разныхъ правительственныхъ и земскихъ статистическихъ сборниковъ; въ иностранной же литературѣ онъ избралъ себѣ руководителями Лоренца Штейна и Емиля де Лавеле, при чемъ особонно сильно отразилось на всемъ изслѣдованіи вліяніе перваго изъ нихъ. Эта глава, обнаруживая примѣрное трудолюбіе автора, навыкъ облекать свои мысли въ правильную форму и умѣнье обращаться съ сырымъ матерьяломъ для научныхъ выводовъ, страдаетъ въ то-же время слѣдующими недостатками: а) анализируя столь существенные вопросы, какъ участіе общины въ дѣлѣ элементарнаго народнаго образованія, обязательность посѣщенія школъ и безплатность обученія, авторъ не столько рѣшаетъ, сколько предрѣшаетъ эти вопросы, обнаруживая недостаточно объективное отношеніе къ нимъ, и б) при анализѣ отдѣльныхъ вопросовъ, авторъ ничѣмъ не мотивируетъ своего выбора то однихъ, то другихъ государствъ, изъ практики которыхъ онъ почерпаетъ необходимыя ему указанія, такъ что, напр., онъ знакомитъ читателей съ училищнымъ правомъ не только главнѣйшихъ государствъ Европы и Америки, но и Швеціи, Норвегіи, В. Г. Люксамбургскаго и Швейцаріи, относительно-же управленія онъ ограничивается почему-то указаніями лишь на Прус-

сію и Россію. Тѣмъ не менѣе, какъ указано выше, изслѣдованіе г. Гродзицкаго отличается тѣми достоинствами, которыя нельзя не признать достаточными для полученія авторомъ этого изслѣдованія искомой имъ степени кандидата юридическихъ наукъ. г. Ярославль 14 декабря, 1886 г.

Орд. Профессоръ *И. Тарасовъ.*

1886 года января 30 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора *С. М. Шпилевскаго*, ***ПРИСУТСТВОВАЛИ***: Ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ* и *Н. С. Суворовъ;* Профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ;* Доценты: *А. Н. Лодыженскій*, *В. Г. Щегловъ;* Исправ. д. Доцента *М. А. Липинскій*; Приватъ Доценты: *А. Е. Минервинъ* и *В. Ф. Левитскій*. ***НЕ ПРИСУТСТВОВАЛИ:*** Орд. проф. *А. А. Исаевъ*—по домашнимъ обстоятельствамъ; Исправ. д. Эктра-орд. профессора *И. Г. Табашниковъ*—по нахожденію присяжнымъ засѣдателемъ; Исправ, д. Экстра-орд. проф. *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій* и Приватъ-Доцентъ *А. Е. Назимовъ*—по болѣзни.

Слушали.

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, Опредѣлили: Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Г. Директнръ заявилъ Совѣту, что сегодня получено, какъ извѣстно, свѣдѣніе о смерти извѣстнаго писателя *И. С. Аксакова*, а потому и предложилъ: не найдетъ ли Совѣтъ нужнымъ, отъ имени Лицея, почтить

чѣмъ либо память покойнаго. По обсужденіи сего **Постановили:** 1) Почтить память покойнаго И. С. Аксакова возложеніемъ на гробъ его отъ Лицея вѣнка, изготовленіе котораго и поѣздку въ Москву для возложенія этого вѣнка на гробъ умершаго поручить Секретарю Совѣта *г. Головщикову*; 2) вдовѣ умершаго Ивана Сергѣевича Аннѣ Ѳедоровнѣ Аксаковой отправить слѣдующую телеграмму: „Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, въ сегодняшнемъ засѣданіи своемъ, постановивъ возложить вѣнокъ на гробъ Ивана Сергѣевича и почтить его память панихидой, выражаетъ Вамъ свое глубокое соболѣзнованіе о постигшей Васъ и отечество потерѣ"; 3) отслужить въ Лицейской церкви, въ Воскресенье, 2 сего февраля, по Иванѣ Сергѣевичѣ, послѣ заупокойной литургіи, панихиду.

1886 года февраля 15 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора *С. М. Шпилевскаго*, **ПРИСУТСТВОВАЛИ:** Ординарные профессоры: *И. Т. Тарасовъ*, *А. А. Исаевъ* и *Н. С. Суворовъ;* Профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; и. д. Экстра-ординарныхъ профессоровъ: *И. Г. Табашниковъ* и *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій;* Доценты: *А. Н. Лодыженскій*, *В. Г. Щегловъ;* Исправ. д. Доцента *М. А. Липинскій*; Приватъ-доценты: *А. Е. Назимовъ*, *А. Е. Минервинъ* и *В. Ф. Левитскій*.

Слушали:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, Опредѣлили: Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 25 минувшаго января за № 1124, коимъ разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы Совѣта 20 декабря 1885 года. Опредѣлили: Принять къ исполненію.

3. Письмо бывшаго профессора, нынѣ почетнаго члена Императорскаго Харьковскаго Университета Статскаго Совѣтника, доктора правъ, И. В. Платонова отъ 28 минувшаго января, слѣдующее: „Въ 1856 году я, по званію профессора юридическаго факультета, въ руководство моимъ слушателямъ, написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Вступительныя понятія въ ученіе о благоустройствѣ и благочиніи государственномъ. Харьковъ“, и ни одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, для которыхъ, казалось, сочиненіе должно бы было представлять наиболѣе близкій интересъ, ни одно не обратило на него такого серьезнаго вниманія, какъ Демидовскій Юридическій Лицей, въ лицѣ одного изъ уважаемыхъ преподавателей своихъ, почтившій мой трудъ безпристрастною и обстоятельною рецензіею въ сборникѣ государственныхъ знаній С.-пб. т. VIII, 1880 г. въ отдѣлѣ критики и библіографіи стр. 15 и сл. Почему, въ благодарность за таковую, оказанную моему труду, честь, вмѣняю себѣ въ обязанность преподнести Совѣту Лицея, изъ небольшаго числа остающихся у меня свободныхъ экземпляровъ сочиненія, 10 экземпляровъ, которые и прошу принять благосклонно и распорядиться ими по своему благоусмотрѣнію“. Такъ какъ поименованное выше сочиненіе профессора Платонова имѣется въ фундаментальной библіотекѣ Лицея въ двухъ экземплярахъ, то Опредѣлили: Изъ присланныхъ профессоромъ Платоновымъ экземпляровъ сочиненія его одинъ экземпляръ передать въ студенческую библіотеку, остальные же 9 распредѣлить между

гг. профессорами и преподавателями, согласно сдѣланнымъ ими заявленіямъ, именно выдать по экземпляру: *С. М. Шпилевскому*, *И. Т. Тарасову*, *А. А. Исаеву*, *Н. С. Суворову*, *Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскому*, *А. Н. Лодыженскому*, *В. Г. Щеглову*, *А. Е. Назимову*, и *В. Ф. Левитскому*. Автора же этой книги благодарить отъ имени Совѣта.

4. На основаніи § 41 устава Лицея произведенъ былъ выборъ Члена Правленія Лицея на годъ; баллотировались Ординарные профессоры *И. Т. Тарасовъ* и *А. А. Исаевъ*. По баллотировкѣ оказалось, что первый изъ баллотировавшихся получилъ шаровъ+5—1, а второй+4—2. Опредѣлили: Избраннымъ считать Ординарнаго профессора Тарасова, очемъ записавъ въ журналъ, сообщить Правленію.

5. Исправ. д. доцента М. А. Липинскій заявилъ Совѣту, что имъ изготовлены для печати „Писцевыя книги Угличскаго уѣзда, XVII в., съ предисловіемъ и примѣчаніями“, что онъ и проситъ напечатать во Временникѣ Лицея. Опредѣлили: Напечатать во Временникѣ Лицея. означенный выше памятникъ съ предисловіемъ и примѣчаніями г. Липинскаго.

6. Г. Директоръ Лицея заявилъ Совѣту, что въ число студентовъ 2 курса Лицея принятъ бывшій студентъ Императорскаго Московскаго Университета *Іосифъ Миноръ*. Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

7. Г. Директоръ Лицея заявилъ, что въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1885 года и Январѣ настоящаго года гг. профессорами и преподавателями Лицея прочитано и пропущено было лекцій:

	Въ декабрѣ.		Въ январѣ.	
	Прочитано.	Пропущено.	Прочитано.	Пропущено.
Ординарными профессорами:				
С. М. Шпилевскимъ	4	10	10	12
И. Т. Тарасовымъ	22	0	26	0
А. А. Исаевымъ	14	0	20	0
Н. С. Суворовымъ	14	0	20	0
Профес. Богос. А. П. Лавровымъ	7	0	9	0
Исправ. д. Экстра-орд. профессоровъ:				
И. Г. Табашниковымъ	18	10	26	8
Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскимъ	8	0	14	0
Доцентами:				
А. Н. Лодыженскимъ	6	3	7	3
В. Г. Щегловымъ	14	2	18	2
Исп. д. Доцента М. А. Липинскимъ	14	0	14	6
Приватъ-Доцент. А. Е. Назимовымъ	5	2	7	1
А. Е. Минервинымъ	14	0	20	0
В. Ф. Левитскимъ	6	2	11	0
Итого . .	146	29	202	32

Показанное количество лекцій въ декабрѣ и январѣ пропущено: С. М. Шпилевскимъ 20 по нахожденію въ командировкѣ и 2 по болѣзни, И. Г. Табашнико-

вымъ 8 по случаю исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя и 10 по болѣзни, А. Н. Лодыженскимъ 3 по нахожденію въ отпуску и 3 по болѣзни, М. А. Липинскимъ 6 по нахожденію въ командировкѣ, В. Г. Щегловымъ 4, А. Е. Назимовымъ 3 и В. Ф. Левитскимъ 2 по болѣзни. Опредѣлили: Записать объ этомъ въ журналъ.

Въ XXXVIII книгѣ Временника на стр. 60 и 61 оффиціальнаго отдѣла помѣщена инструкція стипендіату Лицея *Бесѣдкину* для приготовленія къ магистерскому экзамену по уголовному праву. Въ инструкціи этой оказалось много типографскихъ опечатокъ, и потому она предлагается здѣсь въ перепечатанномъ и исправленномъ видѣ.

ИНСТРУКЦІЯ

для приготовленія къ магистерскому экзамену по каѳедрѣ уголовнаго права.

Уголовное право: а) *Общая часть.* Стипендіатъ долженъ изучить общую часть уголовнаго права по иностраннымъ и русскимъ учебникамъ, а также и по нѣкоторымъ наиболѣе важнымъ монографіямъ. Изъ учебниковъ особенно можно рекомендовать—Гуго Мейера, Гольцендорфа, Гельшнера, Шютце, Бернера, Бара, Листа, Ортолана, Garraud, Сиссо, а изъ русскихъ: Таганцева и Кистяковскаго. Что же касается монографій, то желательно возможно полное знакомство стипендіата съ русской литературой, а изъ иностранныхъ полезно было бы ему изучить: Das Recht in der Strafe, Buri, Zur lehre von der Theilnahme an den Verbrechen, Robin, la question penitentiaire.

b) *Особенная часть.* Лучшими руководствами для систематическаго изученія особенной части уголовнаго права могутъ служить: учебники: Гуго—Мейера, Бернера и Буатара, а изъ русскихъ—курсъ Неклюдова. Кромѣ того стипендіатъ долженъ изучить русскія монографіи по этой части уголовнаго права, особенно Таганцева „Преступленія противъ жизни", Фойницкаго „Мошенничество по русскому праву", Бѣлогрицъ-Котляревскаго „О воровствѣ-кражѣ", Тальберга „Разбой и грабежъ".

c) *Исторія уголовнаго права.* Желательно ознакомленіе стипендіата съ общей и русской исторіей уголовнаго права; по первой пособіями могутъ служить Loiseleur, Les crimes et les peines и „Вступительный очеркъ уголовнаго права" Гольцендорфа, помѣщенный въ Юридическомъ Вѣстникѣ, по второй—курсъ Сергіевича и отдѣльныя монографіи Богдановскаго, Чебышева-Дмитріева, Попова, Линовскаго.

Уголовное судопроизводство. Систематическими пособіями для изученія уголовнаго судопроизводства могутъ служить: Ullmann, Das Oesterreichische Strafprocessrech, Geyer, Lehrbuch des gemeinen deutschen Strafprocessrechts, Boitard, Lecons de droit criminel, а изъ русскихъ—Фойницкаго и Чебышева-Дмитріева „Курсы русскаго уголовнаго судопроизводства". Кромѣ того стипендіатъ долженъ познакомиться съ русской литературой по процессу въ отдѣльныхъ монографіяхъ.

Полицейское право. Благочиніе. Можно рекомендовать, какъ пособія по изученію благочинія, слѣдующія: Штейнъ „Die Verwaltungslehre", Моль „Preventivjustiz", Тарасовъ „Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву.' Подлинную подписалъ доцентъ по каѳедрѣ уголовнаго права Л. Бѣлогрицъ-Котляревскій.

чрезвычайному усиленію власти генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ [1]), которое, казалось, доведено было до небывалыхъ размѣровъ указомъ 5 апрѣля 1879 г. [1]), когда назначены были временные генералъ-губернаторы въ С.-Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Этимъ указомъ, независимо отъ чрезвычайной судебно-полицейской власти, на которую мы укажемъ ниже, генералъ-губернаторамъ предоставлены слѣдующія права: а) генералъ-губернаторамъ подчиняются губерніи и смежныя мѣста, по указанію; б) всѣ рѣшительно мѣста, не исключая и учебныхъ заведеній, подчиняются генералъ-губернаторамъ такъ, какъ будто объявлено военное положеніе и в) генералъ-губернаторы могутъ принимать всѣ вообще мѣры, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ они признаютъ нужными, въ видахъ безопастности и порядка. Послѣ этого судебно-полицейская власть генералъ-губернаторовъ была расширена еще больше [3]), до такой степени, что, въ сущности, граница между судебной и административно-полицейской сферами какъ бы растаяла, завися не столько отъ закона, сколько отъ благоусмотрѣнія высшихъ органовъ центральной власти. Въ томъ же году: а) предоставлено постояннымъ генералъ-губернаторамъ, московскому, варшавскому и кіевскому, а также временнымъ генералъ-губернаторамъ, распространять дѣйствіе указа 5 апрѣля на губерніи, входящія въ составъ мѣстныхъ военныхъ ок-

---

мѣры чрезвычайныя. Въ 1867 г. 13 іюня изданъ законъ о правахъ предсѣдателей общественныхъ собраній, причемъ предсѣдатели снабжены этимъ закономъ весьма обширною полицейскою властью для охраненія порядка. Въ тотъ же день опубликованъ законъ о томъ, что отчеты о засѣданіяхъ въ земскихъ, дворянскихъ, городскихъ, общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ,—постановленія, сужденія, пренія, рѣчи,—печатаются не иначе, какъ съ дозволенія губернскаго начальства (№№ 44690, 44691).

[1]) № 56203. Тогда же министру вн. дѣлъ предоставлено сокращать штаты Г. Правленій и губ. канцелярій (55681), а раньше, въ 1874 г., упразднены должности Новоросс. и Бессар. ген.-губернаторовъ (53049).

[1]) №№ 56128, 56381, 57072, 59210.

[2]) № 59476.

[3]) № 59496 ср. съ С. уз. 1880 г., № 833.

руговъ; б) губернаторы уполномочены удалять отъ должности по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ признаны ими неблагонадежными; в) дѣйствіе указа 5 апр. распространено на Владимірскую, Нижегородскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Орловскую, и Воронежскую губерніи, а Ярославская, Тверская и Костромская губерніи подчинены московскому генералъ-губернатору [1]).

Въ 1880 г. чрезвычайная полицейская власть генералъ-губернаторовъ какъ бы централизируется въ учрежденной тогда Верховной распорядительной коммиссіи, при чемъ главному начальнику этой коммиссіи, даны были почти неограниченныя полномочія, близкія къ диктатурѣ. Въ законѣ объ учрежденіи этой коммиссіи сказано [2]), что въ видахъ объединенія всѣхъ властей для борьбы съ нарушителями спокойствія: 1) предоставляются главному начальнику Верховной распорядительной коммиссіи права главноначальствующаго въ С.-Петербургѣ и окресностяхъ съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему с.-петербургскаго градоначальника; 2) ему принадлежитъ вѣдѣніе и направленіе дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ въ С.-Петербургѣ и с.-петербургскомъ округѣ; 3) ему же принадлежитъ верховное направленіе всѣхъ дѣлъ по всѣмъ другимъ мѣстностямъ Россійской Имперіи; 4) всѣ требованія

---

[1]) П. С. З. №№ 59531, 69947, 59710, 59711, 60187. Въ слѣдующемъ году сдѣлано было къ указу 5-го апр. такое дополненіе: а) всѣ общ. учр. могутъ сноситься съ министрами только чрезъ ген.-губ., б) ген.-губ. сносится непосредственно съ министрами, а при разногласіи дѣло поступаетъ въ совѣтъ министровъ, в) если какое либо учрежденіе допуститъ какое либо дѣйствіе вредное или опасное, то ген.-губ. можетъ принять всякія мѣры (С. уз. 1880 г., № 274). Ген.-губ. Вост. Сибири предоставлены относительны адм. высылки тѣ же права, которыя предоставлены указомъ 5-го апр. всѣмъ генералъ-губернаторамъ (С. уз. 1880 г., № 222). По закону 1881 г. (С. уз. № 136) разрѣшеніе сосланнымъ на житье съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ заниматься торговлей и промыслами даются ген.-губернаторами, а гдѣ ихъ нѣтъ—губернаторами; сосланнымъ же за государственныя преступленія такія разрѣшенія даются не иначе, какъ съ согласія на то со стороны мин. вн. дѣлъ.

[2]) № 60492.

его немедленно исполняются всѣми мѣстными начальниками, генералъ-губернаторами, губернаторами, градоначальниками и вообще всѣми вѣдомствами, не исключая и военнаго; 5) всѣ вѣдомства обязаны ему своимъ содѣйствіемъ; 6) онъ испрашиваетъ непосредственно у Его Императорскаго Величества повелѣнія и указы; 7) вообще онъ принимаетъ всѣ мѣры для охраненія государственнаго порядка и спокойствія, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи; 8) мѣры и распоряженія его должны быть принимаемы и исполняемы всѣми и отмѣнить ихъ можетъ только Императоръ. Должность с.-петербургскаго генералъ-губернатора была упразднена. Въ томъ же году главному начальнику коммиссіи подчинены были III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, равно какъ и отдѣльный корпусъ жандармовъ, съ предоставленіемъ главному начальнику правъ шефа [1]). Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 6 августа, Верховная распорядительная коммиссія была закрыта, съ передачей дѣлъ ея въ министерство внутреннихъ дѣлъ, причемъ упразднено было также III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, съ передачей дѣлъ его въ образованный при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особый департаментъ государственной полиціи, а завѣдываніе отдѣльнымъ корпусомъ жандармомъ перешло къ министру внутреннихъ дѣлъ, на правахъ шефа [2]). Въ слѣдующемъ году, 14 августа, издано Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія [3]), въ которомъ всѣ чрезвычайныя права главноначальствующихъ, генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, градоначальнаковъ, исправниковъ и полицеймейстеровъ сведены вмѣстѣ [4]).

---

[1]) С. уз. №№ 157, 178.

[2]) С. уз. №№ 603, 802.

[3]) С. уз. № 616 ср. съ № 760; 1883 г., №№ 619, 646, 802.

[4]) Въ дополненіе къ сдѣланному перечню узаконеній, касающихся губернскихъ управленія и полиціи, укажемъ еще на слѣдующія: №№ 34336—упраздненіе въ

Первое узаконеніе касающееся жандармской полиціи [1]), издано было въ 1861 г. и имѣло цѣлью учрежденіе такой полиціи на желѣзной дорогѣ, послѣ чего слѣдуетъ длинный рядъ постановленій все о той же желѣзно-дорожной жандармской полиціи, что, разумѣется, объясняется быстрымъ и частымъ возникновеніемъ все новыхъ и новыхъ рельсовыхъ путей [2]). Подробное опредѣленіе правъ и обязанностей этой юной полиціи и порядка подчиненности ея сдѣлано было въ 1866 г. [3]), причемъ на жандармскія полицейскія управле-

---

нѣкоторыхъ губерніяхъ должности слѣдственныхъ приставовъ по пресѣченію конокрадства; 36519—распространеніе на Ставропольскую губернію, Кубанскую и Терскую области общихъ полицейскихъ законовъ о бродягахъ и дозволеніе полиціи выдавать отсрочки прибывающимъ туда на работы мѣщанамъ и крестьянамъ; 36549—о взысканіяхъ, налагаемыхъ въ Остзейскихъ губерніяхъ на полицейскія мѣста; 36929—о возложеніи на Казенную Палату въ Ставропольской губ. контроля надъ полиціей; 45479—устройство губ. полиц. учрежденій въ Закавк. Краѣ; С. уз. 1880 г., № 446—преобразованіе управленія въ Закавк. Краѣ; № 866—измѣненія въ штатѣ полиц. учрежд. въ Таврич. губ.; 1881 г., № 748—освобожденіе губ. и обл. вѣдомостей отъ предварит. цензуры и возложеніе на вице-губернаторовъ цензурованія частныхъ період. изданій въ губернскихъ городахъ, гдѣ нѣтъ цензурныхъ учрежденій; 1883 г., № 295—новый штатъ канцеляріи моск. ген.-губ.; № 551—установленіе штрафа за необъявленіе полиціи о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ въ Бессар. губ.; 1881 г., № 451—предоставленіе высшаго наблюденія за сохраненіемъ общ. спокойствія во время Нижегородской ярмарки мѣстному губернатору.

[1]) Узаконеній по этому предмету было вообще чрезвычайное множество. Объ этомъ изобиліи можно судить по тому, что, независимо отъ болѣе существенныхъ постановленій, на которыя мы будемъ ссылаться, въ полное собраніе законовъ вошли еще слѣдующія второстепенныя постоновленія: №№ 34211, 36067 36350, 36542, 36938, 37021, 37325, 37344, 37485, 38009, 38814, 39381, 40248, 40303, 40481, 40495, 40530, 4600, 40778, 41471, 41793, 42179, 42211, 42216, 42450, 42461, 42903, 43042, 43182, 43622, 44022, 44081, 44194, 44273, 44354, 44431, 44435, 44689, 44721, 44865, 46913, 47026, 47055, 47321, 45449, 45556, 45864, 45971, 46015, 46090, 46300, 47404, 47778, 47838, 47930, 48071, 48190, 48624, 48719, 48722, 48954, 49159, 50001, 50386, 50767, 51165, 51190, 51245, 51626, 51765, 52126, 52750, 52870, 53782, 53947, 54070, 55078, 55929, 56585, 57292, 57569, 60470 и др.

[2]) П. С. З. №№ 37289, 38869, 39252, 40429, 42212, 42306, 47275, 46193, 46039, 46552, 47372, 47537, 47550, 48477, 48516, 48697, 48783, 48811, 39740, 51127, 51202, 51979, 52247, 54460, 54727, 54957, 55154 58473 и др.

[3]) № 44071.

нія желѣзныхъ дорогъ возложено исполнять: а) обязанности наружной полиціи и наблюдательныя [1]), б) предписанія минист. путей сообщенія и в) приказанія ж.-д. инспекціи. Затѣмъ, начиная съ 1869 г., слѣдуетъ постоянное увеличеніе штата ж.-д. жандармскихъ полицейскихъ управленій [2]). Кромѣ того, на нѣкоторыхъ ж.-д. станціяхъ учреждены были особые чины общей (не жандармской) полиціи,—полицейскіе надзиратели [3]), а въ 1881 г., 13-го мая, учреждена была должность полицейскаго инспектора ж. д. для обезпеченія порядка и безопасности на желѣзн. дорог. на случай Высочайшихъ путешествій [4]).

Относительно общей жандармеріи первое узаконеніе прошлаго царствованія касается учрежденія въ 1863 г. жандармской полиціи въ западныхъ губерніяхъ: Минской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Витебской и Могилевской; а затѣмъ, послѣ опредѣленія въ 1865 г. порядка комплектованія жандармовъ, въ 1867 г. 9 сент. издано было Положеніе о корпусѣ жандармовъ. [5]). На основаніи этого Положенія весь корпусъ жандармовъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) главное управленіе, 2) окружныя управленія—Варшавское, Кавказкое Сибирское, 3) губернскія жандармскія управленія, 4) уѣздныя жандармскія управленія въ Варшавскомъ округѣ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, 5) дивизіоны—С.-Петербургскій и Московскій, 6) тринадцать конныхъ командъ въ различныхъ городахъ, 7) жандармскія полицейскія управленія

---

[1]) Т. е. обязанности тайной полиціи.

[2]) №№ 47371, 47420, 47512, 48351, 48625, 48906, 40986, 49810, 49963, 50065, 50066, 50164, 50833, 52600, 53748, 54841, 54977, 55014, 55147, 55905, 56271, 56529, 56548, 56648, 56664, 57927, 59142, 57741, 57650, 59297, 57831, 59518, 59624, 58222, 56886, 58439, 59142, 59297, 59518, 59624; С. уз. 1880 г., № 208, 297, 331, 333, 467, 469; 1881 г., № 647; 1883 г., №№ 613, 181.

[3]) №№ 57167, 59542. Кромѣ того учреждались должности пол. урядниковъ на ст. ж. дорогъ.

[4]) С. уз. № 442.

[5]) Н. С. З. №№ 40321, 42473, 44956.

жел. дорогъ и 8) наблюдательный составъ. Всѣ управленія и части находятся въ исключительномъ вѣдѣніи шефа: по строевой части—чрезъ начальника штаба корпуса жандармовъ, а по наблюдательной—чрезъ III отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. Въ военно-судномъ отношеніи шефъ пользуется правами и властью командующихъ войсками въ военныхъ округахъ. Состоящій при шефѣ начальникъ штаба пользуется властью такихъ же начальниковъ въ военныхъ округахъ. Губернскія жандармскія управленія завѣдуются губернскими жандармскими начальниками, избираемыми шефомъ; они пользуются правами полковыхъ командировъ. Уѣздныя жандармскія управленія находятся подъ наблюденіемъ управленій губернскихъ. Тѣ и другія управленія несутъ главнымъ образомъ обязанности *наблюдательныя*; по приглашенію мѣстныхъ властей, они принимаютъ участіе въ возстановленіи нарушеннаго спокойствія; по собственной же инициативѣ они возстановляютъ нарушенное спокойствіе и вообще выполняютъ обязанности полиціи, за отсутствіемъ послѣдней. Жандармскіе команды и дивизіоны употребляются; а) при приведеніи въ исполненіе правительственныхъ распоряженій и судебныхъ приговоровъ, въ случаѣ надобности; б) при преслѣдованіи разбойниковъ и разсѣяніи запрещенныхъ скопищъ; в) при усмиреніи буйства и возстановленіи нарушеннаго порядка; г) при поимкѣ и преслѣдованіи лицъ съ запрещенными тайно провозимыми товарами; д) для препровожденія важныхъ преступниковъ; е) для сохраненія порядка на парадахъ войскъ, народныхъ гуляньяхъ, разныхъ публичныхъ съѣздахъ, ярмаркахъ, похоронахъ и пр.

Бо́льшая часть послѣдующихъ узаконеній имѣла цѣлью увеличеніе штата жандармскихъ управленій и производство нѣкоторыхъ измѣненій въ управленіи корпусомъ жандармовъ. Увеличеніе штата, начавшееся съ 1867 г., дѣлало необыкновенные успѣхи и по этому предмету издано было чрезвычай-

но много постановленій [1]), тогда какъ, наоборотъ, только по исключенію встрѣчаются отдѣльныя постановленія, касающіяся упраздненія какихъ либо жандармскихъ учрежденій [2]). Въ 1870 г. послѣдовало преобразованіе Кавказскаго жандармскаго округа такимъ образомъ, что окружное управленіе упразднено, а дѣла его перешли къ центральному жандармскому управленію въ Имперіи; кавказскіе жандармы поставлены въ тѣ же служебныя отношенія къ мѣстной администраціи, какъ и во всей имперіи; штатъ корпуса жандармовъ увеличенъ [3]). Въ томъ же году чины наблюдательнаго состава корпуса жандармовъ переименованы въ дополнительный штатъ губ. жандармскихъ управленій, а въ слѣдующемъ году учреждены должности товарища шефа жандармовъ и главнаго начальника III отдѣленіи [4]).

Въ 1873 г. послѣдовало измѣненіе нѣкоторыхъ статей Положенія о корпусѣ жандармовъ: должность помощника начальника штаба упразднена и обязанности его возложены на начальника штаба; о товарищѣ шефа жандармовъ постановлено, что онъ назначается Императоромъ и на обязанности его лежитъ инспектированіе всѣхъ частей жандармскаго управленія по порученію шефа [5]). Но чрезъ 2 года дѣлается опять но-

---

[1]) 48062, 49249, 49669, 50091, 50606, 50833, 51363, 51964, 52929 52761, 53222, 55444, 55589, 57378, 57683, 58763, 58867, 59186, 59700, 59783, 59867, С. уз. 1881 г., № 434; 1883 г., №№ 613, 213. Усиленіе жандармской полиціи доходило до того, что, напр., для нѣкоторыхъ мѣстностей изданы были дополнительные штаты къ дополнительнымъ (49249, 51904 и др.).

[2]) Въ 1869 г. упразднены уѣздныя жанд. управленія въ Сѣв. Зап. Краѣ (46800); въ 1874 г. упразднены были жандармскія команды въ Омскѣ и Иркутскѣ (53367), а позднѣе еще въ нѣкоторыхъ городахъ (55450, 56205, 56549); въ 1875 г. послѣдовало сокращеніе дополнительнаго штата губ. жандармскихъ управленій (54516, 55265).

[3]) № 48608. Въ 1880 г. сформировано было Кубанское областное жанд. управленіе и къ штату губ. жанд. управленій на Кавказѣ добавлены переводчики (637). Оклады жанд. Кавказскихъ губерній усилены (51284).

[4]) №№ 48666, 49748.

[5]) № 52475.

вое измѣненіе въ томъ же Положеніи: учреждена новая должность помощника начальника штаба, одновременно съ упраздненіемъ должностей одного старшаго адъютанта штаба и начальника архива, причемъ корпусу жандармовъ присвоено наименованіе отдѣльнаго корпуса; въ слѣдующемъ же году упразднены должности помощниковъ секретарей въ канцеляріи шефа жандармовъ и при начальникѣ III отдѣленія [1]). Въ 1876 г., по случаю войны, сформированы кадровыя жандармскія команды при войскахъ для исполненія полицейскихъ обязанностей [2]).

Вскорѣ послѣ учрежденія Верховной распорядительной коммиссіи, въ 1880 г. главному начальнику ея временно подчинено было III отдѣленіе, а затѣмъ то же сдѣлано было и относительно отдѣльнаго корпуса жандармовъ [3]). Но въ томъ же году, послѣ закрытія коммиссіи, прекратилось независимое, самостоятельное существованіе III отдѣленія и дѣла его переданы министерству внут. дѣлъ, въ которомъ два полицейскихъ департамента соединены были въ одно учрежденіе—департаментъ государственой полиціи, входящій въ составъ того же министерства [4]). Въ 1881 г. учреждено жандармское управленіе въ г. С.-Петербургѣ, но черезъ 2 года управленіе это упразднили, съ передачей дѣлъ въ управленіе губернское [5]). Затѣмъ въ 1882 и 1883 гг. издано было три узаконенія, которыми завершилась реформа III отдѣленія. По закону 25 іюня 1882 г. права и обязанности по управленію корпусомъ жандармовъ распредѣлены между министромъ внут. дѣлъ, какъ шефомъ этого корпуса, и однимъ изъ товарищей его, какъ командиромъ того же корпуса, такимъ образомъ: 1) министръ есть главноначальствующій надъ всѣми

---

1) №№ 54255, 56163.
2) №№ 56331, 56342, 56699, 56854.
3) № 157.
4) №№ 603, 802.
5) С. уз. 1881 г., № 537; 1883 г., № 701.

управленіями и частями корпуса, за исключеніямъ жандармскихъ кадровыхъ командъ при военныхъ округахъ; 2) ему принадлежитъ высшее руководство дѣятельностью чиновъ корпуса по обнаруженію и изслѣдованію преступленій; 3) одинъ изъ товарищей министра, будучи кормандиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, пользуется правами и властью, присвоенными командующимъ войсками военныхъ округовъ; 4) отъ командира зависятъ назначенія на должности жандармскихъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, кромѣ дивизіонныхъ командировъ; 5) отъ него же зависятъ перемѣщенія и 6) лица, состоящія на основаніи штата главнаго управленія корпуса жандармовъ въ различныхъ должностяхъ при шефѣ, перечисляются въ тѣ же должности при командирѣ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Въ томъ же году, 16 іюля, дана инструкція товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующему государственной полиціей и состоящему командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. По этой инструкціи: 1) департаментъ государственной полиціи и с.-петербургскій оберъ-полицеймейстеръ состоятъ въ непосредственномъ подчиненіи товарища министра, завѣдующаго государственной полиціей; 2) ему же, какъ отвѣтственному распорядителю всѣхъ учрежденій, призванныхъ къ предупрежденію и пресѣченію государственныхъ преступленій, подчиняются въ этомъ отношеніи прочіе оберъ-полицеймейстеры, равно какъ, по тому же предмету, ему принадлежитъ руководство дѣятельностью губернаторовъ и градоначальниковъ; 3) по управленію департаментомъ, завѣдующій государственной полиціей разрѣшаетъ собственною властью всѣ вопросы, разрѣшаемые по учрежденію министерствъ властью министра [1]); 4) товарищъ министра, за-

---

[1]) Изъятіе изъ этого правила сдѣлано для вопросовъ личнаго состава, предметовъ, подлежащихъ направленію въ законодательномъ порядкѣ, и расходованія суммъ, находящихся въ личномъ распоряженіи шефа жандармовъ; суммы эти остаются въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ.

вѣдующій госуд. полиціей, предсѣдательствуетъ въ особомъ совѣщаніи, образованномъ на основаніи ст. 34 положенія о госуд. охранѣ [1]), и разрѣшаетъ всѣ вопросы, возникающіе при осуществленіи гласнаго полицейскаго надзора, устанавливаемаго въ порядкѣ ст. 1 положенія объ этомъ надзорѣ [2]); 5) онъ же есть распорядитель всѣхъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству внутреннихъ дѣлъ по управленію полиціей; 6) онъ даетъ заключенія по существу поступающихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ производствъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ право это существующими узаконеніями предоставлено министру внут. дѣлъ и шефу жандармовъ; 7) ему принадлежитъ высшій надзоръ за всѣми мѣстами заключенія, предназначенными для содержанія подъ стражей государственныхъ преступниковъ и лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, и 8) по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ его рѣшенію, онъ сносится со всѣми правительственными мѣстами и лицами непосредственно. Въ 1883 г., 18 февраля, судебный отдѣлъ, состоявшій при министерствѣ вн. дѣлъ, включенъ въ составъ департамента государственной полиціи; происхожденіе же этого отдѣла было слѣдующее: при упраздненіи III отдѣленія, юрисконсультскія части, состоявшія при шефѣ жандармовъ, были также упразднены, дѣла же, вѣдавшіяся ими, переданы вновь организованному при министерствѣ внутр. дѣлъ особому судебному отдѣлу, т. е. оставалось еще нѣкоторое обособленіе тайно-полицейскихъ дѣлъ

---

[1]) Въ этой статьѣ сказано, что представленія подлежащихъ мѣстъ о высылкѣ частныхъ лицъ разсматриваются въ особомъ совѣщаніи, образуемомъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ товарищей министра, изъ четырехъ членовъ—двухъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ и двухъ отъ министра юстиціи. Постановленія этого совѣщанія представляются на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Положеніе о полицейскомъ надзорѣ издано было 12-го марта 1882 г. Подробный разборъ этого положенія см. въ „Юрид. Вѣстн.“ за 1882 г. № 12.

отъ общей полиціи, при чемъ дѣла эти вѣдались какъ бы особымъ учрежденіемъ.

Чтобы правильно оцѣнить значеніе этой реформы, необходимо выяснить различіе между, такъ называемой, сыскною и тайною полиціями вообще, опредѣлить ихъ соотношеніе и указать на условія, которыми должно быть обставлено существованіе этихъ учрежденій въ общемъ строѣ полиціи. Сыскная полиція имѣетъ обязанностію раскрытіе (розыскъ) всѣхъ вообще преступленій, тогда какъ тайная полиція занимается только розыскомъ преступленій политическихъ. Черта общая обѣимъ этимъ полиціямъ заключается въ томъ, что, въ отличіе отъ явной полиціи, онѣ производятъ свой розыскъ тайно, въ качествѣ тайныхъ агентовъ общей полиціи [1]). Говоря о сыской полиціи вообще, нельзя, на основаніи данныхъ опыта, не признать необходимости ея для болѣе успѣшной дѣятельности общей полиціи въ дѣлѣ предупрежденія, пресѣченія и обнаруженія преступленій, а потому учрежденіе это существуетъ во всѣхъ государствахъ; но въ Россіи она не имѣетъ значенія общегосударственнаго учрежденія, такъ какъ эта полиція существуетъ пока только въ столицахъ и въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Тайная полиція, какъ спеціальная сыскная полиція, вѣдающая только политическія преступленія, имѣла и имѣетъ вездѣ, гдѣ она существуетъ, двѣ темныя стороны: она преслѣдуетъ не только политическія преступленія, но и политическія убѣжденія, посвящая нерѣдко послѣдней дѣятельности наибо́льшую сумму энергіи, и, кромѣ того, нерѣдко не признавая никакихъ законныхъ границъ для своей дѣятельности, она вторгается въ сферу индивидуальной свободы при такихъ условіяхъ и въ такой формѣ, что отнимаетъ у

---

[1]) Органы сыскной полиціи отнюдь не должны пользоваться принудительною властью,—напр. правомъ на личное задержаніе и т. п., ограничаясь исключительно только *тайнымъ* розыскомъ, а когда нужно прибѣгнуть къ принужденію, они обращаются за содѣйствіемъ къ полиціи явной.

единичныхъ лицъ всѣ средства къ защитѣ противъ насилія и произвола. Понятно, какъ первое есть слѣдствіе неправильнаго пониманія значенія и задачи такой полиціи, такъ второе есть результатъ отсутствія права тайной полиціи, которое установило бы закономѣрную границу для дѣятельности этой полиціи. Эта полиція, въ отличіе отъ сыскной, разсматриваемой какъ постоянное учрежденіе, должна имѣть значеніе чрезвычайной мѣры безопасности, временно установляемой, въ виду чрезвычайныхъ же обстоятельствъ. Существованіе тайной полиціи, какъ постояннаго учрежденія, вѣдающаго исключительно только политическія преступленія, въ особенности вредно по тому, что держитъ общество въ постоянно напряженномъ состояніи, вызываемомъ страхомъ неправильныхъ доносовъ и т. п., вслѣдствіе чего полиція эта дѣлается ненавистною и не только не встрѣчаетъ содѣйствія со стороны общества, но ей приходится постоянно преодолѣвать болѣе или менѣе скрытое противодѣйствіе. Между тѣмъ какъ тайная полиція, въ качествѣ спеціальной сыскной полиціи, временно учреждаемой, является нерѣдко мѣрой безопасности вполнѣ цѣлесообразною, потому что политическія преступленія представляютъ такія рѣзкія особенности по мотивамъ, формѣ, существу и по свойствамъ лицъ, совершающихъ ихъ, что порученіе раскрытія этихъ преступленій общимъ агентамъ сыскной полиціи можетъ быть нецѣлесообразнымъ [1]). Такое значеніе имѣетъ, напр., тайная полиція въ Англіи, временно учрежденная въ 1883 г., въ виду участившихся политическихъ преступленій. Наконецъ, тайная полиція, какъ и сыскная, ни въ какомъ случаѣ не должна составлять самостоятельнаго учрежденія, независимаго отъ администраціи и общей полиціи,

---

[1]) Вообще агенты тайной полиціи должны удовлетворять нѣкоторымъ добавочнымъ требованіямъ сравнительно съ агентами сыскной полиціи.

составляя только часть послѣдней,—временный и спеціальный органъ ея.

Оцѣнивая реформу тайной полиціи, входящей въ составъ жандармеріи, съ точки зрѣнія этихъ основныхъ началъ, мы видимъ, что реформа ограничилась пока только отнятіемъ у этой полиціи принадлежавшаго ей совершенно обособленнаго, независимаго положенія, такъ что она являлась вполнѣ самостоятельнымъ учрежденіемъ, не только не подчиненнымъ администраціи и общей полиціи, но стоявшимъ даже выше ихъ. Слѣдовательно, реформа ограничилась пока только объединеніемъ полиціи, сыскная же полиція до сихъ поръ не имѣетъ значенія учрежденія общегосударственнаго [1]), тогда какъ тайная полиція, имѣя это значеніе, является еще и учрежденіемъ постояннымъ.

Остальная категорія постановленій относительно жандармеріи касалась расширенія компетенціи и усиленія власти ея, причемъ какъ бы заключительное слово по этому предмету принадлежитъ Положенію объ охранѣ отъ 14 августа 1881 г. Первымъ такимъ узаконеніемъ являются правила 19-го мая 1871 г. о порядкѣ дѣйствія чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій [2]). По этимъ правиламъ: 1) учрежденная въ 1862 г. слѣдственная коммиссія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ упразднена; 2) жандармскіе чины производятъ дознанія по политическимъ преступленіямъ; 3) полиція обязана немедленно сообщать не только прокурорскому надзору, но еще и жандармскому начальству о всѣхъ преступленіяхъ, имѣющихъ малѣйшіе признаки преступленій государственныхъ; 4) жандармерія имѣетъ право принять всѣ мѣры, если это окажется нужнымъ, чтобы пре-

---

[1]) Результатомъ этого, какъ мы укажемъ ниже, является отсутствіе у насъ организованной розыскной части.

[2]) П. С. З. № 49615.

дупредить уничтоженіе слѣдовъ преступленія и пресѣчь подозрѣваемому способъ уклониться отъ слѣдствія и суда; 5) лицамъ, производящимъ дознанія о госуд. преступленіяхъ, губернаторы и вообще всѣ присутственныя мѣста и должностныя лица оказываютъ содѣйствіе, полиція же исполняетъ всѣ законныя требованія; 6) лица, производящія дознанія, имѣютъ право дѣлать осмотры, освидѣтельствованія, обыски и выемки; 7) всякое дознаніе о политическихъ преступленіяхъ представляется министру юстиціи, который, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ, дѣлаетъ надлежащее распоряженіе. Какъ бы въ дополненіе къ этому, изданъ законъ 7 іюня 1872 г. о судѣ надъ государствен. преступниками и о производствѣ дознаній по порядку, опредѣленному въ зак. 1871 г. 19 мая; законъ 16 іюня 1880 года распространилъ тѣ-же правила 19 мая на мѣстности Восточной и Западной Сибири, а также на области Уральскую и Тургайскую; жандармеріи предоставлено во всякое время посѣщать фабрики и заводы [1]); въ 1878 г. 30 октября закономъ опредѣлено право жандармеріи на осмотръ и выемку корреспонденціи частныхъ лицъ [2]). Въ 1878 г. послѣдовало узаконеніе о томъ, что чины отдѣльнаго корпуса жандармовъ, при встрѣчѣ ими вооруженнаго сопротивленія, во время исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, признаются за военный караулъ [3]).

Постановленія о жандармеріи, какъ военной полиціи, восполняются постановленіями о дѣйствіи военной силы по призыву полиціи и администраціи. Уже въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 25 марта 1859 г. выяснено было, что при разработкѣ проэкта наказа полиціи слѣдовало различать въ опредѣленіи обязанностей уѣзднаго исправника дѣятельность его

---

[1]) П. С. З. №№ 50956, 56066, 58777; С. уз. 1880 г. № 636.
[2]) П. С. З. № 58967.
[3]) № 58222.

въ обыкновенное время и въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Во второмъ отношеніи слѣдовало, пересмотрѣвъ до того времени существовавшіе законы о чрезвычайныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ въ случаяхъ нарушенія общественнаго порядка, точно опредѣлить случаи, когда уѣздная полицейская власть должна была пользоваться чрезвычайными правами и полномочіями, и въ чемъ именно они будутъ состоять. Кромѣ того, слѣдовало предоставить право губернаторамъ командировать чиновниковъ съ особенными полномочіями въ случаяхъ нарушенія общественнаго спокойствія, донося о томъ министру внутреннихъ дѣлъ; въ извѣстныхъ же случаяхъ губернаторъ могъ дѣйствовать именемъ Императора. Первый наиболѣе полный законъ, изданный во исполненіе вышеуказанныхъ предначертаній, относится къ 4-му сентября 1861 г. и носитъ названіе наставленія военнымъ начальникамъ въ случаяхъ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ [1]). Въ силу этого закона, всѣ войска, по требованію начальниковъ губерній и уѣздовъ [2]), принимаютъ участіе въ подавленіи безпорядковъ. Воинскіе начальники только выполняютъ требованія полиціи; согласно съ этимъ, оружіе можетъ быть употреблено въ дѣйствіе только по требованію полиціи и не иначе какъ послѣ троекратнаго предупрежденія толпы чиновникомъ полиціи, что „оружіе будетъ употреблено въ дѣйствіе“. Воинскіе начальники сами распоряжаются всѣми дѣйствіями только тогда, когда городничій или исправникъ бу-

---

[1]) № 37389. Въ томъ же году во временномъ наказѣ полиціи говорится о правѣ городничихъ и исправниковъ призывать войска и здѣсь же указываются правила о предупрежденіи бунтовщиковъ относительно того, что будетъ употреблено въ дѣйствіе оружіе (37348).

[2]) Позднѣе, 22 іюля 1866 года, сдѣлано было какъ бы дополнительное разъясненіе объ обязанностяхъ исправниковъ въ случаѣ волненій и безпорядковъ: а) они должны немедленно доносить о нихъ губернаторамъ и б) въ крайнихъ случаяхъ могутъ самостоятельно принимать чрезвычайныя мѣры, донося о томъ губернатору.

дуть въ плѣну. Безъ указанія полиціи и троекратнаго предупрежденія оружіе можетъ быть употреблено въ дѣйствіе только тогда, когда бунтовщики нападаютъ на войско, когда, вслѣдствіе насилія со стороны бунтующихъ, кому либо угрожаетъ опасность лишиться жизни. Войска, находящіяся въ караулѣ, обходахъ, патруляхъ тогда только употребляютъ оружіе въ дѣйствіе, когда оказывается сопротивленіе съ угрозой, когда сопротивляются отдать оружіе, когда дѣлаютъ покушеніе къ захвату оружія.

Нѣкоторою неполнотою этого постановленія о дѣйствіи военной силы вызвана была необходимость въ изданіи въ 1877 г., 3-го октября, новаго закона о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ [1]). По этому закону войска призываются въ слѣдующихъ случаяхъ: I а) при церковныхъ торжествахъ, ярмаркахъ, торгахъ, народныхъ гуляньяхъ; б) для сопровожденія казеннаго имущества; в) при народныхъ бѣдствіяхъ: пожарахъ, наводненіяхъ; г) для сопровожденія арестантовъ; д) для поимки ушедшихъ арестантовъ, дезертировъ; е) для поимки зажигателей, разбойниковъ, грабителей, которые могутъ оказать вооруженное сопротивленіе; II) при преслѣдованіи партій контрабандистовъ вооруженныхъ и многочисленныхъ; III) въ случаяхъ, закономъ установленныхъ: а) для карауловъ; б) для присутствованія при исполненіи судебныхъ приговоровъ; в) для содѣйствія судебнымъ властямъ. Право призыва войскъ принадлежитъ: ревизующимъ сенаторамъ, ген.-губернаторамъ, губернаторамъ, градоначальникамъ, исправникамъ и полицеймейстерамъ, предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ и судебнымъ слѣдователямъ. Требованіе войскъ должно быть письменное, съ указаніемъ на цѣль призыва. Призванными войсками распоряжается лично военный начальникъ, гражданскія же власти дѣлаютъ имъ только указанія.

---

[1]) № 57748.

При народныхъ безпорядкахъ опредѣленіе времени употребленія оружія въ дѣйствіе зависитъ отъ гражданскихъ властей, которыя непремѣнно обязаны предварить бушующую толпу, что, послѣ троекратнаго сигнала на трубѣ, или горнѣ, или барабанѣ, оружіе будетъ употреблено въ дѣйствіе. Безъ предваренія оружіе можетъ быть употреблено въ дѣйствіе только тогда: а) когда будетъ сдѣлано нападеніе на войско; б) когда нужно быстрымъ движеніемъ спасти жизнь лицъ, подвергающихся насилію. Военныя дѣйствія прекращаются, по усмотрѣнію военной власти, когда безпорядки будутъ прекращены. Съ этого времени охраненіе общественнаго порядка снова переходитъ исключительно къ мѣстнымъ гражданскимъ властямъ. Затѣмъ, какъ необходимое дополненіе къ этому, несомнѣнно, весьма обстоятельному закону, изданы были 10-го октября 1879 г. правила объ употребленіи оружія полицейскими жандармскими чинами [1]). По этимъ правиламъ оружіе можетъ быть употреблено въ дѣйствіе чинами полиціи и жандармеріи въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда на нихъ произведено вооруженное нападеніе; 2) когда нападеніе было не вооруженное, но совершенное нѣсколькими лицами и другаго способа отразить это нападеніе не было; 3) для обороны другихъ лицъ отъ нападенія; 4) при задержаніи преступниковъ, когда они будутъ препятствовать этому насильственными дѣйствіями, или когда невозможно будетъ преслѣдовать или настигнуть убѣгающихъ; 5) при побѣгѣ арестантовъ, когда нельзя настигнуть ихъ или когда они оказываютъ сопротивленіе насильственными дѣйствіями. Объ употребленіи въ дѣло оружія должно быть немедленно доложено ближайшему начальству. Въ случаяхъ призыва полицейскихъ и жандармскихъ командъ, для возстановленія порядка, должны быть соблюдаемы слѣдующія правила: 1) время, когда слѣдуетъ при-

---

[1]) № 60066.

ступить къ дѣйствію оружіемъ, опредѣляетъ полицейское начальство, распоряжающееся на мѣстѣ безпорядковъ; 2) къ дѣйствію оружіемъ можно приступить только послѣ троекратнаго предупрежденія объ этомъ; 3) безъ предваренія бушующей толпы можно употребить оружіе въ дѣло только тогда, когда надо отразить произведенное нападеніе, или когда надо спасти жизнь лицъ, подвергшихся насилію со стороны бунтовщиковъ. Смертоубійства, совершенныя при дѣйствіи оружіемъ полиціей, жандармеріей и военной силой, не вмѣняются въ вину [1]).

Здѣсь мы встрѣчаемся съ восполненіемъ въ нашемъ законодательствѣ существеннаго пробѣла, заключавшагося въ недостаточности дореформенныхъ постановленій о правѣ вооруженнаго принужденія со стороны полиціи. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что самая необходимость восполненія этого пробѣла вызвана была, главнѣйшимъ образомъ, существеннымъ измѣненіемъ въ вооруженіи полиціи, въ составъ котораго вошли, между прочимъ, взамѣнъ дореформенныхъ алебардъ будочниковъ, револьверы, т. е. оружіе, несомнѣнно, гораздо болѣе опасное и смертоносное, чѣмъ забавныя и безвредныя алебарды. Лучшею общею полиціей считается вообще полиція не вооруженная, но разъ она вооружена съ головы до ногъ не только холоднымъ, но и огнестрѣльнымъ оружіемъ, то употребленіе въ дѣйствіе этого оружія должно быть тотчасъ же нормировано закономъ, а потому законъ 1879 г. нельзя не назвать закóномъ нѣсколько запоздалымъ, имѣя въ виду, что новое оружіе дано было въ 1859 г. [2]).

Соотношеніе между полиціей и юстиціей. Къ опредѣленію соотношенія между полиціей и юстиціей на новыхъ основаніяхъ, согласно съ Высочайше утвержденными началами,

---

[1]) № 60317.

[2]) №№ 34304, 43682 и др.

приступлено было 18 іюня 1860 г., когда установлена была должность судебныхъ слѣдователей и изданы были наказъ имъ и наказъ полиціи о производствѣ дознаній по происшествіямъ, могущимъ заключать въ себѣ преступленіе или проступокъ [1]). Учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей полиція устранена была отъ производства слѣдствій по преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ уголовныхъ мѣстъ, и за нею оставлено только производство дознаній; дознаніе же должно заключаться съ собраніи свѣдѣній, необходимыхъ для удостовѣренія въ томъ, что происшествіе дѣйствительно было и что оно соединено съ преступленіемъ или проступкомъ. Въ порядкѣ производства осмотровъ, обысковъ, выемокъ, отобранія показаній, а также въ порядкѣ сохраненія вещественныхъ доказательствъ, полиція обязана была руководствоваться правилами наказа судебнымъ слѣдователямъ. Затѣмъ, въ Судебныхъ Уставахъ 20-го ноября 1864 г. подтверждено было отдѣленіе слѣдственной части отъ полиціи.

Однако, какъ въ первоначальномъ законѣ это новое начало, опредѣлявшее соотношеніе между полиціей и юстиціей, не было выдержано во всей своей послѣдовательности, такъ въ послѣдующихъ узаконеніяхъ оно совершало не поступательное, а какъ бы попятное движеніе, поставившее, наконецъ, всю слѣдственную часть въ такое положеніе, которое никоимъ образомъ не можетъ быть признано нормальнымъ, какъ это видно, напр., изъ статистическихъ данныхъ относительно прекращаемыхъ или возвращаемыхъ слѣдствій и оправдательныхъ приговоровъ: въ огромномъ числѣ случаевъ слѣдственныя производства оказываются или совершенно безрезультатными или до крайности неполными и несовершенными [2]); независимо

---

[1]) №№ 35890, 1, 2, 41473, 41475, 41478, 42233, 44455, 48333 и др,

[2]) Изъ статистическихъ данныхъ о слѣдственныхъ производствахъ въ 1875, 1876 и 1877 годахъ оказывается, что изъ всей суммы слѣдствій въ среднемъ вы-

отъ того, что самый принципъ отдѣленія слѣдственной части отъ полиціи, установленный закономъ, былъ затѣмъ существеннѣйшимъ образомъ поколебленъ закономъ же.

Во первыхъ, порядокъ производства полиціей дознаній и слѣдственныхъ дѣйствій былъ опредѣленъ на столько неясно и неполно, что, несмотря на послѣдующія указанія по тому же предмету въ Судебныхъ Уставахъ, опредѣленіемъ Правительствующаго Сената по общему собранію 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ, отъ 25 мая 1871 г., прокурорамъ судебныхъ палатъ *предоставлено было* давать чинамъ полиціи общія и циркулярныя разъясненія порядка производства дознаній и слѣдственныхъ дѣйствій. Однако, по прошествіи 10 лѣтъ, 31 января 1881 года, министръ юстиціи вынужденъ былъ *вмѣнить въ обязанность* прокурорамъ палатъ составить инструкціи полицейскимъ чинамъ по обнаруженію и преслѣдованію преступленій, такъ какъ въ большей части округовъ судебныхъ палатъ все еще не было такихъ инструкцій; теперь же, когда онѣ есть, отнюдь нельзя сказать, чтобы единство началъ и ясное, единообразное разграниченіе розыска, дознанія и слѣдствія были ихъ общими качествами [1]). Между тѣмъ неусвоеніе полиціей своихъ правъ и обязанностей и какъ бы враждебныя отношенія, установившіяся между полиціей и представителями судебной власти, нерѣдко доходятъ до того, что становые приставы и исправники ставятъ себѣ въ за-

---

водѣ только 25% доходило до суда, а остальныя или прекращались, или оставлялись безъ послѣдствій, или возвращались для дослѣдованія и т. п. По доведеннымъ до суда дѣламъ выносилось послѣднимъ до 40% оправдательныхъ приговоровъ. Въ 1876 году дѣлъ о преступленіяхъ противъ женской чести дошло только 13% и изъ этого числа болѣе половины обвинявшихся было оправдано. Въ 1879 году 11% изъ оконченныхъ слѣдственныхъ производствъ было возвращено для дослѣдованія. См. Своды статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ. Изд. министерства юстиціи, Спб. 1880—1884 годовъ.

[1]) См., напр., разборъ инструкціи прокурора Казанской судебной палаты С. С. Гончарова, Казань, 1880 г.; въ „Юр. Вѣстн.“ за 1880 г. № 10.

слугу неисполненіе требованій слѣдователя. Во вторыхъ, въ самомъ учрежденіи должности судебныхъ слѣдователей допущено было смѣшеніе въ одномъ и томъ же лицѣ полицейскихъ и судейскихъ функцій, при позднѣйшемъ смѣшеніи, въ Судебныхъ Уставахъ, также и понятій о дознаніи и предварительномъ слѣдствіи [1]). Въ третьихъ, правильно организованнаго полицейскаго розыска не было установлено, такъ что тамъ, гдѣ не возникли впослѣдствіи особыя сыскныя полиціи, розыскъ или совсѣмъ не имѣетъ мѣста [2]), или же онъ совершается добровольно самими судебными слѣдователями, превращающимися такимъ образомъ въ органы полиціи, отъ которой они должны были бы получать готовые результаты розыска. Въ четвертыхъ, допущены были многочисленныя отступленія отъ того начала, что производство дознаній лежитъ на полиціи, какъ, напр., въ преступленіяхъ по должности, при нарушеніи казеннаго интереса и т. п. [3]), такъ что, въ сущности, кругъ лицъ, производящихъ дознанія, значительно расширился, а не съузился, при чемъ въ дѣлѣ этомъ начали принимать участіе такія лица, которыя ни по служебному положенію своему, ни по спеціальности своей, ни по характеру присвоенной имъ власти никоимъ образомъ для этого не пригодны. Наконецъ, въ пятыхъ, и это самое главное, допущены были многочисленныя отступленія отъ того основнаго начала, въ которомъ и заключалось все существо реформы, что слѣдственная часть отходитъ отъ полиціи и передается осо-

---

[1]) См. объ этомъ *Н. Селиванова* — Судебно-полицейскій розыскъ у насъ въ Россіи, въ „Юр. Вѣстн.“ 1884 г. №№ 2 и 7. *Обгинскій* — Спорныя границы дознанія и предварит. слѣдствія, въ „Юрид. Вѣстн.“ 1883 г. № 3. *Ср. Квачевскій*—Объ уг. слѣдствіи, суд. слѣдов. и полиціи до реформы, Ж. М. Ю. 1863 г. №№ 1, 2, 3.

[2]) Исключеніе составляютъ, какъ указано выше, государственныя преступленія.

[3]) См. кн. 3-ю устава уг. суд. въ издан. Суд. Уставовъ Государственной канцеляріи, Спб. 1866.

бымъ, независимымъ органамъ юстиціи,—судебнымъ слѣдователямъ (слѣдственнымъ судьямъ), при чемъ отступленія эти допущены были уже въ самихъ Судебныхъ Уставахъ [1]), впослѣдствіи же они приняли тѣ грозные размѣры, которые нашли себѣ частью какъ бы сводную формулировку въ положеніи объ охранѣ отъ 14-го августа 1881 г.

Первое, послѣ Судебныхъ Уставовъ, серьезнѣйшее отступленіе отъ начала устраненія полиціи отъ производства слѣдствій, порученныхъ судебнымъ слѣдователямъ, сдѣлано было въ законѣ 19-го мая 1871 года [2]), на который мы ссылались уже выше, говоря о жандармской полиціи, и который явился результатомъ совмѣстной подготовительной дѣятельности министра юстиціи графа Палена и шефа жандармовъ графа Шувалова. Закономъ этимъ на жандармерію возлагалось производство *дознаній* по политическимъ преступленіямъ, при чемъ для производства этихъ дознаній ей указано руководствоваться правилами, установленными для предварительныхъ *слѣдствій*, т. е. въ данномъ случаѣ сдѣлана попытка къ отождествленію дознанія съ предварительнымъ слѣдствіемъ. Отождествленіе простирается такъ далеко, что законъ, вообще называющій лицъ, привлеченныхъ къ дознанію, подозрѣваемыми, а отобраніе показаній при дознаніи распросами, мѣстами, однако, употребляетъ въ вышеуказанномъ законѣ и

---

[1]) См. кн. 3-ю уст. уг. суд.

[2]) Впрочемъ раньше еще допущено было прокурорскимъ надзоромъ слѣдующее негласное отступленіе отъ того же начала; въ теченіи первыхъ 4, 5 лѣтъ послѣ реформы всѣ свѣдѣнія о госуд. преступленіяхъ, обнаруженныхъ полиціей, поступали непосредственно къ прокуратурѣ и повѣрялись ею посредствомъ дознаній, лично производимыхъ чинами прокурорскаго надзора. Прокуроръ палаты, получивъ такое дознаніе, или требовалъ назначенія по немъ предварительнаго слѣдствія, или представлялъ его министру юстиціи съ письменнымъ заключеніемъ о совершенномъ прекращеніи дѣла или же о принятіи какой либо мѣры административнаго взысканія. См. объ этомъ *Н.*—Судъ и госуд. преступленія, въ „Юр. Вѣстн.“ 1881 г. № 1. По дѣлу Каракозова въ 1866 г. слѣдствіе производилъ гр. *Муравьевъ* не на основаніи Суд. Уставовъ.

техническіе термины предварительнаго слѣдствія, называя подозрѣваемыхъ обвиняемыми, а распросы допросами; кромѣ того, дознаніе по окончаніи поступаетъ, подобно окончательному слѣдствію, на разсмотрѣніе прокуратуры. Лица, производящія эти дознанія, снабжены даже бо́льшими средствами, чѣмъ лица, производящія слѣдствія, такъ какъ, по закону 1871 года, они пользуются обязательнымъ содѣйствіемъ администраціи и всѣхъ вообще должностныхъ лицъ [1]). Какъ замѣчено было уже въ печати [2]), разница между этимъ дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ заключается лишь въ томъ, что „послѣднее производится лицомъ вполнѣ компетентнымъ, свѣдующимъ и опытнымъ юристомъ, безпристрастнымъ членомъ магистратуры, пользующимся полною независимостью судейскаго достоинства и въ то же время отвѣтственнымъ, а первое офицеромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, котораго образованіе, познанія, опытность, безпристрастіе, самостоятельность и отвѣственность не обставлены никакими законными гарантіями“. Результатомъ этого было слѣдущее: 1) стараніе открыть или, по крайней мѣрѣ, охватить и задѣть возможно бо́льшее количество антиправительственныхъ фактовъ и, слѣдовательно, обнаружить и привлечь возможно большее количество лицъ, прикосновенныхъ къ этимъ фактамъ; 2) при этомъ чрезвычайная легкость какъ привлеченія, такъ и лишенія свободы; 3) полное отсутствіе со стороны органовъ преслѣдованія общаго плана дѣйствій, ихъ единства и сколько нибудь основательнаго знакомства съ преслѣдуемымъ движеніемъ и его дѣятелями; но вмѣсмѣ съ тѣмъ, 4) пріурочиваніе всякаго дознанія къ законнымъ признакамъ опредѣленнаго государственнаго преступленія; 5) постепенное разви-

---

[1]) См. *Мордухай-Болтовскаго*—Сборникъ узаконеній для руководства чиновъ полиціи и корпуса жандармовъ, Спб. 1872.

[2]) См. статью—Судъ и госуд. преступленія, въ „Юр. Вѣстн.“ 1881 г. № 1-й, стр. 88 и 89.

тіе такой практики, по которой эти дознанія заключались административными мѣрами съ характеромъ уголовныхъ наказаній, какъ, напр., ссылкой въ Сибирь или отдаленныя губерніи Европейской Россіи, при чемъ такая ссылка называлась „высылкой", и 6) участіе прокуратуры въ проэктированіи этихъ мѣръ посредствомъ составленія заключеній о дальнѣйшемъ направленіи дознаній и тѣмъ отправленіе ею какой то ей вовсе несвойственной, несамостоятельной, полу-судейской функціи [1]). Однако, такого рода, несомнѣнно, отрицательные результаты не остановили законодательство отъ дальнѣйшаго движенія въ томъ же направленіи, причемъ слѣдственная власть полиціи развивалась экстензивно и интензивно: распространяясь на бо́льшую категорію дѣлъ и пользуясь бо́льшими полномочіями.

Закономъ отъ 7-го іюня 1872 г. [2]) подтверждаются правила 19 мая 1871 г., причемъ предварительныя слѣдствія на всемъ пространствѣ имперіи должны были производиться назначаемыми Высочайшею властью тремя членами судебныхъ палатъ, при личномъ присутствіи прокурора палаты или его товарища. Въ 1874 г., 4 іюня [3]), измѣнена была редакція ст. 250 и 318 ул. о нак. такимъ образомъ, что сгладилось существенное различіе, установленное уложеніемъ между политическимъ заговоромъ и противозаконнымъ обществомъ, что не осталось безъ косвеннаго и прямаго вліянія на слѣдственную компетенцію жандармеріи. Въ 1876 г. [4]) законъ 1871 г.

---

[1]) См. *Н.* — Судъ и госуд. преступленія, въ „Юр. Вѣстн.", гдѣ свидѣтельствуется, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ теченіи $5^1/_2$ лѣтъ (со дня изданія закона 1871 г.) въ вѣдомствѣ губернскихъ жандармскихъ управленій возникло множество дознаній, изъ которыхъ однако только 16 дѣлъ дошли до судебнаго разсмотрѣнія, и немного большее количество перешло въ предварительное слѣдствіе, испорченное дознаніемъ. Остальныя дознанія были разрѣшены въ адм. порядкѣ и адм. мѣрами. 1881 г. № 4-й, стр. 612, 613.

[2]) № 50956.

[3]) № 53606.

[4]) № 56060.

дополняется нѣкоторыми указаніями прокурору Варшавской судебной палаты, равно какъ въ томъ же году тотъ же законъ дополняется указаніемъ на участіе жандармеріи въ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей лицъ, привлеченныхъ по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ [1]). Два закона отъ 9 мая 1878 г. [2]) явились опять потвержденіемъ и отчасти дополненіемъ правилъ 1871 г., такъ какъ ими измѣняется порядокъ производства дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ, въ томъ числѣ—государственнымъ, и въ томъ же году, 9 августа [3]), повелѣно было „лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ, отъ правительства установленнымъ, или нападеніи на чиновъ войска, полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, какъ скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или поджоговъ, предавать военному суду для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени". Тогда же, закономъ 30 октября [4]), опредѣлены права жандармскихъ чиновъ на осмотръ и выемку частной корреспонденціи, каковымъ правомъ они пользуются съ дозволенія шефа, ко-

---

[1]) № 56602. Въ томъ же году постановлено, что прошенія польскихъ эмигрантовъ до передачи ихъ въ надлежащій судъ должны подлежать предварительно разслѣдованію въ особой коммиссіи изъ Варшавскаго ген.-губернатора и чиновъ жандармскаго управленія (56128).

[2]) №№ 58488, 58489.

[3]) № 58778.

[4]) № 58867; С. уз. 1880 г. № 641. Въ связи съ, такъ называемымъ, письменнымъ правомъ находится право неприкосновенности домашняго очага, въ защиту котораго въ уст. уг. суд. сдѣлано было нѣсколько цѣлесообразныхъ постановленій. Но въ самый же годъ изданія Судебныхъ Уставовъ въ Царствѣ Польскомъ гминнымъ войтамъ предоставлено было право проникать въ частныя жилища во всякое время (40610). Въ 1878 г. полиціи и жандармамъ предоставлено такое же право относительно фабрикъ и заводовъ, но на практикѣ право это распространились и на частныя жилища. Въ положеніи объ охранѣ эта практика получаетъ законодательную санкцію.

торый входитъ въ соглашеніе съ министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи [1]). Положеніе 9 августа получило дальнѣйшее и крайнее развитіе въ указѣ 5 апрѣля 1879 г., дополненномъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 8 апрѣля того же года [2]). Въ силу перваго закона генералъ-губернаторы пріобрѣли, между прочимъ, право предавать военному суду лицъ гражданскаго вѣдомства съ примѣненіемъ къ нимъ наказаній, установленныхъ для военнаго времени, независимо отъ случаевъ, перечисленныхъ въ указѣ 9 августа 1878 г. По второму закону: а) если преступленіе ясно само по себѣ, то генералъ-губернаторъ предаетъ суду безъ всякаго предварительнаго слѣдствія, на основаніи данныхъ, собранныхъ при дознаніи; б) военный прокуроръ, по полученіи предварительнаго слѣдствія или дознанія, обязанъ не позже слѣдующаго дня представить дѣло генералъ-губернатору съ своимъ заключеніемъ о дальнѣйшемъ направленіи его; в) по полученіи дѣла отъ генералъ-губернатора, военный прокуроръ въ теченіе сутокъ долженъ представить военному суду обвинительный актъ; г) свидѣтели могутъ въ судъ не вызываться по отдаленности ихъ пребыванія и въ такомъ случаѣ въ судѣ прочитываются только ихъ показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи или дознаніи [3]). Въ слѣдующемъ году, съ учрежденіемъ Верховной распорядительной коммиссіи, прямое вѣдѣніе и направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ поручено главному начальнику этой коммиссіи, вслѣдствіе

---

[1]) Если же дознаніе производится членомъ палаты, то выемку и осмотръ онъ дѣлаетъ безъ разрѣшенія окружнаго суда самъ или чрезъ жандармскихъ чиновъ или судебныхъ слѣдователей, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ требуется разрѣшеніе окружнаго суда.

[2]) №№ 59476, 59491.

[3]) Въ силу этихъ двухъ и прежнихъ законовъ, администрація, какъ мы увидимъ ниже, въ своихъ мѣрахъ репрессіи могла въ нѣкоторыхъ случаяхъ обходиться и обходилась безъ такихъ „дознаній—слѣдствій“ и безъ такого суда, дѣйствуя только по „благоусмотрѣнію“, которое распространялось отнюдь не на одни только государственныя преступленія.

чего дальнѣйшее движеніе всякаго дознанія зависѣло отъ того же начальника, который могъ направить дознаніе въ судъ, оставить его безъ послѣдствій или заключить его наложеніемъ административнаго взысканія. Съ упраздненіемъ верховной коммиссіи и передачей дѣлъ III Отдѣленія министерству внутреннихъ дѣлъ, руководство по всѣмъ дѣйствіямъ, включая сюда, разумѣется, и дознанія, для предупрежденія и пресѣченія государственныхъ преступленій сосредоточилось въ рукахъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго государственной полиціей, причемъ онъ даетъ заключенія по существу поступающихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ производствъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ во всѣхъ тѣхъ случахъ, въ которыхъ право это существующими узаконеніями предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ и шефу жандармовъ. Наконецъ, въ Положеніи объ охранѣ слѣдственная власть (со всѣми ея составными элементами) полиціи и администраціи опредѣлена слѣдующимъ образомъ. Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны: 1) отъ генералъ-губернаторовъ и отъ министра внутреннихъ дѣлъ зависитъ передавать на разсмотрѣніе военнаго суда отдѣльныя дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами, для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени; 2) тѣ же лица могутъ требовать отъ прокурорскаго надзора себѣ для просмотра, на срокъ не свыше двухъ недѣль, каждое отдѣльное слѣдственное производство или дознаніе, не переданное еще въ судебное установленіе; 3) мѣстнымъ начальникамъ полиціи, а также начальникамъ жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ предоставляется дѣлать распоряженія: а) о предварительномъ задержаніи, не долѣе однако двухъ недѣль, всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ обществамъ, и б) о производ-

ствѣ во всякое время обысковъ во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ, фабрикахъ, заводахъ и т. п., и о наложеніи ареста, впредь до распоряженія подлежащаго начальства, на всякаго рода имущество, указывающее на преступность дѣйствій или намѣреній заподозрѣннаго лица, и 4) вышеуказанный арестъ можетъ быть, по письменному распоряженію губернаторовъ или градоначальниковъ, продолженъ на срокъ до одного мѣсяца. Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной охраны, кромѣ всего вышеперечисленнаго, предоставляется еще главноначальствующимъ: налагать на срокъ объявленнаго положенія чрезвычайной охраны секвестръ на недвижимыя и арестъ на движимыя имущества и доходы съ нихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда путемъ распоряженія такими имуществами или доходами съ нихъ достигаются преступныя цѣли; или когда упущенія по управленію таковыми влекутъ за собою опасныя для общественнаго порядка послѣдствія. Въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ въ иключительномъ положеніи: 1) мѣстнымъ начальникамъ полиціи, а также начальникамъ жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ предоставляется подвергать лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ — предварительному аресту на срокъ не болѣе семи дней и производить у такихъ лицъ выемки, и 2) министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется, по соглашенію съ министромъ юстиціи, предавать военному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, за преступленія государственныя, а также за вооруженное сопротивленіе властямъ, отъ правительства установленнымъ, или за нападеніе на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія этихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нане-

сеніемъ ранъ и увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ. Наконецъ, во всѣхъ мѣстностяхъ, лица, предназначаемыя къ высылкѣ въ административномъ порядкѣ, могутъ быть подвергнуты предварительному аресту до разрѣшенія вопроса о высылкѣ, при обсужденіи котораго лицо, подлежащее высылкѣ, можетъ быть вызвано для личныхъ объясненій въ особое совѣщаніе, рѣшающее эти вопросы.

Слѣдственная часть, какъ она нормирована съ самаго начала закономъ 18 іюня 1860 г. и Судебными Уставами, заключала и заключаетъ въ себѣ много существенныхъ недостатковъ, на которые неоднократно указывала печать; послѣдующее же законодательство не устранило ни одного изъ этихъ недостатковъ, а сплошь, самымъ послѣдовательнымъ образомъ, какъ бы направлено было исключительно только къ тому, чтобы вернуться къ дореформенному началу, когда слѣдственная часть находилась въ рукахъ полиціи и администраціи и вообще производство слѣдствій не было обставлено условіями, обезпечивающими нелицепріятіе и объективную истину. Движеніе законодательства въ этомъ направленіи, находившее себѣ еще и стороннюю поддержку [1]), привело въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ его можно считать законченнымъ, не только къ возстановленію торжественно осужденнаго дореформеннаго начала, но еще и къ бо́льшему развитію его, такъ какъ нынѣшняя полиція и администрація, производящія слѣдствія, снабжены гораздо бо́льшею властью, которая, какъ мы укажемъ ниже, представляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже

---

[1]) Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ: а) попытку измѣнить положеніе судебныхъ слѣдователей повсемѣстной замѣной ихъ чиновниками министерства юстиціи; б) то положеніе, которое почти съ самаго начала заняла прокуратура въ отношеніи къ дознаніямъ по политическимъ преступленіямъ, и в) то положеніе, которое заняла прокуратура въ отношеніи къ производству слѣдствій вообще (см. „Юрид. Вѣстн.“ 1883 г. № 12). Прокуратура, какъ высшій органъ судебной полиціи, усилила собою полицію вообще, а участіе этой прокуратуры въ производствѣ слѣдствій громадно.

совмѣщеніе слѣдственныхъ и судебныхъ функцій въ однихъ и тѣхъ же органахъ, такъ что и слѣдствіе и судъ въ равной мѣрѣ утрачиваютъ значеніе актовъ правосудія и пріобрѣтаютъ значеніе исключительно только полицейской мѣры безопасности, одной изъ формъ полицейскаго принужденія. Движеніе это, начатое въ 1871 г. съ государственныхъ преступленій, шло развиваясь въ томъ отношеніи, что сначала понятіе о государственныхъ преступленіяхъ расширялось все болѣе и болѣе, а затѣмъ въ Положеніи объ охранѣ говорится уже просто о „преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами"; кромѣ того, составныя части слѣдственной власти, ввѣренныя сначала только жандармской полиціи, распространяются затѣмъ въ Положеніи объ охранѣ на всю полицію вообще.

Въ 1864 г., 20 ноября, подверглись радикальному измѣненію обязанности полиціи по судебной части [1]). Въ Судебныхъ Уставахъ обязанности полиціи по слѣдственной части ограничиваются: 1) производствомъ дознаній или разслѣдованій о преступленіяхъ и проступкахъ вообще и сообщеніемъ о нихъ мировымъ судьямъ, или судебнымъ слѣдователямъ или прокурорамъ, по принадлежности; 2) пресѣченіемъ преступленій во-время, на мѣстѣ ихъ совершенія, до прибытія судебнаго слѣдователя, и принятіемъ мѣръ къ пресѣченію обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда; и 3) замѣною судебнаго слѣдователя, въ случаѣ его отсутствія, во всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, не терпящихъ отлагательства. Съ учрежденіемъ мировыхъ судей, полиція утратила окончательно принадлежавшую ей судебную власть [2]); въ от-

---

[1]) №№ 41473, 41475, 41478, 44137, 44140, 44217, 54401 и др.

[2]) Ограниченія судебной власти полиціи начаты были еще раньше. Въ 1859 г. кн. Васильчикову предоставлено было, согласно съ его проэктомъ, преобразовать въ г. Кіевѣ губернскія учрежденія такъ, чтобы губернское правленіе освобождено было отъ разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ (34251). Въ 1860 г. утвержденъ былъ проэктъ положенія о временной коммиссіи для словесной „расправы"

ношеніи же исполненія судебныхъ приказаній и рѣшеній обязанности полиціи значительно сократились введеніемъ института судебныхъ приставовъ, какъ органовъ судебной полиціи [1]).

Но для правильнаго уясненія себѣ значенія этой реформы, въ той мѣрѣ, въ какой она имѣетъ отношеніе къ полиціи, не слѣдуетъ упускать изъ виду указаннаго уже выше существеннаго, принципіальнаго отличія между участіемъ полиціи въ отправленіи правосудія вообще, т. е. признаніемъ за нею значенія органа юстиціи въ отношеніи къ опредѣленной, точно ограниченной судебной компетенціи, и снабженіемъ полиціи и администраціи судебною властью, какъ однимъ изъ средствъ полицейскаго принужденія, какъ одною изъ полицейскихъ мѣръ безопасности. Въ первомъ случаѣ судъ, хотя бы и отправляемый органами полиціи, можетъ однако, независимо отъ своего названія, не быть судомъ полицейскимъ, такъ какъ все зависитъ отъ того, *какъ* судитъ этотъ судъ, *за что* онъ судитъ и вообще *каково положеніе этого суда въ отношеніи къ полиціи и администраціи*. Такъ, напр., сужденіе полиціей незначительныхъ преступленій или проступковъ (мелкихъ кражъ, обидъ и т. п.) не дѣлаетъ еще суда этого полицейскимъ, ибо въ данномъ случаѣ полиція можетъ функціонировать въ ка-

---

между нанимателями или рядчиками и рабочими или мастеровыми въ г. Москвѣ (36104). Эта коммиссія учреждена для сужденія ею вышеуказанныхъ дѣлъ вмѣсто полицейскихъ словесныхъ судовъ, и она состояла, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ген.-губернатора, изъ предсѣдателя, назначеннаго по Высочайшему повелѣнію, и членовъ отъ мин. юстиціи, мин. госуд. имуществъ, мин. путей сообщенія, Моск. ген.-губернатора, купеческаго сословія, мѣщанскаго и ремесленнаго сословій вмѣстѣ. Въ 1862 г. 29 сентября, Высочайше утверждены положенія объ отдѣленіи судебной власти отъ исполнительной, административной и законодательной (38761).

[1]) Права и обязанности полиціи по угол. судопроизводству изложены въ ст. 48—53, 249—261, 269—272, 377—386, 390—395, 398—401, 483—488 уст. уг. суд.; по гражд. судопр. въ ст. 62—66, 158, 278—280, 282—289 уст. гр. суд.

чествѣ органа юстиціи [1]); между тѣмъ какъ сужденіе *какимъ бы то ни было органомъ*, хотя бы и не полицейскимъ, за нарушеніе его же собственныхъ предписаній превращаетъ такой судъ въ полицейскій, ибо въ данномъ случаѣ пользуются судебною властью какъ полицейскою мѣрою принужденія, и такой судъ не можетъ быть объективнымъ, рѣшеніе такого суда не можетъ быть разсматриваемо какъ актъ правосудія. Такъ же точно, напр., сужденіе полиціей съ соблюденіемъ основныхъ процессуальныхъ формъ, обезпечивающихъ правосудіе, не дѣлаетъ такого суда полицейскимъ, тогда какъ сужденіе хотя бы и не полиціей, а даже судебными органами, но при такихъ условіяхъ, что подсудимый лишенъ необходимыхъ гарантій правосудія [2]), дѣлаетъ такой судъ совершенно полицейскимъ, ибо онъ отправляется не ради цѣлей правосудія, а ради цѣлей полицейскихъ или политическихъ и имѣетъ значеніе полицейской мѣры принужденія. Наконецъ, сужденіе хотя бы и полиціей, но не для ея цѣлей и при такихъ условіяхъ, что судьи независимы отъ полиціи и администраціи, не дѣлаетъ такого суда полицейскимъ; тогда какъ, наоборотъ, сужденіе хотя бы и органами юстиціи, но болѣе или менѣе зависимыми отъ полиціи и администраціи, дѣлаетъ такой судъ полицейскимъ, такъ какъ судьи эти лишены возможности относиться къ своему дѣлу объективно и быть только слугами

Въ 1865 г., 11 окт., опредѣлены были обязанности полиціи по гражд. дѣламъ въ мѣстности, гдѣ не введены Судебные Уставы.

[1]) Такъ, напр., въ 1861 г., 5 августа, учреждены были въ западныхъ губерніяхъ суды, названные полицейскими, хотя они не были таковыми ни по личному составу своему, ни по устройству своему, ни по процессуальнымъ формамъ, которыхъ держались. Суды эти были коллегіальными, имѣли 2 инстанціи, контроль и надзоръ надъ ними былъ ввѣренъ въ уѣздѣ—уѣздному стряпчему, въ апелляціонномъ судѣ—прокурору или губернскому стряпчему (37327).

[2]) Напр., когда не вызываются свидѣтели, подсудимый лишается права выбора защитника, на судѣ прочитываются безъ провѣрки данныя, добытыя на дознаніи, не допускается гласности суда и т. п.

правосудія, ибо раньше этого они суть уже слуги администраціи или полиціи, которыя могутъ вліять на нихъ, приказывать имъ, угрожать, и все это не для цѣлей правосудія, а для цѣлей полицейскихъ или политическихъ [1]). — Отсюда ясно, что отнятіемъ у полиціи всякой судебной компетенціи отнюдь не рѣшается еще ipso jure вопросъ объ упраздненіи принципа полицейскаго суда: полиція можетъ не судить и, тѣмъ не менѣе, въ широкой мѣрѣ пользоваться судебною властью для своихъ цѣлей. Мало того, у полиціи можетъ быть отнята всякая судебная компетенція и отъ этого можетъ получиться въ результатѣ не улучшеніе, а ухудшеніе, въ зависимости отъ того, при какихъ условіяхъ и какъ пользовалась полиція этой компетенціей, и при какихъ условіяхъ, какъ и кому передана эта компетенція. Слѣдовательно вопросы о судебной компетенціи полиціи и о полицейскомъ судѣ отнюдь не тождественны, причемъ въ общемъ строѣ гражданской жизни второй вопросъ имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе, чѣмъ первый. Съ этой точки зрѣнія мы и проанализируемъ судебную реформу отъ начала, т. е. съ 1860 г., по настоящее время, не касаясь сравнительной оцѣнки дѣятельности прежнихъ полицейскихъ судовъ и теперешнихъ мировыхъ судей [2]).

Въ положеніи 19-го февраля признано за крестьянскими обществами право ссылать своихъ порочныхъ членовъ, въ связи съ возложенною на нихъ же обязанностью надзора за такими членами [3]). Въ данномъ случаѣ, очевидно, за общиной признается право суда надъ порочными членами не въ ка-

---

[1]) Такъ, напр., въ 1860 г. въ положеніи о крестьянахъ Лифляндской губ. приходскіе суды подчинены гражданскому губернатору, отъ котораго они получаютъ предписанія, и доносятъ ему объ исполненіи ихъ (36312). См. также о крестьянскихъ уѣздныхъ судахъ въ Курляндіи по дѣламъ полицейскимъ (36496).

[2]) См. *И. Тарасовъ*—Полиція въ эпоху реформъ. М. 1885.

[3]) Ст. 51 п. 2. Въ 1877 г. послѣдовалъ дополнительный къ этому законъ о порядкѣ удаленія изъ сельскихъ обществъ порочныхъ людей по мірскимъ приговорамъ (57209).

чествѣ органа юстиціи, а въ качествѣ органа полиціи, тѣмъ болѣе, что и самый судъ этотъ не обставленъ никакими судебными гарантіями. Въ томъ же положеніи предоставляется сельскому старостѣ подвергать, за маловажные проступки, назначенію на общественныя работы до двухъ дней, или денежному взысканію до 1 рубля, или аресту не долѣе двухъ дней; волостному же старшинѣ присвоивается право налагать такія же взысканія „за маловажные *полицейскіе* проступки", причемъ тотъ и другой снабжены такою карательною властью именно какъ органы полиціи, какъ „охранители благочинія, порядка и безопасности лицъ и имуществъ" [1]). Въ 1862 г. Оренбургскому генералъ-губернатору предоставлено было ссылать въ Сибирь подозрѣваемыхъ въ воровствѣ и вообще порочныхъ инородцевъ [2]). Въ Положеніи 19 февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ гминнымъ войтамъ предоставлено право собственною властью подвергать за маловажные полицейскіе проступки аресту не свыше двухъ дней и денежному штрафу до 1 рубля. Такое же право предоставлено салтысамъ [3]). Судебные Уставы застали такой порядокъ, при которомъ существовало до 30 особыхъ видовъ судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ, при широкомъ участіи полиціи и администраціи въ наклоненіи вѣсовъ правосудія въ ту или другую сторону. Значительно ослабивъ господство такого начала, Судебные Уставы, однако, не отказались отъ него совершенно, допустивъ нѣсколько изъятій изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства [4]), причемъ большинство этихъ

---

[1]) См. 64, 86 и 60.

[2]) № 38128.

[3]) № 40610. Въ 1876 г. право это подтверждено съ указаніемъ, что мин. вн. дѣлъ, по соглашенію съ мин. юстиціи. предоставлено опредѣлить, за какіе именно проступки налагается кара, дабы не было столкновенія съ гминными войтами (56382).

[4]) См. VII разд. кн. 27 т. XV Св. З. изд. 1857 г. ср. съ Суд. Уст. изд. Госуд. канцеляріи, ч. вторая, стр. 356 и слѣд.

изъятій установлено ради соображеній политическихъ, административныхъ и полицейскихъ, а отнюдь не въ интересахъ правосудія. По временнымъ правиламъ 6 апрѣля 1865 г. о печати, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено дѣлать редакторамъ періодическихъ изданій предостереженія, причемъ третье предостереженіе влечетъ за собой пріостановку изданія на 6 мѣсяцевъ, а редакціямъ и сотрудникамъ газетъ и журналовъ, подвергнутыхъ такой пріостановкѣ, воспрещается, въ продолженіи оной, издавать отъ имени тѣхъ редакцій какое либо изданіе [1]). Если послѣ третьяго предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ пожелаетъ вовсе прекратить изданіе, то входитъ съ представленіемъ объ этомъ въ 1-й департаментъ Сената. Кромѣ того, министру предоставлено воспрещать розничную продажу [2]) и пріостанавливать изданіе на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ за нарушеніе воспрещенія оглашать какой либо вопросъ государственной важности [3]); онъ же имѣетъ право задерживать книги или №№ повременныхъ изданій, представляя о воспрещеніи выпуска въ комитетъ министровъ [4]). Новѣйшимъ закономъ установлено, что пріостанавливаемыя въ полицейскомъ порядкѣ изданія могутъ выходить потомъ только подвергаясь предварительной цензурѣ, причемъ цензорамъ предоставлено, въ случаяхъ усматриваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, пріостанавливать выходъ его въ свѣтъ, не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Вопросы о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій, выходящихъ какъ подъ предварительною цензурою, такъ и безъ нея, или о пріостановкѣ ихъ безъ опредѣленія срока, съ воспрещеніемъ редакторамъ-издателямъ быть впослѣд-

---

[1]) Зак. 17 окт. 1866 г.
[2]) Зак. 14 іюня 1868 г.
[3]) Зак. 16 іюня 1875 г.
[4]) С. уз. 1872 г. № 457.

ствіи редакторами-издателями какихъ либо другихъ періодическихъ изданій, предоставляются совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи и оберъ-прокурора Св. Синода, при участіи, сверхъ того, тѣхъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, коими возбуждаются подобные вопросы. Въ 1883 и 1884 годахъ воспрещается, помимо суда, пребываніе въ столицахъ, губернскихъ городахъ, Гатчинѣ и Царскомъ Селѣ лицамъ, находящимся, по приговору суда, подъ надзоромъ полиціи и обществъ; а въ 1879 г. предоставлено Варшавскому генералъ-губернатору воспрещать лицамъ, подлежащимъ отдачѣ подъ надзоръ полиціи, проживаніе въ тѣхъ частяхъ Варшавской губерніи, гдѣ это по мѣстнымъ условіямъ признано будетъ необходимымъ [1]). Раньше, въ 1872 году, устанавливается особый порядокъ подсудности по государственнымъ преступленіямъ [2]). Въ 1876 году генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ предоставлено было право издавать обязательныя постановленія, съ тѣмъ, чтобы за неисполненіе ихъ виновные подвергались *судебной* отвѣтственности по ст. 29 уст. о нак., налагаемыхъ мировыми судьями; но въ томъ же году, 20 сентября, за Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ и оберъ-полицеймейстеромъ признано право подвергать *своею властью* денежному штрафу до 10 рублей и аресту до 5 дней за неисполненіе предписаній и распоряженій администраціи: 1) за невыполненіе правилъ о полицейскомъ надзорѣ; 2) за невыполненіе правилъ о держаніи оружія или покупкѣ пороха; 3) за неотправленіе вовсе или во́-время торжественныхъ богослуженій въ табельные дни; 4) за нарушеніе правилъ о съѣздахъ католическаго духовенства; 5) за сооруженіе часовень въ па-

---

[1]) №№ 52254, 53163, 59210.
[2]) № 50956.

мять о политическихъ событіяхъ; 6) за несоотвѣтственное поведеніе въ церквахъ и театрахъ, устраиваемыхъ по случаю царскихъ дней; 7) за ношеніе траура безъ законной причины, а равно ношеніе другихъ эмблемъ политическаго характера, и 8) нарушеніе правилъ военнаго положенія Царства Польскаго [1]). Въ 1878 году [2]) измѣняется опять порядокъ подсудности и судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ и преступленіямъ противъ порядка управленія, и въ томъ же году [3]) постановлено было: 1) привести въ извѣстность всѣхъ проживающихъ въ домахъ С.-Петербурга безъ прописки, не исключая домовъ казенныхъ и придворнаго вѣдомства; 2) налагать и взыскивать *въ административномъ порядкѣ* съ виновныхъ за недонесеніе полиціи о проживающихъ денежные штрафы отъ 50 до 500 рублей, дворниковъ же, буде таковые окажутся виновными, удалять отъ должности; 3) проживающихъ безъ вида задерживать до выясненія личности и, затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, или представлять о нихъ шефу жандармовъ, или привлекать къ отвѣтственности въ мировомъ судѣ только за непрописку вида [4]). Въ указѣ 5 апрѣля 1879 г. [5]) генералъ-губернаторамъ, независимо отъ права предавать лицъ гражданскаго вѣдомства за извѣстнаго рода преступленія военному суду, предоставлено еще: а) высылать административнымъ порядкомъ изъ подвѣдомственныхъ ему мѣстностей лицъ, пребываніе которыхъ найдено будетъ вреднымъ; б) подвергать лицъ задержа-

---

[1]) №№ 56203, 56382.

[2]) №№ 58488, 58489, 58778.

[3]) № 59422.

[4]) Здѣсь достойно вниманія, какъ усиленіе начала полицейскаго суда шло параллельно съ усиленіемъ расправной власти полиціи, которая, т. е. эта власть, заключается именно въ томъ, что безъ суда принимаются такія мѣры безопасности, которыя вполнѣ проникнуты характеромъ наказаній.

[5]) №№ 59476, 59531, 60187, 59711, 59710; С. уз. 1880 г. № 222.

нію, не взирая на ихъ званіе и состояніе, когда это будетъ необходимо [1]); в) пріостанавливать или вовсе воспрещать изданіе вредныхъ газетъ и журналовъ. Въ томъ же году, 8-го апрѣля [2]), постановлено, что а) дѣла о лицахъ гражданскаго вѣдомства, преданныхъ военному суду, разсматриваются и рѣшаются въ военно-окружныхъ судахъ и во временныхъ военныхъ судахъ, гдѣ членами должны быть исключительно штабъ-офицеры войскъ, причемъ *члены эти назначаются каждый разъ особо генералъ-губернаторомъ*; б) подсудимые защищаются сами, или же защитниками ихъ могутъ быть кандидаты на военно-судебные должности; в) судъ можетъ производиться на основаніи одного лишь дознанія; г) обвинительный актъ составляется послѣ просмотра дѣла генералъ-губернаторомъ, а судъ назначается не позже, какъ на другой день по полученіи этого акта, причемъ въ судъ могутъ не быть вызываемы свидѣтели, приговоръ же изготовляется не позже какъ въ 24 часа, и д) жалобы или протесты на приговоръ подаются въ теченіи сутокъ и, по подачѣ ихъ, дѣло поступаетъ къ генералъ-губернатору, который представляетъ его или въ главный военный судъ, или же въ особое присутствіе, для этого составленное. Тогда же [3]) за генералъ-губернаторами признано право удалять отъ должности по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ признаны ими неблагонадежными. Съ учрежденіемъ Верховной распорядительной коммиссіи вышеуказанныя права генералъ-губернаторовъ, съ добавленіемъ новыхъ чрезвычай-

---

[1]) Уже до изданія этого указа практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ адм. высылки и аресты, причемъ для принятія этихъ мѣръ не требовалось никакихъ доказательствъ политической виновности, а достаточно было предположенія о политической неблагонадежности, съ точки зрѣнія лица, принимавшаго эти мѣры. См. „Юрид. Вѣстн.“ 1881, № 4, стр. 635.

[2]) № 59491.

[3]) № 59947.

ныхъ полномочій, даны главному начальнику этой коммиссіи, о правахъ же товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго государственною полиціей, сказано уже выше. По закону 14 августа 1881 г. въ мѣстностяхъ, находящихся въ положеніи усиленной охраны, генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ предоставлено, между прочимъ, 1) разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніяхъ изданныхъ ими обязательныхъ постановленій, причемъ генералъ-губернаторы могутъ уполномочивать на разрѣшеніе этихъ дѣлъ подчиненныхъ имъ начальниковъ губерній, градоначальниковъ и оберъ-полицеймейстеровъ [1]) 2). Воспрещать всякія народныя, общественныя и даже частныя собранія; 3) закрывать всякія вообще торговыя и промышленныя заведенія; 4) воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны. Генералъ-губернаторы могутъ 5) передавать на разсмотрѣніе военнаго суда, для сужденія по законамъ военнаго времени, отдѣльныя дѣла о всѣхъ вообще преступленіяхъ, когда они признаютъ это необходимымъ въ видахъ огражденія общественнаго порядка и спокойствія; 6) требовать разсмотрѣнія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ тѣхъ судебныхъ дѣлъ, публичное разсмотрѣніе которыхъ можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка. 7) Въ Положеніи прямо указывается, какая именно статья воинскаго устава о наказаніяхъ должна быть примѣняема судомъ къ извѣстнаго рода преступленіямъ; 8) временные члены суда назначаются на каждый разъ военнымъ начальствомъ исключительно только изъ штабъ-офицеровъ отъ войскъ, расположенныхъ въ томъ военномъ округѣ, въ которомъ производится судъ; 9) дѣла о лицахъ, обвиняемыхъ въ

---

[1]) Взысканія за нарушенія обязательныхъ постановленій не должны превышать трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 500 руб.

государственныхъ преступленіяхъ, разсматриваются всегда при закрытыхъ дверяхъ [1]), причемъ, какъ назначеніе защитниковъ, такъ и утвержденіе приговоровъ производится согласно съ ст. 672—674, 1234, 1238 и 1241 кн. XXIV св. воен. пост.; 10) по требованію губернатора или градоначальника должны быть немедленно удаляемы отъ должностей по земскимъ, городскимъ и судебно-мировымъ установленіямъ всѣ тѣ лица, которыя признаны будутъ неблагонадежными, не распространяя, однако, этого на мировыхъ судей и лицъ, служащихъ въ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ по выборамъ. Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной охраны, главноначальствующему предоставлены, между прочимъ, слѣдующія права: 1) дѣлать изъятія изъ общей подсудности дѣлъ объ извѣстнаго рода преступленіяхъ и проступкахъ, съ передачею ихъ военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени, или же съ подчиненіемъ ихъ административному разрѣшенію въ предѣлахъ предоставленной ему карательной власти [2]); 2) о правѣ на секвестръ и арестъ имущества было уже сказано выше; 3) подвергать въ административномъ порядкѣ заключенію въ тюрьму или крѣпость или аресту на три мѣсяца, или денежному штрафу до 3,000 рублей, какъ за нарушеніе обязательныхъ постановленій, такъ и за проступки, объ изъятіи коихъ изъ вѣдомства судовъ будетъ заранѣе объявлено; 4) устранять чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, занимающихъ должности ниже первыхъ трехъ классовъ, и всѣхъ лицъ, служащихъ по выборамъ; 5) пріостанавливать и закрывать очередныя собранія сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій; 6) пріостанавливать періодическія изданія на все время объявленнаго

---

[1]) Ср. С. уз. 1881 г. № 760.

[2]) Т. е., не превышая денежнаго штрафа до 3,000 руб., заключенія въ тюрьму или крѣпость на 3 мѣсяца, или ареста на тотъ же срокъ.

чрезвычайнаго положенія и 7) закрывать учебныя заведенія на срокъ не долѣе одного мѣсяца. Въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи: 1) губернаторамъ и градоначальникамъ предоставлены тѣ же права относительно удаленія отъ должности, которыя установлены для мѣстностей, находящихся въ положеніи усиленной охраны; 2) министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, дано право предавать военному суду, для сужденія по законамъ военнаго времени, за преступленія государственныя и противъ порядка управленія. Повсемѣстно подлежащія власти могутъ дѣлать министру внутреннихъ дѣлъ представленія о необходимости высылки тѣхъ или другихъ лицъ, причемъ представленія эти разсматриваются въ особомъ совѣщаніи, образуемомъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра завѣдующаго государственной полиціей, изъ 4-хъ членовъ—двухъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и двухъ отъ министерства юстиціи [1]). Постановленія этого совѣщанія представляются на утвержденіе министра, а срокъ высылки устанавливается въ размѣрѣ отъ одного до пяти лѣтъ, причемъ лица, долженствующія подвергнуться этой полицейской мѣрѣ безопасности [2]), могутъ содержаться подъ арестомъ до рѣшенія вопроса о высылкѣ.

Приведенныя постановленія не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что полиція, лишившаяся было судебной власти, была снова одарена ею. Принципъ полицейскаго су-

---

[1]) Въ 1880 г., 26 ноября, изданъ былъ законъ о порядкѣ отвѣтственности лицъ, находящихся въ мѣстѣ ссылки ихъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, за вооруженное или соединенное съ насиліемъ и угрозами сопротивленіе законнымъ властямъ или вооруженнымъ карауламъ. Такія лица предаются военному суду по усмотрѣнію ген.-губернатора или по соглашенію министра вн. дѣлъ съ министромъ юстиціи, при чемъ къ виновнымъ примѣняется ст. 279 Воен. уст. о наказ. (С. уз. № 833).

[2]) Положеніемъ 12 марта 1882 г. о полицейскомъ надзорѣ этой полицейской мѣрѣ безопасности приданъ характеръ чрезвычайно суроваго наказанія. См. „Юр. Вѣстн.“ 1882 г. № 12.

да, ослабленный до крайности Судебными Уставами, не только не вымеръ послѣ этого, но воспрянулъ съ энергіей необычайной, при чемъ расправная власть полиціи сдѣлалась въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ интензивнѣе, вслѣдствіе той законодательной санкціи, которую получила прежняя практика. [1]).

Слѣдовательно, устранивъ полицію отъ производства слѣдствій, законодательство, однако, сохранило за полиціей право и власть на совершеніе „слѣдственныхъ дѣйствій“ [2]), равно какъ, лишивъ полицію судебной власти [3]), законодательство, однако, сохранило за ней отчасти расправу [4]) и не отказалось отъ полицейскаго суда, понимаемаго не только какъ судъ отправляемый полиціей по поводу нарушенія ея предписаній, но и вообще какъ такой судъ, который не пользуется необходимою независимостью отъ полиціи и администраціи и, потому, является, въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ послушнымъ орудіемъ, т. е. средствомъ принужденія, въ рукахъ той и другой.

---

[1]) Такъ, напр., чрезвычайно суровое положеніе о полицейскомъ надзорѣ от 12 марта 1882 г. получилось отъ обобщенія въ законѣ суровѣйшей практики этого надзора, представлявшей большое разнообразіе въ границахъ между наиболѣе слабой и наиболѣе суровой формами.

[2]) Терминъ этотъ и формы слѣдственныхъ дѣйствій см. напр., въ уст. уг. суд. прил. къ ст. 2, III, 25.

[3]) Лишеніе полиціи судебной власти признано было въ принципѣ, какъ это видно, напр, изъ ст. 1328 и 1443 т. II ч. 1-й, но осуществлено оно было отнюдь не повсемѣстно. Такъ, напр., въ прим. къ ст. 1323, т. II, ч. 1 С. З., сказано, что въ мѣстностяхъ, указанныхъ въ ст. 1191 и 1218, къ обязанностямъ полиціи относится судъ по судебно-полицейскимъ дѣламъ; въ ст. 1322 т. II ч. 1-й установлено было что въ губ. Арх., Астр., Оренб. и Уф. Полицейскимъ Управленіямъ и подчиненнымъ ему лицамъ принадлежитъ, между прочимъ, окончательная расправа въ маловажныхъ дѣлахъ.

[4]) Отъ простой полицейской расправы законъ отличилъ еще „формальную полицейскую расправу“, обставленную какъ бы нѣкоторыми процессуальными формами и имѣющую значеніе чего-то средняго между расправой и полицейскимъ судомъ (см. напр-, ст. 835 и 841 уст. о ссыльныхъ, ст. 667 и 1524 т. II ч. 1. й С. З. и др.).

Очевидно, что при такихъ условіяхъ въ отношеніи къ личному задержанію должно было, съ одной стороны, произойти полное и окончательное разграниченіе между судебнымъ и полицейскимъ арестами, съ другой—сфера примѣненія личнаго задержанія вообще, независимо отъ измѣненій въ формахъ его и примѣненія собственно полицейскаго ареста, не подверглась существеннымъ ограниченіямъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще третье явленіе, несомнѣнно прогрессивнаго характера, заключавшееся въ томъ, что, обезпечивъ судебному личному задержанію бо́льшія закономѣрность и правомѣрность [1]), законодательство обнаружило явное стремленіе сдѣлать то же въ отношеніи къ полицейскому личному задержанію [2]).

Слѣдственныя дѣйствія полиціи. Указавъ выше на положеніе полиціи въ отношеніи къ производству слѣдствій, о слѣдственныхъ дѣйствіяхъ ея необходимо замѣтить прежде всего, что, не-смотря на ясное и точное разграниченіе судебнаго и полицейскаго арестовъ, не было, однако, сдѣлано того-же самаго относительно этихъ дѣйствій.

Перечисленіе слѣдственныхъ дѣйствій, совершаемыхъ полиціей, сдѣлано, между прочимъ, въ уст. уг. суд. въ прил. къ къ ст. 2, III, 25. Но перечисленіе это не полно и, очевидно, имѣетъ значеніе лишь примѣрное. Собственно же къ полицей-

---

[1]) Начало это нашло себѣ наиболѣе очетливое выраженіе въ ст. 1, 9, 10, 11 и 14 уст. уг. суд.

[2]) Стремленіе это выразилось уже довольно ясно въ Судебныхъ Уставахъ, гдѣ , между прочимъ, въ прим. 1-мъ къ ст. 1-й сказано: къ судебному преслѣдованію не относятся мѣры, принимаемыя полицейскими и другими адм. властями, для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ *въ порядкѣ, установленномъ законами*. Раньше, въ ст. 65 Пол. 19-го февр. постановлено было, что сельскій староста обязанъ, при производствѣ личныхъ взысканій, обысковъ, задержаній и т. п., непремѣнно приглашать двухъ свидѣтелей. Тоже значеніе имѣютъ положеніе объ охранѣ, положеніе о поднадзорныхъ и т. п. См. объ этомъ ниже.

скимъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, не касаясь *дознаній*, о которыхъ сказано было уже выше, относятся: а) проникновенія въ частныя жилища или т. н. домовое право, б) обыски и выемки, в) наложеніе запрещеній, секвестръ и арестъ имущества, г) прочтеніе писемъ или т. н. письмовное право и д) личное задержаніе во всѣхъ его формахъ, какъ предупредительное личное задержаніе, въ отличіе отъ полицейскаго, предварительнаго и судебнаго, т. е. какъ принимаемая *полиціей* мѣра пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія и скрыть слѣды преступленія [1]). Послѣдняя форма слѣдственныхъ дѣйствій есть необходимая консеквенція признанія за полиціей права и обязанности замѣнять судебнаго слѣдователя во всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, какъ-то: въ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ, выемкахъ и даже въ производствѣ допроса [2]), при чемъ выраженіе ст. 257 ус. уг. суд. „полиція принимаетъ мѣры къ пресѣченію“ показываетъ, что полиція уполномочивается на всѣ мѣры пресѣченія, перечисленныя въ ст. 416 ус. уг. суд., но съ соблюденіемъ условій, указанныхъ въ ст. 256, 257, а также 417—421 [3]).

---

[1]) Повторимъ еще разъ, что предупредительное или судебно-полицейское задержаніе, въ отличіе отъ предварительнаго—съ одной стороны, и полицейскаго—съ другой, примѣняется *полиціей* для цѣлей *юстиціи*. Слѣдовательно: а) *полицейское личное задержаніе* примѣняется полиціей для ея собственныхъ цѣлей, б) *предупредительное личное задержаніе* примѣняется полиціей для цѣлей юстиціи, т. е. въ данномъ случаѣ она дѣйствуетъ какъ служебный органъ послѣдней, в) *предварительно личное задержаніе* примѣняется органами юстиціи какъ мѣра пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія и скрыть слѣды преступленія, г) собственно—*судебное личное задержаніе* имѣетъ мѣсто по приговору суда.

[2]) Ст. 256 и 258 уст. уг. суд. Говоря о полицейскихъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, мы не будемъ касаться вопроса о полицейскомъ освидѣтельствованіи, такъ какъ онъ имѣетъ слишкомъ отдаленное отношеніе къ вопросу о личномъ задержаніи, хотя самъ по себѣ заслуживаетъ обстоятельнаго научнаго анализа. См. 1-ю ч. нашего изслѣдованія, стр. 14 и 15 примѣч. 1-е.

[3]) См. Объ этомъ у *Кистяковскаго*—О мѣрахъ пресѣченія и т. д. стр. 145.

а) *Домовое право.* Полиція пользуется въ опредѣленныхъ случаяхъ и при соблюденіи извѣстныхъ условій правомъ проникать въ частныя жилища гражданъ, т. е. нарушать, такъ называемое, право домашняго очага. Это право полиціи, говоритъ Лоренцъ Штейнъ [1]), должно быть разсматриваемо 1) въ отношеніи къ преслѣдованію полиціей преступниковъ и 2) въ отношеніи къ устраненію полиціей опасности отъ элементарныхъ силъ природы. Т. е. право это бываетъ судебно-полицейскимъ и собственно-полицейскимъ. Въ первомъ случаѣ соблюдаются слѣдующія основныя правила: а) полиція проникаетъ въ жилища гражданъ при преслѣдованіи преступника, скрывшагося въ домѣ; то-же право признаетя за полиціей въ томъ случаѣ, когда она имѣетъ основательное подозрѣніе, что въ домѣ совершалось или совершается преступленіе, напр., при крикѣ „караулъ" и т. п., б) гражданамъ предоставляется право судебнаго обжалованія этого дѣйствія полиціи въ томъ случаѣ, когда оно имѣло характеръ насилія и произвола. Во второмъ случаѣ, напр., при опасности отъ воды, огня и т. п., право полиціи опредѣляется характеромъ этой опасности и цѣлью устранить ее. Что касается открытыхъ публичныхъ помѣщеній, то, разумѣется, они не пользуются правомъ домашняго очага.

Въ русскомъ законодательствѣ судебное, судебно-полицейское и полицейское домовое право нормировано въ уставѣ уголовнаго судопроизводства [2]), уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій [3]), уставѣ о паспортахъ [4]), положеніи объ охранѣ [5]), положеніи о полицейскомъ надзорѣ [6]),

---

[1]) См. *И. Тарасовъ* –Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву, въ связи съ его ученіемъ объ управленіи. Кіевъ, 1874, стр. 158.

[2]) Ст. 4, 105—112, 357—370, 1150—1153, 1224.

[3]) Ст. 103, 105, 108, 114.

[4]) Ст. 731.

[5]) Ст. 16, п. *в.*, 21 п. *б.*, 26 п. *г.*, 29.

[6]) Ст. 18, 19, 29.

законѣ 8-го апр. 1878 г. и законѣ 19-го мая 1871 года. Относительно судебнаго и судебно-полицейскаго домоваго права проведено то начало, что право насильственно проникать въ частныя жилища [1]), по поводу преступленія или проступка [2]), предоставляется представителямъ судебной власти [3]) и полиціи [4]), дѣйствующей по уполномочію представителей судебной власти [5]) или, *въ исключительныхл случаяхъ*, по собственной иниціативѣ [6]), а также по порученію органовъ администраціи [7]). Законъ требуетъ категорически, чтобы пользованіе этимъ правомъ имѣло мѣсто только при наличности основательныхъ къ тому поводовъ [8]), и не иначе, какъ въ присутствіи по крайней мѣрѣ 2-хъ понятыхъ, а, въ извѣстныхъ случаяхъ, и свѣдущихъ людей [9]), при чемъ какъ хозяину дома, такъ и понятымъ, должна быть объяснена причина

---

[1]) Напр., ст. 366 ус. уг. суд. уполномочиваетъ слѣдователя открывать запертыя помѣщенія, въ случаѣ отказа хозяина сдѣлать то добровольно. Въ ст. 365-й сказано, что обыскиваемое мѣсто можетъ быть оцѣплено полицейскими.

[2]) Пользованіе этимъ правомъ имѣетъ мѣсто и при исполненій судебныхъ рѣшеній. См. напр., ст. 978 уст. гражд. суд.

[3]) См. напр., ст. 105—107 уст. уг. суд. Ср. передовую статью отъ 26 марта 1874 года въ Спб. Вѣдомостяхъ.

[4]) За органами администраціи право насильственнаго проникновенія не признается даже въ случаяхъ, связанныхъ съ казеннымъ интересомъ. Такъ., напр., въ ст. 1150 уст. уг. суд. сказано, что въ частныя жилища должностныя лица акц. управленія доступа не имѣютъ, кромѣ чиновъ таможеннаго надзора (т. е. таможенной полиціи) въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый, преслѣдуемый по горячимъ слѣдамъ, скроется въ виду ихъ въ частное жилище. См. 1151: за исключеніемъ случаевъ, означенныхъ въ предш. статьѣ, должностныя лица каз. управленія, подозрѣвая, что въ жилищахъ частныхъ лицъ совершаются нарушенія устава сего управленія, или скрывается поличное, сообщаютъ о производствѣ обыска или выемки мировому судьѣ или судебному слѣдователю, по принадлежности, а за отсутствіемъ ихъ, полиціи.

[5]) См. напр., ст. 105 уст. уг. суд.

[6]) См., напр., законъ 19 мая 1871 года. Ст. 731 уст. о паспорт. по прод. 1876 г. Ст. 254 и 258 уст. уг. суд.

[7]) См., напр., ст. 1151 уст. уг. суд.

[8]) Ст. 357 уст. уг. суд. ср. со ст. 21 п. б. и 29 пол. объ охранѣ.

[9]) Ст. 108—110, 315—324, 353—359, 112 уст. уг. суд.

явки въ домъ [1]). Въ ст. 731 уст. о пасп. постановлено: если бѣглый скроется въ домѣ свящ.-церк.-служителя и есть основаніе подозрѣвать пристанодержательство, то полиція производитъ обыскъ, не приглашая депутата, если его на мѣстѣ не окажется. Согласно съ ст. 360—362 уст. уг. суд., судебное и судебно-полицейское проникновеніе въ помѣщенія иностранныхъ министровъ производится не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи съ министромъ иностранныхъ дѣлъ; въ отношеніи же къ архіерейскимъ и монастырскимъ домамъ требуется въ данномъ случаѣ присутствіе ближайшаго начальства, въ вѣдомствѣ котораго состоятъ эти дома, а въ отношеніи къ дворцамъ требуется, кромѣ присутствія начальства, еще и предварительное разрѣшеніе его [2]). Какъ общее правило, судебное или судебно-полицейское проникновеніе въ частныя жилища производится днемъ [3]), но въ случаѣ необходимости, какъ *мѣра чрезвычайная*, допускается и ночное посѣщеніе [4]). Относительно полицейскаго домоваго права, имѣющаго мѣсто по иниціативѣ полиціи и съ исключительною цѣлью устраненія опасности, хотя бы безъ всякой связи съ какимъ либо преступленіемъ или проступкомъ, есть прямое указаніе въ ст. 21-й п. *б* положенія объ охранѣ; также въ ст. 18-й положенія о полицейскомъ надзорѣ [5]), а затѣмъ никакихъ

---

[1]) Ст. 364 уст. уг. суд.

[2]) Закономъ 8-го апр. 1878 г. общей полиціи и чинамъ жандармеріи предоставлено право во всякое время посѣщать всѣ фабрики и заводы. Въ ст. 1358 т. II ч. 1-я, прим. говорится о правѣ начальниковъ мѣстной полиціи имѣть во всякое время доступъ въ помѣщенія для подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей. Въ ст. 21 п. б положенія объ охранѣ говорится о правѣ начальниковъ полиціи, жанд. упр. и помощниковъ послѣднихъ „производить во всякое время обыски во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ“. Ср. съ № 40610 П. С. З.

[3]) См. ст. 111, 317 и 363 уст. уг. суд.

[4]) См. ст. 363 уст. уг. суд., которая требуетъ, тобы въ протоколѣ объяснены были причины, побудившія прибѣгнуть къ этой чрезвычайной мѣрѣ. Въ ст. 21 п. *б.* положенія объ охранѣ, хотя и нѣтъ этого требованія, но оно разумѣется само собой.

[5]) Мѣстная полицейская власть имѣетъ право входа въ квартиру поднадзорнаго во всякое время. Ср. съ № 40610 П. С. З.

другихъ ближайшихъ принципіальныхъ опредѣленій по этому предмету нѣтъ въ законодательствѣ.

б. *Обыски и выемки.* За полиціей никоимъ образомъ не можетъ быть признано право на обыски и выемки, независимо отъ цѣли преслѣдованія или раскрытія какого-либо преступленія или проступка и, слѣдовательно, полиція является въ этихъ случахъ служебнымъ органомъ юстиція, дѣйствуя по приказанію послѣдней или же самостоятельно, но отдавая отчетъ послѣдней. Т. е. обыски и выемки могутъ быть только судебными или судебно-полицейскими [1]).

Въ русскомъ законодательствѣ производство обысковъ и выемокъ нормируется по бо́льшей части тѣми же узаконеніями, которыя относятся къ домовому праву, при чемъ рѣзкое различіе между дневными и ночными обысками, проведенное въ уставѣ уголовнаго судопроизводства [2]), отброшено въ положеніи объ охранѣ. Это положеніе, различая мѣстности находящіяся въ исключительномъ положеніи отъ остальныхъ мѣстностей, допускаетъ для первыхъ, безъ всякихъ оговорокъ, производство обысковъ во всякое время и во всѣхъ помѣщеніяхъ [3]), тогда какъ для вторыхъ такое право признается за

---

[1]) Разумѣется, не слѣдуетъ отождествлять обысковъ и выемокъ съ *полицейскими* осмотрами или освидѣтельствованіями, которые имѣютъ мѣсто, напр., при опасеніяхъ за прочность зданій, санитарное состояніе помѣщеній и т. п. Въ отношеніи къ такимъ осмотрамъ, въ той мѣрѣ, въ какой они находятся въ связи съ проникновеніемъ въ частныя жилища, примѣняются нормы полицейскаго домоваго права.

[2]) Ст. 111, 317, 363.

[3]) Ст. 21 п. *б.* Этой статьей не отмѣняется ст. 361 уст. уг. суд., въ силу которой обыски въ церквахъ, молитвенныхъ домахъ, въ зданіяхъ, занимаемыхъ присутственными мѣстами, учеными обществами, учебными и богоугодными заведеніями, а также въ крѣпостяхъ и казармахъ производятся въ присутствіи ближайшаго начальства того управленія, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ обыскиваемое помѣщеніе. Равно какъ остается въ силѣ статья 1242, по которой обыски и выемки въ мѣстахъ вѣдѣнія военныхъ властей производятся при дѣятельномъ содѣйствіи послѣднихъ.

мѣстн. начальниками полиціи, жанд. упр. и ихъ помощ. только относительно лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ противозаконнымъ сообществамъ [1]). Значитъ, положеніе объ охранѣ какъ бы допускаетъ полицейскіе обыски и выемки, что, впрочемъ, слѣдуетъ приписать исключительно только неудачной редакціи статьи 21-й п. *б* этого Положенія. Обыскиваемые не могутъ отказаться отъ выдачи требуемыхъ бумагъ или вещественныхъ доказательствъ, а маклера и нотаріусы должны открывать свои книги, при чемъ обыскъ въ бумагахъ долженъ производиться безъ оглашенія не относящихся къ дѣлу обстоятельствъ [2]). Полиціи предоставляется право производить у лицъ поднадзорныхъ обыски и выемки, но съ тѣмъ, чтобы о каждомъ произведенномъ обыскѣ или выемкѣ былъ составленъ протоколъ, съ изложеніемъ въ немъ какъ поводовъ къ этимъ дѣйствіямъ, такъ и ихъ послѣдствій [3]).

в. *Аресты, секвестры, конфискаціи и другія лишенія или ограниченія пользованія имуществомъ и занятія промыслами.* Вышеперечисленныя дѣйствія подчиняются тѣмъ же основнымъ положеніямъ, какъ и обыски и выемки, т. е., по существу своему, исходя изъ правильнаго понятія о полиціи и ея задачахъ, они могутъ быть только судебными и судебно-полицейскими, но не собственно-полицейскими [4]). Даже въ такихъ,

---

[1]) Ст. 29.

[2]) Ст. 367—369 уст. уг. суд.

[3]) Ст. 19 полож. о пол. надзорѣ.

[4]) Арестъ полиціей вредныхъ припасовъ и т. п. не есть собственно-полицейскій, такъ какъ влечетъ за собой неизбѣжно судебное преслѣдованіе противъ тѣхъ лицъ, которые торгуютъ такими припасами и самый торгъ подобными припасами или держаніе ихъ считается за проступокъ. То-же и относительно сломки или закрытія полиціей опасныхъ почему-либо зданій. По этому предмету, напр., въ русскомъ законодательствѣ, въ ст. 1227 уст. уг. суд., сказано, что при нарушеніи строительнаго устава, исправленіе, сломка и переносъ зданія *на счетъ виновнаго* можетъ производиться только по судебному приговору. См. также ст. 1217 и 1235 уст. уг. суд.

напр., случаяхъ, какъ арестъ завѣдомо вредныхъ предметовъ потребленія или закрытіе тайныхъ притоновъ разврата и т. п., полиція, охраняя безопасность, дѣйствуетъ все-таки по поводу преступленія или проступка, ибо вездѣ и всегда воспрещаются торговля гнилыми припасами, содержаніе тайныхъ притоновъ проституціи и т. п.

По русскому законодательству эти-же дѣйствія могутъ быть и полицейскими, при чемъ сколько-нибудь опредѣленнаго различія между судебными, судебно-полицейскими и собственно-полицейскими арестомъ, секвестромъ и пр. не существуетъ, хотя и обнаруживаются попытки къ проведенію его. Въ ст. 267 ус. уг. с. говорится о выемкѣ и отобраніи судебнымъ слѣдователемъ вещественныхъ доказательствъ преступленія или проступка, а также вещей, добытыхъ чрезъ (?) преступное дѣяніе; въ слѣдующей-же статьѣ сказано: когда, по обстоятельствамъ дѣла, судебный слѣдователь удостовѣрится въ необходимости принять безотлагательно мѣры къ обезпеченію могущаго пасть на обвиняемаго должнаго взысканія, или иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные его дѣйствіями, то о *наложеніи запрещенія или ареста на имѣніе* обвиняемаго (онъ) входитъ съ представленіемъ въ окружный судъ [1]). Въ ст. 21 п. *б.* Положенія объ охранѣ говорится о правѣ полиціи и жандармеріи налагать арестъ на всякое имущество, указывающее на *преступныя намѣренія* заподозрѣннаго лица. По ст. 26 п. *г.*, въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи чрезвычайной охраны, главноначальствующіе

---

[1]) Ср. ст. 305, 893, 1159. Въ ст. 667-й т. II ч. 1-я говорится о наложеніи Губ. Правленіемъ запрещенія или ареста на имущество лицъ, подвергшихся слѣдствію за преступленія по должности. Тамъ-же, въ ст. 722-й, сказано о „предварительномъ разсужденіи въ Губ. Правленіи“ относительно полицейскаго наложенія запрещенія какъ вообще, такъ и въ случаѣ взятія имѣнія въ опеку, для предупрежденія совершенія крѣпостныхъ актовъ (ср. ст. 183 уст. о пред. и пресѣч. прест.).

имѣютъ право налагать на срокъ объявленія такого положенія секвестръ на недвижимыя и арестъ на движимыя имущества и доходы съ нихъ, когда таковые являются *орудіемъ преступленій*. Въ ст. 1152 уст. уг. суд. закрытіе торговыхъ и ремесленныхъ заведеній и фабрикъ дозволяется казеннымъ управленіямъ, въ видѣ временной мѣры, *до постановленія суда*, когда нельзя пресѣчь обнаруженнаго нарушенія и нанесенія ущерба казенному интересу [1]). Въ ст. 1174 того же устава перечисляются случаи, когда таможнямъ, помимо суда, предоставлено право конфисковать задержанные предметы и налагать въ пользу казны взысканія [2]). По уст. о пред. и пресѣч. прест., духовныя лица отбираютъ, при содѣйствіи полиціи, неискусно писанныя или писанныя въ странномъ и соблазнительномъ видѣ иконы [3]). Эстампы, неискусной работы и изданные безъ разрѣшенія духовной цензуры, изображающіе святыхъ, отбираются [4]). Конфискуются вывозимыя изъ за границы изображенія священныя, употребляемыя въ карманахъ, на столѣ и стѣнахъ [5]). Ст. 114-я того же устава предписываетъ изъятіе изъ продажи оскорбительныхъ сочиненій (пасквилей), изображеній и подметныхъ писемъ. Статьею 1226-й закрытіе фабрикъ и заводовъ [6]) дозволяется административнымъ управленіямъ на тѣхъ же основаніяхъ и съ тою же отвѣтственностью, какъ и казеннымъ

---

[1]) Это правило не распространяется на заводы для выдѣлки нитей, закрытіе коихъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ по опредѣленію судебнаго мѣста (ст. 1153).

[2]) Ср. ст. 1175. Въ ст. 1162 перечислены случаи продажи арестованныхъ предметовъ, до постановленія о томъ суда.

[3]) Ст. 103.

[4]) Ст. 105.

[5]) Ст. 108.

[6]) См. ст. 863, 1075 и 1348—1351 ул. о нак. и ст. 110 уст. о нак. нал. мир. судьями.

управленіямъ [1]). Положеніемъ объ охранѣ [2]) генералъ-губернаторамъ и градоначальникамъ предоставлено закрывать всякія торговыя и промышленныя заведенія срочно или на время дѣйствія положенія усиленной охраны. Какъ уже указано было выше, временными правилами о печати, отъ 6-го апр. 1865 г., министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено дѣлать редакторамъ періодическихъ изданій предостереженія, причемъ 3-е предостереженіе влечетъ за собой пріостановку изданія на 6 мѣсяцевъ, а редакторамъ и сотрудникамъ газетъ и журналовъ, подвергнутыхъ такой пріостановкѣ, воспрещается, въ продолженіи оной, издавать отъ имени тѣхъ редакцій какія-либо изданія [3]). Если послѣ 3-го предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ пожелаетъ вовсе прекратить изданіе, то входитъ съ представленіемъ объ этомъ въ 1-й Департаментъ Сената. Кромѣ того, министру предоставлено воспрещать розничную продажу [4]) и пріостанавливать изданія на срокъ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ за нарушеніе воспрещенія оглашать какой-либо вопросъ государственной важности [5]); онъ же имѣетъ право задерживать книги или №№ повременныхъ изданій, представляя о воспрещеніи выпуска ихъ въ комитетъ министровъ [6]). Новѣйшимъ же закономъ установлено, что пріостанавливаемыя въ полицейскомъ порядкѣ изданія могутъ выходить потомъ только подвергаясь предварительной цензурѣ, причемъ цензорамъ предоставлено, въ случаяхъ усмат-

---

[1]) См. ст. 1152—1155. Въ случаѣ такихъ нарушеній, за которыя закономъ опредѣляется закрытіе питейнаго заведенія или лишеніе его содержателя правъ на торговлю и промыслы (ул. о нак. ст. 692, 693, 665 и 700—702), означенныя заведенія временно, впредь до судебнаго о томъ рѣшенія, закрываются полиціей на тѣхъ же основаніяхъ.

[2]) Ст. 16 п. *а*.

[3]) Зак. 17 Окт. 1866 г.

[4]) Зак. 14 іюля 1868 г.

[5]) Зак. 16 іюня 1873 г.

[6]) Собр. уз. 1872 г., № 457.

риваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, пріостанавливать выходъ его въ свѣтъ, не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Вопросъ о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій, выходящихъ какъ подъ предварительною цензурою, такъ и безъ нея, или о пріостановкѣ ихъ безъ опредѣленія срока, съ воспрещеніемъ редакторамъ-издателямъ быть впослѣдствіи редакторами-издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій, представляются совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, юстиціи и оберъ-прокурора Св. Сѵнода, при участіи, сверхъ того, тѣхъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, коими возбуждаются подобные вопросы. По ст. 182 XIV т. Св. З. [1]), въ предупрежденіе и пресѣченіе роскоши безмѣрной и разорительной, въ обузданіе излишества, безпутства и мотовства могутъ быть учреждаемы опеки надъ имѣніями расточителей, на основаніи установленныхъ для этого правилъ [2]), при чемъ на имѣнія, состоящія подъ опекой, налагается запрещеніе [3]), послѣ „предварительнаго разсужденія въ Губ. Правленіи“ по этому предмету [4]).

Совокупность приведенныхъ законовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, независимо отъ допущенія полицейскаго ареста или секвестра имущества и т. п., независимо также отъ проведенія яснаго различія между судебными, судебно-полицейскими и собственно-полицейскими арестомъ, секвестромъ и т. п., законодательство наше, кромѣ того, признаетъ, въ отношеніи къ этимъ дѣйствіямъ, больше правъ за полиціей и администраціей, чѣмъ за органами су-

---

[1]) Уст. о пред. и прес. прест. Объ историческомъ происхожденіи этой статьи см. *Исаченко*—Лица въ договорѣ, Юр. Вѣстн. за 1885 г. № 11.

[2]) Ср. ст. 527, 567, 573—575, 722 т. II ч. 1-я Св. З.

[3]) Ст. 183 уст. о пред. и прес. прест. XIV т. Св. З.

[4]) Ст. 722, 1524 т. II ч. 1-я Св. З.

дебными, чтó, разумѣется, принципіально никоимъ образомъ не можетъ быть оправдано.

г. *Письмовное право.* Право полиціи налагать запрещеніе на частную корреспонденцію подчиняется тѣмъ-же требованіямъ, которыя установлены и для наложенія запрещеній вообще; относительно же прочтенія писемъ проводится то основное начала, что оно можетъ имѣть мѣсто только въ силу судебнаго приказанія или разрѣшенія, т. е. оно можетъ быть только судебнымъ, а не судебно-полицейскимъ или собственно-полицейскимъ.

Въ русскомъ законодательствѣ начала эти не выдержаны, при чемъ и тутъ полиція и администрація пользуются бóльшими правами, чѣмъ органы судебные. Какъ мы указали уже выше [1]), судебный слѣдователь дѣлаетъ представленіе окружному суду о необходимости сдѣлать осмотръ или выемку и сообщаетъ почтовому или телеграфному начальству о задержаніи корреспонденціи. По разрѣшеніи окружнымъ судомъ, осмотръ и выемка дѣлаются въ присутствіи должностнаго лица почтоваго или телеграфнаго вѣдомствъ; корреспонденціи, неподлежащія выемкѣ, тотчасъ отсылаются по назначенію. Эти правила о выемкѣ и осмотрѣ распространяются и на случаи дознанія по преступленіямъ государственнымъ и по дѣламъ о противозаконныхъ сообществахъ; но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что выемку дѣлаютъ или жандармскіе чины съ дозволенія шефа, который входитъ въ соглашеніе съ министромъ юстиціи; если же дознаніе производитъ членъ палаты, то выемку и осмотръ онъ дѣлаетъ, безъ разрѣшенія окружнаго суда, самъ или чрезъ жандармерію или судебнаго слѣдователя. Согласно съ Положеніемъ о полицейскомъ надзорѣ [2]), министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ воспретить поднадзорнымъ непосредственное полученіе почтовой и телеграф-

---

[1]) № 58967 П. С. З.; № 641 С. уз. 1880 г.

[2]) Ст. 29.

ной корреспондеціи и въ такомъ случаѣ: 1) всѣ письма и депеши отправляются на просмотръ въ губернскихъ городахъ— къ мѣстному начальнику жандармскаго управленія, а въ уѣздахъ—къ мѣстному уѣздному исправнику, которые, или передаютъ ихъ по принадлежности, или, въ случаѣ предосудительнаго ихъ содержанія, задерживаютъ, при чемъ исправники всю задержанную корреспонденцію пересылаютъ немедленно къ начальнику жандармскаго управленія; 2) поднадзорный всю получаемую имъ корреспонденцію представляетъ на просмотръ тѣмъ-же лицамъ, которыя поступаютъ по правиламъ предшествующаго пункта, и 3) мѣстнымъ почтовымъ и телеграфнымъ учрежденіямъ сообщаются списки поднадзорныхъ, которымъ воспрещено непосредственное полученіе корреспонденціи, для исполненія съ ихъ стороны вышеизложенныхъ правилъ. Дозволяется пріемъ писемъ и посылокъ отъ ссыльно-поселенцевъ, за исключеніемъ состоящихъ подъ особымъ надзоромъ полиціи по распаряженію правительства [1]).

д. *Личное задержаніе*. Русское законодательство перечисляетъ слѣдующія мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда: 1) отобраніе вида на жительство, или обязаніе подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства; 2) отдача подъ особый надзоръ полиціи; 3) отдача на поруки; 4) взятіе залога; 5) домашній арестъ и 6) взятіе подъ стражу [2]). Эти мѣры, имѣя, въ сущности, значеніе формъ личнаго задержанія, такъ какъ ими въ бо́льшей или ме́ньшей мѣрѣ ограничивается личная свобода, полиція принимаетъ, до прибытія судебнаго слѣдователя, въ слѣдующихъ случаяхъ [3]): 1) когда преступленіе совершается или только что совершилось, 2) когда потерпѣвшіе или очевидцы

---

[1]) Ст. 737 уст. о ссыльн.
[2]) Ст. 416 уст. уг. суд.
[3]) Ст. 257 уст. уг. суд.

укажутъ на виновника, 3) когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ откроютъ слѣды преступленія, 4) когда вещественныя доказательства преступленія принадлежатъ подозрѣваемому, 5) когда подозрѣваемый покушается на побѣгъ или пойманъ во время или послѣ побѣга и 6) когда подозрѣваемый не имѣетъ осѣдлости. Мѣры эти примѣняются въ слѣдующемъ порядкѣ [1]): 1) противъ обвиняемыхъ, которымъ грозятъ тюрьма, смирительный домъ или крѣпость, безъ ограниченія правъ и преимуществъ, высшею мѣрою обезпеченія можетъ быть отдача на поруки. 2) Противъ обвиняемыхъ въ преступленіи или проступкѣ, подвергающихъ заключенію въ смирительномъ домѣ или крѣпости, съ ограниченіемъ правъ,— требованіе залога. 3) Если за преступленіе полагаются рабочій домъ, арестантскія роты, ссылка на житье въ Сибирскія и другія отдаленныя губерніи, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или же ссылка на поселеніе или въ каторжныя работы, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, то высшею мѣрою пресѣченія является содержаніе подъ стражей. 4) Содержаніе подъ стражей примѣняется къ неимѣющимъ осѣдлости и за менѣе важныя преступленія. 5) При избраніи мѣры пресѣченія принимаются во вниманіе не только строгость наказанія, но и сила уликъ, возможность скрыть слѣды преступленія, состояніе здоровья, полъ, возрастъ, положеніе обвиняемаго въ обществѣ.

Таковы общія начала примѣненія полиціей мѣръ воспрепятствованія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Разсматривая эти мѣры въ частности, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ перечислены въ законѣ, мы видимъ, что *отобранію подписки о неотлучкѣ* придается значеніе юридической формы естественной обязанности, лежащей на каждомъ состоящемъ

---

[1]) Ст. 417—421 уст. уг. суд.

подъ слѣдствіемъ, а потому на эту мѣру слѣдуетъ смотрѣть не столько какъ на самостоятельную, сколько какъ на прибавочную мѣру пресѣченія [1]). Такое же значеніе имѣютъ и *отобраніе вида на жительство* и *обязаніе подпискою о явкѣ*, съ тою разницей между ними, что во второмъ случаѣ подслѣдственное лице не теряетъ свободы передвиженія, въ первомъ же случаѣ, какъ и при подпискѣ о неотлучкѣ, передвиженіе обусловливается разрѣшеніями [2]).

Отдача подъ особый надзоръ полиціи [3]) имѣетъ значеніе въ самомъ дѣлѣ *особаго* полицейскаго надзора, такъ какъ, во первыхъ, онъ отличается отъ негласнаго полицейскаго надзора [4]), во вторыхъ, онъ отличается отъ полицейскаго надзора, примѣняемаго какъ собственно-полицейская мѣра [5]), въ третьихъ, она отличается отъ полицейскаго надзора, постановляемаго судебными приговорами [6]), и, въ четвертыхъ, въ данномъ случаѣ полиція должна направить свой надзоръ къ особой, совершенно опредѣленной цѣли, а именно—къ воспрепятствованію обвиняемому возможности уклоняться отъ слѣдствія и суда [7]). Этотъ предварительный или предупредительный полицейскій надзоръ, въ зависимости отъ того, основывается ли онъ на постановленіи судебнаго слѣдователя или-же полиціи, но во всякомъ случаѣ разсматриваемый не иначе какъ мѣра пресѣ-

---

[1]) Ст. 76, 77, 415, 416 и 429 уст. уг. суд. *Кистяковскій*—О пресѣченіи, стр. 148.

[2]) На разницу эту не указано въ законѣ (см. ст. 415 уст. уг. суд.), но она разумѣется сама собою.

[3]) Ст. 416 уст. уг. суд., ст. 1-я уст. о пред. и пресѣч. прест.

[4]) Ст. 539 т. II ч. 1 Св. З.

[5]) См. Полож. о полиц. надзорѣ ст. 1-я прим., ст. 1-я уст. о пред. и пресѣч. прест., ст. 908 уст. о ссыльныхъ и др.

[6]) См. Полож. о полиц. надзорѣ ст. 1-я прим., *Кистяковскій*—Элементарный учебникъ уг. пр. Полицейскій надзоръ.

[7]) *Кистяковскій*—О пресѣченіи, стр. 149, едва-ли основательно выводитъ это заключеніе изъ значенія слова „особый". Объ *особомъ* полицейскомъ надзорѣ говорится также и въ ст. 48 и 49 ул. о нак., между тѣмъ какъ этотъ надзоръ въ данномъ случаѣ отнюдь не имѣетъ значенія мѣры пресѣченія.

ченія, оказывается, въ сущности, совершенно неопредѣленнымъ въ законодательствѣ. Есть одна статья закона, въ которой говорится, что гласный полицейскій надзоръ не долженъ быть стѣснительнымъ [1]); но одного такого указанія, разумѣется, еще недостаточно, вслѣдствіе чего вообще, судя по отзывамъ органовъ судебной власти и полиціи, надзоръ этотъ обыкновенно не достигаетъ своей цѣли и онъ примѣняется сравнительно рѣдко [2]), какъ это видно, напр., изъ того, что въ 1879 г., при 30787 чел. содержавшихся подъ стражей, подъ особымъ надзоромъ полиціи находилось всего 8536 чел., а въ мировыхъ судахъ то-же сравненіе выражается цифрами 19169 и 12 [3]).

Поручительство состоитъ въ денежной отвѣтственности по-

---

[1]) Ст. 545 т. II ч. 1-я Св. З. Положеніе о полицейскомъ надзорѣ, отъ 12-го марта 1882 г., является, какъ мы увидимъ ниже, сплошнымъ нарушеніемъ этой статьи.

[2]) Гораздо бо́льшею опредѣленностью отличается собственно-судебный полицейскій надзоръ, учреждаемый, какъ добавочное наказаніе, въ силу закона, надъ лицами приговоренными къ извѣстнаго рода уголовнымъ или исправительнымъ наказаніямъ. Въ какихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто этотъ надзоръ, указываютъ ст. 44, 48, 49 и 51 ул. о нак.; 886 уст. о ссыльныхъ и др. при чемъ не тяжесть и свойство преступленія, а тяжесть и видъ наказанія служатъ основаніемъ для опредѣленія срока полицейскаго надзора. Взятіе подъ надзоръ осужденныхъ возлагается на полицію (950 ус. уг. суд.). Поднадзорные не могутъ перемѣнять мѣстожительства и удаляться отъ онаго безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія полиціи или общества (надзоръ принадлежитъ обществу, которое возьметъ выбывшаго изъ арест. ротъ). Иногороднымъ воспрещается пребываніе въ столицахъ и губернскихъ городахъ въ теченіи всего срока надзора (1—4 года и безсрочно). Ст. 44, 48, 49, 51 ул. о нак.; ст. 1086 уст. о сод. подъ стражей: ст. 692 т. II ч. 1-я прим. Св. З. Для отлучки на 7 дней и не далѣе 10 верстъ выдаются виды. Ссыльнымъ, поселившимся въ городахъ для занятія ремеслами, запрещается имѣть учениковъ и порядокъ надзора относительно ихъ опредѣляется особыми предписаніями мѣстнаго Главнаго Управленія (610 уст. о ссыльныхъ). Ссыльные, приписанные къ деревнямъ, состоятъ подъ строгимъ надзоромъ, пока не обзаведутся домами и хозяйствомъ. Въ западной Сибири они подчиняются исключительно надзору уѣздныхъ полицій (ib. 679, 881; ст. 1460 т. II ч. 1-я Св. З.).

[3]) См. Сводъ статист. свѣдѣній за 1879 г. Изданіе министерства юстиціи. Спб. 1884.

ручителя, въ случаѣ уклоненія обвиняемаго отъ суда; *залогъ* же долженъ состоять въ деньгахъ или движимомъ имуществѣ, и можетъ быть представленъ какъ обвиняемымъ, такъ и другимъ лицомъ [1]). Сумма залога или поручительства не можетъ быть меньше вознагражденія, отыскиваемаго потерпѣвшимъ, если искъ его подкрѣпляется достовѣрными доказательствами [2]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опредѣляемыхъ закономъ, залогъ и поручительство имѣютъ значеніе преимущественной мѣры пресѣченія, а въ другихъ, наоборотъ, не допускается поручительства. Такъ, по дѣламъ казеннаго управленія, всѣ мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, за исключеніемъ взятія подъ стражу, замѣняются поручительствомъ или залогомъ въ суммѣ денежнаго взысканія [3]). Конокрады и укрыватели бѣглыхъ не могутъ быть отдаваемы на поруки [4]).

Къ числу мѣръ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда должно отнести также и *приводъ* [5]), о которомъ неоднократно упоминается въ законодательствѣ, хотя онъ и пропущенъ въ перечнѣ мѣръ пресѣченія, сдѣланномъ въ ст. 416-й ус. уг. суд. Хотя въ ст. 62

---

[1]) См. 76—83, 415—429 уст. уг. суд. *Кистяковскій*—О пресѣченіи, стр. 160—165.

[2]) Ст. 80 уст. уг. суд. Залогъ, который берется при подачѣ кассаціонныхъ жалобъ, разумѣется, не есть мѣра пресѣченія и, не смотря на перечисленныя въ ст. 177 и 910 изъятія отъ уплаты его, онъ имѣетъ значеніе весьма суровой мѣры противъ обремененія суда неосновательными жалобами. Дальнѣйшее сохраненіе этой мѣры, не смотря на вызванныя ею явленія отрицательнаго свойства, подаетъ поводъ къ предположенію, что въ основаніи ея лежатъ еще и соображенія фискальнаго свойства.

[3]) Ст. 1164. Очевидно, статья эта имѣетъ цѣлью защиту казеннаго интереса.

[4]) Ст. 304 и 738 уст. о пред. и пресѣч. прест. Въ основаніи этихъ статей лежатъ цѣли полицейскія.

[5]) Приводъ можетъ имѣть мѣсто не только въ отношеніи къ обвиняемымъ, но и въ отношеніи къ свидѣтелямъ (ст. 388, 438, 396, 592, 389 и др. уст. уг. суд.). Свидѣтели приводятся послѣ вторичной неявки безъ законныхъ причинъ (438 и 388 уст. уг. суд.), а обвиняемый—послѣ первой (389).

и 390-й ус. уг. суд. постановлено, что приводъ обвиняемаго дѣлается не иначе, какъ по предъявленіи ему формальной повѣстки, но отъ этого правила законъ допускаетъ отступленія, при обвиненіи въ преступленіи, караемомъ тюремнымъ заключеніемъ или болѣе строгимъ наказаніемъ, при укрывательствѣ и при неимѣніи постояннаго мѣста жительства, извѣстнаго ремесла или промысла [1]). Приводъ совершается, не смотря на званіе, чины и личныя преимущества приводимаго [2]), и, въ случаѣ сопротивленія со стороны приводимаго, противъ него употребляется сила [3]). Полиція прибѣгаетъ къ приводу самостоятельно: 1) когда задержанный при совершеніи преступленія ей неизвѣстенъ и не можетъ удостовѣрить своей личности и 2) когда есть опасеніе, что обвиняемый скроется, въ виду тяжести слѣдуемаго наказанія [4]). Приводъ производится, кромѣ случаевъ необходимости, днемъ [5]). До привода обвиняемый содержится въ домашнемъ арестѣ или подъ стражею, а послѣ привода съ него долженъ быть снятъ допросъ не позже сутокъ [6]). Причины отсрочки допроса, если онъ не былъ сдѣланъ въ теченіи первыхъ 12-ти часовъ послѣ привода, означаются въ протоколѣ, копія съ котораго выдается, по требованію обвиняемаго. Если слѣдователь не прибудетъ для допроса въ теченіи сутокъ по приводѣ обвиняемаго къ слѣдствію, то полиція составляетъ о томъ протоколъ и объявляетъ обвиняемому, на сколько ей извѣстно, о причинахъ его задержанія. Въ такомъ случаѣ обвиняемый можетъ объясниться съ полиціей, и, если изъ объясненія выяснится, что онъ задер-

---

[1]) Ст. 61 и 389 уст. уг. суд.

[2]) Ст. 396 уст. уг. суд. ср. ст. 1021 1240.

[3]) Ст. 391 уст. уг. суд.

[4]) Ст. 51.

[5]) Ст. 392. Эта же статья постановляетъ, что всякое оскорбленіе личности приводимаго влечетъ за собой законную отвѣтственность, но какую именно,—объ этомъ ничего не сказано.

[6]) Ст. 393 и 396.

жанъ по ошибкѣ или недоразумѣнію, то полиція обязана немедленно его освободить, съ означеніемъ въ протоколѣ причинъ, побудившихъ ее принять эту мѣру.—Такое нормированіе привода казалось бы цѣлесообразнымъ и соотвѣтствующимъ тѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявить въ данномъ случаѣ въ интересахъ личной свободы [1]), если бы не было многихъ указаній, дающихъ сорьезнаго основанія опасаться, что нормы эти низведены практикой до значенія мертвой буквы. Такъ, напр., изъ оффиціальныхъ данныхъ [2]) видно, что въ 1879 г. на 30787 личныхъ задержаній сравнительно ничтожная сумма, а именно 8157 [3]), приходилась на срокъ до 7 дней, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ срокъ задержанія превышалъ 7 дней, при чемъ въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ не установлено даже такой рубрики, которая соотвѣтствовала бы содержанію вышеприведенныхъ постановленій о приводѣ, т. е. совсѣмъ не указана сумма задержаній на срокъ не болѣе 1 сутокъ.

Относительно *домашняго ареста* законодательство отличается крайнею скудостью постановленій, въ практикѣ же эта мѣра пресѣченія примѣняется чрезвычайно рѣдко [4]). Въ ст. 393 уст. уг. суд. сказано, что до привода обвиняемый содержится въ домашнемъ арестѣ или подъ стражею. То же и до представленія залога или поручительства [5]).

---

[1]) См. *Кистяковскій*—О пресѣченіи, стр. 144—146. Также Судебные Уставы, 20-го ноября 1864 г., изд. Государственной Канцеляріи, ч. 2-я, Спб., 1866 стр. 149 и 152.

[2]) Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1879 году въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Изданіе мин. юстиціи. Въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1884.

[3]) По судебнымъ дѣламъ въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ, на 11618 личныхъ задержаній приходилось всего 9 на срокъ до 7 дней, а въ мировыхъ судахъ—8148 на 19169.

[4]) Въ 1879 г. на 11618 содержаній подъ стражей, по дѣламъ окружныхъ судовъ и суд. палатъ, приходилось всего 7 домашнихъ арестовъ, а въ мировыхъ судахъ на 19169—0.

[5]) Ст. 428 уст. уг. суд. По поводу этой статьи, проф. Кистяковскій указываетъ на неправильность постановки залога и поручительства, какъ равныхъ

Въ законѣ [1]) пояснено, что *содержаніе подъ стражею* употребляется: 1) какъ средство охраненія лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, во время производства надъ ними слѣдствія и суда, до постановленія и исполненія приговора, 2) какъ мѣра исправленія и наказанія и 3) какъ мѣра взысканія съ неисправныхъ должниковъ [2]). Никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ [3]), при чемъ требованіе о взятіи подъ стражу исполняется лишь тогда, когда оно послѣдовало въ опредѣленномъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства порядкѣ [4]). О взятіи подъ стражу долженъ быть составленъ протоколъ, съ точнымъ обозначеніемъ времени, лица задерживаемаго, преступнаго дѣйствія и основаній задержанія, за подписью того, кто сдѣлалъ постановленіе о задержаніи [5]). Постановленіе о взятіи подъ стражу предъявляется обвиняемому при самомъ отправленіи его въ мѣсто заключенія и, во всякомъ случаѣ, до истеченія сутокъ отъ времени

условій, ибо непредставленіе залога можетъ послужить поводомъ къ аресту, не смотря на готовность представить поручательство. Такимъ образомъ, при равномъ уголовно-юридическомъ положеніи, богатые люди, имѣющіе возможность представить залогъ, пользуются важнымъ преимуществомъ. О пресѣченіи, стр. 163. Въ ст. 57 ул. о нак. говорится о дом. арестѣ какъ о наказаніи.

[1]) Ст. 1-я уст. о содерж. подъ стражею, т. XIV Св. З.

[2]) Личное задержаніе, какъ средство взысканія съ неисправныхъ должниковъ, отмѣнено во всей Имперіи, за исключеніемъ губерній прибалтійскихъ и Царства Польскаго. Прим. по прод. 1881 г. къ ст. 1-й уст. о содерж. подъ стражею. Ст. 213 и 214, уст. о сод. подъ стражею.

[3]) Въ ст. 8-я уст. уг. суд. и ст. 56 и 57 ул. о нак. сдѣлано указаніе на помѣщенія для *осужденныхъ* къ аресту. См. также Врем. прав. для подвергаемыхъ аресту. Прил. къ ст. 7 уст. о содерж. подъ стражею, Св. З. т. XIV, прод. 1876 г. Въ ст. 2—4 уст. о содерж. подъ стражею, прод. 1876 и 1881 гг., сдѣланъ перечень мѣстъ содержанія подъ стражею. По ст. 10-й (нов. ред.) уст. уг. суд. кн. III разд. II, подозрѣваемые въ госуд. преступленіяхъ, подвергнутые задержанію въ тюрьмѣ, содержатся въ особыхъ помѣщеніяхъ.

[4]) Ст. 9 уст. уг. суд.

[5]) Ст. 84 и 430 уст. уг. суд.

его задержанія. Копія съ сего постановленія доставляется въ мѣсто заключенія обвиняемаго. Въ мѣстахъ заключенія ведутся реестры, въ которыхъ, при самой сдачѣ арестанта, означается постановленіе о его задержаніи. Въ реестрѣ расписываются сдающій и принимающій арестанта, причемъ первый получаетъ, вмѣсто квитанціи, выписку изъ статьи реестра, для представленія слѣдователю. Слѣдователь обязанъ увѣдомить лицъ прокурорскаго надзора какъ тогда, если арестуетъ, такъ когда не арестуетъ или освобождаетъ изъ-подъ ареста обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ; прокуроръ или его товарищъ имѣетъ право предложить слѣдователю о задержаніи обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ или освобожденнаго изъ-подъ стражи [1]). Всѣми этими условіями опредѣляется предварительный арестъ по постановленіямъ слѣдователей, которыя исполняются полиціей [2]). Относительно предварительнаго ареста, по постановленіямъ мировыхъ судей, не требуется обозначенія въ протоколѣ основаній взятія подъ стражу, выдачи подсудимому копіи съ протокола, сообщенія прокурору объ основаніяхъ взятія подъ стражу [3]); но, какъ толкуетъ проф. Кистяковскій, во всякомъ случаѣ мировой судья не избавленъ отъ обязанности объявлять подсудимому основаніе задержанія и выдавать копію протокола, если подсудимый того требуетъ [4]). Кромѣ того, какъ относительно

---

[1]) Ст. 284, 285, 430 — 432. *Кистяковскій*—О пресѣченіи, стр. 169, 175, 176.

[2]) Ст. 950 и др. уст. уг. суд.

[3]) Стр. 84 уст. уг. суд.

[4]) О пресѣченіи, стр. 193. Съ этимъ толкованіемъ нельзя не согласиться, въ особенности въ виду ст. 152-й уст. уг. суд., предоставляющей задержанному право подать частную жалобу мировому съѣзду. Что-же будетъ обжаловать задержанный, если ему неизвѣстны тѣ основанія къ задержанію, которыхъ держался мировой судья? и чѣмъ-же можетъ удостовѣрить задержанный, что мировой судья дѣйствительно держался такихъ-то основаній, если основанія эти не будутъ удостовѣрены самимъ мировымъ судьею въ копіи съ протокола!

предварительнаго ареста, такъ и предупредительнаго, постановлено, что священнослужители и монашествующіе могутъ быть задерживаемы по обвиненію въ важныхъ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія или потери всѣхъ особенныхъ правъ и принимуществъ, и лишь въ случаяхъ крайней въ томъ необходимости [1]). Полиція, въ предоставленныхъ ей закономъ случаяхъ, задерживаетъ военнослужащихъ наравнѣ съ прочими лицами. Если окажется необходимымъ привести къ слѣдствію или суду, или взять подъ стражу лицо военнаго вѣдомства, находящееся внѣ казармъ, или вообще внѣ мѣстъ, состоящихъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства, то полиція, мировой судья или суд. слѣдователь, сдѣлавъ надлежащее распоряженіе, увѣдомляютъ начальство взятаго подъ стражу [2]). Въ мѣстахъ исключительнаго вѣдѣнія военнаго начальства, къ задержанію военнослужащихъ можетъ быть приступлено только при содѣйствіи военнаго начальства [3]). Предварительный арестъ продолжается до замѣны его другой мѣрой пресѣченія, или до прекращенія слѣдствія, или до окончанія слѣдствія, или до суда или до оправдательнаго приговора [4]). О размѣрахъ примѣненія этой высшей мѣры пресѣченія по продолжительности предварительнаго содержанія подъ стражей можно судить по слѣдующимъ оффиціальнымъ даннымъ [5]): при 42 тыс. суд. дѣлъ, рѣшенныхъ въ 1879 г. въ окр. судахъ и суд. палатахъ, съ 15-ю тыс. оправдательныхъ и 27-ю тыс. обвинительныхъ приговоровъ, содержащихся подъ предварительнымъ арестомъ числилось въ томъ-же году 11618 чел., при чемъ на срокъ

---

[1]) Ст. 1021 уст. уг. суд. Кистяковскій—О пресѣченіи, стр. 151—153. Ср. ст. 396.

[2]) Ст. 1239 и 1240 уст. уг. суд.

[3]) Ст. 1241 уст. уг. суд.

[4]) Ст. 480, 819, 958, 968 и др. уст. уг. суд.

[5]) Сводъ статист. свѣдѣній. Изд мин. юст. Спб. 1884.

до 7 дней — 9 чел., 7 дн. до 1 мѣс. — 77 чел., 1-го до 3-хъ мѣс.—1047, 3 до 6 мѣс.—4012, 6 мѣс. до 1 г.—4830, 1 до 2 л.—1176, 2—3 л.—139, болѣе—37 [1]); въ мировыхъ судахъ, при 60 тыс. чел., судившихся въ 1879 г., изъ коихъ 23 тыс. было оправдано, а 37 тыс. чел. осуждено, подъ предварительнымъ арестомъ находилось 19169 чел., причемъ на срокъ до 7 дней—8148 чел., 7 дн. до 1 мѣс.—7191, 1 до 3 мѣс.—2994, 3—6 м.—597, 6 м. до 1 г.—180, 1—2 л.—28, 2—3 л.—1, болѣе—2, до представленія залога—7 [2]).

Что касается предупредительнаго ареста, то цѣлымъ рядомъ узаконеній, изъ которыхъ только немногія заключаются въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, полиціи вмѣняется въ обязанность поимка преступниковъ [3]), т. е. личное задержаніе ихъ, которое заканчивается или приводомъ или заключеніемъ подъ стражу [4]). Очевидно, приводомъ заканчивается собственно-предупредительное или судебно-полицейское личное задержаніе, такъ какъ всякая мѣра пресѣченія, принятая послѣ этого органами судебными, а не полицейскими, не будетъ уже мѣрою предупредительною. О томъ, какъ нормированъ приводъ, сказано уже выше, а потому здѣсь

---

[1]) Остальные 291 чел. содержались до взноса денежнаго обезпеченія, но сколько именно времени,—на это не указано.

[2]) Относительно остальныхъ 21 чел. срокъ оказывается неопредѣленнымъ въ вышеуказанныхъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ.

[3]) Ст. 1327, 1338, 1389, 1455, 1457, 1472, 1495, 1524, 2571, 2589, 2663—2666, 4119, 4130 и др. т. II ч. 1-я Св. З.; ст. 60 п. 2, 83 п. 3 и 7, 150 Пол. 19-го февр.; с. 137, 196, 304, 309, 314, 315, 316, 317, 320, 322 и др. уст. о пред. и пресѣч. прест.; ст. 584, 585, 587, 588, 592, 593, 595, 596, 598, 606, 730 и др. уст. о пасп.; ст. 855 и др. уст. о ссыльныхъ; ст. 21 и 29 Пол. объ охранѣ. Поимка преступниковъ вмѣняется въ обязанность не одной только полиціи, но и многимъ другимъ должностнымъ и даже частнымъ лицамъ (см., напр. ст. 585 уст. о пасп.), при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ установлена за поимку денежная награда (см., напр., ст. 602 и 610 уст. о пасп.).

[4]) См. ст. 250—261 уст. уг. суд. Разумѣется, возможны также случаи освобожденія отъ личнаго задержанія до привода, когда, напр., обнаружится явная ошибка.

ограничимся лишь добавочнымъ указаніемъ, что, повидимому, законодательство наше не допускаетъ непосредственнаго привода къ органамъ судебной власти тогда, когда личное задержаніе совершено не полиціей, такъ что во всѣхъ такихъ случаяхъ полиція является какъ-бы посредствующею инстанціей, и задержанный долженъ быть приведенъ предварительно въ полицію [1]). Такой порядокъ, разумѣется, только усложняетъ личное задержаніе, дѣлая его болѣе продолжительнымъ, отнюдь не въ интересахъ правосудія или безопасности и, тѣмъ болѣе, самого задержаннаго. Въ томъ-же случаѣ, когда личное задержаніе переходитъ въ предупредительное содержаніе подъ стражей, какъ это предусмотрѣно въ ст. 256—258 уст. уг. суд., полиція обязана руководствоваться правилами, которыя установлены для слѣдователей [2]). Это требованіе закона выражено, однако, не совсѣмъ ясно, тѣмъ болѣе, что, какъ указано было выше, оно ограничено до извѣстной степени въ отношеніи къ мировымъ судьямъ, вслѣдствіе чего рождается сомнѣніе въ томъ, распространяется ли оно въ цѣломъ своемъ объемѣ на полицію? Если на послѣдній вопросъ отвѣтить утвердительно, то представляется едва-ли цѣлесообразнымъ требовать отъ полиціи больше, чѣмъ отъ мироваго судьи; если-же къ полиціи предъявляется въ данномъ случаѣ это требованіе не въ полномъ его объемѣ, то необходимо точно указать, что̀ именно требуется. Это вопросъ первостепенной важности, такъ какъ, съ одной стороны, всуе законы писать, если ихъ не исполнять, а такое именно явленіе дѣлается неизбѣжнымъ при предъявленіи къ полиціи, въ составъ которой входятъ неграмотные сельскіе старосты, волостные старшины и т. п., такихъ требованій, которыя затруднились предъявить

---

[1]) См., напр., ст. 83 п. 3 Полож. 19-го февр. и ст. 361, 400—402, 1240 и др. уст. уг. суд.

[2]) Ст. 259, 415—432 уст. уг. суд.

даже мировымъ судьямъ [1]); съ другой же стороны, личное задержаніе гражданъ и заключеніе ихъ подъ стражу полиціей, разумѣется, должно быть обусловлено извѣстными формальностями, въ интересахъ политико-гражданской свободы. Въ данномъ случаѣ въ законѣ болѣе или менѣе ясно выражено только два требованія: 1) составленіе постановленія объ арестѣ и 2) содержаніе арестованнаго въ надлежащемъ мѣстѣ [2]).

Обязательность составленія постановленія объ арестѣ, категорически выраженная въ ст. 9, 257, 430, 431 и др. ус. уг. суд., была, однако, сомнительна для полиціи, въ виду того, что о ней не упомянуто было въ уставѣ о пред. и пресѣч. преступленій [3]), а потому, вслѣдствіе циркулярнаго предложенія министра вн. дѣлъ губернаторамъ, послѣдовавшаго 11-го марта 1869 г., по сношенію о томъ съ министромъ юстиціи, полиціи вмѣнено было въ обязанность соблюденіе правилъ относительно составленія постановленій объ арестѣ [4]). Что-же касается формы этихъ постановленій, какъ она опредѣлена для судебныхъ слѣдователей въ ст. 430 уст. уг. суд., то едва-ли она обязательна для полиціи, въ виду того, что въ ст. 84-й того-же устава опредѣлена еще и другая, упрощенная форма для мировыхъ судей; а за полиціей признается право на арестъ не только по дѣламъ подсуднымъ окружнымъ судамъ, но и по дѣламъ подсуднымъ мировымъ судьямъ. Кромѣ того, сенатскія рѣшенія интерпретировали ст. 10 уст. уг. суд. такъ, что прокуроры и судьи обязаны осво-

---

[1]) См. *Мордухай-Болтовскій*—Сборникъ узаконеній для руководства чиновъ полиціи и корпуса жандармовъ. Спб. 1872, стр. 65, 66 прим.

[2]) Ст. 9 и 10 уст. уг. суд.

[3]) Кромѣ того, въ гл. 1-й инстр. смотрителямъ тюремныхъ замковъ (прилож. къ ст. 96 уст. о содерж. подъ стражею) ничего не сказано о представленіи копій съ постановленій объ арестѣ.

[4]) Сборникъ циркуляровъ и инструкцій мин. юст., изд. 1870, стр. 163. См. *Мордухай-Болтовскій* стр. 63.

бождать изъ подъ стражи тѣхъ только задержанныхъ, относительно которыхъ не будетъ *никакого* постановленія, независимо отъ формы этихъ постановленій. Очевидно, что по этому предмету законъ долженъ высказаться яснѣе, такъ какъ, съ одной стороны, отсутствіе какой-либо обязательной формы для постановленій полиціи объ арестѣ лишаетъ ихъ всякаго юридическаго значенія, съ другой-же — не слѣдуетъ требовать отъ полиціи того, чего она даже и при добромъ желаніи выполнить не можетъ.

Требованіе содержанія въ надлежащемъ мѣстѣ сводится къ тому: 1) чтобы арестованные не содержались въ такихъ помѣщеніяхъ, за которыми законъ не признаетъ значенія мѣстъ заключенія [1]) и 2) чтобы арестованные съ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ содержались въ тѣхъ именно мѣстахъ заключенія, которыя установлены для этихъ случаевъ [2]).

Что касается срока заключенія подъ стражу полиціей, то по этому предмету въ уставѣ уголовнаго суд. и уставѣ о пред. и пресѣч. преступленій нѣтъ никакихъ точныхъ указаній даже въ той общей формѣ, какъ это сдѣлано относительно предварительнаго ареста, ибо всѣ постановленія устава уголовнаго судопроизводства о предупредительномъ личномъ задержаніи касаются лишь привода, а не собственно предупредительнаго ареста. Можно только путемъ толкованія придти къ заключенію, что срокъ этого ареста долженъ быть менѣе 7 дней и только въ отношеніи къ нѣкоторымъ категоріямъ арестованныхъ можетъ продолжаться до 7 дней. Основанія для такого толкованія даетъ Положеніе объ охранѣ. Въ ст. 21-й п. *а* этого Положенія сказано, что „*въ мѣстностяхъ дѣйствія положенія объ охранѣ* начальникамъ полиціи, жандармскихъ управленій и помощникамъ послѣднихъ предоставляется задерживать *до 2-хъ недѣль*, всѣхъ лицъ,

---

[1]) Ст. 2—4 уст. о сод. подъ стражею.

[2]) Ст., напр., ст. 10 (новой ред.) уст. уг. суд. кн. III разд. 2-й.

внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи *государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ*". По ст. 29-й того-же Положенія, „*въ мѣстностяхъ, необъявленныхъ въ исключительномъ положеніи*, начальникамъ полиціи, жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ предоставлено подвергать лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи *государственныхъ преступленій, въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконному сообществу*, предварительному аресту [1]) на срокъ *не болѣе 7 дней*". Слѣдовательно: только въ мѣстностяхъ, находящихся въ исключительномъ положеніи, предупредительный арестъ можетъ продолжаться до 2-хъ недѣль, и то только тогда, когда ему подвергаютъ по поводу государственныхъ преступленій или принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ. Предупредительный же арестъ, по тому-же поводу, въ мѣстностяхъ, необъявленныхъ въ исключительномъ положеніи, не можетъ продолжаться болѣе 7 дней; срокъ же предупредительнаго ареста по поводу преступленій и проступковъ вообще долженъ быть, значитъ, непремѣнно менѣе 7-ми дней. Кромѣ того, и это, разумѣется, очень важно, *подвергать предупредительному аресту могутъ только начальники полицій и ихъ помощники*, а отнюдь не всѣ органы полиціи вообще, за которыми, значитъ, законъ признаетъ право только на приводъ; приводъ-же можетъ повлечь за собой предупредительный арестъ, но *не иначе, какъ по постановленіямъ начальниковъ полицій и ихъ помощниковъ*. На сколько срокъ предупредительнаго ареста долженъ быть менѣе 7-ми дней, этого нельзя опредѣлить даже приблизительно, руководствуясь статьями устава уголовнаго судопроизводства о приводѣ, такъ какъ приводъ и предупредительный арестъ отнюдь не тождественны. Кромѣ

---

[1]) Слѣдовало бы сказать „предупредительному аресту".

того, на сколько въ законѣ точно и ясно опредѣлены послѣдствія привода и вытекающее изъ него соотношеніе между полицейскими органами и судебными, на столько, наоборотъ, законъ умалчиваетъ о томъ-же въ отношеніи къ предупредительному аресту. Въ уст. угол. судопр. сказано, что, по прибытіи судебнаго слѣдователя, полиція, волостные и сельскіе начальники, а равно и другія должностныя лица, исполняющія, въ кругу ихъ вѣдомства, полицейскія обязанности, передаютъ ему все производство и прекращаютъ свои дѣйствія по слѣдствію до полученія особыхъ о томъ порученій [1]). Судебный слѣдователь имѣетъ право повѣрять, дополнять и отмѣнять дѣйствія полиціи по произведенному ею первоначальному изслѣдованію [2]). По производству дознаній о преступныхъ дѣяніяхъ, полицейскіе чины состоятъ въ непосредственной зависимости отъ прокуроровъ и ихъ товарищей [3]). Наконецъ, полицейскіе чины, волостные и сельскіе начальники [4]), за упущенія и безпорядки по слѣдственной части, привлекаются къ отвѣтственности прокуроромъ, подъ наблюденіемъ коего слѣдствіе производилось [5]). Редакція этой статьи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ упущеніяхъ и безпорядкахъ только по дѣйствіямъ, порученнымъ полиціи органами судебнаго вѣдомства, такъ какъ въ противномъ случаѣ, имѣя въ виду статью 279, не былъ-бы употребленъ терминъ „слѣдственная часть“ и не исходили-бы изъ невозможнаго предположенія, что всѣ слѣдственныя дѣйствія полиціи совершаются непремѣнно подъ на-

---

[1]) Ст. 260 и 261.

[2]) Ст. 269. По толкованію Сената (№ 1326, 1872 г.), законъ этотъ отнюдь не обязываетъ слѣдователя дѣлать всегда эту повѣрку дѣйствій полиціи. Кромѣ того, законъ этотъ редактированъ такъ, какъ будто повѣрка не касается принятыхъ полиціей мѣръ пресѣченія.

[3]) Ст. 279.

[4]) Пропущено „и другія должностныя лица“, о которыхъ упоминается въ ст. 261-й.

[5]) Ст. 485 ср. ст. 487.

блюденіемъ прокурора [1]). Такимъ образомъ, законъ не только не опредѣляетъ продолжительности предупредительнаго ареста, но не опредѣляетъ также сколько нибудь точно, ясно и безспорно послѣдствій его.

Практика не приминула воспользоваться замѣчательною неясностью и неполнотой закона по вопросу о предупредительномъ арестѣ. Необыкновенно часто повторяющееся легкомысленное и, въ большинствѣ случаевъ, безнаказанное примѣненіе полиціей этой высшей мѣры пресѣченія является прямымъ порожденіемъ существеннаго пробѣла въ законодательствѣ. Если примѣненію привода и предварительнаго ареста, нормированныхъ несравненно полнѣе и обстоятельнѣе, не чужды нѣкоторыя темныя стороны, удостовѣряемыя оффиціальными, данными, то можно-ли ожидать отъ полиціи, чтобы она осмотрительностью, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу и доброжелательствомъ исправляла промахи закона? Какъ бы въ отвѣтъ на это, практика не преминула представить многочисленные случаи предупредительнаго ареста безъ сколько нибудь уважительныхъ къ тому поводовъ, содержанія подъ стражей на основаніи стереотипныхъ постановленій, написанныхъ карандашемъ на лоскуткахъ бумаги, ничѣмъ не оправдываемой продолжительности личнаго задержанія и т. п.

Переходныя ступени отъ предупредительнаго ареста къ собственно-полицейскому личному задержанію. Если несомнѣнно, что между предварительнымъ и предупредительныхъ арестами существуетъ вполнѣ опредѣленная, непосредственная граница, явствующая изъ конечной цѣли предупредительнаго ареста, которая заключается въ томъ, чтобы передать преступника органамъ юстиціи и этимъ обезпечить наказуемость пре-

---

[1]) Соединенное присутствіе 1-го и уг. касс. деп. Сената толкуетъ эту статью иначе, разумѣя въ данномъ случаѣ упущенія и безпорядки и по тѣмъ дѣйствіямъ полиціи, которыя она совершаетъ самостоятельно (рѣш. 29 Апр. 1871 г. по дѣлу Стройникова); но толкованіе это иначе какъ дополненіемъ закона нельзя назвать.

ступленія, то нельзя сказать того-же относительно разграниченія предупредительнаго ареста и собственно—полицейскаго личнаго задержанія. Предупредительному аресту, какъ мы указали на это въ первой части нашего изслѣдованія, полиція подвергаетъ *не иначе, какъ только по поводу преступленія или проступка*, въ обезпеченіе наказуемости виновныхъ, ибо безнаказанность преступленій или проступковъ есть явленіе несомнѣнно опасное, несогласное съ тою основною цѣлью полиціи, которая заключается въ охранѣ безопасности. Полицейское личное задержаніе имѣетъ мѣсто и не по поводу какого либо преступленія или проступка, а вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обществу или индивиду угрожаетъ такая опасность, которая можетъ быть устранена только личнымъ задержаніемъ. Казалось бы, такого различія совершенно достаточно для полнаго разграниченія, безъ какихъ-либо переходныхъ ступеней, обоихъ родовъ личнаго задержанія; однако, въ дѣйствительности это не такъ, и потому именно, что здѣсь различіе опредѣляется исключительно только ближайшею непосредственною цѣлью, а не ближайшимъ, непосредственнымъ поводомъ, вслѣдствіе чего возможно совпаденіе, сходство послѣднихъ въ обоихъ случаяхъ ограниченія свободы. Ближайшая, непосредственная цѣль предупредительнаго ареста заключается въ передачѣ арестованнаго органомъ юстиціи; поводомъ же къ этому аресту служитъ исключительно только наличность совершоннаго преступленія или проступка. Ближайшая непосредственная цѣль полицейскаго личнаго задержанія заключается въ устраненіи опасности; поводомъ-же къ этому задержанію служитъ наличность той или другой опасности, которая, между прочимъ, можетъ находиться иногда въ бо́льшей или меньшей связи и какимъ либо преступленіемъ или проступкомъ. Вотъ почему между предупредительнымъ арестомъ и полицейскимъ личнымъ задержаніемъ, при отсутствіи рѣзко опредѣленной границы, существуютъ переходныя ступени, въ

зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ поводъ къ этому задержанію находится въ большей или меньшей связи съ какимъ бы то ни было преступленіемъ или проступкомъ. Переходныя ступени эти слѣдующія: а) предупредительный арестъ, б) личное задержаніе обвиняемыхъ, оставленныхъ органами юстиціи на свободѣ, в) личное задержаніе оправданныхъ преступниковъ, если оправданіе воспослѣдовало за недостаткомъ уликъ, не устранивъ подозрѣнія, г) личное задержаніе преступниковъ отбывшихъ уже свое наказаніе и д) личное задержаніе въ качествѣ полицейскаго наказанія. Затѣмъ слѣдуетъ уже собственно — полицейское личное задержаніе. Теоретическая оцѣнка всѣхъ этихъ переходныхъ ступеней сдѣлана нами въ 1-й ч. нашего изслѣдованія, съ указаніемъ также на практическое примѣненіе ихъ и на степень ихъ практической цѣлесообразности или, наоборотъ, негодности [1]), а потому здѣсь мы ограничимся лишь анализомъ русскаго законодательства и практики по тому-же предмету.

а) *Предупредительный арестъ.* Полиція, дѣйствуя въ качествѣ служебнаго органа юстиціи, подвергаетъ предупредительному аресту исключительно только по поводу преступленія или проступка и съ исключительною цѣлью обезпечить наказуемость преступленія. Но нерѣдко полиція, дѣйствуя совершенно самостоятельно и преслѣдуя только свою цѣль, подвергаетъ аресту также по поводу какихъ либо преступленій или проступковъ, которые, однако, сами по себѣ, независимо отъ связываемаго съ ними представленія объ опасности, не могли-бы служить достаточнымъ основаніемъ для того ареста, который служитъ цѣлямъ правосудія. Арестъ этотъ нельзя назвать предупредительнымъ, въ точномъ смыслѣ этаго слова, ибо онъ только косвенно и отнюдь не во всѣхъ случаяхъ служитъ цѣлямъ юстиціи; но арестъ этотъ нельзя назвать также

---

[1]) Стр. 114—149.

и собственно—полицейскимъ, ибо поводомъ ему служитъ преступленіе или проступокъ. Поэтому такой арестъ занимаетъ какъ-бы серединное положеніе, онъ является какъ-бы переходною ступенью отъ собственно—предупредительнаго ареста къ собственно-полицейскому личному задержанію.

Русское законодательство открываетъ широкій просторъ для примѣненія этаго именно ареста. Не говоря уже о дважды цитированныхъ выше двухъ статьяхъ положенія объ охранѣ, въ которыхъ говорится объ арестѣ полиціей по поводу довольно неопредѣленнаго подозрѣнія въ совершеніи государственнаго преступленія или въ прикосновенности къ противозаконному сообществу [1]), ст. 60, 83 и 150 Положенія 19 февраля вмѣняютъ въ обязанность волостнымъ и сельскимъ начальствамъ задерживать бродягъ, бѣглыхъ и военныхъ дезертировъ. Въ уст. о пред. и пресѣч. прест. говорится объ арестѣ: уличенныхъ въ бродяжничествѣ для прошенія милостыни [2]), нищихъ—бродягъ и безпаспортныхъ [3]); въ уст. о пасп.—проживающихъ безъ установленныхъ видовъ или непрописанныхъ въ полиціи [4]), безпаспортныхъ переходящихъ границу [5]), бѣглыхъ, безпаспортныхъ и дезертировъ [6]), несовершеннолѣтнихъ дѣтей, находящихся въ бѣгахъ отъ родителей [7]). Въ

---

[1]) Ст. 21 и 29.

[2]) Ст. 195.

[3]) Ст. 196; ст. 1524 т. II ч. 1-я.

[4]) Ст. 333 по прод. 1881 г. Такія лица, по усмотрѣнію градоначальника, представляются министру вн. дѣлъ или-же привлекаются къ отвѣтственности въ установленномъ порядкѣ.

[5]) Ст. 481. Ст. 585 по прод. 1876 г. перечисляетъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, которымъ вмѣняется въ обязанность особый надзоръ за безпаспортными, бѣглыми и дезертирами; такими должностными лицами являются, напр., вол. старшины, сельскіе старосты, настоятели и старшая братія монастырей, мѣстное начальство калонистовъ и т. п. Общій-же надзоръ за этими лицами принадлежитъ городской и уѣздной полиціи (ст. 586).

[6]) Ст. 587, 588, 598, 614. Для поимки этихъ лицъ могутъ быть призываемы къ содѣйствію воинскія команды (592, 593). Обязанности полиціи при такихъ поимкахъ опредѣлены въ ст. 595 и 596.

[7]) Ст. 602. Полиція заботится не только о поимкѣ бѣглыхъ и дезертировъ,

уставѣ о ссыльныхъ сказано, что для взятія ссыльнаго подъ стражу начальство не стѣсняется правилами общихъ уголовныхъ законовъ; ссыльный можетъ быть задержанъ во всякомъ случаѣ, коль скоро есть на него подозрѣніе [1]).

б) *Личное задержаніе обвиняемыхъ, оставленныхъ судебными органами на свободѣ.* Судебные органы могутъ считать неосновательнымъ примѣненіе къ какому либо обвиняемому ареста, въ качествѣ мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, тогда какъ полиція можетъ почему-либо счесть примѣненіе личнаго задержанія къ тому-же субъекту единственнымъ способомъ устраненія опасности. Русское законодательство такого права за полиціей не признаетъ [2]); но выше указано было на случаи, когда законъ не дозволяетъ, руководствуясь исключительно только полицейскими соображеніями, примѣненія порукъ, какъ мѣры пресѣченія, въ отношеніи къ нѣкоторымъ категоріямъ преступниковъ, напр.—въ отношеніи къ бродягамъ, бѣглымъ, конокрадамъ и т. п. [3]), замѣняя поруки и другія слабѣйшія мѣры пресѣченія заключеніемъ подъ стражу. Иногда судебное личное задержаніе, какъ наказаніе по приговору суда, или-же предварительный арестъ, какъ судебная мѣра пресѣченія, усложняются, ради полицейскихъ соображеній, какою нибудь добавочною формою ограниченія личной свободы, по усмотрѣнію полиціи или ад-

---

но обязана, кромѣ того, дѣлать изслѣдованія о пристанодержательствѣ (ст. 730). За поимку бѣглецовъ установлена даже награда (ст. 601, 602, 610).

[1]) Ст. 855. Распорядившійся о задержаніи отвѣтствуетъ тогда только, когда изъ дѣла ясно обнаружатся его пристрастіе или явная неправильность дѣйствій.

[2]) Разумѣется, бываютъ случаи, что полиція подвергаетъ личному задержанію обвиняемаго, оставленнаго органами юстиціи на свободѣ; но такое личное задержаніе можетъ имѣть мѣсто только отнюдь не въ качествѣ коррективa или восполненія дѣйствій судебныхъ органовъ, а въ качествѣ собственно-полицейскаго ареста, какъ, напр., это бываетъ при личномъ задержаніи такихъ субъектовъ, которые, страдая психическимъ разстройствомъ, совершили какое-нибудь преступленіе и этимъ самымъ подали поводъ опасаться какого-нибудь новаго нарушенія безопасности съ ихъ стороны. См. 1 ч. нашего изслѣдованія, стр. 143—145.

[3]) Уст. о предупр. и пресѣч. прест. ст. 195, 196, 304 и др. Уст. о паспор. ст. 481.

министраціи. Такъ, по уст. о содер. подъ стражею, буйные и непокорные арестанты сажаются въ карцеръ, на срокъ 1—6 дней, по усмотрѣнію Комитетовъ и Отдѣленій [1]). Въ предупрежденіе побѣговъ, содержащіеся подъ стражей, по обвиненію въ тяжкихъ преступленіяхъ, могутъ быть заковываемы въ кандалы. То-же относительно ссыльныхъ, а каторжные обыкновенно слѣдуютъ въ оковахъ. Въ Закавказскомъ краѣ эта мѣра можетъ быть принимаема во всѣхъ случаяхъ, когда она признается необходимою, съ разрѣшенія уѣздныхъ начальниковъ, которые доносятъ о томъ губернатору [2]). Ссыльнымъ мущинамъ, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія, бреютъ половину головы [3]). Изъ содержащихся подъ стражею не заковываются въ кандалы: 1) малолѣтніе, 2) по закону изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній и 3) женщины [4]). За побѣгъ изъ подъ стражи, до окончанія слѣдствія и суда или до исполненія приговора, примѣняются болѣе строгія мѣры [5]). За всякое ложное показаніе или упорное молчаніе, грубость, покушеніе на обманъ и неприличное поведеніе, ссыльный мо-

---

[1]) Ст. 56. Кромѣ карцера, законъ предусматриваетъ еще тѣлесныя наказанія и увеличеніе сроковъ содержанія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заключенія (рабочихъ домахъ и арест. ротахъ), по усмотрѣнію полиціи или администраціи (ст. 304—306, 1073—1076).

[2]) Ст. 170 по прод. 1876 г. Губернаторы обязаны немедленно разсматривать эти донесенія, и въ случаѣ неосновательнаго принятія такой мѣры, виновные отвѣчаютъ по 347 ст. уст. о наказан. См. также ст. 347 уст. о ссыльн. Каторжные содержатся въ ручныхъ и ножныхъ оковахъ или только въ ножныхъ (ст 557 и 587).

[3]) Ст. 337 и 555. Запрещается ссыльнымъ, до распредѣленія ихъ въ г. Тюмени, вступать между собою въ бракъ (ст. 100 и 760).

[4]) Ст. 171 и 172. На малолѣтнихъ, осужденныхъ въ каторгу или на поселеніе, накладываются во время слѣдованія легкіе желѣзные прутья.—Смотря по распоряженію надлежащаго начальства, арестанты слѣдуютъ въ пути въ оковахъ или безъ нихъ (ст. 224 по прод. 1876). На ссыльныхъ, идущихъ безъ оковъ и неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, накладываются желѣзные прутья (ст. 96 уст. о ссыльн.). Осужденные къ ссылкѣ на житье въ Сибирь препровождаются безъ оковъ и наручней (ст. 510).

[5]) Ст. 178.

жетъ быть посаженъ на хлѣбъ и воду въ особомъ отдѣленіи тюрьмы, съ прекращеніемъ всякихъ сообщеній; въ случаѣ-же важныхъ дерзостей виновный заковывается въ цѣпи, „хотя-бы по роду дѣла ссыльный и не подлежалъ этой предосторожности“ [1]). Если каторжный или поселенецъ былъ неоднократно подвергнутъ уг. наказанію, то мѣстному начальству предоставляется усиливать наказаніе одною изъ исправительныхъ мѣръ, указанныхъ въ ст. 804 (п. 3), 805 и 806 (п. 2—5) уст. о ссыльныхъ [2]). Если каторжные срочные отряда исправляющихся, бывъ уже въ означенномъ отрядѣ, наказаны по формальной полицейской расправѣ [3]), а затѣмъ снова изобличаются въ преступленіи, полицейскому изслѣдованію подлежащемъ, или-же въ побѣгѣ, то, независимо отъ наказаній, налагаемыхъ по суду, они должны быть смѣщаемы въ отрядъ исправляющихся: кат. 1-го разряда на 3 года, а каторжные 3-го разряда на $1^1/_2$ г. [4]). За неисполненіе правилъ, предписанныхъ въ ст. 11—29 Положенія о полиц. надзорѣ, поднадзорные подвергаются безъ суда аресту при полиціи [5]). За маловажные проступки, учиненные ссыльно-поселенцемъ и каторжнымъ во время тюремнаго заключенія [6]), онъ можетъ быть подвергаемъ тюремнымъ начальствомъ [7]) наказанію розгами или плетьми, въ размѣрахъ, установленныхъ закономъ [8]).

---

[1]) Ст. 859 уст. о ссыльн.

[2]) Ст. 828 уст. о ссыльн.

[3]) Ст. 841.

[4]) Ст. 829.

[5]) Ст. 32 Пол. о пол. надзорѣ.

[6]) Ст. 803 уст. о ссыльныхъ. Преступленія и проступки, подлежащіе по общимъ законамъ наказанію, невосходящему до заключенія въ рабочемъ домѣ, признаются въ отношеніи къ ссыльно-поселенцамъ и каторжнымъ маловажными. Къ нимъ причисляются также: кратковременныя отлучки изъ мѣстъ поселенія или работъ и просрочки отпусковъ, непризнаваемыя побѣгомъ (ст. 809), нетрезвое и буйное поведеніе, лѣность къ работѣ или нерадѣніе къ домообзаводству, своевольство и другія подобныя симъ нарушенія установленнаго порядка и благочинія.

[7]) Ст. 807.

[8]) Ст. 804. За маловажныя преступленія и проступки (ст. 803) ссыльно-по-

Независимо отъ этихъ мѣръ наказанія, если ссыльно-поселенецъ, по какимъ-либо причинамъ, лично генералъ-губернатору извѣстнымъ, признается подозрительнымъ и опасныхъ, или когда, не исправляясь послѣ неоднократнаго повторенія наказанія, онъ, по развратному или буйному поведенію, не можетъ быть терпимъ на мѣстѣ жительства, то подвергается переселенію въ другія, и особенно въ малолюдные округа той-же или иной губерніи. Съ переселяемымъ отправляется и его семейство. Впрочемъ, изъ женщинъ подвергаются этому наказанію только незамужнія [1]). Очевидно, что въ большей части перечисленныхъ здѣсь случаевъ личное задержаніе или отягощеніе участи задержанныхъ имѣютъ значеніе расправы или полицейскихъ наказаній, примѣняемыхъ полиціей или администраціей.

в) *Личное задержаніе оправданныхъ преступниковъ.* Сюда относятся всѣ случаи, когда полиція въ той или другой формѣ лишаетъ въ большей или меньшей мѣрѣ свободы тѣхъ оправданныхъ судомъ преступниковъ, которые представляются ей, однако, почему-либо подозрительными или опасными. Въ ст. 868 устава о ссыльныхъ постановлено, что каторжный или поселенецъ, оставленный судомъ въ подозрѣніи, отдается, по распоряженію генералъ-губернатора или губернатора, подъ особый строгій присмотръ мѣстнаго начальства. Независимо отъ сего, генералъ-губернаторы и губернаторы могутъ ссыльныхъ, оставлянныхъ судомъ въ подозрѣніи, подвергать, смотря по обстоятельствамъ, слѣдующимъ мѣрамъ

селенцы могутъ быть подвергаемы, по усмотрѣнію мѣстныхъ начальствъ, слѣдующимъ мѣрамъ наказанія: 1) наказанію на тѣлѣ розгами не свыше 100 ударовъ; 2) заключенію подъ стражу или употребленію въ городскую или сельскую общественную работу на срокъ не болѣе мѣсяца; 3) отдачѣ въ работу на заводъ или въ арестантскую или-же въ поселенческую рабочую роту на время до 1 года. Заключеніе подъ стражу и отдача въ работу, по 2 и 3 п. этой статьи, могутъ быть назначаемы виновному съ тѣлеснымъ наказаніемъ или безъ онаго.

[1]) Ст. 805.

испытанія: поселенцевъ переселять въ другіе округи. а въ отношеніи къ каторжнымъ принимать мѣры, указанныя въ 3 и 4 п. 806 ст. сего устава [1]). Ссыльные, изобличенные только въ умыслѣ или покушеніи на побѣгъ, какъ то—попустители, укрыватели, недоносители о зломъ умыслѣ или о совершенномъ уже преступленіи, подвергаются не суду, а взысканіямъ по непосредственному усмотрѣнію мѣстнаго начальства и въ мѣрѣ, симъ начальствомъ установляемой, на основаніи правилъ о маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ [2]). Точно также виновные только въ умыслѣ или покушеніи на перемѣну имени, или въ попущеніи, укрывательствѣ и недонесеніи о зломъ умыслѣ или совершенномъ преступленіи, подвергаются взысканію по усмотрѣнію мѣстной полицейской власти [3]). Лица, оставленныя въ подозрѣніи по преступленіямъ, караемымъ ссылкою въ каторжныя работы, въ случаѣ непринятія ихъ обществами, ссылаются на водвореніе въ Сибирь [4]). Здѣсь опять въ большей части случаевъ мы встрѣчаемся съ полицейской расправой и полицейскими наказаніями.

г) *Личное задержаніе преступниковъ, отбывшихъ свое наказаніе.* Въ отношеніи къ нѣкоторымъ категоріямъ преступ-

---

[1]) По ст. 806 уст. о ссыльныхъ, за маловажныя преступленія и проступки (ст. 803) каторжныхъ налагаются слѣдующія наказанія: 1) наказаніе на тѣлѣ плетьми не свыше 20 и розгами не свыше 100 ударовъ; 2) продолженіе по судебному приговору срока работъ на болѣе или менѣе долгое время; 3) для находящихся въ отрядѣ испытуемыхъ: а) продолженіе срока пребыванія въ отрядѣ до 1 года, б) наложеніе вновь оковъ, буде оныя сняты, 4) для каторжныхъ отряда исправляющихся, содержимыхъ въ острогахъ: а) продолженіе сроковъ для выпуска, б) содержаніе въ оковахъ, а если виновный принадлежитъ къ безсрочнымъ, то и переводъ въ отрядъ испытуемыхъ; 5) для исправляющихся, выпущенныхъ на жительство внѣ острога: переводъ въ острогъ, въ отрядъ каторжныхъ исправляющихся, на время до 1 года. Мѣры взысканія въ п. 2—5 могутъ быть соединяемы съ тѣлеснымъ наказаніемъ.

[2]) Ст. 826 и 803.

[3]) Ст. 827.

[4]) Ст. 222 прим. уст. о пред. и прес. прест.; ср. съ ст. 1328 т. II ч. 1-я ср. П. С. З. № 38128.

никовъ примѣняются мѣры безопасности, въ качествѣ, такъ называемыхъ, добавочныхъ наказаній, къ которымъ приговариваетъ судъ. Наиболѣе распространенная форма этихъ наказаній заключается въ отдачѣ подъ надзоръ полиціи, въ Англіи-же практикуется въ широкихъ размѣрахъ требованіе залога хорошаго поведенія или ненарушенія мира [1]). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ такого рода мѣры безопасности примѣняются и самою полиціей, помимо суда и не въ качествѣ добавочнаго наказанія, а именно полицейской мѣры безопасности; вслѣдствіе чего и о мѣрахъ этаго рода упоминается не въ уголовныхъ уложеніяхъ, а въ соотвѣтствующихъ полицейскихъ уставахъ. Русское законодательство очень богато постановленіями по этому предмету. Въ ст. 875 уст. о ссыльн. сказано, что въ предупрежденіе распространенія секты духоборческой и молоканской между ссыльно-поселенцями и каторжными, духоборцевъ и молоканъ должно имѣть подъ строгимъ присмотромъ [2]). Сектанцы духоборцы, иконоборцы, малокане, іудействующіе и др., сосланные въ Восточную Сибирь, находятся подъ „строжайшимъ“ надзоромъ мѣстной гражданской власти [3]). Воспрещается жительство и пребываніе въ столицахъ и губ. городахъ всѣмъ лицамъ, подвергшимся по судебнымъ приговорамъ отдачѣ подъ надзоръ обществъ и полицій [4]). Послушникамъ, исключеннымъ за дурное поведеніе изъ духовнаго званія, запрещается жить въ мѣстностяхъ, гдѣ находятся монастыри, изъ которыхъ они исключены [5]).

---

[1]) См. 1 ч. нашего изслѣдованія, стр. 135—143.

[2]) Распространители секты предаются суду и удаляются изъ настоящаго мѣстопроживательства: поселенцы — ссылкою въ отдаленный край Сибири, а каторжные—въ Нерчинскіе рудники, для содержанія подъ особымъ надзоромъ. Тѣ же правила соблюдаются относительно скопцовъ (ст. 876).

[3]) Ст. 908.

[4]) Ст. 168 уст. о паспортахъ по прод. 1876 г., а также уст. о содер. подъ стражей ст. 300 прим.

[5]) Прим. къ ст. 211 уст. о пред. и прес. прест. Въ данномъ случаѣ безразлично, послѣдуетъ-ли исключеніе изъ духовнаго званія въ силу судебнаго приговора или нѣтъ.

Священнослужителямъ, лишеннымъ духовнаго сана за дурное поведеніе, запрещается въѣздъ въ обѣ столицы въ теченіи 7-ми лѣтъ [1]). На отвѣтственность Губ. Пр. возлагается воспрещеніе всѣмъ лицамъ, подвергнутымъ по суд. приговорамъ надзору обществъ или полиціи, жительство и пребываніе въ губ. городахъ, равно какъ и принятіе мѣръ къ исполненію сего правила [2]). Властью вице-губернатора разрѣшаются дѣла о высылкѣ въ Сибирь неспособныхъ къ работѣ арестантовъ [3]). Если задержанный безъ паспорта въ Петербургѣ окажется безъ средствъ къ жизни, ведетъ предосудительную жизнь, подвергался суду за преступленія противъ порядка управленія, благочинія или чужой собственности, то полиція представляетъ градоначальнику о высылкѣ таковаго и о воспрещеніи ему пребыванія въ столицѣ; находящееся-же при градоначальникѣ совѣщательное присутствіе опредѣляетъ способъ высылки, т. е. долженъ-ли задержанный оставить добровольно столицу или необходимо принять понудительныя мѣры, которыя должны быть согласны съ дѣйствующими правилами относительно пересылки подобныхъ лицъ [4]). Выбывшіе изъ арест. ротъ и исправительныхъ отдѣленій ссылаются въ Сибирь на водвореніе, если общество откажется принять ихъ [5]). Переселяются въ Сибирь лица мѣщанскаго и крестьянскаго сословій, непринятыя въ свои общества послѣ суда или наказанія [6]). Въ отношеніи къ ссыльнымъ, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, мѣстному начальству предоставляется усиливать уголовное наказаніе, къ которому они приговорены, еще и наказаніемъ исправительнымъ [7]). Лица, исключенныя изъ по-

---

1) Ст. 213. См. предъидущее примѣчаніе.
2) Ст. 692 примѣч. т. II ч. 1 Св. З.
3) Ст. 725 т. II ч. 1-я.
4) Прилож. къ ст. 614 уст. о пасп. по прод. 1876 г.
5) Ст. 1883—1885 уст. о содер. подъ сражей.
6) Ст. 11 учр. и уст. о ссыльныхъ, по прод. 1876 г.
7) Ст. 834, 802—806.

датныхъ обществъ и непринимаемыя въ оныя за дурное поведеніе, высылаются въ Сибирь [1]). Чиновники, отставленные отъ службы за развратъ, высылаются на родину [2]). Исключеннымъ за дурное поведеніе чиновникамъ запрещается хожденіе по дѣламъ и сочиненіе прошеній, кромѣ лично ихъ касающихся [3]). То-же правило распространяется и на чиновниковъ состоящихъ подъ надзоромъ полиціи [4]). Лишеннымъ духовнаго сана священно-служителямъ запрещается вступать въ государственную службу или общественную по выборамъ службу,—священникамъ въ теченіи 20 лѣтъ,—діаконамъ въ теченіи 12 лѣтъ [5]). То-же правило распространяется на причетниковъ, звонарей, сторожей и пѣвчихъ [6]). Малолѣтніе бродяги, по достиженіи совершеннолѣтія, если не пожелаютъ приписаться къ податнымъ обществамъ, или общества не примутъ ихъ, обращаются въ военно-исправительныя роты и въ исправительныя арестантскія отдѣленія, если то дозволитъ состояніе ихъ здоровья [7]). Городскія и сельскія общества обязаны употреблять на работы бродягъ и нищихъ ихъ вѣдомства способныхъ къ труду [8]). Сосланнымъ въ Сибирь евреямъ запрещается селиться на 100 верстъ разстоянія отъ границы неподвластныхъ Россіи народовъ [9]). Водвореннымъ ссыльнымъ изъ кавказскихъ уроженцевъ и изъ жителей Пермской губерніи не дозволяются отлучки для промысла и прочихъ надобностей въ другія губерніи, кромѣ той, гдѣ они поселены [10]).

---

[1]) Ст. 240 прим. 3 уст. о пред. и пресѣч. прест.

[2]) Ст. 206.

[3]) Ст. 207. Отъ нарушившихъ это правило берутъ подписку о непарушеніи впредь никакихъ постановленій правительства (ст. 218).

[4]) Ст. 209.

[5]) Ст. 213.

[6]) Ст. 214 и 216.

[7]) Ст. 656 уст. о пасп. по прод. 1876 г.

[8]) Ст. 194 уст. о пред. и пресѣч. прест.

[9]) Ст. 263 прим. уст. о ссыльныхъ.

[10]) Ст. 267 и 736.

Губернскимъ Правленіямъ обѣихъ частей Сибири дозволяется по уважительнымъ причинамъ переводить приписанныхъ къ деревнямъ сторожиловъ изъ одной волости и округи въ другія [1]). Во избѣжаніе бродяжничества неводворенныхъ ссыльныхъ, мѣстное начальство обязано отдавать ихъ въ услуги зажиточнымъ поселянамъ, при чемъ плата зависитъ отъ мѣстнаго усмотрѣнія [2]). Ссыльно-поселенцамъ воспрещается переходъ въ городскія зданія; однако, при извѣстныхъ условіяхъ, высшею администраціей можетъ быть разрѣшаемо имъ занятіе торговлею и промыслами по гильдейскимъ и промысловымъ свидѣтельствамъ [3]).

д) *Личное задержаніе въ качествѣ полицейскаго наказанія или расправы.* Тѣ или другія формы ограниченія личной свободы, въ качествѣ наказанія, примѣняются общими судами, а также и такими судами, которые, въ силу ихъ бо́льшей или меньшей зависимости отъ администраціи, должны считаться полицейскими, будучи не столько органами правосудія, сколько орудіемъ принужденія. Но, кромѣ того, тѣ-же формы ограниченія личной свободы, и опять въ качествѣ полицейскаго наказанія или расправы, примѣняются и собственно-полицейскими судами или даже непосредственно полиціей и администраціей, или-же вообще уполномоченными на то несудебными органами. Выше мы указали на существованіе у насъ полицейскихъ судовъ перваго типа и на объемъ ихъ юрисдикціи; но, какъ отчасти также указано было уже выше, законодательство наше допускаетъ и полицейскіе суды втораго типа или собственно-полицейскіе суды, равно какъ оно уполномочиваетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ органы полиціи и администраціи налагать это наказаніе по своему усмотрѣнію [4]). По Положенію объ охра-

---

[1]) Ст. 681.

[2]) Ст. 722.

[3]) Ст. 735, прим. по прод. 1881 г., 736. Ст. 237 уст. торг. и ст. 20 пол. о пошлинахъ.

[4]) П. С. З. №№ 38218, 40610, 56182 и мн. др.

нѣ генералъ-губернаторы и градоначальники могутъ подвергать аресту до 3-хъ мѣсяцевъ за нарушеніе изданныхъ ими обязательныхъ постановленій для мѣстностей, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны [1]). Въ мѣстностяхъ въ положеніи чрезвычайной охраны главноначальствующій имѣетъ право подвергать въ административномъ порядкѣ лицъ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости на 3 мѣсяца, или аресту на тотъ-же срокъ, или денежному штрафу до 3 тыс. руб., какъ за нарушеніе обязательныхъ постановленій, такъ и за проступки, объ изъятіи которыхъ изъ вѣдомства судовъ будетъ заранѣе объявлено [2]). Въ смирительныхъ домахъ, кромѣ осужденныхъ по суду, содержатся, по требованію родителей, дѣти за упорное неповиновеніе родительской власти, развратъ и др. пороки [3]). Въ рабочихъ домахъ, кромѣ осужденныхъ, содержатся еще отдаваемые для исправленія обществами по предоставленной имъ власти [4]). Въ уст. о пред. и пресѣч. преступленій сдѣланъ перечень преступленій и проступковъ, къ числу коихъ относится, между прочимъ, и лѣность, за которые арестанты рабочихъ домовъ подвергаются, по *усмотрѣнію начальства*, тѣлесному наказанію розгами отъ 10—30 ударовъ, заключенію въ карцеръ и пр. [5]). За маловажные проступки, содержащіеся въ арестантскихъ работахъ подвергаются *начальствомъ* аресту до 2-хъ сутокъ въ темной комнатѣ, лишенію горячей пищи на 2—4 дня, а за болѣе важ-

---

[1]) Ст. 15 п. б.

[2]) Ст. 26 п. б.

[3]) Едва-ли вѣрно толкованіе въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ судовъ, будто-бы подобное заключеніе въ смирительномъ домѣ невозможно безъ судебнаго приговора. Самая редакція статьи не оставляетъ никакого сомнѣнія, что рѣчь идетъ только объ исполненіи воли родителей, какъ на это указываютъ слова „кромѣ осужденныхъ по суду“ и „по требованію родителей“ (ст. 265 по прод. 1876 г. уст. о пред. и пресѣч. прест.). Постановленіе этой статьи устарѣло, отстало отъ общаго хода развитія и т. п., тѣмъ не менѣе буквальный смыслъ ея таковъ.

[4]) Ст. 266. См. также выше стр. 234.

[5]) Ст. 304—306.

ные—наказанію розгами до 30 ударовъ [1]). Личное задержаніе, въ формѣ ареста, имѣетъ мѣсто во многихъ случаяхъ въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія, налагаемаго начальствомъ на подчиненныхъ [2]); въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ законъ прямо признаетъ за нимъ значеніе „полицейскаго взысканія“ вообще [3]). Мы упомянули уже выше о случаяхъ полицейскаго личнаго задержанія ссыльныхъ за учиненныя ими полицейскія провинности [4]). На обязанности полицейскихъ управленій лежитъ, между прочимъ, передача изъ уѣзда въ общества крестьянъ дурнаго поведенія, пересылаемыхъ изъ столицъ и другихъ городовъ [5]), а на обязанности Губ. Правленій и полиціи лежитъ исполненіе несудебныхъ приговоровъ о ссылкѣ порочныхъ людей [6]). Губернаторъ тщательно разсматриваетъ поступающіе къ нему общественные приговоры о предоставленіи обществами въ распоряженіе правительства мѣщанъ и крестьянъ за порочное поведеніе [7]), причемъ въ извѣстныхъ случаяхъ такая отдача въ распоряженіе правительства влечетъ за собой принудительное переселеніе въ Сибирь [8]). Высылаются на родину чиновники, отставленные отъ службы за развратъ [9]); такимъ-же образомъ поступаютъ и со студентами Медико-Хирургической Академіи, исключенными за дурное поведеніе [10]). С.-Петербургской полиціи принадлежитъ право отсылки въ общества безпаспортныхъ или просрочившихъ

---

[1]) Ст. 1073. Это наказаніе, съ утвержденія губернатора, можетъ быть усиливаемо до ста ударовъ розгами и закованіемъ на время въ кандалы (ст. 1074, 5).

[2]) См., напр., ст. 712 т. II ч. 1-я Св. З.

[3]) Ст. 1324 т. II ч. 1-я.

[4]) Ст. 859 уст. о ссыльн.

[5]) Ст. 1328 т. II ч. 1-я.

[6]) Ст. 667 и 1557 т. II ч. 1-я.

[7]) Ст. 537 т. II ч. 1; ср. ст. 240 прим. 3 уст. о пред. и пресѣч. прест.

[8]) Ст. 11 уст. о ссыльныхъ по прод. 1876 г.

[9]) Ст. 206 уст. о пред. и пресѣч. прест.

[10]) Прим. 2-е къ ст. 206. Правило это не распространяется на студентовъ имѣющихъ жительство въ С.-Петербургѣ. Такой высылкѣ подвергаются и сту-

виды [1]). Задержанный безпаспортный, представившій доказательства званія и мѣстожительства, высылается къ своему мѣсту [2]). Въ уставѣ о ссыльныхъ сказано, что при совокупности преступленій наказаніе присуждается по слѣдующимъ правиламъ: 1) если каторжный или поселенецъ виновенъ въ 2-хъ или болѣе преступленіяхъ и проступкахъ, караемыхъ уголовнымъ наказаніемъ и, по ст. 804 и 806 уст., исправительнымъ, то судебная или *полицейская власть* приговариваетъ его къ одному лишь строжайшему наказанію. 2) Виновные въ преступленіяхъ по 802 ст. и по 804 или 806 приговариваются къ уголовному наказанію, но сверхъ того *мѣстному начальству* предоставляется усиливать наказаніе по 804 или 806 ст. одною изъ мѣръ исправительныхъ.—Еще въ одномъ случаѣ *полицейская власть* можетъ усиливать уголовное наказаніе исправительнымъ, именно: за первый побѣгъ, кромѣ наказанія уголовнаго, по распоряженію полицейской власти, съ надлежащаго разрѣшенія, виновные могутъ быть заключаемы подъ стражу, или отдаваемы во временную работу на основаніи 804 ст. [3]). Наказанія за преступленія и проступки ссыльныхъ опредѣляются или 1) *мѣстнымъ начальствомъ* ихъ, по непосредственному удостовѣренію въ учиненной винѣ, или-же по формальному полицейскому изслѣдованію, или 2) судомъ [4]). Мѣстному начальству предоставляется, безъ формальнаго полицейскаго изслѣдованія, опредѣлять и приводить въ исполненіе наказаніе за такіе преступленія и проступки ссыльныхъ, за которые по общимъ уголовнымъ законамъ полагаются наказанія, непревосходящія лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ съ заключеніемъ въ рабочемъ

денты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. О всякомъ случаѣ высылки сообщается министру внутреннихъ дѣлъ.

[1]) Ст. 1524 т. II ч. 1-я.

[2]) Ст. 614 уст. о пред. и пресѣч. прест.; ст. 617 и 625 уст. о паспорт.

[3]) Ст. 834 уст. о ссыльныхъ.

[4]) Ст. 835 ср. ст. 854.

домѣ [1]). За преступленія и проступки, подвергающіе виновнаго по общимъ законамъ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ съ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ, наказаніе плетьми—для каторжныхъ отъ 20-ти до 50-ти, для ссыльно-поселенцевъ отъ 10-ти до 40 ударовъ—опредѣляется и приводится въ исполненіе *Окружными Полицейскими Управленіями* [2]), по собственному удостовѣренію въ учиненной винѣ [3]). За преступленія и проступки, подвергающіе виновнаго по общимъ законамъ наказаніямъ, не восходящимъ до заключенія въ рабочемъ домѣ, и за другіе, признаваемые маловажными [4]), ссыльно-поселенцы подвергаются болѣе или менѣе строгому по 804 ст. наказанію [5]), *по непосредственному усмотрѣнію и распоряженію мѣстнаго начальства*, сообразно нижеслѣдущимъ правиламъ: 1) изъ перечисленныхъ въ 804 ст. мѣръ взысканія, наказаніе розгами до 30-ти ударовъ и заключеніе подъ стражу или употребленіе въ общ. работу до 7 дней опредѣляется окончательно [6]). 2) Если по роду вины ссыльно-поселенецъ долженъ быть подвергнутъ наказанію розгами свыше 30 ударовъ, общественнымъ работамъ и заключенію свыше 7 дней, то на исполненіе *сихъ мѣръ* необходимо испрашивать разрѣшенія *Окружныхъ* или *Городскихъ Полицейскихъ Управленій*. 3) Отдача поселенца на заводъ или въ исправительное отдѣленіе, по 3 п. 804 ст., равно какъ удаленіе въ другую округу, по 805 ст., можетъ послѣдовать только по распоряже-

---

1) Ст. 836.

2) См. прим. къ ст. 324 по прод. 1876 г.

3) Ст. 837.

4) См. ст. 803.

5) На содержаніе ст. 804 указано уже выше.

6) Наказанія, съ означеніемъ преступленій и проступковъ, за которые они опредѣлены, записываются въ особыя штрафныя книги, посредствомъ которыхъ губернскія и областныя начальства обязаны наблюдать за дѣйствіями въ этомъ отношеніи *низшихъ должностныхъ лицъ*.

нію *губернатора* [1]). За маловажныя вины каторжные подвергаются наказанію [2]) по *непосредственному усмотрѣнію и распоряженію начальства*, сообразно слѣдующимъ правиламъ: 1) наложеніе оковъ и наказаніе плетьми и розгами [3]) опредѣляются окончательно и приводятся въ исполненіе по распоряженію *мѣстнаго заводскаго или рудничнаго управленія* [4]). 2) Прочія наказанія [5]) опредѣляются и приводятся въ исполненіе только по распоряженію *гражданскаго начальства*; увеличеніе-же назначеннаго по судебному приговору срока каторжныхъ работъ можетъ послѣдовать только съ разрѣшенія *губернатора* [6]). За маловажные проступки, учиненные каторжнымъ или ссыльно-поселенцемъ во время тюремнаго заключенія, онъ подвергается, означеннымъ въ ст. 707, наказаніямъ, по распоряженію *смотрителя тюрьмы*, съ утвержденія *полицеймейстера* и съ записью въ тюремномъ журналѣ [7]). Наказанія ссыльнымъ по *формальной полицейской расправѣ* [8]) опредѣляются: 1) за преступленія, караемыя наказаніями, восходящими до лишенія всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, съ отдачею въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства [9]). 2) За перемѣну имени [10]). 3) За побѣги поселенцевъ каторжныхъ 3 разряда [11]). Къ наказаніямъ за эти преступленія ссыльные приговариваются: въ Сибири—Окружными и Городскими Полицейскими Управленіями, на основаніи

---

[1]) Ст. 838.

[2]) См. ст. 806.

[3]) Ст. 806 п. 1, 3 и 4.

[4]) Наказаніе, съ указаніемъ на вину, записывается для контроля въ штрафную книгу.

[5]) Ст. 806 п. 3—5.

[6]) Ст. 839.

[7]) Ст. 840.

[8]) Ст. 835.

[9]) См. ст. 801.

[10]) См. ст. 817.

[11]) Ст. 841.

формальнаго полицейскаго изслѣдованія, внѣ Сибири—судами. Приговоры полицейскихъ и судебныхъ мѣстъ представляются на ревизію губернаторамъ, которые, утвердивъ или измѣнивъ ихъ, по своему усмотрѣнію, обращаютъ къ исполненію [1]). Если, при совокупности винъ, однѣ подлежатъ разсмотрѣнію суда, другія—полиціи, наказаніе налагается по совокупности-же судомъ [2]). Мѣщанскимъ обществамъ предоставляется принимать до 3-хъ разъ исправительныя мѣры въ отношеніи къ порочнымъ членамъ: отдачу въ работы, въ первый разъ отъ 1 до 2 мѣсяцевъ, во 2-й—отъ 2—4, въ 3—отъ 4—6 мѣсяцевъ [3]). Къ предметамъ вѣдомства сельскихъ сходовъ отнесены, между прочимъ: 1) приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ его и 2) временное устраненіе крестьянъ отъ участія въ сходахъ, не долѣе какъ на 3 года [4]). Приговоры объ удаленіи, прежде исполненія ихъ, представляются уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Приговоръ общества, имѣющаго менѣе 300 душъ, предварительно представляется на утвержденіе волостнаго схода, а потомъ—уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію [5]). По уст. о пасп., за недонесеніе о проживаніи безъ прописки видовъ въ нѣкоторыхъ городахъ, домовладѣльцы, содержатели меблированныхъ комнатъ и гостинницъ караются безъ суда штрафомъ отъ 50—500 рублей за каждый разъ, дворники-же и швейцары удаляются отъ должности съ воспрещеніемъ впредь наниматься въ таковыя должности [6]). Безпаспортные, задерживаемые на границѣ, отсылаются

---

[1]) Ст. 842.

[2]) Ст. 853.

[3]) Ст. 220 и 221 уст. о пред. и пресѣч. прест.

[4]) Ст. 2196 п. 2 т. II ч. 1-я Св. З. Для дѣйствительности этихъ приговоровъ, по 2204 ст. п. 5, требуется согласіе не менѣе $^2/_3$ участниковъ въ сходѣ.

[5]) Ст. 2205.

[6]) Ст. 333 прим. 2-е по прод. 1881 г.

на родину [1]), а безпаспортные иностранцы высылаются за границу [2]). Пойманные бродяги Западной и Восточной Сибири, непомнящіе родства, или давшіе ложное показаніе, въ качествѣ ссыльно-поселенцевъ обращаются въ заводскихъ работниковъ на срокъ отъ 5—6 лѣтъ, и затѣмъ неспособныхъ къ работѣ высылаютъ въ отдаленныя мѣста Восточной Сибири [3]). Къ дѣламъ канцеляріи С.-Петербургскаго градоначальника и участковыхъ приставовъ отнесены, между прочимъ: 1) опредѣленіе и взысканіе штрафовъ за просрочку паспортовъ и адресныхъ билетовъ и 2) распоряженія о бродягахъ и отсылка въ общества безпаспортныхъ или просрочившихъ виды [4]). Поднадзорные, уклоняющіеся отъ занятій по лѣности, дурному поведенію или привычкѣ къ праздности, лишаются права на полученіе пособія отъ казны [5]). За неисполненіе предписаній о полицейскомъ надзорѣ [6]), поднадзорные подвергаются аресту при полиціи: 1) по постановленіямъ мѣстнаго начальника уѣздной полиціи—на срокъ до 3-хъ сутокъ, 2) по распоряженіямъ мѣстнаго губернатора—на срокъ до 7 дней, 3) по предписаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ—на срокъ до 1 мѣсяца, и въ этомъ случаѣ арестъ можетъ быть назначенъ при тюрьмѣ, даже если поднадзорный, по правамъ состоянія, подлежитъ аресту при полиціи [7]).

Полицейское личное задержаніе. Очевидно, измѣнившееся соотношеніе между полиціей и юстиціей, какъ результатъ судебной реформы, должно было повліять на формы полицейскаго личнаго задержанія, устранивъ въ большей или меньшей мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе запечатлѣны

---

1) Ст. 481.
2) Ст. 516.
3) Ст. 632.
4) Ст. 1524 т. II ч. 1-я.
5) Ст. 37 Полож. о пол. надзорѣ.
6) См. ст. 11—29.
7) Ст. 32.

были характеромъ суровыхъ наказаній. Однако, и послѣ этого осталось и остается еще весьма много формъ полицейскаго личнаго задержанія и многимъ изъ нихъ не чуждъ характеръ именно суровыхъ наказаній, а не только полицейскихъ мѣръ безопасности. Наше законодательство, подобно и другимъ, относится къ личному задержанію, въ разнообразныхъ его формахъ, какъ къ одной изъ мѣръ пресѣченія способовъ обвиняемому въ преступленіи или проступкѣ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Эта мѣра примѣняется, слѣдовательно, въ виду и по поводу совершенно реальной и опредѣленной опасности, съ цѣлью предупредить и пресѣчь ее, при чемъ интензивность формъ этой мѣры опредѣляется интензивностью опасности. Какъ указано было выше, согласно со статьей 416-й уст. уг. суд., формы судебно-полицейскаго личнаго задержанія слѣдующія: 1) отобраніе вида на жительство и обязаніе подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства, 2) отдача подъ особый надзоръ полиціи, 3) отдача на поруки или взятіе залога, 4) домашній арестъ и 5) взятіе подъ стражу [1]). Казалось-бы, что, признавъ эти мѣры достаточными для обезпеченія наказуемости преступленій, т. е. достаточными для предупрежденія и пресѣченія одной изъ самыхъ интензивныхъ опасностей, которая заключается въ безнаказанности преступленій и проступковъ, законодательство не нуждалось въ дополненіи этого перечня еще и новыми формами личнаго задержанія для цѣлей исключительно-полицейскихъ, ничего общаго съ юстиціей не имѣющихъ. Однако, въ дѣйствительности, формы собственно-полицейскаго личнаго задержанія не только разнообразнѣе формъ судебно-полицейскаго личнаго задержанія, но нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того, еще и интензивнѣе,

---

[1]) Въ ст. 415 поручительство и залогъ перечислены отдѣльно, такъ что въ этомъ перечисленіи получается шесть пунктовъ, вмѣсто пяти. Но, какъ видно изъ ст. 428, законъ считаетъ обѣ эти мѣры за однородныя, и непредставленіе залога или поручительства одинаково влечетъ за собой арестъ или содержаніе подъ стражей.

независимо отъ того, что, какъ мы укажемъ ниже, примѣненіе собственно-полицейскаго личнаго задержанія не обставлено даже и тѣми, въ сущности, не всегда достаточными гарантіями, которыми въ судебныхъ уставахъ обставлено примѣненіе судебно-полицейскаго личнаго задержанія. Формы собственно-полицейскаго личнаго задержанія, предусмотрѣнныя закономъ, слѣдующія: 1) отобраніе вида жительство, 2) требованіе явки и приводъ, 3) запрещеніе отлучки, запрещеніе въѣзда и вообще стѣсненіе свободы передвиженія, 4) полицейскій надзоръ, 5) принужденіе къ труду и вообще ограниченія и запрещенія, налагаемыя на трудъ, 6) арестъ и 7) высылка и ссылка [1]).

1) *Отобраніе вида жительства.* Согласно со ст. 6 Пол. о полицейскомъ надзорѣ, отъ поднадзорнаго отбираются документы о званіи и видъ на жительство, взамѣнъ которыхъ ему выдается свидѣтельство на проживаніе въ назначенной мѣстности, безъ обозначенія, однако, въ немъ того, что лице, его получившее, находится подъ надзоромъ полиціи. Отобранные документы хранятся въ томъ полицейскомъ учрежденіи, подъ надзоромъ котораго лицо должно находиться.—Въ сущности, аналогичное значеніе имѣетъ также невыдача паспортовъ для отлучекъ изъ извѣстныхъ мѣстностей, на что указано будетъ ниже.

2) *Требованіе явки и приводъ.* Въ законодательствѣ есть одно постановленіе, которымъ запрещается губернаторамъ дѣлать вызовы своими повелѣніями [2]). Однако, постановленіе это нисколько не служитъ указаніемъ на то, что законъ не допускаетъ административныхъ и полицейскихъ требованій о явкѣ, которыя могутъ повлечь за собой и приводъ, не говоря уже требованіяхъ явки по службѣ или въ порядкѣ служебной

---

[1]) Въ перечень этотъ мы не включаемъ военную экзекуцію, такъ какъ форма, въ которой она осуществляется, не имѣетъ связи съ личнымъ задержаніемъ и, въ большей части случаевъ, цѣль ея фискальная, а не полицейская.

[2]) Ст. 503 прим. 1-е, т. II ч. 1-я Св. З.

подчиненности, по начальству, которыя практикуются въ широкихъ размѣрахъ, при полномъ отсутствіи какихъ-либо гарантій для огражденія правильности этихъ требованій. Въ печати не безъ основанія указывалось на то, что у насъ „до настоящаго времени правомъ требовать къ себѣ частныхъ лицъ пользуется всякая власть и всякое начальство, при чемъ извѣстны даже случаи пересылки этапнымъ порядкомъ работниковъ по требованію ихъ хозяевъ, основанному на нарушеніи работникомъ условій личнаго найма“ [1]). „При существующемъ порядкѣ вещей, каждое волостное или полицейское управленіе, увлекаясь излишнею ретивостью или вслѣдствіе непониманія своихъ правъ и обязанностей—не говоря уже о всегда присущихъ человѣческимъ дѣламъ злоупотребленіяхъ—можетъ, снесясь съ мѣстнымъ губернскимъ правленіемъ, потребовать къ себѣ присылки, этапнымъ порядкомъ, проживающаго нерѣдко за тысячи верстъ отъ своей родины человѣка, и этого требованія будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы человѣка, несовершившаго никакого преступленія, оторвать отъ работы, посадить въ тюрьму [2]), заставить иногда цѣлые мѣсяцы медленно двигаться тяжелымъ этапнымъ путемъ, совмѣстно съ осужденными въ Сибирь, а также приговоренными въ каторжныя работы, преступниками, и затѣмъ, явясь на мѣсто родины, въ качествѣ арестанта, въ теченіи долгаго времени возбуждать къ себѣ недовѣріе и подозрѣніе близкихъ къ нему людей. Достаточно вспомнить о тѣхъ отрывочныхъ, появ-

---

[1]) С.-Пб. Вѣдомости за 1874 г. № 160.

[2]) Присланное изъ посторонняго вѣдомства требованіе о присылкѣ остается въ дѣлахъ губернскаго правленія и по немъ составляется, такъ называемый, „статейный списокъ“ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ слѣдуетъ съ пересылаемыми, а другой отправляется прямо въ то губернское правленіе, въ вѣдѣніи котораго состоитъ городъ, въ который препровождается пересылаемый. Статейные списки, замѣняя собою въ мѣстахъ заключенія, для всѣхъ пересылаемыхъ, постановленія о содержаніи подъ стражей, заключаютъ въ себѣ не фактическое изложеніе основаній пересылки, а одну только формальную ссылку на тѣ бумаги, по которымъ составлены они.

лявшихся разновременно въ печати, свѣдѣніяхъ о дѣлаемыхъ по предмету пересылки, распоряженіяхъ волостными правленіями, для того, чтобы видѣть, до какой степени неосновательно требуется нерѣдко пересылка лицъ этапнымъ порядкомъ" [1]). Для пересылки лицъ, пересылаемыхъ этапнымъ путемъ по требованію разныхъ сословій, административныхъ вѣдомствъ и полиціи, не установлено закономъ, въ отношеніи порядка пересылки, никакихъ особенныхъ правилъ и на практикѣ примѣняются постановленія закона, изложенныя въ уставѣ о ссыльныхъ. По уставу-же этому требованія о препровожденіи этапомъ обращаются къ мѣстному губернскому правленію, которое, какъ учрежденіе исполнительное, не входя въ обсужденіе правильности требованія, дѣлаетъ только соотвѣтствующія распоряженія къ его исполненію, заготовляя надлежащіе документы и снабжая пересылаемыхъ кормовыми деньгами и, въ случаѣ надобности, одеждою. Къ несчастію, такая практика не возбуждаетъ достаточно энергическихъ жалобъ, такъ какъ вкоренившіяся въ теченіи столѣтій привычки развили въ массѣ вполнѣ пассивное отношеніе къ этимъ пріемамъ. Къ тому-же въ глазахъ простолюдина понятія о границахъ данной принудительной власти и законныхъ отношеній ея къ нему представляются понятіями темными, и незнаніе законнаго порядка обжалованія состоявшихся распоряженій окончательно убиваетъ въ немъ всякую охоту искать суда и защиты.—Болѣе или менѣе ясно формулированную обязанность явки мы находимъ въ положеніи о полицейскомъ надзорѣ, гдѣ, между прочимъ, говорится, что поднадзорный обя-

---

[1]) Напр., кромѣ пересылки на родину, по требованію обществъ, вслѣдствіе неплатежа денежныхъ повинностей, пересылки состоящихъ на очереди къ отбыванію воинской повинности и своевременно неявившихся въ свои призывные участки и т. п., —встрѣчаются случаи призыва въ слѣдствіе необходимости раздѣла вновь открывшагося наслѣдства, желанія родителя имѣть въ рабочую пору при себѣ ушедшаго на заработки сына, выдачи новаго паспорта или вида на жительство и т. п.

занъ явиться не позже сутокъ со времени своего прибытія на мѣсто, въ которое ему разрѣшена отлучка, къ мѣстной полицейской власти и предъявить ей свое проходное свидѣтельство [1]). Передъ отправленіемъ въ путь, какъ изъ мѣста жительства, такъ и временнаго пребыванія, поднадзорный обязанъ явиться къ мѣстной полицейской власти, которая отмѣчаетъ на проходномъ свидѣтельствѣ время, когда поднадзорный имѣетъ отправиться въ путь [2]). По возвращеніи изъ отлучки въ мѣсто своего жительства, поднадзорный обязанъ немедленно явиться къ мѣстному полицейскому начальству и возвратить ему какъ проходное свидѣтельство, такъ и маршрутъ [3]). Поднадзорный можетъ быть возвращенъ изъ разрѣшенной ему отлучки и ранѣе истеченія срока, если будетъ то признано необходимымъ лицами, разрѣшившими отлучку, или-же поведеніе поднадзорнаго въ мѣстѣ его отлучки будетъ признано мѣстными властями предосудительнымъ [4]). Поднадзорный, какъ въ мѣстѣ своего жительства, такъ и временнаго пребыванія, обязанъ являться въ полицію по первому ея требованію [5]). — Принудительная явка, въ связи еще и съ отправленіемъ извѣстной службы, имѣетъ мѣсто при вызовѣ понятыхъ. По закону, въ слѣдующихъ случаяхъ уѣздн. полиц. управленіе, равно какъ чины и служители, ему подвѣдомые, могутъ вызывать понятыхъ: а) при межеваніи, б) спорѣ о владѣніи, в) преслѣдованіи воровъ и разбойниковъ, г) препровожденіи

---

[1]) Ст. 11-я п. г. Отлучки поднадзорныхъ могутъ быть разрѣшаемы только на извѣстный срокъ и въ точно опредѣленную мѣстность (городъ, село, посадъ и т. п.), безъ права останавливаться на пути слѣдованія, за исключеніемъ случаевъ болѣзни или другихъ непреодолимыхъ причинъ, о чемъ поднадзорный обязанъ немедленно заявить полицейскому начальству той мѣстности, гдѣ онъ вынужденъ былъ остановиться, для удостовѣренія справедливости его заявленія и отмѣтки о семъ на его проходномъ свидѣтельствѣ (ст. 10).

[2]) Ст. 13-я.

[3]) Ст. 14-я.

[4]) Ст. 15-я.

[5]) Ст. 17-я.

въ городъ взятыхъ подъ стражу, д) освидѣтельствованіи мертвыхъ тѣлъ, е) пожарахъ и наводненіяхъ, ж) появленіи саранчи. Законъ требуетъ, чтобъ полиція наряжала понятыхъ только въ случаѣ нужды, ко времени начатія полиціей дѣйствій, въ установленномъ числѣ и безъ излишества. Понятые не должны задерживаться долѣе одного дня, безъ надобности [1]); они не должны подвергаться напрасному сбору и проволочкамъ, особенно въ лѣтнее время; о всякомъ нарядѣ долженъ быть извѣщенъ становой приставъ [2]).

3) *Запрещеніе отлучки, запрещеніе въѣзда и вообще стѣсненія свободы передвиженія.* Въ уставѣ пред. и пресѣч. преступл. воспрещеніе жительства въ столицахъ и др. мѣстахъ считается за мѣру предупрежденія и пресѣченія, которая можетъ быть налагаема и безъ формальнаго производства суда [3]). О такомъ воспрещеніи говорится въ общей формѣ въ Положеніи объ охранѣ [4]), но, кромѣ того, въ законодательствѣ разбросано множество постановленій, стѣсняющихъ свободу передвиженія или выбора мѣстожительства, не говоря уже о тѣхъ стѣсненіяхъ, которыя вытекаютъ изъ примѣненія паспортной системы [5]). Воспрещается выдавать билеты для проѣзда въ столицы, въ видахъ уменьшенія нищенства: а) престарѣлымъ и увѣчнымъ крестьянамъ, женамъ и вдовамъ ихъ безъ взрослыхъ сыновей, малолѣтнимъ крестьянамъ и б) слѣпымъ и калѣкамъ изъ податнаго состоянія [6]). Выше мы упомянули уже о воспрещеніи лишеннымъ духовнаго сана свя-

---

[1]) Требуется замѣна однихъ понятыхъ другими, изъ ближайшихъ селеній.— Законъ угрожаетъ за неисполненіе всѣхъ этихъ требованій „строгою личною отвѣтственностію“, но безъ ближайшаго поясненія, въ чемъ она заключается и какъ осуществляется.

[2]) Ст. 1429 т. II ч. 1-я Св. З.

[3]) Ст. 1 и 69.

[4]) Ст. 16 п. г.

[5]) См. уст. о пасп. XIV т. Св. З.

[6]) Ст. 199 уст. о пред. и пресѣч. прест.

щенникамъ, дьяконамъ, послушникамъ и т. д. жить въ извѣстныхъ мѣстностяхъ [1]). На обязанности мѣстнаго начальства лежитъ преграждать жидовствующимъ сношенія съ правовѣрными, и потому оно не должно выдавать имъ паспортовъ для отлучекъ [2]). Это запрещеніе распространяется и на скопцовъ [3]). Въ уставѣ о паспортахъ сдѣланъ перечень нѣкоторыхъ губерній, въ которыхъ евреямъ дозволяется постоянное жительство или только временное пребываніе [4]), или-же гдѣ имъ вовсе не дозволяется селиться [5]). Въ томъ-же уставѣ опредѣлены ограниченія въ свободѣ передвиженія для молоканъ [6]). Воспрещается жительство и пребываніе въ столицахъ и губ. городахъ всѣмъ лицамъ, подвергшимся по суд. приговору отдачѣ подъ надзоръ обществъ и полицій [7]). Запрещается отпускать цыганъ по паспортамъ цѣлыми семействами [8]). Въ Россію не могутъ быть впускаемы румынскіе евреи, неимѣющіе средствъ къ жизни [9]). При высылкѣ изъ Петербурга, опредѣляется срокъ, въ теченіи котораго воспрещаетя пребываніе въ столицѣ, во всякомъ случаѣ не превышающій 4-хъ лѣтъ [10]). Переселенному на житье въ Сибирь адм. порядкомъ, не смотря на причисленіе къ обществу, не дозволяется выѣзжать изъ Сибири, а переселенному въ самой Сибири на житье въ другое мѣсто не дозволяется выѣзжать изъ предѣловъ той части Сибири или губерніи, въ которой

---

[1]) Ст. 211 прим., 213.

[2]) Ст. 69.

[3]) Ст. 44 уст. о пасп.

[4]) Ст. 16, 22, 28 и 233 по прод. 1876 г. Въ ст. 17 прим. 10-е по прод. 1881 г. указано, кому изъ евреевъ, по роду профессій, дозволяется повсемѣстное въ Имперіи жительство.

[5]) Ст. 23 и 30.

[6]) Ст. 112.

[7]) Ст. 168 ср. ст. 692 т. II ч. 1-й Св. З. и ст. 300 и 1086 уст. о содерж. подъ стражею.

[8]) Ст. 175.

[9]) Ст. 487 по прод. 1881 г.

[10]) Ст. 614 по прод. 1876 г. прилож. п. 7-й.

назначено ему жительство [1]). Переселеннымъ въ Сибирскія или другія отдаленныя губерніи, въ порядкѣ административномъ [2]), если они одобрятся въ поведеніи и пробыли 5 лѣтъ въ мѣстѣ переселенія, разрѣшается переходъ въ другія общества или селенія, за исключеніемъ тѣхъ, изъ которыхъ они удалены. Въ сихъ послѣднихъ они могутъ имѣть только временное пребываніе, съ особаго каждый разъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ [3]). Поднадзорные обязаны жить въ опредѣленныхъ имъ для того мѣстахъ и не имѣютъ права отлучаться изъ нихъ безъ разрѣшенія надлежащей власти [4]). Временныя отлучки изъ мѣстожительства могутъ быть разрѣшаемы поднадзорному по особо уважительнымъ причинамъ и при одобрительномъ поведеніи просящаго о разрѣшеніи отлучки: а) въ предѣлахъ уѣзда—мѣстными начальниками полиціи б) въ предѣлахъ губерніи—мѣстными губернаторами; в) въ другія губерніи—министромъ внутреннихъ дѣлъ [5]). Поднадзорному, получающему разрѣшеніе на отлучку, выдаются проходное свидѣтельство и маршрутъ [6]). Въ проходномъ свидѣтельствѣ должно быть обозначено: а) имя, отчество, фамилія и особыя примѣты, если таковыя имѣются, лица, которому выдается свидѣтельство; б) мѣсто, въ которое разрѣшена отлучка, в) срокъ, на который она разрѣшена и г) обязанность явиться мѣстному полицейскому начальству [7]). Въ маршрутѣ описывается точно и подробно тотъ путь, по которо-

---

[1]) Ст. 895 уст. о ссыльныхъ.

[2]) Нельзя не удивляться часто повторяющейся неточности въ терминологіи, допущенной законодательствомъ, вслѣдствіе чего, напр., терминомъ „административный“ совершенно произвольно замѣняется терминъ „полицейскій“, порождая этимъ путаницу понятій, которыя, однако, должны были-бы быть вполнѣ установившимися.

[3]) Ст. 896.

[4]) Ст. 7 Пол. о полиц. надзорѣ. Въ городахъ, при перемѣнѣ квартиры, они обязаны въ теченіи сутокъ донести о томъ мѣстной полиціи.

[5]) Ст. 8.

[6]) Ст. 9.

[7]) Ст. 11.

му обязанъ слѣдовать поднадзорный отъ мѣста своего жительства до того мѣста, въ которое ему разрѣшена отлучка [1]). О выданномъ поднадзорному разрѣшеніи на отлучку постановляется въ извѣстность начальство той мѣстности, въ которую разрѣшена ему отлучка [2]). Вообще-же всѣ виды полицейскаго надзора, даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, негласнаго, связаны съ большимъ или меньшимъ стѣсненіемъ свободы передвиженія (см. объ этомъ ниже).

4) *Полицейскій надзоръ.* Въ примѣч. къ ст. 1-й уст. о пред. и пресѣч. прест. полицейскій надзоръ отнесенъ къ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія преступленій, причемъ мѣра эта можетъ быть принимаема и безъ формальнаго производства суда, установленнымъ для сего порядкомъ. Въ положеніи-же о полицейскомъ надзорѣ пояснено [3]), что „полицейскій надзоръ, какъ мѣра предупрежденія преступленій противъ существующаго государственнаго порядка, учреждается надъ лицами, вредными для общественнаго спокойствія, порядкомъ, указаннымъ въ ст. 32—36 Высочайше утвержденнаго 13 Августа 1881 г. Положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и ст. 1045 ч. 2 т. XV уст. уг. суд. изд. 1876 г.“ Это Положеніе не примѣняется къ лицамъ, отданнымъ подъ надзоръ судебными приговорами, и къ находящимся: а) подъ негласнымъ надзоромъ и б) подъ надзоромъ, учрежденнымъ на основаніи особыхъ узаконеній, внѣ порядка опредѣленнаго ст. 1 Положенія [4]). Такимъ образомъ оказывается, что наше законодательство предусматриваетъ нѣсколько видовъ полицейскаго надзора: а) надзоръ по судебному приговору, б) негласный полицейскій надзоръ, в) надзоръ, на основаніи первой статьи

---

[1]) Ст. 12.
[2]) Ст. 16.
[3]) Ст. 1-я.
[4]) Прим. къ ст. 1-й.

уст. пред. и пресѣч. преступл., въ качествѣ мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій вообще, и г) полицейскій надзоръ на основаніи особаго положенія объ этомъ надзорѣ.

а) О судебномъ полицейскомъ надзорѣ, въ качествѣ добавочнаго наказанія, сказано было уже выше, причемъ перечислены были также статьи закона, изъ которыхъ видно, что такой надзоръ въ отношеніи къ нѣкоторымъ категоріямъ преступниковъ имѣетъ мѣсто и помимо судебнаго приговора и не въ качествѣ мѣры, предусмотренной уложеніемъ о наказаніяхъ [1]).

б) Относительно негласнаго полицейскаго надзора въ законѣ пояснено, что губернаторъ, поручая полиціи негласный надзоръ, долженъ объяснить и предѣлы этаго надзора, дабы онъ не превратился въ стѣснительныя для обывателей и безполезныя для порядка мѣры [2]). Никакихъ другихъ ближайшихъ поясненій, въ чемъ долженъ заключаться этотъ надзоръ, въ какихъ случаяхъ онъ устанавливается и какимъ именно органамъ полиціи онъ поручается, нѣтъ въ законодательствѣ; отрывочныя-же и случайныя свѣдѣнія по этому предмету, проникающія въ печать, даютъ поводъ опасаться, что вышеуказанное требованіе закона нерѣдко нарушается, такъ какъ исполненіе его не обезпечено какими-либо солидными гарантіями.

в) Относительно гласнаго полицейскаго надзора законъ требуетъ категорически, чтобы онъ не былъ мѣрой стѣснительной [3]). Становой приставъ, въ случаѣ отдачи жительствующаго въ его станѣ подъ мѣстный полицейскій надзоръ, наблюдаетъ за таковымъ лицомъ, согласно предписанію начальства,

---

[1]) Ст. 305 у. о пред. прес. прест.; ст. 1086 уст. о сод. подъ стражей. Ст. 610, 674, 868, 875, 880, 881, 886, 891, 908 уст. о ссыльныхъ.

[2]) Ст. 539 т. II ч. 1-я.

[3]) Ст. 545 ч. 1-я т. II. Какъ сказано уже выше, Положеніе о полиц. надзорѣ является сплошнымъ нарушеніемъ этого требованія закона.

донося Полицейскому Управленію о поведеніи поднадзорнаго въ опредѣленные сроки, равно какъ и о перемѣнѣ мѣстопребыванія его [1]). Дозволяется пріемъ писемъ и посылокъ отъ ссыльно-поселенцевъ, за исключеніемъ состоящихъ *подъ особымъ надзоромъ полиціи по распоряженію правительства* [2]). Чиновникамъ, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи, запрещается хожденіе по дѣламъ и сочиненіе прошеній, кромѣ лично ихъ касающихся [3]). Этотъ гласный полицейскій надзоръ, существо и форма котораго до сихъ поръ не получили сколько-нибудь болѣе обстоятельнаго опредѣленія, представляетъ, повидимому, нѣсколько разновидностей. Такъ, въ ст. 1086-й устава о содерж. подъ стражей говорится о гласномъ полицейскомъ надзорѣ надъ освобожденными изъ арестантскихъ ротъ, что онъ продолжается 4 года и поднадзорные не могутъ перемѣнять мѣстожительства или удаляться отъ онаго, безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія. Для отлучки на 7 дней и не далѣе 10 верстъ выдаются виды. *Надзоръ принадлежитъ обществу*, которое возьметъ выбывшаго. Относительно же полицейскаго надзора надъ ссыльными сказано, что порядокъ его опредѣляется особыми предписаніями мѣстнаго Главнаго Управленія [4]). Сыльные, приписанные къ деревнямъ, „состоятъ подъ *строгимъ надзоромъ*“, который, повидимому, можетъ быть поручаемъ не одной только полиціи, такъ какъ въ законѣ пояснено, что такіе ссыльные въ Западной Сибири подчиняются „*исключительно* надзору уѣздныхъ полицій“ [5]); слѣдовательно для мѣстностей внѣ Западной Сибири это „исключительно“ не имѣетъ значенія. Каторжные или поселенцы, оставленные судомъ въ подозрѣніи, отдаются генералъ-губер-

---

[1]) Ст. 1460 ч. 1-я т. II.

[2]) Ст. 737 уст. о ссыльныхъ.

[3]) Ст. 209 уст. о пред. и прес. прест.

[4]) Ст. Ст. 160 уст. о ссыльныхъ. Ср. съ ст. 1328 т. II ч. 1-я Св. Зак. о полицейской отдачѣ подъ надзоръ общества.

[5]) Ст. 679.

наторомъ или губернаторомъ, „*подъ особый строгій присмотръ начальства*“ [1]). Ссыльно-поселенцевъ каторжныхъ изъ духоборцевъ и молоканъ „должно имѣть подъ *строгимъ* присмотромъ“ [2]). Относительно сосланныхъ въ Сибирь и другія отдаленныя губерніи на житье законъ поясняетъ, что въ полицейскомъ надзорѣ за ними полиція должна руководствоваться (впредь до усмотрѣнія) общими о томъ правилами [3]). Женщины, водворяемыя въ Сибирь вмѣсто наказанія, остаются, по минованіи срока, подъ *особымъ надзоромъ* полиціи [4]). Сосланные въ Сибирь „административнымъ порядкомъ“ состоятъ въ избранномъ мѣстожительствѣ подъ полицейскимъ надзоромъ [5]). Такимъ образомъ законъ установляетъ просто полицейскій надзоръ, полицейскій надзоръ обществъ, строгій надзоръ, исключительный надзоръ, особый строгій присмотръ начальства, особый надзоръ, строжайшій надзоръ мѣстной гражданской власти и строгій присмотръ. Казалось-бы, что при такомъ богатствѣ терминологіи по одному и тому-же предмету, въ законѣ, во избѣжаніе весьма опаснаго благоусмотрѣнія, произвола и нестерпимаго гнета, должны были-ли заключаться болѣе или менѣе точныя и ясныя опредѣленія этихъ терминовъ, которыя, однако, отсутствуютъ.

г) Полицейскій надзоръ надъ политически неблагонадежными лицами, подробно нормированный Положеніемъ отъ 12 марта 1882 года, имѣетъ значеніе добавочной мѣры безопасности къ „административной (?) высылкѣ“, нормированной Положеніемъ объ охранѣ [6]), или-же самостоя-

---

[1]) Ст. 868.

[2]) Ст. 875. Въ той же статьѣ относительно тѣхъ-же лицъ говорится о „содержаніи ихъ подъ *особымъ надзоромъ*“. Въ ст. 908 предписывается держать сектантовъ духоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ, скопцовъ и др. подъ „*строжайшимъ надзоромъ мѣстной гражданской власти*“.

[3]) Ст. 881. Ср. законы угол. кн. II ст. 506.

[4]) Ст. 886. Ср. ст. 1460 ул. о нак.

[5]) Ст. 891.

[6]) Ст. 32—36.

тельной мѣры безопасности. Въ ст. 2-й перваго изъ этихъ двухъ Положеній сказано, что „полицейскій надзоръ учреждается, въ силу самаго водворенія лицъ въ опредѣленныя мѣстности, и на срокъ, для него опредѣляемый, при чемъ, надзоръ этотъ можетъ быть учреждаемъ надъ лицами и въ мѣстѣ ихъ жительства, съ опредѣленіемъ срока не свыше 5 лѣтъ“ [1]). Срокъ надзора считается со времени объявленія подлежащему лицу объ учрежденіи надъ нимъ надзора, если по сему предмету не послѣдуетъ отъ власти, уполномоченной на учрежденіе надзора, особаго распоряженія [2]). Правила Положенія одинаково обязательны для поднадзорныхъ какъ въ мѣстѣ водворенія, такъ и въ мѣстахъ жительства [3]). У поднадзорнаго отбирается видъ на жительство и онъ долженъ жить безвыѣздно въ мѣстѣ водворенія [4]). Временныя отлучки разрѣшаются на изложенныхъ уже выше основаніяхъ [5]). Поднадзорный обязанъ въ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ являться въ полицію [6]); мѣстная полицейская власть имѣетъ право во всякое время входить въ его квартиру [7]); у него могутъ быть производимы во всякое время обыски и выемки [8]); отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить ему хранить у себя оружіе [9]) и поднадзорнымъ воспрещенъ цѣлый рядъ занятій и профессій [10]). Отъ министра внутреннихъ дѣлъ зависитъ подчинить корреспонденцію (письма и депеши) поднадзорнаго контролю [11]). Поднадзорные, заслуживающіе сво-

---

1) Ст. 3 Пол. о полиц. надз.
2) Ст. 4-я.
3) Ст. 5-я.
4) Ст. 6 и 7 Даже о перемѣнѣ квартиры онъ обязанъ извѣщать полицію. У него отбирается подписка о знакомствѣ съ тѣми правилами о полицейскомъ надзорѣ, которыми онъ долженъ руководствоваться (ст. 33).
5) Ст. 8—16. См. также *Л—дм-р.*—По поводу положенія о полицейскомъ надзорѣ, въ Юр. Вѣст. за 1882 г., № 12, стр. 557 и слѣд.
6) Ст. 10, 11, 13—25, 17.
7) Ст. 18-я.
8) Ст. 19-я.
9) Ст. 20-я.
10) Ст. 21 и др. См. объ этомъ ниже.
11) Ст. 29-я.

имъ поведеніемъ облегченія своего положенія, могутъ быть, по представленіямъ мѣстныхъ губернаторовъ и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, освобождаемы отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для нихъ мѣръ надзора, а равно и отъ нѣкоторыхъ ограниченій ихъ правъ по отношенію къ выбору ими занятій; въ чемъ должно заключаться сіе облегченіе и отъ какихъ стѣснительныхъ мѣръ и ограниченій правъ на занятія могутъ быть освобождены сіи лица, зависитъ отъ усмотрѣнія министра внутренихъ дѣлъ [1]). Мѣстное губернское начальство имѣетъ право входить съ представленіями къ министру внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ учрежденнаго надъ лицомъ полицейскаго надзора до истеченія срока въ тѣхъ случаяхъ, когда поднадзорный своимъ образомъ жизни и поведеніемъ представитъ достаточное ручательство въ своемъ исправленіи [2]). Поднадзорные, неимѣющіе собственныхъ средствъ существованія, получаютъ отъ казны пособіе, равно какъ одежду, бѣлье и обувь, на основаніи существующихъ узаконеній [3]). Семействамъ поднадзорныхъ выдается пособіе въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда они послѣдовали за высланными лицами въ мѣсто ихъ водворенія [4]). По полученіи распоряженія объ освобожденіи лица отъ полицейскаго надзора, или по истеченіи срока надзора, мѣстная полиція, объявивъ о семъ лицу, возвращаетъ ему обратно отобранные у него документы [5]). Освобожденное отъ надзора лицо, а равно и члены его семьи, въ случаѣ неимѣнія своихъ собственныхъ средствъ для отъѣзда изъ мѣста водворенія, имѣютъ право

---

[1]) Ст. 30-я.

[2]) Ст. 31-я.

[3]) Ст. 34 и 35. Поднадзорные, уклоняющіеся отъ занятій по лѣности, дурному поведенію или привычкѣ къ праздности, лишаются права на полученіе пособія отъ казны.

[4]) Ст. 36.. Подназорные и ихъ семейства получаютъ на счетъ казны помощь въ больницахъ гражд. вѣдомства.

[5]) Ст. 39 ср. ст. 6.

на пособіе [1]), если только о способѣ препровожденія ихъ на на родину не послѣдуетъ особаго распоряженія отъ министра внутреннихъ дѣлъ [2]). Такимъ образомъ эта форма полицейскаго надзора является не только мѣрой безопасности, какъ она опредѣлена въ ст. 1-й Положенія, но еще и тяжкимъ наказаніемъ и мѣрой исправленія или психическаго воздѣйствія со стороны полиціи.

5. *Принужденіе къ труду и вообще ограниченія и запрещенія, налагаемыя на трудъ.* Независимо отъ тѣхъ стѣсненій и ограниченій свободы труда, которыя являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ стѣсненія свободы передвиженія, въ русскомъ законодательствѣ встрѣчается много постановленій, имѣющихъ значеніе непосредственнаго стѣсненія свободы труда и выбора профессій, какъ въ формѣ принудительной работы, такъ и въ формѣ ограниченій и запрещеній, при чемъ то и другое имѣетъ мѣсто не на основаніи судебныхъ приговоровъ, а примѣняется полиціей и администраціей ради цѣлей полицейскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. ради безопасности [3]). Такъ, евреямъ запрещается пріобрѣтать недвижимую собственность, арендовать недвижимое имущество и держать шинки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи [4]). Городскія и сельскія общества обязаны употреблять на работы бродягъ и нищихъ, ихъ вѣдомства, способныхъ къ работѣ [5]). Исключеннымъ за дурное поведеніе чиновникамъ запрещается хожденіе по дѣламъ, сочиненіе прошеній, кромѣ лично ихъ касающихся [6]). Лишеннымъ духовнаго сана священнослужителямъ за-

---

[1]) См. Высочайшее повелѣніе отъ 10 января 1881 г.

[2]) Ст. 40-я.

[3]) Мы исключаемъ отсюда вышеперечисленные случаи наряда понятыхъ и т. п.

[4]) Ст. 17 прим. 2 по прод. 1881 г. уст. о пред. и прес. прест.; ст. 23 по прод. 1876 г.

[5]) Ст. 194-я.

[6]) Ст. 207. Отъ нарушившихъ это постановленіе берутъ подписку о ненарушеніи впредь никакихъ постановленій правительства (ст. 208). Это-же правило распространяется на чиновниковъ состоящихъ подъ надзоромъ полиціи (ст. 209).

прещается вступать въ государственную или общественную по выборамъ службу,—для священниковъ въ теченіи 20 лѣтъ, для діаконовъ – 12 лѣтъ [1]). Запрещается вступать въ службу причетникамъ, исключеннымъ изъ духовнаго вѣдомства за пороки [2]). Мѣщанскимъ обществамъ предоставляется отдавать порочныхъ членовъ въ работы на срокъ отъ 1—6 мѣсяцевъ [3]). За недонесеніе о проживающихъ безъ видовъ въ нѣкоторыхъ городахъ дворники и швейцары удаляются отъ должности съ воспрещеніемъ впредь наниматься въ таковыя должности [4]). Бродяги, пойманные въ Вост. и Зап. Сибири, непомнящіе родства, или давшіе ложныя показанія, обращаются въ качествѣ ссыльно-поселенцевъ въ заводскія работы на срокъ отъ 5—6 лѣтъ [5]). Малолѣтніе бродяги, по достиженіи совершеннолѣтія, обращаются въ военно-исправит. роты и въ исправит. арестантскія отдѣленія, если не припишутся къ податнымъ обществамъ [6]). Запрещается останавливать ссыльныхъ въ городахъ и селеніяхъ для общественныхъ и частныхъ работъ и прислугъ, безъ особаго на каждый случай разрѣшенія высшаго начальства [7]). Въ ст. 207 уст. о ссыльныхъ говорится о работахъ ссыльныхъ во время остановки въ Перми [8]). Водвореннымъ ссыльнымъ изъ кавказкихъ уроженцевъ и изъ жителей Пермской губерніи недозволяются отлучки для промысловъ и другихъ надобностей въ другія губерніи, кромѣ той, гдѣ они поселены [9]). Во избѣжаніе бродяжничества неводворенныхъ ссыльныхъ, мѣстное

---

1) Ст. 213-я.

2) Ст. 214. То-же правило распространяется на звонарей, сторожей и пѣвчихъ (ст. 216).

3) Ст. 220 и 221-я.

4) Ст. 333 уст. о пасп.

5) Ст. 632 уст. о пасп.

6) Ст. 656-я.

7) Ст. 127 уст. о ссыльныхъ.

8) Ст. 207. О работахъ каторжныхъ см. ст. 559, 563 и 565.

9) Ст. 267.

начальство обязано отдавать ихъ въ услуги зажиточнымъ поселянамъ [1]). Генералъ-губернаторамъ предоставляется разрѣшать неперечисленнымъ еще въ разрядъ госуд. крестьянъ ссыльно-поселенцамъ, хотя-бы и изъ политическихъ преступниковъ, [2]), заниматься торговлей и промыслами по гильдейскимъ и промысловымъ свидѣтельствамъ [3]). Водворенные ссыльные могутъ быть увольняемы для промысловъ по всей Сибири [4]), но не внѣ ея [5]). Водворяемые рабочіе, пока остаются въ вѣдомствѣ экспедиціи о ссыльныхъ, употребляются на общественныя работы, или-же отдаются въ заработокъ на золотыхъ пріискахъ, или въ заработки въ волостяхъ, или-же на частныхъ заводахъ и фабрикахъ, а женщины и въ прачешныя при больницахъ и т. п. [6]). Лица поднадзорныя не могутъ состоять на госуд. или общественной службѣ, но могутъ быть допускаемы къ письменнымъ занятіямъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ по найму, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы всякій разъ испрашивалось на то разрѣшеніе у министра внутр. дѣлъ [7]). Поднадзорные не могутъ быть учредителями, предсѣдателями и членами въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ, а также предсѣдателями и членами конкурсныхъ управленій [8]). Они не могутъ быть опекунами и попечителями иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра вн. дѣлъ [9]). Имъ воспрещается: а) всякая педагогическая дѣятельность, б) принятіе къ себѣ уче-

---

[1]) Ст. 792.

[2]) Въ послѣднемъ случаѣ - съ согласія министра вн. дѣлъ.

[3]) Ст. 735. Для этого требуется представить удостовѣреніе общества объ одобрительномъ поведеніи, а для ссыльно-поселенцевъ Вост. Сибири—пробытіе по водвореніи 3 года.

[4]) См. ст. 320 уст. о пасп.

[5]) Ст. 736 уст. о ссыльн.

[6]) Ст. 883.

[7]) Ст. 21-я.

[8]) Ст. 22-я.

[9]) Ст. 23-я.

никовъ для обученія ихъ искуствамъ и ремесламъ; в) чтеніе публичныхъ лекцій, г) участіе въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, д) вообще всякаго рода публичная дѣятельность; е) содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ для чтенія и служба при нихъ въ качествѣ прикащиковъ, конторщиковъ, смотрителей или рабочихъ; ж) торговля книгами и всѣми принадлежностями тѣсненія и з) содержаніе трактирныхъ и питейныхъ заведеній, а равно и торговля питіями [1]). Лица поднадзорныя не могутъ быть принимаемы въ правительственныя, общественныя и частныя учебныя заведенія иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра вн. дѣлъ, даваемаго по соглашенію съ учебнымъ начальствомъ [2]). Они могутъ ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ, относящимся только до нихъ самихъ, ихъ родителей, женъ и дѣтей [3]). Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволяется имъ только съ разрѣшенія министра внутр. дѣлъ [4]). Всѣ остальныя занятія, дозволенныя закономъ, разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно служитъ сему послѣднему средствомъ къ осуществленію его предосудительныхъ замысловъ, или, по мѣстнымъ условіямъ, представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія. О всякомъ таковомъ воспрещеніи, а равно и объ основаніяхъ къ оному губернаторъ немедленно доводитъ до свѣдѣнія министра вн. дѣлъ, отъ котораго зависитъ отмѣнить это воспрещеніе, если онъ признаетъ то нужнымъ [5]).

6. *Арестъ*. Изъ массы арестовъ, производимыхъ полиціей, довольно затруднительно выдѣлить собственно-полицейскій

---

[1]) Ст. 24-я.
[2]) Ст. 25-я.
[3]) Ст. 26-я.
[4]) Ст. 27-я.
[5]) Ст. 28-я.

арестъ, т. е. такой, въ поводахъ къ которому не имѣли-бы никакого значенія ни преступленія, ни проступки, хотя сами по себѣ эти преступленія или проступки, имѣя въ виду лишь интересы правосудія, были-бы далеко недостаточны для примѣненія такой мѣры, если-бы основная цѣль ея не заключалась именно въ огражденіи безопасности [1]). Законъ предписываетъ полиціи арестъ нищихъ и отсылку ихъ въ комитетъ для разбора нищихъ [2]). Сопротивляющихся ея законнымъ требованіямъ или дѣйствіямъ она беретъ подъ стражу или „подъ присмотръ“ [3]). Она забираетъ подъ стражу пьяныхъ, нарушающихъ общественную тишину, и тѣхъ изъ нихъ, которые „ночью не въ указанные часы ходятъ и въ пьяномъ видѣ шатаются“ [4]). Публичныя женщины, страдающія заразными болѣзнями, задерживаются для отправленія ихъ въ госпитали [5]). Тѣ люди, на которыхъ будутъ кричать караулъ, въ случаѣ причиненія побоевъ, подвергаются личному задержанію [6]). Захваченные въ ссорахъ и дракахъ иностранные служители пословъ, посланниковъ и министровъ не содержатся подъ карауломъ, а отсылаются немедленно въ домы министровъ [7]). Полиція задерживаетъ тѣхъ, кто будетъ возить по тротуарамъ телѣжки, сани или ходить съ громоздкими вещами. Дозоръ задерживаетъ того, кто выходитъ изъ дому съ узлами, въ случаѣ подозрѣнія въ кражѣ; равно какъ онъ задерживаетъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ при себѣ въ позднѣе время узлы, чемоданы и пр. [8]). Лицъ, проживающихъ безъ установленныхъ видовъ или-же съ видами непрописан-

---

[1]) См., напр., ст. 2663—6 ч. I-я т. II Св. Зак., 4119, 4130; ст. 60, 83 и 150 Пол. 19 февраля; ст. 195 и 196 уст. о пред. и прес. прест.; ст. 333, 461, 584, 585, 614 и др. уст. о насп.; ст. 21 и 29 Пол. объ охранѣ и т. п.

[2]) Ст. 1524 п. 3 ч. I-я т. II Св. Зак.

[3]) Ст. 1372, 1472, 4130 и др.

[4]) Ст. 186 уст. о пред. и прес. преступленій.

[5]) Ст. 190.

[6]) Ст. 267.

[7]) Ст. 271.

[8]) Ст. 245 прилож. п. 2, 3 и 4.

ными, полиція задерживаетъ [1]). Пограничныя таможни не пропускаютъ за границу безъ паспорта, безпаспортныхъ-же задерживаютъ и отсылаютъ на родину [2]). Для взятія ссыльныхъ подъ стражу начальство не стѣсняется правилами общихъ уголовныхъ законовъ [3]). Сюда-же слѣдуетъ отнести, какъ указано было уже выше, всѣ тѣ случаи ареста, которые связаны съ административной или полицейской пересылкой, когда, въ ожиданіи такой пересылки, на основаніи требованій обществъ, волостныхъ правленій, полицейскихъ управленій и т. п., или-же во время самой пересылки, пересылаемыя лица содержатся подъ стражей. То-же и при полицейской ссылкѣ [4]). При отсутствіи у насъ тюремной статистики, невозможно въ точности опредѣлить, сколько именно лицъ изъ общаго числа полицейски-арестованныхъ принадлежитъ къ этой категоріи; но если принять во вниманіе, что число лицъ, пересылаемыхъ въ Сибирь по суду и полицейски, распредѣляется приблизительно поровну [5]), то едвали общее число лицъ, пересылаемыхъ по требованіямъ сословій и разныхъ вѣдомствъ, какъ въ Сибирь, такъ и изъ одной губерніи въ другую, менѣе общаго числа лицъ содержащихся подъ судебнымъ, предварительнымъ и предупредительными арестами. Что-же касается общаго числа полицейски-арестованныхъ, то, имѣя въ виду чрезвычайное изобиліе мѣстъ заключенія, густо наполняемыхъ преимущественно такими именно арестантами [6]), мы едва-ли ошибемся, если ска-

---

[1]) Ст. 333 уст. о пас.

[2]) Ст. 481.

[3]) Ст. 855 уст. о ссыльныхъ.

[4]) Ст. 33 прим. Пол. объ охранѣ.

[5]) *Анучинъ*—Изслѣдованіе о процентѣ сосланныхъ въ Сибирь въ Запискахъ Географическаго Общества, т. III, ст. 25.

[6]) Къ числу такихъ мѣстъ заключенія относятся, въ особенности такъ называемыя, холодныя при волостныхъ правленіяхъ и сельскихъ сборныхъ, арестантскія помѣщенія при становыхъ квартирахъ, городскихъ полицейскихъ частяхъ и т. п.

жемъ, что число это за годичный періодъ времени приходится считать милліонами (см. объ ниже).

7. *Высылка и ссылка.* Высылку и ссылку законъ причисляетъ, между прочимъ, къ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія, принимаемымъ „административнымъ“ порядкомъ [1]). Высылкой и ссылкой завѣдуютъ Губернскія Правленія и полиція [2]). Губернаторамъ запрещается дѣлать ссылки своими повелѣніями [3]) и они должны тщательно разсматривать поступающіе къ нимъ общественные приговоры о представленіи обществами въ распоряженіе правительства мѣщанъ и крестьянъ за порочное поведеніе [4]). Лица, исключенныя изъ податныхъ обществъ и непринимаемыя въ оныя за дурное поведеніе и передаваемыя въ распоряженіе правительства, высылаются въ Сибирь [5]). Законъ предписываетъ высылать изъ уѣздовъ всѣхъ безъ исключенія жидовствующихъ и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять имъ тамъ пребываніе [6]). Нищіе-бродяги высылаются на родину [7]). Чиновники, отставленные отъ службы за развратъ, высылаются на родину [8]). Такъ-же поступаютъ со студентами Медико-хирургической академіи, исключенными за дурное поведеніе, кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ жительство въ С.-Петербургѣ [9]). Лица, высланныя изъ столицъ [10]), не могутъ имѣть жительства въ столичныхъ губерніяхъ [11]). Лица, оставленныя въ подозрѣніи по преступленіямъ,

---

[1]) Ст. 1 уст. о пред. и прес. прест.; ст. 667 ч. I-я т. II Св. Зак. и др. ст. 248 уст. о ссыльн.

[2]) Ст. 667, 1557 и др. I-й ч. II т. Св. Зак.

[3]) Ст. 503 прим. 1-е ч. I-я т. II Св. Зак.

[4]) Ст. 537, 667, 2196 и мн. др.

[5]) Ст. 240 прим. 3, уст. о пред. и прес. прест.

[6]) Ст. 70-я.

[7]) Ст. 195-я.

[8]) Ст. 206. О всякомъ случаѣ высылки должно быть сообщаемо министру вн. дѣлъ (прим. 1-е къ ст. 206).

[9]) Ст. 206 прим. 2-е.

[10]) О высылкѣ изъ столицъ и др. городовъ см. ст. 1323 ч. I-я т. II Св. Зак.

[11]) Ст. 206.

караемымъ ссылкою въ каторжныя работы, въ случаѣ непринятія ихъ обществами, ссылаются на водвореніе въ Сибирь [1]). Въ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ иностранцы высылаются не по приговорамъ судовъ, а по распоряженію высшаго начальства [2]). Въ уставѣ о паспортахъ говорится, между прочимъ, о высылкѣ евреевъ, проживающихъ подъ именемъ христіанъ въ недозволенныхъ мѣстностяхъ [3]). Задержанный безпаспортный, представившій доказательства званія и мѣстожительства, высылается къ своему мѣсту [4]). Если задержанный безъ паспорта въ Петербургѣ окажется безъ средствъ къ жизни, ведетъ предосудительную жизнь, подвергался суду за преступленія противъ порядка управленія, благочинія или чужой собственности, то полиція представляетъ градоначальнику о высылкѣ таковаго и о воспрещеніи ему пребыванія въ столицѣ. Находящееся при градоначальникѣ совѣщательное присутствіе опредѣляетъ способы высылки, т. е. долженъ-ли задержанный оставить столицу добровольно или необходимо принять понудительныя мѣры, которыя должны быть согласны съ дѣйствующими правилами относительно пересылки подобныхъ лицъ [5]). На обязанности полиціи лежитъ высылка къ мѣсту служенія нижнихъ воинскихъ чиновъ просрочившихъ отпускъ [6]). Задержанные по неимѣнію узаконенныхъ видовъ, если объявятъ свое имя и мѣстожительство, хотя-бы и безъ доказательствъ, отсылаются въ показанныя мѣстности; въ случаѣ-же лживости показанія предаются суду за бродяжничество [7]). Выбывшіе изъ арестантскихъ ротъ и исправительныхъ отдѣленій ссылаются въ

---

[1]) Ст. 222 прим. 2-е.
[2]) Ст. 241.
[3]) Ст. 1 и ст. 538 ч. I-я т. II.
[4]) Ст. 283 и 531.
[5]) Ст. 614-я.
[6]) Прилож. къ ст. 614 по прод. 1876 г., п. 6 и 7 Ср. съ ст. 1524 ч. I-я т. II.
[7]) Ст. 1323.

Сибирь на водвореніе, если общества отказываются принять ихъ [1]).

Независимо отъ перечисленныхъ случаевъ полицейской высылки и ссылки, Положеніе объ охранѣ предоставляетъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ высылку отдѣльныхъ личностей изъ мѣстностей, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны [2]). Ссылка частнаго лица „административнымъ" порядкомъ въ какую-либо опредѣленную мѣстность Европейской и Азіятской Россіи, съ обязательствомъ безотлучнаго пребыванія въ теченіи назначеннаго срока, можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ при соблюденіи установленныхъ для этого правилъ [3]). Подлежащая власть, убѣдившись въ необходимости высылки извѣстнаго лица, представляетъ объ этомъ министру вн. дѣлъ, съ подробнымъ объясненіемъ основаній къ принятію этой мѣры, а также предположеній о срокѣ ссылки [4]). Представленіе это [5]) разсматривается въ особомъ совѣщаніи, которое можетъ потребовать дополненій и разъясненій и даже вызвать для личныхъ объясненій предназначенное къ ссылкѣ лицо [6]). Для безвыѣзднаго пребыванія въ мѣстѣ, для ссылки опредѣленномъ, устанавливается срокъ въ размѣрѣ отъ одного до пяти лѣтъ [7]) и въ теченіи этого срока сосланный находится подъ надзоромъ полиціи [8]). Время ссылки можетъ быть сокращено или продолжено до 5-ти лѣтъ въ томъ-же порядкѣ [9]).

---

[1]) Ст. 1083, 1084 и 1885 прим. уст. о сод. подъ стражей по прод. 1876 г. Ст. 11 учр. и уст. о ссыльныхъ по прод. 1876.

[2]) Ст. 16 п. *г*.

[3]) Ст. 32-я.

[4]) Ст. 33 До рѣшенія вопроса о ссылкѣ ссылаемый содержится подъ арестомъ (ст. 33 прим).

[5]) Совѣщаніе это состоитъ изъ товарища министра вн. дѣлъ, завѣдующаго государственной полиціей, двухъ членовъ отъ министерства юстиціи и 2-хъ членовъ отъ мин. вн. д.

[6]) Ст. 34 и 35-я.

[7]) Ст. 36-я.

[8]) Ст. 2 Пол. о полиц. надзорѣ.

[9]) Ст. 36 прим.

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ ссылки, въ способахъ пересылки сдѣланы въ позднѣйшее время значительныя улучшенія, сравнительно съ прежде практиковавшимся этапнымъ порядкомъ по, такъ называемой, маятной системѣ, о которой была уже рѣчь выше [1]).

Мѣры, которыми обезпечивается правильное пользованіе полиціей правомъ на личное задержаніе. Въ описываемую эпоху, какъ и въ предыдущую, мы видимъ, что, при еще бо́льшемъ уваженіи къ личности и къ праву ея на свободу, выразившемся не въ одномъ только стремленіи устранить излишнюю жестокость, но и въ цѣломъ рядѣ узаконеній, которыми отмѣнили крѣпостную зависимость, упорядочили судъ, смягчили наказанія, призвали общество къ участію во внутреннемъ управленіи и т. п., —законодательство, однако, и теперь искало гарантій противъ злоупотребленія полиціей правомъ на личное задержаніе не столько въ ограниченіи поводовъ къ примѣненію его, точномъ опредѣленіи сроковъ задержанія, правильной классификаціи мѣстъ заключенія, ограниченіи контингента лицъ, уполномоченныхъ на примѣненіе этой мѣры и цѣлесообразномъ нормированіи судебной отвѣтственности полиціи [2]), сколько въ прежнихъ, доказавшихъ уже свою негодность, мѣрахъ регламентаціи, увѣщанія, угрозъ, поощренія, отчетности, контроля, дисциплинарной отвѣтственности и подачи жалобъ потерпѣвшими [3]). Исключеніе въ этомъ отношеніи сдѣлано было, какъ указано выше, въ отношеніи къ предварительному личному задержанію и, отчасти, къ предупредительному, такъ какъ въ Судебныхъ Уставахъ

---

[1]) Ст. 16, 93, 458, 526 по прод. 1876 и слѣд. гг. См. №№ 207 и 208 Спб. Вѣдомости за 1876 г.

[2]) См. 1-ю ч. нашего изслѣдованія стр. 183 и слѣд.

[3]) Объ отчетности, контролѣ, ревизіи и отвѣтственности вообще, а не въ отношеніи только къ полиціи, см. *И. Тарасова*—Больныя мѣста нашей администраціи, статьи въ журналѣ Земство за 1882 г. №№ 21—24; и Административная юстиція—въ томъ-же журналѣ, за тотъ-же годъ, №№ 8, 15 и 18.

ясно обнаруживается стремленіе болѣе или менѣе точно и цѣлесообразно опредѣлить тѣ именно главнѣйшіе моменты въ личномъ задержаніи, правильнымъ нормированіемъ которыхъ наиболѣе прочно ограждается личная свобода гражданъ отъ преступныхъ посягательствъ на нее со стороны полиціи. Но и Судебные Уставы, какъ обнаружила практика, сдѣлали въ этомъ отношеніи далеко не все, а сдѣланное оказалось не вполнѣ цѣлесообразнымъ или-же недостаточно обезпеченнымъ со стороны исполненія. Чрезмѣрно многочисленные случаи предварительнаго и предупредительнаго арестовъ и крайняя продолжительность сроковъ содержанія подъ стражей служатъ, между прочимъ, лучшимъ доказательствомъ этому, независимо отъ частныхъ случаевъ ареста совершенно неосновательнаго или злостнаго [1]). Проф. Кистяковскій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что „у насъ сельская община представляетъ круговую поруку въ платежѣ податей и отбываніи повинностей, а потому можетъ доставлять естественныхъ поручителей въ дѣлахъ уголовныхъ“ [2]). Между тѣмъ, въ виду того распространеннаго примѣненія, какое имѣли поруки въ болѣе отдаленныя эпохи народной жизни, нельзя не удивляться крайнему пренебреженію ими, какъ мѣрой пресѣченія, въ настоящее время. Естественнымъ поручителямъ, очевидно, недовѣряютъ, судя, напр., по тому, что въ 1879 г. на 30, 787 заключеній подъ стражу приходилось всего 1844 отдачъ на поруки [3]), и это не только по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, подсуднымъ окружнымъ судомъ и судебнымъ палатамъ, но и по дѣламъ мировой юстиціи.

По Судебнымъ Уставамъ, полиція, принимая, перечисленныя въ ст. 426, 430 и 431 уст. уг. суд., мѣры пресѣченія, обязана дѣлать объ этомъ формальныя письменныя по-

---

[1]) См. Сводъ статист. свѣдѣній за 1879 г. и за 1880, 1881 гг.

[2]) О пресѣченіи, стр. 161.

[3]) Сводъ стат. свѣд. за 1879 г.

становленія, согласно ст. 259 и 430 [1]). При установленіи этого требованія, имѣлось въ виду, что, во первыхъ, оно будетъ служить полиціи побужденіемъ поступать основательно и, во вторыхъ, оно будетъ служить документомъ, оправдывающимъ полицію, въ случаѣ неосновательности жалобъ, или въ сильной степени уличающимъ ее, если она дѣйствовала незаконно [2]). Что такое значеніе постановленій значительно умалено практикой и судебными рѣшеніями, на это мы указали уже выше.

Подвергнувъ обвиняемаго личному задержанію, полиція немедленно должна объ этомъ донести представителю прокурорскаго надзора, такъ какъ, по ст. 259, въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ она должна поступать подобно судебному слѣдователю, который обязанъ донести о задержаніи. Но, независимо отъ *невозможности* во многихъ случаяхъ выполнить это требованіе закона, вслѣдствіе непреодолимыхъ преградъ, каковы—дальность разстояній, неудовлетворительное состояніе дорогъ и т. п., требованіе этого закона остается нерѣдко не исполненнымъ и тамъ, гдѣ исполненіе его возможно, вслѣдствіе чего предупредительное личное задержаніе только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ длится не долѣе сутокъ, въ большинствѣ-же случаевъ, въ явное противорѣчіе съ желаніемъ законодателя, оно длится гораздо дольше [3]).

Въ мѣстахъ заключенія ведутся реестры, въ которыхъ, при сдачѣ арестанта, обозначается постановленіе, и въ этихъ реестрахъ росписываются сдающій и принимающій арестанта. Объ арестѣ-же священно-служителей и монашествующихъ извѣщается начальство въ предотвращеніе перерыва въ исполненіи обя-

---

[1]) О такихъ постановленіяхъ по иностранному закодательству см. 1-ю ч. нашего изслѣдованія, стр. 51, 82—101.

[2]) *Кистяковскій*, стр. 147 и 167.

[3]) Мы указали уже выше, что въ офиціальной статистикѣ предупредительнаго и предварительнаго личныхъ задержаній нѣтъ даже рубрики для сроковъ меньше 3-хъ сутокъ.

занностей, равно какъ извѣщается объ этомъ и начальство военныхъ лицъ [1]). Завѣдующіе мѣстами заключенія недолжны принимать присылаемыхъ къ нимъ безъ копіи съ постановленія. Но практика и въ данномъ случаѣ избрала путь наиболѣе удобный для исполненія, а не для обезпеченія личной свободы гражданъ. Реестры имѣютъ значеніе исключительно только сыраго матерьяла для статистики и никоимъ образомъ не могутъ служить основаніемъ для провѣрки степени закономѣрности личнаго задержанія [2]). Что-же касается юридическаго значенія постановленій объ арестѣ, какъ одной изъ гарантій для личной свободы, то оно, если можно такъ выразиться, урѣзано, съ одной стороны, недостатками закона [3]), съ другой—противорѣчивыми административными распоряженіями [4]), съ третьей—совмѣщеніемъ въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ заключенія судебныхъ и полицейскихъ арестантовъ, арестъ которыхъ, однако, нормируется совершенно различными узаконеніями [5]).

Въ ст. 9—11 уст. уг. суд. опредѣленъ рядъ правилъ относительно надзора за взятіемъ подъ стражу. Обязанность освобождать неправильно арестованныхъ лежитъ на судьяхъ и прокурорахъ. Но въ отношеніи къ судьямъ обязанность эта не соотвѣтствуетъ характеру и значенію ихъ должности,

---

1) Ст. 432, 1023 и 1241 уст. уг. суд.

2) См. напр., Спб. Вѣдомости за 1876 г. № 160.

3) Ст., напр., *Мордухай—Балтовскаго* стр. 13, и рѣшенія Сената къ ст. 9 и 10 уст. уг. суд.

4) Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такимъ постановленіямъ, которыя выражены въ ст. 9, 10, 11, 430, 431 и 432 уст. уг. суд., болѣе приличествуетъ быть въ спеціальныхъ Положеніяхъ, издаваемыхъ въ защиту личной свободы (см. 1-ю ч. нашего изслѣдованія стр. 51, 157, 160, 167, 185) или-же въ общегражданскихъ уложеніяхъ, а не въ уст. уг. суд., правовая сфера котораго имѣетъ свою совершенно спеціальную область.

5) Въ извѣстномъ дѣлѣ объ исправникѣ Зографѣ подсудимый оправдывалъ, между прочимъ, всѣ свои несогласныя съ уст. уг. суд дѣйствія тѣмъ, что онъ подвергъ г. Пономарева не предупредительному, а полицейскому аресту, нормируемому иными узаконеніями, чѣмъ тѣ, которыя вошли въ уставъ уг. судопроизводства.

такъ, что они только случайно могутъ наталкиваться на случаи неправильнаго личнаго задержанія. Какъ видно изъ объяснительной записки къ уставу уголовнаго судопроизводства, при возложеніи этой обязанности на судей имѣлось въ виду англійское законодательство. Но англійская система, какъ замѣчаетъ проф. Кистяковскій [1]), „не могла служить здѣсь образцомъ, потому что каждый судья въ Англіи столько же судья коллегіи, сколько единичный, т. е. судья въ собственномъ смыслѣ. Кромѣ того, въ Англіи судебная власть снабжена правомъ освобождать незаконно лишенныхъ свободъ неограниченно; у насъ-же, хотя по общему правилу только компетентная судебная власть можетъ привлекать къ отвѣтственности за преступленія, но по исключенію (?) полицейскія и другія адм. власти могутъ принимать мѣры предупрежденія и пресѣченія помимо и независимо отъ суда“. Наконецъ, и это самое важное, практика и судебныя рѣшенія чрезвычайно умалили значеніе указанныхъ статей, такъ какъ вообще въ законѣ недостаточно обезпечено пользованіе ими и исполненіе ихъ [2]).

Контроль надъ примѣненіемъ личнаго задержанія, какъ мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія, принадлежитъ, согласно ст. 283—285, лицамъ прокурорскаго надзора. По 285 ст. прокуроръ или его товарищъ имѣетъ право предложить задержаніе обвиняемаго, оставленнаго на свободѣ или освобожденнаго изъ подъ стражи. Но если слѣдователь встрѣтитъ препятствія къ исполненію такого предложенія то, не исполняя его, представляетъ о томъ суду. Всякое арестованіе обвиняемаго тогда только можетъ остаться въ силѣ, когда лицо прокурорскаго надзора найдетъ его осно-

---

[1]) Стр. 169—173.

[2]) Весьма желательно было-бы видѣть, наконецъ, въ печати статистическія данныя о числѣ лицъ освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія на основаніи ст. 9, 10 и 11 уст. уг. суд., съ подробнымъ указаніемъ на условія и поводы примѣненія этихъ статей (см., напр., 1-ю ч. нашего изслѣдованія, стр. 40, пр. 1-е).

вательнымъ. Слѣдователь обязанъ увѣдомлять лицъ прокурорскаго надзора какъ тогда, если арестуетъ, такъ и когда онъ не арестуетъ или освобождаетъ изъ подъ стражи обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ или всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Съ другой стороны, представитель прокурорской власти можетъ требовать освобожденія отъ содержанія подъ стражей, при чемъ исполненіе такого требованія обязательно для слѣдователя и по этому поводу онъ не можетъ дѣлать представленій окружному суду. Такая разница въ послѣдствіяхъ двухъ требованій [1]) установлена законодателемъ, какъ извѣстно, въ видахъ покровительства личной свободѣ гражданъ [2]). Но практика не преминула и здѣсь извратить сыслъ и духъ закона, умаливъ независимое положеніе судебныхъ слѣдователей въ отношеніи къ прокурорамъ до такой степени, что послѣдніе являются какъ-бы начальниками первыхъ и нерѣдко не только надзираютъ, но и руководятъ всѣми слѣдствіями даже и сами совершаютъ слѣдственныя дѣйствія.

По снятіи первоначальнаго допроса съ обвиняемаго, лицо, взятое подъ стражу, можетъ быть освобождено или-же въ отношеніи къ нему можетъ быть принята менѣе суровая мѣра пресѣченія, но въ такомъ только случаѣ, если мѣстный прокуроръ не предъявитъ противъ этого возраженія [3]). Т. е. слѣдователь не можетъ принять менѣе строгую мѣру, если прокуроръ представитъ возраженіе. Такое опредѣленіе закона, въ виду установившихся отношеній между слѣдователями и лицами прокурорскаго надзора, разумѣется, отнюдь не можетъ

---

[1]) Разница эта съ самаго начала устранена была въ отношеніи къ государственнымъ преступленіямъ.

[1]) См. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны. Изданіе Государственной Канцеляріи. Часть вторая. Спб. 1866 г.

[3]) Ст. 1040 у. у. с.

служить къ огражденію личной свободы, и можно, кажется, не безъ основанія предположить, что во многихъ случаяхъ задержаніе продолжается не въ силу обстоятельствъ дѣла, а во избѣжаніе возраженій, хотя-бы и неосновательныхъ, которыя могутъ быть предъявлены лицами прокурорскаго надзора.

Жалобы на неправильное личное задержаніе подаются окружному суду, чрезъ судебнаго слѣдователя, принявшаго эту мѣру пресѣченія [1]) Жалобы эти препровождаются судебными слѣдователями, съ приложеніемъ объясненій, въ теченіи сутокъ и онѣ разсматриваются окружнымъ судомъ въ первый присутственный день, въ распорядительномъ засѣданіи [1]), которыя происходятъ при закрытыхъ дверяхъ [2]). Относительно-же порядка рѣшенія частныхъ жалобъ въ судебныхъ палатахъ ст. 900 уст. уг. суд. гласитъ слѣдующее: „частныя жалобы и протесты разсматриваются палатою въ публичныхъ засѣданіяхъ и рѣшаются немедленно по ихъ полученіи“; а, согласно со ст. 893, къ числу этихъ жалобъ относятся и такія, которыя касаются принятыхъ мѣръ пресѣченія [3]). Повидимому, такая существенная разница въ разсмотрѣніи однѣхъ и тѣхъ-же жалобъ въ окружныхъ судахъ и въ судебныхъ палатахъ есть скорѣе результатъ недосмотра редакціи, чѣмъ принципіальное правило; но, тѣмъ не менѣе, отъ такого недосмотра едвали выигрываютъ гарантіи для личной свободы. Обвиняемый, принесшій частную жалобу по предмету принятія мѣры пресѣченія [4]), не можетъ поль-

---

[1]) Ст. 493 и 497. Желающему подать жалобу предоставляются всѣ способы къ этому (ст. 496), а въ принятіи жалобы ему выдается росписка (ст. 498).

[2]) Ст. 499 и 501. Жалобы на принятіе мѣры пресѣченія принадлежатъ къ общему разряду жалобъ (ст. 491—509) и принесеніемъ ихъ не останавливается приведеніе въ исполненіе принятой мѣры пресѣченія (ст. 500).

[3]) Ср. Суд. Вѣстникъ за 1867 г. №№ 258, 266, 280 и за 1868 г. № 64; равно какъ опубликованное почти всѣми газетами судебное засѣданіе по частной жалобѣ Мироновича о неправильномъ, будто-бы, личномъ задержаніи его.

[4]) По исключенію, жалобы на неправильное взятіе подъ стражу могутъ быть приносимы въ теченіи всего производства (ст. 896).

зоваться содѣйствіемъ повѣреннаго [1]), потому что принятіе этихъ мѣръ есть принадлежность предварительнаго слѣдствія, въ которомъ участіе повѣренныхъ или защитниковъ не допускается. Такимъ образомъ въ рѣшеніи столь важнаго вопроса, какъ лишеніе личной свободы, допущено неравенство: подсудимый поставленъ безъ защитника лицомъ къ лицу со слѣдователемъ и представителями прокурорскаго надзора [2]).

По ст. 514 уст. уг. суд. судебная палата по собственной инціативѣ можетъ предписать принять данную мѣру пресѣченія или измѣнить принятую мѣру на болѣе строгую или-же возобновить отмѣненную мѣру. Но въ законѣ не говорится, имѣетъ-ли право суд. палата смягчить, по собственной инициативѣ, строгость мѣры пресѣченія; хотя трудно допустить, чтобы она не имѣла этаго права, такъ какъ нѣтъ основанія умалять права суд. палаты сравнительно съ правами каждаго судьи, слѣдователя и прокурора [3]).

Въ 348 ст. уложенія о наказаніяхъ выражено, что „за взятіе подъ стражу кого-либо, хотя и по законнымъ, достойнымъ уваженія, причинамъ, но безъ соблюденія установленныхъ на то правилъ, виновное въ томъ должностное лице приговаривается, смотря по обстоятельствамъ дѣла: или къ строгому замѣчанію, или къ строгому выговору со внесеніемъ въ послужный списокъ; или-же къ вычету отъ 6 мѣсяцевъ до одного года изъ времени службы. Когда-же кто-либо взятъ подъ стражу безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ, или когда виновный въ томъ не имѣлъ на сіе по закону, или особому рѣшенію права, то онъ подвергается: мѣрамъ наказаній, въ ст. 1040—1544 опредѣленныхъ за противоза-

---

[1]) Жалобщикъ допускается на судъ къ словеснымъ объясненіямъ (ст. 504) и передъ постановкой рѣшенія выслушивается заключеніе прокурора (ст. 505). Рѣшеніе окр. суда можетъ быть обжаловано въ суд. Палатѣ (ст. 893), но не въ Сенатѣ, составляющемъ кассаціонную инстанцію (Суд. Вѣстн. за 1867 г. № 214).

[2]) Ср. *Кистяковскаго* стр. 178 и слѣд.

[3]) Ib. стр. 178—188.

конное задержаніе и заключеніе“ [1]). Относительно этихъ наказаній нельзя не замѣтить, что, съ одной стороны, они слишкомъ суровы, съ другой—слишкомъ слабы, и, во всякомъ случаѣ, нецѣлесообразны какъ общія нормы, ибо въ въ основаніи ихъ не положено различія между предварительнымъ, предупредительнымъ и полицейскимъ личными задержаніями.

Относительно предварительнаго личнаго задержанія, угроза наказанія умѣстна не по поводу принятія этой мѣры пресѣченія, а по поводу несоблюденія закономъ установленныхъ условій, при принятіи ея, которыя, разумѣется, должны быть опредѣлены подробно и цѣлесообразно; т. е. должностныя лица, уполномоченныя на принятіе этой мѣры, должны, отвѣчать за примѣненіе ея не въ закономъ указанныхъ случаяхъ, за нарушеніе закономъ установленнымъ сроковъ, за помѣщеніе не въ надлежащихъ мѣстахъ заключенія, за неисполненіе какихъ-либо изъ предписанныхъ закономъ формальностей, за лишеніе потерпѣвшаго какихъ либо закономъ дарованныхъ ему гарантій, и т. п. Самое-же примѣненіе предварительнаго личнаго задержанія должно быть обезпечено не угрозой наказанія, а правильнымъ нормированіемъ обжалованія этой мѣры со стороны потерпѣвшихъ лицъ. Слѣдовательно, на сколько вполнѣ умѣстны строгія судебныя и дисциплинарныя наказанія за несоблюденіе какихъ либо изъ закономъ установленныхъ условій для примѣненія предварительнаго личнаго задержанія, ибо во всѣхъ этихъ случаяхъ, несомнѣнно, имѣется въ наличности или dolus или culpa,—на столько наказанія эти неумѣстны за самое примѣненіе этого личнаго задержанія, ибо гарантіей въ данномъ случаѣ служитъ аппеляція (право жалобы), а не личная отвѣтственность примѣнителей. Поэтому, если въ законѣ нѣтъ яснаго и точ-

---

[1]) Т. е., смотря по обстоятельсвамъ, отъ заключенія въ тюрьму до каторжныхъ работъ.

наго опредѣленія случаевъ и всѣхъ условій примѣненія этого личнаго задержанія и не установлено солидныхъ гарантій для строгаго и неотступнаго руководства этими опредѣленіями, то никакія уголовныя наказанія за злоумышленное или недобросовѣстное предварительное личное задержаніе не оградятъ личной свободы гражданъ и не уменьшатъ случаевъ неправильнаго предварительнаго заключенія подъ стражу [1]). Примѣненіе угрозы уголовнаго наказанія въ данномъ случаѣ имѣетъ такое-же значеніе, какъ если-бы законъ угрожалъ такимъ-же наказаніемъ судьѣ за неправильное рѣшеніе дѣла, не установивъ яснаго и точнаго опредѣленія всѣхъ условій судебнаго разбирательства и постановки рѣшеній и не обезпечивъ исполненія этихъ опредѣленій. Между тѣмъ, угроза наказанія, какъ дисциплинарнаго, такъ и судебнаго, за нарушеніе какихъ-либо изъ условій и формъ, предписанныхъ закономъ при примѣненіи предварительнаго личнаго задержнія, вполнѣ умѣстна, и въ данномъ случаѣ мѣра наказанія должна быть сообразована съ бо́льшимъ или меньшимъ значеніемъ каждаго изъ этихъ условій или формъ, ибо странно и едва-ли цѣлесообразно было-бы устанавливать одинаковую мѣру наказанія, напр., за несоблюденіе нѣкоторыхъ требованій относительно формы постановленій объ арестѣ и за нарушеніе узаконеній о поводахъ или сро-

---

[1]) Едва-ли есть основаніе сомнѣваться въ томъ, что въ огромномъ числѣ лицъ, ежегодно находящихся у насъ подъ предварительнымъ арестомъ, числясь за судебными слѣдователями и мировыми судьями, есть такія, къ которымъ безъ малѣйшаго ущерба правосудію могла-бы быть примѣнена менѣе суровая мѣра пресѣченія; при чемъ въ основаніи выбора именно наиболѣе суровой мѣры пресѣченія, разумѣется, не всегда лежатъ только ошибки или недоразумѣніе или излишнее служебное рвеніе, не сдерживаемое точными опредѣленіями закона, но также и лицепріятіе, желаніе проявить власть, легкомысліе и т. п. Однако, случаи уголовнаго преслѣдованія по ст. 348 ул. о нак. за неправильное лишеніе свободы у насъ чрезвычайно рѣдки не потому только, что вообще судебная отвѣтственность должностныхъ лицъ обставлена у насъ крайне стѣснительными условіями, но и потому, что въ данномъ случаѣ, въ отношеніи къ предварительному аресту, она, въ сущности, непримѣнима.

кахъ ареста. Относительно предупредительнаго личнаго задержанія гарантіей для правомѣрнаго примѣненія его является также не столько угроза уголовнаго наказанія, сколько цѣлесообразное и точное опредѣленіе соотношенія между полиціей и юстиціей, исходя неукоснительно изъ того начала, что въ данномъ случаѣ полиція дѣйствуетъ исключительно только какъ служебный органъ юстиціи, при чемъ и тутъ является безусловно необходимымъ точнѣе опредѣленіе всѣхъ условій примѣненія предупредительнаго личнаго задержанія, въ особенности-же—ясное опредѣленіе максимальнаго срока для этого ареста [1]). Арестуя для органовъ юстиціи, полиція, разумѣется, должна отвѣчать предъ послѣдними за правильность своихъ дѣйствій, и только эти именно органы могутъ быть въ данномъ случаѣ, руководствуясь закономъ, вполнѣ компетентными судьями въ опредѣленіи степени правильности дѣйствій полиціи, при чемъ санкціей этихъ дѣйствій слагается съ полиціи всякая отвѣтственность, которая всецѣло переходитъ на судебные органы санкціонировавшія ихъ.

Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находится полицейское личное задержаніе, правомѣрность котораго обезпечивается нап-

---

[1]) Относительно предупредительнаго ареста опредѣленія эти не могутъ быть тѣ-же, что и относительно предварительнаго ареста, ибо въ томъ и другомъ случаѣ существуетъ большая разница въ условіяхъ примѣненія этой мѣры, въ органахъ примѣняющихъ ее и въ послѣдствіяхъ ея. Такъ, напр., имѣя въ виду, что предупредительный арестъ примѣняется полиціей, странно было-бы перечислять въ законѣ случаи примѣненія, руководствуясь классификаціей преступленій и наказаній; столь-же нецѣлесообразно вмѣнять полиціи въ обязанность составленіе *такихъ-же* постановленій объ арестѣ, которыя установлены для ареста предварительнаго, и т. д. Вообще здѣсь опредѣленія должны отличаться общедоступностью, не требующею спеціальныхъ знаній и необременяющею излишними сложными формальностями. Опредѣленія эти должны заключать въ себѣ указанія на: а) органы арестующіе, б) мѣста заключенія, в) наличность внѣшнихъ признаковъ, въ силу которыхъ можетъ быть примѣнена эта мѣра пресѣченія, г) формальный документъ, коимъ удостовѣряется примѣненіе этой мѣры, д) предѣльный срокъ, въ теченіи котораго арестованный долженъ быть сданъ органамъ юстиціи и е) формальныя условія сдачи, которыми удостовѣряется правильность дѣйствій арестовавшаго.

болѣе цѣлесообразно и надежно именно судебною отвѣтственностью полиціи за неправильное пользованіе этой мѣрой безопасности. Здѣсь полиція не отдаетъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ органамъ юстиціи, которымъ въ данномъ случаѣ не принадлежитъ и контроль надъ ея дѣйствіями; здѣсь полиція дѣйствуетъ на свой страхъ и на свою совѣсть; здѣсь невозможно предусмотрѣть всѣхъ даже только внѣшнихъ условій примѣненія этой мѣры безопасности [1]); наконецъ, здѣсь нельзя даже обставить ареста всѣми тѣми формальностями, которыя не только возможны, но и необходимы при примѣненіи арестовъ предварительнаго и предупредительнаго. Тутъ и только тутъ вполнѣ умѣстно примѣненіе вышеуказанной ст. 348 ул. о нак., практическое значеніе которой должно быть обезпечено измѣненіемъ существующаго порядка возбужденія судебной отвѣтственности органовъ полиціи и преданія ихъ суду, если не вообще, то по крайней мѣрѣ во всѣхъ случаяхъ неправильнаго примѣненія полицейскаго личнаго задержанія [2]).

а) *Регламентація, увѣщанія и поощренія.* Стремленіе регламентировать полицейское личное задержаніе, предусмотрѣть всѣ случаи и всѣ условія примѣненія его замѣтно уже въ Екатерининскомъ уставѣ благочинія или полицейскомъ, но особенно энергично обнаруживается это стремленіе, начиная съ 1825 г., когда почти одновременно изданы были по этому предмету инструкціи полицейскимъ чинамъ Витебскаго, Могилевскаго, Смоленскаго и Калужскаго генералъ-губернатора князя Хованскаго и Рязанскаго генералъ-губернатора Балашева. То-же стремленіе обнаружила на первыхъ порахъ своего существованія Коммиссія о преобразованіи гу-

---

[1]) Тѣмъ не менѣе полное и исключительное господство въ данномъ случаѣ одного лишь „благоусмотрѣнія“ также никоимъ образомъ не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Поэтому такія узаконенія, какъ Положенія о полицейскомъ надзорѣ и объ охранѣ, при всей крайней суровости заключающихся въ нихъ постановленій, являются шагомъ впередъ, выражая собою попытку замѣнить благоусмотрѣніе закономъ (см. выше стр. 243).

[2]) См. 1-ю часть нашего изслѣдованія, стр. 222–226.

бернскихъ и уѣздныхъ учрежденій [1]), которой принадлежалъ, между прочимъ, проэктъ, утвержденнаго въ 1860 г., наказа полиціи о производствѣ дознаній по происшествіямъ, могущимъ заключать въ себѣ преступленіе или проступокъ [2]). Однако, совершенно несогласно съ этимъ стремленіемъ, въ законодательствѣ оставались или даже вновь проникали такія положенія, которыя, заключая въ себѣ неопредѣленныя, какъ-бы общія мѣста, открывали широкій просторъ для „благоусмотрѣнія" въ примѣненіи полиціей принудительныхъ мѣръ вообще, и полицейскаго личнаго задержанія — въ особенности. Таковы, напр., многочисленныя статьи закона, въ которыхъ полиціи предписывается дѣйствовать „всѣми зависящими отъ нея мѣрами", примѣнять „чрезвычайныя мѣры" или „надлежащія мѣры", „въ случаѣ нужды принимать особыя мѣры безопасности" или „всѣ средства" и т. п. [3]) Рядомъ съ этимъ, законодательство не отказывается отъ увѣщанія должностныхъ лицъ къ добросовѣстному исполненію возможныхъ на нихъ обязанностей [4]), угрожая наказаніями за нерадѣніе или злоупотребленія [5]) и обѣщая награды за ревностную службу [6]).

---

[1]) См. Матерьялы коммиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Отд. полиц. ч. 1-я, отд. 1-й.

[2]) Наказъ этотъ подвергся подробному разбору въ виду разработки Судебныхъ Уставовъ, причемъ сдѣлано было на него много замѣчаній, указывавшихъ болѣе на необходимость лучшей разработки этого наказа, чѣмъ на отмѣну его, какъ это было сдѣлано на самомъ дѣлѣ, ибо со времени изданія Судебныхъ уставовъ полиція должна руководствоваться въ производствѣ дознаній и вообще слѣдственныхъ дѣйствій не этимъ наказомъ, а уставомъ уголовнаго судопроизводства

[3]) Ст. 1328, 1353, 1355, 1388 и др. ч. 1 т. II Св. Зак.

[4]) См. ст. 441, 656, 800—804, 1432 ч. 1 т. II Св. Зак., ст. 483 у. у.с. и др. Законъ увѣщеваетъ полицію не дозволять себѣ ни медленности, ни превышенія или бездѣйствія власти. Ген.-губернаторы не должны допускать превышенія власти Губернаторамъ слѣдуетъ избѣгать нетвердыхъ и не вполнѣ согласныхъ съ безпристрастіемъ и справедливостью мнѣній, дабы не сообщить начальству ложнаго представленія о дѣлѣ и не навлечь незаслуженнаго подозрѣнія на лицъ, лишенныхъ средствъ возраженія и защиты. Губернское Правленіе должно быть для подчиненныхъ мѣстъ и лицъ образцомъ скораго дѣлопроизводства.

[5]) Ст. 179 уст. о сод. н. стр., ст. 800—804 ч. 1- т. II и др.

[6]) Ст. 223 ч. 1-я т. II *И. Тарасовъ*—Полиція въ эпоху реформъ. М. 1885 г. стр. 41.

б) *Отчетность.* Мы указали уже выше, какимъ образомъ созданы были законодательствомъ статейные списки въ то время, когда администрація, обладая самыми ничтожными средствами для надзора за „колодниками", вынуждена была заботиться только о томъ, какъ-бы уменьшить безпрестанно повторявшіеся, цѣлыми массами, побѣги колодниковъ [1]). Списки эти имѣли, поэтому, цѣлью не столько гарантировать личную свободу гражданина, сколько стремились подробнымъ исчисленіемъ его примѣтъ предупредить возможность побѣга. Сохранившись до настоящаго времени, статейные списки, замѣняя собою въ извѣстныхъ случаяхъ постановленія о заключеніи подъ стражу [2]), по прежнему не заключаютъ въ себѣ изложенія фактическихъ основаній личное задержаніе, а одно только формальное указаніе на тѣ бумаги, по которымъ составлены они. Вслѣдствіе чего, какъ неоднократно заявляла объ этомъ печать, тѣ лица, которымъ законъ довѣрилъ надзоръ и наблюденіе за правильнымъ заключеніемъ подъ стражу, встрѣтившись въ тюрьмѣ съ жалобою на неправильное личное задержаніе, не имѣютъ возможности, на основаніи этихъ статейныхъ списковъ, провѣрить основательность ея и даже лишены средствъ, путемъ переписки, собрать необходимыя для разрѣшенія жалобы справки. Не бо́льшее значеніе имѣютъ и требуемыя закономъ письменныя постановленія о заключеніи подъ стражу. Во-первыхъ, хотя и имѣется циркуляръ министра юстиціи отъ 11 марта 1869 г. [3]), коимъ предписывается губернаторамъ, чтобы они сдѣлали распоряженіе о соблюденіи полиціей правилъ относительно составленія постановленій объ арестѣ, но обязательность этого циркуляра *министра юстиціи* въ случаяхъ *полицейскаго* личнаго задержа-

---

[1]) П. С. З. т. IX № 13445.

[2]) Во всѣхъ мѣстахъ заключенія для всѣхъ пересыльныхъ.

[3]) Сборникъ циркуляровъ и инструкцій министерства юстиціи, изд. 1870 г. стр. 163.

нія весьма сомнительна, какъ это видно, между прочимъ, и изъ полнаго отсутствія какихъ-либо, закономъ установленныхъ, формъ постановленій для этаго именно личнаго задержанія [1]). Вовторыхъ, если даже такія, закономъ неоформленныя, постановленія обязательны для полиціи, то за ними рѣшительно нельзя признать значенія гарантіи для личной свободы гражданъ, такъ какъ надзоръ за соблюденіемъ этого требованія ввѣренъ *уставомъ уголовнаго судопроизводства* исключительно только судебнымъ органамъ [2]), эта дѣятельность которыхъ, значитъ, можетъ касаться только случаевъ судебнаго, предварительнаго и предупредительнаго арестовъ, а отнюдь не, предусмотрѣннаго закономъ, ареста полицейскаго [3]); вслѣдствіе чего полиціи, въ ея столкновеніяхъ съ судебными органами по поводу полицейскаго личнаго задержанія, достаточно сдѣлать только указаніе на то, что данное лице подвергнуто полицейскому личному задержанію, а не предупредительному, дабы этимъ самымъ устранить всякій контроль органовъ судебныхъ [4]).

Остальныя постановленія законодательства по тому-же предмету еще бѣднѣе тѣми свойствами, которымъ должны удовлетворять узаконенія, имѣющія цѣлью служить гарантіей для личной свободы. Губернаторы, будучи обязаны представлять свѣдѣнія о состояніи управленія, какъ въ общихъ годичныхъ

---

[1]) См., напр., *Мордухай-Болтовскаго*—Сборникъ узаконеній для руководства чиновъ полиціи и корпуса жандармовъ, Спб , 1872, стр. 63—64.

[2]) Ст. 9—11 у. у. с.

[3]) Самое нормированіе этой дѣятельности именно въ уставѣ уголовнаго судопроизводства ясно указываетъ на это, независимо отъ ст. 9-й того-же устава, въ которой сдѣлано прямое указаніе на „порядокъ, опредѣленный правилами настоящаго устава“.

[4]) Такъ, напр., въ извѣстномъ дѣлѣ объ исправникѣ Зографѣ, возбужденномъ 15 іюня 1880 г., мировымъ судьею 1-го участка Волчанскаго округа, Зографъ, обвинявшійся въ отказѣ освободить противозаконно задержаннаго имъ крестьянина Захарія Пономарева, оправдывалъ свой отказъ тѣмъ, что „мировые судьи не вправѣ входить въ разсмотрѣніе правильности постановленій подлежащихъ адм. властей объ арестѣ“.

отчетахъ, такъ и въ разныхъ срочныхъ вѣдомостяхъ и донесеніяхъ [1]), обязаны, между прочимъ, сообщать въ послѣднихъ о происшествіяхъ и тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, которые должны быть доводимы до свѣдѣнія Высочайшаго, о лицахъ поднадзорныхъ и т. п. [2]). Въ мѣстностяхъ, указанныхъ въ ст. 1191-мъ 1-й ч. II т., Полицейскія Управленія сообщаютъ на просмотръ товарищей губернскаго прокурора, между прочимъ, постановленія о содержаніи лицъ подъ стражею, о преданіи суду, о назначеніи слѣдствія и о наложеніи административныхъ взысканій [3]). По положенію объ охранѣ, о всякомъ заарестованіи или освобожденіи изъ онаго чины полиціи и жанд. корпуса составляютъ немедленно надлежащее постановленіе, копію съ котораго сообщаютъ лицу прокурорскаго надзора, безотлагательно донося о заарестованіи мѣстному губернатору или градоначальнику, по письменному распоряженію которыхъ срокъ предварительнаго ареста можетъ быть продолженъ (съ 2-хъ недѣль до одного мѣсяца со дня задержанія [4]). Въ мѣстностяхъ, не объявленныхъ въ исключительномъ положеніи, мѣстнымъ начальникамъ полиціи, а также начальникамъ жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ предписывается о всякомъ заарестованіи и освобожденіи отъ онаго составлять надлежащія постановленія, копіи съ которыхъ сообщать лицамъ прокурорскаго надзора, безотлагательно донося мѣстному губернатору и градоначальнику [5]). С.-Петербургскій градоначальникъ представляетъ по истеченіи каждаго мѣсяца министру вн. дѣлъ списокъ лицъ, высланныхъ изъ столицы, съ объясненіемъ противъ каждаго причинъ [6]). По положенію о полицейскомъ надзорѣ, полиція,

---

[1]) Ст. 628 1-й ч. II т.
[2]) Ст. 631-я.
[3]) Ст. 1370-я.
[4]) Ст. 20-я прим.
[5]) Ст. 29-я.
[6]) Ст. 614 уст. о пасп. по прод. 1876 г., приложеніе п. 9.

производя (во всякое время) [1]) въ квартирахъ поднадзорныхъ обыски и выемки, должна составить протоколъ, съ изложеніемъ всѣхъ поводовъ и послѣдствій этихъ дѣйствій [2]). По уст. о ссыльныхъ, исправники, по прибытіи партій ссыльныхъ, повѣряютъ оныя съ партіоннымъ и статейными списками, свидѣтельствуютъ одежду и дѣлаютъ отмѣтки въ партіонномъ спискѣ, въ какомъ состояніи прослѣдовала партія. О замѣченныхъ неисправностяхъ доносятъ губернскому правленію, для надлежащаго, съ кого слѣдуетъ, взысканія [3]). Въ каждой губерніи, съ окончаніемъ года, пересматривается полицейское производство о ссыльныхъ, послѣдствіемъ чего должны быть: 1) годовой отчетъ о ссыльныхъ 2), составленіе вѣдомости о неоконченныхъ дѣлахъ и 3) передача въ архивъ дѣлъ оконченныхъ [4]). Годовые отчеты сообщаются въ Тюменскій приказъ о ссыльныхъ, который, повѣривъ со своимъ годовымъ алфавитомъ, составляетъ общій на всю Имперію отчетъ о ссыльныхъ, и представляетъ его въ мѣстное Главное Управленіе [5]).

в. *Контроль и надзоръ*. Не болѣе удовлетворительно регламентированы контроль и надзоръ, какъ гарантіи для личной свободы. Надзоръ въ губерніи за всѣми мѣстами заключенія принадлежитъ Губ. Правленію [6]). Главное попеченіе о всѣхъ мѣстахъ заключенія гражд. вѣдомства, объ улучшеніи нравственности и о физическомъ состояніи содержащихся ввѣрено состоящему при министерствѣ вн. дѣлъ обществу попечительному о тюрьмахъ, съ его комитетами и отдѣленіями [7]). Завѣдываніе каторжными тюрьмами для присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, до

---

[1]) Ст. 18-я.

[2]) Ст. 19-я.

[3]) Ст. 139-я.

[4]) Ст. 145, 146-я.

[5]) Ст. 147. См. еще ст. 1097—1100 уст. о сод. подъ стражей, ст. 1372 1-й ч. II т. и мн. др.

[6]) Ст. 667 1-й ч. II т. Ср. ст. 506, 622 и др.

[7]) Ст. 15 и 30 уст. о сод. подъ стражей. Ср. *Кистяковскій*—Эл. учебникъ уг. права, 2-е изд., стр. 860.

отсылки ихъ въ Сибирь, возлагается на непосредственную отвѣтственность мѣстныхъ губернаторовъ, подъ высшимъ наблюденіемъ министра вн. дѣлъ [1]). Для наблюденія за исполненіемъ смотрителемъ Литовскаго замка его обязанностей состоитъ особое Попечительство, подъ предсѣдательствомъ помощника С.-Петербургскаго градоначальника, изъ 2-хъ директоровъ С.-Петербургскаго тюремнаго комитета, по избранію послѣдняго [2]). Главное завѣдываніе тюремною частью гражданскаго вѣдомства состоитъ при министерствѣ вн. дѣлъ въ Гл. Тюр. Упр. [3]). Особенный мѣстный надзоръ за мѣстами заключенія и попеченіе о содержащихся подъ стражею лежитъ на лицахъ прокурорскаго надзора, которыя имѣютъ во всякое время безпрепятственный входъ въ тюрьма гражд. вѣдомства, но не иначе, какъ по билету, удостовѣряющему ихъ личность [4]). Въ мѣстностяхъ дѣйствія судебныхъ уставовъ обязанность судей и прокуроровъ относительно освобожденія неправильно лишенныхъ свободы и по принятію мѣръ къ содержанію заключенныхъ въ установленномъ порядкѣ, опредѣляются въ ст. 10 и 11 уст. уг. суд. [5]). За благоустройствомъ и исполненіемъ постановленій закона о порядкѣ содежанія арестантовъ наблюдаютъ губернаторы, губ. правленія и городскія полиціи [6]). С.-Петербургскій домъ предварительнаго заключенія изъятъ изъ вѣдѣнія губернскаго правленія и попечительнаго о тюрьмахъ комитета съ подчиненіемъ главному начальнику тюремнаго управленія. Порядокъ управленія временно установленъ министромъ вн. дѣлъ по соглашеніи съ министромъ юстиціи, при чемъ участіе прокурорскаго надзора

---

[1]) Прим. 2-е къ ст. 15 уст. о сод. подъ стражею, по прод. 1876 г.
[2]) Прим. 3-е къ ст. 15. по прод. 1879 г.
[3]) Прим. 40-е по прод. 1881 г.
[4]) Ст. 17 по прод. 1879 г.
[5]) Ст. 17 по прод. 1876 г.
[6]) Ст. 18-я.

въ наблюденіи опредѣляется дѣйствующими узаконеніями [1]). Начальники губ. жандармскихъ управленій имѣютъ безпрепятственный входъ въ мѣста заключенія для осмотра положенія содержащихся [2]). Лица, имѣющія право наблюдпія за тюрьмами, но не распоряженія, о замѣченномъ доводятъ до свѣдѣнія комитетовъ и отдѣленій; послѣдніе-же дѣлаютъ распоряженія, по истребованіи объясненій отъ смотрителей [3]). Для внутренняго надзора за порядкомъ въ тюремныхъ замкахъ состоятъ смотрители изъ полицейскихъ чиновниковъ, надзиратели изъ инвалидовъ и др. [4]). Губернаторы требуютъ, чтобы, при удовлетвореніи поступающихъ въ Губернскія Правленія приговоровъ о предоставленіи вредныхъ и порочныхъ членовъ въ распоряженіе правительства, были исполнены всѣ условія и указанныя для сего предосторожности [5]). Ссылка допускается только по предварительномъ сношеніи съ министромъ внутр. дѣлъ [6]). Въ губерніяхъ, перечисленныхъ въ ст. 735 1-й ч. II т. Св. Зак., на просмотръ губернскихъ прокуроровъ должны быть представляемы всѣ постановленія Губернскихъ Правленій о преданіи суду, назначеніи слѣдствій и наложеніи административныхъ взысканій. Кромѣ того, Губернскія Правленія сообщаютъ на просмотръ губернскихъ прокуроровъ постановленія: 1) по сомнѣніямъ, возникающихъ въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ въ порядкѣ производства, подсудности и въ пониманіи законовъ, а по управленію полицейскому—и въ самомъ образѣ дѣйствія и исполненія; 2) по жалобамъ и протестамъ губ. прокурора, товарищей его и стряпчихъ; 3) о порочныхъ людяхъ, представляемыхъ въ распоряженіе правительства, и 5) по дѣламъ судебнаго управ-

---

[1]) Прим. 3-е къ ст. 18-й, по прод. 1881 г.
[2]) Ст. 19-я.
[3]) Ст. 60 по прод. 1876 г.
[4]) Ст. 21 по прод. 1879 г.
[5]) Ст. 546 1-й ч. II т.
[6]) Ст. 16 прим. полож. объ охранѣ.

ленія [1]). Надзоръ губернскихъ прокуроровъ не распространяется на дѣла, рѣшаемыя властью губернаторовъ и вице-губернаторовъ [2]). На генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и др. возлагается обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы подчиненныя имъ должностныя лица не дозволяли себѣ злоупотребленій и вообще превышенія власти [3]). Наконецъ, какъ указано было выше, каждый судья и каждый прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка или округа, удостовѣрится въ задержаніи кого-либо подъ стражею безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы [4]). Равно какъ судья или прокуроръ, до свѣдѣнія котораго дойдетъ, что кто-либо содержится не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія, долженъ принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ [5]). Эти два постановленія должны были-бы, повидимому, имѣть общее значеніе, но, будучи помѣщены въ уставѣ уголовнаго судопроизводства и согласно съ неоднократными рѣшеніями судовъ по этому предмету, они такого значенія не имѣютъ, вслѣдствіе чего контроль судей и прокуроровъ не распространяется на случаи собственно-полицейскаго ареста, поставленнаго, въ сущности, внѣ какого-либо организованнаго внѣшняго контроля, тогда какъ внутренній контроль оказывается весьма слабымъ и недостигающимъ своего назначенія.

г. *Ревизія*. Неудовлетворительная организація внѣшняго и внутренняго контроля, разумѣется, могла-бы быть возмѣщена, до извѣстной степени, ревизіей, если-бы послѣдняя была нормирована болѣе полно и цѣлесообразно. Ревизіонныя функціи

---

1) Ср. 667 п. 41—52.
2) Ст. 735-я.
3) Ст. 441, 656 1469 и др.
4) Ст. 10 у. у. с.
5) Ст. 11-я.

надъ низшими органами уѣздной полиціи возлагаются закономъ, ближайшимъ образомъ, на становыхъ приставовъ, но безъ опредѣленія ни формы ревизіи, ни сроковъ производства ея, ни послѣдствій [1]). Исправнику предписывается во время обозрѣнія уѣзда обращать вниманіе на неправильныя дѣйствія и злоупотребленія чиновъ уѣздной полиціи [2]). Производство ревизій по всему губернскому управленію возложено на губернаторовъ [3]). Въ каждой губерніи, съ окончаніемъ года, должно быть пересматриваемо полицейское производство о ссыльныхъ [4]). Для обозрѣнія состоянія ссыльныхъ, въ губерніи размѣщенныхъ и подвѣдомственныхъ экспедиціи о ссыльныхъ, состоятъ при ней особые чиновники, подъ названіемъ ревизоровъ. Кромѣ ревизоровъ, при Губернскихъ Правленіяхъ Тобольскомъ, Томскомъ, Иркутскомъ и Енисейскомъ состоятъ особые чиновники, подъ названіемъ смотрителей поселенцевъ [5]). Для ревизіи судебныхъ учрежденій прежняго устройства губернаторъ назначаетъ вице-губернатора или совѣтниковъ Губернскаго Правленія; для обозрѣнія-же низшихъ полицейскихъ мѣстъ могутъ быть отряжаемы и другіе чиновники, извѣстные своею благонадежностью и опытностью [6]). — Принимая во вниманіе чрезвычайное количество самыхъ разнообразныхъ мѣстъ заключенія, начиная отъ сельской „холодной“ и кончая пересыльной тюрьмой, ежедневно и ежечасно наполняемыхъ полицейскими арестантами, нельзя не удивляться тому ограниченному числу должностныхъ лицъ, которымъ ввѣрены ревизіонныя функціи надъ этими мѣстами заключенія, не говоря уже о другихъ существенныхъ пробѣлахъ въ законодательствѣ по этому предмету, каковы: полное отсут-

---

[1]) Ст. 1469 1-й II т.
[2]) Ст. 1441-я.
[3]) Ст. 503 и др.
[4]) Ст. 145 уст. о ссылн.
[5]) Ст. 549.
[6]) Ст. 695 1-й ч. II т.

ствіе внѣшней ревизіи, умолчаніе о срочныхъ ревизіяхъ, неуказаніе на формы ревизій и отсутствіе опредѣленія власти ревизоровъ.

д. *Дисциплинарная отвѣтственность.* Русское законодательство богато постановленіями о дисциплинарной отвѣтственности органовъ полиціи; но бо́льшая часть этихъ постановленій такого рода, что, усиливая до крайности дисциплинарную власть начальствующихъ лицъ, они въ то-же время мало пріурочены къ тому, чтобы служить уздой противъ насилія и произвола. Кромѣ того, дисциплинарная отвѣтственность полиціи нормирована такимъ образомъ, что, будучи едва осязаемою на высшихъ ступеняхъ полицейской іерархіи, она усиливается въ отношеніи къ нисшимъ органамъ полиціи до такой степени, что здѣсь мы встрѣчаемся съ такими чинами полиціи, которые должны трепетать предъ дисциплинарною властью цѣлой коллегіи начальствующихъ надъ ними лицъ. Наконецъ, въ отношеніи къ дисциплинарной отвѣтственности, полиція, въ отличіе отъ другихъ вѣдомствъ, постановлена въ нѣсколько исключительное положеніе, подвергаясь дисциплинарнымъ взысканіямъ не только по начальству, но и со стороны органовъ судебныхъ.

По Судебнымъ Уставамъ полиція можетъ быть подвергаема дисциплинарнымъ взысканіямъ предсѣдателями судовъ, мировыми судьями, судебными слѣдователями и прокурорами, такъ какъ на нее возложены тѣми-же Уставами нѣкоторыя судебно-полицейскія обязанности. Относительно предсѣдателей судовъ, полиція, согласно ст. 311 уст. уг. суд., отвѣтственна наравнѣ съ судебными приставами, при исполненіи обязанностей послѣднихъ. По ст. 53-й, въ случаѣ неисполненія полиціей обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мировыхъ судей, послѣднимъ предоставляется дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія, а о важныхъ съ ихъ стороны упущеніяхъ сообщать прокурору или его товарищу[1]). На

---

[1]) Въ 1874 г. опредѣленъ порядокъ сношеній мировыхъ судей съ чинами

основаніи статей 485—487 того-же устава, полицейскіе чины за опущенія и безпорядки по слѣдственной части привлекаются къ отвѣтственности прокуроромъ, который или дѣлаетъ предостереженія, или предлагаетъ дѣйствія ихъ на разсмотрѣніе надлежащаго суда. Если судъ признаетъ вину незначительною, то о сдѣланіи виновному замѣчанія или выговора сообщаетъ непосредственному начальству [1]). Въ случаѣ-же важныхъ упущеній, судъ предоставляетъ прокурору войти въ сношеніе съ начальствомъ обвиняемаго о преданіи его законной отвѣтствѣнности, согласно съ заключеніемъ суда о свойствѣ и степени вины. Когда между прокуроромъ и начальствомъ послѣдуетъ разномысліе, то дѣло поступаетъ или въ губ. правленіе и въ соединенное присутствіе перваго и кассаціонныхъ департаментовъ Сената, въ зависимости отъ класса должности обвиняемаго [2]).

Высшая дисциплинарная власть въ отношеніи къ полиціи принадлежитъ губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ [3]); сами-же губернаторы подвергаются дисциплинарнымъ взысканіямъ въ слѣдующихъ, между прочимъ, случаяхъ [4]): за допущеніе безпорядковъ и злоупотребленій, превышеніе власти, возбужденіе и прекращеніе слѣдствій по своему произволу, самовольное вмѣшательство въ судебныя дѣла, незаконные наряды, пристрастіе и несправедливость, умышленное или не-

---

полиціи (53482), а въ 1879 г. установленъ порядокъ привлеченія къ отвѣтственности чиновъ полиціи за неисполненіе обязанностей по производству дѣлъ у мировыхъ судей (60299).

[1]) Ст. 486.

[2]) Ст. 1092—1094. Закономъ 7 марта 1866 г. прокурорамъ предоставлено, между прочимъ, право предлагать подлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ или должностнымъ лицамъ о назначеніи слѣдствій, преданіи суду или наложеніи адм. взысканій на служащихъ. Въ 1876 г. послѣдовалъ новый законъ о порядкѣ сношеній прокурорскаго надзора съ полиціей и о напоминаніи послѣдней относительно выполненія всѣхъ законныхъ требованій лицъ прокурорскаго надзора (49689).

[3]) Ст. 223—233, 503, 667, 1087 и др. 1-й ч. II т. Св. Зак.

[4]) Ст. 633, 634.

весьма ясно и настойчиво отъ преосвященника Аарона въ жертву за грѣхи козла, чѣмъ указываетъ на покаяніе всякой души, черезъ которое получалось и прощеніе. Несомнѣнно, что душѣ сильной слѣдуетъ и весьма полезно совершать покаяніе дѣлами, какъ-то: постомъ, бдѣніемъ, власяницей, посыпаніемъ пепла, щедрою и тайною для другихъ милостыней и другими дѣлами, требуемыми строгимъ точнымъ покаяніемъ [1]). Если же кто, по нерадѣнію, по обстоятельствамъ, или по легкомыслію, не въ состояніи стяжать для себя помощь этихъ добрыхъ дѣлъ съ исповѣданіемъ устами, то Господь Іисусъ, умершій за человѣческіе грѣхи, нечестіе и великія скверны, не отвергаетъ и покаянія на словахъ, но принимаетъ оное, какъ приносимое ему приношеніе, подобно тому какъ Моисей допускаетъ шерсть козью, т. е. самую худшую вещь, наравнѣ съ багряницей, золотомъ и другими вещами. Ибо какими трудами и болѣзнями спасся мытарь? Не простыми ли словами смиренія? Какимъ пóтомъ и трудами разбойникъ перешелъ съ креста въ рай и жизнь?» и т. д.

Приведя выдержку изъ посланія Нила Черноризца къ пресвитеру Хариклію, г. Заозерскій разсуждаетъ такъ: «въ посланіи нѣтъ и намека на то, чтобы примѣненіе пресвитеромъ вяжущей и рѣшительной власти составляло предметъ сомнѣнія; наоборотъ примѣненіе этой власти пресвитеромъ было столь обычнымъ явленіемъ, что св. Нилъ нашелъ себя вынужденнымъ сдержать не въ мѣру властнаго священника» [2]). Но именно объ этой-то власти и не говорится ни слова, такъ что во всемъ посланіи ни разу не цитируется

---

[1]) Подъ „ἀκριβὴς μετάνοια“ нужно понимать точно опредѣленное канонами покаяніе.

[2]) Февр. Стр. 260.

ни одно изъ евангельскихъ мѣстъ о вязаніи и рѣшеніи, что обыкновенно встрѣчается въ принадлежащихъ разнымъ авторамъ статьяхъ о покаяніи. Въ пятомъ столѣтіи существовало еще не мало новаціянъ. Такъ церковные историки Сократъ и Созоменъ были завѣдомо новаціянскаго направленія. Златоустъ самъ долженъ былъ имѣть дѣло съ новаціянами. Такъ, когда въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ выразился: «χιλιάκις μετανοήσας ἔλθε», т. е. хотя бы ты и тысячу разъ грѣшилъ и каялся, приходи сюда,—выраженіе это огласилось по Константинополю и побудило между прочимъ новаціянскаго епископа Спсиннія, который, лично, не отличался особенною строгостію нравовъ, написать памфлетъ противъ Златоуста. Конечно, говоритъ Неандеръ [1]), въ данномъ случаѣ, отдѣльное слово, само по себѣ неосторожное, было выхвачено изъ контекста и давало поводъ къ превратнымъ толкованіямъ; на самомъ же дѣлѣ любимое положеніе Златоуста состояло собственно въ томъ, что все дѣло въ искреннемъ намѣреніи или желаніи, а для этого послѣдняго никогда не поздно. Понятно, что ученикъ Златоуста былъ возмущенъ образомъ дѣйствій пресвитера Хариклія въ отношеніи къ человѣку, передъ всѣми публично исповѣдавшему свой грѣхъ, хотя и не обязанному къ этой исповѣди, по существовавшему въ то время церковному порядку, слѣдовательно къ человѣку, добровольно обнаружившему искреннее раскаяніе въ грѣхѣ. Пресвитеръ, можетъ быть не чуждый новаціянскаго ригоризма, на что, по видимому, указывается въ самомъ посланіи Нила, отказалъ кающемуся грѣшнику въ принятіи въ церковь, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что

---

[1]) Der heilige Johannes Chrysost. II, 57.

исповѣди или покаянія на словахъ, хотя бы и публичнаго, недостаточно, что требуется точное каноническое покаяніе (μετάνοια ἀκριβής), установленное канонами IV столѣтія. За неимѣніемъ подъ рукою какихъ либо біографическихъ свѣдѣній о Нилѣ и Хариклiѣ, затруднительно сказать, въ какомъ качествѣ дѣйствовалъ здѣсь пресвитеръ Хариклій. Не невозможно, что онъ все еще исправлялъ обязанности покаяннаго пресвитера, такъ какъ, конечно, не вдругъ, не на другой день послѣ уничтоженія Нектаріемъ этого института въ Константинополѣ, послѣдовало упраздненіе его во всѣхъ другихъ восточныхъ церквахъ, тѣмъ болѣе, что каноническая власть епископа Константинопольскаго до халкидонскаго собора не должна была простираться далѣе самого Константинополя съ его городскимъ округомъ. Выше названные церковные историки говорятъ, правда, что примѣру Константинополя быстро послѣдовали и другія церкви, но равномѣрна ли и повсемѣстна ли была эта быстрота, судить трудно. Не невозможно также и то, что раскаявшійся публично грѣшникъ желалъ, наряду съ другими, приступить къ евхаристіи, такъ какъ уже при Златоустѣ многіе тяжкіе грѣшники, даже и безъ всякаго раскаянія и исповѣди, дерзали приступать къ алтарю; при этомъ предположеніи, суровость пресвитера могла состоять въ недопущеніи къ причащенію, тогда какъ, по взгляду Нила, тождественному съ взглядомъ Златоуста, искренняго раскаянія и исповѣди передъ Богомъ (въ данномъ случаѣ даже исповѣди публичной, передъ всѣми) достаточно для очищенія отъ грѣха и для допущенія къ св. евхаристіи. Невозможно лишь видѣть въ посланіи Нила то, что видитъ въ немъ г. Заозерскій, якобы, «въ посланіи нѣтъ и намека на то, чтобы примѣненіе пресвитеромъ вяжущей и рѣшительной власти составляло предметъ сомнѣнія» и проч.

10) Защищая «необходимую связь исповѣди съ іерархической степенью пресвитера» въ древней церкви, г. Заозерскій призываетъ затѣмъ въ свидѣтели св. Анастасія Синаита. Въ отвѣтъ на вопросъ: хорошо ли исповѣдывать грѣхи наши духовнымъ мужамъ? [1]) Анастасій отвѣчаетъ: хорошо и весьма полезно, но не передъ тѣми, которые въ семъ неопытны и несвѣдуши, дабы неосмысленнымъ сочувствіемъ и снисхожденіемъ, или же неблаговременнымъ и неумѣлымъ наложеніемъ епитимій не сдѣлали тебя безчувственнымъ ихъ презрителемъ, или же безпечнымъ и лѣнивымъ. Итакъ, если найдешь отца духовнаго, опытнаго, могущаго врачевать тебя, не стыдись и съ вѣрой исповѣдайся ему, не какъ человѣку, а какъ Богу. Но неразумно, даже нечестиво говорятъ нѣкоторые, будто никакой пользы не приноситъ исповѣдь, совершаемая предъ людьми по той причинѣ, что они подвержены подобнымъ же порокамъ и душевнымъ волненіямъ, и что по сему только одинъ Богъ можетъ оставлять грѣхи. Говорящіе это пусть знаютъ, во первыхъ, что этимъ они прикрываютъ только свою испорченность и неразуміе; ибо они оставляютъ безъ вниманія слова Господа [2]) и апостоловъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, во вторыхъ, они совершенно отрицаютъ и крещеніе, и всякое божественное священнодѣйствіе, потому что и оно совершается людьми и освящается Богомъ. Ибо Богу угодно, чтобы спасеніе людей совершалось не только черезъ ангеловъ, но и черезъ св. людей... Ибо служители Божіи суть соработники и управители во спасеніе хотящихъ спастись. Изъ-

---

[1]) „Πνευματικοὶ ἄνδρες“: г. Заозерскій неточно переводитъ эти слова словами: „духовные отцы“.

[2]) Цитируются: Мѳ. XVI, 19; Іоан. XX, 23; Мѳ. V, 13-14.

[3]) Цитируются: Іаков. V, 16; Галат. IV, 2.

ясняя это апостолъ говоритъ: «тако насъ да непщуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей Таинъ Божіихъ (1 кор. IV, 1.) и еще: «Богу есмы поспѣшницы, зданіе Божіе есте вы» (1. кор. III, 9.) и проч.

Невозможно оспаривать, что въ VI столѣтіи могъ уже въ достаточной степени распространиться и окрѣпнуть взглядъ, что, при ослабленіи публично-покаянной дисциплины и при невозможности для епископа принимать на исповѣдь всѣхъ членовъ его церковной общины, желавшихъ найдти врачество для болѣзней своей души и успокоеніе своей совѣсти, пресвитеры именно должны были быть этими душевными врачами. Этотъ взглядъ могъ быть настолько же распространеннымъ, какъ и другой взглядъ, существованіе котораго документально доказано въ моей книгѣ и о которомъ будетъ еще рѣчь ниже, что самыми лучшими душевными врачами могутъ и должны быть удалившіеся отъ міра и его соблазновъ монахи, причемъ принадлежность тому или другому монаху пресвитерскаго сана не принималась въ соображеніе и не требовалась. Возникновеніе этого послѣдняго взгляда, равно какъ, по всей вѣроятности, и возникновеніе первыхъ руководствъ для исповѣди и для наложенія епитимій имѣло своимъ источникомъ монашескую жизнь, въ которой исповѣдь, съ самаго уже начала организованнаго монашества, поставлена была организаторами, какъ безусловная обязанность для всѣхъ монаховъ [1]).

---

[1]) См. Объемъ дисц. суда. Стр. 103 и сл. *Питрою* изданъ любопытный документъ, пока едва ли не единственный изъ имѣющихся въ распоряженіи науки, на основаніи котораго можно опредѣлить участіе Іоанна Постника въ составленіи покаянно-исповѣднаго сборника, распространившагося въ позднѣйшее время въ разнообразныхъ редакціяхъ. Это „Διδα-

Анастасій Синаитъ могъ быть выразителемъ перваго изъ двухъ взглядовъ. Но, во первыхъ, нѣсколько словъ относительно личности автора, которому принадлежитъ вышеприведенное свидѣтельство, «ясно изображающее,» по выраженію г. Заозерскаго, «характеръ духовнической исповѣди,

---

σκαλία μοναζουσῶν καὶ ἐπιτίμια ἑκάστου ἁμαρτήματος Ἰωάννου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Νηστευτοῦ,“ т. е. наставленіе монахинямъ и настоятельницѣ женскаго монастыря. Оно напечатано въ „Исторіи и памятникахъ церковнаго права грековъ“, II, 226-235; но раньше оно было Питрою же издано въ „Spicilegium Solesmense,“ tom. IV. съ органическимъ дополненіемъ къ этому наставленію, въ видѣ епитимій *монахинямъ* за разные грѣхи (т. е. съ женскими окончаніями во всѣхъ грамматическихъ формахъ, допускающихъ разныя окончанія для родовъ). Для опредѣленія участія Іоанна Постника въ составленіи распространившагося позднѣе подъ его именемъ номоканона въ разныхъ редакціяхъ, разсматриваемый документъ важенъ потому, что Іоаннъ Постникъ не называется еще здѣсь святымъ, слѣдовательно документъ принадлежитъ той эпохѣ, когда церковнаго разрыва между востокомъ и западомъ не произошло, когда Постникъ, принявшій, какъ извѣстно, титулъ вселенскаго патріарха при сильной оппозиціи со стороны римскаго епископа, или еще не внесенъ былъ въ агіологій, или еще не былъ превозносимъ общими хвалами грековъ, какъ это именно должно было случиться въ эпоху разрыва. Это вѣское соображеніе Питра (Spicil. IV, 416; Iur eccl. histor. et monum. II, 226) подкрѣпляетъ еще тѣмъ, что экземпляръ рукописи, съ котораго имъ сдѣлано печатное изданіе, принадлежащій XIII в., своими погрѣшностями и неисправностями заставляетъ предполагать гораздо древнѣйшій оригиналъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ διδασκαλία μοναζουσῶν можетъ служить яснымъ указаніемъ на монастырское происхожденіе вообще покаянно-исповѣдной дисциплины, такъ какъ позднѣйшіе покаянные номоканоны могли быть просто передѣланными и распространенными редакціями первоначальной διδασκαλία μοναζουσῶν. Впрочемъ, и сами по себѣ, позднѣйшіе покаянные сборники, равно какъ и вся общехристіанская восточная дисциплина, носятъ на себѣ слѣды монастырскаго происхожденія. Питра, говоря объ эпохѣ отъ Фотія до Керуларія, какъ монашеской по преимуществу, замѣчаетъ: „A severioris vitae monasteriis Hierosolymitanorum, Studitarum et Athonensium suam vivendi regulam, ne abstinentiis quidem multis epitimiisque ac metanoeis, neque demum tribus aut quatuor quadragesimis per annum exceptis, plebs christiana acceperit, indeque ad hunc usque diem constantissime retineat.“ (Spicileg. Solesm. IV, 571.)

какъ таинства». На какомъ основаніи церковный писатель съ именемъ Анастасія Синаита относится г. Заозерскимъ къ концу VI в., тогда какъ по точнымъ біографическимъ даннымъ относительно многихъ церковныхъ писателей съ именемъ Анастасія, изложеннымъ у Питры [1]), Анастасій Синаитъ долженъ быть отнесенъ ко второй половинѣ VII в.,— остается совершенно непостижимымъ для читателя. Еще большее недоумѣніе возбуждается самымъ приписаніемъ вышеприведеннаго свидѣтельства Анастасію Синаиту. Г. Заозерскій не могъ не знать, что въ аѳинской синтагмѣ, хотя и далекой отъ абсолютнаго совершенства, на счетъ критической разборчивости въ вещахъ, внесенныхъ въ это изданіе, но все же болѣе критической и болѣе канонической, сравнительно съ патрологіей Миня, приводимое имъ свидѣтельство подъ именемъ Анастасія Синаита, приписывается Петру Хартофилаксу (изъ XI в.), въ качествѣ таковаго приводится и въ моей книгѣ. Тѣмъ не менѣе рецензентъ не удостоиваетъ ни меня, ни читателя объясненіемъ, почему онъ не согласенъ по данному вопросу съ составителемъ синтагмы и съ авторомъ рецензируемаго сочиненія. Разсужденіе же Петра Хартофилакса объ исповѣди изложено далеко не въ такихъ выраженіяхъ, какъ въ разсужденіи, приписанномъ Минемъ и г. Заозерскимъ Анастасію Синаиту. Здѣсь послѣ отвѣта на первый вопросъ, оканчивающагося словами: «съ вѣрой исповѣдайся ему, не какъ человѣку, а какъ Господу» (вмѣсто ссылокъ на отдѣльныя мѣста св. Писанія объ исповѣди, о вяжущей и разрѣшающей власти, о служителяхъ Божіихъ и строителяхъ Таинъ Божіихъ) слѣдуетъ рядъ другихъ вопросовъ и отвѣтовъ:

---

[1]) Jur eccl. graec. hist. et monum. II, 241-242.

Вопр. «А если я не найду человѣка, предъ которымъ я могъ бы удовлетворить своей потребности исповѣди, въ такомъ случаѣ что долженъ дѣлать я?»

Отв. «Исповѣдайся Богу втайнѣ, осуждая себя и говоря, по примѣру мытаря: «Боже нашъ, тебѣ извѣстно, что я грѣшникъ и не достоинъ всякаго снисхожденія, но спаси меня ради милости Твоей».

Вопр. «А исповѣдуясь Богу, долженъ я припоминать и перечислять всякій грѣхъ, который я сдѣлалъ?»

Отв. «Отнюдь нѣтъ, особенно если ты согрѣшилъ тѣломъ и блудодѣяніемъ, ибо уже въ то время, какъ ты хочешь вспомнить о томъ или о другомъ грѣхѣ, оскверняется душа твоя; поэтому хорошо говорить, по примѣру мытаря: «Боже, милостивъ будь ко мнѣ грѣшнику» [1]).

---

[1]) Σύνταγμα Ράλ. κ. Πότλ. V, 373. Мнѣ приходилось встрѣтиться съ приведенными въ текстѣ вопросами объ исповѣди въ трехъ рукописныхъ кодексахъ библіотеки св. Марка. Въ одномъ изъ нихъ (XV или XVI вв. cod. IV graec. class. III-ae) подъ рубрикой: „περὶ μετανοίας καὶ ἐξαγορεύσεως ἐκ τῶν θείων γραφῶν“ стоитъ, безъ обозначенія имени автора, вопросъ: „καλὸν ἐστὶν ἄρα τὸ ἐξομολογεῖσθαι τὰ ἁμαρτήματα πνευματικοῖς ἀνδράσιν, ἢ οὔ;“ послѣ отвѣта на этотъ вопросъ, тождественнаго съ редакціей, принятой у Миня и въ аѳинской синтагмѣ, слѣдуетъ далеко не тождественное съ извлеченнымъ г. Заозерскимъ изъ патрологіи Миня, разсужденіе о томъ, что должно стыдиться грѣха, а не покаянія въ грѣхѣ, далѣе приводится 1. Іоан I, 9. и затѣмъ слѣдуютъ слова Христа о фарисеяхъ и книжникахъ, запирающихъ входъ въ царство небесное. Въ другомъ рукописномъ кодексѣ (XVII в. cod. XI. .graec. class. III-ae), подъ рубрикой: „περὶ τοῦ μὴ ἐξαγορεύεσθαι εἰς ἀγράμματον ἢ φανερεῖν τοῖς πᾶσιν εἰ μὴ τοῖς δυναμένοις θεραπεῦσαι“ на листѣ 23 говорится:

„Ἡ ἐξαγόρευσις τῶν ἁμαρτιῶν τοιοῦτον ἔχει τὸν τρόπον οἷον ἔχει ἡ ἔδειξις τῶν σωματικῶν παθῶν· ὡς οὖν τὰ πάθη τοῦ σώματος οὐ πᾶσιν ἀποκαλύπτουσιν ἀνθρώποις, οὐδὲ τοῖς τυχοῦσιν, ἀλλὰ τοῖς ἐμπείροις, ὅπως τύχωσι τῆς τούτων ἐπιμελείας καὶ θεραπείας, οὕτω καὶ ἐπὶ τοῖς δυναμένοις θεραπεῦσαι κατὰ τὸ γεγραμμένον· ὑμεῖς, οἱ δυνατοί, τὰ ἀσθενήματα τῶν ἀδυνάτων βαστάζετε.

Ἐρώτ. (на полѣ: Ἀναστασίου τοῦ συναΐτου) Καλὸν ἄρα τὸ ἐξομολογεῖσθαι

Не трудно видѣть, что въ отвѣтахъ Петра Хартофилакса исповѣдь разсматривается далеко не съ той-же точки зрѣнія, съ какой оно разсматривается въ вышеприведенномъ свидѣтельствѣ, приписанномъ Анастасію Синаиту. О связи исповѣди съ іерархической властью связанія и разрѣшенія не говорится, духовникъ разсматривается исключительно какъ

τὰ ἰδία ἁμάρτήματα ἢ τοὺς πονηροὺς λογισμούς; Ἀπόκρ. Καλὸν καὶ πάνυ ὀφέλιμον, ἀλ λ. μὴ τοῖς πᾶσιν, ἐπεὶ οὐδὲ σοὶ ὠφελήσεις, ἀλλὰ καὶ τοὺς ἀκούοντας σὲ μολύνεις καὶ σκανδαλίζεις. Ἐὰν οὖν εὕρης ἄνδρα πνευματικὸν δυνάμενον σὲ ἰατρεύσαι, ἐκείνῳ μόνῳ ἐξομολόγησαι.

Ἐρώτ. Ἐὰν μὴ εὕρω τοιοῦτον ἄνδρα εἰς ὃν ἔχω πληροφορῆσαι, τὶ μέλει; Ἀπόκρ. Ἐξομολόγησαι τῷ Θεῷ κάτ' ἰδίαν κατακρίνων σεαυτὸν καὶ λέγε· ὁ Θεὸς, σὺ μόνος ἐπίστασαι, ὅτι ἁμαρτωλός εἰμι καὶ ἀνάξιος πάσης συγχωρήσεως· ἀλλὰ σώσόν με ἕνεκεν τοῦ ἐλέους σου.

Ἐρώτ. Ἄρα ὀφελεῖται ἄνθρωπος ἐξομολογούμενος τῷ Θεῷ μνημονεῦσαι καὶ ἀποριθμῆσαι ἑκάστην ἁμαρτίαν ἣν ἔπραξεν; Ἀπόκρ. Οὐδαμῶς, μάλιστα ἐάν εἰσι σωματικὰ ἁμαρτήματα· ἐν οἷς γὰρ θέλεις μνημονεῦσαι τῆς δεῖνος, συνηδύνεται καὶ καταμολύνεται ἡ ψυχή σου· λοιπὸν καθ' ὁμοιότητα τοῦ τελώνου λέγε· ὁ Θεὸς ἱλάσθητι μοι τῷ ἁμαρτωλῷ ὡς κελεύει ἡ ἀγαθότης σου. Въ такомъ же видѣ отвѣты Ан. Синаита читаются въ Cod. XIV. graec. class. III-ae, XVI в. подъ буквою ξ. Нельзя, такимъ образомъ, не отмѣтить довольно любопытное обстоятельство. Въ первомъ изъ указанныхъ рукописныхъ кодексовъ свидѣтельство объ исповѣди, сопровождающееся разсужденіями, какъ и въ редакціи, принятой въ патрологіи Миня (хотя и не тождественными, такъ какъ о вяжущей и разрѣшающей власти и о совершителяхъ Таинъ Божіихъ здѣсь не говорится) не приписывается Анастасію Синаиту. Напротивъ, въ двухъ послѣднихъ кодексахъ оно стоитъ съ именемъ Анастасія Синаита, но при этомъ 1) подъ именемъ Анастасія Синаита помѣщены тѣ самые вопросы и отвѣты, которые въ аѳинской синтагмѣ изданы подъ именемъ Петра Хартофилакса; 2) въ заголовкѣ къ неискуснымъ врачамъ относятся и неученые, безграмотные; 3) вопросамъ и отвѣтамъ предпосылается нѣкоторое вступленіе, гдѣ проводится съ особенною силою параллель между излѣченіемъ болѣзней души и болѣзней тѣла; 4) въ отвѣтѣ на первый вопросъ, въ уклоненіе отъ соотвѣтствующаго мѣста у Петра Хартофилакса, говорится, что исповѣдь безъ разбора передъ всѣми и каждымъ, кромѣ того что не принесетъ пользы исповѣдующемуся, и слушающаго можетъ соблазнить.

врачъ болѣзней души, такъ что, при невозможности найдти достаточно искуснаго врача, рекомендуется ограничиться исповѣдью предъ Богомъ, и наконецъ подробное перечисленіе отдѣльныхъ грѣховъ не одобряется.

Но предположимъ, что приводимое г. Заозерскимъ свидѣтельство дѣйствительно принадлежитъ Анастасію Синаиту и допустимъ, что послѣдній дѣйствительно жилъ въ VI столѣтіи. Авторъ очень ясно связываетъ исповѣдь съ тѣми мѣстами св. Писанія, въ которыхъ говорится о связаніи и разрѣшеніи, удержаніи и отпущеніи грѣховъ, о служителяхъ Божіихъ и строителяхъ Таинъ Божіихъ, которые должны служить посредниками въ спасеніи людей, но въ тоже время какъ бы намѣренно избѣгаетъ называть и епископовъ, и пресвитеровъ, а говоритъ неопредѣленно о «духовныхъ мужахъ» и о «святыхъ людяхъ.» Что слѣдуетъ разумѣть подъ этими выраженіями, кому приписывалась въ предполагаемую нами эпоху происхожденія разсматриваемаго документа, по господствующему взгляду, власть вяжущая и разрѣшающая, объ этомъ можно судить по посланію Іоанна Дамаскина, жившаго въ концѣ VIII в. «Ἐπιστολὴ περὶ ἐξομολογήσεως καὶ περὶ ἐξουσιάς τοῦ δεσμεῖν καὶ λύειν» [1]). Іоаннъ Дамаскинъ отвѣчаетъ на вопросъ, который предлагался и позднѣе многимъ канонистамъ восточнымъ на разрѣшеніе и который, очевидно, былъ животрепещущимъ вопросомъ практики: «можно ли исповѣдывать грѣхи монахамъ, не имѣющимъ священства, ибо мы слышимъ», прибавляетъ вопрошатель Іоанна Дамаскина, «что власть вязать и рѣшить дана однимъ священникамъ». Отвѣтъ св. Іоанна Дамаскина настолько важенъ

---

[1]) Migne, Patrologiae cursus completus tom. XCV, ser. gr. p. 283. sqq.

для нашего, спорнаго съ г. Заозерскимъ, вопроса, что необходимо привести его, по возможности, сполна. Іоанномъ Дамаскинымъ сначала дается общее понятіе объ исповѣди. Исповѣдь есть не что иное, какъ признаніе въ долгахъ, уразумѣніе заблужденій и собственнаго неразумія, осужденіе нищеты. Далѣе слѣдуетъ исчисленіе всѣхъ благодѣяній Бога человѣку, который крещеніемъ омывается отъ всякой скверны, но черезъ грѣхъ дѣлается рабомъ дьявола и, вызвавъ противъ себя гнѣвъ Божій, не иначе можетъ стать примиреннымъ, какъ чрезъ посредство святаго мужа, друга и раба Христова и чрезъ избѣжаніе зла [1]). Должно прежде всего избѣгать грѣха; какъ скоро же мы согрѣшили, будемъ всегда прибѣгать къ духовному врачу, извергать ядъ грѣха посредствомъ исповѣди и, какъ противоядіе, принимать отъ него покаянныя епитиміи, которыя должны быть исполняемы съ горячей вѣрой и со страхомъ Божіимъ. Ибо всѣ тѣ, которые сполна растратили ввѣренное имъ богатство и расточили отцовское достояніе съ блудницами и мытарями, имѣя, вслѣдствіе того, поникшую, отъ великаго стыда, и немогущую подняться, совѣсть, съ чувствомъ робости ищутъ обыкновенно человѣка Божьяго въ воспріемники своего долга, чего, какъ я думаю, не можетъ быть безъ искренняго и тяжкаго покаянія со стороны намѣревающагося, или желающаго быть примиреннымъ съ Богомъ. Ибо не слыхано и въ богодухновенныхъ Писаніяхъ не говорится, чтобы кто либо воспринималъ грѣхи другаго, а этотъ послѣдній сдавалъ ихъ безъ того, чтобы грѣшникъ не показалъ предварительно достойныхъ трудовъ, соотвѣтствующихъ покаянію, и не принесъ таковыхъ же плодовъ.

---

[1]) Οὐ δύναται ἄλλως καταλλαγῆναι, εἰ μὴ διὰ μεσιτείαν ἀνδρὸς ἁγίου καὶ φίλου αἰ δούλου χριστοῦ καὶ διά τῆς ἀποφυγῆς τοῦ κακοῦ.

Если желаешь посредника, то ищи и врача, и добраго совѣтника, съ тѣмъ, чтобы, какъ совѣтникъ, онъ указалъ тебѣ надлежащіе способы покаянія, какъ врачъ—далъ тебѣ приличествующее каждой ранѣ лѣкарство, какъ посредникъ—умилостивилъ Бога. Но не ищи совѣтника льстиваго, или преданнаго чреву, который можетъ научить тебя не тому, что Богу любезно, но тому, что тебѣ желательно, а ты, между тѣмъ, останешься врагомъ, непримиреннымъ съ Богомъ. Не ищи совѣтника неискуснаго, который излишнею, чрезмѣрною суровостію можетъ ввергнуть тебя въ глубину отчаянія, или, напротивъ, излишнею слабостію оставить тебя больнымъ, причемъ и эти самые совѣтники неискусные должны бояться опасности услышать страшный осуждающій голосъ: «кто поставилъ васъ князьями и судьями надъ моимъ народомъ» (Исходъ XI, 14)? И еще: «лицемѣръ, вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего» (Мѳ. VII, 5; Луки VI, 42). Далѣе приводятся Луки IV, 23: «врачъ, исцѣли себя самого» и нѣкоторые другіе тексты.

Что монаху, еще не украшенному свящ. саномъ, можно исповѣдывать грѣхи, какъ унаслѣдовавшему это право вмѣстѣ съ покаянною одеждою и богодарованнымъ образомъ, (т. е. монашескимъ, или ангельскимъ образомъ), это засвидѣтельствовано въ богодухновенныхъ писаніяхъ, которыя, если прослѣдить ихъ внимательно, убѣдятъ тебя, что я говорю правду. Раньше одни только епископы получили отъ божественныхъ апостоловъ въ наслѣдство власть вязать и рѣшить. Когда же архіереи съ теченіемъ времени сдѣлались негодными [1]), эта страшная власть перешла къ священни-

[1]) Τῶν ἀρχιερέων ἠχρειωμένων. Латинскій переводъ у Миня: „cum pontifices inutiles facti essent“.

камъ безукоризненной жизни и одареннымъ божественною благодатію. Затѣмъ, когда и эти послѣдніе смѣшались съ другими, когда и епископы и священники, оставивши народъ, сравнялись другъ съ другомъ, и многіе впали, какъ это теперь бываетъ, въ грѣхи обмана и пустословія, и равно погибли, власть эта, какъ я сказалъ, перенесена была на избранный Божій народъ,—разумѣю монаховъ,—не потому, чтобы власть была отнята отъ священниковъ и епископовъ, а потому, что они сами отчудились отъ нея.

Но мы начнемъ слово нѣсколько издалека и посмотримъ, когда, кѣмъ и кому предоставлена была власть жертвоприношенія, вязанія и разрѣшенія, и такимъ образомъ по порядку разъяснимъ то, о чемъ ты спросилъ, и удовлетворимъ не только тебѣ, но и всѣмъ. Когда Господь и Богъ нашъ и Спаситель сказалъ сухорукому: «отпускаются тебѣ грѣхи твои», іудеи, слыша это, говорили: «Онъ богохульствуетъ, ибо кто можетъ отпускать грѣхи, кромѣ Бога одного только»? Ибо въ такомъ видѣ никогда не давалось отпущеніе грѣховъ ни пророками, ни священниками, ни патріархами. Поэтому-то книжники и не выносили этихъ словъ, какъ содержавшихъ въ себѣ, на ихъ взглядъ, новое и парадоксальное ученіе. Но и Господь не обвинялъ ихъ за это, а скорѣе училъ ихъ тому, чего они не знали, обнаруживая свою власть, какъ Богъ, и какъ Богъ же, а не какъ человѣкъ, даруя отпущеніе грѣховъ [1]). Онъ исцѣлилъ и Закхея, и блудницу, и Матѳея мытаря, и Петра послѣ его троекратнаго отреченія, и разслабленнаго, и никому изъ нихъ не понадобилось много времени, не потребовались ни постъ, ни

---

[1]) Цитируются: Мѳ. XII, 13; Марк. III, 5; Лук. VI, 10.

лежаніе на землѣ, а потребовались одно лишь обращеніе и вѣра, немедленное отступленіе отъ зла, истинное раскаяніе и обильнѣйшія слезы... Вотъ гдѣ источникъ того великаго и Бога одного достойнаго дара, которымъ и Самъ Онъ одинъ обладалъ и который Онъ, передъ вознесеніемъ на небо, оставилъ Своимъ ученикамъ, вмѣсто Себя. При затворенныхъ дверяхъ явившись, Онъ передалъ эту власть и ученикамъ своимъ (Іоан. XX, 19—23), ничего не предписавъ имъ относительно епитимій, такъ какъ зналъ, что они будутъ научены Духомъ Святымъ. По преемству, епископы получили отъ апостоловъ эту власть, и именно тѣ епископы, которые были непосредственными преемниками апостоловъ на ихъ каѳедрахъ, такъ именно, чтобы другіе остальные не смѣли даже и думать объ этомъ. Вотъ какъ заботливо оберегали эту власть ученики Господа. Послѣ же, какъ мы сказали, съ теченіемъ времени, достойные смѣшались и слились съ недостойными, потерялись въ толпѣ, честолюбиво стараясь опередить одинъ другаго, добиваясь первенствующаго положенія, путемъ лицемѣрія, а не добродѣтели. И вотъ послѣ того какъ лица, занявшія апостольскіе престолы, сдѣлались плотскими, чувственными, честолюбивыми и ниспали въ ереси, божественная благодать оставила ихъ, и власть та отъята отъ таковыхъ, такъ какъ они не имѣли всего того, что подобаетъ имѣть священникамъ [1]). Что кто-либо—православ-

---

[1]) Ἐγκατέλειπεν αὐτοὺς ἡ θεία χάρις καὶ ἡ ἐξουσία αὕτη ἐκ τῶν τοιούτων ἀφῄρηται, διὸ καὶ πάντα τὰ ἄλλα ἃ οἱ ἱερουργοῦντες ἔχειν ὀφείλουσι. Латинскій переводъ у Миня: „Divina gratia eos dereliquit, eo quod carerent aliis omnibus, quae oportet sacerdotes habere. Можетъ быть, правильнѣе бы было перевести: „божественная благодать оставила ихъ, и власть та отъята у нихъ, а вслѣдствіе того и все другое, что должны имѣть священнодѣйствующіе“.

ный, это я не слишкомъ высоко ставлю: не тотъ православный, кто не вводитъ въ церковь ни одного новаго догмата, а тотъ, кто ведетъ жизнь, соотвѣтствующую слову. Въ свое время патріархи и митрополиты искали подобныхъ людей и не находили, или пожалуй, и находили таковаго, но предпочитали ему менѣе достойнаго, одного лишь этого требуя отъ него, т. е. чтобы далъ на письмѣ свое исповѣданіе вѣры, этимъ однимъ только и ограничиваясь, не слишкомъ заботясь о томъ, исповѣдуетъ ли онъ ревность къ добру и ненависть къ злу: такимъ путемъ якобы доставляется миръ церкви, который, однако, далеко хуже всякой вражды и смуты. Такъ-то и случилось, что священники сдѣлались негодными и сравнялись съ народомъ (Осіи, IV, 9). Ибо, такъ какъ ни къ кому уже изъ нихъ не могли быть приложимы слова Господа: «вы соль земли» (Мѳ. V, 13), такъ какъ они не сдерживали и не исправляли какимъ-либо образомъ, посредствомъ вразумленій, расплывающуюся жизнь людей (напротивъ даже потакали одни другимъ и взаимно прикрывали свои пороки), то, буквально, сами они сдѣлались хуже народа, и народъ хуже ихъ самихъ. Хотя бы иногда и выходили изъ среды народа люди, лучшіе самихъ священниковъ и свѣтились бы какъ уголья въ темнотѣ; но если бы священники, по слову Господа, сіяли въ жизни своей какъ солнце, то уголья бы никогда не дали замѣтить своего мерцанія и потускли бы, подавленные большимъ свѣтомъ. Но вотъ, и послѣ того какъ у большей части остались одинъ лишь внѣшній видъ и одна лишь одежда священства, а даръ Духа перешелъ къ монахамъ, что и обнаруживалось уже несомнѣнными признаками, такъ какъ они именно дѣлами своими доказывали апостольскую жизнь,—и тутъ снова дья-

волѣ продолжалъ дѣлать свое дѣло. Ибо замѣтивъ, что монахи, въ качествѣ какъ бы новыхъ учениковъ Христа, начинаютъ прославляться въ мірѣ, блистать и жизнію и чувствами, подставилъ къ нимъ ложныхъ братьевъ—свои орудія и смѣшалъ ихъ съ тѣми. Въ теченіи времени они разрослись и, какъ видишь, сдѣлались негодными, ни чѣмъ не лучшими тѣхъ, которые были монахами только по внѣшнему виду, или священниковъ, посредствомъ рукоположенія призванныхъ къ священному сану, или тѣхъ, которые поднялись до чести предстоятельства,—разумѣю патріарховъ, митрополитовъ и епископовъ. Итакъ, выходитъ, что и руковозложенію, самому по себѣ, не усвояется Господомъ власть отпускать грѣхи? Отнюдь не то! Она усвояется священнодѣйствующимъ, и только имъ однимъ, но не большинству ихъ, какъ я думаю, чтобы они, будучи сѣномъ, не сгорѣли по этой самой причинѣ, — однимъ словомъ тѣмъ только священникамъ и монахамъ, которые заслуживаютъ быть причисленными къ хору учениковъ Христовыхъ.

Но почему же распознать, кто истинный ученикъ Христовъ? По плодамъ. А плоды духа суть: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе и проч. (Галат. V, 22-23). Кто причастенъ этихъ плодовъ, тотъ можетъ быть сопричисленъ къ хору апостоловъ. Таковые поэтому-то и свѣтъ міра, по слову Христа (Лук. XI, 33). Но и не по этому одному познаются, а по всей своей жизни , т. е. и сами себя познаютъ и другими узнаются: истинно добродѣтельные люди, принявшіе за образецъ бѣдность Христа, послушные, не помнящіе обидъ и т. д. Итакъ, сынъ мой, вотъ какого рода людямъ, предоставляется Богомъ Отцемъ и Господомъ нашимъ І. Христомъ чрезъ Св. Духа власть вязать и рѣшить,—такимъ, которые

сдѣлались его сынами и рабами въ святости. И я самъ былъ ученикомъ такого отца, который хотя и не получилъ отъ людей посвященія, но при водительствѣ руки Божіей, т. е. подъ руководствомъ Св. Духа, принялъ меня въ ученики; но онъ справедливо приказалъ мнѣ принять по установленной формѣ и то посвященіе, которое люди даютъ, издавна побуждаемый къ тому отъ Св. Духа сильнымъ желаніемъ [1]).

Итакъ, заключаетъ Іоаннъ Дамаскинъ, будемъ желать прежде всего, отцы и братья, чтобы каждый изъ насъ былъ таковъ, а затѣмъ уже будемъ обращаться къ другимъ на счетъ искорененія страстей и на счетъ полученія совѣтовъ, и будемъ искать этихъ духовныхъ мужей. Поэтому будемъ стараться, во первыхъ, отыскать такихъ людей,—разумѣю учениковъ Христа,—и будемъ молиться Богу съ рвеніемъ сердца и со многими слезами въ установленные дни, чтобы Онъ удостоилъ раскрыть глаза сердецъ нашихъ къ распознанію, существуетъ ли кто либо таковой въ этомъ развращенномъ поколѣніи съ тѣмъ, чтобы, нашедши его, получить отпущеніе нашихъ грѣховъ, чтобы и предписаніямъ его и наказамъ повиноваться всею душою, подобно тому какъ и самъ онъ, повинуясь Христу, сдѣлался причастнымъ Его благодати и даровъ, а потому и получилъ отъ Него власть вязать и рѣшить, воспламененный Духомъ Святымъ.

Посланіе св. Іоанна Дамаскина «объ исповѣди и о власти вязать и рѣшить» представляетъ собою чрезвычайно лю-

---

[1]) Τοιούτῳ καὶ αὐτὸς ἐγὼ ἐμαθητεύθην πατέρι, χειροτονίαν ἐξ ἀνθρώπων μὴ ἔχοντι ἀλλὰ χειρί με Θεοῦ εἴτουν Πνεύματι εἰς μαθητείαν ἐγκαταλέξας καὶ τὴν ἐξ ἀνθρώπων χειροτονίαν διὰ τὸν παρακολουθήσαντα τύπον καλῶς λαβεῖν ἐκέλευσε πάλαι ὑπὸ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐπὶ τούτο σφοδρῷ πόθῳ κινούμενος.

бопытный и чрезвычайно важный историческій документъ. Во первыхъ, по этому документу можно прослѣдить процессъ послѣдовательнаго перехода власти вяжущей и разрѣшающей отъ однихъ органовъ къ другимъ,—перехода не въ дѣйствительности, а въ сознаніи и представленіяхъ людей: авторъ посланія, жившій въ VIII в. [1]), могъ хорошо и точно знать направленіе умовъ и взгляды не только своего времени, но и ближайшихъ къ нему предшествовавшихъ вѣковъ, относительно которыхъ мы именно какъ разъ и не имѣемъ точныхъ и подробныхъ историческихъ свѣдѣній. Во вторыхъ, не маловажное значеніе имѣетъ и самъ по себѣ личный взглядъ на исповѣдь и на духовниковъ такого первокласснаго восточнаго богослова, какъ св. Іоаннъ Дамаскинъ. Что касается перехода власти вяжущей и разрѣшающей отъ однихъ органовъ къ другимъ, Дамаскинъ представляетъ четыре стадіи переходныя: 1) нахожденіе власти въ рукахъ апостоловъ, получившихъ ее непосредственно изъ первоисточника, 2) нахожденіе ея въ рукахъ епископовъ, 3) нахожденіе ея въ рукахъ пресвитеровъ, и 4) нахожденіе ея въ рукахъ монаховъ. На какую историческую эпоху падаетъ третья изъ стадій Дамаскина? Всего скорѣе на то время, когда, съ ослабленіемъ публично-покаянной дисциплины, заключительнымъ моментомъ которой было епископское примиреніе и разрѣшеніе кающихся, и за невозможностію для каждаго изъ членовъ епископской общины обращаться лично къ епископу для излѣченія болѣзней души, могли естественно имѣть мѣсто частые случаи обращенія къ пресвитерамъ за разрѣшеніемъ отъ тяготѣющихъ на совѣсти грѣховъ, и естественно же, прес-

---

[1]) † между 754 и 787. См. Herzog. Abriss der gesammten Kirchengeschichte B. II, 15.

витеры, какъ поставляемые епископами для совершенія Таинъ Божіихъ и для пасенія овецъ Христовыхъ, смотрѣли на себя, какъ на преемниковъ епископовъ по осуществленію власти вяжущей и разрѣшающей. Между тѣмъ оземленѣніе іерархіи церковной, погруженіе ея въ мірскія дѣла и пороки шло быстрыми шагами, со времени окончательнаго торжества христіанства надъ другими религіями при Ѳеодосіѣ Великомъ, отражаясь не на высшихъ только представителяхъ іерархіи— епископахъ, но и на низшихъ ея членахъ, и въ тоже время съ такою же быстротою росъ авторитетъ монашества. Къ этому послѣднему и обратились всѣ чающіе движенія цѣлебной воды, которая бы омыла ихъ нечистоты и очистила ихъ совѣсть, а съ этимъ омытіемъ нечистотъ и очищеніемъ совѣсти само собою должно было соединиться и представленіе о власти вяжущей и разрѣшающей. Монахи такимъ образомъ стали сами смотрѣть на себя, равно и другіе стали смотрѣть на нихъ, какъ на органъ вяжущей и разрѣшающей власти. Но и для монашества наступилъ свой періодъ вырожденія; добродѣтельная жизнь, которою блистало первоначальное монашество, падала, авторитетъ монашества колебался. И вотъ въ возрѣніяхъ людей совершается поворотъ въ пользу церковной іерархіи, какъ долженствующей быть ординарнымъ органомъ вяжущей и разрѣшающей власти. Однако, этотъ поворотный процессъ былъ медленный. Св. Іоаннъ Дамаскинъ, лично, склоняется, правда, къ тому мнѣнію, что для выслушанія исповѣди и для разрѣшенія отъ грѣховъ требуется іерархическій санъ; но одного сана для него мало, онъ требуетъ, чтобы носитель сана и по своей жизни былъ истиннымъ ученикомъ Христа, и чтобы тѣ, кто чувствуетъ потребность въ излѣченіи болѣзней души, молились Богу, чтобы Онъ помогъ найдти искуснаго врача — истиннаго ученика Христова, причемъ

подразумѣвается, что къ людямъ, жизнь которыхъ не есть жизнь ученика Христова, не слѣдуетъ и обращаться за разрѣшеніемъ отъ грѣховъ.

Посланіе св. Іоанна Дамаскина можетъ служить къ объясненію и того, кого разумѣлъ Анастасій Синаитъ подъ «духовными мужами» и подъ «святыми людьми» (если только ему принадлежитъ вышеприведенное свидѣтельство объ исповѣди, на которое ссылается г. Заозерскій). Время, когда жилъ Анастасій Синаитъ, было именно тою эпохою, когда монашество, высоко поднявшееся въ общемъ уваженіи, еще не уронило своего авторитета.

Свидѣтельствомъ Анастасія Синаита г. Заозерскій заканчиваетъ длинный рядъ своихъ аргументовъ въ пользу «необходимой связи исповѣди съ іерархической степенью пресвитера» въ древней церкви. Соорудивъ довольно таки громоздкую батарею аргументовъ, въ окончательныхъ выводахъ своихъ онъ, однако, обнаруживаетъ неожиданную скромность. Во первыхъ, онъ выводитъ, что іерархическая исповѣдь совершалась въ древней церкви «при участіи епископа или пресвитера», потративъ предварительно не мало усилій на доказываніе «необходимой связи исповѣди съ іерархической степенью пресвитера» [1]). Во вторыхъ, нѣсколько ниже, [2]) онъ даже соглашается съ *Шмитцемъ*, по взгляду котораго, высказанному имъ въ сочиненіи «Die Bussbücher und die Bussdisciplin der Kirche», роль пресвитеровъ ограничивалась лишь «надзоромъ и руководительствомъ кающихся во время прохожденія покаянія», причемъ слѣдовательно ни исповѣдь не составляла спеціально пресвитерской функціи, ни право

---

[1]) Прав. Обозр. Февр. 265.
[2]) Стр. 266.

примиренія или разрѣшенія не принадлежало пресвитеру по общему правилу. Конецъ началу далеко не соотвѣтствуетъ!

Я возвращаюсь къ той медленности и постепенности, съ которою, по моему мнѣнію, совершался въ представленіяхъ людей поворотъ въ пользу церковной іерархіи, какъ долженствующей быть ординарнымъ органомъ вяжущей и разрѣшающей власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ той медленности и постепенности, съ которой устанавливался институтъ тайной исповѣди, какъ обязательно распространяющейся на всѣ грѣхи всѣхъ христіанъ. Одинъ изъ авторитетныхъ отцовъ и писателей восточной церкви, св. Θеодоръ Студитъ (конца VIII и начала IX столѣтія), въ одномъ изъ отвѣтовъ на вопросы монаха Меθодія, долженъ ли простой монахъ, не имѣющій священства, налагать епитиміи, въ случаѣ недостатка въ пресвитерахъ и въ виду вѣры приходящаго, выразился: «не необычно и простому монаху налагать епитиміи» [1]). Онъ же въ двухъ другихъ своихъ отвѣтахъ другимъ лицамъ, а еще болѣе сами вопрошатели его, даютъ видѣть, насколько еще не установились взгляды того времени на исповѣдь и какъ они еще далеки были отъ института тайной исповѣди въ позднѣйшемъ его значеніи. На вопросъ: если кто осквернялъ себя немалыми грѣхами, потомъ, исповѣдавшись, принялъ и употребилъ приличествующее болѣзни врачевство: то какъ ему узнать, что грѣхи его прощены ему, чтобы быть увѣреннымъ въ полученіи столь великаго блага?—Θеодоръ Студитъ отвѣчаетъ: «никогда не бываетъ такого кающагося и исповѣдывающагося, который бы напередъ уже не имѣлъ твердой надежды, говоря себѣ, что

---

[1]) Migne. Patrolog. curs. complet. ser. gr. tom. 99. Theod. Stud. Epist. 215. (lib. IV): „οὐκ ἔξω τοῦ εἰκότος καὶ τὸν ἁπλῶς μοναχὸν ἐπιτίμια διδόναι.“

если онъ искренно исповѣдуется и приметъ наложенную епитимію, то отсюда и получитъ прощеніе грѣховъ. Но мы, люди, принимая въ соображеніе множество нашихъ грѣховъ, какъ бы сомнѣваемся въ великомъ къ намъ Божіемъ милосердіи, а поэтому прибѣгаемъ къ воспріемникамъ нашимъ, прося о совершенномъ разрѣшеніи чрезъ возложеніе рукъ ихъ, какъ людей, считающихся представителями Того, Кто подъялъ грѣхи наши» [1]). На слѣдующій вопросъ: если кто согрѣшилъ словомъ празднымъ, или злорѣчивымъ, шуточнымъ и проч., вообще согрѣшилъ языкомъ, потомъ обдумывается и осуждаетъ себя, что ему слѣдуетъ дѣлать для принесенія должнаго покаянія и для спокойствія души? Отвѣтъ дѣлается такой: это тонкая подробность (ἀκρίβεια), относящаяся не до номоканона, а до монашескаго, или, какъ назвали бы его, до общежительнаго строя, или устава, имѣющаго епитиміи ежедневныя или недѣльныя; напр., если кто, по лѣности или по сонливости, не былъ за богослуженіемъ, таковой, исповѣдавшись отцу своему, вмѣсто покаянія принимаетъ епитимію, состоящую въ сухояденіи и извѣстномъ числѣ поклоновъ [2]). Въ томъ и другомъ изъ приведенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ и вопрошающій и отвѣчающій далеки еще отъ той точки зрѣнія, что пресвитерское разрѣшеніе исповѣдующагося, съ возложеніемъ на него рукъ, имѣетъ, уже само по себѣ, сакраментальное значеніе, и что тайная исповѣдь обязательно распространяется на всѣ грѣхи дѣломъ, словомъ и мыслію не только монаховъ, но и всѣхъ вообще христіанъ.

---

[1]) Jbid. pag. 1732: „διὰ τοῦτο καταφεύγομεν πρὸς τοὺς ἀναδόχους ἡμῶν ἐξαιτούμενοι τὴν τελείαν ἄφεσιν διὰ τῆς ἐπιθέσεως τῶν χειρῶν αὐτῶν, ἀντιπροσώπων εἶναι πεπιστωμένων τοῦ αἴροντος τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν.“

[2]) Jbid. pag. 1733.

У *Морина* [1]), въ приложеніи къ его историческому комментарію, напечатаны три каноническія статьи, двѣ первыя съ именемъ Іоанна Постника, третья съ именемъ Іоанна монаха и дьякона, ученика Василія Великаго, по прозванію чада послушанія [2]). Это именно: 1) ἀκολουθία καὶ τάξις ἐπὶ ἐξομολογουμένων, т. е. чинопослѣдованіе исповѣди, 2) λόγος πρὸς τὸν μέλλοντα ἐξαγορεῦσαι τὸν ἑαυτοῦ πνευματικὸν πατέρα, т. е. слово къ намѣревающемуся исповѣдаться передъ своимъ духовнымъ отцомъ, и 3) κανονάριον διαγορεῦον περὶ πάντων λεπτομερῶς παθῶν καὶ τῶν τούτοις προσφόρων ἐπιτιμίων κ. τ. λ., т. е. сборникъ правилъ, съ тонкостью опредѣляющій всѣ болѣзни и приличествующія имъ епитиміи. Во второй изъ этихъ статей говорится въ самомъ началѣ: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ Божій, вочеловѣ-

---

[1]) Joannes Morinus, Commentarius historicus de disciplina in administratione sacramenti poenitentiae tredecim primis saeculis in ecclesia occidentali hucusque in orientali observata. Parisiis, 1651.

[2]) Въ нѣкоторыхъ кодексахъ, какъ напр., въ рукописномъ Cod. theol. graec. CCVI вѣнской публич. библіотеки и эта послѣдняя статья, канонарій, носитъ имя Іоанна Постника, патріарха константинопольскаго, или же, въ другихъ кодексахъ, имя Іоанна, патріарха константинопольскаго, Постника, по прозванію чада послушанія (см. Assemani, Bibliotheca juris orientalis canonici et civilis, Romae, 1762, lib. III. p. 531), т. е. оба названія—и Постника, и чада послушанія—комбинируются, съ приписаніемъ ихъ одному и тому же лицу—Іоанну, патріарху константинопольскому. Но если дѣйствительно патріархъ Іоаннъ константинопольскій (конца VI в.) составлялъ чинъ исповѣди и епитимійный сборникъ, хотя и не въ той редакціи, которая имѣется въ извѣстныхъ наукѣ сборникахъ, то, какъ справедливо разсуждаетъ Ассеманъ, патріархъ Іоаннъ могъ составить канонарій, еще будучи монахомъ и дьякономъ (lib. III. 534). Для историка во всякомъ случаѣ важно, что и въ позднихъ редакціяхъ канонарія редакторы и писцы не находили ничего страннаго въ предисловіи къ канонарію Іоанна *монаха и діакона* (объ этомъ сейчасъ будетъ сказано въ текстѣ).

чившійся для спасенія насъ грѣшныхъ... зная грѣховную склонность человѣческой природы, далъ въ помощь людямъ законъ, ангеловъ поставилъ стражами, пророковъ, апостоловъ, іерарховъ, священниковъ, дидаскаловъ послалъ для духовнаго ученія, *монаховъ сверхъ того для увѣщанія и для принятія исповѣди съ покаяніемъ*, съ тѣмъ чтобы врагъ нашъ и противникъ не имѣлъ никакого случая нанести намъ вредъ и запутать насъ послѣ паденія въ тенеты отчаянія» и проч. Въ канонаріѣ, именно въ обширномъ предисловіи къ нему, начинающемся словами: «Τῆς θείας καὶ παναγάθου τοῦ ὑπεραγάθου καὶ ἀληθινοῦ Χριστοῦ Θεοῦ κ. τ. λ., авторъ предисловія и канонарія, судя по надписи, *монахъ и діаконъ*, говоритъ, что Богъ, по милости своей, чтобы облегчить людямъ очищеніе отъ грѣховъ, прощаетъ ихъ черезъ духовныхъ врачей [1]), далѣе говоритъ о неумѣлыхъ и невѣжественныхъ врачахъ, которые и сами тонутъ, и другихъ съ собой топятъ, а въ заключеніе молитъ Бога *дать ему способность распознавать состояніе исповѣдующагося*, излѣчивать его епитиміями, такъ чтобы совершаемое имъ разрѣшеніе отъ грѣховъ было ему благоугодно [2]).

Патріархъ константинопольскій Николай Грамматикъ (конца XI и начала XII в.) въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ на вопросы монаховъ представляетъ выслушаніе исповѣди ординарнымъ дѣломъ монаховъ [3]), а въ другомъ

---

[1]) „διὰ τῶν αὐτῶν μιμουμένων ψυχικῶν καὶ γλυκυτάτων ἰατρῶν.“

[2]) ἀλλ' ὅτι καὶ τοσαύτην μοι δὸς σύγκρισιν, κύριε, ἵνα πάντα ἄνθρωπον τὰ ἡμαρτημένα αὐτῷ ἐνώπιόν σου ἐμοὶ ἀναθεῖναι προαιρούμενον οὕτως ἀνακρίνω καὶ συγκρίνω, καὶ διὰ τῆς ἐπιτιμήσεως χαροποιῶς θεραπεύσω, ὡς εὐπρόσδεκτον ἐνώπιόν σου, δέσποτα, ὁμολογούμενον, ὑπ' ἐμοῦ ἀπολύειν, ὅτι εἶπας ὅτι ὅσα ἂν αἰτήσητε, πιστεύετε ὅτι γίνεται καὶ κατὰ τὴν πίστιν ὑμῶν γενηθήτω ὑμῖν κ. τ. λ.

[3]) Σύνταγμα, IV, 426. „Βλέπομεν, ὅτι οἱ πλείους τῶν δεχομένων μοναχῶν λογισμοὺς ἀνθρώπων μετὰ τοῦ τοιούτου κανονικοῦ κανονίζουσι (рѣчь идетъ о сборникѣ

отвѣтѣ [1]) разсуждаетъ такъ: «если кто либо неученый сдѣлается игуменомъ, то справедливо отрѣшить его отъ управленія, такъ какъ, выслушивая исповѣдь отъ множества лицъ, можетъ погубить множество душъ». А игумены, по словамъ Вальсамона, обыкновенно не имѣли священнаго сана [2]). Замѣчательно вообще, съ какою силою выдвигается въ большей части историческихъ свидѣтельствъ объ исповѣди въ восточной церкви на первый планъ искуство врачеванія, а не іерархическій санъ лица. Съ другой стороны, канонисты, какъ Зонара и Вальсамонъ, требуя, чтобы выслушивающій исповѣдь имѣлъ непремѣнно священный санъ, опять таки не санъ пресвитерскій, самъ по себѣ, выдвигаютъ на первый планъ, а епископское порученіе (προτροπὴ ἐπισκοπική), особое уполномоченіе епископомъ пресвитера къ выслушанію исповѣди и къ разрѣшенію исповѣдавшихся отъ грѣховъ, такъ что, поэтому, не большинство, а скорѣе меньшинство пресвитеровъ получало отъ епископовъ это порученіе. Даже и канонисты XII в., слѣдовательно, были еще далеки отъ признанія «необходимой связи исповѣди съ іерархической степенью пресвитера», въ томъ смыслѣ, чтобы всякій приходскій священникъ, какъ таковой, имѣлъ право выслушивать исповѣдь и осуществлять вяжущую и разрѣшающую власть. Власть вяжущая и разрѣшающая, по взгляду канонистовъ XII в., представлявшему собою очевидную реакцію вульгарнымъ, такъ сказать, взглядамъ ихъ времени, при-

---

епитимійныхъ правилъ I. Постника). Ср. Зонара къ 7 карѳаг. и Вальсамонъ къ 6 карѳаг.

[1]) Pitra, Spicilegium Solesmense, IV, канонъ 23-й „τῆς ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ ἁγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κυρίου Νικολάου ἁγίας συνόδου“.

[2]) „Ἡγούμενοι δὲ, ὡς πολλάκις εἴπομεν, ἀνίεροι γίνονται“. Вальсам. къ 6 карѳаг.

надлежитъ только епископамъ, которые могутъ также уполномочить на осуществленіе ея и отдѣльныхъ пресвитеровъ,— это исключеніе изъ общаго правила въ пользу пресвитеровъ было безусловно необходимо для канонистовъ, въ виду абсолютной невозможности для епископа выслушивать исповѣдь всѣхъ христіанъ его епископства, чувствовавшихъ потребность въ таковой [1]), а съ другой стороны, въ виду явной тенденціи со стороны этихъ канонистовъ придать исповѣди исключительно іерархическій характеръ.

Какъ на слѣды борьбы между двумя взглядами на исповѣдь и на осуществленіе власти вяжущей и разрѣшающей, можно указать еще на нѣсколько статей котельеровскаго номоканона, обнаруживающихъ въ составителѣ іерархическую тенденцію и вмѣстѣ съ тѣмъ указывающихъ на тотъ взглядъ, противъ котораго онъ ратовалъ. Здѣсь съ одной стороны читаемъ: «анаѳема женщинѣ, которая, бывъ связана священникомъ, сама свяжетъ его на оборотъ» [2]);

---

[1]) Въ этомъ же смыслѣ понимаютъ канонисты и 102 пр. трул., которое говоритъ о томъ, что „пріявшіе отъ Бога власть вязать и рѣшить“ должны благоразумно и съ искуствомъ соображать средство врачеванія съ качествомъ болѣзни. Самъ по себѣ 102 кан. трул. имѣетъ въ виду епископовъ только (см. Объемъ дисципл. суда, стр. 161 и сл.). Изъ канонистовъ—коментаторовъ, Зонара называетъ также только епископовъ въ толкованіи этого правила, Аристинъ говоритъ о тѣхъ, кому вручено духовное начальствованіе (πνευματικὴ ἡγεμονία), т. е. опять объ епископахъ, Вальсамонъ—объ епископѣ и о томъ, кому онъ поручитъ (ἐπίσκοπος καὶ ὁ ἐπιτραπησόμενος παρ' αὐτοῦ).

[2]) Joannes Baptista Cotelerius, Eccl. graecae monumenta, Lutetiae Parisiorum, 1677, tom. 1, § 114 номоканона. Присвоеніе себѣ женщинами власти вяжущей и разрѣшающей практиковалось именно настоятельницами женскихъ монастырей, какъ видно изъ 37 вопроса Марка александрійскаго Вальсамону.

«связаніе дьякономъ священника не имѣетъ никакого значенія» [1]); «если міряниръ, связанный священникомъ, самъ свяжетъ его, то связаніе это не имѣетъ никакой силы, кромѣ того еще онъ отлучается на три года отъ церкви, — тогда другой того же самаго поступка не сдѣлаетъ» [2]); «принимающій исповѣдь долженъ быть или мірской священникъ, или монахъ пресвитеръ (т. е. іеромонахъ), простой монахъ не можетъ принимать исповѣдь, равно какъ и вообще человѣкъ непосвященный, или подвергнутый запрещенію священнослуженія» [3]). Съ другой стороны въ номоканонѣ дѣлается сильное удареніе на небходимость духовнаго отца: «какъ сѣмя не выростаетъ безъ почвы и воды, такъ и человѣкъ не спасется безъ отца духовнаго» [4]); «если кто умеръ безъ отца духовнаго, за того нужно служить 24 литургіи [5])». Въ нѣкоторыхъ параграфахъ котельеровскаго номоканона можно прослѣдить также попытку разграниченія сферъ духовнической дѣятельности іеромонаховъ и мірскихъ священниковъ: относительно первыхъ говорится, что монахи не должны принимать исповѣдь отъ женщинъ, развѣ лишь въ данномъ случаѣ не будетъ никакого мѣста подозрѣнію [6]) (женщины и вообще должны исповѣдываться въ притворѣ церковномъ, при открытыхъ дверяхъ, во избѣжаніе соблазновъ веліара [7]); относительно послѣднихъ должно дѣйствовать правило, что священники, имѣющіе женъ, не должны принимать на ис-

---

[1]) §. 115. ibid.
[2]) §. 195.
[3]) §. 44.
[4]) §. 262.
[5]) §. 263.
[6]) §. 41.
[7]) §. 40.

повѣдь лицъ, не достигшихъ 15 и 20-лѣтняго возраста Но при этомъ опять таки добавляется, въ духѣ всей предшествовавшей практики: «не искусные же и не ученые священники во всякомъ случаѣ не должны исповѣдывать, ибо если слѣпой поведетъ слѣпаго, то оба упадутъ въ яму; принимающій исповѣдь долженъ поститься и постоянно молиться Богу и о себѣ, и о душахъ тѣхъ, которые исповѣдуютъ грѣхи свои [1]).

II.

Если не на борьбу, то, по крайней мѣрѣ, на непримиренность различныхъ взглядовъ на покаяніе, на различные его способы, на исповѣдь, на духовниковъ, съ весьма сильною иногда тенденціею возвысить авторитетъ священства и санкціонировать его, такъ сказать, именами разныхъ отцовъ и учителей древней церкви, указываютъ также разныя статьи, разсѣянныя по рукописнымъ греческимъ кодексамъ, причемъ нельзя не замѣтить, что въ позднѣйшихъ по времени сборникахъ каноническихъ исповѣдь выступаетъ уже со всѣми признаками установившагося, опредѣленнаго церковнаго института. Я приведу, съ возможно полной передачей содержанія, тѣ статьи, съ которыми пришлось мнѣ встрѣтиться, при пересмотрѣ рукописныхъ кодексовъ императорской вѣнской и венеціанской св. Марка библіотекъ.

1) Поученіе св. Ефрема Сирина о покаяніи—«περὶ μετανοίας» [2]) Начало: «ὁ κατελθὼν κύριος ἐκ τοῦ κόλπου τοῦ πατ-

---

[1]) §. 43.

[2]) Cod. LII. библ. св. Марка (изъ виссаріоновскихъ), на оборотѣ 120 листа; рукопись, по предположенію Монфокона, принадлежитъ VIII или IX в., какъ это значится въ печатномъ каталогѣ (стр. 34), посящемъ

ρὸς καὶ γενόμενος ἡμῖν ὁδὸς σωτηρίας». Божественный голосъ учитъ насъ, что Христосъ пришелъ не праведныхъ призвать, а грѣшныхъ на покаяніе, и что не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные. Итакъ зачѣмъ же ты пренебрегаешь своею жизнію и спасеніемъ, какъ скоро сознаешь въ себѣ неизлѣченныя внутреннія раны помысловъ и дѣяній? Отчего не желаешь показать эти раны Врачу, съ тѣмъ чтобы Онъ исцѣлилъ тебя и далъ тебѣ жизнь? Вѣдь чѣмъ больше запускаешь раны, тѣмъ неизлѣчимѣе становится гнилость. Боишься Врача? Но Онъ не есть врачъ суровый, безпощадный или безжалостный; Онъ не употребляетъ желѣза, или какого либо лѣкарства терпкаго или громоздкаго. Однимъ словомъ исцѣляетъ Онъ, если только захочешь къ Нему прибѣгнуть (μόνῳ λόγῳ ἴαται, ἐὰν βούλῃ προσελθεῖν). Онъ есть полнота благости и милосердія, ибо для тебя сошелъ Онъ изъ нѣдра Отца, для тебя воплотился, съ тѣмъ чтобы ты приступалъ къ Нему безбоязненно, съ увѣренностію; для тебя Онъ вочеловѣчился, чтобы исцѣлить тебя отъ ужасныхъ твоихъ ранъ и прегрѣшеній съ великою любовью и съ совершенною пользою. Онъ зоветъ тебя къ себѣ: «приступи, грѣшникъ, безъ страха, съ полной увѣренностію, излѣчись безъ всякаго труда (εὐχερῶς); сбрось съ себя бремя грѣховъ, принеси молитву и наложи слезы на твою гнилую язву, которую ты имѣешь въ своей душѣ». Ибо этотъ Врачъ Небесный благъ,—слезами и стонами излѣчиваетъ Онъ раны. Приди, грѣшникъ, къ небесному врачу и принеси съ собой слезы, какъ лучшее лѣкарство, ибо такъ хочетъ врачъ бо-

---

заглавіе: „graeca divi Marci bibliotheca codicum manu scriptarum per titulos digesta, praeside et moderatore Laurentio Theupolo jussu senatus“. MDCCXX. Древность кодекса, можетъ быть, говоритъ за дѣйствительную принадлежность статьи св. Ефрему Сирину.

лѣзней, чтобы каждый излѣчивался собственными слезами. Слезами излѣчиваться не трудно, ибо это лѣкарство не сложное. Вотъ открыта тебѣ дверь покаянія: спѣши, грѣшникъ, прежде чѣмъ она не затворится, видя тебя лѣнивымъ и презрителемъ,—неизвѣстно, въ какой часъ небесный Врачъ велитъ затворить ее. Не поддавайся кознямъ врага, который хочетъ ввергнуть тебя въ огонь, избѣгай его и дѣлъ его, такъ какъ онъ есть человѣкоубійца искони. Послушай божественнаго голоса: «пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ». Приступи безъ страха къ милостивому Владыкѣ, ибо Онъ не спрашиваетъ записи всѣхъ твоихъ грѣховъ, легко принимаетъ приходящихъ къ Нему. Лишь только мысль и готовность въ тебѣ явятся идти къ Нему, Онъ уже видитъ ихъ и показываетъ тебѣ всю свою благость, и еще прежде чѣмъ человѣкъ обратитъ свой взоръ къ Богу, Богъ уже говоритъ ему: «Я съ тобою, Я не оставилъ тебя»; прежде чѣмъ человѣкъ приблизится къ Богу, вотъ уже передъ ищущимъ открывается кладъ; прежде чѣмъ прольетъ слезы, Онъ уже изливаетъ на него свои милости, и еще прежде чѣмъ попроситъ Его, примиряется съ нимъ. Зачѣмъ же ты былъ рабомъ врага столько времени, унижая себя передъ нимъ? Господь не спрашиваетъ о количествѣ времени, а требуетъ лишь смиренія, слезъ и стоновъ со стороны приходящихъ къ Нему.—Дальнѣйшее содержаніе статьи совершенно соотвѣтствуетъ тому же коренному взгляду на покаяніе, который выражается въ вышеприведенныхъ словахъ и который невольно напрашивается на сравненіе съ тономъ бесѣдъ св. Іоанна Златоуста.

2) Статья игумена Исаіи περὶ μετανοίας [1]) цѣликомъ

[1]) Cod. CXXXII библ. св. Марка (изъ виссаріоновскихъ), XIII в. на лист. 92-98.

построена на той мысли, что главное и важнѣйшее для кающагося — имѣть любовь, какъ Христосъ ее заповѣдалъ, и какъ апостолъ ей учитъ, говоря, что безъ любви человѣкъ— мѣдь звенящая и кимвалъ звящающій, хотя бы онъ говорилъ разными языками.

3) Статья Марка монаха περὶ μετανοίας [1]). Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что прежде всего должно прощать неправды и долги намъ другихъ людей, чтобы Господь не поступилъ съ нами такъ, какъ говорится въ притчѣ о немилостивомъ должникѣ, который, получивъ прощеніе своего долга, не простилъ того, что ему долженъ былъ другой его сотоварищъ. Покаяніе, по мнѣнію автора, не опредѣлено границами ни относительно времени, ни относительно дѣяній, но выполняется соблюденіемъ заповѣдей Христа; изъ заповѣдей же нѣкоторыя очень обширны по своему объему, включая въ себя множество единичныхъ или отдѣльныхъ заповѣдей, и однимъ разомъ уничтожая множество золъ, какъ напр., просящему у тебя дай и отбирающему у тебя твою собственность не препятствуй, отъ желающаго взять у тебя въ долгъ не отворачивайся и проч. Сюда же относится заповѣдь о взятіи на себя креста и о послѣдованіи Христу, т. е. о перенесеніи постигающихъ скорбей. Итакъ тотъ, кто роздалъ все бѣднымъ и взялъ свой крестъ, заразъ исполнилъ всѣ вышесказанныя заповѣди. Въ собственномъ же смыслѣ дѣло покаянія совершается, по мнѣнію автора, слѣдующими тремя добродѣтелями: уничтоженіемъ помысловъ, непрестанной молитвой и пересеніемъ постигающихъ скорбей [2]). Безъ этихъ трехъ добродѣтелей не можетъ совершиться дѣло покаянія.

---

[1]) Въ томъ же кодексѣ, л. 192-198, а также въ виссаріоновскомъ CXXXIII кодексѣ.

[2]) „Ὅθεν λογίζομαι τὸ τῆς μετανοίας ἔργον ἐν ταῖς τρισὶ ταύταις ἀρεταῖς ἐξυ-

Покаяніе приличествуетъ и грѣшнымъ, и праведнымъ, желающимъ получить спасеніе, а поэтому не существуетъ такого предѣла совершенства, который бы не имѣлъ нужды въ содѣяніи вышесказанныхъ добродѣтелей, ибо для начинающихъ онѣ служатъ введеніемъ въ благочестіе, для людей середины — шагомъ впередъ, для совершенныхъ—закрѣпленіемъ. Далѣе авторъ осуждаетъ новаціянскій взглядъ, отрицавшій возможность покаянія, и объясняетъ слова апостола Павла въ посл. къ евр. VI, 4-6 цѣлью апостола предупредить и устранить небрежное коснѣніе въ грѣхахъ въ расчетѣ на то, что въ будущемъ представится еще возможность покаяться и т. д.

4) Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν ἀναστασίου τοῦ σιναΐτου ἐπὶ διαφόρων τρόπων σωτηρίας ψυχῆς καὶ μετανοίας—Анастасія Синаита о различныхъ способахъ спасенія души и покаянія [1]). Начало: «εἴρηται μὲν ἤδη πρὸ βραχέων· ὅτι γινώσκει ὁ Θεὸς τὸ ἀσθενὲς καὶ εὐόλιστον καὶ ταλαίπορον τῶν ἀνθρώπων». Человѣколюбивый Богъ даровалъ намъ многіе и различные способы спасенія. Не судите, и не будете судимы; не осуждайте и не будете осуждены; отпускайте людямъ отъ чистаго сердца согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія ваши. Всякій, превозносящій себя,

---

φαίνεσθαι· ἐν τῷ λογισμοὺς καθαιρεῖν, καὶ ἀδιαλείπτως προσεύχεσθαι, καὶ τὰς ἐπερχομένας θλίψεις ὑποφέρειν.“

[1]) Cod. theolog. graec CCCV. вѣнск. библ. на л. 193-196. По словамъ Питры (Jur. eccl. graec. hist. et monum. II, 246), эта же статья находится въ Vatican. 367. Надобно замѣтить, что какъ въ этой, такъ и въ ниже помѣщенной статьѣ (подъ № 9), при обозрѣніи разныхъ способовъ покаянія и прощенія грѣховъ, не упоминается объ одномъ способѣ—о служеніи литургіи, которому придается важное значеніе въ котельеровскомъ номоканонѣ: „αἱ λειτουργίαι στεφανός εἰσιν καὶ ἡ ἐλεημοσύνη ἐλπίδα (?) ζωῆς καὶ συγχώρησις παντοίων ἁμαρτιῶν καὶ μακάριοι οἱ ποιοῦντες ταῦτα“ (§ 323; ср. ibid. §§ 263, 267, 432).

тельность этого мнѣнія станетъ немедленно ясной, если безпристрастно взглянуть на отношеніе людей между собою и къ Богу; первое есть отношеніе равенства, между тѣмъ какъ второе—отношеніе зависимости отъ Бога, какъ отъ Существа совершеннаго и Творца. Если Богъ опредѣлилъ вѣчныя наказанія тому, кто не повинуется его всемогуществу, то какая же тварь осмѣлится дополнять Божественную юстицію и позволитъ себѣ помогать безконечному существу въ его мести. Тяжесть грѣха зависитъ отъ закрытой для человѣческаго изслѣдованія злобы сердца, которая не можетъ быть понята смертными безъ откровенія; какимъ же образомъ принять ее за основаніе оцѣнки преступленія? Человѣкъ будетъ часто наказывать въ такомъ случаѣ то, что Богъ прощаетъ, и прощать то, что Богъ караетъ; такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ будетъ поступать вопреки непостижимой глубинѣ Божественной премудрости [1]). Итакъ, Беккарія преслѣдованіе скрытыхъ святотатствъ или просто грѣховъ отвергаетъ по соображеніямъ не только опасности такого преслѣдованія для людей и достаточности Божьяго гнѣва, но и противорѣчія его внутренней природѣ человѣка, котораго помышленія недоступны для нашего познанія, и признанному имъ началу, что понятіе преступленія обусловливается наличностью въ дѣяніи элемента общественнаго вреда. Конечно, мысль о наказуемости только внѣшнихъ дѣяній и притомъ такихъ, которыя соединены съ причиненіемъ вреда обществу, была не нова; она заключается въ изложенныхъ положеніяхъ Спинозы и въ ученіи Пуффендорфа объ отдѣленіи права отъ откровенной религіи, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать заслуги Монтескье и особенно Беккаріи, какъ болѣе глубокихъ ея основателей.

Точно также какъ Монтескье и Беккаріи, интересы религіозной свободы не были чужды и Вольтеру; онъ не только не от-

---

[1]) Beccaria, Von Verbrechen und Strafen, übersetz. von Hommels, Breslau, 1778 г., стр. 37—39; Зарудный, Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, 1879 г., стр. 104—106; Кистяковскій, Учебникъ, 91—92.

носился къ нимъ равнодушно, а напротивъ энергически ихъ защищалъ и, кажется, никогда не выступалъ съ такимъ жаромъ и остроуміемъ, какъ именно тогда, когда боролся съ жестокостью и варварствомъ времени, исходившими изъ суевѣрія и религіозной нетерпимости. Заслуга Вольтера, какъ проповѣдника идеи религіозной терпимости, несомнѣнна, общепризнана. Положенія другихъ защитниковъ послѣдней, выраженныя часто въ краткихъ, сдержанныхъ словахъ, какъ напр. Монтескье и Беккаріи, далеко не принесли бы всей своей пользы, если бы они подъ перомъ Вольтера не прониклись бы жизнью, огнемъ и, будучи выражены на легкомъ, эластичномъ языкѣ ироніи или сатиры, не сдѣлались бы скоро достояніемъ общества. Воззрѣнія стараго времени еще довольно крѣпко держались въ обществѣ, такъ—что необходимо было выступить противъ нихъ, такъ сказать, съ крикомъ, подвергнуть ихъ самой ѣдкой насмѣшкѣ, чтобы рѣшительно ихъ пошатнуть. Вотъ эту-то роль и взялъ на себя Вольтеръ и нельзя не признать, что никогда онъ не былъ такъ великъ, такъ силенъ, какъ когда выполнялъ эту роль. Его филиппика противъ католической нетерпимости и фанатизма, жертвой которыхъ сдѣлался почтенный протестантъ Иванъ Каласъ, колесованный по подозрѣнію въ убійствѣ своего сына, мнимаго католика, его фактическое вмѣшательство въ это дѣло, кончившееся пересмотромъ послѣдняго и признаніемъ судебной ошибки, —произвели цѣлую бурю въ обществѣ, взволновали и потрясли его до глубины [1]).

---

[1]) Такого дѣйствія своихъ филиппикъ Вольтеръ самъ желалъ, что видно изъ слѣдующихъ его строкъ къ друзьямъ: «Совершенно неоспоримо, что Тулузскіе судьи колесовали недавно одного изъ своихъ великихъ людей. Почти весь Лангедокъ содрогнулся отъ ужаса. Никогда съ ночи св. Варфоломея ничто такъ не позорило человѣческую природу. Кричите обо всемъ этомъ и заставляйте и другихъ кричать». Ткачевъ, Судебныя ошибки, 1867 г., т. I, 245. Дѣло Каласовъ дѣйствительно было слишкомъ возмутительно. Старики протестанты — Иванъ Каласъ и его жена, пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ, были преданы суду по подозрѣнію въ убійствѣ сына,

Подъ вліяніемъ горячаго чувства негодованія противъ фанатиковъ-судей и чувства состраданія къ невинной жертвѣ Вольтера написалъ въ 1763 г. свой извѣстный *Трактатъ о терпимости по поводу смерти Ивана Каласа*. Въ этомъ трактатѣ, а также въ двухъ другихъ позднѣйшихъ—Commentaires sur le livre des delits et des peines (1766 г.) и Prix de justice et de l'humanité (1777 г.) Вольтеръ излагаетъ слѣдующія мысли о религіозной терпимости вообще и о преступленіяхъ противъ религіи въ частности.

Великій принципъ права естественнаго, а также и основаннаго на немъ права человѣческаго гласитъ: не дѣлай того, чего бы ты не желалъ, чтобы тебѣ сдѣлали. Непонятно послѣ этого, какимъ образомъ одинъ человѣкъ могъ сказать другому въ однихъ странахъ: „вѣрь тому, во что я вѣрю и во что ты вѣрить не можешь, или же ты погибнешь", а въ другихъ: „вѣрь или я тебя стану презирать; вѣрь или я тебѣ сдѣлаю все зло, какое могу; чудовище, ты не моей религіи, у тебя вовсе даже

трупъ котораго былъ найденъ висѣвшимъ на дверяхъ лавки. Отсутствіе кого либо изъ постороннихъ, на коихъ можно было бы взвести подозрѣніе—съ одной стороны, сбивчивыя и даже невѣрныя показанія стариковъ Каласовъ въ видахъ избавить трупъ сына отъ позорной казни самоубійцы—съ другой—послужили вѣскими въ глазахъ тогдашнихъ судей первыми уликами противъ Каласовъ. Когда же впослѣдствіи къ этимъ уликамъ присоединилось то соображеніе, что старикъ Каласъ былъ ревностный протестантъ, противившійся переходу своихъ дѣтей въ государственную религію—въ католичество, а также показанія свидѣтелей, что они собственными глазами видѣли и ушами слышали то, чего никогда не бывало, но что совершенно подтверждало сложившееся подозрѣніе, то большинство судей рѣшило провести Ивана Каласа, какъ главнаго виновнаго, черезъ рядъ пытокъ безпристрастія и съ пристрастіемъ. Но и послѣдняя самая ужасная пытка не вынудила признанія Каласа; судьи однако остались непреклонны и кости невинной жертвы были измолоты желѣзными колесами. Бодрость духа и въ послѣднюю минуту не измѣнила старику и онъ въ глазахъ смерти подтвердилъ свою невинность. Ткачевъ, Судебныя ошибки, 158—253.

нѣтъ религіи; надо, чтобы тебя презирали сосѣди, городъ, провинція". Если бы человѣкъ вправѣ былъ вести себя такимъ образомъ, то живущіе внѣ Европы народы должны бы были истребить другъ друга или же броситься на христіанъ, которые столь долго уничтожали другъ друга. Право нетерпимости—абсурдъ и варварство; это право тигровъ, но еще болѣе ужасное, ибо тигры растерзываютъ другъ друга изъ-за голода, а мы истребляемъ себя изъ-за параграфовъ. Древніе римляне, при всей своей религіозности, отказывались преслѣдовать и карать пустыя рѣчи или философскія мнѣнія. Наша религія болѣе святая, чѣмъ древнихъ римлянъ; безбожіе между нами бо̀льшее преступленіе, чѣмъ у нихъ. Пусть же Богъ его покараетъ; людямъ же слѣдуетъ наказывать только то, что преступно въ общественномъ безпорядкѣ, который это нечестіе производитъ [1]).

Таковы общія разсужденія Вольтера о религіозной свободѣ. Что же касается частныхъ его положеній объ отдѣльныхъ преступленіяхъ противъ религіи, то они имѣютъ въ виду: 1) ересь. Чѣмъ болѣе, говоритъ онъ, сектъ, тѣмъ менѣе каждая изъ нихъ опасна; большое число ослабляетъ ихъ. Всѣ онѣ могутъ быть обузданы справедливыми законами, запрещающими мятежныя сборища, оскорбленія, возмущенія, и при томъ такими, коихъ сила всегда можетъ быть поддержана принужденіемъ. Есть конечно среди сектъ фанатики, но это своего рода маніаки, лучшее средство борьбы съ которыми состоитъ въ томъ, чтобы предоставить эту душевную болѣзнь дѣйствію разума, который просвѣтляетъ людей хотя медленно, за то неизбѣжно. Этотъ разумъ есть сила мягкая, гуманная, которая внушаетъ всепрощеніе и тушитъ несогласія, религіозныя распри, борьбу, которая, какъ особаго рода эпидемическая болѣзнь, имѣетъ свой конецъ. Каждому гражданину необходимо предоставить думать и вѣрить такъ, какъ внушаетъ ему этотъ разумъ—ясный или заблуждающійся, лишь бы

---

[1]) Woltaire, Oeuvres complètes, tome V, Paris, 1836 г., 407—408, 519—520.

онъ не нарушалъ порядка, ибо не отъ человѣка зависитъ вѣрить или не вѣрить, но въ его волѣ уважать законы своего отечества. Если справедливо, что всѣ религіи есть созданіе рукъ человѣческихъ и что только римско-католическая—божественнаго происхожденія, то спрашивается, должна ли она утверждать свое господство силою ненависти, ужасовъ, ссылкой, конфискаціей, тюрьмами, пытками, казнями и актами благодарности, возсылаемыми Богу за эти казни? Чѣмъ болѣе христіанская религія божественна, тѣмъ менѣе человѣкъ долженъ ею управлять; если Богъ ее создалъ, онъ ее сохранитъ безъ васъ; неужели вы хотите поддержать палачами религію Бога, котораго палачи же умертвили и который проповѣдывалъ только терпѣніе и милосердіе?

Мнѣ кажется, продолжаетъ Вольтеръ, что въ ереси надо различать мнѣніе и партійность. Съ первыхъ временъ христіанства мнѣнія раздѣлились и І. Христосъ, который могъ бы соединить всѣхъ вѣрныхъ въ одномъ мнѣніи, этого не сдѣлалъ и вѣроятно потому, что онъ хотѣлъ пріучить всѣ свои церкви къ снисхожденію и милосердію, допуская различныя системы, которыя всѣ сходились въ признаніе его своимъ главой и учителемъ. Совершенно иначе представляется партійность. Всегда и неизбѣжно случается, что преслѣдуемая секта перерождается въ партію, члены которой, располагая бо̀льшимъ искуствомъ къ усиленію своей партіи, чѣмъ господствующая секта къ ее уничтоженію, подъ давленіемъ гнета сближаются и укрѣпляются. Если вы хотите воспрепятствовать сектѣ ниспровергнуть государство, будьте терпимы; нѣтъ другаго для государства средства бороться съ новой сектой, какъ или умертвить безжалостно начальниковъ и ея послѣдователей—взрослыхъ и дѣтей—всѣхъ безъ исключенія, или терпѣть, когда секта многочисленна: первый образъ политики—монстръ; второй—благоразуміе [1]). Въ этихъ строкахъ раздается голосъ въ пользу

---

[1]) Woltaire, Oeuvres, complètes, tome V, 518, 519, 529; 405—406.

довольно широкой терпимости къ сектамъ, но далеко не полной, ибо Вольтеръ допускаетъ такое важное ограниченіе послѣдней, какъ условіе многочисленности секты. Такимъ образомъ, Вольтеръ, подобно Монтескье, не рѣшился высказаться въ пользу полной вѣротерпимости; онъ, какъ и послѣдній, отдалъ дань воззрѣніямъ времени, допустивъ имплиситно основательность преслѣдованія немногочисленныхъ сектъ.

2) Профанаціи, въ томъ числѣ и богохуленіе. Слова, говоритъ Вольтеръ, которыхъ называетъ jurements, blasphêmes суть вообще выраженія неопредѣленныя, которыхъ толкуютъ произвольно. Законъ, карающій ихъ, взятъ, кажется, изъ закона іудеевъ, который гласитъ: не пріемли имени Божьяго всуе; но самыя искусныя толкованія говорятъ, что этотъ законъ запрещаетъ ничто иное какъ клятвопреступленіе. Святотатственныя профанаціи, продолжаетъ Вольтеръ, обыкновенно совершаются молодыми распутниками, но станете ли вы, спрашиваетъ онъ, наказывать ихъ такъ, какъ если бы они убили своихъ братьевъ? Поступите ли вы съ молодымъ безпутнымъ человѣкомъ, который въ своемъ ослѣпленіи вздумалъ бы профанировать священный образъ, не похищая его, такъ, какъ поступили бы вы съ тѣмъ, который отравилъ бы своего отца и все свое семейство. Безъ сомнѣнія, онъ оскорбилъ Бога тяжело, но поступите же съ нимъ, какъ самъ Богъ: если онъ кается, Богъ его прощаетъ; наложите же на него строгую эпитимію и проститъ ему. При опредѣленіи наказуемости такихъ болѣе важныхъ профанацій, которыхъ называютъ sacri léges, наши сборники уголовной юстиціи говорятъ только о воровствѣ въ церквяхъ и никакой положительный законъ не объявляетъ за него наказанія сожженіемъ, предоставляя его благоусмотрѣнію судьи, который, какъ человѣкъ, долженъ назначить наказаніе болѣе мягкое [1]). Здѣсь Вольтеръ, какъ и по вопросу

---

[1]) Woltaire, Oeuvres complétes, т. V, 406 — 407. Въ ряду отдѣльныхъ преступленій противъ религіи Вольтеръ также трактуетъ и о волшебствѣ или вѣдовствѣ. Со времени папы Григорія, почтеннаго именемъ святаго и великаго, предавшаго впервые чародѣевъ

объ ересяхъ, не высказывается совершенно опредѣленно; нѣкоторая недосказанность замѣтно сквозитъ. Повидимому, основная его мысль заключается въ томъ, что профанаціи вообще, а слѣдовательно и богохуленіе, не должны быть наказуемы иными карами, кромѣ церковныхъ; исключеніе представляетъ только церковное воровство, которое однако не заслуживаетъ жестокихъ каръ.

пламени судебнымъ порядкомъ, ихъ много, говоритъ Вольтеръ, сожгли, ибо разсматривали волшебство, какъ ересь. Вѣра въ волшебство была тѣмъ естественнѣе, что несчастные, которые всю жизнь слышали разсказы объ обширной власти дьявола и его адептахъ, летающихъ въ воздухѣ и повелѣвающихъ надъ цѣлой природой, должны были думать, что ничего нѣтъ болѣе истиннаго, тѣмъ болѣе, что судьи, которые признавались умами ясными и мыслящими, не сомнѣвались во власти дьявола и въ милостяхъ, расточаемыхъ имъ своимъ фаворитамъ. Живущее въ народѣ повѣрье, продолжаетъ Вольтеръ, утверждаетъ, что для снисканія расположенія дьявола необходимо запастись горшкомъ сала и метловищемъ и идти на бѣсовское сборище. Засыпая въ этихъ блаженныхъ идеяхъ, многіе думали въ самомъ дѣлѣ, что они пролетаютъ ночью верхомъ на палкѣ, сидя спиной къ вѣдьмѣ, воздушное пространство и прибываютъ въ мгновеніе ока въ собраніе вѣрныхъ, гдѣ ихъ послѣ поцѣлуя задней части козла принимаютъ въ церемонію и раскрываютъ права на всѣ сокровища и блага земли. Не было бѣднаго, замѣчаетъ Вольтеръ, который устоялъ бы противъ столь заманчивыхъ соблазновъ. Вотъ что воображали себѣ несчастные, а также и судьи, которые вмѣсто того, чтобы разслѣдовать дѣло въ госпиталѣ, его разбирали въ комнатахъ пытки и оканчивали посреди пламени. Woltaire, ibid., т. V, 428 — 429. Приведенныя строки о волшебствѣ не лишены были значенія для своего времени, какъ такія, которыя, съ одной стороны, давали совершенно естественное объясненіе тогдашней вѣры въ связь съ дьяволомъ, а съ другой—указывали хотя вскользь то надлежащее отношеніе, въ которое должна была власть стать къ этому анормальному явленію. Не карать, а лечить его слѣдуетъ—вотъ исходная мысль Вольтера. Послѣдняя не была, какъ мы видѣли, нова для своего времени; тѣмъ не менѣе ея значеніе для послѣдняго нельзя отвергать какъ потому, что она исходила изъ устъ весьма авторитетнаго въ то время человѣка, такъ и потому, что въ 18 в. суевѣріе еще довольно крѣпко держалась въ обществѣ, такъ-что борьба съ нимъ была не безполезна.

Изъ предложеннаго ученія Вольтера о религіозной свободѣ мы видимъ, что оно важно не по глубинѣ анализа отношеній государства къ церкви и не по новизнѣ его воззрѣній; изложенное скорѣе въ видѣ памфлета, исполненнаго остроумія и пересыпаннаго историческими ссылками, чѣмъ въ видѣ философскаго трактата, оно было цѣнно для своего времени главнымъ образомъ по краснорѣчивой пропагандѣ идеи терпимости, не чуждой однако существенныхъ ограниченій. Впрочемъ, мысль о нецѣлесообразности примѣненія уголовныхъ каръ къ богохульству и атеизму, а также взглядъ на религіозныхъ фанатиковъ, какъ на душевно-больныхъ, а на религіозныя распри, какъ на эпидемію, лучшее средство борьбы съ которой — время и внушенія собственнаго разсудка, не лишены были нѣкоторой оригинальности для своего времени, особенно послѣдній, если не по сущности своей, то по формѣ и большей опредѣленности выраженія.

За приведенными тремя великими мыслителями 18 в.—Монтескье, Беккаріей и Вольтеромъ слѣдуетъ рядъ другихъ писателей, проповѣдывавшихъ ту же идею религіозной терпимости; изъ нихъ одни только повторяютъ положенія прежнихъ мыслителей, другіе же идутъ дальше и вносятъ въ нихъ болѣе или менѣе существенныя поправки и дополненія. Мы изложимъ вкратцѣ не только ученіе вторыхъ, но и первыхъ—и это послѣднее потому, что оно, кромѣ популяризаціи идей терпимости, не рѣдко скрываетъ въ себѣ и цѣнныя жемчужины мысли. Сюда принадлежатъ:

а) Генералъ—адвокатъ *Серванъ*, энергическій защитникъ терпимости, знаменитый своей блестящей рѣчью по дѣлу женщины протестантки [1]). Въ этой рѣчи, а также въ двухъ другихъ своихъ сочиненіяхъ Серванъ, отстаивая неприкосновенность храма совѣсти, подлежащаго только законамъ естественнымъ, исходя-

---

[1]) Послѣдняя искала вознагражденія убытковъ и требовала развода съ мужемъ католикомъ, который, прижившъ съ нею двухъ дѣтей, получилъ отъ епископа разрѣшеніе вступить въ бракъ съ служанкой-наложницей, принадлежавшей къ католической церкви.

щимъ отъ самаго Божества, доказываетъ, что въ области религіи необходимо различать недостатокъ убѣжденія, истекающій изъ изслѣдованія, невѣріе, которое отрицаетъ, не изслѣдуя, и нечестіе, которое отвергаетъ религію государства и нападаетъ на нее публично. Первый есть несчастіе, второе—нѣчто смѣшное и только нечестіе—преступленіе: надо, говоритъ Серванъ, къ неубѣжденному отнестись съ жалостью, просвѣтить невѣрующаго и наказать нечестиваго, если онъ нарушитель порядка; внѣ этихъ границъ все должно быть свободно для человѣческаго разума. Не слѣдуетъ забывать преслѣдователямъ и тиранамъ, замѣчаетъ авторъ, что въ сердцѣ человѣческомъ живутъ ненарушимые принципы, болѣе могущественные, чѣмъ ихъ оружіе и ихъ геній. Пусть они дѣлаютъ, что хотятъ, чтобы исказить природу человѣка, пусть лишаютъ его силы, свободы разума, пусть мучатъ его, просвѣщаютъ, измѣняютъ по своему—ихъ искуство безполезно, рано или поздно ихъ трудъ погибнетъ и виновники будутъ обезславлены. Законы человѣческіе должны стремиться не къ тому, чтобы творить обращеніе, а къ тому, чтобы помѣшать притворству въ немъ—путемъ лишенія лицемѣрія побужденій интереса. Во имя того самаго Бога, который проповѣдывалъ справедливость и милосердіе, не раздражайтесь, обращается Серванъ къ судьямъ, ненавистью къ протестантамъ: прежде полюбите ихъ, воздѣлывающихъ ваши поля, окажите имъ справедливость ради васъ самихъ, а потомъ уже судите ихъ [1]).

b) *Екатерина II*. Русская императрица, послѣдовательница идей трехъ названныхъ мыслителей запада, особенно Монтескье и Беккаріи, согласно съ ними также рекомендуетъ религіозную терпимость въ своемъ „Наказѣ". По ея мнѣнію, было бы чрез-

---

[1]) Servan, Oeuvres choisies, Liége, 1819 г., т. I, Discours sur l'administration de la justice criminelle (1766 г.), стр. 8, 28, 29; Discours dans la cause d'une femme protestante (1767 г.), стр. 81—92; т. II, Discours sur l'état actuel des connaissances humaines en géneral et celui de la morale et de la législation en particulier, стр. 206, 207, 214, 242, 243.

вычайно вреднымъ для спокойствія и безопасности подданныхъ запрещать свободное отправленіе религіи въ государствѣ; нѣтъ лучшаго средства обратить заблудшихся въ истинное лоно церкви, замѣчаетъ императрица, какъ терпѣть эти чуждыя религіи; преслѣдованіе раздражаетъ умъ человѣка, терпимость напротивъ смягчаетъ самыя черствыя сердца, покоряетъ самыхъ упорныхъ и уничтожаетъ распри, столь вредныя для спокойствія государства [1]).

c) *Мабли*. Слѣдуя Монтескье, аббатъ Мабли проповѣдывалъ терпимость къ новымъ религіямъ, уже успѣвшимъ, несмотря на стараніе правительства поддержать въ цѣльности старую, образоваться въ государствѣ, на томъ основаніи, что знаніе преступности ошибокъ ума принадлежитъ только Богу и что преслѣдованіе людей, подчиняющихся внушеніямъ своей совѣсти, крайне неполитично: во 1-хъ, они могутъ прослыть за мучениковъ и тѣмъ увеличить число своихъ сторонниковъ, во 2-хъ, вѣрность своимъ убѣжденіямъ—лучшая гарантія должнаго повиновенія законамъ и въ 3-хъ, преслѣдованіе способно привести только къ ненависти того ученія, которое хотятъ заставить полюбить. „Если я предамся ревности преслѣдованія, замѣчаетъ Мабли, я сдѣлаю глупость, ибо въ истинѣ нельзя убѣдить силой, я сослужу дурно Богу, потому что благоговѣніе лицемѣра, который измѣняетъ своей совѣсти, не можетъ быть ему пріятно“. Но проповѣдуя терпимость, Мабли въ тоже время совѣтуетъ запретить теологи-

---

[1]) Затѣмъ Екатерина повторяетъ мысли Монтескье о необходимости благоразумія въ преслѣдованіи ереси и волшебства; при опредѣленіи природы отдѣльныхъ преступленій противъ религіи она буквально слѣдуетъ Монтескье, раздѣляя ихъ, какъ и этотъ послѣдній, на прямыя или открытыя святотатсва и на посягательства противъ отправленій культа—съ той же санкціей. Instruction de sa majesté imperiale Catherine II pour la commission, chargée de dresser le projet d'un nouveau code des lois, S. Petersbourg, 1770 г., §§ 494—497; 68—74; см. также Instruction pour le code de la Russie (1767 г.), Brissot-de-Warville, Bibliothèque philosophique, т. III, § 474—476; § 61—64.

ческіе споры, способные привести только къ нескончаемымъ раздорамъ и несогласіямъ, а не къ торжеству одной и той же доктрины, а также лжеученія, оскорбляющія религію, особенно атеизмъ и деизмъ,—подъ угрозой наказанія тюрьмой, которая при неисправимости виновнаго можетъ быть продолжена на всю жизнь. Впрочемъ, человѣческія мысли, даже богохульственныя слова—плодъ только вѣтренности или перваго движенія ума—не должны быть караемы: „пусть люди судятъ только дѣйствія, а лишь одинъ Богъ мысли“ [1]).

d) *Камиллъ—сынъ*, одинъ изъ энциклопедистовъ. Защищая интересы религіозной терпимости, Камиллъ исходитъ изъ весьма краснорѣчивыхъ доводовъ, сгруппированныхъ чрезвычайно искусно и талантливо. Разумъ человѣческій, говоритъ онъ, не имѣетъ мѣрки точной и опредѣленной: что̀ очевидно для одного, часто темно для другаго, степень свѣта, достаточная для убѣжденія одного, недостаточна для другаго, котораго умъ менѣе живой или иначе настроенъ. Отсюда слѣдуетъ, что никто не имѣетъ права выдавать свой разумъ за правило, ни претендовать на подчиненіе своимъ мнѣніямъ другихъ. Желать, чтобы я думалъ согласно вашему мнѣнію—это все равно, что требовать, чтобы я смотрѣлъ вашими глазами; однако ясно, что всѣ мы имѣемъ нашъ образъ взгляда и мыслей, который очень мало зависитъ отъ насъ. Никто, такимъ образомъ, не можетъ отвѣчать за свою огра-

---

[1]) Mably, Principes de loix, 1776 г., стр. 367—373; ср. Чичеринъ, Исторія, III, 184—185. Одновременно съ Мабли защищалъ религіозную терпимость Линже—блестящій ораторъ, но онъ ввелъ ее еще въ болѣе тѣсныя рамки, чѣмъ первый. По мнѣнію Линже, всякій, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія, долженъ пользоваться покровительствомъ законовъ, если онъ не нарушаетъ публичнаго порядка; но къ нарушеніямъ послѣдняго онъ относитъ также пропаганду ученія сектъ, не принадлежащихъ къ господствующему культу, а также неоказаніе уваженія предметамъ послѣдняго, принадлежность къ которому, по его мнѣнію, есть существенное условіе пользованія политическими правами. Linguet, Annales politiques, civiles et littéraires du 18 siècle, Londres, 1777 г.

ниченность и ошибки ума могутъ быть вмѣнены лишь на столько, на сколько въ томъ участвуетъ сердце. Преступленіе слѣдовательно обусловливается наличностью прямаго намѣренія посягнуть подъ давленіемъ страстей на законы порядка. Но если этого посягательства нѣтъ и человѣкъ впадаетъ только въ разнорѣчіе мнѣній, то употребленіе насилія ничѣмъ не можетъ быть оправдано; не огнемъ же и желѣзомъ искоренить заблужденія или измѣнить ложныя сужденія! Какая же цѣль преслѣдованія? Обратить тѣхъ, кого мучатъ; измѣнить ихъ идеи и чувства, чтобы имъ внушить противныя, словомъ, дать имъ другую совѣсть, другой разумъ. Но какое же отношеніе между мученіями и мнѣніями?

То, что мнѣ казалось очевиднымъ, покажется ли ложнымъ въ страданіяхъ? Положеніе, на которое я смотрю, какъ на нелѣпое и противорѣчивое, станетъ ли для меня убѣдительнымъ на эшафотѣ? Огнемъ ли и мечемъ, повторяю, истина внушается и сообщается? Вотъ доводы и соображенія—тѣ меня изобличить и убѣдить могутъ; покажите же ложь моихъ мнѣній, и я онъ нихъ откажусь и безъ насилія; но ваши мученія никогда не сдѣлаютъ того, чего не могутъ достигнуть ваши доводы. Истина для плененія умовъ и сердецъ нуждается только въ самой себѣ, она свѣтитъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, борется собственнымъ оружіемъ; она поблѣднѣла бы отъ посторонней помощи, которая могла бы только затемнить ея славу; принудительная ея сила въ собственномъ ея величіи; она плѣняетъ, привлекаетъ, восхищаетъ собственной красотой; ея тріумфъ—это ея очевидность. Напротивъ, заблужденіе, слабое и безсильное, сдѣлало бы мало успѣха безъ насилія и принужденія; оно старательно избѣгаетъ всякое изслѣдованіе, всякое размышленіе, способное повредить его дѣлу; посреди мрака суевѣрія и невѣжества оно любитъ наносить свои удары и распространять свои нечестивые догматы. Истина отъ заблужденія, такимъ образомъ, столько же отличается по своимъ средствамъ, какъ и по существу; кротость, убѣжденіе, свобода—вотъ ея божественныя черты; пусть она въ такомъ видѣ предстанетъ предъ моими глазами и мое сердце вне-

запно почувствуетъ къ ней влеченіе; но тамъ, гдѣ царствуетъ насиліе и тиранія, я вижу не истину, а ея фантомъ. Говорятъ, что принцъ долженъ поддерживать господствующую религію во всей ея чистотѣ, а если убѣжденія недостаточны, то вправѣ обнажить мечъ, дабы заставить непокорныхъ войти въ нѣдра церкви. Но чего хочешь ты, варваръ? восклицаетъ Камиллъ. Погубить твоего ближняго, дабы его спасти? Богъ ли возложилъ на тебя эту страшную роль? Онъ ли вложилъ въ твои руки заботу мести? Уйди несчастный, Богъ мира отрекается отъ твоихъ страшныхъ жертвъ; онѣ достойны только тебя.

Защищая свободу совѣсти и ума, Камиллъ вводитъ ее однако въ извѣстныя границы; по его мнѣнію, суверены не должны терпѣть догмъ, противныхъ гражданскому обществу, его спокойствію. На этомъ основаніи онъ исключаетъ изъ благодѣянія терпимости атеистовъ, какъ людей, которые ослабляютъ всѣ законы человѣческіе, лишая ихъ силы, почерпаемой послѣдними изъ божественной санкціи, и оставляютъ между справедливостью и неправдою лишь различіе пустое, политическое, затѣмъ — папистовъ и всѣхъ тѣхъ, которые подъ предлогомъ религіи посягнули бы на права частныхъ лицъ или принцевъ [1]).

---

[1]) Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et de métiers, pablié par M. Diderot et par D'Alembert, Genève, 1778 г., т. XXXIII, mot Tolérance, стр. 591—600. Ученіе Камилла—сына, далеко проникающее въ глубь человѣческаго духа, при нѣкоторомъ различіи въ частностяхъ, представляетъ много сходства по тонкости анализа послѣдняго съ ученіемъ знаменитаго англійскаго философа—юриста Бентама; кстати поэтому ихъ сопоставить. Исходя изъ соображеній пользы, Бентамъ доказываетъ, что принужденіе въ дѣлахъ вѣры рѣшительно вредно. Лица, на которыхъ хотятъ дѣйствовать принужденіемъ, могутъ быть раздѣлены на три класса: a) слѣдующіе религіи законодателя, b) ея отвергающіе и c) не опредѣлившіе еще своихъ убѣжденій. Для первыхъ принужденіе совершенно лишне; для вторыхъ оно безполезно, такъ какъ не достигаетъ цѣли. Если человѣкъ образовалъ свое мнѣніе, можетъ ли наказаніе, спрашиваетъ Бентамъ, его измѣнить? Наказаніе,

е) *Гельвецій.* Послѣдній, защищая религіозную терпимость, доказывалъ ея необходимость ссылками на І. Христа и апостоловъ, предоставившихъ каждому человѣку свободу выраженія своего разума, а также на природу человѣка, который не можетъ передать другимъ заботу думать за себя; никто, говоритъ онъ, не имѣетъ права на самую благородную функцію моего духа, на право думать по своему, подобно тому, какъ никто не имѣетъ права на воздухъ, коимъ я дышу. Религіозная нетерпимость, по его мнѣнію, самая опасная изъ всѣхъ, есть плодъ честолюбія, низкой спѣси духовенства, которое, само не зная, что такое истина, объявляетъ войну противъ тѣхъ, которые ее не призна-

---

отвѣчаетъ онъ, скорѣе укрѣпитъ его въ своемъ мнѣніи, чѣмъ поколеблетъ, во 1-хъ, потому, что употребленіе принужденія равносильно молчаливому признанію недостаточности основаній, во 2-хъ— потому, что насиліе создаетъ отвращеніе къ мнѣніямъ, которыхъ хотятъ навязать такимъ образомъ. Все, что могутъ въ этомъ случаѣ достигнуть наказаніемъ—это приглашеніе не вѣрить съ объявленіемъ, что вѣрятъ; отказывающіеся отъ такого объявленія преслѣдуются и караются; слѣдующіе же ему подъ давленіемъ страха, хотя избѣгаютъ уголовнаго наказанія, за то терпятъ угрызеніе совѣсти и презрѣніе остальной части общества, которое клеймитъ такимъ образомъ лицемѣріе, ложь. Чтобы жить въ мирѣ съ этимъ обществомъ, отрекшіеся должны привыкнуть презирать его голосъ; послѣдствіемъ всего этого является деморализація общества и добродѣтель приносится въ жертву религіи, которая должна быть ея подспорьемъ. Что же касается тѣхъ, которые еще не составили себѣ опредѣленнаго мнѣнія, то, вѣроятно, законъ можетъ имѣть вліяніе на сформированіе ихъ убѣжденій, но зло и здѣсь не перестаетъ быть зломъ. Тамъ, гдѣ страхъ вошелъ въ мотивы убѣжденія, не ищите спокойствія ума: боятся, чтобъ не вѣрить завтра въ то, во что вѣрятъ сегодня, боятся изслѣдованія и споровъ; отъ этого умъ ослабляется и успокаивается только на слѣпой вѣрѣ. Нецѣлесообразно также бороться насиліемъ и съ атеизмомъ, который въ наши дни раскрывается въ формахъ самыхъ гнусныхъ и безнравственныхъ; только свобода изслѣдованія способна исправить заблужденія ума и поставить религію въ надлежащее положеніе. Bentham, Traité de législation civile et pénale, traduit par Dumont, 1829 г., т. I, стр. 224—227.

ютъ, и какъ таковая не только не заслуживаетъ поддержки, а должна быть преслѣдуема правительствомъ жестокими законами, подобно воровству. Что бы уничтожить нетерпимость, необходимо противоположный принципъ ввести въ систему воспитанія; тогда падетъ и сила, поддерживающая ее—честолюбіе духовенства. Государство вправѣ вообще карать только преступленія противъ общества, а не вѣрованія; впрочемъ, нетерпимыя религіи не имѣютъ права на свободу; такова—католическая; эта религія, по словамъ Гельвеція, сдѣлавшись могущественной, разливала кровь своихъ же покровителей; это—змѣя, которая сосала грудь, ее обогрѣвшую [1]).

f) *Пасторе*. Изслѣдуя уголовные законы, направленные противъ религіозныхъ посягательствъ, Пасторе доказывалъ, что первые должны преслѣдовать лишь нарушенія соціальнаго порядка, а не грѣхи. По его мнѣнію, для послѣднихъ достаточно тѣхъ каръ, которыя установлены религіей, а именно угрызенія совѣсти и особенно мученій ада, которыя для большинства людей есть могущественная узда. Опредѣляя затѣмъ ближе природу преступленій и грѣховъ, Пасторе исключаетъ изъ сферы первыхъ всѣ опущенія, которыя, по его мнѣнію, суть только грѣхи; таковы разные способы неисполненія религіозныхъ обязанностей [2]).

Болѣе важное значеніе по степени развитія положеній прежнихъ писателей о религіозной свободѣ, по оригинальности воз-

---

[1]) Самый лучшій родъ религіи—по мнѣнію Гельвеція—тотъ, который побуждалъ бы людей просвѣщаться, ибо безразсудство и преступленія почти всѣхъ людей есть послѣдствіе невѣжества. Невѣжество же народовъ—мать глупаго ханжества—есть ядъ, который, будучи подмѣшиваемъ химиками религіи, разливаетъ вокругъ трона смертельныя вѣянія суевѣрія; напротивъ, знанія философскія—это огонь чистый и святой, который удаляетъ отъ королей чумныя пары фанатизма. Helvétius, De l'homme, de ses facultés intellectuelles et des son éducation, Oeuvres cemplètes, т. III, 1781 г., стр. 315, 316, 328—334, 341—345; 368—370.

[2]) Pastoret, Des lois pénales, 1790 г., т. II, стр. 161—166.

зрѣній или наконецъ по широтѣ изслѣдованія религіозныхъ нарушеній представляютъ ученія слѣдующихъ авторовъ:

g) *Филанджіери*. Въ своей „Системѣ законодательства", вышедшей въ первый разъ въ 1780 году, Филанджіери, исходя изъ положенія, что законы, относящіеся къ истинной религіи, должны быть ироникнуты принципомъ защиты послѣдней, а касающіеся ложной религіи—принципомъ исправленія, предлагаетъ довольно обстоятельное разсужденіе о преступленіяхъ противъ религіи. Онъ ихъ раздѣляетъ на нѣсколько категорій, изъ коихъ заслуживаютъ указанія слѣдующія: 1) Безбожіе или атеизмъ—въ трехъ, согласно Платону, видахъ: a) отрицаніе бытія Божія; b) признаніе вмѣшательства его въ дѣла міра и c) вѣра въ возможность умилостивить Божество дарами. Пока человѣкъ, впадающій въ одинъ изъ этихъ видовъ безбожія, сохраняетъ уваженіе къ господствующему культу и не пытается пріобрѣсть послѣдователей своему заблужденію, онъ преступенъ предъ Богомъ, но не предъ закономъ, какъ гражданинъ. Послѣднее—во 1-хъ, потому, что онъ ничѣмъ не нарушилъ гражданскихъ обязанностей, установленныхъ общественнымъ договоромъ, и его преслѣдованіе есть видъ мести за Божество, которое въ послѣдней вовсе не нуждается, во 2-хъ—потому, что преслѣдованіе въ этомъ случаѣ не только безполезно, но приводитъ къ цѣлямъ противоположнымъ. Если среди зрителей найдется человѣкъ, который думаетъ точно также, какъ несчастный, котораго мучатъ, то развѣ онъ, спрошиваетъ Филанджіери, откажется въ силу этого отъ своихъ заблужденій. Крикъ этого несчастнаго, вмѣсто того чтобы убѣдить его разумъ въ заблужденіи, не ожесточитъ ли его сердца противъ закона, который смѣшиваетъ мнѣнія съ дѣйствіями, заблужденія съ преступленіями; не увеличатъ ли такимъ образомъ мученія несчастнаго враговъ Божества—вмѣсто того, чтобы пріобрѣсть ему новыхъ почитателей. Итакъ, безбожіе, по мысли Филанджіери, составляетъ преступленіе только тогда, когда виновный старается пріобрѣсть прозелитовъ или публично оскорбляетъ культъ Божества, и въ этомъ случаѣ должно быть разсматриваемо, какъ самое тяжкое изъ всѣхъ посягательствъ противъ

религіи, потому-что въ первой формѣ атеизма ниспровергается всякое понятіе Божества, во второй—то основаніе, безъ котораго вѣра въ бытіе Божіе совершенно безполезна, а въ третьей—религіозный культъ становится орудіемъ преступленія.

2) Святотатство или оскорбленіе лицъ и вещей, посвященныхъ Богу. Наказаніе святотатства, равное карамъ за убійство, по мнѣнію Филанджіери, верхъ неблагоразумія, ибо похищеніе священнаго сосуда не можетъ оскорбить Божество болѣе, чѣмъ убійство человѣка. Если бы было необходимо ограбить церкви всей земли, чтобы спасти несчастныхъ отъ голода, замѣчаетъ Филанджіери, то развѣ святость нашей морали не обязала бы насъ къ такому дѣйствію. При опредѣленіи наказаній святотатства, по мнѣнію автора, слѣдуетъ различать его виды и сообразно съ тѣмъ устанавливать кары. При посягательствахъ на вещи, посвященныя культу, необходимо войти въ обсужденіе того, входило ли оскверненіе вещей въ умыселъ виновнаго или только было послѣдствіемъ дѣянія; въ первомъ случаѣ наказаніе должно быть выше, чѣмъ во второмъ, но какое—авторъ умалчиваетъ; въ послѣднемъ же случаѣ оно не должно превышать каръ, положенныхъ за преступленія противъ имущества въ соединеніи съ церковными.

3) Лжеприсяга. Современные автору законы о лжеприсягѣ, по его мнѣнію, стараются разрушить одной рукой то, что другой создаютъ; они, злоупотребляя присягой, содѣйствуютъ тѣмъ совершенію преступленій, чтобы потомъ покарать ихъ жестокими наказаніями. Во времена свободы Рима цензорскія наказанія въ видѣ инфаміи были единственнымъ наказаніемъ лжеприсяги и нигдѣ, какъ тогда у Римлянъ, клятва не пользовалась большимъ значеніемъ, при чемъ клятвопреступленія были очень рѣдки; умѣренность, съ которой употребляли клятву, поддерживала силу этой святой санкціи, которая у насъ злоупотребленіемъ ослаблена. По справедливому мнѣнію Платона—слѣдуетъ требовать присягу только отъ тѣхъ, которымъ лжеприсяга не принесетъ пользы, при чемъ, въ случаѣ лжеприсяги, достаточно наказанія инфаміей, которая сдѣлаетъ больше, чѣмъ всѣ доселѣ практиковавшіяся наказанія.

4) Богохульство, подъ которымъ авторъ понимаетъ брань противъ Божества или другихъ предметовъ публичнаго богопочитанія. Въ виду того, что полная безнаказанность этого дѣянія обнаруживала бы равнодушіе къ нему со стороны законодателя, Филанджіери рекомендуетъ противъ него умѣренныя исправительныя наказанія [1]).

Въ этомъ ученіи для насъ важны, разумѣется, воззрѣнія автора на юридическое значенію не атеизма и даже не богохуленія, а святотатства и лжеприсяги. Едва ли не первому Филанджіери принадлежитъ честь ясной постановки взгляда на святотатство, совершаемое безъ намѣренія оскорбить культъ, какъ на преступленіе, въ которомъ важнѣе элементъ нарушенія имущественныхъ правъ, чѣмъ неприкосновенности религіи. По его мнѣнію, въ святотатствахъ этого рода уголовными мѣрами слѣдуетъ поражать лишь первый элементъ, а не второй; для послѣдняго же совершенно достаточно церковныхъ взысканій, таковыхъ какъ—лишеніе выгодъ религіи, права входа въ храмъ, исключеніе изъ общества вѣрныхъ и т. п. Еще болѣе оригинально воззрѣніе Филанджіери на лжеприсягу; частое требованіе послѣдней законами, по мнѣнію автора, не способствуетъ усиленію санкціи присяги, а ведетъ къ ея ослабленію; раціональная постановка вопроса о лжеприсягѣ, по его мнѣнію, предполагаетъ, во первыхъ, требованіе ея только отъ тѣхъ, коихъ интересъ не способенъ подвинуть на ложь, а во вторыхъ, замѣну тяжелыхъ уголовныхъ каръ инфаміей, которая гораздо дѣйствительнѣе послѣднихъ. Этотъ взглядъ не только былъ новъ для тогдашняго времени, но онъ сохраняетъ свою оригинальность и для нашего, ибо высказанныя Филанджіери положенія о лжеприсягѣ и доселѣ не проведены послѣдовательно въ кодексахъ.

---

[1]) Caietan Filangieri, System der Gesetzgebung, ubersetz. in 1788 г., кн. 1-я, стр. 352—353; кн. 3-я, стр. 339—365; см. также Oeuvres de C. Filangieri, traduites de l'Italien, accompagnées d'un commentaire par M. Benjamin Constant, Paris, 1822 г., т. I, 195; т. III, 173—185.

h) *Бриссо-де-Варвиль.* Въ своемъ сочиненіи „Теорія уголовныхъ законовъ“, вышедшемъ въ первый разъ въ 1781 году, Бриссо-де-Варвиль, исходя изъ мысли Вольтера, что преслѣдованіе чуждой религіи въ одной странѣ неминуемо вызоветъ тоже самое въ другихъ странахъ, энергически требуетъ вѣротерпимости различныхъ сектъ. Ересь, говоритъ онъ, не можетъ быть преступленіемъ противъ общества, ибо всѣ люди взаимно были бы еретиками и достойными наказанія. Только нарушеніе общественнаго порядка создаетъ понятіе преступленія; но какую же смуту, спрашиваетъ онъ, причиняетъ ересь и различіе мнѣній? Послѣднее не менѣе способствуетъ процвѣтанію и могуществу государства, примѣръ чего мы видимъ на С. А. Соединенныхъ штатахъ, какъ и единство вѣрованій. Если общественный порядокъ не подвергается нарушенію, то нѣтъ основанія запрещать свободу пропаганды религіозныхъ мнѣній, дебатовъ по поводу послѣднихъ и прозелетизмъ. Нельзя признавать за преступленіе, если кто думаетъ такъ, какъ понимаетъ вещи; великій интересъ государства состоитъ въ томъ, чтобы имѣть вѣрныхъ и хорошихъ гражданъ, но развѣ тѣ, которые слѣдуютъ мнѣніямъ, отдичнымъ отъ мнѣній короля или своего народа, не могутъ быть такими гражданами. Проповѣдуя вѣротерпимость, Бриссо-де-Варвиль исключаетъ отсюда слѣдующія дѣянія, которыя, по его мнѣнію, суть нарушеніе договора о послѣдней: публичное оскорбленіе вѣрованій другаго гражданина, нарушеніе церемоній культа и богохульство; какъ наказаніе за эти преступленія онъ рекомендуетъ кратковременное лишеніе свободы или денежный штрафъ.

Въ заключеніе, авторъ рѣшительно возстаетъ противъ причисленія къ преступленіямъ похищенія монахинь, которое, по его мнѣнію, есть не проступокъ, а актъ патріотизма, вырывающій полезныхъ гражданъ изъ той пропасти, какую представляютъ монастыри,—и противъ лишенія христіанскаго погребенія гражданъ не отлученныхъ законнымъ порядкомъ отъ церкви. Пока отлученіе не послѣдовало, гражданинъ вправѣ пользоваться своими привиллегіями, хотя бы онъ былъ деистъ или матеріалистъ, отказъ въ погребеніи, по мнѣнію Бриссо-де-Варвиль, есть граж-

данское преступленіе, которое законодатель долженъ преслѣдовать, ибо это—актъ теократической деспотіи, которую надо вырвать съ корнемъ [1]).

Повторяя положенія прежнихъ писателей, особенно Вольтера, о религіозныхъ преступленіяхъ, Бриссо-де-Варвиль вноситъ въ нихъ несомнѣнную новизну своими послѣдними воззрѣніями. Изъ нихъ первое, касающееся похищенія монахинь, при нѣкоторой крайности, не лишено было важнаго значенія для своего времени, какъ протестъ противъ возведенія этого дѣянія на степень тягчайшаго изъ святотатствъ, обложеннаго смертною казнью; что же касается втораго воззрѣнія автора, относящагося къ лишенію христіанскаго погребенія, то оно важно не только какъ протестъ противъ злоупотребленій въ этомъ отношеніи духовенства, но и по своей цѣлесообразности; по мнѣнію Бриссо-де-Варвиль, церковь не имѣетъ права отказывать въ этомъ христіанскомъ актѣ тому изъ своихъ сочленовъ, который законнымъ порядкомъ не отлученъ изъ ея среды; но разъ это случилось, за церковью нельзя не признать этого права.

і) *Глобигъ и Густеръ.* Въ своемъ сочиненіи, удостоенномъ преміи Бернскаго экономическаго общества, саксонскіе юристы, исходя изъ положенія, что религія есть необходимое условіе прочности государства и поддержанія въ немъ нравственности, отрицаютъ цѣлесообразность перемѣны господствующаго культа иначе, какъ по иниціативѣ верховной власти и при томъ съ согласія народа. Тѣмъ не менѣе, они предоставляютъ каждому отдѣльному гражданину свободу вѣрить согласно своимъ убѣжденіямъ и даже отдѣльнымъ сектамъ—собираться для спокойнаго отправленія культа. Какъ преступленіе они разсматриваютъ направленную противъ господствующей религіи пропаганду новаго культа, возбуж-

---

[1]) Brissot-de-Warwille, Théorie des loix criminelles, Paris, 1836 г., tome II, стр. 3—25. Нападая на преслѣдованіе ереси, Бриссо-де-Варвиль рекомендуетъ, подобно Гельвецію, направить его не противъ еретиковъ, а противъ ихъ гонителей, т. е. духовенства.

дающую одну часть населенія противъ другой, и рекомендуютъ противъ ней наказанія, равныя съ тѣми, которыя положены за лишеніе жизни регента, ибо государство въ обоихъ случаяхъ подвергается равной опасности. Что касается оскорбленій религіи словами или дѣйствіями во время богослуженія, то для нихъ достаточно меньшихъ наказаній, начиная отъ выставки къ позорному столбу, затѣмъ изгнанія—при болѣе тяжкихъ видахъ—и оканчивая вѣчнымъ изгнаніемъ при рецидивѣ. Простое же богохуленіе, не соединенное съ нарушеніемъ богослуженія, по мнѣнію авторовъ, не должно быть наказуемо, ибо въ этомъ случаѣ возникаютъ отношенія между человѣкомъ и Создателемъ, въ которыхъ наказаніе опредѣляется исключительно послѣднимъ; впрочемъ, открытое злонамѣренное богохульство, вызывающее публичный соблазнъ, заслуживаетъ, кромѣ общаго призрѣнія, удаленія виновнаго изъ общества. Равнымъ образомъ, не должны быть караемы разные способы выраженія религіозныхъ мнѣній, по скольку они не возбуждаютъ безпокойства въ государствѣ, какъ-то—ересь, апостазія и атеизмъ. Нарушенія же религіозныхъ обрядовъ послѣдователями даннаго культа слѣдуетъ карать лишь церковными цензурами, не свыше отлученія, при чемъ послѣднія должны оставаться внѣ всякаго вліянія на политическія права гражданина [1]).

При всѣхъ недостаткахъ ученія саксонскихъ юристовъ о преступленіяхъ противъ религіи, ставящаго на первомъ планѣ по степени наказуемости пропаганду новаго культа, угрожающую неприкосновенности господствующей религіи, оно не лишено важнаго значенія и оригинальности для своего времени не столько исключеніемъ изъ категоріи религіозныхъ нарушеній, не безусловнымъ однако, простаго богохуленія, не соединеннаго съ нарушеніемъ отправленій культа, сколько исключеніемъ отсюда атеизма,

---

[1]) Globig und Huster, Abhandlung von der Criminal-Gesetzgebung, Zürich, 1783 г., стр. 22—23; 252—256; см. также Hälschner, Geschichte des Brandenburgisch—Preüssischen Strafrechts Bonn, 1855, 1-я Theil, 219—220.

на что предъидущіе писатели не рѣшались. Атеизмъ, какъ способъ выраженія религіознаго мнѣнія, доколѣ онъ не нарушаетъ спокойствія государства, по мнѣнію Глобига и Густера, не долженъ входить въ сферу уголовнаго права точно также, какъ ересь и апостазія.

j) *Маратъ* (Marat). Признавая вмѣстѣ съ Монтескье преимущество для государства единой религіи и неизбѣжность терпимости, когда ихъ много, Маратъ доказывалъ, что какова бы ни была господствующая религія, она должна пріобрѣтать послѣдователей не принужденіемъ, а убѣжденіемъ и кротостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы каждому была предоставлена свобода мыслить и вѣровать, доколѣ онъ не посягаетъ на права другихъ. Къ такого рода посягательствамъ онъ относитъ прозелетизмъ сектаторовъ, профанаціи или богохульства, нарушеніе отправленій культа и похищеніе священныхъ вещей; первое дѣяніе, по его мнѣнію, должно быть караемо тюрьмой, второе, какъ актъ безумія, плодъ моментальнаго заблужденія, скоро вызывающій раскаяніе, непродолжительнымъ (до 8 дней) заключеніемъ въ смирительный домъ, третье, если оно заключалось только въ непристойностяхъ, каковы жесты, шумныя рѣчи, взрывы смѣха—мѣрами порицанія со стороны церкви или правительства, послѣднее, наконецъ, взысканіями, положенными за посягательство на чужую собственность, совершенное домашними. Но атеизмъ, по мнѣнію Марата, не долженъ быть преслѣдуемъ, ибо впадающій въ него скорѣе заслуживаетъ сожалѣнія, чѣмъ порицанія. Несчастные, восклицаетъ Маратъ, не суть ли они первая жертва своего ослѣпленія? Безъ утѣшенія въ этой жизни, они остаются безъ надежды и послѣ смерти; такъ-какъ они ничего не видятъ за гробомъ, то ужасная пропасть открывается подъ ихъ ногами и они гибнутъ безъ всякой надежды въ вѣчной тьмѣ [1]).

---

[1]) Marat, Plan de législation en matière criminelle, см. Brissot-de-Warville, Bibliothèque philosophique (1782—1785 гг.), т. V, стр. 242—247. Анонимъ извѣстнаго мрачнаго героя первой респуб-

Въ этихъ строкахъ не лишены важности три взгляда—на богохуленіе, какъ на плодъ заблужденія, временной вспышки, необдуманности, заслуживающій лишь незначительной кары, на похищеніе священныхъ вещей, какъ на преступленіе противъ собственности, а не религіи, и на атеизмъ, какъ на заблужденіе ума, заслуживающее скорѣе сожалѣнія, чѣмъ наказанія. Эти взгляды, правда, были высказаны раньше Марата, но не въ той мотивировкѣ, не въ томъ освѣщеніи, которое имъ сообщено послѣднимъ, освѣщеніи, не чуждомъ безъ сомнѣнія оригинальности.

Совершенно исключительно по своей оригинальности стоитъ ученіе Руссо объ отношеніи государства къ религіозной свободѣ, которое заслуживаетъ вниманія не потому, что оно представляетъ шагъ впередъ въ развитіи положеній прежнихъ писателей по этому вопросу, а по той практической роли, какую оно играло въ эпоху первой республики во Франціи или говоря иначе—какъ поучительный примѣръ тѣхъ печальныхъ послѣдствій, къ какимъ приводитъ нарушеніе принципа свободы совѣсти, хотя бы проповѣдуемое подъ знаменемъ гражданской свободы.

Отрѣшившись отъ прежнихъ ученій о религіозной свободѣ и замѣнивъ ихъ своимъ самостоятельнымъ построеніемъ, Руссо не только крайне съузилъ границы послѣдней, но вообще внесъ большую путаницу въ разрѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью. Отвергши всѣ тогда существовавшія формы этихъ отношеній, какъ несостоятельныя, а также не видя раціональныхъ условій для разрѣшенія даннаго вопроса въ самомъ христіанствѣ, какъ религіи чисто духовной, преслѣдующей исключительно внѣземные интересы и слѣд. совершенно равнодушной къ благу и процвѣтанію государства [1]), Руссо соз-

---

лики указанъ по Nypels'у, см. его Bibliothèque choisie du droit criminel, Paris, 1864 г., стр. 62.

[1]) Христіанство есть религія чисто духовная, говоритъ Руссо, занятая единственно дѣлами неба; отечество христіанина не отъ міра сего. Правда, онъ исполняетъ свой долгъ, но онъ несетъ его съ

даетъ особенную религію, религію гражданина или государственную съ весьма простыми немногочисленными догматами. Есть profession de foi чисто гражданское, говоритъ онъ, положенія котораго долженъ опредѣлить суверенъ, но не какъ догмы религіи, а какъ условія общественности, безъ которыхъ не возможно быть ни добрымъ гражданиномъ, ни вѣрнымъ подданнымъ. Не обязывая никого вѣрить, онъ можетъ изгонять изъ государства всякаго, кто этимъ положеніямъ не вѣритъ, но не какъ нечестиваго, а какъ антисоціальнаго, неспособнаго искренно любить законы, справедливость и жертвовать въ случаѣ нужды своей жизнью ради долга. Если кто послѣ признанія имъ публично сихъ догмъ ведетъ себя какъ невѣрующій, его слѣдуетъ покарать смертью: онъ совершаетъ самое большее изъ преступленій, онъ лжетъ предъ законами; догмы гражданской религіи должны быть просты, немногочисленны и точно указаны; бытіе могущественнаго Божества, разумнаго, благодѣтельнаго, предвидящаго, будущая жизнь, блаженство справедливыхъ, наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и религіозная терпимость—вотъ эти догмы; по поводу послѣдней надо замѣтить, что теперь нѣтъ болѣе исключительной національной религіи; должно терпѣть всѣхъ тѣхъ, кто терпитъ другихъ, на сколько ихъ догмы не противны обязанностямъ гражданина [1]).

полнымъ равнодушіемъ къ благу и къ дурнымъ послѣдствіямъ своихъ заботъ. Лишь только ему не въ чемъ себя упрекнуть, ему мало нужды до того, все ли хорошо или дурно идетъ здѣсь на землѣ. Если государство процвѣтаетъ, едва ли онъ рѣшится наслаждаться общественнымъ счастіемъ, ибо боится, чтобы не возгордиться славой отечества; если государство приходитъ въ упадокъ, онъ благословляетъ руку Божію, тяготѣющую надъ народомъ. Такимъ образомъ, христіанство вмѣсто привлеченія сердецъ гражданъ къ государству, ихъ отъ него отклоняетъ, какъ и отъ всего мірскаго; я не знаю, заключаетъ Руссо, ничего болѣе противнаго соціальному духу. Rousseau, Oeuvres complètes, Paris, 1829 г., т. V, Contrat social, стр. 157–160.

[1]) Rousseau, Contrat social, стр. 163—164. Ученіе Руссо о

Не трудно видѣть, что ученіе Руссо, проповѣдующее терпимость, въ сущности ее исключаетъ; тамъ нѣтъ мѣста вѣротерпимости, а тѣмъ болѣе свободѣ совѣсти, гдѣ власти предоставляется право изгонять изъ государства всѣхъ тѣхъ, кто не слѣдуетъ установленнымъ послѣднимъ догмамъ религіи. Это заключеніе подтвердила сама исторія; извѣстно, что послѣ революціи во Франціи съ утвержденіемъ государственной религіи по системѣ Руссо положеніе религіозной свободы было весьма печальное: директорія и конвентъ неутомимо и жестоко преслѣдовали всякаго, кто не хотѣлъ подчиниться положеніямъ вновь созданной государственной религіи.

Таково духовное наслѣдіе, которое оставилъ намъ 18 вѣкъ до революціи по интересующему насъ вопросу о свободѣ совѣсти. Несомнѣнная заслуга этого вѣка въ данной области, какъ уже было отчасти указано, заключается, во первыхъ, въ томъ, что писатели этого вѣка продолжали дальнѣйшую разработку общихъ принциповъ, установленныхъ въ 17 вѣкѣ, детальное изслѣдованіе вопроса объ отношеніи государства къ религіозной свободѣ вообще и къ религіознымъ нарушеніямъ въ частности, а также—въ томъ,

---

необходимости гражданской религіи было не безъ прецедентовъ въ исторіи. Пуффендорфъ задолго до Руссо разсматривалъ естественную религію, т. е. вѣру во единаго Бога-творца и правителя міра, какъ необходимое условіе права и прочнаго существованія государства, и требовалъ возведенія ея на степень религіи государственной; что же касается откровенныхъ религій, не исключая и христіанской, то онъ не считалъ ихъ необходимыми для естественнаго права. Блунчли, Исторія, 106, 107. Ученіе Руссо съ нѣкоторыми измѣненіями было повторено Бернарди, который также требуетъ установленія гражданской религіи, необходимой для поддержанія спокойствія государства, и рекомендуетъ за посягательства на первую, соединенныя съ нарушеніемъ послѣдняго, различныя наказанія, начиная отъ насмѣшки, денежныхъ штрафовъ и безчестія и оканчивая временной и вѣчной тюрьмой. M. Bernardi, Les discours sur la législation criminelle de France, см. Brissot-de-Warville, Bibliothèque philosophique, VIII, стр. 93—97.

что они популяризировали идею вѣротерпимости и своими рѣзкими и ѣдкими нападками на нетерпимость сломили ея силу и господство въ общественномъ сознаніи, поселивъ въ немъ требованіе противоположнаго начала, и такимъ образомъ проложили путь къ признанію этого послѣдняго въ законодательствахъ, къ очерку которыхъ мы и должны перейти.

Но прежде послѣдняго оглянемся назадъ и отмѣтимъ ту внутреннюю связь, которая существуетъ между переворотомъ воззрѣній на религіозную свободу и перемѣной во взглядѣ на истину, происшедшіе въ реформаціонномъ періодѣ: послѣдняя есть одна изъ коренныхъ причинъ перваго. Господствующая идея политической системы среднихъ вѣковъ—христіанства была та, что единство мнѣній и вѣрованій необходимо для безопасности государства: одна вѣра, одинъ законъ, одинъ государь—вотъ основное воззрѣніе прежнихъ законовѣдовъ и политиковъ. Это воззрѣніе было неразрывно связано съ взглядомъ на истину. Въ средніе вѣка послѣднюю понимали, какъ нѣчто открытое Богомъ и переданное церкви на сохраненіе; истина поэтому безусловна, такова теперь, какъ и прежде. Человѣку остается заглушить всѣ свои сомнѣнія и всецѣло подчиниться этой безусловной истинѣ, которая, какъ открытая свыше, есть для него законъ, абсолютное требованіе. Кто не подчиняется ей, тотъ не подчиняется велѣніямъ Божества, слѣдовательно есть нарушитель послѣднихъ, нарушитель закона, преступникъ; отсюда всѣ эти гоненія на ересь и на все, обнаруживавшее признаки несогласія съ ученіями церкви. Въ новые вѣка является иной взглядъ на истину: истина—учатъ—не есть нѣчто объективное, не есть законъ, предписываемый авторитетомъ нашему уму; она есть начало внутреннее, субъективное, существующее только въ той мѣрѣ, насколько онъ его принимаетъ; нельзя, говорятъ, требовать отъ человѣка признанія истины, которую умъ его отвергаетъ, ибо это признаніе невозможно; можно заставить человѣка повиноваться, но нельзя его заставить вѣрить; самый вопросъ о возможности этого достигнуть принужденіемъ, по выраженію Бентама, есть оскорбленіе здраваго смысла; принужденіе скорѣе укрѣпитъ человѣка въ его убѣжденіи, чѣмъ поколеблетъ. Изъ сознанія

несостоятельности принужденія, какъ средства прививки душѣ человѣка извѣстнаго вѣрованія, само собою вытекъ принципъ терпимости въ дѣлахъ вѣры: пришли къ убѣжденію, что нельзя никого заставить силою вѣрить, можно сожалѣть о томъ, кто ошибается, но нельзя его осуждать [1]).

II.

Первые законодательные вѣстники терпимости появились въ Европѣ, но они или были временными актами, скоро смѣнившимися прямо имъ противоположными, или же такими, которые недостаточны были для обезпеченія религіозной свободы [2]). Болѣе прочную законную санкцію послѣдняя впервые пріобрѣла на континентѣ новой части свѣта—С. Америки, въ одной изъ ея колоній, благодаря упорной энергіи извѣстнаго уже намъ Роджера Вильяма. Испытавъ на себѣ гнетъ религіозной нетерпимости сначала въ своемъ старомъ отечествѣ—Англіи, затѣмъ въ новомъ—въ С. Америкѣ, въ Салемѣ, откуда онъ, въ положеніи пастора, былъ изгнанъ за пропаганду свободы совѣсти, Роджеръ Вильямъ, послѣ продолжительныхъ скитаній по лѣсамъ, исполненныхъ холода и голода, вызванныхъ исканіемъ спасенія въ бѣгствѣ, прибылъ наконецъ на берега губы Нарра-

---

[1]) Лабуле, Свобода совѣсти въ 1787 г., см. XVIII Вѣкъ, Историческій, литературный и художественный сборникъ, изд. Ламанскаго, стр. 17—21; Бѣлогрицъ-Котляревскій, Два года на Западѣ съ ученою цѣлью, Судебная Газета 1884 г., № 17, стр. 7—8.

[2]) Такими вѣстниками можно считать законы, благопріятные религіозной свободѣ, которые появились сначала въ Польшѣ при королѣ Сигизмундѣ Августѣ (1548—1572 г.), предоставившемъ свободу культа всѣмъ диссидентамъ, и въ Германіи въ видѣ актовъ Аугсбурскаго и Вестфальскаго мира, затѣмъ въ Австріи при королѣ Максимиліанѣ II, даровавшемъ протестантамъ въ 1568 г. терпимость, и во Франціи при Генрихѣ IV въ видѣ извѣстнаго уже намъ Нантскаго эдикта. Paul Viollet, Précis, 297; Lelevel, Histoire de Pologne, 1844 г., т. I, § 139; Bluntschli, Geschichte, 27, 28.

ганзетъ (Narraganzettes), гдѣ и основалъ въ 1636 году колонію Providence, изъ которой онъ рѣшилъ сдѣлать убѣжище для всѣхъ родовъ совѣсти, и подписалъ съ колонистами договоръ, въ силу котораго они обязывались повиноваться всѣмъ рѣшеніямъ большинства жителей исключительно въ гражданскихъ дѣлахъ. Затѣмъ 15-го апрѣля 1663 года Вильяму удалось во время пребыванія его въ Англіи выхлопотать у короля Карла II для своей колоніи Providence, соединившейся потомъ съ колоніей Rhode-Island королевскую конституціонную хартію, гдѣ было сказано: „никто не долженъ на будущее время быть преслѣдуемъ и наказуемъ въ этой колоніи за различныя мнѣнія въ религіозныхъ вопросахъ, но каждый пользуется въ этомъ отношеніи полной свободой совѣсти и сужденія съ условіемъ только, чтобы онъ не злоупотреблялъ этой свободой въ нарушеніе свободы другихъ“ [1]).

Съ возникновеніемъ войны за независимость, заставившей подъ давленіемъ общаго несчастія разрозненные и враждебные элементы С. А. населенія забыть свои старые счеты и религіозныя распри, свобода религіозная сдѣлала успѣхи и въ нѣкоторыхъ другихъ колоніяхъ. Согласно петиціямъ пресвитеріанцевъ Ганноверскихъ, а также квакеровъ и баптистовъ, энергически поддержаннымъ извѣстнымъ политическимъ дѣятелемъ С. Америки, впослѣдствіи третьимъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ—Джефферсономъ, въ штатѣ Виргиніи 5 іюля 1776 г. вышелъ законъ, объявившій, что „религія или долгъ, которымъ мы обязаны Творцу, и способъ ея выраженія могутъ быть управляемы только разумомъ и убѣжденіемъ, а не силою и принужденіемъ, а потому всѣ люди имѣютъ равное право на свободное ея отправленіе по указанію совѣсти“ [2]). Одновременно съ дарованіемъ религіозной свободы за-

---

[1]) Astie, Histoire des États—Unis, т. I, стр. 335—339, 408; Baird, La religion aux États—Unis, т. I, стр. 214—215; Bluntschli, Geschichte des Rechts der religiosen Bekenntnissfreiheit, 1867 г., стр. 31—32.

[2]) Нѣсколько позже, а именно въ 1785 г., въ Виргиніи вышелъ новый, составленный Джефферсономъ актъ, признавшій полное от-

комъ Виргиніи или нѣсколько позже послѣдняя была признана въ большемъ или меньшемъ объемѣ и въ другихъ штатахъ С. Америки, а именно въ Нью-Джерси, въ Делаверѣ, въ Сѣверной Каролинѣ и Мариландѣ въ 1776 г., въ Георгіѣ, Нью-Іоркѣ въ 1777 г., въ Южной Каролинѣ въ 1778 г., въ Массачузетцѣ въ 1780 г. [1]). Черезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1787 г., общая конституція С. А. Соединенныхъ Штатовъ, въ видахъ распространенія политическихъ правъ и на католиковъ, не пользовавшихся ими въ нѣкоторыхъ штатахъ, провозгласила принципъ независимости политическихъ правъ отъ формы религіознаго исповѣданія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „никакое религіозное свидѣтельство не должно быть никогда требуемо для права занятія какой либо должности или положенія общественнаго довѣрія въ Соединенныхъ штатахъ“ [2]). Приведенное постановленіе конституціи 1787 г. представляетъ довольно ограниченную гарантію права свободы совѣсти: оно обезпечиваетъ неприкосновенность политическихъ правъ гражданина не смотря на его вѣроисповѣданіе, но не предрѣшаетъ общаго вопроса объ отношеніяхъ государства къ церкви. Этотъ пробѣлъ былъ замѣченъ представителями нѣкоторыхъ штатовъ и они потребовали поправки конституціи, въ которой ясно было бы выражено, что впредь закономъ не можетъ быть установлена никакая національная религія и что между сектами не можетъ быть допущено преимущество предъ закономъ. Поправка дѣйствительно была принята на конгрессѣ 1791 г. подъ предсѣдательствомъ Вашингтона и формулирована въ конституціи этого года въ слѣдующихъ сло-

---

дѣленіе церкви отъ государства. Этотъ актъ, по меткому выраженію его автора, прикрылъ тѣмъ же плащемъ іудея и язычника, христіанина и магометанина, индуса невѣрнаго, кто бы онъ ни былъ. Baird, La religion, I, 273, 276—279, 285; Лопухинъ, Римскій католицизмъ въ с. Америкѣ, 1881 г., 134.

[1]) Лопухинъ, Римскій католицизмъ, 134—137.

[2]) Лопухинъ, Римскій католицизмъ, стр. 141—142.

вахъ, провозгласившихъ впервые отдѣленіе церкви отъ государства общимъ принципомъ С. А. Штатовъ: „конгрессъ не долженъ издавать никакого закона касательно установленія религіи или запрещенія свободнаго ея отправленія [1]).

За С. А. Штатами въ дѣлѣ реформы законовъ о религіозной свободѣ непосредственно по времени слѣдуютъ европейскія государства, а именно: а) Англія. Здѣсь послѣ великой революціи въ 1689 г. вышелъ знаменитый актъ о терпимости Вильгельма и Маріи, который обезпечилъ протестантскимъ диссидентамъ терпимость [*]) подъ слѣдующими однако условіями: 1) принятіе присяги въ вѣрности и въ признаніи церковнаго верховенства короля, а вмѣстѣ съ симъ и подписаніе декларацiи противъ римской церкви; 2) присоединеніе къ какой либо конгрегаціи, снабженной свидѣтельствомъ отъ суда епископа или архидіакона и регистрированной въ этихъ судахъ или въ выѣздныхъ судахъ графства и 3) обезпеченіе свободнаго входа въ молитвенныя собранія, двери помѣщенія которыхъ должны были оставаться незапертыми [2]).

---

[1]) Эта формула продолжаетъ регулировать отношенія государства къ церкви въ С. А. Штатахъ и до сихъ поръ. Лопухинъ, Римскій католицизмъ, стр. 148—150; см. также Thomson, Kirche und Staat in den Vereinigten Staaten von America, Berlin, 1873 г., стр. 1, 2, 12, 13; Schubert, Die Verfassungsurkunden und Grundgesetze der Staaten Europa's, der Nordamericanischen Freistaaten und Brasiliens, 1848 г., B. I, Zusätze zur Verfassung der Vereinigten Staaten vom 1791 г., арт. 1.

[*]) Позже, со вступленіемъ на престолъ Ганноверскаго дома, протестантскіе диссиденты, кромѣ религіозной терпимости, пріобрѣли и многія политическія права; правда, акты of tes u of corporation не были отмѣнены, но диссиденты фактически допускались къ занятію большей части публичныхъ должностей вслѣдствіе ежегоднаго вотированія Indemnity Act'a, который раскрывалъ имъ доступъ къ послѣднимъ. Glasson, Histoire, V, 467; см. также Рудольфъ Гнейстъ, Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, переводъ съ нѣмец. подъ редакціею Венгерова, 1885 г. стр. 804.

[2]) Приведенный актъ былъ подтвержденъ королевой Анной въ

Почти черезъ сто лѣтъ послѣ приведеннаго акта религіозной терпимости, дарованной протестанскимъ диссидентамъ, статуты Георга III 1778 и 1791 г. распространили послѣднюю и на католиковъ, но также не безъ условій. Для пріобрѣтенія права пользованія таковою отъ католиковъ требовалась присяга въ вѣрности и въ признаніи церковнаго верховенства короля, а также отреченіе отъ свѣтской власти папы и отъ доктрины, что „принцы, отлученные послѣднимъ, могутъ быть законно низложены съ трона и поражены смертью". Католики, соглашавшіеся выполнить эти требованія, снабжались свидѣтельствомъ отъ королевскихъ или мѣстныхъ судовъ, которое обезпечивало ихъ отъ всякихъ преслѣдованій за исповѣданіе своей религіи; вмѣстѣ съ тѣмъ они пріобрѣтали и свободу богослуженія, если только опредѣленныя мѣста и органы послѣдняго были регистрированы въ судѣ и двери молитвенныхъ домовъ оставались открытыми въ часы отправленія культа. При всѣхъ этихъ правахъ, обезпечившихъ католикамъ терпимость, ихъ положеніе еще было далеко не только до равенства съ послѣдователями англиканской церкви, но и съ протестантскими диссидентами. Запрещено было пристраивать къ молитвеннымъ домамъ католиковъ колокольни или же снабжать ихъ колоколами; служители католической церкви лишены были права носить присвоенную имъ религіей одежду внѣ мѣстъ молитвенныхъ собраній или интимнаго круга своей семьи; право учить католики, записавшіе свое имя въ судѣ, правда пріобрѣли, но оно не было распространено на протестантскихъ дѣтей, а также на дотированные школы и университеты; всѣ ихъ религіозные ордена были воспрещены и всякія пожертвованія, вклады въ пользу школъ или коллегій съ католическимъ характеромъ объявлены ничтожными; наконецъ, политическія права католиковъ если и были расширены, то не особенно значительно: они по прежнему лишены были права за-

---

1712 г. Blackstone, Commentaires, V, 272, 273; Glasson, Histoire, V, 466.

сѣдать въ парламентѣ, въ Частномъ Совѣтѣ, быть присяжнымъ, опекуномъ протестантовъ, вообще нести многія публичныя должности; но право занятія свободными профессіями—адвоката, нотаріуса и т. п. за ними было обезпечено [1]).

b) Австрія. Актъ о терпимости (Toleranzact) Іосифа II, вышедшій въ 1781 г., вмѣстѣ съ декретами 1782 г. предоставилъ всѣмъ диссидентамъ, т. е. протестантамъ и греко-православнымъ, свободу частнаго отравленія богослуженія, т. е. въ частныхъ или общественныхъ домахъ, лишенныхъ внѣшняго вида публичныхъ храмовъ и колоколовъ; право же публичнаго отправленія культа было сохранено только за римско-католической церковью, точно также какъ и право прозелетизма; пропаганда диссидентовъ среди католиковъ была воспрещена подъ угрозой наказанія по общимъ политическимъ законамъ, т. е. за нарушеніе спокойствія государства. Пользованіе политическими правами, какъ-то—пріобрѣтеніе академическихъ званій и вступленіе въ гражданскую службу было дозволено диссидентамъ только въ видѣ изъятій, путемъ отдѣльныхъ разрѣшеній. Прекращеніе преслѣдованія сектъ, не принадлежащихъ къ господствующей церкви, было распространено и на послѣдователей еврейской вѣры, деизма и другихъ исповѣданій; но при этомъ было воспрещено объявлять себя на судѣ деистомъ или израилитомъ подъ угрозой наказанія 24 ударами палкой [2]).

c) Франція. Здѣсь послѣ Нантскаго эдикта религіозная терпимость была возвѣшена эдиктомъ 1787 г., утвержденнымъ коро-

---

[1]) Blackstone, Commentaires, V, стр. 281, прим. 1-е; см. также Glasson, Histoire, V, 463—465.

[2]) По тексту закона тѣлесное наказаніе назначается деисту не потому, что онъ деистъ, а потому, что онъ объявляетъ себя не тѣмъ, что онъ есть. Hofdecrete 30 іюня 1781 г., 28 августа 1781 г., 31 января 1782 г., Verordnung 26 апрѣля 1882 г., см. Handbuch aller unter der Regierung des Kaisers Joseph des II für die K. K. Erbländer ergangenen Gesetze, Band II; см. также Блунчли, Geschichte, стр. 34; Paul Violet, Précis, 298.

лемъ Людвигомъ XVI послѣ принятія его собраніемъ нотаблей; этотъ эдиктъ призналъ за не католиками право на гражданское существованіе: они пріобрѣли право жить во Франціи и заниматься ремеслами, а также свободными профессіями; имъ дозволено было гражданское вѣнчаніе, регистрація рожденій и погребеній; только публичное отправленіе культа, а также политическія права не были обезпечены [1]). Эти ограниченія были уничтожены декларацией правъ человѣка и гражданина 1789 г. и конституціей 1791 г.; первая въ 10 арт. провозгласила, что никто не долженъ быть преслѣдуемъ за свои мнѣнія, даже религіозныя, лишь бы только ихъ распространеніе не нарушало порядка, установленнаго закономъ; согласно положенію 6 арт. декларации о равенствѣ всѣхъ гражданъ предъ закономъ диссиденты должны были пріобрѣсть всѣ политическія права, въ томъ числѣ и свободный доступъ къ публичнымъ должностямъ [2]). Эти же положенія были повторены въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ конституціей 3 сентября 1791 г. [3]), которая, кромѣ того, провозгласила секуляризацію всѣхъ правоотношеній, имѣющихъ вліяніе на пріобрѣтеніе и пользованіе гражданскими правами, каковы бракъ, дѣло воспитанія, регистрація рожденій, дѣло погребенія. До революціи не было другихъ органовъ веденія актовъ гражданскаго состоянія, кромѣ священника, или лучше сказать—вмѣсто сихъ послѣднихъ актовъ были только акты крещенія, брачнаго благословенія, погребенія; актъ или гражданскій контрактъ исчезалъ въ таинствѣ. Со времени же первой революціи устанавливается требованіе, чтобы государство само-

---

[1]) Paul Viollet, Précis, 299—300; Geffcken, Staat und Kirche, 335, 336.

[2]) Эти права за некатоликами, въ томъ числѣ и за евреями, дѣйствительно были утверждены послѣдующими законами. La princesse de Lesignano, Les constitutions des tous les pays civilisés, Bruxelles, 1880 г.; см. также Du-Crocq, Cours de droit administratif, Paris, 1877, 5 édition, tome 1-й, 594, 595; Geffcken, Staat und Kirche, 339—340.

[3]) Paul Viollet, Précis, 300.

стоятельно регулировало всѣ эти акты, какъ имѣющіе вліяніе на пріобрѣтеніе и пользованіе гражданскими правами. Согласно съ симъ конституція 1791 г. возвѣщаетъ, что законъ разсматриваетъ бракъ только какъ контрактъ и поручаетъ законодательной власти установить для всѣхъ жителей безъ различія способъ, посредствомъ котораго рожденія, браки и смерти констатировались бы, а вмѣстѣ съ тѣмъ назначить публичныхъ чиновниковъ для веденія этихъ актовъ. Это положеніе конституціи 1791 г. въ связи съ послѣдующими законами республиканскаго правительства, изъ коихъ одинъ дозволяетъ церковное освященіе брака только послѣ заключенія его въ гражданской формѣ, а другой объявляетъ полную ничтожность церковныхъ актовъ, какъ средства удостовѣренія правосостоянія гражданъ, составляетъ своего рода эру въ исторіи отношеній европейскаго государства къ церкви, ибо оно впервые провозгласило гражданскую независимость послѣдняго, освобожденіе его отъ оковъ религіознаго строя [1]). Позднѣйшая конституція, а именно 5-го фруктидора 3 года республики, пошла еще далѣе въ разграниченіи сферъ государства и церкви: объявивъ, что республика не оплачиваетъ ни одного культа, и запретивъ принуждать гражданъ къ взносамъ на содержаніе послѣднихъ, она въ сущности провозгласила принципъ полнаго отдѣленія церкви отъ государства, принципъ, который до того времени былъ возвѣщенъ только въ нѣкоторыхъ штатахъ С. Америки [2]).

и b) Пруссія. Здѣсь религіозная свобода получила довольно прочныя гарантіи въ Прусскомъ Земскомъ Правѣ 1794 г., провозгласившемъ въ видѣ принципа, что понятіе жителей государства о Богѣ и божественныхъ предметахъ, вѣра и внутреннее

---

[1]) Du-Crocq, Cours de droit administratif, Paris, 1877 г., 5 édition, tome I, 596.

[2]) Sagnier, Code criminel de la république francaise, Paris, an VII de la république, Gonstitution, § 354, стр. 45; см. также Miron, De la séparation du spirituel et du temporel, Paris, 1866 г., 155.

богослуженіе не могутъ быть предметомъ принудительныхъ законовъ. Исходя изъ этого принципа, законодатель предоставляетъ всѣмъ жителямъ государства „полную свободу вѣры и совѣсти", т. е. свободный выборъ того или другаго культа, слѣдовательно свободный переходъ изъ одного въ другой, а также право образованія религіозныхъ собраній и богослуженія, которое, однако, не должно подвергать опастности общественное спокойствіе и порядокъ [1]). Законъ впервые вводитъ раздѣленіе религіозныхъ обществъ на публично признанныя и терпимыя; первыя пользуются правомъ публичнаго отправленія богослуженія и зданія ихъ называются церквями, которымъ предоставляются всѣ преимущества публичныхъ зданій; вторыя же—пользуются лишь правомъ частнаго отправленія культа въ зданіяхъ, лишенныхъ колоколовъ, при чемъ всякія публичныя торжества внѣ этихъ зданій для нихъ воспрещены. Но какъ тѣ, такъ и другія должны представить удостовѣреніе, что ихъ ученія не заключаютъ ничего противнаго почтенію къ Богу, повиновенію законамъ, вѣрности государству и правиламъ нравственности, послѣ чего только они и могутъ получить или публичное признаніе или только разрѣшеніе [2]). Въ общемъ Прусское Земское Право обезпечиваетъ свободу совѣсти и культа въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ это когда либо существовало въ нѣмецкихъ земляхъ и становится чѣмъ то въ родѣ Magna charta свободы вѣроисповѣданія для нѣмецкихъ націй [3]).

Параллельно съ приведенными общими реформаціонными положеніями въ области религіозной свободы идутъ благопріятныя реформы и въ уголовныхъ кадексахъ или законахъ въ соотвѣт-

---

[1]) Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten, Berlin 1832 г., 2 Theil, 11 Titel, §§ 1—9.

[2]) Allgemeines Landrecht, ibid, § 13—25.

[3]) Bluntschli, Geschichte, 34. Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, были установлены особымъ закономъ спеціальныя уголовныя мѣры съ цѣлію предупредить образованіе господствущаго или исключительнаго культа въ государствѣ. Sagnier, ibid, стр. 283—289.

ственныхъ отдѣлахъ. Починъ въ этомъ отношеніи изъ европейскихъ государствъ принадлежитъ а) *Англіи*, законодательство которой, впрочемъ, въ этомъ вопросѣ запечатлѣно рѣзкой непослѣдовательностью: прекращая религіозныя преслѣдованія противъ одной части диссидентовъ, оно въ тоже время иногда усиливало строгость уголовной репрессіи противъ другой части послѣднихъ. Тотъ же самый Вильгельмъ, который въ 1689 г. даровалъ протестантскимъ диссидентамъ при готовности ихъ соблюсти извѣстныя правила религіозную терпимость и изъялъ ихъ отъ всѣхъ наказаній, раньше объявленныхъ за неподчиненіе англиканской церкви [1]), актомъ 11 и 12 гг. своего царствованія объявилъ всякаго католика, который въ теченіе 6 мѣсяцевъ по достиженіи 18 лѣтъ не отречется отъ заблужденій своей религіи, не дастъ установленныхъ присягъ въ вѣрности и въ признаніи церковнаго верховенства короля, а также заявленія противъ преосуществленія, неспособнымъ къ владѣнію недвижимымъ имуществомъ и къ пріобрѣтенію его по наслѣдству или путемъ частныхъ сдѣлокъ; послѣднее переходило къ ближайшему родственнику католика протестанту, который пользовался имъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не отрекался отъ своихъ заблужденій [2]). Кромѣ того, актомъ тѣхъ же годовъ Вильгельмъ воспретилъ всѣмъ служителямъ католической религіи отправленіе богослужебныхъ дѣйствій или культа въ какихъ либо мѣстахъ Англіи, кромѣ помѣщеній пословъ, подъ угрозой вѣчнаго тюремнаго заключенія [3]). Оба эти акта были отмѣнены упомянутымъ статутомъ 1778 г., который уничтожилъ, во первыхъ, ограниченія имущественной правоспособности католиковъ, при соблюденіи, разумѣется, ими указанныхъ выше условіи, а во вторыхъ тѣ наказанія, которыя преслѣдовали священниковъ католической религіи; эта отмѣна была подтверждена статутомъ 1791 г.,

---

[1]) Blackstone, Commentaires, V, 272; Glasson, Histoire, V, 466.

[2]) Glasson, Histoire, V, 460; см. также Blackstone, Commentaires, V, 276, 281.

[3]) Blackstone, Commentaires, V, 279; Glasson, Histoire, V, 461.

еще болѣе расширившимъ право католиковъ [1]), который, между прочимъ, гарантировалъ неприкосновенность дозволенныхъ религіозныхъ собраній послѣднихъ опредѣленіемъ штрафа въ 20 фунтовъ стерл. тому, который посягнулъ бы на эту неприкосновенность причиненіемъ безпорядка [2]).

Независимо отъ уголовныхъ законовъ, спеціально направленныхъ противъ католиковъ, Вильгельмъ III въ 9 и 10 гг. своего царствованія опубликовалъ статутъ, направленный противъ всѣхъ вообще подданныхъ, которые бы позволили себѣ словесно или письменно отрицать истину христіанской религіи, божественный автирететъ св. Писанія или св. Троицу. Статутъ грозитъ виновнымъ въ первый разъ лишеніемъ права занимать какую либо публичную должность, а въ случаѣ рецидива—тюремнымъ заключеніемъ на три года, лишеніемъ права вчинать иски въ судахъ, быть опекуномъ, душеприкащикомъ, а также наслѣдовать имущество и даже вообще пріобрѣтать земли [3]). Всѣ эти наказанія назначаются статутомъ не безповоротно; онъ велитъ сложить ихъ съ виновнаго, если тотъ въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ послѣ перваго осужденія публично отречется на судѣ отъ своихъ заблужденій [4]).

Смягченіе уголовной репрессіи, проявившееся въ Англіи въ данный періодъ въ области ереси, распространилось и на нѣкоторыя другія преступленія противъ религіи. Сюда принадлежатъ: а) богохульство или, точнѣе, ненужная божба и клятва. Статутъ 19 г. царствованія Георга II, отмѣнивъ предшествующія постановленія по этому предмету, назначилъ за данное дѣяніе штрафъ въ 1 шиллингъ въ случаѣ совершенія его простолюдинымъ,

---

[1]) Blackstone, Commentaires, V, 281, 282, прим. 1-е; Glasson, Histoire, V, 463, 464.

[2]) Blackstone, Commentaires, V, 283. Протестантскимъ диссидентамъ эта гарантія неприкосновенности ихъ религіозныхъ собраній съ тою же уголовной санкціей была дарована еще Вильгельмомъ III въ первый годъ его царствованія. Blackstone, Commentaires, V, 274.

[3]) Blackstone, Commentaires, V, 258; Glasson, Histoire, V, 467.

[4]) Blackstone, ibid.

въ 2 шиллинга—при учиненіи его всякимъ лицомъ, стоящимъ однако ниже дворянскаго класса, и наконецъ, 5 шиллинговъ—при совершеніи его лицомъ сего послѣдняго класса; при первомъ рецидивѣ штрафъ удваивается, а при слѣдующихъ, независимо отъ взысканія судебныхъ издержекъ, долженъ быть второе выше того, который былъ опредѣленъ сначала; штрафъ предназначается въ пользу бѣдныхъ прихода и при несостоятельности виновнаго замѣняется десятидневнымъ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ. Статутъ управомочиваетъ каждаго мироваго судью опредѣлить положенный штрафъ, если онъ лично услышитъ богохульственное злорѣчіе, или же если въ томъ удостовѣритъ хотя бы одинъ свидѣтель, не исключая и констабля, которому предоставляется право ареста всякаго, кто произнесетъ подобное злорѣчіе, съ обязанностью представленія его суду, при чемъ законъ грозитъ судьѣ и констаблю штрафомъ за неисполненіе ими своей обязанности, первому—въ размѣрѣ 5 фунт. стерл., а второму въ размѣрѣ—40 шилл. [1]) в) Волшебство и вѣдовство. Статутъ 9-го года царствованія того же Георга II, отмѣнивъ прежніе законы противъ волшебниковъ, повелѣлъ, чтобы впредь никто не былъ преслѣдуемъ за волшебство, заклинаніе духовъ и магію [2]). Съ изданіемъ этого статута наказуемость волшебства, впрочемъ, не исчезла совершенно; предсказываніе будущаго, а равно открытіе уворованныхъ вещей путемъ практики тайныхъ искуствъ власть продолжала преслѣдовать и наказывать тюрьмой, а также выставкой у позорнаго столба, четыре раза возобновлявшейся [3]). с) Профанація субботы. Законы, вышедшіе въ данный періодъ въ области этого нарушенія, представляютъ колебаніе въ опредѣленіи степени уголовной репрессіи въ сравненіи съ предъидущими; одни ее смяг-

---

[1]) Blackstone, Commentaires, V, 287, 288.

[2]) Blackstone, Commentaires, V, 291. Однако, парламентскій статутъ Елизаветы для Ирландіи, грозящій смертною казнью за волшебство, приведеннымъ статутомъ Георга II не былъ отмѣненъ. Blackstone, ibid, прим. 2-е.

[3]) Blackstone, Commentairs, V, 291, 292.

чаютъ, другіе усиливаютъ. Вильгельмъ III дозволилъ въ воскресенье продажу нѣкоторыхъ сортовъ рыбъ (макрель) не только послѣ, но и прежда божественной службы, а также ѣзду и перевозъ на лодкахъ сорока судовщикамъ въ опредѣленномъ пространствѣ по рѣкѣ Темзѣ; Георгъ II разрѣшилъ сухопутный провозъ рыбы въ воскресенье съ тѣмъ однако, чтобы телѣги возвращались обратно порожними. Георгъ III, дозволивъ пекарямъ продажу готоваго хлѣба и зажаризаніе нѣкоторыхъ съѣстныхъ продуктовъ, имъ для этого присланныхъ, между 9 часами утра и часомъ по полудни, воспретилъ имъ всякую другую работу подъ угрозой штрафа въ 10 шилл.; тотъ-же Георгъ III, съ цѣлью искоренить недозволенный обычай, воспретилъ открывать въ воскресенья помѣщенія для публичныхъ увеселеній или дебатовъ по билетамъ или со взиманіемъ платы подъ угрозой штрафа въ 200 фун. съ хозяина, 100 съ президента или директора собранія, 50 съ кассира или распорядителя выдачей билетовъ, а также съ аффишера и типографщика [1]).

За Англіей въ дѣлѣ реформы уголовныхъ законовъ о преступленіяхъ противъ религіи непосредственно по времени слѣдуютъ:

в) *Австрія*. Уложеніе Іосифа II 1787 г. „Allgemeines Gesetz über Verbrechen und derselben Bestrafung“, излагая въ пятой главѣ „о преступленіяхъ, которыя ведутъ къ порчѣ нравовъ“ также и посягательства, направленныя противъ религіи, предусматриваетъ четыре рода послѣднихъ: 1) публичное богохульство, которое, по тексту закона, можетъ быть совершено какъ словомъ и письмомъ, такъ и дѣйствіемъ; дѣяніе разсматривается, какъ актъ безумія, а потому и повелѣвается содержать виновнаго въ домѣ умалишенныхъ, пока онъ не исправится. 2) Умышленное прерваніе богослуженія господствующей или терпимой церкви или вообще всякій публичный актъ неуваженія къ предметамъ, посвященнымъ богослуженію. Виновные въ такихъ

---

[1]) Blackstone, Commentaires, V, 296, 297.

дѣйствіяхъ угрожаются временнымъ тюремнымъ заключеніемъ, которое можетъ быть отягчено постомъ и наказаніемъ розгами, если поступокъ сопровождался большимъ соблазномъ [1]). 3) Склоненіе христіанина, хотя бы и неудавшееся, убѣжденіемъ или хитростью къ отпаденію отъ христіанскаго культа или же къ отрицанію всѣхъ религій; виновному назначается выставка къ позорному столбу и затѣмъ временное тюремное заключеніе [2]). 4) Распространеніе ереси или невѣрія среди общины, преданной господствующей религіи; виновный угрожается вѣчнымъ болѣе строгимъ тюремнымъ заключеніемъ, которое, по смыслу закона, распространяется и на акты покушенія, т. е. и на случай, когда пропаганда ереси не сопровождалась пріобрѣтеніемъ прозелитовъ [3]).

Такимъ образомъ, Австрійское уложеніе 1787 г. въ своихъ опредѣленіяхъ въ области религіозныхъ нарушеній совершенно отступаетъ отъ средневѣковой теологической точки зрѣнія; помѣщая послѣднія въ рубрикѣ преступленій, ведущихъ къ порчѣ нравовъ, оно тѣмъ самымъ старый взлядъ на религіозныя нарушенія, какъ на непосредственныя или посредственныя оскорбленія Божества, замѣняетъ другимъ, въ основаніе котораго лежитъ чисто полицейское соображеніе—объ опасности подобныхъ дѣяній для порядка и нравственности. Исходя изъ этого послѣдняго взляда, оно вовсе не считаетъ богохуленіе само-по-себѣ преступленіемъ; это, по мнѣнію законодателя, есть актъ безумія, сумасбродства, противъ котораго слѣдуетъ предпринимать такія же мѣры общественной безопасности, какія вообще практикуются противъ нарушающихъ порядокъ поступковъ сумасшед-

---

[1]) Allgemeines Gesetz, Wien, 1787 г., §§ 62, 63.

[2]) Тамъ-же, §§ 64, 66.

[3]) Тамъ-же, §§ 65, 66. Другія дѣйствія, прежде причислявшіяся къ категоріи религіозныхъ нарушеній, изъ 5-й главы исключены; изъ нихъ—лжеприсяга и святотатство заняли мѣсто въ особой рубрикѣ: «о преступленіяхъ, касающихся имущества и правъ». Allg. Gesetz, 1 Theil, 6 Kapitel, §§ 151, 160.

шихъ; точно также и лжеученія преслѣдуются законодателемъ не сами по себѣ, а какъдѣянія, способныя нарушить установившійся общественный строй. Само собою разумѣется, что подобная боязливо-полицейская точка зрѣнія, хотя и потрясала старую, неблагопріятную для религіозной свободы, но въ сущности не представляетъ значительнаго шага впередъ въ этомъ отношеніи, такъ-какъ не заключаетъ въ себѣ существенной гарантіи послѣдней [1]).

c) *Пруссія.* Болѣе обезпечивающими религіозную свободу представляются уголовныя опредѣленія религіозныхъ нарушеній Прусскаго Земскаго Права. Послѣднее въ главѣ „объ оскорбленіяхъ религіозныхъ обществъ" излагаетъ слѣдующіе виды послѣднихъ: 1) Оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ дозволенныхъ религіозныхъ обществъ; виновный угрожается тюрьмой или цухтгаузомъ отъ 4 недѣль до 6 мѣсяцевъ [2]). 2) Публичное прерваніе богослуженія или оскорбленіе въ это время словами или дѣйствіями общины или служителей культа; наказаніе за такое дѣйствіе—заключеніе отъ 3-хъ до 18 мѣсяцевъ въ цухтгаузъ или въ крѣпость, если оно было направлено противъ признаннаго культа, и заключеніе отъ 6 недѣль до 6 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ или цухтгаузѣ, если дѣяніе было направлено противъ терпимаго культа [3]). 3) Публичное грубое богохуленіе, причиняющее соблазнъ; наказаніе—тюрьма отъ 2-хъ до 6 мѣсяцевъ, сопровождаемая наставленіемъ въ обязанностяхъ и тяжести совершеннаго преступленія; при рецидивѣ наказаніе удваивается, при чемъ присоединяется испрошеніе у представителей общины прощенія за причиненный соблазнъ [4]). 4) Практика волшебства, о чемъ было уже сказано раньше [5]). 5) Основаніе секты, отвергающей почитаніе Бога,

---

[1]) Bar, Handbuch des deutschen Strafrechts, B. I, 160.

[2]) Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten, Berlin, 1817 г., 2 Theil. 20 Titel, Von den Verbrechen und deren Strafen, 6 Abschnitt, § 214.

[3]) Allgemeines Landrecht, §§ 215, 216.

[4]) Тамъ же, §§ 217—219.

[5]) См. стр. 161 этого сочиненія, прим. 1-е.

повиновеніе законамъ, вѣрность государству или же принципы морали; виновный, хотя бы его предпріятіе остановилось на покушеніи, т. е. не сопровождалось пріобрѣтеніемъ прозелитовъ, по закону подлежитъ наставленію какъ моральными средствами—убѣжденіемъ и обученіемъ, такъ и физическими—посредствомъ тѣлеснаго наказанія въ публичномъ учрежденіи, откуда онъ не долженъ быть выпущенъ раньше исправленія. Если же въ корнѣ преступленія лежитъ обманъ или личныя страсти, то наказаніе увеличивается: виновный, какъ мошенникъ, угрожается выставкой у позорнаго столба, заключеніемъ въ крѣпость или въ цухтгаузъ отъ одного года до 3 лѣтъ и затѣмъ—по освобожденіи оттуда—изгнаніемъ изъ той страны или провинціи, гдѣ онъ проповѣдывалъ свое ученіе; при рецидивѣ наказаніе подобнаго обманщика увеличивается до пожизненнаго заключенія въ крѣпость [1]). 6) Возбужденіе проповѣдями или другими публичными рѣчами ненависти или раздраженія среди дозволенныхъ религіозныхъ партій; наказаніе за такое дѣяніе, хотя бы оно и не сопровождалось соблазномъ, независимо отъ лишенія должности виновнаго,—заключеніе въ тюрьму или крѣпость отъ 4 недѣль до 6 мѣсяцевъ, смотря по степени вреда. 7) Возбужденіе подъ вліяніемъ религіозной ревности раздоровъ между супругами или родителями и дѣтьми разныхъ религій; виновный, послѣ предварительнаго судейскаго оставшагося безплоднымъ увѣщеванія, подвергается высылкѣ изъ мѣста совершенія проступка. [2])

---

[1]) Allg. Landrecht §§ 223—225.

[2]) Allg. Landrecht, § 228; см. также Berner, Die Strafgesetzgebung in Deutschland vom Jahre 1751 bis zur Gegenwart, 1867 г., стр. 41; Bar, Handbuch, I, 163, прим. 672-е. Другія дѣянія, прежде относившіяся къ области религіозныхъ нарушеній, заняли мѣсто въ другихъ отдѣлахъ; такъ, между прочимъ, лжеприсяга—въ отдѣлѣ «О повреждеціи имущества преступнымъ своекорыстіемъ и обманомъ» (§ 1405), святотатство, а также оскверненіе труповъ и гробницъ—въ отдѣлѣ «О поврежденіи имущества вообще и о похищеніи въ особенности» (§§ 1149—1156).

Разсматривая приведенныя постановленія Прусскаго Земскаго Права о религіозныхъ посягательствахъ, мы замѣчаемъ, что изучаемый памятникъ въ основаніе наказуемости послѣднихъ кладетъ два положенія, а именно идею оскорбленія отдѣльныхъ религіозныхъ общинъ, какъ непосредственнаго, такъ и посредственнаго—чрезъ посягательство на предметы ихъ культа, а также идею опасности или вреда извѣстныхъ противорелигіозныхъ дѣяній для общественнаго порядка. Для насъ особенно важно принятіе первой идеи, какъ раскрывающее слѣды вліянія гуманной философіи 18 в.; уже не одни только соображенія узкаго государственнаго интереса руководятъ законодателемъ, какъ это было раньше; послѣдній начинаетъ брать во вниманіе и интересы отдѣльныхъ лицъ или хотя бы корпорацій. Этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, объясняются слѣдующія несомнѣнныя преимущества положеній по изучаемому вопросу Прусскаго Земскаго права сравнительно съ Австрійскимъ Уложеніемъ 1787 г. а) Не всякое богохуленіе признается преступленіемъ, а лишь такое, которое, во первыхъ, совершено публично, а во вторыхъ, сопровождалось соблазномъ; Австрійское Уложеніе 1787 г. этого послѣдняго условія не требуетъ, и хотя не объявляетъ богохульство преступленіемъ, но не оставляетъ виновнаго въ немъ на свободѣ, опредѣляя ему заключеніе въ домѣ умалишенныхъ, кототорое при неопредѣленности срока и при тогдашней организаціи названныхъ домовъ едва ли не было значительно строже наказанія, назначаемаго Прусскимъ Земскимъ Правомъ. в) Послѣднее запрещаетъ распространеніе, хотя бы и среди общины, преданной господствующему культу, не всякаго еретическаго ученія, какъ это мы видимъ въ Австрійскомъ Уложеніи, а лишь такого, которое отвергаетъ почитаніе Бога, повиновеніе законамъ, вѣрность государству или принципы морали. с) Въ видахъ охраненія религіознаго мира Прусское Земское Право запрещаетъ всѣмъ вообще, значитъ и послѣдователямъ господствующаго культа, возбужденіе въ проповѣдяхъ или въ публичныхъ рѣчахъ ненависти или раздраженія среди дозволенныхъ религіозныхъ партій; мало того—оно воспрещаетъ возбужденіе по мотивамъ религіи тѣхъ же исклю-

чающихъ миръ чувствъ и въ тѣсномъ кружкѣ семьи, слѣдовательно старается обезпечить и семейный миръ. Эти два положенія, представляющія несомнѣнный шагъ впередъ въ дѣлѣ огражденія интересовъ личности, совершенно чужды Австрійскому Уложенію. d) Въ самой системѣ наказаній замѣчается значительное смягченіе: пожизненное лишеніе свободы, назначаемое въ Австрійскомъ Уложеніи за распространеніе ереси даже въ случаѣ первой вины, въ Прусскомъ Земскомъ Правѣ опредѣляется только при рецидивѣ; при первой же винѣ въ видѣ средствъ борьбы рекомендуется прежде всего моральное воздѣйствіе—убѣжденіе, которое только при его безуспѣшности должно быть замѣнено физическимъ.

d) *Франція*. Вопреки стремленіямъ духовенства, ясно обнаружившимся предъ революціей 1789 г., достигнуть въ интересахъ возвышанія религіи и общественной морали усиленія уголовной репрессіи за религіозныя нарушенія [1]), уголовный кодексъ 25 сентября 1791 г., предъусматривая почти всѣ важнѣйшія преступленія, о посягательствахъ противъ религіи совершенно умалчиваетъ [2]). Этотъ пробѣлъ восполняетъ законъ 7 вандеміера 4-го года республики „Объ отправленіи и внѣшней полиціи культовъ", въ которомъ Національный Конвентъ, приведя основныя положенія конституціи 5 фруктидора 3-го года республики, относящіяся къ культамъ [3]), указываетъ въ введеніи на необходимость установленія уголовной санкціи въ обезпеченіе этихъ положеній [4]). Въ этомъ законѣ рядомъ съ самыми либеральными

---

[1]) Albert Desjardins, Les cahiers des États—Généraux en 1789 et la législation criminelle, Paris, 1883 г., 81—94

[2]) Sagnier, Code criminel de la républque francaise, 2 édition, Paris, an VII, стр. 217—252.

[3]) Нами уже было указано содержаніе этихъ положеній, кромѣ слѣдующаго: «Запрещается препятствовать кому бы то ни было исповѣдывать согласно законамъ культъ, который онъ избралъ». Acte constitutionnel, § 354; см. Sagnier, ibid, стр. 45, 283.

[4]) Sagnier, ibid, стр. 283, La loi sur l'exercice et la police extérieure des cultes.

постановленіями, направленными къ гарантіи религіозной свободы, встрѣчаются и положенія противоположнаго рода, вызванныя деспотическими стремленіями тогдашняго правительства. Вотъ въ сжатомъ очеркѣ преступленія, которыя предъусматриваетъ изучаемый законъ: 1) Профанированіе предметовъ какого либо культа въ мѣстахъ, назначенныхъ для его отправленія; оскорбленіе служителей послѣдняго при исполненіи ими своихъ обязанностей, а также нарушеніе причиненіемъ публичнаго безпорядка религіозныхъ церемоній какого либо культа; виновный угрожается штрафомъ отъ 50 до 500 франковъ и тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до 2 лѣтъ [1]). 2) Принужденіе насиліемъ, оскорбленіями или угрозами кого бы то нибыло къ прославленію религіозныхъ праздниковъ, къ соблюденію того или другаго дня отдыха или воспрепятствованіе ихъ прославлять или соблюдать: наказаніе—тоже самое, которое положено за первое правонарушеніе [2]). 3) Отправленіе обязанностей служителя какого либо культа безъ принесенія предварительной присяги предъ муниципальной администраціей въ признаніи республики и въ подчиненіи ея закономъ; виновные угрожаются въ первый разъ штрафомъ въ 500 франковъ и тюремнымъ заключеніемъ отъ 3 мѣсяцевъ до года, а при рецидивѣ—10 лѣтнимъ строгимъ заключеніемъ [3]). 4) Принужденіе угрозами или оскорбленіями кого либо участвовать въ издержкахъ культа или же подстрекательство къ тому; виновные, хотя бы принужденіе и не удалось, угрожаются штрафомъ отъ 50 до 500 франковъ; при осложненіи же дѣянія насиліемъ наказаніе должно быть назначено по уголовному кодексу, а при недостаткѣ опредѣленій послѣд-

---

[1]) Sagnier, ibid, 284, La loi sur l'exercice des cultes, § 2.

[2]) Sagnier, ibid, 285, La loi des cultes, § 3.

[3]) Тѣже изъ служителей культа, которые послѣ дачи присяги отрекутся отъ нея или заявятъ протестъ или ограниченія, подлежатъ вѣчному изгнанію изъ республики, а при возвращеніи изъ изгнанія—подвергаются вѣчному строгому заключенію. Sagnier, ibid, 285, 286, La loi des cultes, §§ 5—8.

няго по этому поводу полагается тюрьма отъ 6 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ и штрафъ отъ 100 до 500 франковъ [1]). 5) Выставленіе особенныхъ знаковъ культа въ какихъ либо мѣстахъ, кромѣ назначенныхъ для отправленія послѣдняго или внутренней части приватныхъ домовъ; наказаніе—тюрьма отъ 100 до 500 франтовъ [2]). 6) Совершеніе церемоній культа внѣ окружности зданій, дозволенныхъ для его отправленія, или частныхъ домовъ, если только кромѣ лицъ, тамъ живущихъ, собраніе по случаю церемоній культа въ послѣднихъ не превышаетъ 10 персонъ. Виновные въ нарушеніи этого положенія угрожаются штрафомъ отъ 100 до 500 фран. и тюрьмой отъ одного мѣсяца до 2 лѣтъ; въ случаѣ рецидива служители культа подлежатъ 10 лѣтнему строгому тюремному заключенію; приведенное наказаніе распространяется и на простые факты неисполненія формальностей, установленныхъ для испрошенія разрѣшенія о мѣстахъ отправленій

---

[1]) Sagnier, Code criminel, стр. 287, La loi de cultes, § 12. Это постановленіе преслѣдуетъ задачу обезпеченія тѣхъ положеній конституціи 3 года республики, которыя запрещаютъ обязательные взносы въ пользу культовъ или, какъ объясняютъ редакторы въ мотивахъ закона, направлено къ предупрежденію образованія исключительнаго или государственнаго культа разными практикуемыми средствами, въ числѣ которыхъ обязательныя издержки въ пользу культа играютъ самую важную роль. Въ видахъ подобнаго предупрежденія законъ устанавливаетъ въ началѣ своихъ положеній о сихъ послѣднихъ два запрещенія, не соединяя впрочемъ ихъ съ непосредственной уголовной санкціей, а именно—а) пріобрѣтенія или найма общинами на колективное имя помѣщеній для отправленій культа и в) назначенія пожизненнаго или вѣчнаго вклада въ пользу культа, равно и установленія какихъ либо таксъ на покрытіе издержекъ послѣдняго или для оплаты помѣщеній служителей культа. Всѣ акты или договоры, составленные въ нарушеніе этихъ запрещеній, законъ объявляетъ ничтожными и грозитъ чиновникамъ за утвержденіе подобныхъ актовъ тюрмою отъ одного до 6 мѣсяцевъ и штрафомъ въ 500 фран. Sangier, ibid, 286, La loi des cultes, § 9—11.

[2]) Sagnier, Code criminel, 287, La loi des cultes, § 13—15.

культа [1]). 7) Публичное ношеніе одежды или украшеній, предназначенныхъ для религіозныхъ церемоній или вообще для служителей культа; наказаніе-тоже самое, которое назначено за предъидущее нарушеніе [2]). 8) Требованіе чиновниками, обязанными вести акты гражданскаго состоянія, удостовѣренія отъ гражданъ въ исполненіи ими религіозныхъ церемоній, всякое приписаніе со стороны органовъ власти юридическаго значенія удостовѣреніямъ служителей культа въ отношеніи подобныхъ актовъ, а также одинъ фактъ представленія кѣмъ либо въ присутственныя мѣста подобнаго удостовѣренія; наказаніе—тоже, которое назначено за два послѣднія нарушенія [3]). 9) Оглашеніе или распространеніе внѣ окружности зданія, предназначеннаго для отправленій культа, писемъ отъ имени органовъ культа, не находящихся въ республикѣ или делегатовъ послѣднихъ; наказаніе—тюрьма въ 6 мѣсяцевъ, а при рецидивѣ въ 2 года [4]). 10) Воззваніе въ рѣчахъ или письмахъ въ какихъ бы то ни было мѣстахъ со стороны служителей культа къ нарушенію неприкосновенности новаго республиканскаго строя, къ измѣнѣ, къ возстанію противъ установленныхъ властей, къ совершенію убійствъ, къ оставленію знаменъ республики, къ срубкѣ деревьевъ, посвященныхъ свободѣ, а также къ снятію или надругательству надъ національными знаками; наказаніе—вѣчное строгое заключеніе, которое распространяется и на послѣднія два дѣянія [5]). 11) На-

---

[1]) Sagnier, Code criminel, 288, Lu loi des cultes, §§ 16—18.

[2]) Sagnier, ibid, стр. 288, § 19.

[3]) Sagnier, Code criminel, 288, §§ 20—21. Какъ приведеннное положеніе, такъ и тѣ, которыя означены въ 5—7 пунктахъ, мотивированы редакторами закона тѣмъ же стремленіемъ предъупредить образованіе господствующаго или исключительнаго культа. Sagnier, ibid, 284, 286.

[4]) Sangier, Code criminel, 289, § 22.

[5]) Sagnier, ibid. стр. 289—290. Гораздо меньшее однако наказаніе, а именно штрафъ въ 1000 фран. и двухлѣтняя тюрьма, назначается за пропаганду несправедливости или преступности продажи

рушеніе со стороны органовъ одного культа или ихъ послѣдователей права общаго пользованія зданіями, принадлежащими имъ совмѣстно съ послѣдователями другаго культа; наказаніе—штрафъ въ 50 франковъ и тюрьма отъ 2 до 6 мѣсяцевъ [1]). 12) Созывъ служителями культа или кѣмъ бы то нибыло посредствомъ звона въ колокола или другимъ подобнымъ образомъ публичныхъ собраній для отправленій культа; наказаніе за это правонарушеніе—по закону 22 жерминаля 4 года республики, предъусматривающему послѣднее—тюрьма отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, а при рецидивѣ—годичная; если же въ собраніи послѣдуетъ еще отправленіе обрядовъ культа, то виновные органы послѣдняго подвергаются заключеніе въ тюрьмѣ на годъ, а при рецидивѣ депортаціи [2]).

Изложенныя постановленія французскаго правительства первой республики о преступленіяхъ противъ религіи, если оставить въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, которыя вызваны борьбою страстей и деспотическими стремленіями послѣдняго, представляютъ чрезвычайно важное принципіальное значеніе. Въ нихъ идея богохуленія, какъ оскорбленія Божества, совершенно устранена и на мѣсто ея выдвинута идея нарушенія права свободнаго исповѣданія и отправленія всѣхъ культовъ, при чемъ это послѣдняя простирается до того, что запрещается не только частнымъ лицамъ, но и органамъ власти препятствовать или принуждать кого либо прославлять религіозные праздники или соблюдать дни отдыха, а также хотя бы психически принуждать участвовать въ издержкахъ культа. Правда, религіозная свобода, провозглашенная въ столь широкихъ границахъ въ однихъ положеніяхъ закона, въ другихъ совершенно нарушается, и фактически это нарушеніе иногда переходило въ жестокое религіозное преслѣдованіе нѣкоторыхъ су-

---

или пріобрѣтенія національнаго имущества, коимъ прежде владѣло духовенство или эмигранты Sagnier, ibid, 290, § 24.

[1]) Sagnier, Code criminel, 290, § 250.

[2]) Sagnier, ibid, 299—300.

ществующихъ культовъ [1]), но всѣ эти уклоненія или фактическія искаженія основнаго принципа не колеблютъ его высоты. Самая идея свободнаго исповѣданія и отправленія культа въ предѣлахъ ненарушимости общественнаго порядка, возведенная на степень права человѣческой личности, сохраняетъ всю свою принципіальную важность не только для того, но и для послѣдующаго времени: она легла въ основу законоположеній по данному вопросу уголовнаго кодекса Наполеона, законоположеній, несомнѣнно самыхъ свободныхъ по своему времени.

---

[1]) Geffcken, Staat und Kirche, 345—348; см. также Miron, De la séparation du spirituel et du temporel, Paris, 1866 г., 157.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Преступленія противъ религіи въ дѣйствующемъ правѣ.

I.

ОБЩІЯ ПОЛОЖЕНІЯ.

Каковъ бы ни былъ первоначальный источникъ возникновенія религіозной мысли въ людяхъ, сознаніе ли человѣкомъ своей неспособности познать дѣйствіе и происхожденіе могущественныхъ силъ природы, чувство ли слабости и страха предъ грозными ихъ проявленіями и т. п. [1]), безспоренъ фактъ существованія у всѣхъ народовъ, на какихъ бы стадіяхъ культуры они не стояли, религіозныхъ вѣрованій, въ своемъ внѣшнемъ проявленіи неизбѣжно переходящихъ въ культъ [2]). Уже одного этого факта было бы достаточно для признанія права на свободу какъ первыхъ, такъ и втораго; но не трудно было, разумѣется, отыскать и чисто философскія основанія къ оправданію этого права. Послѣ изложенныхъ ученій великихъ писателей и философовъ, почти исчерпав-

---

[1]) Mohl, Politik, Monographien, Tübingen, 1862, 1 Band, 172—174; Portalis, La liberté de conscience, Paris, 1846, стр. 3, 4; по мнѣнію перваго, соединеніе людей въ религіозныя общества и вѣра ихъ въ опредѣленныя религіозныя ученія, выдаваемыя за положительную истину, суть продуктъ страха, вызваннаго неизвѣстными высшими силами, дѣйствіе которыхъ непреодолимо; по мнѣнію же втораго, насколько мы его понимаемъ, религіозная мысль есть продуктъ внутренняго агента—совѣсти; внѣшнія же причины, въ томъ числѣ и страхъ, могли имѣть вліяніе лишь на возникновеніе культа.

[2]) Тэйлоръ, Первобытная культура, переводъ съ англійскаго Коропчевскаго, 1872 г., ч. II, стр. 1—8; 404—406 и слѣд.; Mohl, Politik, 172—173.

шихъ эти основанія, мы позволимъ себѣ сказать только нѣсколько словъ. Религіозныя вѣрованія, которыми человѣкъ пытается объяснить или самостоятельно или на основаніи готовыхъ ученій положеніе своего я среди мірозданія и опредѣлить отношеніе къ себѣ подобнымъ, суть ничто иное, какъ одна изъ формъ человѣческой мысли вообще, подобно философскимъ ученіямъ или доктринамъ, и притомъ важнѣйшая, такъ-какъ они, во первыхъ, составляютъ достояніе массъ, между тѣмъ какъ послѣднія лишь отдѣльныхъ личностей, и, во вторыхъ, служатъ основаніемъ морали этихъ массъ [1]), ея догматической санкціей. Право на свободу религіозной мысли, такимъ образомъ, есть естественное послѣдствіе права на свободу человѣческой мысли вообще. Изъ права же на свободу религіозной мысли само собою вытекаетъ и право на разныя формы ея внѣшняго выраженія, ибо послѣднее лежитъ въ природѣ человѣка. Но внѣшнее выраженіе религіозной мысли предполагаетъ не одно только сообщеніе ея другимъ; у большинства людей оно переходитъ въ особое чувство, которое, подобно чувству вообще къ особенно чтимымъ существамъ, нуждается въ матеріальныхъ актахъ своего выраженія, въ тѣхъ или другихъ жестахъ или тѣлодвиженіяхъ, ко-

[1]) Отдѣльная самостоятельность, справедливо говоритъ Моль, въ области религіознаго міровоззрѣнія и связанной съ послѣднимъ дѣятельности конечно возможна, но только для сильныхъ умомъ и мыслью людей; для массы же во всѣ времена церкви и догмы суть прежде всего необходимость, а потомъ обязанность. Mohl, Politik, 173. Огромное большинство людей, говоритъ Geffcken, само по себѣ безъ готовой религіи никогда не достигнетъ нравственной твердости характера; исторія неопровержимо показываетъ ничтожность предпріятія религію для народа замѣнить философіей и абстрактной моралью; примѣръ отдѣльныхъ личностей, которыя съ религіозными вѣрованіями покончили и ведутъ себя нравственно, ничего не доказываетъ, ибо они всетаки, хотя безсознательно, стоятъ на почвѣ культуры своего народа, пропитанной религіозными элементами. Geffcken, Staat und Kirche, 6, 7. Общество нуждается въ религіи, говоритъ Royer—Collard, потому что оно нуждается въ морали, а мораль получаетъ положительную и догматическую санкцію только въ религіи. M. de Barante, La vie politique de M. Rayer—Collard, ses discours et ses écrits, Paris. 1863 г. т. 2, стр, 244; см. так-

торыми человѣкъ выражаетъ свое почитаніе обоготворяемыхъ предметовъ. Отсюда истекаетъ право человѣка на внѣшнія религіозныя дѣйствія, совершаемыя какъ единолично, такъ и коллективно, совокупность которыхъ называется культомъ [1]).

Вообще, право религіозной свободы слагается изъ слѣдующихъ трехъ кардинальныхъ правъ [2]):

же предисловіе Лабуле, стр. XI, XII, къ соч. Emile Jonveaux, Amerique actuelle, Paris, 1869 г.; Тэйлоръ, Первобытная культура, ч. II, 403.

[1]) Для большей части людей, говоритъ Chassan, культъ есть самая религіозная мысль; если религіозная мысль священна, то и культъ, который есть ея внѣшнее выраженіе, долженъ быть также священенъ; если одна свободна, то и другой; если мысль религіозная имѣетъ право на протекцію правительства, то и культъ имѣетъ тоже право, ибо онъ есть ничто иное, какъ матеріальное выраженіе религіознаго чувства. Chassan, Traité des delits et contraventions de la parole, Paris, 1846, т. I, 289; см. также Nachet, De la liberté religieuse en France, Paris, 1846 г., 380; Portalis, La liberté de conscience, 4, 7, 9.

[2]) *Литература.* Bluntschli, Geschichte des Rechts der religiosen Bekenntnissfreiheit; его же, Über das Verhältniss des modernen Staates zur Religion; Geffcken, Staat und Kirche; Маасенъ, Девять главъ; Thomson, Kirche und Staat in den Vereinigten Staaten von America; Karl Gareis und Philipp Zorn, Staat und Kirche in der Schweiz, 1877 г.; Fridrich Thudichum, Deutsches Kirchenrecht des neunzehnten Jahrhunderts, Leipzig, 1877 г.; Ed. Laboulay, La liberté religieuse, 4 édition, Paris, 1869 г.; Nachet, De la liberté religieuse en France; Vinet, La liberté des cultes, 2 édition, Paris, 1852; Du Crocq, Cours; A. Franck, Philosophie du droit ecclésiastique, Paris, 1864; Jules Simon, La liberté de conscience, Paris, 1872; Miron, De la séparation du spirituel et du temporel; Story, Droit public des États-Unis d'Amerique, traduit de l'anglais par Paul Odent, 1846 г., т. II; Baird, La religion aux États-Unis; Astie, Histoire des États-Unis; Chassan, Traité; Mohl, Politik; Portalis, La Liberté de consciense; Philipp Zorn, Die wichtigsten neueren Kirchenstaatsrechtlichen Gesetze Deutschlands, Oesterreich, der Schweiz und Italiens, 1867 г.; Спасовичъ, О преступленіяхъ противъ религіи, Протоколы угол. отдѣленія С.-П. Юрид. Общ. за 1881 г., т. III, стр. 9—19.

1) Право свободы совѣсти или свободы выражать свои убѣжденія въ области религіи частно или публично, а слѣдовательно и въ формѣ пропаганды или прозелитизма. Право это простирается далеко за предѣлы одной свободы вѣры или свободы внутренняго убѣжденія человѣка; эта свобода обезпечена самой человѣческой природой; какъ достояніе внутренней жизни человѣка, развивающейся въ недосягаемыхъ глубинахъ его духа, религіозное убѣжденіе субъекта, пока оно не проявляется во внѣшнихъ актахъ, не доступно ни для какого непосредственнаго воздѣйствія или принужденія, а потому, строго говоря, и не нуждается въ правовой защитѣ [1]). Право свободы совѣсти, такимъ образомъ, имѣетъ своимъ предметомъ лишь внѣшніе акты выраженія человѣкомъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, въ формѣ ли слова, письма, печати или изображеній; оно предполагаетъ не только свободу сообщенія человѣкомъ себѣ подобнымъ частнымъ или публичнымъ образомъ тѣхъ религіозныхъ убѣжденій, которыя онъ исповѣдуетъ, но и свободу изслѣдованія, критики, отрицанія мнѣній, съ нимъ несогласныхъ, дебатовъ по поводу послѣднихъ, равно какъ и выраженія мнѣній, враждебныхъ религіи. Свобода совѣсти для защитниковъ послѣдней eo ipso предполагаетъ свободу совѣсти и для ея противниковъ: принципъ свободы совѣсти одинаково нарушается не только тогда, когда кого либо принуждаютъ исповѣдывать опредѣленную религію, но и тогда, когда его принуждаютъ исповѣдывать какую либо изъ нихъ; свободный мыслитель, будь это деистъ или атеистъ, имѣетъ такое же право изслѣдованія и критики въ области откровенныхъ религій, какъ и послѣдователи таковыхъ—въ области ученій или системъ, или совершенно отвергающихъ всякую религію, или создающихъ на мѣстѣ откровенной религіи чисто умозрительную или такъ называемую естественную. Лучшее средство борьбы съ заблужденіями послѣднихъ—не запрещеніе имъ высказывать свои

---

[1]) Bluntschli, Geschichte des Rechts der religiosen Bekenntnissfreiheit, стр. 5—6; Кистяковскій, Учебникъ, 537—538.

убѣжденія, а свобода изслѣдованія и критики, которая скорѣе всего способна раскрыть истину [1]).

Но само собою разумѣется, что свобода выраженія мнѣній въ области религіи не можетъ простираться до права публичнаго поношенія существующихъ культовъ, до проповѣди противунравственныхъ принциповъ, тѣмъ болѣе до вызова, подстрекательства къ совершенію преступныхъ дѣяній. Всѣ такого рода дѣйствія, какъ угрожающія общественному порядку, выходятъ за предѣлы права свободы совѣсти и могутъ быть запрещены. На этомъ основаніи не можетъ претендовать на свободу скрывающая въ себѣ вызовъ или подстрекательство къ дѣйствію пропаганда мнѣній о необходимости принесенія человѣческихъ жертвъ, полигаміи, инквизиціи, сожженія женъ на могилахъ мужей, оскопленія другихъ, возстановленія рабства и т. п., какую бы религіозную окраску эти мнѣнія не носили; тѣмъ болѣе, разумѣется, подлежитъ запрещенію пропаганда, заключающая въ себѣ воззваніе или подстрекательство къ совершенію по мотивамъ религіи общихъ преступленій, таковыхъ какъ убійство, кражи, поджогъ и т. п. [2]).

Изъ права свободнаго выраженія религіозныхъ мнѣній публич-

---

[1]) Свобода не исповѣдывать никакой религіи, говоритъ Маасенъ, вытекаетъ, какъ простой логическій выводъ изъ отрицанія всякаго принужденія въ дѣлахъ вѣры; вторженіе въ свободу совѣсти въ сущности будетъ одинаково, принуждается ли кто исповѣдывать ту или другую опредѣленную религію. Маасенъ Девять главъ, стр. 14. Для пользованія правомъ изслѣдованія, критики и отрицанія нѣтъ необходимости, говоритъ Шассанъ, принадлежать къ опредѣленному культу: тотъ, кто не принадлежитъ ни къ одному изъ нихъ, долженъ пользоваться равными правами съ другими гражданами. M. Chassan, Traité, т. I, 292.

[2]) Маасенъ, Девять главъ, 13—14; Vinet, La liberté des cultes, 245; Miron, De la séparation, 24—27, 42—44; Baird, La religion, 328—329; Chassan, Traité, 303—304; Mohl, Politik, 192, 210—211, 286—287; Portalis, La liberté, 32, 474, 475, 498—499; Thomson, Kirche und Staat, 8, 9; Кистяковскій, Учебникъ, § 143; Таганцевъ, Курсъ русскаго уголовнаго права, § 111.

но само собою вытекаетъ право пропаганды послѣднихъ или прозелитизма; тотъ, кто пользуется правомъ сообщать свои религіозныя мнѣнія другимъ, eo ipso пользуется и правомъ убѣждать послѣднихъ въ истинѣ своихъ положеній; но его убѣжденіе не должно выходить за предѣлы свободной передачи своихъ мнѣній другимъ; поэтому всякое насиліе въ этомъ дѣлѣ, физическое или моральное, выходитъ изъ права свободы совѣсти и можетъ быть запрещено [1]).

2) Право свободнаго богослуженія, т. е. свободнаго отправленія культа по обрядамъ или церемоніямъ послѣдняго, освященнымъ религіозными вѣрованіями послѣдователей этого культа. Область этого права, какъ и права религіозной свободы вообще, не должна, разумѣется, выходить за предѣлы ненарушимости общественнаго порядка или спокойствія. Поэтому государство компетентно, во первыхъ, преслѣдовать проявленія въ культѣ такихъ актовъ, которые или преступны или безнравственны, и, во вторыхъ, подчинить положеніе культовъ и ихъ взаимное отношеніе такимъ правиламъ, которыя, гарантируя ихъ права, въ тоже время обезпечили бы ненарушимость общественнаго порядка и спокойствія [2]).

3) Право свободнаго образованія и самоуправленія религіозныхъ обществъ, т. е. свобода возникновенія послѣднихъ безъ предварительнаго разрѣшенія государства, а также самостоятельность въ установленіи религіозныхъ догмъ, культа, іерархіи и дисциплины. Установленіе границъ этого права, представляющее большія затрудненія, не входитъ въ нашу задачу; для нашей цѣли достаточно повторить, что послѣднее, какъ и все вообще право религіозной свободы, не можетъ простираться за предѣлы ненарушимости общественнаго порядка и принциповъ морали [3]).

---

[1]) Portalis, La liberté, 495, 496; Mohl, Politik, 192, 288, 292.

[2]) Portalis, La liberté, 505—508; Mohl, Politik, 210—211; 216—219; Nachet, De la liberté religeuse, 384; Du Crocq, Cours, I, 596—597; Спасовичъ, О преступленіяхъ противъ вѣры, стр. 18.

[3]) Трудно рѣшить à priori, какъ далеко должна простираться самостоятельность церквей: цѣлесообразнѣе ли полное отдѣленіе ихъ

Какъ всякое право, такъ и право религіозной свободы, дабы пользоваться реальной силой, нуждается въ охранѣ его государствомъ, которая можетъ простираться до уголовныхъ мѣръ воздѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ нарушенія—религіозныя интересы, представляющіе существенно важныя условія бытія общества и его развитія. И дѣйствительно, мы видимъ, что всегда, какъ прежде, такъ и теперь, охрана государствомъ религіи выходила за предѣлы полицейскихъ мѣръ предупрежденія, обнимая и уголовныя—наказанія. При этомъ однако взглядъ на самый предметъ послѣднихъ, на объектъ преступленія, въ разныя времена радикально измѣнялся. Въ средніе вѣка, согласно антропоморфическимъ представленіямъ, объектомъ преступленій противъ религіи, какъ мы видѣли, считалось само Божество со всѣмъ сонмомъ ниже его стоящихъ духовныхъ существъ, а также религіозныя вѣрованія, обряды и предметы, входившіе въ содержаніе культа послѣдняго [1]).

отъ государства, низведеніе церквей на степень частныхъ корпорацій по сѣверо-американскому типу, или же сохраненіе того положенія вещей, какое замѣчается въ государствахъ Европы, гдѣ система покровительства однихъ церквей предъ другими выражается въ почти повсемѣстномъ, не исключая и свободныхъ кантоновъ Швейцаріи, существованіи «признанныхъ церквей» въ отличіе отъ «непризнанныхъ»; особенныя историческія и бытовыя условія жизни отдѣльныхъ государствъ, вѣроятно, всегда будутъ играть весьма важную, если не конечную роль, при разрѣшеніи этого вопроса. Mohl, Politik, 175, 180, 191, 210, 211, 214; Nachet, De la liberté religeuse, 383—385; Vinet, La liberté des cultes, 203, 206, 209; Bluntschli, Uber das Verhältniss des modernen Staates zùr Religion, 148, 149, 162, 163; Маасенъ, О свободѣ совѣсти, 1—16; Thudichum, Deutsches Kirchenrecht, 127; Miron, De la séparation, 15—22.

[1]) См. также Кистяковскій, Учебникъ, § 143; Таганцевъ, О религіозныхъ преступленіяхъ, Протоколы С.-П. Юридическаго Общества, 1881 г., т. III, стр. 22—24; Wahlberg, Vergehen, welche sich aùf die Religion beziehen, Holtzendorff's Handbuch des deutschen Strafrechts, 1874 г., III, 264, 265; Meves, Das Reichstrafgezetzbuch in seinem Verhältniss zur Religion, Der Gerichtsaal,

Къ концу 18-го вѣка эта теорія смѣняется другой, которая исходитъ не изъ идеи отношенія дѣянія къ Божеству, а изъ мысли объ отношеніи таковаго къ третьимъ лицамъ, изъ соображенія о вліяніи поступка на религіозныя чувства сихъ послѣднихъ. Согласно съ симъ объектомъ религіозныхъ преступленій признается уже не Божество само по себѣ и связанные съ нимъ предметы культа, а церковныя общества, оскорбляемыя въ ихъ религіозныхъ чувствахъ путемъ поношенія предметовъ почитанія [1]). Эта теорія, впервые высказанная Штюбелемъ въ 1791 году [2]) и занесенная, какъ мы видѣли, на страницы Прусскаго Земскаго Права, была повторена Грольманомъ и раз-

---

Band XXVII, 327, 328; Liszt, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1884 г., 519; Wächter, Lehrbuch, II, 539; см. у него имена нѣмецкихъ юристовъ, защищавшихъ этотъ взглядъ, между прочимъ изъ старыхъ—Carpzow, Koch, Gaertner, Boehmer, а изъ новыхъ—Salchow, Dabelow, къ которымъ слѣдуетъ прибавить также Henke, Handbuch des Criminalrechts, 1830, III, 646, 647, Jarcke, Handbuch, 1828 г., II, 40, 41. Нѣмецкіе криминалисты, защищавшіе этотъ взглядъ, представляютъ между собою отличіе въ томъ отношеніи, что одни изъ нихъ разсматривали преступленія противъ религіи, какъ crimen majestatis divinae въ параллель съ crimen majestatis humanae, другіе же—какъ обиду противъ Божества, при чемъ конструкція сихъ послѣднихъ преступленій переносилась на первыя. Wächter, ibid; Бернеръ, Учебникъ, Особ. часть, 357, 358; Liszt, Lehrbuch, 519.

[1]) Meves, ibid, 328, 329; Таганцевъ, ibid, 20, 24, 25; Wahlberg, ibid, 264.

[2]) Поносящая и уничижая Божество какого либо лица, говоритъ Штюбель, оскорбляютъ сіе послѣднее, ибо для того, кто приписываетъ въ силу самаго искренняго убѣжденія высокую цѣну извѣстному предмету, есть большое оскорбленіе, если другіе этотъ предметъ уничижаютъ, порицаютъ, хулятъ и выставляютъ на посмѣшище. Богохуленіе поэтому есть оскорбленіе, наносимое кому либо по поводу божественнаго культа и богохулитель есть тотъ, кто злословіями, направленными на Божество, почитаемое другими, наноситъ обиду симъ самимъ. Wächter, Lehrbuch, II, 540; см. также Бернеръ, ibid, 358, прим. 3.

вита Фейербахомъ. Богохуленіе, говоритъ Грольманъ, есть оскорбленіе послѣдователей опредѣленной религіозной вѣры путемъ выраженія презрѣнія или уничиженія предметовъ ихъ поклоненія и религіознаго почитанія [1]). Церковь, говоритъ Фейербахъ, какъ моральное лицо, имѣетъ право на честь; кто унижаетъ ея цѣль, унижаетъ церковное общество; кто поноситъ предметы религіознаго почитанія, которые лежатъ въ основаніи единства церковнаго общества, тотъ поноситъ сіе самое. Богохульство поэтому есть обида, наносимая церковному обществу внѣшнимъ презрѣніемъ, положительно высказаннымъ къ предметамъ его почитанія [2]).

Въ 19-мъ вѣкѣ пріобрѣтаетъ господство третья теорія, которая на мѣсто идеи нарушенія правъ третьихъ лицъ ставитъ идею нарушенія правъ всего общества и такимъ образомъ преступленія противъ религіи изъ частныхъ возводитъ на степень общественныхъ. Согласно этой теоріи, посягательства противъ религіи заключаютъ въ себѣ нападеніе не только на право религіозныхъ обществъ, оскобляемыхъ въ ихъ религіозныхъ чувствахъ, но и на общія религіозныя основанія государственнаго порядка;

---

[1]) Grolman, Grundsätze, § 308; см. также Wächter, Lehrbuch, II, 540; Таганцевъ, ibid, 25.

[2]) Причисляя богохульство къ обидамъ, авторъ признаетъ его квалифицированнымъ видомъ послѣднихъ. Feuerbach, Lehrbuch, § 303; Wächter, ibid, 540; Таганцевъ, ibid, 25. Прежде установленія своего взгляда Фейербахъ разрушаетъ старую теологическую теорію въ слѣдующихъ немногихъ, но мѣткихъ выраженіяхъ: «невозможно, говоритъ онъ, чтобы Божество было оскорблено, немыслимо, чтобы оно мстило человѣку за оскорбленія; нелѣпо, чтобы его можно было удовлетворить наказаніемъ его оскорбителей». Feuerbach, ibid, § 303. Морштадтъ, комментаторъ Фейербаха, такимъ образомъ объясняетъ эти положенія послѣдняго: «*невозможно*, потому-что Божество недосягаемо для преступника, *немыслимо* потому, что всеблагому существу пришлось бы приписать потребность мести; *нелѣпо* потому, что нельзя говорить объ удовлетвореніи того, кто неуязвимъ и не нуждается въ человѣческихъ страданіяхъ». Таганцевъ, ibid, 25; пользуемся чужой цитатой за неимѣніемъ подъ руками подлинника.

объектомъ преступленія поэтому являются не одни только права отдѣльныхъ лицъ или церковныхъ общинъ на религіозную свободу, но и сама религія, какъ жизненное условіе существованія общества. Отсюда къ преступленіямъ противъ религіи могутъ быть отнесены и такія дѣянія, которыя, не содержа въ себѣ никакого нарушенія правъ третьихъ лицъ, представляютъ открытое нападеніе на общія необходимыя религіозныя основанія государственнаго порядка. Эта теорія противорелигіозныхъ посягательствъ, какъ общественныхъ преступленій, нашедшая себѣ впервые выраженіе въ Австрійскомъ уложеніи 1787 г. [1]) и затѣмъ въ ученіяхъ Титтмана, Россгирта, Мартина, Вехтера [2]), была развита

---

[1]) Послѣднее, какъ мы видѣли, при установленіи противорелигіозныхъ посягательствъ исходитъ не изъ теологическаго соображенія объ оскорбленіи Божества, а изъ полицейскаго—опасности подобныхъ дѣяній для общественнаго порядка и нравственности.

[2]) Уваженіе къ религіи и гражданская вѣрность (Bürgertreue), говоритъ Титтманъ, неразрывно другъ съ другомъ связаны. Кто не имѣетъ первой, отъ того нельзя ожидать и второй, и кто дѣйствіями открыто показываетъ, что онъ не имѣетъ религіи, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ себя, какъ человѣкъ, на исполненіе которымъ его гражданскихъ обязанностей нельзя полагаться. Tittmann, Handbuch der Strafrechtswissenschaft, 2-е изд. (первое 1806 г.), 1823 г., т. II, § 596; ср. § 597; см. также Wächter, Lehrbuch, II, § 231, стр. 541. Въ вопросѣ богохуленія, говоритъ Rosshirt, слѣдуетъ выходить изъ той точки зрѣнія, что противорелигіознымъ дерзкимъ поведеніемъ (durch die irreligiose Frechheit) не только причиняется общій соблазнъ, но также потрясается основаніе нравственности, а съ нею и государственный порядокъ. Lehrbuch, стр. 204; ср. Wächter, ibid. Многія политическія основанія, говоритъ Мартинъ, а именно соображеніе публичнаго соблазна и обнаруженной безнравственности преступника заставляютъ наказывать надругательство надъ религіей, терпимой въ государствѣ. Поэтому богохуленіе слѣдовало бы запрещать и карать изъ полицейскихъ основаній, а не какъ правонарушеніе, и причислять къ полицейскимъ преступленіямъ. Wächter, Lehrbuch, II, 541, 542. Вехтеръ, приводя цитаты Россгирта и Мартина, присоединяется къ ихъ мнѣніямъ. Lehrbuch, II, 541; см. также Villnow, ibid, 510.

Миттермайеромъ [1]) Геппомъ [2]) и особенно Вальбергомъ [3]) съ тою, однако, существенною между ними разницею, что Вальбергъ, вопреки Миттермайеру и Геппу, наличность соблазна исключаетъ изъ числа необходимыхъ элементовъ состава преступленія.

Разбирая изложенныя теоріи, не трудно видѣть, что первыя двѣ не выдерживаютъ критики. Средневѣковая теологическая теорія, какъ построенная на антропоморфическихъ представленіяхъ, неминуемо должна была пасть съ тѣхъ поръ, какъ человѣческій умъ возвысился надъ сими послѣдними; теперь не подлежитъ сомнѣнію, что лично противъ Божества не можетъ быть совершено преступленіе; его бытіе находится внѣ сферы человѣ-

---

[1]) Основаніе наказуемости богохуленія, говоритъ Миттермайеръ, или вѣрнѣе поношенія религіи заключается въ томъ, что государство въ высшей степени заинтересовано въ защитѣ религіознаго чувства, что нападеніе на религію, соединенное съ поношеніемъ священнѣйшихъ предметовъ религіознаго почитанія, столько же оскорбляетъ народное воззрѣніе и религіозное чувство отдѣльнаго лица, сколько равнодушіе законодательства къ подобнымъ дѣяніямъ можетъ потрясти уваженіе къ религіи: для каждаго законодательства есть основаніе принимать въ соображеніе важнѣйшее значеніе религіи для гражданскаго общества и наказывать соединенное съ соблазномъ поношеніе священныхъ предметовъ религіознаго почитанія. Feuerbach, Lehrbuch, § 303, прим. 1-е издателя.

[2]) Въ богохуленіи, говоритъ Геппъ, нѣтъ никакого нарушенія права, ни противъ Божества, ни противъ церкви, но оно, разумѣется, заслуживаетъ наказанія, какъ безнравственное, противорелигіозное дѣяніе, ибо нравственность и религія образуютъ настоящія основы государственно-гражданскаго союза; и поэтому защита авторитета и уваженія религіи противъ нападеній, вызывающихъ соблазнъ, составляетъ одинъ изъ священнѣйшихъ интересовъ государства. Hepp, Ueber den Einfluss des Gisichtspunkts auf die Beurtheilung verbrecherischer Handlungen, Neues Arihiv des Criminalrechts, 1833 г., Band XIV, 342.

[3]) Wahlberg, Holtzendorff's Handbuch, III, 264—266; его же, Die Religions—Verbrechen in den deutschen Strafgesetzbüchern, Gesammelte kleinere Schriften und Brüchstücke, 1875 г., Wien, I Band, 104, 105, 110, 111.

ческаго общежитія, а право дѣйствуетъ лишь въ предѣлахъ сей послѣдней; слѣд., Божество стоитъ внѣ сферы правовыхъ отношеній и, какъ чистая абстрактная идея, живущая въ недоступныхъ глубинахъ человѣческаго духа, недосягаемо для нападенія и не нуждается въ защитѣ земнаго правосудія [1]). Теорія вѣка просвѣщенія при всемъ своемъ историческомъ значеніи, какъ реакціи противъ теологической школы, отвергавшей религіозную свободу, заключаетъ въ себѣ ту существенную ошибку, что она въ религіозныхъ преступленіяхъ усматриваетъ только нарушеніе субъективнаго права и такимъ образомъ совершенно упускаетъ изъ виду общественное значеніе религіи [2]). Послѣдняя представляется однимъ изъ жизненныхъ условій существованія общества и его развитія и, какъ таковая, можетъ быть охраняема государствомъ, независимо отъ субъективныхъ правъ. Правда, въ религіозныхъ посягательствахъ большею частію заключается и нарушеніе сихъ послѣднихъ, но подобное частое совпаденіе не даетъ основанія къ ограниченію объекта религіозныхъ преступленій исключительно субъективными правами. Кромѣ того, взглядъ на изучаемыя посягательства, какъ на оскорбленіе религіозныхъ обществъ, несостоятеленъ и по другимъ соображеніямъ: а) оскорбленіе, обида предполагаетъ animus injurandi, но послѣдній не вседа присущъ даннымъ дѣяніемъ, напримѣръ если причина богохуленія— фанатизмъ; затѣмъ обида преслѣдуется и наказывается обыкновенно

---

[1]) Спасовичъ, Учебникъ уголовнаго права, 1863 г., 94—95; Таганцевъ, Курсъ, § 111; Кистяковскій, Учебникъ. § 143.

[2]) Liszt, Lehrbuch, 520; Hugo Meyer, Lehrbuch, 650. Этотъ взглядъ былъ отраженіемъ общаго воззрѣнія времени, въ силу котораго задача права вообще и уголовнаго въ частности ограничивалась охраненіемъ интересовъ или отдѣльнаго лица или непосредственно государства, а потому всѣ посягательства, которыя не были направлены противъ лица или прямо противъ государства, слѣдовательно всѣ нарушенія чисто общественныхъ интересовъ или совершенно исключались изъ категоріи наказуемыхъ или низводились на степень полицейскихъ проступковъ. Hugo Meyer, Lehrbuch, 50, 422, прим. 9; Liszt, Lehrbuch, 49.

по частной жалобѣ, между тѣмъ какъ религіозныя нарушенія—ex officio, обида допускаетъ гражданское взысканіе и погашеніе преступленія по принципу взаимности, что̀ посягательства, о которыхъ идетъ рѣчь, совершенно исключаютъ [1]). b) Почитаніе Бога мыслимо и внѣ принадлежности къ опредѣленному церковному обществу; отдѣльныя лица могутъ быть исполнены къ Верховному Существу глубокаго благоговенія и въ тоже самое время не раздѣлять тѣхъ внѣшнихъ выраженій послѣдняго, которыя образуютъ культъ; поношеніе Бога въ присутствіи подобныхъ лицъ создаетъ такой же полный составъ богохуленія, какъ и поношеніе его въ присутствіи лицъ, принадлежащихъ къ опредѣленному культу; существо богохуленія, такимъ образомъ, не требуетъ необходимо принадлежности оскорбляемаго лица къ опредѣленному церковному обществу [2]). c) Равнымъ образомъ, это условіе не входитъ обязательно и въ составъ преступленій противъ культа мертвыхъ, ибо не всякій мертвый—членъ какого либо опредѣленнаго церковнаго общества [3]).

Остается третья теорія, которая въ томъ видѣ, какъ она изложена Вальбергомъ, намъ представляется наиболѣе цѣлесообразной, какъ такая, которая, во первыхъ, даетъ прочное обоснованіе религіознымъ преступленіемъ, а во вторыхъ, указываетъ ихъ надлежащій кругъ. Эта теорія исходитъ изъ совершенно

---

[1]) На эту неправильность оспариваемаго ученія указалъ еще Титтманъ; взлядъ на религіозныя преступленія, говоритъ онъ, какъ на оскорбленія церковныхъ обществъ, совершенно ошибоченъ, ибо въ нихъ подобное оскорбленіе является или какъ ненамѣренное послѣдствіе или какъ такое, которое, хотя входило въ волю лица, но представляетъ маловажную сторону дѣянія. Tittmann, Lehrbuch, II, § 597; ср. § 596; также Oersted, Ueber die Grundregeln der Strafgesetzgebung, 1818 г., стр. 212, примѣч.; Wächter, Lehrbuch, II, 541; Hepp, Neues Archiv, XIV, 340, 341; Mittermaier, Feurbach's Lehrbuch, 489, note I; Таганцевъ, ibid, 25.

[2]) Villnow, Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen, Der Gerichtsaal, Band XXXI, 1879 г., 509, 510.

[3]) Villnow, Gerichtsaal, 510.

вѣрной точки зрѣнія, что задача государства простирается за предѣлы охраны интересовъ, входящихъ въ содержаніе правъ или частныхъ лицъ или непосредственно государства; послѣднее вправѣ охранять и такіе интересы, которые, не входя въ содержаніе чьихъ либо правъ, образуютъ въ тоже время существенно-необходимое условіе его жизненности, его развитія. Запрещая публичныя непотребныя дѣйствія или распространеніе непотребныхъ сочиненій, рисунковъ или изображеній, государство, очевидно, исходитъ не изъ соображеній неприкосновенности чьихъ либо правъ, а изъ соображенія значенія морали, какъ одной изъ основъ общественнаго строя. Такимъ образомъ, объектомъ преступленія можетъ быть не только неприкосновенность правъ, принадлежащихъ или частнымъ лицамъ или непосредственно государству, но и общія основанія соціальнаго порядка, потрясаемыя грубыми нарушеніями нравственности или религіозности [1]). При этомъ, разумѣется, элементъ соблазна не можетъ быть признанъ существеннымъ, ибо, во первыхъ, возможно возникновеніе послѣдняго независимо отъ воли лица, такъ-что названный элементъ явился бы въ такомъ случаѣ какъ чисто объективный признакъ преступленія, вмѣняемый субъекту внѣ связи его съ волей послѣднаго, и во вторыхъ, возможно также, какъ увидимъ ниже, потрясеніе основаній общественнаго строя названными нарушеніями и независимо отъ дѣйствительнаго причиненія соблазна [2]).

---

[1]) Wahlberg, Holtzendorff's Handbuch, III, 264, 266.

[2]) Berner, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1882 г., 403; Hugo Meyer, Lehrbuch, 655. Изложенной теоріи, кромѣ Вальберга, изъ новѣйшихъ криминалистовъ слѣдуютъ также Гуго Мейеръ, Бернеръ, Шютце, Гельшнеръ и др. Hugo Meyer, Lehrbuch, 649; Berner, Lehrbuch, 115; Schütze, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1871 г., 344; Hälschner, Das gemeine deutsche Strafrecht, 1881 г., 1-й Band, 451; ср. Таганцевъ, Курсъ, § 111; его же, О религіозныхъ преступленіяхъ, тамъ-же, 26; Кистяковскій, Учебникъ, § 143. Совершенно невѣрна теорія религіозныхъ преступленій, какъ

II.

Преступленія противъ религіи въ частности.

Переходя къ изученію противорелигіозныхъ посягательствъ, нормируемыхъ въ законахъ важнѣйшихъ государствъ Запада, мы, разумѣется, не станемъ налагать законы каждаго изъ такихъ государствъ въ отдѣльности; подобное изложеніе, независимо отъ внесенія ненужнаго балласта по неизбѣжности повтореній, было бы нецѣлесообразно и потому, что не представляло бы существеннаго теоретическаго интереса по недостатку единства въ данныхъ законахъ. Мы предпочитаемъ въ основаніе догматическаго изученія преступленій противъ религіи въ частности положить постановленія Общегерманскаго уложенія 1871 г., какъ такія, которыя, во первыхъ, ближе стоятъ къ защищаемой нами теоріи, и во вторыхъ, научно наиболѣе разработаны; постановленіями другихъ кодексовъ мы воспользуемся, гдѣ будетъ кстати, для сравненія и оцѣнки положеній Общегерманскаго кодекса.

Противорелигіозныя посягательства, предъусматриваемыя послѣднимъ кодексомъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ видамъ.

I. *Богохуленіе*, т. е. публичное поношеніе Бога, соединенное съ соблазномъ [1]). Основаніе наказуемости богохуленія по Об-

---

нарушеній религіознаго мира, защищаемая Листомъ и Мевесомъ; существенная ея ошибка—въ томъ, что она основаніе наказуемости противорелигіозныхъ посягательствъ усматриваетъ не во внутреннемъ значеніи религіи для государства, а исключительно въ соображеніяхъ скорѣе всего полицейскаго характера, внѣ послѣдней лежащихъ, а именно въ соображеніяхъ опасности подобныхъ дѣяній для публичнаго мира. Liszt, Lehrbuch, 520; Meves, Gerichtsaal, 331; ср. Hugo Meyer, Lehrbuch, 649, прим. 2. Весьма своеобразную метафизико-богословскую теорію развиваетъ Villnow, Gerichtsaal, 511—527.

[1]) Oppenhoff, Das Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, 10 Ausgabe, § 166. Это преступленіе изъ новѣйшихъ кодексовъ, кромѣ Общегерманскаго, также предъусматривается Венгерскимъ 1877 г.

щегерманскому кодексу заключается конечно не въ антропоморфическихъ представленіяхъ о возможности оскорбленія Божества, а въ томъ, что публичнымъ богохуленіемъ нарушается необходимое религіозное основаніе государственнаго порядка [1]). Вѣра въ

(Steinbach, Das Ungarische Strafgesetzbuch ueber Verbrechen und Vergehen, 1879 г., § 190) и проэктомъ Австрійскаго (Schwärze, Bemerkungen zu dem Entwurfe des Strafgesetzbuchs für das K. Oesterreich, Wien, 1875 г., 74); оно сохраняется также въ Англійскомъ правѣ (Harris, Principles of the criminal law, London, 1877 г., 71). Остальные же кодексы—Французскій 1810 г. (Dalloz, Code pénal, première livraison, 1881 г.), Бельгійскій 1867 г. (Beltiens, Les Codes Belges Annotés, Bruxelles, 1883 г.) и Нидерландскій 1881 г. (переводъ Лицкаго, С.-П-ргъ, 1882) о немъ умалчиваютъ; впрочемъ, умолчаніе Французскаго кодекса, кажется, восполняется закономъ 25 марта 1822 г., объемлющемъ, по толкованію французскихъ комментаторовъ, и случаи публичнаго оскорбленія религіи вообще, подвергающаго ее осмѣянію. Blanche, Études pratiques sur le code pénal, т. IV, 318; Dalloz, Code pénal, стр. 361, примѣч. 25; см. также Miron, De la séparation, 34.

[1]) Въ мотивахъ изучаемаго положенія, правда, высказывается другое основаніе, а именно то, что «всякое богохуленіе заключаетъ въ себѣ оскорбленіе религіознаго чувства *другихъ* и что это чувство уже потому имѣетъ право на защиту закона, чтобы не возникло мнѣніе, что государство не принимаетъ никакого участія въ поддержаніи этого чувства въ народѣ, разсматривая его, какъ нѣчто безразличное» (Entwurf eines Strafgesetzbuches für den Norddeutschen Bund nebst Motiven und Anlagen, Berlin, 1870 г., стр. 65); но это основаніе не можетъ быть признано отвѣчающимъ истинному духу закона. О богохуленіи въ Общегерманскомъ кодексѣ, точно также какъ и въ Прусскомъ (§ 135), откуда постановленіе о немъ взято, говорится особо, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ; въ послѣднемъ это сдѣлано, вопреки возраженіямъ, на томъ основаніи, что преступленіе богохуленія поражаетъ религіозныя общества не порознь, а всѣ вмѣстѣ, а потому его объективныя границы—шире, чѣмъ составъ оскорбленія отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ, куда его хотѣли нѣкоторые подвести, находя, что богохуленіе вполнѣ объемлется симъ послѣднимъ преступленіемъ (Goltdammer, Die Materialien zum Strafgesetzbuche für die Preussischen Staaten, Berlin, 1852 г., II, 262, 263). Co-

Верховное Существо, возвышающееся надъ міромъ, составляетъ краеугольный камень всѣхъ откровенныхъ, въ томъ числѣ и христіанской, религій; современныя Европейскія культурныя государства, построенныя и развивающіяся на почвѣ христіанства, очевидно, заинтересованы въ поддержаніи этого камня и, сообразно съ значеніемъ вѣры въ Бога, какъ воззрѣнія, общаго всѣмъ религіознымъ обществамъ, существующимъ въ ихъ предѣлахъ, какъ религіи религій, могутъ неприкосновенность имени Божест-

---

храненіе особаго положенія о богохуленіи, принятаго въ Прусскомъ кодексѣ—источникѣ Общегерманскаго уложенія. симъ послѣднимъ, очевидно, должно было сопровождаться и удержаніемъ вторымъ основаній перваго не только въ этомъ отношеніи, но и въ самой сущности постановленія. Сущность же послѣдняго заключается въ томъ, что въ богохуленіи скрывается объективное нападеніе и потрясеніе основаній и источника религіознаго общества вообще, посредственно такимъ образомъ также всего государственнаго порядка, высшая общеопасность дѣянія, равно какъ и испорченность внутренняго настроенія субъекта. Goltdammer, Materialien, II, 263; см. также Wahlberg, Gesammelte Schriften, 110; Schwarze, Das Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, 1876 г., 132; ср. Wahlberg, Holtzendorff's Handbuch, III, 265. Послѣдній, заявивъ въ началѣ, что основаніе наказуемости богохуленія по Общегерманскому уложенію заключается въ оскорбленіи религіозныхъ чувствъ и сознанія вѣрующихъ, на той же страницѣ заключаетъ слѣдующее: «такимъ образомъ въ Германской Имперіи вѣра въ Бога особенно, какъ религія религій, ставится подъ уголовную защиту». Ясно, что авторъ, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ противорѣчіе, и, кромѣ ранѣе имъ указаннаго, выставляетъ и другое основаніе наказуемости богохуленія, совпадающее съ нами приведеннымъ; послѣднее должно быть предпочтено не только какъ болѣе отвѣчающее самому духу закона, но и какъ болѣе принципіальное, болѣе глубокое, какъ видно изъ сказаннаго; см. также Wahlberg, Gesammelte Schriften, 110, 111. Это основаніе, кажется, положено и въ проэктъ Австрійскаго уложенія, гдѣ сказано: «Богохуленіе нарушаетъ порядокъ въ государствѣ оскорбленіемъ религіознаго чувства жителей послѣдняго» (Bemerkungen zu dem Entwurfe des Strafgesetzes über Verbrechen, Vergehen und Uebertretungen, Wien, 1881 г , стр. 78).

ва поставить подъ уголовную защиту. Подъ именемъ Бога слѣдуетъ разумѣть не то понятіе о Верховномъ Существѣ, которое выработано въ ученіяхъ отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ, а общее о немъ представленіе, лежащее въ природѣ монотеизма, сущности христіанской и другихъ религій, господствующихъ въ Европѣ. Поношеніе Іисуса Христа и Св. Духа, такимъ образомъ, не входитъ въ это понятіе, ибо вѣра въ нихъ, какъ въ Верховное Существо, не принадлежитъ къ сущности монотеизма; однако такое поношеніе не остается безнаказаннымъ, ибо заключаетъ въ себѣ оскорбленіе религіозныхъ обществъ, предусматриваемое тѣмъ же § 166 [1]).

Дѣйствіе должно состоять въ поносительныхъ выраженіяхъ—in beschimpfenden Aeusserungen [2]); этихъ словъ не было въ первоначальномъ проэктѣ, они были внесены въ кодексъ по предложенію депутата Ласкера съ цѣлью исключить изъ понятія богохуленія легкомысленные роды рѣчи—божбы, клятвы и т. п., которые такъ часто произносятся людьми безъ злаго умысла, внѣ всякихъ признаковъ ихъ испорченности [3]). Поносительными выраженіями слѣдуетъ признавать такія, которыя заключаютъ въ себѣ нападеніе на извѣстный предметъ въ презрительной формѣ,

---

[1]) Противоположное толкованіе, принимающее понятіе Божества въ смыслѣ конфессіональномъ, несостоятельно по двумъ причинамъ: 1) оно противорѣчитъ указанному нами основанію наказуемости богохуленія, наиболѣе соотвѣтствующему внутреннему смыслу закона; если послѣдній хотѣлъ охранить вѣру въ Бога, какъ религію религій, то, очевидно, онъ исходилъ не изъ конфессіональнаго, а изъ космополитическаго, такъ сказать, понятія Божества; 2) оно противорѣчитъ также, какъ справедливо замѣчаетъ Гуго Мейеръ, самому составу законодательныхъ факторовъ, смѣшанному въ религіозномъ отношеніи. Villnow, Gerichtsaal, 515, 528; Hugo Meyer, Lehrbuch, 652; Wahlberg, Holtzendorff's Handbuch, III, 267; въ смыслѣ конфессіональномъ понятіе Бога принимаютъ—Meves, Gerichtsaal, 333, 334; Liszt, Lehrbuch, 520, 521; Schütze, Lehrbuch, 345; Oppenhoff, Strafgesetzbuch, § 166, прим. 2.

[2]) Тоже описаніе *дѣйствія* перешло и въ Венгерскій кодексъ, § 190.

[3]) Meves, Gerichtsaal, 335; Wahlberg, Holtzendorff's Handbuch, 266; Berner, Lehrbuch, 403.

низводящее послѣдній въ ничто; отсюда слѣдуетъ, что составъ преступленія не предлежитъ непремѣнно при всякомъ порицаніи предмета, при всякомъ уничиженіи понятія Божества, а также въ случаѣ легкихъ насмѣшекъ, пародій и т. п.; при порицаніи и легкихъ насмѣшкахъ еще сохраняется въ глазахъ виновнаго нѣкоторая цѣна предмета, при поношеніи же она совершенно теряется [1]). Безразлична самая форма поношенія, т. е. учинено ли оно въ формѣ слова, письма, изображенія [2]); необходимо только, чтобы оно было совершено публично и вызвало соблазнъ. Подъ публичностью богохуленія слѣдуетъ разумѣть такую обстановку его совершенія, при которой существуетъ возможность примѣты его третьими лицами, обращенія на него вниманія сихъ послѣднихъ. Съ этой точки зрѣнія публичность предлежитъ не только тогда, когда совершается богохуленіе на *публичномъ*, т. е. всѣмъ доступномъ мѣстѣ, наполненномъ людьми, но и тогда, когда оно случается на томъ же мѣстѣ въ присутствіи лишь одного лица, если только существуетъ возможность доступа туда третьихъ лицъ, а также, когда поносится имя Божества въ присутствіи многихъ лицъ въ частномъ мѣстѣ, входъ въ которое не ограниченъ только индивидуально опредѣленнымъ кружкомъ [3]).

Что же касается элемента соблазна, то, согласно буквальному смыслу закона, недостаточно намѣренія виновнаго оскорбить религіозное чувство другихъ, а необходима, кромѣ того, наличность дѣйствительно причиненнаго соблазна, хотя бы и въ лицѣ одного субъекта. Составъ преступленія, такимъ образомъ, предполагаетъ со стороны *намѣренія*—сознаніе субъектомъ способности дѣянія вы-

---

[1]) Villnow, Gerichtsaal, 1879 г., 530; Meves, Gerichtsaal, 1875 г., 336; ср. 342, 349.

[2]) Berner, Lehrbuch, 402; Schütze, Lehrbuch, 345; Meves, Gerichtsaal, 336, 337.

[3]) Wahlberg, Holtzendorff's Handbuch, III, 267; ср. его же, Gesammelte kleinere Schriften, 109, 110; Hugo Meyer, Lehrbuch, 186, 652; Liszt, Lehrbuch, 521; Oppenhoff, Strafgezetsbuch, § 166, прим. 1; § 85, прим. 1—13.

звать публичный соблазнъ, а со стороны *послѣдствій* таковаго—непосредственное оскорбленіе религіозныхъ чувствъ присутствующихъ, т. е. такое, которое должно случиться въ моментъ и на самомъ мѣстѣ дѣянія; посредственнаго соблазна, произведеннаго въ публикѣ слухами о фактѣ, недостаточно для наличности богохуленія [1]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что поношеніе имени Бога въ присутствіи лицъ, которыя по грубости ли чувства или по невѣрію неспособны возмущаться подобнымъ поступкомъ, выходитъ за предѣлы понятія богохуленія по Общегерманскому кодексу. Подобное ограниченіе этого понятія противорѣчитъ самому принципу наказуемости богохуленія въ томъ видѣ, какъ мы его установили; если неприкосновенность имени Божества должна быть охраняема, какъ основаніе общественнаго строя, то эта охрана не можетъ зависить отъ индивидуальной чувствительности тѣхъ лицъ, въ виду которыхъ это имя поносится. Достаточно публичности подобнаго поношенія, если только оно было совершено умышленно, т. е. съ сознаніемъ его противозаконности, чтобы предлежалъ составъ наказуемаго богохуленія; результатъ же самаго дѣйствія, его вліяніе на окружающихъ, какъ обстоятельство, лежащее внѣ воли виновнаго, долженъ оставаться безъ вліянія на понятіе послѣдняго [2]). Поэтому гораздо цѣлесообразнѣе было опредѣленіе Прусскаго (§ 135) и нѣкоторыхъ другихъ пар-

---

[1]) Berner, Lehrbuch, 403; Hugo Meyer, Lehrbuch, 652; Liszt, Lehrbuch, 521; Meves, Gerichtsaal, 337—339; Oppenhoff, Strafgesetzbuch, прим. 4 къ § 166. Мнѣніе Вальберга и другихъ, которые для состава богохуленія въ смыслѣ § 166 считаютъ достаточнымъ, чтобы оно объективно было способно причинить соблазнъ, не требуя дѣйствительной наличности послѣдняго, мы, хотя сочувствуемъ ему въ принципѣ, должны отвергнуть, какъ противорѣчащее ясному буквальному смыслу закона. См. Wahlberg, Holtzendorff's Handbuch, III, 266, 267.

[2]) Berner, Lehrbuch, 403; Hugo Meyer, Lehrbuch, 652, прим. 12; Wahlberg, Holtzendorff's Handbuch, 267; contra Meves, Gerichtsaal, 339.

тикулярныхъ нѣмецкихъ кодексовъ, требовавшихъ для состава богохуленія элемента публичности безъ элемента соблазна [1]). Съ точки зрѣнія наказуемости богохуленія по Общегерманскому кодексу и согласно общему характеру выраженія закона безразличны религіозное и національное состояніе *субъекта*; будь онъ атеистъ, язычникъ, магометанинъ, персъ, индусъ, негръ, онъ виновенъ въ богохуленіи, если только сознаетъ противообщественность своего поступка, т. е. способность его вызвать оскорбленіе религіознаго чувства другихъ, и дѣйствительно причиняетъ соблазнъ [2]).

II. *Оскорбленіе религіозныхъ обществъ*. Подъ этимъ именемъ разумѣется: а) поношеніе религіозныхъ обществъ, какъ таковыхъ, или же ихъ учрежденій и обрядовъ и б) оскверненіе мѣстъ религіозныхъ собраній.

а) *Предметъ* преступленія, во первыхъ,—„христіанскія церкви или другія религіозныя общества, существующія съ корпоративными правами“, какъ таковыя, во вторыхъ—„ихъ учрежденія или обряды“. Подъ христіанскими церквями понимаются всѣ тѣ религіозныя общества, которыя сложились въ церкви исторически, какъ то—римско-католическая, лютеранская, англиканская и греко-восточная; всѣ они защищаются законами, какъ расчленившіяся силою историческихъ условій родственныя вѣтви нѣкогда единой церкви, построенныя на началѣ монотеизма [3]);

---

[1]) Австрійское уложеніе 1852 г. причиненіе соблазна разсматриваетъ не какъ моментъ понятія богохуленія, а какъ обстоятельство, усиливающее наказуемость (§§ 122, 123). Berner, Lehrbuch, 403; Wahlberg, Gesammelte kleinere Schriften, 108; Goltdammer, Materialien, II, 264.

[2]) «Кто причинитъ соблазнъ», говоритъ § 166; см. также Goltdammer, Materialien, II, 265; Meves, Gerichtsaal, 353; Schwarze, Strafgesetzbuch, 133.

[3]) Villnow, Gerichtsaal, 531, 532; Berner, Lehrbuch, 403; Schwarze, Strafgesetzbuch, 133. Противоположное толкованіе, понимающее подъ именемъ христіанскихъ церквей только тѣ изъ религіозныхъ обществъ, исповѣдующихъ Христа, которыя признаны какъ таковыя

сюда также принадлежатъ и старокатолическія общества, если только ихъ значеніе, какъ вѣтви римско-католической церкви, явно не отвергнуто государствомъ [1]).

Наряду съ христіанскими церквями Общегерманское уложеніе ставитъ подъ особенную уголовную защиту и другія религіозныя общества, если только они пользуются внутри территоріи союза корпоративными правами [2]). Основаніе, въ силу котораго только такія, а не всѣ вообще терпимыя религіозныя общества, охраняются отъ оскорбленія даннымъ закономъ заключается въ опасеніи законодателя, что съ уничтоженіемъ подобнаго ограниченія исчезнетъ всякій критеріумъ для различенія de facto дѣйствительнаго религіознаго общества отъ мнимаго, и въ желаніи такимъ обра-

---

государствомъ и пользуются внутри послѣдняго корпоративными правами, несостоятельно, какъ противорѣчащее не только общему принципу наказуемости противорелигіозныхъ посягательствъ, но и буквальному смыслу закона, который говоритъ о христіанскихъ церквяхъ вообще, прибавляя требованіе корпоративныхъ правъ, лишь что касается другихъ религіозныхъ обществъ. См. названное толкованіе у Meves, Gerichtsaal, 345; Liszt, Lehrbuch, 521; Wahlberg, Holtzendorff's Handbuch, III, 267, 268.

[1]) Meves, Gerichtsaal, 346, 347; Liszt, Lehrbuch, 521; Hugo Meyer, Lehrbuch, 650; Berner, Lehrbuch, 403; Wahlberg, Holtzendorff's Handbuch, III, 267; contra Villnow, Gerichtsaal, 533; Oppenhoff, Strafgesetzbuch, прим. 6 къ § 166.

[2]) Пріобрѣтеніе корпоративныхъ правъ религіозными обществами предполагаетъ предварительное признаніе ихъ правительствомъ, которому они должны представить необходимыя свѣдѣнія о своихъ цѣляхъ, устройствѣ, членахъ и имуществѣ. Thudichum, Deutsches Kirchenrecht, 130; Villnow, Gerichtsaal, 532. Къ такимъ религіознымъ обществамъ принадлежатъ въ Пруссіи, между прочимъ, гернгутерскія и еврейскія религіозныя общества, но не нѣмцо-католики (Deutschkatolliken) и анабаптисты, которые, какъ не пользующіеся корпоративными правами, въ случаяхъ оскорбленій, направленныхъ на ихъ религіозныя общины, охраняются лишь общими предписаніями объ обидахъ. Villnow, Gerichtsaal, 532, 533; Oppenhoff, Strafgesetzbuch, прим. 7 къ § 166.

зомъ правительственной санкціей отдѣльныхъ ферейновъ, какъ религіозныхъ корпорацій, предупредить произволъ суда въ признаніи права на уголовную охрану за отдѣльными религіозными общинами [1]). Кромѣ этого законодательнаго объясненія названнаго ограниченія, скрывающагося въ практическихъ соображеніяхъ, въ литературѣ нѣмецкой было предложено другое, пытающееся оправдать его теоретически. По мнѣнію Шютце, основаніе къ различію религіозныхъ обществъ съ корпоративными правами и безъ нихъ заключается въ томъ, что первыя имѣютъ общую честь (Gesammt—Ehre), вторыя же нѣтъ; такимъ образомъ, согласно ученію Шютце, поношеніе религіозныхъ обществъ, надѣленныхъ корпоративными правами, можетъ быть возведено на степень религіознаго правонарушенія, ибо здѣсь оскорбляется общественная, корпоративная честь, между тѣмъ какъ при поношеніи религіозныхъ обществъ безъ корпоративныхъ правъ о такомъ оскорбленіи не можетъ быть рѣчи [2]).

Но ни первое, ни второе основаніе даннаго ограниченія не представляется намъ состоятельнымъ. Первое—потому, что критеріумъ для отличія дѣйствительнаго религіознаго общества отъ мнимаго остается одинаковымъ какъ въ случаѣ публичнаго поношенія религіозныхъ обществъ вообще, такъ и въ случаяхъ совершенія оскорбительнаго безчинія въ мѣстахъ, предназначенныхъ для религіозныхъ собраній, а также—прерванія отправленій культа (§§ 166, 167), а между тѣмъ законъ при послѣднихъ правонарушеніяхъ ограниченія, о которомъ идетъ рѣчь, не вводитъ; ясно, что опасеніе законодателя лишено серьезнаго характера. Второе—потому, что, если признавать необходимость защиты религіозныхъ обществъ отъ оскорбленій, то она должно распространяться безразлично на всѣ вѣроисповѣданія, не находящіяся въ противорѣчіи съ законами и принципами морали; религіозная жизнь развивается въ обществѣ независимо отъ госу-

---

[1]) Entwurf eines Strafgesetzbuches, 65; см. также Meves, Gerichtsaal, 344.

[2]) Schütze, Lehrbuch, 346, прим. 5; см. также Meves, ibid, 344.

Въ пользу фонда на составленіе при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ стипендіи имени Императора АЛЕКСАНДРА II.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РАЗВИТІИ РУССКАГО РАСКОЛА.

Н. С. Суворова.

Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ залѣ Ярославской городской Думы.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Г. Фалькъ. Духовская улица, собст. домъ.
1886.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

О происхожденіи и развитіи русскаго раскола.

I.

Происхожденіе русскаго раскола.

Исторія христіанства представляетъ длинную, можно сказать— непрерывающуюся вереницу такъ называемыхъ ересей и расколовъ, т. е. ученій, уклоняющихся въ большей или меньшей степени отъ принятаго церковнаго ученія и вызывающихъ къ жизни новыя религіозныя общества, отдѣленныя отъ церкви. Большая и большая вдумчивость въ Евангеліе, или разные недостатки и безпорядки въ существующей организаціи церковной, часто то и другое вмѣстѣ, служили источникомъ новыхъ религіозныхъ идей. Новыя идеи содержали обыкновенно въ себѣ дѣйствительно нѣчто новое, чему церковь никогда раньше не учила. Правда, что эти ученія и церкви самой давали поводъ высказать свой взглядъ по затронутому вопросу; но, отвергая нововведеніе, осуждая новшества, церковь оставалась на традиціонной почвѣ, отстаивала древнее преданіе, старину. Она высказывала свой старинный церковный взглядъ; только при подобныхъ обстоятельствахъ этотъ взглядъ яснѣе и подробнѣе формулировался, такъ какъ тутъ именно нужно было принять въ соображеніе вновь возникшее ученіе и отвѣтить на всѣ вопросы, возбужденные имъ. Въ этомъ отношеніи совершенно оригинальнымъ явленіемъ былъ русскій расколъ. Положимъ, и въ западной Европѣ, новыя религіозныя идеи и новыя религіозныя общества становились подъ знамя древняго апостольскаго преданія, задавались цѣлью вернуться къ первобытной древности христіанства, возстановить апостольскій характеръ церкви, очистить и освободить ее отъ всѣхъ историческихъ нарос-

товъ; но для данной эпохи, для даннаго историческаго момента новыя ученія были дѣйствительно новыми, для существующаго церковнаго порядка онѣ были разрушительными. Лютеръ, Меланхтонъ, Кальвинъ, во имя апостольской церкви, совершенно подрывали порядокъ тогдашней церкви. У насъ, на Руси, въ XVII столѣтіи, роли замѣчательнымъ образомъ перемѣстились: реформаторомъ, желавшимъ возстановить старину старую, выступило церковное правительство; консерваторами, желавшими сохранить старину существующую, обычаемъ укрѣпленную, оказались сектанты. Потомъ, далѣе, и съ русскимъ расколомъ повторилось въ концѣ концовъ тоже самое, что случалось со всѣми сектами, отдѣлявшимися отъ церкви: чѣмъ дальше двигалась исторія, тѣмъ болѣе появлялось въ расколѣ новшествъ и даже рѣзкихъ противоположностей всякой вообще старинѣ, и древней, и по обычаю существовавшей. Первоначальные вожди раскола отшатнулись бы и отреклись отъ многаго, что стало проповѣдываться позднѣйшими раскольниками. Тѣмъ не менѣе въ начальный моментъ своего историческаго происхожденія расколъ былъ безусловно консервативенъ.

И съ другой еще стороны русскій расколъ представляетъ собою явленіе своеобразное и оригинальное. На западѣ исходнымъ спорнымъ пунктомъ между католиками и протестантами оказался философскій вопросъ о свободѣ воли, о томъ, способенъ ли человѣкъ сдѣлать что либо доброе своимъ собственными силами, получаетъ ли онъ оправданіе предъ Богомъ своими усиліями, своими дѣлами, своими заслугами, или, напротивъ, человѣкъ утратилъ всякую способность дѣлать добро своими собственными силами, не въ правѣ опереться на какія нибудь свои заслуги предъ Богомъ и можетъ оправдываться передъ нимъ только лишь своею вѣрой въ Божіе милосердіе. Исходя изъ этого основнаго пункта, Лютеръ перевернулъ вверхъ дномъ и догматику, и церковное устройство. Отстаивая свое ученіе, онъ боролся не только съ оффиціальнымъ представительствомъ католической церкви, которое и

съ своей стороны могло выставить не мало ученыхъ богослововъ, но и съ величайшимъ представителемъ гуманизма,—съ королемъ гуманизма, какъ его называютъ,—съ Эразмомъ роттердамскимъ. Напротивъ, у насъ спорными пунктами оказались обрядъ, буква и правописаніе. Двумя или тремя пальцами дѣлать на себѣ крестное знаменіе, дважды или трижды говорить аллилуію, какъ писать имя Спасителя; „Іесусъ", или „Іисусъ", читать ли 8-й членъ символа вѣры: „и въ Духа Святаго Господа животворящаго", или: „и въ Духа Святаго истиннаго животворящаго", ходить ли въ церкви, напр. при вѣнчаньѣ, вокругъ аналоя, по солнцу, или противъ солнца, четвероконечному кресту кланяться, т. е. такому, на которомъ только одна поперечная пластинка—для рукъ Распятаго, или восьмиконечному, т. е. такому, на которомъ имѣются еще двѣ поперечныя пластинки—подъ ногами Распятаго и надъ Его головой, съ надписью,—какова должна быть именно эта надпись: „Іисусъ Назарянинъ царь Іудейскій", или: „Іесусъ Сынъ Божій царь славы", на пяти или на семи просфорахъ служить литургію, дѣлать ли молитвенное обращеніе къ Христу въ такой формулѣ: Господи Іесусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ", или въ такой: „Господи Іисусе Христе, Боже насъ, помилуй насъ, и т. п.,—вотъ какіе спорные пункты произвели религіозное раздѣленіе въ русскомъ народѣ. Что же? Ужели эти пункты были на столько важны, чтобы произошелъ изъ за нихъ религіозный расколъ? Если они считались дѣйствительно важными, то почему придавалась имъ эта важность? Какимъ образомъ раздѣленіе произошло именно изъ за буквы, изъ за правописанія, изъ за обряда? Наконецъ, какъ могло случиться, что отъ церкви отдѣлилась часть ея членовъ изъ желанія удержать старину, между тѣмъ какъ церковное правительство отреклось отъ этой старины, во имя еще болѣе древней, незапамятной старины?

Въ наше время, смотря, такъ сказать, съ высоты XIX в. на религіозную распрю XVII столѣтія, можно, пожалуй, какъ и дѣлает-

ся нерѣдко, выразить нѣкоторое сожалѣніе объ ограниченности и неразвитости раскольниковъ, но въ тоже время, со всею строгостію, осудить ихъ за то, что они съ невѣжественнымъ упорствомъ ухватились за обряды и за букву, придавъ имъ главное значеніе въ религіи, смотря на нихъ, какъ на догматъ вѣры. Дѣло, однако, заключается не въ одномъ только недостаткѣ просвѣщенія. Недостатокъ просвѣщенія отрицать дѣйствительно невозможно; но это была болѣзнь времени, а не однихъ только раскольниковъ. Тѣ, которые осудили раскольниковъ, точно также придавали слишкомъ важное значеніе буквѣ и обряду, только другой буквѣ и другому обряду,—не тѣмъ, которыхъ придерживались раскольники. Книжные люди московскаго государства не отличались любовью къ философіи, не любили разныхъ мнѣній и мудрованій, а при отсутствіи реальнаго знанія, котораго и на западѣ не было въ средніе вѣка, стало быть и вообще не имѣли никакихъ умственныхъ интересовъ, кромѣ религіозныхъ. Но каковы могли быть религіозные интересы у людей не только безъ всякаго положительнаго знанія, но и безъ привычки къ мышленію? Современная наука съ полнымъ правомъ можетъ относиться свысока къ средневѣковой западной схоластической наукѣ. Но схоластика была все таки наукой, она постоянно держала мысль въ напряженіи, она дисциплинировала мышленіе, пріучила его къ порядку и систематичности. Корифеи античной философіи, Платонъ и Аристотель, въ особенности послѣдній, изучались на западѣ съ самаго начала среднихъ вѣковъ съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ Св. Писаніе и сочиненія учителей церкви. Не смотря на варварскую латынь, казуистичность, часто пустую безсодержательную діалектику, работа схоластиковъ была далеко не безплодною, а напротивъ сдѣлала возможною новѣйшую философію. Не вдругъ же человѣческая мысль перешагнула съ Платона и Аристотеля прямо къ Декарту и Бэкону. Средневѣковые мыслители занимались тѣми же вопросами о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ, которыми занимались древніе и занимаются новѣйшіе философы. Даже и тотъ, излюб-

ленный, пріемъ средневѣковой діалектики, который состоялъ въ томъ, чтобы. выставивъ извѣстное положеніе, приводить вопервыхъ все, что можно сказать *въ пользу* этого положенія, и затѣмъ все, что можно было возразить *противъ* него,—пріемъ, повидимому, представлявшій собою не болѣе какъ праздную гимнастику и эквилибристику ума,—даже и онъ оказался не совсѣмъ безплоднымъ: позднѣйшіе деисты позаимствовались очень многимъ изъ того, что приводилось схоластиками *противъ* разныхъ церковныхъ положеній. Страннаго тутъ ничего нѣтъ: въ исторіи еще не бывало примѣра, чтобъ мысль человѣческая работала вполнѣ безплодно втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, а напротивъ всегда бывало такъ, что работа несовершенная дѣлала возможною работу болѣе совершенную. Странно, напротивъ, то, что люди, занимающіеся воздѣлываніемъ богословія и философіи въ настоящее время, упражняются въ гимнастикѣ уже довольно вредной, дѣлая исполинскій скачокъ отъ античной философіи къ новоевропейской, оставляя въ совершенномъ невѣдѣніи громадный періодъ времени въ развитіи человѣчества, называемый средними вѣками.

Итакъ, московскіе книжники оставались совсѣмъ не затронутыми умственнымъ движеніемъ запада. Имъ даже противна была философія: не видѣли они въ ней ничего, кромѣ грѣховнаго лукавства мысли. Все философское называли они „еллинскимъ", въ смыслѣ языческаго, и „латинскимъ", въ смыслѣ еретическаго. Съ скромностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ самодовольствомъ московскій грамотѣй говорилъ о себѣ: „философію ниже очима видѣхъ и не учихся у философовъ, ни платоновыхъ, ни аристотелевыхъ бесѣдъ не слышахъ, ни философіи не навыкъ". Вмѣсто философіи и наукъ рекомендовалось учиться смиренномудрію и книгамъ благодатнаго закона. „Братіе, не высокоумствуйте,—учили у насъ въ старину,—но въ смиренномудріи пребывайте... Если кто тебя спроситъ: знаешь ли всю философію?—отвѣчай: за еллинскими борзостями не

гонялся, риторскихъ астрономовъ не читалъ и съ мудрыми философами не бывалъ, а учусь книгамъ благодатнаго закона, какъ спасти мою грѣшную душу отъ грѣховъ". Съ этой точки зрѣнія одинъ изъ вождей раскола, попъ Лазарь, былъ вполнѣ выразителемъ взглядовъ своего времени, когда, въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, находилъ отступленіе отъ благочестивыхъ законовъ отеческихъ въ томъ, что царь имѣетъ у себя въ чести „мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ". Не прочь были, пожалуй, наши книжники выступить иногда и съ своимъ аршиномъ; но умственный кругозоръ былъ у нихъ настолько ограниченъ, что они могли задавать себѣ лишь такіе хитроумные вопросы, какъ напр. какое названіе тому дереву, на которомъ повѣсился Іуда? Или: въ какомъ мѣсяцѣ Богъ сотворилъ Адама? Затѣмъ что касается морали, нравственныхъ правилъ жизни, наши старинные книжники составили себѣ односторонній нравственный идеалъ, на основаніи, главнымъ образомъ, тѣхъ сочиненій св. отцовъ и житій святыхъ, въ которыхъ восхваляются твердость въ вѣрѣ предъ невѣрными, удаленіе изъ міра въ пустыню и борьба съ плотію. Другая сторона нравственнаго христіанскаго идеала—любовь къ Богу и къ ближнему, не выходя изъ міра—оставалась очень неразвитою.

Однако, при своемъ небогатомъ умственномъ капиталѣ, русскій грамотный человѣкъ отличался гордостію и самомнѣніемъ. По отзыву иностранца Ульфельда о русскихъ людяхъ XVI в., русскіе считали вѣрнымъ и непреложнымъ все, что ни сказали бы они, не терпѣли противорѣчія въ разсужденіяхъ, не удостоивали выслушать другихъ, перебивали слова. Въ области религіозной самомнѣніе доходило до того, что русскіе приписывали себѣ, такъ сказать, монополію спасенія, только себя считали народомъ христіанскимъ, предметомъ Божіихъ попеченій; въ другихъ странахъ, по ихъ мнѣнію, жили люди поганые, некрещенные, нехристи; латынянъ считали нужнымъ перекрещивать, или, пра-

вильнѣе говоря, крестить, какъ некрещенныхъ, если бы кто либо изъ нихъ пожелалъ принять православіе; самихъ грековъ, отъ которыхъ когда-то русскіе получили вѣру, считали нужнымъ посылать въ монастыри, чтобы поучить ихъ и исправить въ вѣрѣ; малороссіянъ подозрѣвали во многихъ заимствованіяхъ изъ латынства и смотрѣли на нихъ далеко неблагосклонно. Чтобы объяснить себѣ это слишкомъ пренебрежительное мнѣніе московскихъ книжниковъ о другихъ народахъ и слишкомъ заносчивое представленіе о себѣ самихъ, нужно принять во вниманіе ту идею, которая съ тѣмъ большею силою господствовала въ московскихъ книжныхъ и правительственныхъ сферахъ, что, при малыхъ умственныхъ средствахъ, не могло быть конкурренціи разнообразныхъ идей,—одна идея безраздѣльно завладѣла умами, сколько нибудь возвышавшимися надъ народною массою.

Идея эта есть идея историческаго преемства послѣ погибшей византійской имперіи. Исторія новыхъ народовъ западной и восточной Европы имѣетъ ту общую черту, что жизнь ихъ начинается въ средніе вѣка подъ руководствомъ церкви. Но западно-европейскіе народы приняли христіанство отъ стараго Рима и подчинились его духовной власти, а народы восточной Европы—отъ новаго Рима—Константинополя и подчинились духовной власти этого послѣдняго. Идея вѣчнаго Рима, высказывавшаяся еще античными римлянами, черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ паденія западной римской имперіи ожила снова въ представленіяхъ передовыхъ людей западной Европы и выразилась въ созданіи священной римской имперіи германскаго народа. Новый Римъ, Константинополь, считалъ эту западную римскую имперію самозванною и, въ особенности послѣ церковнаго раздѣленія между востокомъ и западомъ, смотрѣлъ на старый Римъ, какъ на погибшій для христіанства, такъ что, слѣдовательно, новый Римъ долженъ былъ считаться единственнымъ представителемъ Рима вѣчнаго и христіанскаго. Но вотъ послѣ многовѣковой борьбы съ магометанствомъ, восточная римская имперія разрушается, какъ

разрушилась за 1000 лѣтъ передъ тѣмъ западная римская имперія. Новый Римъ, оплотъ христіанства по взгляду русскихъ, которые отсюда именно получили вѣру христіанскую, становится добычей магометанъ. Другіе народы восточной Европы, принявшіе византійское же христіанство, точно также порабощены туркамъ. Мало того, на закатѣ своихъ дней, сама византійская имперія поскользнулась и пошатнулась въ православіи, вступивъ въ унію съ латынствомъ на соборѣ во Флоренціи. Вѣра византійцевъ сдѣлалась подозрительною, „испроказилась", въ глазахъ русскихъ. Послѣ потери политической независимости, византійцы даже книгъ церковныхъ не въ состояніи были печатать у себя. Церковныя книги должны были печататься въ западно-европейскихъ типографіяхъ Венеціи, Парижа и пр. Стало быть, разсуждали русскіе, латынство имѣло тутъ полную возможность отравлять и заражать чистую вѣру въ самомъ источникѣ, окончательно „испроказить" православіе. Но долженъ же Богъ поручить какому либо народу хранить истинную вѣру на землѣ? Чьи нибудь сильныя руки должны взять этотъ священный кивотъ завѣта изъ разслабленныхъ рукъ Византіи? О, да, разумѣется, и этимъ народомъ можетъ быть только русскій народъ, который, по милости Божіей, стряхнулъ съ себя иго татарское какъ разъ около того времени, какъ греки и православные народы восточной Европы покорились магометанамъ, и, не обезсиливаемый удѣльною рознію, живетъ подъ властію сильнаго московскаго князя. Ко времени перваго московскаго царя Ивана Васильевича IV, постаравшагося скрѣпить свое царское вѣнчаніе признаніемъ восточныхъ патріарховъ, московскіе книжники имѣли подъ руками уже не мало солидныхъ доказательствъ, подтверждавшихъ наслѣдственныя права Москвы послѣ Константинополя. Оказывалось, что и христіанскую вѣру русскіе получили отъ того же апостола Андрея Первозваннаго, отъ котораго получила ее и Византія. Оказывалось, что еще за долго до паденія восточной имперіи императоръ Константинъ Мономахъ передалъ по наслѣд-

ству, или, какъ другіе говорили, императоръ Алексѣй Комненъ прислалъ нарочито знаки императорскаго достоинства русскому князю Владиміру Мономаху. Оказалось далѣе, что бѣлый клобукъ, который будто бы былъ врученъ нѣкогда Константиномъ великимъ римскому папѣ Сильвестру, какъ отличительный знакъ первосвященническаго достоинства, но потомъ, вслѣдствіе нечестія папъ, по особому откровенію, былъ отосланъ изъ Рима въ Костантинополь, отсюда опять, по особенному откровенію, передъ паденіемъ Константинополя, препровожденъ былъ въ русскую землю. Утверждалось, что Сильвестръ, явившись во снѣ константинопольскому патріарху, сказалъ ему: „какъ отъ Рима отнята была благодать, честь и слава, точно также и отъ Константинополя благодать Св. Духа отымется, и все святое будетъ передано великой русской землѣ". Оказалось наконецъ, что великая святыня—икона Тихвинской Божіей Матери чудеснымъ образомъ оставила византійскую имперію и перешла на Русь.

Не мудрено, что бракъ Ивана III съ отпрыскомъ византійскаго императорскаго дома—Софьей Палеологъ не могъ разсматриваться иначе, какъ одинъ изъ тѣхъ провиденціальныхъ фактовъ, которыми Богъ ясно выражаетъ свою волю въ судьбахъ человѣчества. Не мудрено и то, что царь Иванъ IV, уже ни мало не смущаясь, увѣрялъ и себя, и своихъ подданныхъ, и иностранныхъ пословъ, что родъ его идетъ по прямой линіи отъ римскаго кесаря Августа, и что эта, сочиненная имъ самимъ, генеалогія будто бы всему свѣту извѣстна.

Итакъ идея византійскаго преемства съ величайшею силою овладѣла передовыми русскими людьми. Изъ провиденціальныхъ событій исторіи они усматривали, что на народъ русскій и на царя московскаго возлагается Богомъ шапка Мономаха, со всѣмъ ея величіемъ и со всѣмъ ея тягостями. Главнѣйшая обязанность, связанная съ этой шапкой Мономаха, дожна была состоять въ сохраненіи истинной христіанской вѣры, православія. Но что же могъ русскій человѣкъ, хотя бы и книжный, понимать подъ

православіемъ? Вопервыхъ, онъ зналъ отъ грековъ, слышалъ отъ нихъ безчисленное множество разъ, что нѣтъ на свѣтѣ злѣе латынской ереси, что православному не слѣдуетъ состоять даже въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ съ латынянами, не слѣдуетъ ѣсть изъ одного съ ними блюда и т. п. Если греки сами вступили въ унію съ латынствомъ, если и югозападная, кіевская Русь также вошла въ соприкосновеніе съ латынствомъ; то тѣмъ хуже и для грековъ, и для малороссіянъ, но вмѣстѣ и тѣмъ страшнѣе отсюда отвѣтственность передъ Богомъ для великорусскаго народа и московскаго государя. На нихъ пала вся тяжесть высокой и вмѣстѣ страшной задачи. Вѣдь если здѣсь угаснетъ истинная вѣра, такъ значитъ и вообще погибнетъ она на землѣ: „четвертому Риму не быть“,—такъ сказалъ и папа Сильвестръ, явившійся во снѣ константинопольскому патріарху. Значитъ, какъ заботливо, вѣрно и осторожно нужно хранить ввѣренное Богомъ сокровище! Русскій человѣкъ привыкъ къ извѣстному богослужебному порядку, къ извѣстнымъ книгамъ, по которымъ богослуженіе совершается, къ извѣстнымъ религіознымъ обрядамъ. Въ этомъ порядкѣ, въ этихъ книгахъ, въ этихъ обрядахъ, онъ и могъ только поставлять православіе. Полетъ русскаго ума не былъ такъ высокъ, чтобы наши предки могли взглянуть, такъ сказать, сверху на обрядовую сторону религіи. Безъ этой обрядовой стороны, русскій человѣкъ долженъ бы былъ остаться буквально не причемъ. Понятно, что эта сторона религіи и должна была стать предметомъ самаго заботливаго, самаго тщательнаго храненія и попеченія со стороны религіознаго русскаго человѣка. Опасливо отстраняя себя отъ всякаго общенія съ западомъ, русскій человѣкъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ хранить все то, что есть въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, оберегать каждую букву, не допускать ни малѣйшей перемѣны, умирать за „одинъ азъ“, если бы какая либо власть покусилась исключить эту букву оттуда, гдѣ она была, или внести ее туда, гдѣ ея не было. Грамотные русскіе люди не могли допустить,

чтобы самыя мелочныя вещи не имѣли особаго, глубокаго, таинственнаго значенія.

Однако,—замѣчательное явленіе исторіи!—въ то самое время какъ передовые люди книжныхъ и правительственныхъ сферъ болѣе и болѣе выясняли и усвояли себѣ русскую историческую задачу, какъ они ее понимали, въ русскія богослужебныя книги и въ церковные обряды, благодаря намѣреннымъ и ненамѣреннымъ ошибкамъ писцовъ и переписчиковъ, внесено было не малое число разностей, сравнительно съ греческими подлинниками и даже старинными славянскими рукописями.

Само собою разумѣется, что эти разности принимались на вѣру, какъ и все содержащееся въ церковныхъ книгахъ, безъ критической провѣрки по подлинникамъ. Переписчиками дѣло не ограничилось. Государствованіе перваго московскаго царя Ивана IV представляетъ два поучительныя явленія, свидѣтельствующія о томъ, что если сознаніе національнаго достоинства, чувство народной гордости производитъ много великаго въ исторіи, то, напротивъ, непродуманное и неосмысленное національное самомнѣніе можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Исторія освободила русскій народъ отъ посторонней опеки, не давъ ему въ тоже время достаточнаго образованія, не поставивъ его твердо на ноги, и надѣла на него и на царя шапку Мономаха,—и вотъ мы сразу же видимъ самомнѣніе царя и самомнѣніе духовной іерархіи. Самомнѣніе царя, производившаго свой родъ отъ кесаря Августа, выразилось въ тиранніи, не находившей никакой сдержки и никакого противовѣса. Самомнѣніе духовной іерархіи выразилось въ опредѣленіяхъ знаменитаго стоглаваго собора 1551 г., который, не сносясь съ другими церквами и не справляясь съ древними греческими и славянскими книгами, постановилъ новые догматы: креститься двумя пальцами, аллилуію говорить подважды, не брить бородъ и усовъ не постригать, подъ страхомъ церковнаго проклятія. Русскій взглядъ на обрядъ не могъ быть выраженъ яснѣе и рѣшительнѣе. Члены собора, ар-

хіереи, понимали религію точно также, какъ и всѣ остальные, книжные и не книжные, люди московскаго государства, т. е. поставляли ее въ обрядахъ, изъ обрядовъ дѣлали догматъ вѣры, и при этомъ еще вдобавокъ догматизировали такіе обряды, которые не могли быть подтверждены древними книгами, а установились собственно въ московскомъ государствѣ, или даже совсѣмъ не имѣли никакого отношенія къ религіи.

Не разъ греки, приходившіе въ Москву, смущали русское церковное правительство, утверждая, что въ православной русской землѣ существуетъ много такого, чего нѣтъ и не было не только въ современной, но и въ древней православной Византіи. Смутиться было отъ чего: продолжательница и преемница древней православной Византіи, поставившая себѣ задачею соблюсти истинную вѣру, не соблюла ея, не исполнила своего назначенія, допустила разныя уклоненія отъ православія! Но съ другой стороны не разъ же можно было наблюдать зловѣщія примѣты сопротивленія всякимъ попыткамъ внести какую бы то ни было поправку въ установившуюся церковную обрядность. Еще при отцѣ Грознаго, великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ, ученый грекъ Максимъ,— не одинъ изъ тѣхъ заурядныхъ грековъ, авантюристовъ и попрошаекъ, которые во множествѣ прибывали въ Россію, а грекъ ученый, серьезный и добросовѣстный,—занялся было исправленіемъ ошибокъ въ московскихъ церковныхъ книгахъ.., но не добромъ и кончилъ онъ, а пожизненнымъ заточеніемъ въ монастырской тюрьмѣ. Приставленный къ Максиму помощникъ по исправленію книгъ, Медоварцевъ показывалъ на судѣ, къ которому привлеченъ былъ Максимъ, что его, помощника, дрожь проняла великая и ужасъ на него напалъ, когда Максимъ велѣлъ ему загладить нѣсколько строкъ въ одной церковной книгѣ: такъ смотрѣлъ русскій человѣкъ на исправленіе церковныхъ книгъ. Или вотъ другой примѣръ. Архимандритъ Сергіевой Лавры Діонисій—лицо, имѣвшее не малое право на вниманіе и уваженіе, тотъ самый Діонисій, который въ смутное время самозванщины

и междуцарствія, разсылалъ горячія патріотическія воззванія по всей русской землѣ, приглашая идти къ Москвѣ и спасти русское отечество, исключилъ изъ церковнаго требника одно слово, дѣйствительно не у мѣста и безъ смысла вставленное переписчиками, исключилъ притомъ не самовольно, а по порученію церковнаго правительства, которое возложило на него трудъ пересмотрѣть нѣкоторыя церковныя книги. И Діонисій долженъ былъ цѣлый годъ томиться скованнымъ въ монастырской тюрьмѣ и оказался оправданнымъ на окончательномъ судѣ только потому, что за него вступился отецъ царя, Филаретъ, вернувшійся изъ польскаго плѣна. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Іосифѣ предпринимается, по видимому, радикальная мѣра: исправленіе и печатаніе церковныхъ книгъ поручено „справщикамъ", довѣреннымъ людямъ, самымъ виднымъ и разумнымъ протопопамъ и священникамъ московскимъ и иногороднымъ. Въ то же время на востокъ посылается монахъ Арсеній Сухановъ, для изученія тамошнихъ обрядовъ и книгъ. И что же? Довѣренные люди оставили безъ измѣненія всѣ существовавшія въ русскихъ книгахъ особенности отъ греческихъ, мало того, вначалѣ книгъ они помѣстили еще особое наставленіе, въ видѣ предисловія, о томъ, что креститься нужно непремѣнно двумя пальцами. И безъ этихъ наставленій, всѣ и каждый, начиная съ царя и патріарха и оканчивая послѣднимъ нищимъ московскаго государства, крестились двумя пальцами. А тутъ еще особыя наставленія о двуперстіи въ книгахъ, оффиціально изданныхъ церковнымъ правительствомъ; вѣдь протопопы и священники, завѣдывавшіе печатаніемъ, были довѣренными отъ правительства лицами, дѣло ихъ было дѣломъ оффиціальнымъ. Посмотримъ затѣмъ, какъ исполнялъ свое порученіе отправленный на востокъ монахъ Арсеній Сухановъ, для изученія тамошнихъ книгъ и обрядовъ. Однимъ изъ первыхъ извѣстій, дошедшихъ до него, по прибытіи на востокъ, былъ слухъ, что греческіе монахи на Аѳонѣ сожгли московскія книги, какъ еретическія, да хотѣли сжечь и того серба, у ко-

тораго нашлась эти книги. Русскій монахъ вступилъ въ преніе съ восточными архіереями, съ большею даже ловкостію доказывая имъ, что русскій обрядъ правильнѣе греческаго, и что вообще греки утратили все, чѣмъ могли нѣкогда гордиться, и все доброе и святое, чѣмъ они владѣли когда-то, перешло къ русскимъ, что русскіе могутъ прожить такъ же хорошо безъ восточныхъ патріарховъ, какъ восточные патріархи живутъ безъ папы.

И вдругъ рѣзкая перемѣна картины! Слѣдующій за Іосифомъ патріархъ, Никонъ, однимъ ударомъ разрушаетъ установившуюся русскую церковную обрядность. Онъ прочиталъ въ одной грамотѣ, что не слѣдуетъ допускать никакихъ новшествъ въ православной церкви, и пришелъ „въ великій страхъ", убѣдившись изъ сравненія русскихъ книгъ съ греческими подлинниками, что между тѣми и другими далеко нѣтъ полнаго соотвѣтствія, что даже и въ символѣ вѣры есть разности. Кромѣ „великаго страха", который почувствовалъ Никонъ, сдѣлавъ это открытіе, другое, очень сильное чувство подсказывало ему рѣшимость безъ всякихъ колебаній и промедленій взяться за исправленіе церковныхъ книгъ,—эллинофильство. Никонъ былъ эллинофилъ по принципу: онъ самъ говорилъ о себѣ, что любитъ страстно все греческое, какъ истый грекъ. Ему достаточно было напр. взглянуть на греческій клобукъ, чтобы въ немъ сейчасъ же явилась мысль о замѣнѣ прежняго русскаго клобука греческимъ. Отъ мысли къ дѣлу, отъ рѣшимости къ исполненію перейдти было не трудно такому человѣку, какъ Никонъ. Недостаткомъ энергіи онъ не страдалъ, не могъ пожаловаться и на недостатокъ власти. Онъ былъ „великимъ государемъ" на Москвѣ. Онъ не только стоялъ рядомъ съ другимъ великимъ государемъ—царемъ, но и затмѣвалъ царя. Итакъ рѣшено возстановить чистоту древне-греческаго обряда и древне-греческой буквы, искоренить всѣ обрядовыя отступленія, создавшіяся въ московскомъ государствѣ въ теченіе не одной сотни лѣтъ. Рѣшеніе это не было

особенно плодотворную по своей основной идеѣ: предпринималась реформація буквы во имя буквы же, а не во имя какихъ либо высшихъ истинъ православія. Но не только не плодотворнымъ, а въ высшей степени печальнымъ по своимъ историческимъ послѣдствіямъ было самое выполненіе рѣшенія, неподготовленное, крутое и безжалостное. Уже факты изъ прошлаго ясно говорили о всей опасности подобныхъ предпріятій. Но были факты и поновѣе. Такъ напр. Никонъ, въ началѣ своего патріаршества, распорядился, чтобы великимъ постомъ, при произношеніи извѣстной молитвы: „Господи и владыко живота моего", кланялись въ землю не 16 разъ, какъ дѣлалось нашими богомольными предками, а четыре раза,—и нашлись люди, которые усмотрѣли въ этомъ нововведеніи „ересь непоклонническую". Или напр. нѣсколько раньше, когда Никонъ былъ митрополитомъ новгородскимъ, многіе изъ русскихъ, въ томъ числѣ даже патріархъ Іосифъ, отнеслись въ высшей степени неодобрительно, какъ къ „ереси" же, къ введенію „единогласія" вмѣсто „многогласія". Наши предки считали долгомъ соблюдать во всей строгости богослужебные уставы, считали величайшимъ грѣхомъ выпустить какіе либо стихи, молитвы и псалмы, положенные по уставу; но въ тоже время они не прочь были поскорѣе отдѣлаться отъ службы. Поэтому, не выпуская ничего ни въ чтеніи, ни въ пѣніи, они старались ускорить ходъ богослуженія такимъ образомъ, что разомъ въ нѣсколько голосовъ кто пѣлъ, кто читалъ, кто ектенію говорилъ. Тутъ уже не трудно было понять, безъ всякой справки съ какими либо рукописями, просто по здравому смыслу, что прекращеніе „многогласія" было прекращеніемъ очевиднаго безобразія. И однако, не говоря о другихъ, даже самъ патріархъ осуждалъ это нововведеніе: обрядъ въ извѣстной формѣ сдѣлался настолько привычнымъ для всѣхъ, книжныхъ и не книжныхъ, оффиціальныхъ и частныхъ лицъ, что всякая неожиданная и неподготовленная перемѣна ошеломляла ихъ.

Не взвѣсивъ очень ясныхъ и внушительныхъ указаній исто-

ріи и собственнаго опыта, слѣдуя лишь своей идеѣ и полагаясь на свою широкую власть, не обращая ни малѣйшаго вниманія на состояніе умовъ, Никонъ производитъ радикальнѣйшую перемѣну въ существовавшей церковной обрядности. Однако, и онъ исправилъ далеко не всѣ неисправности въ церковныхъ книгахъ. А что касается сдѣланныхъ имъ исправленій, то относительно нѣкоторыхъ и теперь еще раскольники не безъ успѣха доказываютъ, что до никоновская практика была лучше, напр. относительно двуперстія, или относительно чтенія 8-го члена символа вѣры. Относительно другихъ перемѣнъ, можно было сослаться на извѣстные по лѣтописямъ факты, и на соборныя постановленія, напр. относительно хожденія посолонь, или относительно четвероконечнаго креста, относительно сугубой аллилуіи. Относительно нѣкоторыхъ нововведеній нельзя даже было видѣть, чтобы Никонъ дѣйствовалъ по греческимъ образцамъ,—таковы напр. звонъ къ достойну, пятиглавая форма храмовъ. Наконецъ относительно всѣхъ нововведеній можно сказать, что они дѣлались въ единственномъ разсчетѣ силою сломить всякое сопротивленіе. Патріархъ созналъ необходимость исправленія, а сознаетъ ли еще кто нибудь, кромѣ него, эту необходимость,—такимъ вопросомъ новаторъ не задавался. Онъ сознавалъ себя сильнымъ провести всякую реформу. Старые обряды объявлены не только неправильными, а прямо еретическими, и подвергнуты проклятію. Едва ли можно было поступить болѣе безжалостно съ русскимъ религіознымъ чувствомъ. Какъ? Старые обряды и старыя книги еретическія? Да вѣдь по этимъ книгамъ спаслось столько русскихъ святыхъ, Богомъ прославленныхъ за свою святость? Значитъ и тѣ святые—не святые, а еретики? Такія вещи можетъ говорить только тотъ, кто самъ еретикъ. Къ тому же, вмѣсто прежнихъ „справщиковъ", людей дѣйствительно невѣжественныхъ, исправленіе и печатаніе церковныхъ книгъ было поручено кіевскимъ ученымъ, т. е. малороссіянамъ, вѣра которыхъ давно уже была подозрительна въ глазахъ мос-

ковитянъ, и нѣкоему Арсенію греку, о которомъ положительно было извѣстно, что онъ нѣсколько разъ перемѣнялъ вѣру: принималъ и православіе, и католицизмъ, и даже магометанство. Не чему удивляться, если дѣйствія Никона вызвали церковный расколъ, и если первыми вождями раскола оказались именно тѣ „справщики", протопопы и священники,—Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логинъ и друг., которые отстранены были патріархомъ Никономъ отъ печатанія книгъ. Жесткость, съ которою Никонъ старался достигнуть выполненія своей задачи, могла только вредить дѣлу исправленія и усиливать расколъ. Люди, которые осмѣливались противорѣчить, разстригались и ссылались на заточеніе въ монастыри; особенно трагическая судьба постигла одного архіерея, епископа Павла коломенскаго. Послѣ позорнаго разстриженія, онъ былъ преданъ тяжкому тѣлесному наказанію и сосланъ въ заточеніе; на соборѣ 1667 г. было заявлено, что епископъ, находясь въ заточеніи, сошелъ съ ума, и никто не видѣлъ какъ онъ погибъ, бѣдный, звѣрями ли растерзанъ, или упалъ въ рѣку и утонулъ,—а по раскольническимъ извѣстіямъ, онъ былъ сожженъ, по приказанію Никона.

Насколько неблагоразуміе не принадлежало къ числу добродѣтелей знаменитаго патріарха, видно изъ того, какъ онъ поступилъ съ иконами, писанными по польскимъ и французскимъ образцамъ, а не по византійскимъ. Въ недѣлю православія такія иконы, отобранныя у бояръ, у которыхъ онѣ были найдены, представлены были въ церковь. Здѣсь, въ присутствіи царя и массы богомольцевъ, преданы были анаѳемѣ всѣ, кто будетъ впредь писать или держать у себя французскія иконы. При этомъ патріархъ бралъ одну за другою подносимыя ему новыя иконы, показывалъ ихъ народу и затѣмъ бросалъ на желѣзный полъ съ такой силой, что иконы разбивались. Результатъ былъ тотъ, что москвичи стали называть патріарха иконоборцемъ.

Былъ моментъ, когда суровый патріархъ, повидимому, созналъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, преслѣдуя церковныя неис-

правности. Разсуждая съ однимъ изъ прежнихъ „справщиковъ“, превратившимся въ вождя раскольниковъ, Иваномъ Нероновымъ, Никонъ плакалъ, слыша отъ него упреки въ жестокости, и даже высказался, что „и старыя, и новыя книги хороши, по которымъ де хочешь, по тѣмъ и служишь“. Можетъ быть справедливо предположеніе извѣстнаго церковнаго историка, покойнаго митрополита московскаго Макарія, что если бы Никонъ продолжалъ занимать патріаршую каѳедру, то при немъ же и уладилось бы столкновеніе между старымъ и новоисправленнымъ обрядомъ, допущено было бы совмѣстное существованіе того и другаго на равныхъ правахъ. Но Никонъ удалился съ патріаршей каѳедры; въ теченіе 8 лѣтъ патріарха не было: и личнымъ врагамъ Никона, и противникамъ его церковныхъ нововведеній открылась возможность дѣйствовать болѣе свободно въ защиту своихъ взглядовъ. Разъ, толчокъ былъ данъ сильный,— движеніе уже не останавливалось. Да къ несчастію еще, дѣло это изъ рукъ эллинофила—московскаго патріарха—перешло теперь въ руки самихъ эллиновъ—восточныхъ патріарховъ. Они приглашены были царемъ для суда надъ разнуздавшимся московскимъ патріархомъ. На русскую землю вступили они съ сознаніемъ своей высшей судебной власти; на пути въ Москву принимали по городамъ и селамъ челобитныя, творили судъ и расправу, разстригали духовныхъ лицъ за приверженность къ стариннымъ русскимъ обрядамъ, принимали подъ свою защиту и освобождали даже сосланныхъ, политически компрометировавшихъ себя лицъ.

Въ 1667 г. въ Москвѣ составился достопамятный соборъ, который осудилъ московскаго патріарха, но вмѣстѣ тутъ же разыгралъ и роль исторической немезиды по отношенію къ русскому самомнѣнію. Московскій царь предсталъ передъ достопочтеннымъ соборомъ, какъ подсудимый, со слезами на глазахъ и даже съ плачемъ оправдывающійся отъ обвиненій, взводимыхъ на него московскимъ патріархомъ, и въ свою очередь самъ обвиняющій патріарха передъ судьями. Не спасся отъ униженія и московскій соборъ вре-

менъ Грознаго, такъ называемый стоглавый соборъ 1551 г.— тотъ самый, который догматизировалъ двуперстіе и сугубую аллилуію: объ этомъ соборѣ достопочтенные судьи выразились, что онъ поступилъ такъ „простотою и невѣжествомъ". Упорные приверженцы старыхъ обрядовъ преданы анаѳемѣ и обречены на уголовныя наказанія. Греки сдѣлали свое дѣло: скрѣпили возникшій въ русской церкви расколъ соборнымъ приговоромъ и уѣхали въ свои страны, предоставивъ русскому правительству самому вѣдаться съ этимъ затрудненіемъ, которое чѣмъ дальше, тѣмъ сложнѣе и опаснѣе становилось, а русскимъ богословамъ оставивъ довольно мудреную задачу доказывать, что соборный приговоръ 1667 г. былъ вполнѣ справедливъ. Впрочемъ, есть такіе усердствующіе добровольцы, которые доказываютъ даже, что приговоръ этотъ былъ непогрѣшимъ....

Ошибки, мнѣ кажется, не будетъ, если изъ сказаннаго мною сдѣланъ будетъ тотъ выводъ, что расколъ представлялъ собою религіозную или церковную партію приверженцевъ старыхъ книгъ и старыхъ обрядовъ. Политическаго характера эта партія не имѣла; она только лишь желала остаться при старинной церковной обрядности и была выразителемъ стариннаго русскаго взгляда, что въ церковныхъ книгахъ и въ церковныхъ обрядахъ нельзя измѣнять ни одной іоты, ни одной мелочи, какъ бы она ни была маловажна. Не совсѣмъ справедливо было бы называть раскольниковъ и скопищемъ церковныхъ мятежниковъ, протопоповъ и поповъ, которые будто бы, по личной ненависти къ новатору—патріарху, отставившему ихъ отъ печатанія книгъ, возмутились противъ распоряженій законной церковной власти и увлекли за собой множество невѣжественнаго народа. Не бывшіе только справщики, а и архіереи отстаивали старину. Кромѣ Павла коломенскаго, и нѣкоторые другіе архіереи не симпатизировали новшествамъ, но нашли болѣе удобнымъ или во время принести повинную, или и совсѣмъ воздержаться отъ всякаго протеста. Масса народа, сама по себѣ, не была фана-

тична, могла пойдти и за книжниками правительственной стороны, и за книжниками оппозиціи. Добродушная натура невѣжественнаго русскаго человѣка, какъ говоритъ Костомаровъ, по своему свойству, менѣе, чѣмъ чья нибудь, была наклонна къ нетерпимости,—нужно было грамотное невѣжество, чтобы возбуждать въ немъ фанатизмъ. Но и самые эти грамотники, обыкновенно духовныя лица и монахи, которые, какъ показала и дальнѣйшая исторія, дѣйствительно были самыми ревностными распространителями раскола, не были церковными мятежниками. По ихъ мнѣнію, они отстаивали истинную вѣру отъ еретическихъ покушеній: исторія христіанства могла указать имъ не мало случаевъ, когда и патріархи и архіереи впадали въ ересь, и истинная вѣра отстаивалась священниками и монахами. Въ вожакахъ раскола нельзя отрицать личной вражды къ Никону: эта личная вражда и въ самомъ дѣлѣ могла служить сильнымъ мотивомъ къ сопротивленію его новшествамъ. Нравственную безупречность всѣхъ этихъ вожаковъ доказывать было бы трудно, и слѣдовательно трудно было бы сказать, что всѣ они воодушевлены были извѣстною идеей и беззавѣтно служили этой идеѣ. Напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ, о суздальскомъ попѣ Никитѣ, Юрій Крижаничъ (сербъ и католическій священникъ, прибывшій въ Москву съ грандіознымъ планомъ всеславянскаго христіанскаго государства подъ державой московскаго царя и волею судебъ очутившійся въ Сибири) разсказываетъ, что Никитѣ „улицы бывали тѣсны“, т. е., употребляя выраженіе другаго расколовождя, протопопа Аввакума, Никита слишкомъ „прилежаше питія хмѣльнаго“. Но совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ представляется личность этого самаго Аввакума, этого богатыря протопопа, по выраженію историка Соловьева,—этого Петра I-го съ обратной стороны,—какъ выразился другой ученый,—по его вліянію на консервативный слой русскихъ людей. Аввакумъ былъ очень ограниченный человѣкъ, но ему нельзя отказать въ непоколебимой честности и въ стойкости убѣжденій. И били

его смертнымъ боемъ, и пальцы на рукахъ ему отгрызали зубами, и плевали въ глаза,—богатырское терпѣніе Аввакума брало верхъ надъ всѣми испытаніями. Чуть не всю Сибирь пришлось ему исходить, вмѣстѣ и съ его протопопицей, испытывая невообразимыя трудности и возмутительныя жестокости. Съ паденіемъ Никона, Аввакумъ вернулся изъ Сибири въ Москву и оказался здѣсь въ еще болѣе затруднительномъ положенія, чѣмъ въ Сибири. Царь, глубоко уважавшій Аввакума за его жизнь, уговаривалъ его воздержаться отъ рѣзкаго осужденія никоніанскихъ новшествъ. Аввакумъ видѣлъ, что царь болѣетъ за него, видѣлъ многіе знаки вниманія со стороны царицы и бояръ, и устоялъ въ своей рѣшимости обличать то, что ему казалось ересью, и проповѣдывать то, что признавалось имъ за истинную вѣру. Въ такомъ человѣкѣ отрицать искренность убѣжденій нельзя. Самый образъ дѣйствій вождей раскола, конечно, одобрить невозможно; они не могли, да и не умѣли говорить обстоятельно, связно и спокойно, а могли только „бранить и лаять отъ Писанія", какъ выражался о себѣ Аввакумъ; но въ ихъ необузданности, недисциплинированности, виноваты были не одни они, а и церковное правительство, которое давнымъ бы давно должно было дисциплинировать духовенство, виноваты были въ этомъ и всѣ вообще условія умственнаго развитія древне-русскаго человѣка. Говоря безпристрастно и серьезно, подобной радикальной ломки существующаго церковнаго обряда, какая сдѣлана была Никономъ, не вынесъ бы православный русскій народъ даже въ настоящее время, а не только 200 лѣтъ тому назадъ. Представимъ себѣ, что во главѣ нынѣшняго церковнаго правительства сталъ бы человѣкъ, совершенно ясно сознающій, что богослуженіе на русскомъ языкѣ можетъ гораздо лучше достигать цѣли, чѣмъ богослуженіе на мало понятномъ славянскомъ языкѣ, что разные псалмы и стихи, проникнутые возвышенной поэзіей, пропадаютъ для массы народа, ни слова въ нихъ не понимающей, что достоинство богослуженія не проиграло, а выиграло бы отъ допущенія инструментальной музыки, что

сохранились въ настоящее время такія принадлежности богослуженія, которыя когда-то имѣли смыслъ, а теперь совсѣмъ потеряли его и должны быть оставлены, напр. предложеніе оглашеннымъ выйдти изъ церкви. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ реформы подобнаго рода не касались бы догматовъ вѣры, относились бы только къ обрядности. Но несомнѣнно и то, что всѣ попытки реформы въ этомъ направленіи, если бы онѣ стали дѣлаться тѣмъ же способомъ, какъ въ XVII столѣтіи, въ разсчетѣ на широту власти и при полномъ игнорированіи того, насколько подготовленъ къ этому народъ, съ принудительнымъ навязываніемъ реформы, какъ общеобязательнаго закона, всѣмъ и каждому,—всѣ эти попытки и въ настоящее время произвели бы религіозный расколъ, не меньшій, чѣмъ въ XVII столѣтіи. А между тѣмъ, въ настоящее время, нашлось бы, конечно, гораздо болѣе сторонниковъ подобныхъ реформъ, чѣмъ имѣлъ ихъ Никонъ, котораго почти никто изъ русскихъ людей не понималъ, къ которому напротивъ всякій готовъ былъ обратиться съ вопросомъ, что онъ дѣлаетъ и зачѣмъ это дѣлаетъ.

Царь, присутствовавшій на соборѣ 1667 г., былъ не Петръ Алексѣевичъ, котораго пора еще не пришла, и не Иванъ Васильевичъ III, который когда-то вступился за русскій обычай хожденія посолонь, не далъ его въ обиду, пошелъ противъ митрополита, а „тишайшій“, и добрѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ. Между тѣмъ, въ тогдашній моментъ требовался именно государь энергическій, который, въ виду враждебнаго столкновенія церковныхъ партій, не разрывая связи съ православіемъ, согласно всѣмъ историческимъ традиціямъ русской царской власти, не упускалъ бы въ тоже время изъ вида, что обѣ партіи, при всей ихъ взаимной враждѣ, состоятъ изъ русскихъ же людей, и что нельзя обрушиваться всею тяжестію власти на религіозную партію, пересиленную противниками. Царь и дѣлалъ попытку облегчить напримѣръ положеніе Аввакума, уговаривалъ его отказаться отъ всякихъ протестовъ, хаживалъ даже къ тюрьмѣ, когда Авва-

кумъ былъ вновь лишенъ свободы по требованію духовныхъ властей. Но предоставимъ самому Аввакуму разсказать, въ чемъ выразилось участіе царя; царь, пишетъ Аввакумъ въ своемъ „житіи“, „приходилъ въ монастырь, около темницы моей походилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря, кажется потому, и жаль ему меня, да что воля Божія такъ лежитъ“. Царь пожертвовалъ Аввакумомъ: самъ онъ готовился къ собору 1667 г., на которомъ долженъ былъ разыгрывать роль подсудимаго, тягаться съ московскимъ патріархомъ передъ восточными патріархами.. Изъ бояръ также никто не сказалъ ни одного слова въ пользу приверженцевъ старины, хотя бояре, враждовавшіе съ новаторомъ—патріархомъ, послѣ его удаленія съ каѳедры, оказывали не малую поддержку вождямъ раскола и тѣмъ самымъ подавали имъ нѣкоторыя надежды на торжество ихъ дѣла.

Между тѣмъ, противники стараго обряда употребили царское имя въ свою пользу, сдѣлали изъ него роковое употребленіе, стоившее многихъ разбитыхъ жизней, многихъ сожженій и самосожженій, многихъ хлопотъ и опасеній для правительства даже въ нынѣшнемъ столѣтіи. Доказывая правильность вновь исправленныхъ книгъ и обрядовъ и неправильность прежнихъ, представители никоновскаго православія спрашивали старообрядцевъ: „скажите, православенъ царь Алексѣй Михайловичъ, или нѣтъ? Вѣдь новыя книги рязсылаются именемъ царя, новые обряды одобрены и предписаны царемъ“. Ожидалось, что старообрядцы не посмѣютъ отрицать православіе царя, а слѣдовательно должны будутъ непремѣнно признать православіе и новыхъ книгъ съ новыми обрядами. Аввакумъ еще говорилъ о царѣ и царицѣ: „Богъ ихъ проститъ, я своего мученія на нихъ не спрашиваю ни въ будущій вѣкъ, молиться мнѣ подобаетъ о нихъ, о живыхъ и о преставившихся, дьяволъ между нами разсѣченіе положилъ, а они всегда добры до меня“. Жестокій вопросъ о православіи царя, въ упоръ поставленный старообрядцамъ, сначала озадачивалъ вопрошаемыхъ; но потомъ, когда ока-

залось, что именемъ царя, блюстителя православія, ихъ, представителей древняго православія, отправляютъ въ заточеніе, обезглавливаютъ и сожигаютъ, прекратили молитву за царя, рѣшивъ, что въ Россіи, вмѣсто царя, властвуетъ антихристъ. Петръ Великій могъ бы отнестись къ расколу съ тѣмъ великимъ государственнымъ смысломъ, который всегда отличалъ его: къ сожалѣнію было уже поздно. Историческое несчастіе раскола состоитъ въ томъ, что ему, вскорѣ же послѣ его возникновенія, пришлось играть печальную роль въ политическихъ дѣлахъ Россіи, участвовать въ разныхъ бунтахъ, хотя, впрочемъ, нѣтъ никакого основанія утверждать, что одни только раскольники и составляли тотъ контингентъ, изъ котораго вербовались бунтовщики.

Во всякомъ случаѣ, рѣшительно неправиленъ тотъ взглядъ, будто церковный расколъ въ Россіи есть есть дѣло Петра Великаго, что не кто либо другой раньше его, не Никонъ, не соборъ 1667 г., а именно Петръ своими реформами произвелъ церковный расколъ въ Россіи. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться невозможно, даже если бы оно высказывалось самими раскольниками. Реформы Петра Великаго дѣйствительно глубоко затрогивали весь строй русской жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго, если, при упорной приверженности русскихъ къ старинѣ, явилась масса недовольныхъ царемъ—реформаторомъ: могли быть даже бунты въ разныхъ мѣстахъ широкаго русскаго государства, какъ и вообще возможны бунты при крутомъ, неподготовленномъ введеніи реформъ. Тѣмъ не менѣе религіознаго знамени, подъ которое могли бы стать всѣ недовольные элементы, не существовало бы, если бы раньше не возникъ расколъ, какъ секта религіозная. А въ этомъ именно религіозномъ знамени все дѣло и заключается. Отстаиваніе этого знамени передается отъ одного поколѣнія другому, какъ нѣчто священное, какъ священный религіозный долгъ, который, можетъ быть, дурно понятъ, но всегда глубоко прочувствованъ. Реформы Петра находили себѣ противодѣйствіе, сопротивленіе, не въ расколѣ только, а и въ представителяхъ оффи-

ціальнаго православія, которые во всѣхъ пунктахъ, не подвергнутыхъ соборному отужденію 1667 г., оставались столь же упорными приверженцами старины, какъ раскольники въ пунктахъ, осужденныхъ этимъ соборомъ. Недаромъ потребовался цѣлый рядъ архіереевъ малороссовъ, для того чтобы сдѣлалось возможнымъ проведеніе петровскихъ реформъ. Расколъ былъ и остался чисто великорускимъ явленіемъ; но и упорная приверженность къ старинѣ вообще отличала великоруссовъ только, а не малороссовъ, которые уже давнымъ давно испытали на себя дѣйствіе началъ западной цивилизаціи. Можно сказать, что иногда упорство именно оффиціально-православныхъ вызывало со стороны Петра такія мѣры, которыя всего болѣзненнѣе отражались на расколѣ и увеличивали число его послѣдователей. Стоглавый соборъ нѣкогда осудилъ брадобритіе, какъ ересь, подъ страхомъ церковнаго проклятія. Этотъ пунктъ былъ не затронутъ соборомъ 1667 г., и вотъ мы видимъ, что къ брадобритію относятся одинаково и протопопъ Аввакумъ, и современникъ Петра—послѣдній московскій патріархъ—Адріанъ. Аввакумъ отказался благословить подошедшаго къ нему сына боярина Шереметева на томъ основаніи, что Шереметевъ явился къ нему въ „блудоносномъ образѣ", т. е. выбритымъ. Но и патріархъ Адріанъ заклиналъ православныхъ, подъ страхомъ церковнаго отлученія, убѣгать брадобритія, этого „еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ и уничтожающаго въ человѣкѣ образъ Божій". Борода была символомъ не раскола, а вообще русской старины. Вернувшись изъ за границы, по случаю стрѣлецкаго бунта, Петръ принялся рѣзать бороды, какъ ненавистный ему символъ коснѣнія въ старинѣ и сопротивленія всякой реформѣ, и своею крутостію немало усилилъ вражду и ожесточеніе любителей старины. Исполнители указовъ Петра о сбритіи бородъ и о замѣнѣ русскаго платья европейскимъ съ своей стороны дѣлали все, чтобы негодованіе любителей старины довести до высшей степени раздраженія. Напримѣръ, при разслѣдованіи дѣла объ астраханскомъ

(1705 г.) бунтѣ, оказалось, что воевода не далъ срока для замѣны русскаго платья европейскимъ, по своей корысти, посылалъ своихъ подчиненныхъ въ праздничные и воскресные дни къ церквамъ и по большимъ улицамъ, „и у мужеска и у женска пола русское платье обрѣзывали не по подобію, обнажая предъ народомъ, и усы и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ". Подобными мѣрами поддерживалось раздраженіе не раскола только, а народа вообще противъ насильственно навязываемыхъ реформъ, и не всякій противникъ реформъ непремѣнно былъ раскольникъ. Но само собою разумѣется, что расколъ, со времени Петра, сталъ насчитывать гораздо больше „антихристовыхъ новшествъ" въ никоніанствѣ, какъ онъ называлъ православіе, чѣмъ прежде это онъ дѣлалъ. Въ библіи значится, что антихристъ измѣнитъ времена: Петръ I перенесъ празднованіе новаго года съ 1-го сентября на 1-е января, въ честь языческаго бога Януса; онъ же прекратилъ лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра и заимствовалъ изъ латынской ереси лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова. Въ священныхъ книгахъ написано, что антихристъ будетъ требовать денегъ и податей съ мертвыхъ: это сдѣлалъ и Петръ своей ревизіей; антихристъ же только могъ установить подушную подать, подать не съ земли, а съ души, безсмертнаго дыханія Божія. Апокалипсическій звѣрь долженъ имѣть рога: эти рога суть два титула—царь и императоръ,—принятые на себя Петромъ. Въ титулѣ: „императоръ" раскольники даже нашли то мистическое число 666, которое принадлежитъ апокалипсическому звѣрю, читая этотъ титулъ безъ буквы м: „іператоръ". Съ благочестивымъ ужасомъ далѣе любители старины отворачивались отъ тѣхъ, кто „носомъ табакъ пьетъ"; за употребленіе этого зелья при царѣ Алексѣе Михайловичѣ рѣзали носы, а при Петрѣ, конечно, не было за это никакихъ преслѣдованій. О табакѣ говорили: „корень горести, выспрь прозябаяй, иже пакость творитъ и тѣло оскверняетъ". Съ неменьшимъ ужасомъ любители старины позднѣе смотрѣли и на другія, невиданныя доселѣ растенія, именно потому,

что они казались новшествомъ,—на чай, кофе, картофель. О чаѣ говорили: „кто чай пьетъ, тотъ долженъ *отчаяться* въ спасеніи". Противъ кофе писалось, что „кто пьетъ кофе, въ сердцѣ того будетъ *ковъ*". „Трава, зовомая *картовъ*" называлась у раскольниковъ „похотью антихристовой", такъ какъ она отъ Рима будто бы начало имѣетъ. Въ раскольничьей литературѣ докззывается даже, что плодъ, которымъ змѣй соблазнилъ Еву и погубилъ Адама, былъ картофель. Нерасположеніе переносилось даже на каменную мостовую, потому что она выдумана уже въ антихристово время. Тѣмъ болѣе, разумѣется, паспортъ долженъ былъ казаться печатью антихриста: паспортъ стѣснялъ странствованіе и удаленіе въ пустыню для спасенія души. Суровыя мѣры противъ нищенства и противъ бродяжничества точно также не отвѣчали старинному русскому нравственному идеалу, который если и включалъ въ себя любовь къ ближнему, то главнымъ образомъ въ формѣ довольно безпорядочной раздачи такъ называемой „мелочи" нищимъ и страннымъ. И вотъ не съ ироніей только, а и съ ожесточеніемъ, русскій человѣкъ, не понимая ничего изъ всего того, что дѣлалось передъ его глазами, такимъ образомъ представлялъ себѣ правительственную политику: „табакъ кури, водку пей, бороду брѣй, нищихъ бей,—и попадешь въ царствіе нѣмецкое".

Но какъ бы ни увеличилось число „антихристовыхъ", по раскольническому взгляду, новшествъ въ православномъ строѣ русской жизни, какъ бы ни увеличилась даже масса послѣдователей раскола, не слѣдуетъ забывать, что недовольные позднѣйшими реформами становились подъ тоже знамя, которое уже держали въ своихъ рукахъ раскольники,—знамя это уже высоко развѣвалось въ воздухѣ и манило къ себѣ всѣхъ любителей стороны, не осиливавшихъ своей головой смысла совершаемыхъ преобразованій. Недовольные дѣйствіями царя—реформатора уже видѣли это притягательное знамя, понимали, что на знамени этомъ написано какъ разъ противоположное тому,

что затѣвалось правительствомъ, написаны пріятныя слова: „русская старина“, да еще и не простая, а церковная, и шли толпами подъ это, высоко развѣвавшееся, знамя. Всѣ реформы Петра Великаго, не касавшіяся церковной обрядности, никогда не произвели бы раскола, какъ бы ни были онѣ радикальны. Могли быть недовольные, могли быть даже бунтовщики; но въ концѣ концовъ масса народа свыклась бы съ новымъ порядкомъ жизни. Вѣдь и раскольники сами большею частію свыкаются же съ разными „богомерзкими травами“, служившими для нихъ въ началѣ предметомъ благочестиваго ужаса и отвращенія, свыкаются и съ европейскимъ костюмомъ. Или—самое большое—остаться, уцѣлѣть въ массѣ народной могли бы разные старинныя воззрѣнія и обычаи, какъ и теперь въ массѣ православнаго населенія можно найдти не мало обычаевъ, вполнѣ гармонирующихъ съ раскольничьимъ міровоззрѣніемъ. Поэтому не иначе, какъ съ большою осторожностію нужно относиться къ разнымъ взглядамъ на расколъ, которые можно найдти въ литературѣ. Говорятъ напр. что расколъ, въ своемъ происхожденіи, явился какъ протестъ земства противъ поглощенія его правъ центральною властію, и что затѣмъ этотъ протестъ принималъ въ данную эпоху тотъ характеръ, который обусловливается слабыми сторонами въ государственномъ управленіи: въ эпоху религіозныхъ гоненій онъ имѣлъ религіозный оттѣнокъ; при Петрѣ I, при политическихъ гоненіяхъ, имѣлъ оттѣнокъ политическій; при Екатеринѣ II, по прекращеніи гоненій, но при ненормальномъ соціальномъ положеніи народа, принялъ оттѣнокъ соціально-экономическій. Можно, пожалуй, и еще какъ нибудь иначе взглянуть на расколъ; но понять его сущность можно только отрѣшившись отъ всѣхъ тѣхъ историческихъ усложненій, которыя, по обстоятельствамъ времени, привходили и видоизмѣняли характеръ этого явленія. Не позднѣе привходящія историческія усложненія, которыя даютъ пищу занявшемуся огню, составляютъ объясненіе, служатъ причиной для этого огня. Сильный вѣтеръ раздуваетъ пожаръ, но причина пожара не въ вѣтрѣ.

Не царь—реформаторъ и не тѣ, кто послѣ него устанавливали разные стѣснительные для народной жизни порядки, были виновниками раскола, а патріархъ новаторъ и тѣ, кто, не поддержавъ его лично, вполнѣ поддержали его эллинофильскія симпатіи.

II.

Развитіе русскаго раскола.

Русскій расколъ, при его появленіи, былъ религіозной партіей приверженцевъ старой вѣры, т. е. старыхъ обрядовъ, „древняго благочестія“. Старая вѣра была существенною стихіей раскола. Религіозный характеръ раскола доказывается и дальнѣйшею его исторіею со времени соборнаго приговора 1667 г. Даже и тѣ противогосударственныя начала, которыя дѣйствительно развились въ нѣкоторыхъ фракціяхъ раскола, могли явиться только вслѣдствіе гоненій на „древнее благочестіе“. Случалось, что раскольники ходатайствовали о дозволеніи остаться имъ при старыхъ книгахъ и при старыхъ обрядахъ, обѣщая во всемъ остальномъ повиноваться правительству. Къ сожалѣнію, эти ходатайства, впродолженіе почти полутора столѣтія, оставались неисполненными, затѣмъ исполнены были только отчасти, какъ мы увидимъ, и, главное, исполнены были уже тогда, когда много воды утекло, когда въ расколѣ явились уже такія направленія, которыя имѣли весьма мало общаго съ первоначальными приверженцами „древняго благочестія“.

Вскорѣ же послѣ формальнаго отдѣленія раскольниковъ отъ церкви, въ расколѣ образовались два главныя направленія, поповщина и безпоповщина. Священники, рукоположенные по старымъ книгамъ, могли лишь недолгое время удовлетворять религіознымъ потребностямъ раскольниковъ; ихъ становилось все меньше и меньше. Нужно было подумать о томъ, какъ быть на будущее время. Архіереевъ, которые могли бы посвящать духовныхъ лицъ для раскольниковъ, не было: Павелъ коломенскій погибъ еще въ началѣ раскольническаго движенія. Способъ, при помощи котораго русскіе раскольники вышли изъ этого затруднительнаго положенія, отличается крайнею оригинальностію. Одни, чуждаясь всякаго общенія съ православною церковію, какъ ере-

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КРЕДИТЪ.

А. А. Исаева,

ординарнаго профессора д. ю. лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Г. Фалькъ.
1886.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея. 1 февраля 1886 г.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Эта книжка составлена изъ лекцій о государственномъ кредитѣ, читанныхъ мною въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ въ 188$^4/_5$ и $^5/_6$ учебныхъ годахъ.

А. А. Исаевъ.

Ярославль
апрѣль 1886 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Указатель источниковъ . . . . . VII.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. Очеркъ теоріи и политики государственнаго кредита . . . . . 1—86

Глава I. Чрезвычайныя потребности государства и способы ихъ удовлетворенія 3

Различія между расходами обыкновенными и чрезвычайными. 3 Способы покрытія чрезвычайныхъ расходовъ. 5. Примѣчанія. 10.

Глава II. Признаки и виды государственнаго кредита Условія, благопріятствующія его развитію . . . 11

Кредитъ въ частныхъ и государственномъ хозяйствахъ. 11. Краткосрочный государственный кредитъ 15. Долгосрочный. 16. Бумажно-денежный. 17. Условія, благопріятныя для развитія государственнаго кредита. 23. Примѣчанія. 25.

Глава III. Безвозвратные долги. Нормальные предѣлы государственнаго кредита 27

Мнѣнія о непогашаемыхъ займахъ Дитцеля, Вагнера, Шеффле, Нассе и др. 27. Условія, оправдывающія непогашаемые займы. 32. Мнѣніе Дитцеля о плодотворности крупныхъ государственныхъ долговъ и критика этого мнѣнія. 35. Нормальные предѣлы государственнаго кредита установляются характеромъ потребностей, для которыхъ служитъ кредитъ. 40. Примѣчанія 46.

Глава IV. Вліяніе государственнаго кредита на общественное хозяйство 48

Вліяніе государственнаго кредита: на производство –48, на обмѣнъ—52, на потребленіе—53, на распредѣленіе—54. Примѣчанія. 61.

Глава V. Организація государственнаго кредита . . 63

Формы краткосрочнаго кредита. 63. Формы долгосрочнаго кредита. 65. Способы заключенія займовъ. 70. Выборъ валюты, установленіе процента и т. д. 72. Быстрое погашеніе долговъ 76. Частичное погашеніе. 79. Погашеніе бумажно-денежныхъ долговъ. 80. Примѣчанія. 85.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. Очеркъ исторіи государственныхъ долговъ и ученій о государственномъ кредитѣ . . . 87—159

Глава I. Государственный кредитъ въ Англіи . . 89

Ростъ англійскихъ государственныхъ долговъ съ конца 17 в. 89. Характеристика исторіи англ. государственнаго кредита. 91. Общинные долги. 97. Примѣчанія. 98.

Глава II. Государственный кредитъ во Франціи . . 99

Ростъ французскихъ государственныхъ долговъ отъ 16 в. 99. Характеристика исторіи французскаго государственнаго кредита. 106. Долги городовъ. 108. Примѣчанія 108.

Глава III. Государственный кредитъ въ Пруссіи . . 110

Ростъ прусскихъ государственныхъ долговъ съ 16 вѣка. 110. Характеристика прусскаго государственнаго кредита. 116. Долги въ общинныхъ хозяйствахъ. 117. Примѣчанія. 118.

Глава IV. Государственный кредитъ въ Россіи . . 119

Государственный кредитъ Россіи до Екатерины II. 119. Исторія государственнаго кредита отъ Екатерины II до нашего времени. 120. Организація государственнаго кредита. 129. Характеристика государственнаго кредита. 131. Кредитъ земствъ. 132. Кредитъ городовъ. 136. Кредитъ сословій. 138. Примѣчанія. 138.

Глава V. Ученія о государственномъ кредитѣ . . 143

Преклоненіе въ литературѣ предъ государственнымъ кредитомъ. 143. Отрицаніе полезности государственнаго кредита 146. Систематическая обработка ученія о государственномъ кредитѣ. 151. Вліяніе науки на политику. 156. Примѣчанія. 157.

Дополненія 159

Главные источники и пособія.

По первому отдѣлу. Сочиненія Бунге, Вредена, Запасника, Кауфмана, Тарасова, Dietzel, Hock, Leroy-Beaulieu, Nasse, Nebenius, Schaeffle, Stein, Wagner. Сочиненія этихъ писателей поименованы въ примѣчаніяхъ къ V главѣ втораго отдѣла.

По второму отдѣлу.

Глава I. Алексѣенко. Государственный кредитъ. 1872. Hamilton. Recherches sur la dette nationale de la grande-Bretagne. 1817. Leroy-Beaulieu. Traite', II vol. Pablo Pebrer. Histoire financière et statistique générale de l'empire Britannique. 2 vol. 1834. Sinclair. History of the public revenue of the British Empire. 1803. Есть разныя данныя въ изданіяхъ: Journal of the Statistical Society и Economist.

Глава II. Алексѣенко. Наз. соч. Gorge. La dette publique. 1884. Hock v. Die Finanzverwaltung Frankreichs. 1857. Kaufmann. Die Finanzen Fránkreichs. 1882. Leroy-Beaulieu. Назв. соч. Noel. Etude sur la gestion financière en France depuis 1871. 1884. Stourm. Les finances de l'ancien régime et de la révolution. 2 vol. 1885. Очень много данныхъ въ изданіяхъ: Journal des Economistes и Economiste.

Глава III. Заблоцкій-Десятовскій. Финансовое управленіе и финансы Пруссіи, въ т. XIX Труд. коммис. по пересм. подат. 1871. Krug. Geschichte der Preussischen Staatsschulden 1861. Richter. Das Preussische Staatsschuldenwesen. 1869. Много данныхъ въ изданіяхъ: Finanz-Archiv, Zeitschrift des preussisch. Statist. Bureaus, Berichte der Verwaltung der Stadt Berlin и другихъ.

По всѣмъ этимъ тремъ главамъ много статистическихъ данныхъ въ трудахъ: Block. Annuaire de l'économie politique съ 40-хъ гг. Körösi. Bulletin des finances des grandes villes. Ежегодно съ 1877. Baxter. National Debts. 1871.

Глава IV. Полное Собраніе Законовъ. *Блiохъ.* Финансы Россіи XIX столѣтія 4 т. 1882. *Бржескій.* Государственные долги Россіи. *Бунге.* Замѣтки о настоящемъ положеніи нашей денежной системы. Сборн. Госуд. Знаній, VIII. *Вагнеръ.* Русскія бумажныя деньги. 1870. *Гольдманъ.* Русскія бумажныя деньги. 1866. *Кауфманъ.* Государственные долги Россіи. Вѣст. Евр. 1885, I и II. *Иващенко.* Ежегодникъ русскихъ кредитныхъ учрежденій. Выпуски I, II и III. Архивъ Государств. Совѣта 4 т. Дальнѣйшія указанія можно получить изъ названной книги г. Бржескаго. Матеріалами для изученія кредита въ земскомъ и городскомъ хозяйствахъ служатъ изданія земствъ и городовъ, отчеты управъ, журналы думъ и земскихъ собраній. Сводомъ служитъ „Земскій Ежегодникъ". Есть данныя въ изданіяхъ: Вѣстникъ Финансовъ, Экономическій Журналъ, Земство и другихъ.

Глава V. Источники и пособія поименованы въ примѣчаніяхъ къ этой главѣ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОЧЕРКЪ ТЕОРІИ И ПОЛИТИКИ

ГОСУДАРСТВЕННАГО КРЕДИТА.

ГЛАВА I.

Чрезвычайныя потребности государства и способы ихъ удовлетворенія.

Въ наукѣ о финансахъ уже давно упрочилось дѣленіе государственныхъ расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные. Потребности, соотвѣтствующія первымъ, могутъ быть предусмотрѣны, точно опредѣлены; онѣ повторяются съ большою правильностію въ непродолжительные періоды. Потребности втораго рода имѣютъ свойства противоположныя: нельзя точно предсказать ни время ихъ наступленія, ни продолжительность существованія, ни размѣры расходовъ, которые онѣ причинятъ государству. Расходы на уплату жалованья чиновникамъ по существующимъ штатамъ относятся къ первой категоріи; затраты на войну или на покрытіе убытковъ отъ пожара или наводненія составляютъ расходы второй группы. Вотъ, въ немногихъ словахъ, форма, въ которую обыкновенно облекается дѣленіе потребностей и расходовъ государства на обыкновенные и чрезвычайные.

Изученіе любой росписи государственныхъ (а также земскихъ, городскихъ) расходовъ въ ея исполненіи убѣждаетъ, что расходы не допускаютъ строгаго дѣленія на обыкновенные и чрезвычайные; что каждый расходъ перваго рода можетъ содержать въ себѣ элементы расходовъ втораго разряда и что, съ извѣстной точки зрѣнія, всѣ чрезвычайные расходы могутъ быть сведены къ обыкновеннымъ. Согласно со смѣтою, напр., въ наступающемъ году на продовольствіе войска должна быть израсходована сумма a, но возвышеніе цѣнъ товаровъ увеличиваетъ расходъ до $a+x$; смѣта опредѣляетъ на отопленіе казенныхъ зданій сумму $б$; а неожиданное вздорожаніе топлива требуетъ увеличенія суммы до $б+x$. Каж-

дый выходъ за предѣлы смѣты, выходъ вверхъ или внизъ, можетъ имѣть мѣсто относительно каждаго расхода, а потому и расходы обыкновенные, какъ бы ни было продолжительно ихъ существованіе въ росписи, не допускаютъ вполнѣ точнаго опредѣленія. Ихъ можно предусмотрѣть, но нельзя съ математическою точностью вычислить ихъ размѣры.

Но и чрезвычайные расходы могутъ быть, при извѣстной точкѣ зрѣнія, сведены къ обыкновеннымъ. Мы называемъ расходъ „чрезвычайнымъ", когда, при оцѣнкѣ его, отправляемся отъ смѣтъ, составляемыхъ на годовые или, вообще, непродолжительные сроки. Вращаясь въ предѣлахъ росписи, обнимающей только 1 годъ государственной жизни, мы не можемъ признать обыкновенными такіе расходы, какъ на устраненіе бѣдствій, причиненныхъ неурожаемъ, наводненіемъ, непріятельскимъ нашествіемъ, ибо эти явленія, по-крайней мѣрѣ, въ современномъ цивилизованномъ мірѣ повторяются не ежегодно. Но расширимъ поле наблюденія; будемъ держаться продолжительныхъ періодовъ, какъ самостоятельныхъ единицъ, и въ этихъ предѣлахъ дѣлить расходы на обыкновенные и чрезвычайные. Возьмемъ 10-лѣтніе періоды: въ каждомъ изъ 10—лѣтнихъ періодовъ мы, навѣрное, встрѣтимъ затраты, которыя, съ точки зрѣнія одного года, являются чрезвычайными. Будемъ разсматривать государственные расходы по 50-лѣтнимъ періодамъ: въ каждомъ полувѣкѣ, несомнѣнно, встрѣтятся намъ расходы не только на устраненіе бѣдствій отъ неурожая, землетрясенія, наводненій, но даже на тяжкія, дорого стоющія войны, и съ точки зрѣнія полувѣковаго финансоваго періода не будетъ основанія отнести какой-либо государственный расходъ къ расходамъ чрезвычайнымъ. Шеффле вполнѣ правъ, называя министра, желающаго устранить изъ росписей чрезвычайные расходы, „глупцомъ—политикомъ" и „конѣчнымъ экономистомъ" [1]). Въ развитіи общественной жизни послѣдніе столь же естественны и необходимы, какъ и расходы обыкновенные. Такимъ образомъ, это дѣленіе можетъ имѣть мѣсто только съ точки зрѣнія росписей, обнимающихъ короткіе періоды финансовой жизни.

Какъ ни условно дѣленіе расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные, какъ ни трудно точное группированіе всей массы расходовъ по этимъ обоимъ классамъ, это дѣленіе имѣетъ практическую

важность: оно содѣйствуетъ отысканію руководящаго начала для приведенія въ равновѣсіе доходовъ и расходовъ государства.

Для достиженія удобствъ въ финансовомъ хозяйствѣ, государственныя росписи составляются на короткіе сроки, обыкновенно на 1 годъ. Весь уровень культуры народа опредѣляетъ неотложныя общественныя потребности, которыя должны быть удовлетворяемы государствомъ и единицами самоуправленія. Знакомство со степенью матеріальнаго благостоянія народа позволяетъ вычислить долю, которая можетъ быть выдѣлена изъ общественнаго дохода государству, городамъ, земствамъ, общинамъ, и, тѣмъ самымъ, установляетъ размѣры, въ которыхъ извѣстная группа коллективныхъ потребностей можетъ быть удовлетворена. Въ росписи находятъ себѣ такимъ образомъ мѣсто „обыкновенные“ расходы и соотвѣтствующіе имъ „обыкновенные“ доходы.

Не то имѣетъ мѣсто относительно расходовъ чрезвычайныхъ. Непостоянство ихъ съ точки зрѣнія финансовыхъ періодовъ, наличность въ одни годы и отсутствіе въ другіе—дѣлаетъ необходимымъ полное отдѣленіе ихъ отъ первыхъ. Если естественно, для удовлетворенія первыхъ, имѣть въ виду постоянные, точно опредѣленные, непрерывно поступающіе доходы, то столь же важно указать наиболѣе пригодные источники для покрытія расходовъ чрезвычайныхъ, а равно и обыкновенныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могутъ быть покрыты изъ обыкновенныхъ доходовъ [2]).

И теоріи, и практикѣ финансовъ извѣстны различные способы удовлетворенія чрезвычайныхъ потребностей государства и единицъ самоуправленія.

1) *Бюджетные остатки.* Избытокъ доходовъ надъ расходами—вотъ первой источникъ для покрытія чрезвычайныхъ потребностей. Если совокупность государственныхъ доходовъ не настолько велика, чтобы служить тяжелымъ бременемъ для населенія, если превышеніе доходовъ надъ расходами не свидѣтельствуетъ ни о скудномъ удовлетвореніи коллективныхъ потребностей народа, ни о чрезмѣрномъ напряженіи его платежныхъ силъ и не оправдываетъ пониженія или отмѣны нѣкоторыхъ налоговъ или пошлинъ, то вполнѣ цѣлесообразно затрачивать этотъ избытокъ на потребности чрезвычайныя: это—источникъ наиболѣе удобный, но, какъ показываетъ исторія финансовъ, далеко недостаточный. Потребности лю-

дей, какъ единоличныя, такъ и коллективныя, возрастаютъ обыкновенно быстрѣе, нежели средства для ихъ удовлетворенія. Еще не удовлетворены въ полномъ объемѣ однѣ потребности, вызванныя ростомъ матеріальнаго довольства, какъ нарождаются новыя и новыя, требующія дальнѣйшаго увеличенія государственныхъ расходовъ. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ производительность труда возрастаетъ особенно успѣшно, гдѣ уровень благосостоянія народа быстро поднимается, гдѣ финансовый строй наиболѣе удовлетворителенъ, даже тамъ избытки государственныхъ доходовъ надъ расходами не настолько значительны, чтобы ими могли быть покрыты всѣ чрезвычайныя потребности. Можно на остатокъ одного года произвести нѣкоторыя публичныя работы, выстроить нѣсколько зданій, соорудить нѣсколько новыхъ путей, но нѣтъ возможности покрыть изъ него расходы, напр., для веденія войны, для выкупа повинностей, лежащихъ на многочисленномъ классѣ населенія, для производства публичныхъ работъ (каналовъ, желѣзныхъ дорогъ, портовъ) въ обширныхъ размѣрахъ, въ короткое время обезпечивающихъ государству новыя благопріятныя условія для развитія хозяйства.—То же можно сказать и о единицахъ самоуправленія. Въ городѣ назрѣла потребность въ канализаціи, въ проведеніи конножелѣзныхъ дорогъ, въ перестройкѣ цѣлыхъ кварталовъ сообразно съ требованіями гигіены. Такіе расходы превышаютъ не только бюджетные остатки, но и сумму городскихъ доходовъ за нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, этотъ источникъ недостаточенъ.

2) Въ связи съ бюджетными остатками стоитъ однородный съ ними *фондъ государства* (обыкновенно металлическій), если онъ не составляется изъ чрезвычайныхъ поступленій, особенно контрибуцій. Составленіе этого фонда прямо разсчитано на чрезвычайныя потребности, и именно военнаго времени, когда могутъ изсякнуть всѣ источники доходовъ. Доставляя государству въ такія эпохи значительныя выгоды, фондъ, по самому характеру своему, не долженъ быть употребляемъ на цѣли, не связанныя съ веденіемъ войны; но хотя эта спеціальная цѣль и оправдываетъ его составленіе, однако, достигается съ его помощью далеко не въ полномъ объемѣ. Война въ небольшихъ размѣрахъ, предпринимаемая могущественнымъ цивилизованнымъ государствомъ съ мелкими варварскими племенами, обыкновенно оканчивается въ пользу перваго и легко мо-

жетъ быть ведена безъ наличности фонда. Война же, требующая огромнаго войска, крайняго напряженія хозяйственныхъ и нравственныхъ силъ народа, связана со столь большими расходами, что нѣтъ возможности покрыть ихъ даже огромнымъ металлическимъ фондомъ; хорошо, если онъ достаточенъ для передвиженія войскъ изъ разныхъ мѣстностей государства на театръ войны. Въ этихъ случаяхъ всегда можетъ быть надобность изыскивать иные источники дохода.

3) *Дань, контрибуція иностранныхъ державъ* можетъ быть только исключительнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, предполагающимъ счастливую войну съ народомъ богатымъ. Этотъ источникъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ тѣмъ болѣе не заслуживаетъ подробнаго обсужденія, что государству, получающему дань, соотвѣтствуетъ страна, ее уплачивающая, и наличность этого источника въ одной странѣ связана съ крупными пробѣлами въ финансовомъ хозяйствѣ другой, требующими изысканія средствъ для ихъ пополненія.

4) *Пожертвованія гражданъ* могутъ служить обильнымъ источникомъ доходовъ только въ эпохи высшаго подъема народнаго духа. Сознаніе, что отечеству грозитъ потеря не только мѣста, занимаемаго имъ среди другихъ государствъ, но, быть можетъ, и политической самостоятельности побуждаетъ многихъ гражданъ жертвовать всѣмъ достояніемъ. Исторія каждаго народа представляетъ довольно примѣровъ, подкрѣпляющихъ это положеніе. Но этотъ источникъ открывается для государства только въ самую критическую минуту.—Наблюденіе показываетъ, что онъ незначителенъ не только при обычномъ плавномъ теченіи общественной жизни, но даже и въ такихъ бѣдствіяхъ, которыя поражаютъ отдѣльныя мѣстности страны, не затрогивая интересовъ всего населенія: частныя пожертвованія, поступающія пострадавшимъ отъ наводненія, землетрясенія, эпидемій далеко не дѣлаютъ излишнею помощь общинъ, городовъ, государства. И ужъ, конечно, надежда устроить въ городѣ канализацію или провести желѣзную дорогу на добровольныя приношенія гражданъ можетъ вызвать только улыбку.—Указывая на скромное значеніе этого источника, мы отнюдь не объясняемъ его самой природой человѣка: возрастающее сознаніе въ гражданахъ связи ихъ съ государствомъ и усиленіе общественнаго начала на

счетъ эгоистическаго можетъ дѣлать этотъ источникъ все болѣе и болѣе обильнымъ. Для настоящаго же времени и еще многихъ поколѣній онъ долженъ быть признанъ всегда недостаточнымъ, а большею частію ничтожнымъ.

5) *Отчужденіе казенныхъ имуществъ* есть наименѣе пригодное средство. Оно негодно принципіально по отношенію къ землямъ. Оно не цѣлесообразно относительно другихъ видовъ имущества потому, что необходимость торопиться съ продажею, для удовлетворенія неотложныхъ чрезвычайныхъ потребностей, ведетъ къ продажѣ по слишкомъ дешевой цѣнѣ, сопряжена для казны съ крупными убытками.

6) *Налоги.* Имѣя чрезвычайную потребность, государство можетъ обращаться, для ея удовлетворенія, къ возвышенію существующихъ налоговъ и введенію новыхъ. Формально, оно стольже въ правѣ пользоваться этимъ средствомъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, какъ и покрывать изъ налоговъ расходы обыкновенные. Во многихъ случаяхъ этотъ способъ покрытія чрезвычайныхъ расходовъ долженъ быть признанъ наилучшимъ. Онъ получаетъ полное оправданіе, если чрезвычайная потребность не принадлежитъ къ столь не отложнымъ, что даже небольшое промедленіе въ ея покрытіи можетъ вызвать потрясеніе общественной жизни. Онъ предпочтителенъ, когда чрезвычайный расходъ не слишкомъ великъ и платежныя силы населенія не напряжены до крайней степени. Наконецъ, онъ вполнѣ цѣлесообразенъ, если къ указаннымъ условіямъ присоединяется и самый характеръ чрезвычайнаго расхода: когда затрата не имѣетъ многолѣтняго вліянія на общественную жизнь, улучшаетъ бытъ не цѣлаго ряда поколѣній, а только даннаго времени. Эти же особенности чрезвычайныхъ расходовъ объясняютъ, когда и почему налоги не могутъ быть пригоднымъ средствомъ для ихъ покрытія. а) Когда удовлетвореніе потребности не можетъ быть отложено даже на нѣсколько мѣсяцевъ. Механизмъ финансоваго управленія препятствуетъ поступленію въ государственное казначейство всей суммы налога тотчасъ по его установленіи, а потому и новый или возвышенный старый налогъ является не соотвѣтствующимъ источникомъ дохода. б) Большіе размѣры чрезвычайнаго расхода и обременительность уже лежащихъ на населеніи податныхъ тягостей дѣлаютъ новый налогъ, какъ исклю-

чительное средство удовлетворенія потребности, нецѣлесообразнымъ. [3]) Невыгодность новаго налога становится особенно замѣтна, когда вся система налоговъ въ данной странѣ неудовлетворительна, когда богатые классы несутъ небольшія тягости, а все бремя податей лежитъ на бѣднѣйшихъ гражданахъ. Система финансовъ, будучи результатомъ всего историческаго прошлаго, не можетъ быть преобразована однимъ почеркомъ пера. Потребность въ большихъ денежныхъ средствахъ не ведетъ въ этихъ случаяхъ къ установленію налога только на богатые классы, а къ возложенію податныхъ тягостей на все населеніе, при чемъ бремя богатѣйшихъ усиливается, для бѣднѣйшихъ же—оно становится вовсе невыносимымъ. в) Наконецъ, налогъ не есть лучшее средство покрытія тѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ, которые обогащаютъ общественную жизнь или новыми прочными матеріальными благами, способными служить интересамъ не только современниковъ, но и *потомковъ*, или же, не выражаясь въ матеріальныхъ цѣнностяхъ, вводятъ въ общежитіе господство новыхъ началъ, важныхъ не для одного нынѣ живущаго, но и для цѣлаго ряда будущихъ поколѣній. Создать такія матеріальныя блага или доставить преобладаніе такимъ началамъ съ помощью только налоговъ, значитъ—потребовать слишкомъ тяжелой жертвы отъ настоящаго поколѣнія и дать будущему даромъ тѣ учрежденія, изъ которыхъ настоящее поколѣніе извлечетъ, быть можетъ, очень мало выгодъ. Сооруженіе путей, разселеніе народа по всей территоріи, отмѣна сословныхъ привилегій, отмѣна крѣпостнаго состоянія, честная оборонительная война, имѣющая цѣлью сохранить народу его національную честь, цѣлость земли и завоеванное всей исторической жизнью политическое могущество государства—вотъ статьи расходовъ, которыя не должны быть покрываемы изъ налоговъ, ибо эти расходы оставляютъ въ общественной жизни прочный слѣдъ, оказываютъ вліяніе на благополучіе нѣсколькихъ поколѣній. Эти затраты могутъ быть уподоблены помѣщенію въ предпріятіе постояннаго капитала, который возвращается производствомъ только посредствомъ медленнаго долеваго погашенія. Для удовлетворенія этихъ потребностей цѣлесообразно обращеніе къ

7) *государственному кредиту*. Къ нему же необходимо обращаться и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда текущіе расходы не покрываются обыкновенными доходами, по несоотвѣтствію во

времени, когда совершеніе первыхъ опережаетъ поступленіе вторыхъ.

Примѣчанія къ I-й главѣ.

[1]) Schaeffle Zur Theorie der Deckung des Staatsbedarfs. Tubing. Zeitschr. 1883, 289. Шефле объясняетъ чрезвычайныя потребности государства, «какъ послѣдствіе краткосрочной періодичности государственныхъ бюджетовъ сравнительно съ неправильной періодичностью дѣятельности общественныхъ и естественныхъ факторовъ, вліяющихъ на жизнь государства и общества» (286).

[2]) Потрясенія общественной жизни, вызываемыя хозяйственными кризисами, войнами могутъ уменьшить обыкновенные доходы (особенно налоги на потребленіе, многія пошлины). Подобные же результаты можетъ имѣть дурная система финансовъ, чрезмѣрное обремененіе податными тягостями бѣднѣйшихъ классовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, до наступленія болѣе благопріятнаго времени или до переустройства системы финансовъ, неизбѣжно покрывать и обыкновенные расходы изъ чрезвычайныхъ источниковъ.

[3]) Изъ исторіи Англіи можно получить убѣдительное доказательство того, что, при подобныхъ условіяхъ, одно возвышеніе налоговъ недостаточно. Въ войны Англіи съ Наполеономъ (1793—1815) платежныя силы народа были напряжены въ высокой стенени: въ 1793 г. на голову приходилось до $2^4/_{10}$ фунт. налоговъ, въ 1816—4 фунта; сумма налоговъ возрасла за это время съ $19^1/_4$ на $72^1/_4$ милл. фунт., однако, изъ общей затраты на войну въ 831 милл. фунт. покрыто 391 милл. фунт. налогами, а 440 милл. займами. Насколько велики были налоги въ 1816 г. видно изъ того, что въ 1856—7 гг., при большихъ успѣхахъ, сдѣланныхъ ростомъ народнаго богатства, налоги составляли на голову только $2^6/_{10}$ фунта (Leroy—Beaulieu 172—83). Такъ было и въ Крымскую войну: при началѣ войны, правительство имѣло твердое намѣреніе вести ее безъ заключенія новыхъ займовъ, однако, изъ 69 мил. фун., затраченныхъ на войну, $29^1/_2$ покрыто налогами, а болѣе 39 милл.—займами (Т. ж. 172).

ГЛАВА II.

Признаки и виды государственнаго кредита. Условія благопріятствующія его развитію.

Подъ государственнымъ кредитомъ разумѣется совокупность мѣновыхъ сдѣлокъ, въ которыхъ обмѣнъ равныхъ цѣнностей совершается не въ одно и то же время и гдѣ должникомъ являются государство или единицы самоуправленія.

Государственный кредитъ имѣетъ много общаго съ кредитомъ въ общественномъ хозяйствѣ. Въ обоихъ случаяхъ отличительною чертою сдѣлки служитъ элементъ разновременности; въ обоихъ случаяхъ капиталы, служащіе предметомъ сдѣлки, не создаются, а только перемѣщаются, мѣняютъ владѣльца; въ обоихъ случаяхъ кредитное отношеніе можетъ вести и часто ведетъ къ перемѣщенію капитала изъ рукъ, менѣе искусныхъ, туда, гдѣ онъ можетъ получить болѣе производительное назначеніе; и тамъ и здѣсь, соотвѣтственно съ цѣлями затраты капитала, обнаруживается нужда въ кредитѣ кратко-и-долгосрочномъ; кредитные знаки, выражаютъ ли они отношеніе по частному или государственному кредиту, оказываютъ однородное вліяніе на обмѣнъ, на цѣны денегъ и товаровъ. Къ этимъ чертамъ сходства можно присовокупить и много другихъ.—Но на ряду съ сходствомъ мы замѣчаемъ и существенныя различія.

1) Въ общественно-хозяйственномъ кредитѣ готовность должника уплатить долгъ служитъ кредитору не единственнымъ и часто даже не главнымъ обезпеченіемъ. Кредиторъ опирается на нормы закона, которыя обезпечиваютъ ему право пользоваться мѣрами принужденія, дабы получить уплату отъ должника. Не платитъ послѣдній добровольно—и судебный приговоръ заставляетъ его платить. По

отношенію къ должнику—государству кредиторъ не имѣетъ подобнаго обезпеченія. Судъ можетъ обязать казну уплачивать долги ея кредиторамъ; но послѣдніе знаютъ или, по крайней мѣрѣ, чувствуютъ, что государственная власть, какъ источникъ всего правоваго порядка, можетъ парализовать дѣйствительность этого судебнаго приговора: какъ бы опредѣленно нибыли редактируемы эти приговоры, во власти правительства, ссылаясь на соображенія „высшей политики", „общее благо" пріостановить уплату долговъ. Въ подобныхъ случаяхъ для кредитора-туземца нѣтъ высшаго судилища, къ которому онъ могъ бы аппелировать; для кредитора—иноземца послѣднимъ средствомъ является побѣдоносная война его отечества съ государствомъ—должникомъ, средство, имѣющее на практикѣ только призрачное значеніе. Вотъ почему всеобщее убѣжденіе въ твердомъ намѣреніи правительства точно исполнять кредитныя обязательства, убѣжденіе, опирающееся на всю финансовую политику государства, служитъ для вѣрителя болѣе прочнымъ обезпеченіемъ, нежели довѣріе къ доброй волѣ должника—въ частно-хозяйственныхъ кредитныхъ сдѣлкахъ.—Сказанное примѣнимо къ государственному кредиту въ тѣсномъ смыслѣ, т. е., гдѣ представителемъ должника является центральное правительство. Въ общинномъ, городскомъ, земскомъ кредитѣ, за невозможностью для этихъ должниковъ парализовать исполненіе судебныхъ приговоровъ, кредиторъ имѣетъ въ послѣднихъ столь же надежную гарантію, какъ и при кредитныхъ сдѣлкахъ, связывающихъ его съ частными хозяйствами.

2) Не одно и то же значеніе имѣетъ въ частномъ и государственномъ кредитѣ способность должника къ возврату долга. Капиталистъ, ссужая свой капиталъ частному хозяйству, оцѣниваетъ прочность, благоустройство послѣдняго вообще, и особенно его способность къ уплатѣ въ опредѣленный срокъ. Самостоятельность и самоцѣльность частнаго хозяйства побуждаетъ кредитора только въ его силахъ и средствахъ [1]) искать обезпеченія возврата долга. Примѣненіе подобной оцѣнки къ должнику государству совершенно безцѣльно. Его хозяйство есть хозяйство финансовое, почти вовсе не дающее кредитору масштаба для сужденія, насколько государство будетъ состоятельнымъ должникомъ. Въ моментъ заключенія государственнаго займа финансы могутъ быть разстроены: послѣдовательные дефициты въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ могутъ вселить

въ кредитора убѣжденіе, что финансы далеко не удовлетворительны и что нельзя разсчитывать на устраненіе дефицитовъ, т. е., улучшеніе финансовъ, въ недалекомъ будущемъ. И при всемъ томъ государство можетъ пользоваться значительнымъ кредитомъ, что совершенно невозможно для частнаго хозяйства, находящагося въ состояніи подобнаго разстройства. Кредитоспособность перваго въ этихъ случаяхъ объясняется тѣмъ, что за финансовымъ хозяйствомъ стоитъ все народное хозяйство, являющееся какъ бы поручителемъ по государственнымъ долгамъ. Если распространено убѣжденіе, что народное хозяйство не находится въ крайне угнетенномъ состояніи, если къ этому присоединяется увѣренность, что государство готово напрягать платежныя силы гражданъ до высшей степени лишь бы точно исполнять свои обязательства [2]), то государственный кредитъ можетъ быть почти безграничнымъ—Все сказанное не можетъ быть примѣнено безъ ограниченій къ кредиту, которымъ пользуются единицы самоуправленія. Состояніе финансовъ этихъ единицъ гораздо болѣе принимается въ разсчетъ ихъ кредиторами, нежели состояніе государственныхъ финансовъ вѣрителями государства. Хотя уровень благосостоянія населенія въ данной общинѣ, городѣ, округѣ можетъ служить обезпеченіемъ для кредитора, однако, единица самоуправленія не можетъ напрягать произвольно платежныя силы населенія своего округа; какимъ бы широкимъ правомъ въ установленіи податей она ни пользовалась,—у кредитора всегда можетъ быть опасеніе, что это право подлежитъ ограниченію со стороны центральной власти. Такимъ образомъ, и съ этой стороны кредитъ единицъ самоуправленія болѣе приближается къ частному, нежели кредитъ государственный.

3) Въ частно-хозяйственныхъ отношеніяхъ имѣетъ мѣсто личный и вещный кредитъ. Хотя послѣдній имѣлъ въ прошломъ широкое примѣненіе и въ сферѣ государственнаго хозяйства, однако, по мѣрѣ проникновенія государственной жизни началомъ общественности, онъ становился все болѣе несовмѣстнымъ съ характеромъ государства, какъ должника. Эта несовмѣстность прямо вытекаетъ изъ выше указанныхъ особенностей обезпеченія кредиторовъ государства. Главнымъ обезпеченіемъ служитъ добрая воля государства исполнять долговыя обязательства. Эта добрая воля, формально опираясь на финансовое верховенство государства, а матеріально—на имущес-

тво всѣхъ гражданъ, даетъ кредитору столь прочное обезпеченіе, что закладъ или залогъ цѣнностей, въ обезпеченіе уплаты долга, становится вовсе излишнимъ. Твердое намѣреніе правительства платить уже потому служитъ для кредиторовъ самымъ надежнымъ ручательствомъ, что государство, какъ верховный источникъ права, и отдавъ въ залогъ казенныя имущества, всегда можетъ нарушить право кредиторовъ и повредить ихъ интересамъ. Къ этому присоединяется обыкновенно и практическая невозможность найдти цѣнности, способныя обезпечить кредиторовъ при громадныхъ долгахъ современныхъ государствъ. Казенныя имущества, которыя могли бы служить предметомъ залога, въ большинствѣ европейскихъ государствъ, не достигаютъ, по своей стоимости, суммы государственнаго долга. Такимъ образомъ, государственный кредитъ есть, по существу своему, кредитъ личный, вещный является только исключеніемъ. — Общинный, городской, земскій кредитъ и въ этомъ отношеніи ближе подходитъ къ частному. Здѣсь обезпеченіе кредиторовъ залогомъ или закладомъ потому не является окончательно излишнимъ, что единицы самоуправленія не могутъ въ такой мѣрѣ напрягать платежныя силы населенія, какъ то лежитъ во власти центральнаго правительства. Рѣдкое примѣненіе вещнаго кредита и здѣсь объясняется частію сознаніемъ благоустройства этихъ хозяйствъ, частію недостаточностью общинныхъ, городскихъ, земскихъ имуществъ.

4) Частный кредитъ бываетъ кратко-и-долгосрочнымъ, въ зависимости отъ цѣли, для которой затрачиваются занятые капиталы. Самый характеръ частнаго хозяйства дѣлаетъ непримѣнимымъ въ этой сферѣ кредитъ вѣчный [3]). Непрочность человѣческаго существованія, зависимость успѣшнаго развитія промысла отъ личныхъ качествъ должника, отсутствіе общественнаго значенія во многихъ затратахъ, которыя совершаютъ частныя хозяйства съ помощью кредита, дѣлаютъ срочность необходимымъ условіемъ послѣдняго. — Иное встрѣчаемъ мы въ жизни государства. Государство, по своей идеѣ, вѣчно. Общественная власть, представляющая волю и интересы нынѣ живущаго поколѣнія, связана многочисленными нитями съ общественной властью предыдущихъ эпохъ. Измѣняются формы правленія, совершаются крупные внутренніе перевороты, дающіе во многихъ отношеніяхъ иное направленіе политикѣ; но

работа прежде жившихъ поколѣній въ цѣломъ не прерывается никогда, и потомки, какъ далеко ни отклонялись бы отъ предковъ, пользуются полученными отъ послѣднихъ и основаніями, и матеріаломъ для новой творческой дѣятельности. Обнимая въ одно цѣлое настоящее поколѣніе съ длиннымъ рядомъ прошлыхъ и будущихъ поколѣній, государство можетъ совершать такіе расходы, которые способны принести главную долю пользы только въ отдаленномъ будущемъ; многія изъ такихъ затратъ обогащаютъ все общество: оно получаетъ къ своимъ услугамъ или массу новыхъ цѣнностей, или новыя плодотворныя условія быта, нормы права, которыя навсегда остаются народнымъ достояніемъ. Для этихъ затратъ государство можетъ пользоваться кредитомъ вѣчнымъ, не въ буквальномъ смыслѣ слова, не въ томъ смыслѣ, чтобы заключаемые съ этими цѣлями займы не были погашаемы никогда, но въ томъ, что они могутъ быть заключаемы безъ предварительнаго назначенія срока уплаты, съ правомъ для государства отсрочить возвратъ долга на неопредѣленное время, производить платежи тогда и такими доля ми, когда правительство найдетъ это возможнымъ и цѣлесообразнымъ. Безсрочность государственныхъ долговъ еще и потому не причиняетъ общественному хозяйству невыгодъ, что государство пользуется почти безграничнымъ довѣріемъ, и облигаціи государственнаго долга служатъ предметомъ свободнаго обращенія. Кредиторъ государства, желая получить свой капиталъ обратно, всегда легко можетъ найдти владѣльца свободныхъ капиталовъ, готоваго посредствомъ пріобрѣтенія облигацій, перепиской въ долговой книгѣ, стать на мѣсто перваго кредиторомъ государства. Такимъ образомъ, безсрочность государственныхъ долговъ и даже ихъ безвозвратность мирится съ возможностью для каждаго частнаго хозяйства въ отдѣльности во всякое время получить капиталъ, ссуженный государству.

Государственный кредитъ чистаго типа можетъ быть раздѣленъ на два вида въ связи съ цѣлями, которыхъ общественная власть стремится достигнуть посредствомъ кредита. 1) Установленіе равновѣсія въ государственномъ хозяйствѣ. Управленіе и вызываемые имъ расходы не могутъ быть, по самой природѣ своей, связаны съ опредѣленными сроками. Это несоотвѣтствіе бываетъ двоякое. а) Или доходы, вычисленные по бюджету, точно поступаютъ въ теченіе бюджетнаго періода, но колеблются въ поступленіи по сро-

камъ его, мѣсяцамъ, четвертямъ года или же б) они въ теченіе всего періода не достигаютъ суммы, предположенной бюджетомъ. Въ первомъ случаѣ недостатку суммъ въ одну, напр., четверть года соотвѣтствуетъ ихъ избытокъ въ другую: въ послѣднемъ—является дефицитъ, недочетъ въ доходахъ относительно обыкновенныхъ расходовъ. Въ обоихъ случаяхъ финансовое управленіе обращается къ кредиту. Это—кредитъ *краткосрочный*, имѣющій свое прикрытіе въ обыкновенныхъ доходахъ государственнаго, земскаго, городскаго казначейства. Наличность этого прикрытія всегда ясна, если бюджетный періодъ заключается безъ недочета и несоотвѣтствіе между расходами и доходами ограничивается только частями періода. Но если періодъ заключается дефицитомъ,—и тогда служащій для его прикрытія кредитъ является, прежде всего, краткосрочнымъ. Правильно построенное государственное хозяйство предполагаетъ занесеніе въ смѣту обыкновенныхъ расходовъ коллективныхъ потребностей лишь въ томъ объемѣ, который оправдывается уровнемъ народнаго дохода. Бюджетный недочетъ, если обыкновенные расходы не чрезмѣрно велики и доходы не обременительны, прежде всего вызываетъ предположеніе, что какія-нибудь исключительныя, временныя обстоятельства причинили скудное поступленіе доходовъ, что наступающій финансовый періодъ будетъ болѣе благопріятнымъ и дастъ средства для покрытія недочета предъидущаго періода. Такое предположеніе естественно ведетъ къ краткосрочному кредиту. Краткосрочный кредитъ, называемый также *финансовымъ* (текучіе, оборотные долги), обусловливается и вызывается къ жизни нуждами финансоваго управленія. Оно создаетъ его, упорядочиваетъ, погашаетъ долгъ. Центромъ тяжести управленія финансовымъ кредитомъ служитъ правильное государственное счетоводство, отысканіе въ текущихъ доходахъ средствъ для платежей, которые онъ вызываетъ. Такъ какъ онъ цѣликомъ входитъ въ финансовое управленіе, то наука о финансахъ должна слѣдить за нимъ съ момента возникновенія до окончательнаго погашенія. 2) Инымъ характеромъ отличается *долгосрочный* кредитъ, которымъ пользуется государство для покрытія чрезвычайныхъ потребностей, для достиженія какой либо цѣли управленія, нуждающейся въ чрезвычайныхъ средствахъ. Со стороны формальной онъ также вѣдается финансовымъ управленіемъ, которое получа-

етъ капиталы, распредѣляетъ ихъ по вѣдомствамъ, уплачиваетъ проценты и погашаетъ долгъ. Но такъ какъ этотъ кредитъ не имѣетъ прикрытія въ текущихъ доходахъ, такъ какъ онъ на продолжительное время создаетъ новыя платежныя тягости, то онъ долженъ быть установляемъ законодательной властью. Этотъ кредитъ обнимаетъ такъ называемые *постоянные, отвержденные государственные долги.* Центръ тяжести по отношенію къ государственнымъ долгамъ лежитъ за предѣлами финансоваго управленія. Онъ состоитъ въ опредѣленіи законодательной властью цѣлей, которыя оправдываютъ пользованіе долгосрочнымъ кредитомъ и въ затратѣ отдѣльными вѣдомствами полученныхъ капиталовъ такимъ образомъ, что-бы они создавали новыя благопріятныя для развитія общественнаго хозяйства условія и вызывали къ жизни средства для несенія новыхъ платежныхъ тягостей, связанныхъ съ государственнымъ долгомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, по отношенію къ государственнымъ долгамъ, наша наука тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ наукой полицейскаго права. Первая имѣетъ своимъ предметомъ государственные долги лишь на столько, на сколько они входятъ въ финансовое управленіе—со стороны формальной. Вторая же, опредѣляя цѣли управленія данной эпохи и выясняя потребности народа, требующія коллективнаго удовлетворенія, оцѣниваетъ долги по существу, оправдываетъ цѣли, для которыхъ они возникаютъ. Таково дѣленіе государственнаго кредита въ теоріи. На практикѣ, въ финансовомъ строѣ отдѣльныхъ государствъ оно не проводится такъ полно и послѣдовательно въ связи съ цѣлями, для которыхъ государство пользуется кредитомъ: финансовый кредитъ часто сливается съ отвержденными долгами.

Къ этимъ двумъ видамъ кредита примыкаетъ и третій—*бумажно—денежные долги.* Какой бы цѣли ни служили выпускаемыя государственной властью бумажныя деньги, покрытію—ли обыкновенныхъ расходовъ или удовлетворенію чрезвычайныхъ потребностей, онѣ являются особой, специфической формой кредита. Выпуская кредитные знаки по кратко-или-долгосрочному займу, государство пользуется тѣми-же условіями, которыя имѣетъ въ своихъ кредитныхъ отношеніяхъ и каждое частное хозяйство: оно черпаетъ изъ всего запаса наличныхъ туземныхъ и иностранныхъ капиталовъ, часть котораго и предлагается государству—должнику въ родовой

формѣ капитала, въ деньгахъ. Подобно тому, какъ вексель, представляющій кредитное отношеніе въ частныхъ хозяйствахъ, является товаромъ и только *можетъ* замѣнять деньги въ оборотѣ, и обязательства государственнаго, земскаго, городскаго долга имѣютъ всѣ признаки товара и только *могутъ* исполнять функціи денегъ. Всѣ кредитные знаки, кто-бы ни былъ связанъ долговымъ отношеніемъ, вытѣсняютъ изъ оборота извѣстную сумму денегъ, вліяютъ на денежное обращеніе, на цѣны; но это не составляетъ ихъ главнаго назначенія.—Совсѣмъ иное представляетъ бумажно-денежный кредитъ. Государство, выпуская бумажныя деньги, не черпаетъ изъ капиталовъ, находящихся на внутреннемъ или иностранномъ рынкѣ, а *само создаетъ капиталъ* и создаетъ его въ родовой, денежной формѣ. Вслѣдствіе условій, объясняющихъ возможность бумажно-денежнаго обращенія—разсмотрѣніе этихъ условій выходитъ за предѣлы нашей задачи—государство, выпускающее бумажныя деньги, находится въ положеніи, аналогичномъ тому, которое оно занимало-бы по внезапномъ открытіи обильныхъ мѣсторожденій золота или серебра. Въ послѣднемъ случаѣ, наполняя оборотъ монетой, оно вызывало-бы пониженіе цѣнности денегъ и повышеніе цѣнъ товаровъ со всѣми ихъ послѣдствіями. Невыгоды этихъ явленій, только временныя, съ избыткомъ перевѣшивались-бы обогащеніемъ народнаго хозяйства вслѣдствіе увеличенія запаса благородныхъ металловъ, возможности употреблять большую, нежели прежде, часть ихъ, для утвари, украшеній и т. п. Первоначально открытіе новыхъ источниковъ золота и серебра служило бы выгодамъ государственной казны, создавая ей новыя покупательныя средства, а затѣмъ эти выгоды отражались-бы и на положеніи многихъ частныхъ хозяйствъ. Подобное же явленіе имѣетъ мѣсто и при выпускѣ бумажныхъ денегъ до извѣстныхъ предѣловъ. Выгоды, доставляемыя тамъ новыми рудниками, приноситъ здѣсь печатный станокъ. Онъ увеличиваетъ запасъ денегъ въ странѣ, освобождаетъ часть благородныхъ металловъ отъ ихъ денежнаго назначенія для другихъ цѣлей и, обогащая предварительно государство, доставляетъ затѣмъ выгоды и всему общественному хозяйству. Эта форма созданія капитала есть созданіе капитала изъ ничего; она можетъ быть координирована съ кредитами кратко—и—долгосрочнымъ только съ большими натяжками; это сопоставленіе не столько удовле-

воряетъ требованія теоріи, сколько имѣетъ цѣлью внести въ финансовую политику правило воздерживаться отъ неумѣреннаго выпуска бумажныхъ денегъ. Независимо отъ того, что кредитъ обоихъ типовъ связанъ съ уплатой процентовъ, а бумажныя деньги въ своемъ чистомъ видѣ безпроцентны, по отношенію къ бумажнымъ деньгамъ должны быть поставлены другія требованія погашенія, чѣмъ по отношенію къ текучимъ или отвержденнымъ государственнымъ долгамъ. Можно оправдывать, при извѣстныхъ условіяхъ, перечисленныхъ въ слѣдующей главѣ, непогашаемость отвержденныхъ долговъ и хотя-бы вѣчную уплату процентовъ; слѣдуетъ требовать погашаемости краткосрочныхъ займовъ, что вытекаетъ изъ существа краткосрочнаго кредита; но погашеніе бумажно-денежнаго долга должно быть внесено въ программу хозяйственной политики только въ случаѣ злоупотребленія выпусками. Въ самомъ дѣлѣ, разъ государство черпаетъ изъ существующаго запаса капиталовъ, оно обязано или уплатить долгъ въ опредѣленные сроки или, по крайней мѣрѣ, обезпечить владѣльцамъ полученіе процентовъ на неопредѣленно долгое время. Если-же оно создаетъ капиталъ въ видѣ извѣстной суммы бумажныхъ денегъ и, обогащая себя, даетъ приростъ общественному богатству, то оно не заключаетъ займа и не обязано смотрѣть на сумму бумажныхъ денегъ, какъ на долгъ, подлежащій уплатѣ. Пока бумажныя деньги поглощаются оборотомъ, пока онѣ обмѣниваются съ монетой al pari, до тѣхъ поръ общественное хозяйство не только не уступаетъ государству части своихъ капиталовъ, но прямо увеличиваетъ ихъ запасъ освобожденными чрезъ выпуски бумажныхъ денегъ массами благородныхъ металловъ. Государство не беретъ, а даетъ. Какое же юридическое основаніе требовать отъ него возврата того, чего оно не взяло, или оплаты процентами капиталовъ, которые созданы имъ самимъ? Какое экономическое основаніе требовать извлеченія изъ оборота бумажныхъ денегъ (т. е. погашенія такъ называемаго бумажно-денежнаго долга), когда хозяйственный оборотъ нуждается въ этихъ деньгахъ и уподобляетъ ихъ такъ-же, какъ монету? Не даетъ такого основанія и соображеніе о томъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ выражаетъ двѣ функціи государственной власти—воздѣйствіе на деньги и обмѣнъ, вліяющее на все общественное хозяйство, и созданіе средствъ для удовлетворенія финансовыхъ потребностей. И это

самообогащеніе, связанное съ выполненіемъ одной зъ важныхъ обязанностей экономической политики, не родитъ долга и не дѣлаетъ для государства обязательнымъ изъять изъ обращенія выпущенныя деньги. Какъ изобрѣтатель, оказывая техническимъ изобрѣтеніемъ крупныя услуги многимъ частнымъ хозяйствамъ, промышленности всей страны, прежде всего старается извлечь личныя выгоды изъ своего изобрѣтенія, такъ и государство пользуется своимъ правомъ и властью воздѣйствовать на денежное обращеніе и извлекать изъ нихъ выгоды прежде всего для себя, т. е., употребляетъ бумажныя деньги на нужды финансоваго хозяйства.

Но выпущенныя бумажныя деньги не образуютъ долга только до тѣхъ поръ, пока онѣ являются капиталомъ и для государства, и для общественнаго хозяйства. Разъ этотъ предѣлъ перейденъ, разъ оборотъ переполненъ бумажными деньгами, разъ появился лажъ,—процессъ созданія государствомъ капитала и благотворнаго вліянія на хозяйство оканчивается, и начинается періодъ пагубнаго дѣйствія бумажныхъ денегъ на хозяйство. Здѣсь начинается разрушеніе цѣнностей, и здѣсь возникаетъ бумажно-денежный долгъ. Этотъ долгъ представляетъ свои особенности сравнительно съ кредитомъ кратко-и-долгосрочнымъ. Пользуясь обычнымъ кредитомъ, государство является должникомъ только опредѣленныхъ лицъ, только владѣльцевъ его облигацій. Чрезмѣрные выпуски бумажныхъ денегъ дѣлаютъ его должникомъ разныхъ общественныхъ группъ: оно является должникомъ всѣхъ своихъ чиновниковъ, которымъ платитъ жалованье обезцѣнившимися бумажными деньгами, всѣхъ заимодавцевъ, которые въ этихъ деньгахъ получаютъ уплату долга, короче, всѣхъ, которые имѣютъ получить, но не могутъ вознаградить себя за потерю повышеніемъ цѣны своихъ товаровъ и услугъ соотвѣтственно съ обезцѣненіемъ денегъ. Такъ какъ эти группы составляютъ большую часть общества, то государство является должникомъ всего общественнаго хозяйства. Формально этотъ долгъ выражается суммой излишне—выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, а матеріально—несравненно болѣе крупной цифрой, суммой всѣхъ потерь, потрясеній и даже бѣдствій, которыя испытываетъ общественное хозяйство отъ переполненія оборота бумажными деньгами. Такимъ образомъ, если съ внѣшней стороны каждый владѣлецъ бумажныхъ денегъ является на всю сумму ихъ кредиторомъ госу-

дарства, то по существу это не такъ: не вся сумма бумажныхъ денегъ излишня, не вся образуетъ долгъ государства, не вся должна быть изъята изъ обращенія, а только извѣстная часть. А потому, долгъ этотъ имѣетъ свои специфическія особенности: каждый владѣлецъ бумажныхъ денегъ въ отдѣльности является на всю сумму ихъ кредиторомъ государства, но всѣ въ совокупности не могутъ быть названы кредиторами на всю сумму, которая имъ принадлежитъ.

Но если этотъ долгъ и имѣетъ свои специфическія особенности, то все-же онъ долженъ быть отнесенъ къ кратко-или-долгосрочному кредиту. Слѣдуя Л. Штейну, принято относить всѣ бумажныя деньги къ краткосрочнымъ долгамъ государства, причемъ Штейнъ ограничиваетъ выпускъ бумажныхъ денегъ только тѣми суммами, которыя, въ видѣ налоговъ, могутъ поступать въ государственныя кассы и возвращаться черезъ это къ своему источнику. Относимыя къ краткосрочному кредиту, бумажныя деньги могутъ служить цѣлямъ предвзятія текущихъ доходовъ или покрытія недочетовъ по бюджетному періоду. Онѣ не должны быть затрачиваемы на созданіе постоянныхъ капиталовъ, чему служатъ долгосрочные займы.—Мы совершенно не раздѣляемъ этого воззрѣнія. Пока бумажныя деньги не переполняютъ оборота, до тѣхъ поръ нѣтъ долга, и онѣ представляютъ для государства свободный капиталъ, которымъ оно можетъ располагать вполнѣ по своему усмотрѣнію: лучше затратить его на сооруженіе путей или осушеніе болотъ, нежели на веденіе войны, лучше пользоваться этимъ капиталомъ для покрытія чрезвычайныхъ, нежели текущихъ расходовъ, дабы сократить размѣры необходимаго кредита. Но до этого момента долга нѣтъ, и бумажныя деньги не относятся ни къ кратко-ни-къ долгосрочному кредиту. Но разъ оборотъ переполненъ бумажными деньгами, появляется долгъ. Этотъ долгъ слѣдуетъ отнести къ кредиту краткосрочному на томъ основаніи, что оттягиваніе уплаты именно этого долга причиняетъ общественному хозяйству крупныя невыгоды. Такимъ образомъ, кредитъ этотъ является краткосрочнымъ не по цѣлямъ, для которыхъ производились выпуски бумажныхъ денегъ, а по вреду, съ которымъ связано многолѣтнее переполненіе оборота бумажными деньгами, т. е., долгосрочность этого кредита. Отсюда вытекаетъ требованіе возможно быстраго погашенія этого долга, т. е. извлеченія

изъ оборота излишней суммы бумажныхъ денегъ. Правительство можетъ не исполнять этого требованія, если его финансы разстроены и нѣтъ умѣнья внести во всю финансовую систему крупныя коренныя улучшенія; такъ большею частью, бываетъ въ дѣйствительности. Одни соображенія въ большей степени оправдываютъ оттягиваніе уплаты этого долга, нежели другія; но во главѣ кредитной политики, все таки, должно быть поставлено требованіе объ отнесеніи этого кредита къ краткосрочному.

Обычныя формы кратко-и-долгосрочныхъ займовъ могутъ съ полнымъ удобствомъ находить себѣ мѣсто въ государственномъ, земскомъ, городскомъ хозяйствѣ. Но къ бумажнымъ деньгамъ должно быть иное отношеніе. Регулированіе денежнаго обращенія, какъ одной изъ самыхъ важныхъ группъ хозяйственныхъ явленій, должно быть сосредоточено. Если есть крупныя основанія высказываться за предпочтительность государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, государственной почты предъ частными, и даже земскими, городскими, то это въ гораздо большей степени примѣнимо ко всѣмъ мѣропріятіямъ, прямо направленнымъ на денежное обращеніе. А потому, созданіе капиталовъ посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ должно быть предметомъ вѣдѣнія исключительно центральнаго правительства и не должно находить себѣ мѣсто въ финансовыхъ хозяйствахъ земствъ, городовъ.

Особенность источника, создаваемаго для государства выпускомъ бумажныхъ денегъ, многочисленныя потрясенія, испытанныя въ теченіе настоящаго вѣка почти всѣми странами Европы, вслѣдствіе излишка бумажныхъ денегъ, заставляютъ спросить, на сколько оправдывается пользованіе этимъ источникомъ, должно-ли оно быть приберегаемо только на случай крайней финансовой нужды, или же для государства цѣлесообразно обратиться къ нему и въ то время, когда оно могло-бы покрыть предстоящую потребность посредствомъ кредита. Мы полагаемъ, что возникновеніе бумажно—денежнаго долга оправдывается только крайней необходимостью, которая можетъ оправдать вообще всякое разстройство общественнаго хозяйства: и займы подъ ростовщичьи проценты, и непомѣрно высокіе налоги, и разрушеніе многихъ частныхъ хозяйствъ. Крайняя необходимость, и только она одна, оправдываетъ и злоупотребленія выпусками бумажныхъ денегъ. Но было-бы неосновательно, изъ

боязни, что можетъ явиться такая крайняя необходимость, не оправдывать выпусковъ бумажныхъ денегъ вообще или ограничивать суммами поступающихъ въ государственныя кассы налоговъ, если оборотъ можетъ уподобить гораздо больше. Это неправильно потому, что, создавая капиталъ выпусками бумажныхъ денегъ, государство содѣйствуетъ болѣе успѣшному развитію общественнаго хозяйства и даетъ ему большія силы переживать періоды и тяжелыхъ экономическихъ или политическихъ потрясеній. Отсюда—полное право для государства создавать себѣ изъ умѣренныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ капиталъ, не дожидаясь состоянія крайней необходимости.

Ознакомившись съ видами государственнаго кредита, мы укажемъ на условія, благопріятствующія его развитію. Эти условія двоякаго рода. Къ однимъ должно отнести тѣ, которыя, вообще, облегчаютъ для государства заключеніе займовъ; къ другимъ—тѣ, которыя вліяютъ на высоту процентовъ.

Въ ряду условій перваго рода нужно поставить *цѣль*, которой государство хочетъ достигнуть посредствомъ займа. Чѣмъ болѣе развивается общественная жизнь, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ относятся граждане къ дѣятельности государства, тѣмъ глубже оцѣниваютъ вѣроятныя послѣдствія актовъ управленія, тѣмъ болѣе опредѣленно высказываютъ свои симпатіи и антипатіи относительно направленія въ политикѣ. Это настроеніе общества отражается и на государственномъ кредитѣ. Если цѣль, для которой государство заключаетъ заемъ, возбуждаетъ сочувствіе, капиталы обильно притекаютъ въ государственное казначейство и наоборотъ [4]). Эти сочувствіе или несочувствіе, облегчая или затрудняя заключеніе займовъ, не всегда, однако, опредѣляютъ значеніе поставленной цѣли для общества и не всегда объясняютъ, насколько оправдывается пользованіе государства кредитомъ для ея достиженія. Сосредоточеніе капиталовъ въ рукахъ сравнительно немногихъ гражданъ дѣлаетъ вполнѣ достаточнымъ для успѣха займа сочувствіе этихъ лицъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ низкій уровень развитія большинства населенія почти въ каждой странѣ заставляетъ массу относиться сочувственно или враждебно къ начинаніямъ власти въ зависимости отъ вліянія, которое оказываетъ періодическая печать. Такимъ образомъ, сочувствіе можетъ быть всеобщимъ, хотя-бы безпристрастная оцѣнка не оправдывала предстоящаго расхода, ни, тѣмъ болѣе, покрытія его

посредствомъ займа. Большое вліяніе имѣютъ ловкость министра финансовъ, его умѣнье пользоваться услугами биржи, крупныхъ банкировъ, которые иногда могутъ затруднить реализованіе займа.— Благопріятнымъ условіемъ является и *публичность* относительно государственныхъ долговъ. Подробное обозначеніе долговъ по видамъ, ихъ прилива и отлива, уплаты капитала и процентовъ—все должно быть точно вычисляемо и предаваемо гласности въ общедоступной формѣ.—Оказываетъ-ли на кредитъ вліяніе форма правленія—вопросъ, который долженъ быть признанъ открытымъ. Гокъ объясняетъ большую кредитоспособность конституціонныхъ монархій, сравнительно съ абсолютными, тѣмъ, что въ первыхъ устройство финансовъ можетъ имѣть гораздо большую устойчивость, нежели во вторыхъ, здравыя начала могутъ болѣе прочно держаться въ финансовой политикѣ [5]). Выводы Гока уже потому не возбуждаютъ довѣрія, что основываются на сопоставленіи разнородныхъ величинъ—благоустроенной конституціонной монархіи и дурной монархіи абсолютной. Если же сравнивать величины болѣе сходныя, то окажется труднымъ рѣшить о большей кредитоспособности конституціонныхъ государствъ. Наше отечество, въ силу проникающаго его финансовую политику стремленія исполнять свои обязательства, пользуется обширнымъ кредитомъ [6]), и если кредитоспособность западноевропейскихъ государствъ болѣе велика, то это нужно приписать болѣе высокому уровню благосостоянія ихъ населенія.—Относительно вліянія на кредитоспособность *политическаго могущества* государства отрицательно высказался еще Небеніусъ [7]). И дѣйствительно, нельзя усмотрѣть какую-либо связь между политическимъ могуществомъ государства, его обширностью, числомъ жителей, качествомъ войска и кредитоспособностью. Политически слабая страна можетъ быть обезпечена отъ бѣдствій войны тѣмъ нейтралитетомъ, который обезпечиваетъ ей взаимная зависть сильныхъ государствъ. Обширная и многолюдная держава можетъ пасть подъ ударами нѣсколькихъ соединившихся противъ нея враговъ. Наконецъ, въ современномъ европейскомъ мірѣ, даже при утратѣ страною нѣсколькихъ провинцій, права кредиторовъ могутъ быть ограждены посредствомъ перенесенія части долга на государство, присоединившее къ себѣ провинціи [8]). Главнымъ же условіемъ, облегчающимъ заключеніе государственныхъ займовъ, является со-

стояніе общественнаго хозяйства. Убѣжденіе, что народъ богатъ, что бремя лежащихъ на немъ налоговъ далеко не достигаетъ высшаго предѣла, что благосостояніе возрастаетъ безостановочно, дѣлаетъ кредитъ государства почти безграничнымъ. Такое положеніе занимаютъ, напр., Англія и Франція.

Условія, опредѣляющія высоту процента по государственнымъ долгамъ, тѣ-же, которыя обнаруживаютъ свое дѣйствіе при кредитныхъ сдѣлкахъ въ общественномъ хозяйствѣ. Когда производство идетъ успѣшно, расширяются многія отрасли, возникаютъ новыя, когда частное хозяйство предъявляетъ усиленный запросъ на капиталы,—процентъ имѣетъ общую наклонность къ повышенію, что отражается и на государственномъ кредитѣ. Застой въ производствѣ, переполненіе рынка товарами, обиліе свободныхъ капиталовъ, понижая процентъ, даютъ возможность и государству заключать займы на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Въ общемъ, % по государственному кредиту стоитъ ниже, чѣмъ въ кредитѣ частно-хозяйственномъ, что объясняется высокой степенью довѣрія кредиторовъ къ государству—должнику. Слѣдуетъ замѣтить, что разница эта болѣе значительна при подавленномъ состояніи хозяйства, переполненіи рынка товарами, общемъ застоѣ въ промышленности и торговлѣ. Такое состояніе дѣлъ сопровождается многочисленными банкротствами, подрывающими въ капиталистахъ довѣріе; болѣе робкіе совершенно воздерживаются отъ помѣщенія своихъ капиталовъ въ частныхъ предпріятіяхъ, запросъ на документы по государственнымъ долгамъ усиливается, и процентъ замѣтно понижается. Въ періоды-же цвѣтущаго состоянія промышленности платежи и по частнымъ долгамъ поступаютъ своевременно, капиталисты относятся съ большимъ довѣріемъ и къ частнымъ хозяйствамъ, и послѣднія представляются почти столь-же надежными должниками, какъ государство [3]).

Примѣчанія къ II-й главѣ.

[1]) При личномъ кредитѣ съ поручительствомъ, эта оцѣнка платежной способности переносится съ хозяйства должника на хозяйства поручителей.

[2]) Въ такихъ именно условіяхъ находится наше отечество. Финансы Россіи хронически страдаютъ дефицитомъ; народное благосостояніе за послѣдніе годы значительно потрясено; платежныя силы страны напряжены

въ высокой степени. Но издавна упрочившаяся увѣренность въ твердомъ намѣреніи нашего правительства платить долги поддерживаетъ кредитъ Россіи.

[3]) Именно кредитъ личный. Элементъ вѣчности наиболѣе примиряется съ земельнымъ частно-хозяйственнымъ кредитомъ. Предложенія Родбертуса объ устроеніи земельнаго кредита и имѣютъ цѣлью внести въ него этотъ элементъ.

[4]) Успѣшное заключеніе русскимъ правительствомъ такъ называемыхъ восточныхъ займовъ 1877 и 78 гг. объясняется тѣмъ сочувствіемъ, съ которымъ русское общество относилось къ войнѣ съ Турціей, тѣмъ общимъ настроеніемъ, которое придавало этой войнѣ религіозное и національное значеніе. Гокъ объясняетъ неуспѣшность двухъ австрійскихъ государственныхъ займовъ тѣмъ, что одновременно съ первымъ (1853 г.) была уничтожена равноправность евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ, второй же (1859 г.) былъ заключенъ для противодѣйствія Италіи въ ея борьбѣ за независимость (Hock. 293).

[5]) Hock. Т. ж. 296—7.

[6]) Намъ могутъ возразить, что нельзя говорить о готовности правительства точно исполнять кредитныя обязательства, если страна наводнена обезцѣнившимися бумажными деньгами, какъ мы то имѣемъ въ Россіи. Отстаивая наше положеніе, мы сошлемся на всю исторію русскихъ бумажныхъ денегъ; эта исторія показываетъ, что съ самаго появленія бумажныхъ денегъ правительство было всегда озабочено регулировать ихъ обращеніе. Попытки были большею частію неудачны, но всегда было желаніе исполнять и обязательства, налагаемыя на правительство выпусками бумажныхъ денегъ. Такимъ образомъ, неисполненіе этихъ обязательствъ вліяетъ только на различіе въ успѣшности и выгодности реализованія займовъ въ металлической и бумажной валютѣ, а не на ослабленіе кредитоспособности Россіи.

[7]) Nebenius. Ueber die Natur. . . 280—91.

[8]) Самымъ лучшимъ доказательствомъ установленныхъ положеній можетъ служить высокая кредитоспособность Франціи послѣ войны 1870 года, войны, уменьшившей, если не могущество этой страны, то, по крайней мѣрѣ, его обаяніе.

[9]) Въ Россіи государственныя процентныя бумаги приносятъ приблизительно на $^3/_4$—$1^1/_4$% меньше, чѣмъ бумаги лучшихъ частныхъ промышленныхъ предпріятій.

ГЛАВА III.

Безвозвратные долги. Нормальные предѣлы государственнаго кредита.

Мы уже привели въ немногихъ словахъ причины оправданія наукой непогашаемыхъ займовъ. Это положеніе, истинное въ своемъ основаніи, повело къ многочисленнымъ разногласіямъ, къ доведенію принципа безвозвратности до крайности одними писателями и къ отысканію въ немъ многихъ темныхъ сторонъ другими. Эти разногласія не только наполняютъ научную литературу о государственномъ кредитѣ за послѣднее 30-лѣтіе, но и обнаруживаются въ законодальныхъ работахъ, организующихъ государственные долги. Попытаемся же, ознакомившись съ мнѣніями за и противъ, опредѣлить условія, оправдывающія непогашаемость займовъ.

По теоріи Дитцеля, государство своею дѣятельностью создаетъ извѣстную массу капиталовъ матеріальныхъ (пути сообщенія, улучшенія въ земельныхъ участкахъ и т. п.) и гораздо большую — нематеріальныхъ. Къ послѣднимъ относятся всѣ расходы, обезпечивающіе народу политическую силу и безопасность отъ внѣшнихъ враговъ и мирное развитіе внутренней жизни. Какъ ни велики расходы государства на войну, какъ ни кажутся они непроизводительными, однако, и война создаетъ извѣстную массу капиталовъ невещественныхъ. Не говоря уже о производительности затратъ на оборонительную войну, сохраняющую цѣлость государственныхъ предѣловъ, Дитцель признаетъ подобное же созидающее вліяніе и за войнами наступательными: онѣ увеличиваютъ территорію новыми земельными пріобрѣтеніями, открываютъ новые пути для торговли, препятствуютъ чрезмѣрному росту могущества другихъ государствъ, которое могло бы со временемъ стать опаснымъ для хозяйственнаго

развитія даннаго народа [1]). На ряду съ этими затратами, нематеріальные капиталы производятся и расходами на содержаніе двора, на увеличеніе блеска арміи. „Эти расходы удовлетворяютъ національную гордость, желаніе превзойдти блескомъ другіе народы. Народъ гордится тѣмъ, что его столица и войско имѣютъ блестящій видъ.... Все, что способно удовлетворить эту потребность, есть, съ точки зрѣнія науки о хозяйствѣ, благо; если оно не потребляется непосредственно, то служитъ капиталомъ, и именно капиталомъ для пользованія (Nutzcapital), поскольку пользованіе имъ непосредственно удовлетворяетъ эту потребность“ [2]). Отсюда само собой слѣдуетъ выводъ, что возвратъ капиталовъ, взятыхъ изъ частныхъ хозяйствъ для подобныхъ цѣлей, совершенно излишенъ, излишенъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока существуетъ капиталъ и вѣрители получаютъ равноцѣнность изъ пользованія этимъ капиталомъ [3]). Къ тому же мнѣнію склонялся и Вагнеръ. Война, говоритъ онъ, создаетъ нематеріальные капиталы даже въ томъ случаѣ, если единственнымъ результатомъ ея является удовлетвореніе жажды славы [4]). Л. ф. Штейнъ, которому ученіе о кредитѣ обязано многимъ, не идетъ такъ далеко въ признаніи творческой силы за государствомъ, производящимъ „нематеріальные“ капиталы; однако, думаетъ онъ, въ интересахъ хозяйства для государства нѣтъ необходимости уплачивать долги, если заемъ былъ заключенъ для созданія постояннаго капитала [5]). Есть еще своеобразное оправданіе, если не безвозвратности, то крайней долгосрочности государственныхъ долговъ. Это—паденіе цѣнности металлическихъ денегъ, производимое открытіемъ новыхъ рудниковъ, лучшими способами ихъ разработки, распространеніемъ бумажныхъ денегъ и кредитныхъ документовъ. Выплачивая проценты и капитальную сумму долга золотомъ и серебромъ, государство можетъ выиграть тѣмъ больше, уплатить реально тѣмъ меньшую цѣнность, чѣмъ долѣе отсрочитъ оно возвратъ долга [6]). Насколько вліяніе этого направленія велико въ наукѣ, видно изъ того спокойствія, съ которымъ правительства увеличиваютъ сумму государственныхъ долговъ, и изъ полнаго почти отсутствія мѣропріятій для усиленнаго ихъ погашенія.

Противниками непогашаемыхъ государственныхъ долговъ, кромѣ старинныхъ финансистовъ, вообще относившихся къ государственному кредиту непріязненно, слѣдуетъ назвать Нассе и Шеффле.

Они оба возстаютъ противъ безвозвратныхъ долговъ потому, что затраченные государствомъ капиталы могутъ, вслѣдствіе усовершенствованія техники, сдѣлаться постепенно непроизводительными [7]). Сверхъ того, второй усматриваетъ въ безвозвратныхъ долгахъ лучшее средство раздѣлить весь народъ на два лагеря—меньшинство, рентьеровъ, спокойно отрѣзывающихъ купоны отъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ, и большинство,— misera contribuens plebs,—чрезмѣрно обремененное податями, для уплаты первымъ процентовъ. Неростаніе безвозвратныхъ долговъ постепенно ведетъ государство къ банкротству [8]). Наконецъ, въ пользу погашенія долговъ приводятъ и соображенія политическія. Каждое государство—аргументируютъ съ этой точки зрѣнія—переживаетъ отъ времени до времени политическія и хозяйственныя потрясенія, требующія большаго напряженія всѣхъ финансовыхъ силъ. Страна, обремененная долгами, не имѣетъ въ такое критическое время необходимой свободы дѣйствій, что особенно замѣтно въ международной политикѣ. Вотъ почему государство должно пользоваться мирнымъ временемъ для усиленнаго погашенія своихъ займовъ [9]).

Оставляя мнѣнія многихъ другихъ писателей, которые могутъ быть отнесены къ первому или второму направленію, мы укажемъ прежде всего на недостаточную убѣдительность нѣкоторыхъ доводовъ названныхъ нами противниковъ безвозвратныхъ долговъ. Нассе и Шеффле справедливо замѣчаютъ, что многія затраты государствомъ капиталовъ становятся непроизводительными вслѣдствіе усовершенствованій техники. Прорытъ каналъ; позднѣе по тому же направленію проходитъ желѣзная дорога, отвлекающая отъ канала большую часть грузовъ и лишающая этотъ капиталъ почти всего его значенія. Громадные капиталы, вложенные въ желѣзныя дороги, могутъ утратить значительную часть своей производительности, если воздухо-плавательные снаряды будутъ приспособлены къ перемѣщенію, по крайней мѣрѣ, людей. Освѣщеніе электричествомъ дѣлаетъ безполезными многія приспособленія для освѣщенія газомъ. Усовершенствованіе оружія дѣлаетъ крѣпостныя сооруженія негодными и т. д. Но изъ всего этого не получается вѣскій аргументъ противъ безвозвратныхъ долговъ. Прозорливость людей не безгранична: они не могутъ предусмотрѣть всѣ усовершенствованія техники и производить каждый расходъ лишь въ такихъ размѣрахъ,

чтобы затрата вполнѣ окупилась до новаго улучшенія техники. Они могутъ и должны брать наилучшее изъ существующихъ запасовъ знанія и вести хозяйство съ помощію наиболѣе цѣлесообразныхъ въ данное время техническихъ пріемовъ. Если сдѣланныя государствомъ затраты содѣйствовали росту народнаго благосостоянія, то безвозвратный долгъ не страшенъ, ибо самый ростъ благосостоянія дѣлаетъ для народа гораздо болѣе легкимъ бремя государственнаго долга. Уплачиваетъ государство свой долгъ, возникшій для совершенія такихъ расходовъ, или нѣтъ—уровень народнаго богатства не измѣняется: народное имущество уменьшится на всю ту массу капиталовъ, которые стали непроизводительными вслѣдствіе измѣненій техники. Разница лишь та, что въ первомъ случаѣ въ имуществѣ кредиторовъ государства получится *плюсъ* и равный ему *минусъ* въ имуществѣ всѣхъ плательщиковъ налоговъ, во второмъ же—нѣтъ этого плюса, но нѣтъ и соотвѣтствующаго ему минуса; но это касается уже вліянія государственнаго кредита на распредѣленіе имуществъ и будетъ оцѣнено въ другомъ мѣстѣ. Но пойдемъ дальше въ оцѣнкѣ этого аргумента и приведемъ противъ него еще такое возраженіе. Каждое усовершенствованіе техники увеличиваетъ народное богатство, а потому и облегчаетъ уплату долговъ, возникшихъ для созданія капиталовъ, которые теряютъ свою цѣнность вслѣдствія примѣненія новыхъ техническихъ изобрѣтеній. Возьмемъ такой примѣръ. Государство построило съ помощью займа сѣть шоссейныхъ дорогъ. Долгъ не былъ уплаченъ, когда уже явилась необходимость сооружать желѣзныя дороги. Кто будетъ отрицать, что, съ проложеніемъ, при помощи новыхъ займовъ, желѣзныхъ дорогъ, государство увеличитъ народное богатство и сдѣлаетъ менѣе обременительнымъ для народа уплату и долга, затраченнаго на шоссейные пути, теперь потерявшіе всякое значеніе? А потому, указанные доводы противъ безвозвратныхъ долговъ лишены всеобщаго значенія. Они сохраняютъ полную силу только тогда, когда занятые государствомъ капиталы расходуются прямо непроизводительно, хотя бы съ цѣлью создать матеріальный капиталъ [10]).—Остальные аргументы, приводимые Шеффле, также не представляются намъ довольно убѣдительными. Чрезмѣрные государственные долги ведутъ къ обремененію народа и банкротству. Но это соображеніе даетъ право осуждать не безвозвратные долги

вообще, которые могутъ быть и умѣренны, а только слишкомъ большую задолженность государства. Ссылка на размноженіе класса рентнеровъ, живущихъ безъ труда, на счетъ массы плательщиковъ, также не является вѣскимъ доводомъ: при современномъ строѣ хозяйства, при широкомъ развитіи кредита вообще, этотъ классъ неизбѣжно долженъ быть многочисленъ, даже если государство вовсе не имѣетъ безвозвратныхъ долговъ и умѣренно пользуется кредитомъ. А хорошо устроенная система налоговъ,—далеко проведенное начало прогрессивности обложенія,—можетъ служить противовѣсомъ тому крайнему обремененію неимущихъ классовъ, на которое указываетъ Шеффле. Возраженіе противъ непогашаемыхъ займовъ съ точки зрѣнія широкихъ политическихъ и хозяйственныхъ соображеній имѣетъ большую важность и будетъ разсмотрѣно при опредѣленіи нормальныхъ размѣровъ государственнаго кредита.

Но если доводы нѣкоторыхъ противниковъ безвозвратныхъ долговъ мало убѣдительны, то мы тѣмъ менѣе можемъ согласиться съ аргументаціей сторонниковъ. Значеніе государственнаго союза велико; правовой порядокъ, соотвѣтствующій уровню духовнаго развитія данной эпохи, есть драгоцѣнное достояніе народа и необходимое условіе его благополучія. Столь же важнымъ невещественнымъ благомъ является и безопасность страны извнѣ. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о созданіи государствомъ многихъ нематеріальныхъ цѣнностей или, пожалуй, капиталовъ. Но видѣть созданіе такихъ цѣнностей въ каждомъ актѣ правительственной дѣятельности, значитъ—отрицать въ представителяхъ общественной власти способность къ заблужденію и изъ людей возводить ихъ въ боговъ. Утверждать, что каждая война обогащаетъ народъ новыми нематеріальными капиталами значитъ—забывать о способности правительства въ той же мѣрѣ непроизводительно растрачивать цѣнности, какъ то совершается нерѣдко въ частномъ хозяйствѣ. Наконецъ, называть нематеріальными капиталами удовлетвореніе суетнаго желанія видѣть на воинахъ своей страны болѣе блестящіе мундиры, нежели въ заграничной арміи, желанія пріобрѣсти отъ войны только новые побѣдные лавры значитъ—отожествлять прихоти богатыхъ и знатныхъ классовъ, группы военныхъ людей съ выгодами цѣлой страны, вкусы праздныхъ столичныхъ зѣвакъ съ интересами милліоновъ трудящагося люда, который выноситъ на своихъ плечахъ

главную тяжесть государственнаго долга и имѣетъ право требовать, чтобы государство не относилось къ этимъ тягостямъ легкомысленно. Вотъ возраженія Дитцелю и его послѣдователямъ. Ошибочныя воззрѣнія этихъ писателей прямо проистекаютъ изъ чрезмѣрнаго поклоненія ихъ государству.—Доводъ Леруа-Болье, которому, впрочемъ, и самъ онъ не придаетъ первенствующаго значенія, также не отличается убѣдительностью. Вопервыхъ, пониженіе цѣнности благородныхъ металловъ не можетъ продолжаться до безконечности, какъ за истощимостью богатѣйшихъ рудниковъ и малой вѣроятностью отыскивать все болѣе и болѣе обильные, такъ и вслѣдствіе быстраго развитія обмѣна и быстро возрастающей потребности въ орудіяхъ обращенія. Вовторыхъ, разсчетъ на безостановочное пониженіе цѣнности золота и серебра ведетъ на скользкій путь всю финансовую политику: оправдывая безвозвратные долги, обѣщая непрерывное уменьшеніе этого бремени, онъ легко можетъ поддерживать въ правительствахъ наклонность къ чрезмѣрному пользованію кредитомъ, къ заключенію займовъ ради цѣлей, которыя вовсе не могутъ оправдать ихъ.

Мы исходимъ изъ положенія, что носители общественной власти, какъ и другіе люди, подвержены заблужденію. Хотя, по мѣрѣ накопленія историческаго опыта, по мѣрѣ возрастающаго изученія дѣйствительныхъ потребностей народа и возрастающаго вниманія къ его нуждамъ, вѣроятность заблужденій можетъ всѣ болѣе и болѣе ослабѣвать, однако, несовершенство человѣческой природы препятствуетъ тому, чтобы правительства были вовсе свободны отъ ошибокъ. Какъ недѣлимый въ своей хозяйственной дѣятельности можетъ основать предпріятіе тамъ и тогда, гдѣ и когда оно не нужно, затратить капиталы на участокъ земли, не оправдывающій этихъ расходовъ, на промыселъ, лишенный жизненной силы,—такъ въ государственномъ, земскомъ, общинномъ хозяйствѣ совершаются иногда затраты непроизводительныя, уничтожающія массу цѣнностей. Такія затраты возможны и тамъ, гдѣ расходъ оставляетъ слѣдъ въ вещественныхъ благахъ напр., въ сооруженіяхъ; тѣмъ болѣе возможны, тѣмъ болѣе часты онѣ, когда создается такъ называемый „нематеріальный капиталъ“. Войны служатъ лучшимъ примѣромъ подобныхъ затратъ. Желаніе удовлетворить тщеславіе правительства или военныхъ людей, желаніе доставить войску упражненіе и т. д. не-

рѣдко побуждаетъ начать войну съ очень легкимъ сердцемъ, вести ее съ помощью кредита и обременять потомковъ громадными долгами. Но даже войны, связанныя съ матеріальными пріобрѣтеніями, могутъ обогащать народъ нерѣдко только отрицательными „нематеріальными“ капиталами. Крайнее расширеніе предѣловъ государства, водруженіе его флаговъ на всѣхъ моряхъ и во всѣхъ частяхъ свѣта создаетъ новые поводы къ столкновеніямъ съ сосѣдями и облегчаетъ возникновеніе войны въ будущемъ; оно можетъ, раздробляя силы государства на весь земной шаръ, служить источникомъ его слабости, хотя бы такая завоевательная политика долгое время сопровождалась ростомъ народнаго богатства и сохраненіемъ политическаго могущества [11]). А если расходъ государства несомнѣнно даетъ странѣ только нематеріальный капиталъ того сомнительнаго значенія, которое называется „лаврами побѣдъ“ и даже если матеріальныя пріобрѣтенія, вытекающія изъ побѣдоносной войны даютъ поводъ къ новымъ и опаснымъ столкновеніямъ съ сосѣдними державами [12]), то бремя расходовъ не должно быть возлагаемо на отдаленное потомство. Пусть то поколѣніе, чьи зрѣніе и слухъ наслаждались побѣдными лаврами, то, которое было свидѣтелемъ расширенія территоріи своего отечества, несетъ на себѣ и бремя расходовъ. Вотъ сфера затратъ, изъ которыхъ долженъ быть совершенно исключенъ вѣчный кредитъ. Чѣмъ менѣе долгосрочность займовъ, заключенныхъ съ этими цѣлями, чѣмъ больше напряженія дѣлаетъ государственная власть для уплаты такихъ долговъ изъ налоговъ, тѣмъ болѣе вѣроятія избѣгать непроизводительныхъ затратъ, тѣмъ болѣе обезпечено правильное пользованіе государственнымъ кредитомъ. Одинъ изъ величайшихъ политическихъ дѣятелей новаго времени такъ указываетъ на неразумность вести войны посредствомъ займовъ. „Съ подобной системой (системой займовъ) народъ въ сущности не знаетъ, что дѣлаетъ. А между тѣмъ, не слѣдуетъ ли знать цѣну выгодъ, къ которымъ мы стремимся, дабы, будучи существами разумными, мы взяли на себя ихъ бремя и не оставляли его въ наслѣдство нашимъ потомкамъ? Подобная политика въ равной мѣрѣ оправдывается и требованіями нравственности, и соображеніями свойства экономическаго. Издержки на войну служатъ нравственной уздой, которую Всемогущій налагаетъ на честолюбіе и жажду завоеваній, присущія всѣмъ народамъ. Блескъ войны сообщаетъ ей

извѣстную прелесть въ глазахъ массы и скрываетъ причиняемыя ею бѣдствія. Необходимость изъ года въ годъ платить расходы, вызванные войной, служитъ спасительной уздою. Это заставляетъ поразмыслить надъ тѣмъ, что дѣлается, и заранѣе сравнить ожидаемыя выгоды съ неизбѣжными расходами" [13])... Хотя въ приведенномъ отрывкѣ содержатся доводы болѣе нравственнаго, нежели экономическаго свойства противъ покрытія расходовъ на войну посредствомъ займовъ, однако, мудрый государственный человѣкъ чувствуетъ, что выгоды, доставляемыя войной, могутъ вовсе не уравновѣшивать бремени, возлагаемаго на будущія поколѣнія. Ученіе о политикѣ финансовъ обязано тѣмъ съ большей энергіей высказываться противъ цѣлесообразности займовъ, и особенно долгосрочныхъ, на веденіе большинства войнъ, что наибольшая масса громадныхъ долговъ европейскихъ государствъ возникла для военныхъ цѣлей, для войнъ, изъ коихъ многія, при самомъ крайнемъ увлеченіи всѣми актами государственной власти, должны быть признаны разрушеніемъ цѣнностей съ точки зрѣнія всемірнаго хозяйства и съ точки зрѣнія хозяйства участвовавшихъ сторонъ. Но было бы ошибочно думать, что безвозвратные долги не могутъ быть оправданы только при затратѣ денежныхъ капиталовъ на войны. Слѣдуетъ осудить ихъ и въ томъ случаѣ, если капиталъ затрачивается прямо на созданіе матеріальныхъ цѣнностей, но ошибочный разсчетъ дѣлаетъ расходъ совершенно непроизводительнымъ. Проводится каналъ или желѣзная дорога тамъ, гдѣ они вовсе не нужны; городъ устроиваетъ зданія для торговли, далеко превышающія размѣры потребности и т. п. Подобно тому, какъ на отдѣльномъ человѣкѣ лежитъ нравственная обязанность не обременять своихъ наслѣдниковъ займомъ, заключеннымъ для не производительныхъ затратъ, а покрыть его изъ текущихъ доходовъ—и на государствѣ или единицахъ самоуправленія лежитъ обязанность не возлагать такихъ долговъ на потомство, а самимъ нести отвѣтственность за сдѣланныя ошибки.

Если, такимъ образомъ, заключеніе самыхъ долгосрочныхъ займовъ съ этими цѣлями не можетъ быть оправдано, то оно получаетъ полное оправданіе для такихъ затратъ, которыя дѣйствительно сопряжены съ улучшеніями, оказывающими вліяніе на жизнь нѣсколькихъ поколѣній. Можно доказывать, что послѣдняя русско-турецкая война вовсе не соотвѣтствовала интересамъ нашего отече-

ства; есть даже основанія думать, что она принесла Россіи больше вреда, нежели пользы; но кто будетъ отрицать полезность затраты государствомъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ на то, напр., чтобы выселить часть жителей изъ многихъ мѣстностей европейской Россіи въ плодоносныя равнины Сибири, пріостановить развивающееся мелководье нашихъ рѣкъ или облѣсить часть южнорусскихъ степей? Кто будетъ отрицать, что отмѣна рабства и выкупъ повинностей, лежащихъ на рабахъ, обогащаетъ народъ „нематеріальными" капиталами? Въ этихъ случаяхъ умѣстно не только пользованіе кредитомъ, но заключеніе займовъ непогашаемыхъ, безъ намѣренія государственной власти уплатить долгъ въ ближайшемъ будущемъ и даже безъ обязательства когда-либо уплатить его. То же скажемъ мы и о расходахъ на войну оборонительную. Сохраненіе цѣлости государства отъ могущественныхъ враговъ есть столь великій подвигъ живущаго поколѣнія, что, ради него, можно обременить потомковъ крупнымъ государственнымъ долгомъ.—Все сказанное можетъ быть съ нѣкоторыми ограниченіями примѣнено къ кредиту единицъ самоуправленія. Ихъ чрезвычайные расходы имѣютъ цѣлью преимущественно производство цѣнностей матеріальныхъ. Поскольку создаваемыя цѣнности имѣютъ продолжительное вліяніе на благосостояніе края и тѣсно связаны съ интересами именно мѣстности (облѣсеніе степей, осушеніе болотъ, устройство путей сообщенія, водопроводовъ), постольку можетъ быть оправданъ долгъ безвозвратный. Если же затрата или по характеру своему, или по внѣшнимъ условіямъ можетъ имѣть значеніе только непродолжительное время (выставки, зданія въ ярмарочныхъ мѣстахъ, гдѣ ярмарка не поддерживается выгодными естественными условіями), тамъ умѣстенъ только кредитъ срочный.

Въ связи съ изслѣдованнымъ вопросомъ стоитъ и другой: *до какихъ предѣловъ можно оправдать увеличеніе государственнаго долга?* Уже не разъ названный писатель—Дитцель—, отъ котораго ведетъ свое начало новѣйшее ученіе о государственномъ кредитѣ, воспѣваетъ хвалебную пѣснь крупнымъ государственнымъ долгамъ. Чѣмъ объясняется, спрашиваетъ онъ, быстрое возрастаніе народнаго богатства Англіи? Въ ряду причинъ этого роста выдающееся мѣсто занимаютъ машины, но главнымъ условіемъ для него послужилъ громадный государственный долгъ Англіи [14]). „Народъ, го-

ворить Дитцель, тѣмъ богаче, хозяйство народа тѣмъ болѣе процвѣтаетъ, тѣмъ быстрѣе идетъ впередъ, чѣмъ большую часть всѣхъ государственныхъ расходовъ образуютъ проценты по государственнымъ долгамъ“ [15]). Какъ ни парадоксальны кажутся эти пѣснопѣнія Дитцеля государственнымъ долгамъ, однако, онъ мотивируетъ ихъ съ большимъ искусствомъ и внушаетъ многимъ вѣру въ ихъ истинность. По мнѣнію этого писателя, посредствомъ займовъ, въ распоряженіе государства поступаютъ только свободные капиталы. Эти капиталы не могутъ получить въ частномъ хозяйствѣ столь полезное назначеніе, какое можетъ дать имъ государство. Такъ, напр., при началѣ войны, уменьшается потребность общества въ нѣкоторыхъ продуктахъ, шелковыхъ тканяхъ, экипажахъ. Затрата свободныхъ капиталовъ въ эти отрасли повела бы къ потерямъ, и государство сохраняетъ капиталъ отъ потерь, когда затрачиваетъ его на сукно для войска, вооруженіе и обращаетъ его посредствомъ войны въ нематеріальное благо, въ безопасность страны отъ внѣшнихъ враговъ [16]). Но если государство беретъ не только свободные капиталы, побуждающіе частныя хозяйства къ чрезмѣрному и безполезному расширенію производства, но и нѣсколько болѣе этого, то хозяйство страны не можетъ терпѣть ущербъ. Цѣлесообразно держать оборотный капиталъ страны нѣсколько ниже уровня, необходимаго для производства, ибо это всегда возбуждаетъ народъ къ усиленной бережливости и къ увеличенію производительности труда [17]). Причиняемое этимъ народу сокращеніе средствъ для удовлетворенія потребностей не можетъ быть называемо непремѣнно потерей или несчастьемъ; человѣческія потребности „очень растяжимы, могутъ расширяться или съуживаться согласно съ обстоятельствами [18])“. Если, такимъ образомъ, каждый заемъ возбуждаетъ народъ къ болѣе успѣшному производству, то подобный же толчокъ даетъ возвышеніе налоговъ для уплаты долга: оно также содѣйствуетъ развитію бережливости, уменьшенію потребленія и увеличенію капитала, затрачиваемаго въ производство. Оно особенно полезно для народа, не отличающагося большой предпріимчивостью въ хозяйственной дѣятельности.

Въ литературѣ нѣтъ другаго столь усерднаго и краснорѣчиваго защитника громадныхъ государственныхъ долговъ, какъ Дитцель. Въ этомъ направленіи дальше уже некуда идти. Государство *хоро-*

шо дѣлаетъ, если беретъ капиталъ свободный, излишній для общественнаго хозяйства. Оно *хорошо* дѣлаетъ, если беретъ что-нибудь сверхъ этого свободнаго капитала. Сокращаются средства потребленія—*нѣтъ бѣды*. Усиливаются налоги—*тѣмъ лучше*. И вся эта защита основывается на убѣжденіи, что государство создаетъ нематеріальные капиталы, которые вполнѣ могутъ утѣшить народъ, обремененный налогами и приведенный къ низшему предѣлу въ удовлетвореніи потребностей!

Въ возраженіе Дитцелю можно было бы привести цифры государственныхъ долговъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, сопоставленныя за 1881—3 гг. статистикомъ Брахелли. Изъ этого вычисленія оказывается, что въ гульденахъ приходится на 1 душу населенія: въ Испаніи—229, Германіи—64, Португаліи—214, Бельгіи—105, Турціи—67, Финляндіи—13 и т. д. Изъ этого слѣдовало бы, согласно съ Дитцелемъ, сдѣлать заключеніе, что Испанія, Португалія и Греція имѣютъ болѣе цвѣтущее народное хозяйство, нежели Германія, Бельгія и Финляндія. Такой пріемъ доказательства, во всякомъ случаѣ, не хуже, чѣмъ заключеніе Дитцеля о ростѣ народнаго богатства Англіи, какъ слѣдствіи ея огромнаго государственнаго долга. Но пріемъ этотъ несостоятеленъ: народное хозяйство развивается подъ вліяніемъ столь многихъ условій внѣшней природы и общественной жизни, что оцѣнка исключительно одного изъ нихъ можетъ склонять только къ одностороннимъ и невѣрнымъ выводамъ. Какъ нѣтъ достаточнаго основанія для Дитцеля и его сторонниковъ установлять между благосостояніемъ Англіи и размѣрами ея долга связь причины со слѣдствіемъ, такъ и мы не признаемъ себя въ правѣ объяснять процвѣтаніе Финляндіи или Швеціи ихъ незначительными государственными долгами.—Нѣтъ также возможности точно вычислить, до какихъ предѣловъ государственные долги въ той или другой странѣ заслуживаютъ оправданія. Этотъ предѣлъ отличается большой подвижностью. Ростъ благосостоянія, возникновеніе новыхъ потребностей, удовлетворяемыхъ государствомъ и единицами самоуправленія, вліяютъ обыкновенно на отдаленіе этого предѣла. Подробное же знакомство съ народнымъ хозяйствомъ каждой страны позволяетъ, среди коллективно удовлетворяемыхъ потребностей, выдѣлить и тѣ, удовлетвореніе которыхъ посредствомъ государственнаго кредита заслуживаетъ оправданіе.

Дабы этотъ предѣлъ искусственно не отдалялся политиками, слѣдуетъ привести уже упомянутое возраженіе противниковъ безвозвратныхъ государственныхъ долговъ: возможность такихъ финансовыхъ, хозяйственныхъ, государственныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ осложненій, которыя лишаютъ свободы дѣйствій государство, обремененное долгами. Эти осложненія и, въ особенности, войны, напрягающія всѣ силы страны, уменьшаютъ платежную способность народа, ослабляютъ его кредитъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ и оставляютъ правительство безъ средствъ въ то время, когда они наиболѣе необходимы. Наводненіе страны бумажными деньгами со всѣми вредными послѣдствіями для хозяйства, остается для правительства, и то временно, единственнымъ средствомъ покрывать крупные чрезвычайные расходы. Вотъ почему, вся финансовая политика должна быть направлена не только на то, что-бы безвозвратные долги не достигали слишкомъ большихъ размѣровъ, но и на то, что-бы общая сумма займовъ не поднялась до уровня, гдѣ пользованіе кредитомъ получаетъ уже свое крайнее напряженіе. Такимъ образомъ, мирное время должно быть посвящено усиленнымъ заботамъ объ увеличеніи обыкновенныхъ доходовъ государства и о возможно успѣшномъ погашеніи займовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ утвержденія о вліяніи усиленныхъ займовъ [20]) и налоговъ на развитіе бережливости, на увеличеніе энергіи труда, расширеніе производства, совершенно бездоказательны: апріорное умозаключеніе убѣждаетъ, что съуженіе потребностей, вызываемое увеличеніемъ податныхъ тягостей, пагубно отражается на большинствѣ населенія, имѣющемъ только крайне необходимое для жизни; исторія же финансовъ разныхъ народовъ развертываетъ намъ такія страницы (хотя бы, напр., изъ исторіи Россіи въ 16 и 17 вв.), которыя свидѣтельствуютъ, что усиленное обложеніе нерѣдко заставляетъ все населеніе многихъ мѣстностей страны „брести врозь“. Нѣтъ основанія заключать, что налоги, возвышенные съ цѣлью погашенія долговъ, оказываютъ дѣйствіе противоположное. —Наконецъ, признаніе безвредности или полезности взятія государствомъ посредствомъ займовъ только всей свободной части народнаго капитала очень неопредѣленно съ точки зрѣнія требованій теоріи и не даетъ руководящихъ началъ для финансовой политики. При томъ состояніи европейскихъ народовъ, которое пережито уже давно, когда обмѣнъ

между странами былъ незначителенъ и кредитныя отношенія вообще и, въ особенности, международныя, были мало развиты, государство могло, путемъ добровольныхъ займовъ, получать, преимущественно, свободные капиталы своего народнаго хозяйства. При современномъ развитіи всемірнаго обмѣна, капиталъ сталъ космополитомъ въ полномъ значеніи этого слова: онъ легко перемѣщается далеко за предѣлы отечества, и государство, заключающее заемъ, всегда можетъ найдти свободные иноземные капиталы [21]). Эти капиталы могутъ притекать къ государству безъ всякаго непосредственнаго ущерба для туземнаго производства, и только возвышеніе налоговъ для платежа процентовъ и погашенія долга, покажетъ народу давленіе, которое способны производить эти „свободные“ капиталы. Такимъ образомъ, для отвѣта на поставленный вопросъ нужно отыскать въ потребностяхъ народа, удовлетворяемыхъ государствомъ, признаки, которые оправдывали бы обращеніе къ займамъ и ростъ государственныхъ долговъ.

Ссылка на покрытіе всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ посредствомъ займовъ не можетъ удовлетворить никого, не склоннаго останавливаться только на поверхности явленій и одобрять новѣйшую политику почти всѣхъ государствъ. Одобрять заключеніе займовъ во всѣхъ случаяхъ, когда, предположительно, создается постоянный капиталъ матеріальный и тѣмъ болѣе нематеріальный, также неправильно до отвѣта на вопросъ, что это за постоянные капиталы и какъ велико ихъ значеніе для народнаго хозяйства? Несомнѣнно, что долгосрочный кредитъ долженъ служить для покрытія только чрезвычайныхъ потребностей; но несомнѣнно и то, что чрезвычайныя потребности могутъ быть покрываемы возвышенными налогами, какъ мы находимъ не мало примѣровъ тому въ исторіи [22]). Необходимъ данный чрезвычайный расходъ для народа или только полезенъ, не излишне выяснить предпочтительность долговъ предъ налогами для его покрытія. Безполезенъ онъ или прямо вреденъ, представляется не празднымъ вопросъ, поскольку для государства выгодно возвышать налоги и злоупотреблять своимъ налоговымъ правомъ или же, опираясь на кредитоспособность, заключать все новые и новые займы. И только отвѣтъ на эти вопросы можетъ показать, на сколько сумма государственныхъ долговъ и быстрота ихъ роста заслуживаютъ оправданія.

Государственное хозяйство, не будучи самоцѣльнымъ, отвѣчаетъ на потребности хозяйства общественнаго. Стремясь удовлетворить эти потребности, оно пользуется, и текущими доходами, и кредитомъ. Въ обоихъ случаяхъ расходъ государства получаетъ оправданіе только при наличности слѣдующихъ 3 условій. 1) Когда, по особенностямъ техническимъ данной отрасли дѣятельности и по ея общественному значенію, предпочтительно удовлетвореніе ея государствомъ или единицами самоуправленія, а не предоставленіе ея вѣдѣнію частныхъ хозяйствъ. 2) Когда данная потребность не представляется роскошью при существующемъ уровнѣ благосостоянія народа, когда нѣтъ на лицо другихъ потребностей, болѣе важныхъ и еще неудовлетворенныхъ и 3) поскольку потребность—если расходъ не покрывается изъ пошлинъ—имѣетъ или всеобщее значеніе, затрогиваетъ всѣ группы населенія, или же имѣетъ значеніе въ особенности для бѣднѣйшихъ классовъ народа. Въ послѣднемъ случаѣ дѣятельность государства—поднимать слабѣйшіе классы населенія—наиболѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію, и расходы его получаютъ полное оправданіе. Вотъ требованія, которыя должны быть поставлены относительно расходовъ государства, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, и вотъ условія, выполненіе которыхъ общественной властью позволяетъ признать весь строй управленія, близкимъ къ совершенству. Въ исторіи и современномъ состояніи европейскихъ государствъ мы видимъ частыя и разнообразныя отклоненія отъ этихъ руководящихъ началъ, объясняемыя или произволомъ, слабымъ сознаніемъ обязанностей въ носителяхъ общественной власти, или слабымъ знакомствомъ съ характеромъ данной потребности народа, или увлеченіемъ, желаніемъ догнать другіе народы на пути прогресса и т. п. Нарушеніе этихъ 3 условій возможно уже въ силу несовершенства человѣческой природы. Но нарушеніе это имѣетъ не одно и то же значеніе, совершается ли оно на счетъ текущихъ доходовъ, налоговъ или посредствомъ займовъ. Возвышеніе налоговъ, для покрытія потребности, требующей крупныхъ расходовъ, всегда причиняетъ болѣе сильное давленіе, нежели обращеніе къ займамъ. Послѣднее всегда заманчиво: вслѣдствіе развитія международныхъ сношеній, оно часто отвлекаетъ не много капиталовъ отъ туземнаго рынка; вызываемая имъ тягость мало обременительна до тѣхъ поръ, пока нужно возвысить налоги

только для платежа процентовъ; болѣе тяжелое бремя наступаетъ только со времени начала погашенія долга, а, при заключеніи непогашаемыхъ займовъ, оно можетъ и вовсе не наступить. Наконецъ, извѣстная группа лицъ, капиталисты, ссужающіе государство или единицы самоуправленія, всегда склонны благопріятствовать такимъ расходамъ, ибо получаютъ условія для вѣрнаго помѣщенія своихъ капиталовъ. Подобно тому, какъ частное лицо, съ преобладаніемъ въ предпріятіи занятаго надъ собственнымъ капиталомъ, склонно къ рискованнымъ начинаніямъ, и правительство гораздо менѣе заботливо относится къ средствамъ, доставленнымъ займами, нежели налогами. Легкость добыть первыя (причемъ слова банкира Лафита служатъ лозунгомъ для большинства министровъ финансовъ [23]), возможность сложить отвѣтственность на будущее ведутъ и къ менѣе бережливому расходованію занятыхъ капиталовъ, и къ болѣе легкомысленному помѣщенію чрезвычайнаго расхода въ число важнѣйшихъ нуждъ государства. Такимъ образомъ, покрытіе посредствомъ займовъ расходовъ, нарушающихъ одно изъ 3 указанныхъ правилъ, *исключаетъ элементы, которые способны содѣйствовать общественной власти въ исправленіи ошибокъ или, по крайней мѣрѣ, предупреждать совершеніе ошибокъ въ слишкомъ большихъ размѣрахъ*. Покрытіе такихъ расходовъ изъ налоговъ даетъ такой элементъ. Налоги, значительно возвышенные, причиняютъ, съ первыхъ шаговъ къ удовлетворенію поставленной потребности, столь чувствительное бремя, что вызываютъ недовольство въ обширномъ классѣ населенія, желаніе оцѣнить предстоящій расходъ, оправдать его или отвергнуть. Литература усердно обсуждаетъ его; борьба мнѣній сторонниковъ и противниковъ даннаго расхода содѣйствуетъ правильному освѣщенію вопроса. И въ результатѣ получается или еще большая увѣренность въ необходимости расхода, или заключеніе отрицательное, способствующее пріостановкѣ движенія. Въ первомъ случаѣ получается прочно обоснованное убѣжденіе, что на будущее время можетъ быть оправдано совершеніе расходовъ этой группы и посредствомъ кредита; во второмъ—народъ удѣляетъ для потребности, неправильно оцѣненной, меньшую массу капиталовъ, не отвлекаетъ чрезмѣрно большихъ запасовъ отъ своего производства и не налагаетъ на будущія поколѣнія тяжелыхъ разсчетовъ за свои крупныя ошибки. Такимъ образомъ, покрытіе чрезвычайна-

го расхода долгосрочными займами тѣмъ менѣе заслуживаетъ оправданіе, чѣмъ болѣе сомнительно соотвѣтствіе расхода съ тремя поставленными условіями. Но если теоретически эти положенія вѣрны, то гдѣ найдти мѣрило, способное служить руководящею нитью для политики? Есть ли ручательство, что, неуклонно слѣдуя избранному мѣрилу, общественная власть не будетъ заблуждаться, такъ какъ возможна ошибка при самомъ выборѣ мѣрила?—Близкое знакомство со своей страной, уровнемъ ея благосостоянія, ея нуждами, выслушиваніе мнѣній всѣхъ партій, всѣхъ слоевъ населенія и, особенно, людей науки, имѣющихъ только одну цѣль и одно честолюбіе—приблизиться къ познанію истины—вотъ способы, могущіе предупредить многія ошибки и вѣрно оцѣнить каждую нарождающуюся потребность, требующую чрезвычайныхъ средствъ. Мы убѣждены, что одной изъ главныхъ причинъ чрезмѣрнаго задолжанія большинства государствъ служитъ дурная привычка правительства, поддерживаемая и многими теоретиками—слѣдовать шаблонному дѣленію расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные. „Обыкновенный расходъ—налогъ, чрезвычайный—заемъ“,—что можетъ быть проще и яснѣе? Эта привычка потому такъ прочно держится въ современной финансовой политикѣ, что способствуетъ крайне легкому наполненію государственной казны. Не нужно талантовъ, знаній, административной опытности, что-бы заключить заемъ на среднихъ, а тѣмъ болѣе невыгодныхъ условіяхъ. Точно исполняетъ правительство свои долговыя обязательства,—и на каждый заемъ его съ жадностью, какъ голодные волки на добычу, бросаются мелкіе и, особенно, крупные капиталисты. Не совсѣмъ выгодно заключеніе займа, нѣсколько высокъ процентъ,—это принимается съ легкимъ сердцемъ въ надеждѣ, что хозяйственный оборотъ переработаетъ все и будущее поколѣніе изыщетъ средства нести тягости, завѣщанныя предками. Совсѣмъ иная, неизмѣримо труднѣйшая задача возникаетъ предъ финансистомъ-политикомъ, когда, отрѣшившись отъ шаблоннаго воззрѣнія на кредитъ, какъ единственный источникъ покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, онъ пытается покрыть часть ихъ изъ налоговъ. Введеніе новыхъ звѣньевъ въ цѣпь существующихъ налоговъ съ наименьшимъ нарушеніемъ хозяйственныхъ и многихъ другихъ интересовъ, оцѣнка всей дѣйствующей системы, предусмотрѣніе формъ и напряженности, кото-

рыя будетъ имѣть процессъ переложенія новыхъ податей, тщательно принаровленное къ мѣстнымъ условіяхъ управленіе новыми налогами—все это требуетъ и теоретической подготовки, и многосторонних историческихъ знаній и проницательности. Поворотъ отъ этой дурной привычки имѣлъ бы благодѣтельное вліяніе на финансы уже потому, что онъ содѣйствовалъ-бы болѣе быстрому улучшенію системъ налоговъ, нежели то возможно теперь, при крайне легкомысленномъ обращеніи къ государственному кредиту.

Когда же тщательная и многосторонняя оцѣнка убѣждаетъ, что расходъ соотвѣтствуетъ тремъ вышепоставленнымъ условіямъ, а размѣры его не позволяютъ довольствоваться текущими доходами, то государству нѣтъ нужды соображать, располагаетъ ли народное хозяйство свободными отъ производства капиталами. Если оно таковыхъ не имѣетъ, капиталы могутъ быть привлечены изъ заграницы; самый расходъ, какъ удовлетворяющій необходимую потребность получаетъ полное оправданіе, и обремененіе долгомъ послѣдующихъ поколѣній можетъ быть совершено съ легкимъ сердцемъ. Пояснимъ наши положенія примѣрами. Хозяйство страны, вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія, развивается крайне медленно. Страна не имѣетъ водныхъ путей, и государство сооружаетъ сѣть желѣзныхъ дорогъ. Совершеніе этихъ расходовъ посредствомъ налоговъ потребовало-бы очень долгаго времени; бѣдность народа капиталами лишаетъ государство возможности построить желѣзныя дороги на свободные туземные капиталы, и оно ищетъ, посредствомъ займовъ, капиталовъ заграницей. Этотъ долгъ получаетъ полное оправданіе, ибо расходъ отвѣчаетъ на три главныя условія. 1) Потребность въ желѣзныхъ дорогахъ сдѣлалась настоятельною; 2) въ сознаніи науки и, значительной степени, въ законодательствѣ упрочилось убѣжденіе, что эта потребность можетъ быть наилучшимъ образомъ удовлетворяема общественной властью (непосредственно или чрезъ поддержаніе гарантіями частныхъ обществъ); 3) если одна желѣзная дорога лишь въ слабой степени удовлетворяетъ нужды всего народнаго хозяйства, а доставляетъ выгоды, главнымъ образомъ, отдѣльной мѣстности, то цѣлая сѣть имѣетъ общенародное значеніе, вызывая къ жизни въ разныхъ пунктахъ страны новыя отрасли производства и сберегая всему общественному хозяйству значительныя массы труда.—Измѣнивъ посылки, мы можемъ на томъ же примѣ-

рѣ показать пользованіе государства кредитомъ въ размѣрахъ, которые не могутъ быть оправданы. Страна имѣетъ много судоходныхъ рѣкъ, изъ года въ годъ мелѣющихъ и становящихся все менѣе пригодными для хозяйства. Водные пути, какъ извѣстно, во многихъ отношеніяхъ представляютъ такія удобства, что могутъ соперничать съ желѣзными дорогами. Хозяйство народа несетъ, вслѣдствіе обмелѣнія рѣкъ и озеръ, крупные убытки. Если, при такихъ условіяхъ, возникнутъ огромные государственные долги для сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ, и водные пути будутъ пренебрежены, то долгъ гораздо менѣе заслуживаетъ оправданіе. Потребность въ желѣзныхъ дорогахъ, при такомъ положеніи дѣлъ, вовсе не можетъ быть названа настоятельной; эта потребность могла бы, вѣроятно, съ меньшими затратами быть удовлетворена посредствомъ улучшенія водныхъ путей и построенія не цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, а лишь нѣсколькихъ линій, образующихъ съ водными путями одну систему. Государство въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ неразсчетливо, удовлетворяя потребность въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ то вызывается необходимостью и тѣмъ отнимаетъ у населенія часть средствъ для удовлетворенія другихъ, болѣе важныхъ потребностей. Или возьмемъ примѣръ города, устроивающаго асфальтовыя мостовыя и электрическое освѣщеніе въ то время, когда не принимается мѣръ для правильнаго удаленія нечистотъ, столь важнаго въ цѣляхъ санитарныхъ. Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Въ малоплодородныхъ мѣстностяхъ страны замѣчается избытокъ населенія, и есть милліоны десятинъ плодоносной земли, лежащей безъ обработки. Можно ли оправдать заключеніе государствомъ займовъ, для переселенія изъ первыхъ мѣстностей во вторыя? Несомнѣнно, да. Потребность въ правильномъ разселеніи гражданъ по территоріи, въ переходѣ отъ менѣе благопріятныхъ условій труда къ болѣе благопріятнымъ никогда не можетъ быть преждевременна. Съ тѣмъ вмѣстѣ такая мѣра, доставляющая выгоды бѣднѣйшимъ классамъ населенія, имѣетъ особенно важное общественное значеніе и вполнѣ оправдываетъ всякія жертвы, возлагаемыя на потомковъ. Здѣсь умѣстно возразить Л. ф. Штейну. Обсуждая вопросъ о высотѣ и обременительности государственныхъ долговъ, Штейнъ приходитъ къ заключенію, что возрастаніе государственнаго долга не обременительно, если съ нимъ вмѣстѣ увеличивается и

сумма налоговъ, дающая государству средства платить проценты по вновь заключеннымъ займамъ. Разъ не вводятся новые налоги и не возвышается (а тѣмъ болѣе понижается) окладъ старыхъ, сумма-же податей покрываетъ проценты и долю погашенія новыхъ займовъ, — есть несомнѣнное доказательство, что созданный государствомъ постоянный капиталъ увеличилъ производительность общественнаго хозяйства и сумма долговъ, возросшая абсолютно, стала, относительно, менѣе тяжела [24]). Это отношеніе къ вопросу представляется намъ слишкомъ формальнымъ. Имъ можетъ довольствоваться политическій дѣятель, человѣкъ партіи, желающій доказать правильное развитіе даннаго финансоваго хозяйства и при быстромъ возрастаніи государственныхъ долговъ. При научномъ же изслѣдованіи вопроса, такое отношеніе неудовлетворительно. Чтобы оправдать увеличеніе долговъ государства, при научномъ изслѣдованіи, не достаточна ссылка на большую легкость для народа платить проценты по крупному долгу, чѣмъ то было ранѣе при долгѣ незначительномъ. *Нужно доказать, что, безъ увеличенія государственныхъ долговъ, благосостояніе народа было бы ниже.* Нужно доказать, что потребности, которыя государство удовлетворило путемъ кредита, были неотложны; что эти потребности могли быть наиболѣе выгодно удовлетворены именно общественной властью; что, наконецъ, эти потребности имѣли всеобщее значеніе, а не мѣстное, классное, сословное. Такой анализъ можетъ во многихъ случаяхъ не оправдать государственныхъ долговъ, хотя бы проценты по нимъ могли быть уплачиваемы безъ затрудненія. Заключеніе, напр., крупнаго займа, чтобы надѣлить безвозмездно капиталами дворянское землевладѣніе, можетъ увеличить сумму налоговъ и сдѣлать платежъ процентовъ нечувствительнымъ. Но долгъ съ подобной цѣлью не заслуживаетъ оправданія, ибо затрата, оплачиваемая всѣмъ народомъ и нѣсколькими поколѣніями, имѣетъ узко сословное значеніе, увеличиваетъ неравенство состояній и потому уже обременительна. Но возможно и явленіе прямо противоположное. Представимъ себѣ переселеніе, ведомое государствомъ въ обширныхъ размѣрахъ посредствомъ кредита. Отвлеченіе значительной массы рабочихъ рукъ изъ нѣсколькихъ округовъ страны можетъ поколебать хозяйство многихъ промышленниковъ и уменьшить ихъ платежную способность; переселенцы же не сразу успѣютъ устроиться на новыхъ мѣстахъ. Въ теченіе нѣ-

сколькихъ лѣтъ способность народа платить налоги можетъ быть меньше, чѣмъ до заключенія этого займа, а, между тѣмъ, сдѣланный государствомъ долгъ не можетъ вызвать порицаніе теоретика или дальновиднаго политика. Проценты по займамъ, заключеннымъ для веденія оборонительной войны, конечно, не могутъ поступать легко: война разстроиваетъ хозяйство народа, а между тѣмъ такой долгъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, долженъ быть съ благодарностью несомъ потомствомъ, купившимъ его цѣною цѣлость предѣловъ своего отечества.

Все сказанное приводитъ къ такому заключенію. *Увеличеніе государственныхъ долговъ тѣмъ въ большей мѣрѣ можетъ быть оправдано, чѣмъ выгоднѣе данная потребность удовлетворяется именно государственной властью, чѣмъ она болѣе настоятельна, чѣмъ болѣе расходъ содѣйствуетъ поднятію матеріальнаго благосостоянія и духовнаго развитія бѣднѣйшихъ классовъ.* Именно съ этихъ точекъ зрѣнія и должны быть подвергаемы сравнительной оцѣнкѣ долги отдѣльныхъ государствъ. Все сказанное примѣнимо и къ долгамъ единицъ самоуправленія.

Примѣчанія къ III-й главѣ.

[1]) Dietzel. Das System der Staatsanleihen 1855, 14.

[2]) Т. ж. 105—106.

[3]) Т. ж. 117.

[4]) Wagner. Russische Papierwährung. 1867.—Позднѣе Вагнеръ измѣнилъ свои воззрѣнія; см. въ особенности его статью о государственныхъ долгахъ у Schönberg'a Handbuch der politischen Oeconomie. 1882, II.

[5]) L. v. Stein. Lehrbuch der Finanzwissenschaft, 4 изд. 1878, II, 465.

[6]) Leroy Beaulieu. Traité de la science des finances. 1877, II, 242. Затѣмъ во всей V главѣ онъ является противникомъ чрезмѣрнаго увеличенія государственныхъ долговъ.

[7]) Nasse. Steurn unb Staatsanleihen. Zeitschriftf. gesam. Staatswissen. 1868. 19. Schäffle. Zur Theorie der Deckung des Staatsbedarfs. Zeitschr. f. gesam. Staatswissen. 1884, 129—38.

[8]) Т. ж. Zeitschrift 1883, 643—4.

[9]) Leroy—Beaulieu. Т. ж. 308—9.

[10]) Напр., сооруженія по прорытію канала, тоннеля тамъ, гдѣ они не могутъ быть проведены.

[11]) Для доказательства противнаго можетъ быть сдѣлана ссылка на исторію Англіи: но эта ссылка не будетъ убѣдительна. Многочисленныя войны, которыя вела Англія за послѣднія 200 лѣтъ, расширили ея предѣлы. Но не показываютъ-ли послѣдніе годы, что ея завоевательная политика можетъ создать для англичанъ много новыхъ поводовъ къ столкновеніямъ съ Франціей, Германіей и Россіей?

[12]) Расширеніе русскихъ владѣній въ средней Азіи даетъ новые поводы къ столкновенію съ Англіей. Выгодныя войны Пруссіи въ 1866 и 1870 гг. дѣлаютъ опасность для Германіи войны съ Австріей и Франціей гораздо большею, нежели то было бы безъ этихъ войнъ. Вотъ почему расходъ на подобныя выгодныя войны не долженъ быть покрываемъ изъ безвозвратныхъ займовъ.

[13]) Изъ рѣчи произнесенной Гладстономъ въ палатѣ общинъ 6 марта 1854 г.

[14]) Dietzel. Т. ж. 194.

[15]) Т. ж. 200.

[16]) Т. ж. 166.

[17]) Т. ж. 191.

[18]) Т. ж. 199.

[19]) Т. ж. 218—19.

[20]) Гокъ (Hock Abgaben und Schulden. 1863) думаетъ, что задолженность государства препятствуетъ войнамъ.—Исторія Европы 19 столѣтія не оправдываетъ этого предположенія.

[21]) Самымъ выдающимся примѣромъ привлеченія капиталовъ изъ заграницы служитъ подписка на французскую ренту для уплаты Германіи 5 милліардовъ. Во Франціи подписка достигла капитала 17 милліардовъ 766 милліоновъ, а заграницей было подписано слишкомъ на 26 милліардовъ 50 милліоновъ. Но кто не знаетъ, что и Греція, Турція, Египетъ, Парагвай посредствомъ государственнаго кредита въ изобиліи привлекаютъ иностранные капиталы?

[22]) Войны съ Наполеономъ I стоили Англіи (1793—1815) 440 милл. ф. долгами и 391 милл. ф. налогами. Налоги достигли въ это время уровня, неизвѣстнаго въ Англіи ни раньше, ни позднѣе.

[23]) «Плательщикъ податей жалуется и готовъ возмутиться, когда отъ него требуютъ налоговъ сверхъ извѣстной суммы. Капиталистъ, напротивъ, самъ предлагаетъ вамъ капиталъ, въ которомъ вы нуждаетесь. Первый процессъ труденъ и сопряженъ съ опасностями, второй легокъ и удобенъ. Налогъ беретъ капиталы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ; онъ беретъ ихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, часто самыхъ бѣдныхъ; заемъ ищетъ ихъ тамъ, гдѣ они есть, въ большихъ городахъ и столицахъ. Налогъ беретъ ихъ тамъ, гдѣ они стоютъ 10, 12, а иногда и 15%; заемъ—тамъ, гдѣ они стоютъ 4—5% и охотно предлагаютъ свои услуги».

[24]) L. v. Stein. Т. ж. 465—67.

ГЛАВА IV.

Вліяніе государственнаго кредита на общественное хозяйство.

Государственный кредитъ, достигнувъ большихъ размѣровъ, оказываетъ замѣтное вліяніе на разныя стороны общественнаго хозяйства.

А) Въ сферѣ *производства* вліяніе это, какъ думаетъ, напр., Дитцель, обнаруживается прежде всего измѣненіемъ въ направленіи промышленной жизни. Извѣстная масса капиталовъ отливаетъ изъ частныхъ хозяйствъ и поступаетъ въ распоряженіе государства. Отливъ совершается преимущественно отъ тѣхъ отраслей промышленной дѣятельности, которыя въ данное время находятся въ угнетенномъ состояніи и могутъ быть безъ ущерба для общества ведены въ меньшихъ размѣрахъ. На первый взглядъ это отвлеченіе капиталовъ въ распоряженіе государства представляется благопріятнымъ для всего народнаго хозяйства: капиталъ изъ предпріятія, гдѣ онъ менѣе нуженъ, перемѣщается туда, гдѣ онъ болѣе нуженъ; вмѣсто чрезмѣрнаго и безполезнаго развитія нѣкоторыхъ отраслей промышленности въ рукахъ частныхъ лицъ расширяется дѣятельность государства, создаются имъ, посредствомъ кредита, учрежденія, которыя важны для общественнаго хозяйства. Благотворность этого вліянія увеличивается еще тѣмъ, что государство можетъ въ гораздо большей степени, нежели частныя хозяйства, привлекать капиталы изъ заграницы. Если въ моментъ заключенія займа туземное общественное хозяйство не располагаетъ такою суммою свободно реализуемыхъ капиталовъ, въ какой государство нуждается, на помощь приходятъ иностранные капиталы и содѣйствуютъ развитію въ странѣ учрежденій, которыя стали для нея необходимы. Но было-бы ошибочно ограничиваться только этимъ заключеніемъ, при

оцѣнкѣ вліянія государственныхъ займовъ на производство. Эта оцѣнка слишкомъ обща, что-бы удовлетворить теоретика, а тѣмъ болѣе политика. Слѣдуетъ выяснить, что такое свободные туземные капиталы? слѣдуетъ разсмотрѣть, не склонно-ли государство сверхъ мѣры пользоваться иноземными капиталами или злоупотреблять своимъ особымъ, исключительнымъ положеніемъ на внутреннемъ рынкѣ?

Если процентъ низокъ и проявляетъ наклонность къ пониженію, если въ кредитныхъ учрежденіяхъ накопляются крупныя денежныя суммы—эта родовая форма капитала,—если рынокъ многихъ товаровъ испытываетъ переполненіе, то есть на лицо вѣрный показатель наличности свободныхъ капиталовъ, которые, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ не могутъ быть поглощены ни существующими предпріятіями, ни частной предпріимчивостью, направленной на новые, еще не извѣданные пути. Если государство заключаетъ займы изъ этихъ капиталовъ и беретъ для цѣлей, которыя, какъ было указано выше, оправдываютъ государственный долгъ, то производство испытываетъ на себѣ благодѣтельное вліяніе кредита. Дѣйствующія предпріятія не стѣсняются въ размѣрахъ своихъ оборотовъ. Склонность процента къ пониженію препятствуетъ удорожанію кредита для частныхъ хозяйствъ и послѣ новаго займа, а общество получаетъ къ своимъ услугамъ новыя полезныя учрежденія. Въ этомъ случаѣ расширеніе производства чрезъ пользованіе свободными капиталами имѣетъ благодѣтельное вліяніе и на бытъ рабочаго класса: въ такіе періоды многія предпріятія имѣютъ наклонность къ съуженію производства и уменьшенію числа занятыхъ работниковъ; государство же создаетъ этому противовѣсъ, привлекая къ себѣ извѣстныя группы работниковъ, оттолкнутыя частной предпріимчивостью. Если государство заключаетъ займы только изъ этихъ капиталовъ, то всего легче можетъ быть оправдано несоотвѣтствіе затраты съ цѣлями, которыя оправдываютъ государственный долгъ, ибо можно со значительной степенью вѣроятія предположить, что государство своими расходами, хотя и неимѣющими общенароднаго значенія, принесетъ большую сумму пользы (напр., для цѣлой мѣстности, нѣсколькихъ общественныхъ группъ), нежели тѣ частныя предпріятія, которыя могутъ возникнуть (или имѣютъ наклонность возникать), при дешевомъ кредитѣ, съ чисто спекулятивными цѣлями [1]).

Иначе слѣдуетъ относиться къ займамъ изъ иностранныхъ капиталовъ; не слѣдуетъ считать капиталы, свободные отъ частнаго производства въ странѣ кредиторовъ, свободными и для того государства, которое заключаетъ заемъ. Мы находимъ неубѣдительнымъ столь распространенное въ литературѣ мнѣніе [2]) о полезности возможно большаго привлеченія капиталовъ изъ заграницы. Не говоря уже о невыгодахъ въ международномъ платежномъ балансѣ, которыя влечетъ за собой для государства—должника неумѣренное пользованіе иностранными капиталами, невыгоды обнаруживаются и въ сферѣ производства. Для государства, кредитующагося заграницей, предѣлъ пользованія иноземными капиталами устанавляется не тѣмъ, какъ много ему предлагаютъ „свободныхъ" капиталовъ и даже не высотой процента, быть можетъ, болѣе умѣреннаго, чѣмъ на туземномъ денежномъ рынкѣ, а только тѣмъ, какую сумму процентовъ и долей погашенія могутъ давать налоги безъ отягченія производства. Пока этотъ предѣлъ не перейденъ, до тѣхъ поръ займы изъ капиталовъ иноземныхъ могутъ выгодно расширять производство данной страны и открывать новый источникъ доходовъ для многихъ, ранѣе не занятыхъ работниковъ.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что государственный кредитъ можетъ пагубно вліять на туземное производство. Слѣдуетъ помнить, что должникъ—государство имѣетъ свои особенности, рѣзко выдѣляющія его изъ массы другихъ должниковъ. Сомнительно, чтобы частное лицо могло получить широкій кредитъ для веденія, напр., тяжбы, рѣшеніе которой въ пользу должника не представляется безспорнымъ. Но нѣтъ такой цѣли, для которой государство не могло бы найдти кредитъ. Самая безцѣльная, самая безумная война можетъ раскрыть предъ государствомъ карманы многихъ капиталистовъ: кредиторъ знаетъ или хотя безотчетно чувствуетъ, что государство, безъ всякихъ грубыхъ пріемовъ давленія, властно въ имуществѣ гражданъ: стоитъ завернуть поглубже нѣсколько винтовъ въ механизмѣ налоговъ—и въ распоряженіе государства поступаютъ, по большей части, суммы, необходимыя для уплаты процентовъ, а пожалуй, и занятаго капитала. Въ этой увѣренности и заключается условіе, облегчающее для государства не только благотворно, но часто и погубно вліять на производство. Вліяніе этого условія можетъ идти двумя путями. Нѣсколько возвысивъ про-

центъ противъ того, который привлекъ бы только свободные туземные капиталы, государство можетъ отвлекать отъ внутренняго производства и часть капиталовъ, безусловно для него необходимыхъ. Надежность должника—государства вмѣстѣ съ обѣщаніемъ высокаго процента служитъ такою приманкой, что многіе капиталисты изъемлютъ свои капиталы изъ другихъ помѣщеній, отдаютъ ихъ государству и, тѣмъ стѣсняя положеніе многихъ предпріятій, вызываютъ всѣ невыгодныя послѣдствія, которыя ведетъ за собой съуженіе кредита въ частномъ хозяйствѣ. Но вліяніе можетъ идти и другимъ путемъ. Государство не притягиваетъ со внутренняго рынка капиталовъ особенно выгодными условіями займа; оно привлекаетъ только свободные туземные и заграничные. Производство непосредственно не терпитъ затрудненій. Но неизбѣжное возвышеніе налоговъ для уплаты процентовъ и погашенія долга отнимаетъ у народнаго хозяйства часть той доли общественнаго дохода, которая могла бы съ большею выгодою быть затрачена на развитіе частнаго производства. Такимъ образомъ, нѣтъ основанія утверждать, что государственный кредитъ во всѣхъ случаяхъ благотворно вліяетъ на производство: выгодность или невыгодность его вліянія прямо зависитъ отъ цѣлей, на которыя затрачиваются капиталы. И здѣсь оцѣнка возможна только при близкомъ знакомствѣ съ потребностями народа и характеромъ затратъ, совершенныхъ государствомъ.

Не слѣдуетъ забывать еще объ одной формѣ, въ которой государственный кредитъ оказываетъ вліяніе на производство. Уже кредитъ въ частно-хозяйственныхъ отношеніяхъ способствуетъ привлеченію къ производству даже самыхъ мелкихъ капиталовъ, которые, отдѣльно взятые, недовольно велики для производства, но, въ совокупности, образуютъ большія массы цѣнностей. Но этотъ кредитъ не обладаетъ достаточной притягательной силой, чтобы побуждать даже самыхъ робкихъ, недовѣрчивыхъ людей (а среди мелкихъ капиталистовъ такихъ особенно много) отказываться отъ храненія сбереженныхъ суммъ въ своемъ сундукѣ и давать ихъ въ ссуду. Должникъ — государство пользуется высокимъ довѣріемъ даже этихъ капиталистовъ, охотно помѣщающихъ свои сбереженія въ процентныя бумаги государственныхъ займовъ [3]). Такимъ образомъ, къ производству привлекается еще часть капиталовъ, которые, быть можетъ, лежали бы праздными при отсутствіи государственнаго кредита.

Б) Государственный кредитъ усиливаетъ вліяніе, которое имѣетъ на *обмѣнъ* кредитъ вообще. Обращаемость государственныхъ кредитныхъ знаковъ далеко превосходитъ обращаемость всѣхъ другихъ кредитныхъ документовъ [4]). Вотъ почему эти знаки содѣйствуютъ пониженію цѣнности денегъ со всѣми послѣдствіями, которыя влечетъ за собой пониженіе. При благоустроенной денежной системѣ въ странѣ (монеты и полноцѣнныя бумажныя деньги) наполненіе оборота государственными кредитными знаками не имѣетъ дурнаго вліянія. Но разъ страна наводнена обезцѣнившимися бумажными деньгами, распространеніе этихъ знаковъ имѣетъ наклонность поднимать лажъ, т. е. еще болѣе обезцѣнивать бумажныя деньги [5]). Государственный кредитъ оказываетъ особенно замѣтное вліяніе на международный обмѣнъ страны, которая пользуется крупными заграничными капиталами и имѣетъ обезцѣнившіяся бумажныя деньги. Для покрытія платежей заграничнымъ кредиторамъ ей необходимъ или крупный перевѣсъ вывоза товаровъ надъ ввозомъ, или же ежегодный отпускъ большихъ запасовъ золота и серебра. Первое предполагаетъ такое благопріятное развитіе промышленности, какое рѣдко можетъ встрѣчаться въ странѣ съ обезцѣнившимися бумажными деньгами, обыкновенно причиняющими крупное разстройство народнаго хозяйства. Второе же—явленіе обычное—окончательно лишаетъ страну запасовъ благородныхъ металловъ и грозитъ ей еще большимъ возвышеніемъ лажа. Вліяніе заграничныхъ долговъ страны на обмѣнъ сказывается особенно остро при малѣйшихъ дипломатическихъ недоразумѣніяхъ. Боязнь, что задолжавшее государство начнетъ войну, разстроитъ народное хозяйство и уменьшитъ свою платежную способность, ведетъ къ усиленной продажѣ на заграничныхъ биржахъ его кредитныхъ документовъ, къ усиленному запросу на благородные металлы, къ повышенію лажа и еще болѣе невыгодному для нея платежному балансу. Такъ какъ эти явленія непосредственно возвышаютъ цѣну товаровъ, ввозимыхъ изъ заграницы, то помимо невыгодъ, ощущаемыхъ многими частными хозяйствами, они отнимаютъ часть покупательныхъ средствъ и у финансовъ государства и лишаютъ правительство свободы дѣйствій. Правительство такой страны, уже въ силу задолженности государства, не можетъ имѣть въ международной политикѣ то вліяніе, которое естественно принадлежитъ ему по обширности и населенно-

сти страны. Оно не можетъ съ такою настойчивостью преслѣдовать цѣли во внѣшней политикѣ, какъ могло бы при болѣе благопріятномъ положеніи своего кредитнаго рынка. Таковъ, къ прискорбію, въ настоящее время, удѣлъ именно Россіи. Какъ это ни общеизвѣстно, какъ ни мало нуждается это положеніе въ доказательствахъ a posteriori, однако, одинъ изъ авторитетныхъ писателей—Вагнеръ—по вопросамъ о кредитѣ не считаетъ важной большую задолженность государства заграницей и не приписываетъ ей вреднаго вліянія на платежный балансъ, вексельные курсы и т. Вагнеръ отрицаетъ это вліяніе потому, что подобное дѣйствіе оказываетъ задолженность не только правительства, но и частныхъ хозяйствъ данной страны, желѣзнодорожныхъ и другихъ обществъ, пользующихся иноземными капиталами [6]).—Это разсужденіе потому неубѣдительно, что государство, какъ самый крупный и надежный должникъ, не только привлекаетъ къ себѣ огромные иноземные капиталы и этимъ оказываетъ большое вліяніе на размѣры платежей заграницу, но и способно, въ силу своего выгоднаго положенія, заключить заграницей займовъ на сумму, далеко превышающую всѣ иноземные капиталы, помѣщенные въ частныхъ предпріятіяхъ данной страны: такимъ образомъ, въ общемъ итогѣ уплаты заграничнымъ кредиторамъ главная доля можетъ приходиться и часто приходится на государство. Если же припомнить, что правительства нерѣдко заключаютъ заграницей займы для цѣлей непроизводительныхъ (веденіе войнъ), то скажемъ, что сумма иноземныхъ капиталовъ, помѣщенная въ частныхъ предпріятіяхъ, въ среднемъ болѣе служащая развитію туземнаго производства, менѣе склонна неблагопріятно вліять на платежный балансъ, чѣмъ равная ей сумма, занятая государствомъ. И совѣтъ, который даетъ Вагнеръ, держаться „осторожной внутренней политики“, дабы избѣгать невыгоднаго платежнаго баланса, представляетъ удобный щитъ, подъ прикрытіемъ котораго могутъ выступать политики всѣхъ партій и оттѣнковъ, но не оправдываетъ оптимизма этого писателя.

Государственный кредитъ имѣетъ вліяніе также и В) *на потребленіе*. Отвлекая часть капиталовъ отъ народнаго хозяйства и уменьшая въ немъ сферу приложенія труда, а чрезъ то съуживая и потребленіе (или задерживая его дальнѣйшее развитіе), онъ создаетъ такія матеріальныя и нематеріальныя цѣнности, которыя мо-

гутъ быть предметомъ потребленія или пользованія для всего народа, цѣлыхъ классовъ или населенія данной мѣстности. Отнимая, посредствомъ возвышенныхъ налоговъ для платежа процентовъ и погашенія, у гражданъ долю ихъ имущественныхъ средствъ, государственный кредитъ уменьшаетъ ихъ потребленіе единоличное; создавая, съ помощью полученнаго взаймы капитала, новыя цѣнности, онъ расширяетъ область коллективнаго потребленія. Городъ, посредствомъ займа, устроиваетъ водопроводъ. Налоги, введенные для покрытія займа, уменьшаютъ средства гражданъ на потребленіе, можетъ быть, одежды, пользованіе виномъ, развлеченіями. Но взамѣнъ этого создаются новыя удобства для пользованія водой. Государство сооружаетъ, посредствомъ займа, сѣть желѣзныхъ дорогъ. Налоги, предназначенные для покрытія долга, уменьшаютъ единоличное потребленіе гражданъ въ той или другой области, но увеличиваются удобства всего населенія страны или нѣкоторыхъ мѣстностей для удовлетворенія потребности въ передвиженіи и т. п. Словомъ, кредитъ государства, городовъ, общинъ имѣетъ стремленіе съузить единоличное потребленіе и расширить коллективное. Это вліяніе можетъ быть благопріятно или невыгодно для общественнаго хозяйства въ зависимости отъ значенія для народа потребности, удовлетворяемой съ помощью государственнаго кредита. Если государственные долги умѣренны, то ростъ производительности труда парализуетъ ихъ наклонность съуживать единоличное потребленіе, и послѣднее развивается вмѣстѣ съ коллективнымъ.

Относительно вліянія государственнаго кредита на Г) *распредѣленіе* въ литературѣ довольно прочно держится убѣжденіе, что онъ способствуетъ развитію имущественнаго неравенства [7]). Важность этого вопроса требуетъ довольно подробнаго его разсмотрѣнія.

Заключивъ заемъ, государство отыскиваетъ источники для платежа процентовъ и, въ случаѣ срочности займа, для погашенія долга. Положимъ, что такимъ источникомъ служитъ новый налогъ или добавки къ существующимъ податямъ; новое податное бремя распредѣляется на все населеніе (путемъ переложенія), хотя бы оно падало на извѣстные классы доходовъ (поземельный, промысловый и т. д [8]). Плательщиками этого налога являются, среди другихъ, и кредиторы государства. Такимъ образомъ, часть процентовъ и погашенія уплачивается имъ согражданами, другую же часть они

платятъ себѣ сами. Они имѣютъ вѣрное помѣщеніе своего капитала, могутъ увеличивать свое имущество; остальное населеніе несетъ на себѣ въ пользу ихъ извѣстное бремя, утрачиваетъ долю своихъ доходовъ, чѣмъ и пролагается новый путь къ увеличенію имущественнаго неравенства. Въ такомъ свѣтѣ представляется все дѣло. Но сейчасъ же является возраженіе: не вознаграждаются ли съ избыткомъ всѣ плательщики налоговъ, не состоящіе кредиторами государства, изъ пользованія учрежденіями, которыя государство создаетъ на занятые капиталы? И дѣйствительно, такое возмездіе возможно, а потому разсмотрѣніе вопроса только въ такихъ общихъ чертахъ не приводитъ къ опредѣленнымъ результатамъ. Это общее утвержденіе тѣмъ болѣе недостаточно, что платежи по новому займу могутъ быть покрываемы и изъ существующихъ источниковъ, при болѣе обильномъ поступленіи доходовъ. Тогда на гражданъ не возлагается новое бремя, и заемъ не содержитъ элементовъ, которые увеличивали бы неравенство состояній.

Дабы оцѣнить вліяніе государственнаго кредита на распредѣленіе имуществъ, нужно имѣть въ виду 3 слѣдующихъ условія. 1) Размѣры, въ какихъ государство пользуется кредитомъ. 2) Систему налоговъ и 3) затраты, покрываемыя займами.

1) Предположимъ, что государство получаетъ, посредствомъ займа, только свободные капиталы своего народнаго хозяйства. Этотъ заемъ не уменьшаетъ производства въ странѣ, не уменьшаетъ фондовъ, затрачиваемыхъ на оплату труда, не ухудшаетъ положенія бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Напротивъ, онъ можетъ даже улучшить ихъ положеніе. Обиліе свободныхъ капиталовъ, находящихся въ частныхъ рукахъ, и низкій уровень процента, соблазняютъ къ основанію многихъ неспособныхъ къ жизни предпріятій. Эти предпріятія, существуя недолгое время, только мимолетно увеличиваютъ запросъ на рабочихъ и, быть можетъ, повышаютъ плату въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства. Разрушаясь, они уничтожаютъ массу цѣнностей, отталкиваютъ отъ себя привлеченныхъ рабочихъ и опускаютъ плату до прежняго уровня, а можетъ быть, причинивъ разстройство многихъ другихъ предпріятій, и ниже его. Государство, пользуясь этими капиталами для какой-либо назрѣвшей потребности общества, можетъ также предъявить запросъ на рабочихъ, также нѣсколько поднять плату и, создавъ учрежденіе, со-

дѣйствующее развитію общественнаго хозяйства, поднять ее на продолжительное время. Это поднятіе платы, даже если размѣры его весьма незначительны, способно вознаградить за повышеніе налоговъ, если бы оно послѣдовало за займомъ. Наконецъ, и повышеніе налоговъ, при такомъ положеніи дѣлъ не можетъ быть очень велико, ибо свободные капиталы не составляютъ въ большинствѣ современныхъ государствъ такой огромной массы, чтобы взятіе ихъ государствомъ требовало крупнаго увеличенія налоговъ. Возьмемъ такой гипотетическій примѣръ. Въ странѣ, подобной Россіи, заключенъ государственный заемъ на 100 мил. рублей, по которому проценты и погашеніе требуютъ увеличенія налоговъ на 7—8 мил. рублей въ годъ. Эта сумма составляетъ приблизительно 40—50 к. на 1 семью во всемъ населеніи Имперіи. Представимъ себѣ даже большую неравномѣрность налоговъ, крупное обремененіе бѣднѣйшихъ классовъ народа и малыя податныя тягости на богатыхъ гражданахъ; предположимъ, что бѣднѣйшіе классы платятъ по 15—20 коп. съ семьи въ годъ. Увеличеніе налоговъ на такую сумму не вноситъ крупнаго измѣненія въ рвспредѣленіе общественнаго дохода, даже если бы затрата занятыхъ государствомъ 100 милл. не способствовала повышенію заработной платы и созданію учрежденій, выгодныхъ для всего народа.—Иное вліяніе оказываютъ займы, отвлекающіе большую массу капиталовъ, нежели та, которая можетъ быть, безъ ущерба для общественнаго хозяйства, предоставлена въ распоряженіе государства. Предположимъ, что государство, обѣщая кредиторамъ очень выгодныя условія, побуждаетъ многихъ капиталистовъ извлечь ихъ капиталы изъ прежнихъ помѣщеній и уступить ихъ въ распоряженіе правительства. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого является трудность веденія многихъ предпріятій, уменьшеніе запроса на рабочихъ и стремленіе заработной платы къ пониженію. Хорошо, если государство на занятые капиталы предъявитъ такой запросъ на трудъ, который привлечетъ всю массу работниковъ, сдѣлавшихся свободными въ частныхъ предпріятіяхъ. Тогда стремленіе заработной платы къ пониженію можетъ быть парализовано. Если же затрата занятыхъ капиталовъ не сопряжена со значительнымъ спросомъ на трудъ, то положеніе рабочаго класса, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ группъ его, можетъ замѣтно ухудшиться, и это ведетъ къ большей неравномѣр-

ности въ распредѣленіи общественнаго дохода. Для процентовъ и погашенія по такому займу также необходимо возвышеніе налоговъ, но уже на большую сумму, нежели для займовъ, отраничивающихся свободными капиталами. Эта большая сумма налоговъ уже сама по себѣ представляетъ большее бремя. Тягость же его увеличивается еще и тѣмъ, что бѣднѣйшіе классы или значительная часть ихъ поставлены въ худшія условія уменьшеніемъ капиталовъ, занятыхъ въ производствѣ. Вліяніе такого займа ослабляется привлеченіемъ капиталовъ изъ заграницы и взятіемъ изъ туземнаго капитала только свободной его части. Тогда заемъ не имѣетъ непосредственнаго дѣйствія на съуженіе производства, и его вліяніе на распредѣленіе выражается въ крупной суммѣ, которую народъ долженъ уплачивать на покрытіе процентовъ и погашенія и изъ которой значительная доля падаетъ на бѣднѣйшіе классы и увеличиваетъ ихъ тягости. Разсматривая государственные займы только съ этой стороны и опуская всѣ другія отличительныя ихъ особенности, мы можемъ прійдти къ слѣдующему выводу: взятіе изъ хозяйственныхъ оборотовъ страны только свободныхъ капиталовъ и медленный ростъ государственныхъ долговъ не имѣетъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на распредѣленіе имуществъ [9]).

2) Другое важное условіе—*система налоговъ*. Это условіе имѣетъ значеніе потому, что характеръ системы налоговъ опредѣляетъ, на чьи плечи падетъ новая податная тягость, вызванная государственнымъ займомъ. Если строй налоговъ таковъ, что главная часть податнаго бремени лежитъ на бѣднѣйшихъ классахъ, если юридическій порядокъ препятствуетъ процессу переложенія, то каждое возвышеніе налога, вѣрное духу господствующей системы, ведетъ къ дальнѣйшему обремененію неимущихъ классовъ и къ болѣе не выгодному для нихъ распредѣленію народнаго дохода. Предположимъ, что центромъ тяжести податной системы служатъ налоги подушный, на соль, сахаръ, чай, промысловый, распредѣленный весьма неравномѣрно и т. п.; что паспортная система, затрудняющая передвиженіе населенія, препятствуетъ отливу изъ мѣстностей малоземельныхъ въ многоземельныя, изъ округовъ съ низкой заработной платой туда, гдѣ предъявляется усиленный запросъ на рабочія руки: тогда процессъ сложенія налоговъ посредствомъ увеличенія производительности труда (путемъ, напр., переселенія изъ

неплодородныхъ мѣстностей на плодоносныя земли) или переложенія, посредствомъ возвышенія заработной платы, становится для многихъ бѣднѣйшихъ плательщиковъ невозможнымъ. Каждое возвышеніе налоговъ именно тѣхъ видовъ, которые преобладаютъ въ податной системѣ, ухудшаетъ положеніе этихъ группъ, и распредѣленіе общественнаго дохода склоняется еще болѣе къ ихъ невыгодѣ.— Представимъ себѣ наличность другой системы налоговъ: свободные отъ податей мелкіе доходы, отсутствіе налоговъ на важнѣйшіе предметы потребленія, развитіе цѣлой группы предметныхъ подоходныхъ налоговъ и далеко проведенное начало прогрессивности. Въ этомъ случаѣ возвышеніе налоговъ, вызванное государственнымъ займомъ, не затронетъ слабѣйшихъ членовъ общества, а коснется только среднихъ и наиболѣе состоятельныхъ классовъ, а потому и не будетъ имѣть невыгодное вліяніе на распредѣленіе.

3) Однако, самое важное значеніе имѣетъ способъ *затраты занятыхъ капиталовъ*. Каждое государственное кредитное обязательство соединяетъ вѣрителей и должниковъ. Первыми служатъ лица, давшія государству взаймы, вторыми—всѣ плательщики налоговъ. Первые всегда имѣютъ значительную выгоду (хотя бы уже потому, что получаютъ вѣрное помѣщеніе для своихъ капиталовъ), вторые же не всегда или не всѣ въ равной степени. Вліяніе этого условія на распредѣленіе имуществъ можетъ быть оцѣнено, если извѣстна сумма выгодъ, доставленныхъ государственнымъ займомъ должникамъ или плательщикамъ налоговъ. Такимъ образомъ, затрата занятыхъ капиталовъ для цѣлей, имѣющихъ всеобщее значеніе, не вноситъ въ распредѣленіе народнаго дохода большаго неравенства. Наоборотъ, затрата для удовлетворенія потребности, которая не довольно еще назрѣла и заявляетъ о себѣ въ малочисленныхъ группахъ населенія, имѣетъ наклонность увеличивать неравенство состояній. Есть, наконецъ, потребности—не всего населенія, а многочисленныхъ массъ, бѣднѣйшихъ классовъ—удовлетвореніе которыхъ посредствомъ государственныхъ долговъ уменьшаетъ неравенство состояній. Въ первомъ случаѣ выгодамъ кредиторовъ соотвѣтствуютъ и выгоды должниковъ. Во второмъ—первыя далеко превосходятъ вторыя. Въ послѣднемъ—первыя далеко уступаютъ вторымъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. На занятые капиталы государство сооружаетъ сѣть путей сообщенія, водныхъ и желѣзныхъ,

обнимающихъ цѣлую страну. Налоги, возвышенные для бѣднѣйшихъ классовъ, парализуются тѣми выгодами, которыя доставляютъ странѣ хорошіе пути сообщенія, могущіе, въ какомъ-либо отношеніи, содѣйствовать достиженію хозяйственныхъ цѣлей почти каждаго гражданина. Нѣтъ основанія утверждать, что долги, возникшіе для такой цѣли, содѣйствуютъ увеличенію неравенства состояній.—Сѣверъ Россіи перерѣзывается желѣзной дорогой въ то время, какъ въ срединѣ страны желѣзнодорожная сѣть представляетъ крупные пробѣлы. Городъ, при крайне дурномъ санитарномъ состояніи, устроиваетъ дорогія мостовыя. Въ обоихъ случаяхъ доставляются выгоды только небольшимъ группамъ плательщиковъ налоговъ—ближайшимъ къ желѣзной дорогѣ поселеніямъ, торговцамъ, которые будутъ провозить свои грузы, владѣльцамъ лошадей и экипажей въ городѣ,—все же населеніе не получаетъ новыхъ удобствъ за тѣ лишнія тягости, которыя будутъ причинены возвышенными налогами. А потому здѣсь мы въ правѣ говорить о наклонности государственнаго или городскаго займа неблагопріятно вліять на распредѣленіе имуществъ.—Съ помощью займа государство устроиваетъ въ широкихъ размѣрахъ переселеніе крестьянъ на многоземельныя окраины. Здѣсь долгъ оказываетъ вліяніе, прямо противоположное. Бѣднѣйшіе плательщики налоговъ съ избыткомъ вознаграждаются за бремя повышенныхъ податей: переселившіеся—тѣмъ, что получаютъ на новыхъ мѣстахъ болѣе благопріятныя для веденія хозяйства условія; оставшіеся—тѣмъ, что ослабѣвшее соперничество между работниками, съемщиками частновладѣльческихъ земель облегчаетъ возвышеніе заработной, пониженіе арендной платы. Кредиторы же государства вовсе не имѣютъ тѣхъ выгодъ, которыя, повидимому, они получили. Пониженіе арендной платы, прибыли имѣетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые время наклонность уменьшать доходы землевладѣльцевъ, промышленниковъ. Такая затрата государствомъ занятыхъ капиталовъ содѣйствуетъ уменьшенію имущественнаго неравенства. Послѣ всего изложеннаго особенно неубѣдительнымъ представляется заключеніе проф. И. Т. Тарасова, будто имѣетъ „общее значеніе наклонность государственныхъ займовъ увеличивать неравенство состояній такъ какъ займы открываютъ болѣе или менѣе выгодное помѣщеніе для праздныхъ или менѣе доходныхъ капиталовъ, уплата же процентовъ и

погашенія по этимъ займамъ ложится на податныхъ плательщиковъ“ [10]).

Все изложенное позволяетъ намъ сдѣлать такой выводъ. Медленное возрастаніе государственныхъ долговъ, займы только изъ свободныхъ туземныхъ капиталовъ не оказываютъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на распредѣленіе общественнаго дохода. При быстромъ возрастаніи государственныхъ долговъ и взятіи болѣе, чѣмъ свободной части туземныхъ капиталовъ, вліяніе государственнаго кредита на распредѣленіе имуществъ тѣмъ болѣе неблагопріятно, чѣмъ хуже система налоговъ и чѣмъ менѣе общенародное значеніе имѣетъ затрата занятыхъ капиталовъ.—Развитіе кредита вообще имѣетъ наклонность увеличивать неравенство состояній. То же можно сказать и о кредитѣ государственномъ. Специфическое же вліяніе государственнаго кредита можетъ быть понято только по принятіи въ разсчетъ перечисленныхъ условій.

Добавимъ къ изложенному еще одно замѣчаніе. Государственныя процентныя бумаги, уже въ силу своей обращаемости, служатъ однимъ изъ любимовъ предметовъ биржевой спекуляціи. Чѣмъ болѣе развиваются кредитныя сдѣлки, чѣмъ болѣе появляется въ обращеніи кредитныхъ знаковъ, тѣмъ болѣе увеличивается число лицъ, дѣлающихъ изъ биржевой игры, покупки и продажи кредитныхъ бумагъ единственный источникъ своего существованія и обогащенія. А для успѣшнаго пользованія этимъ источникомъ нужны не напряженіе рабочей силы, не глубокая проницательность, не талантъ, а только знакомство съ вліятельными кружками банкировъ и другихъ биржевыхъ дѣльцовъ. Кто тѣсно соприкасается съ этими сферами, тотъ легко наживаетъ биржевыми спекуляціями громадное состояніе; мелкій же владѣлецъ кредитныхъ бумагъ, иногда испытывающій счастье въ биржевой игрѣ, обыкновенно предается закланію.

Вотъ условіе, поддерживаемое и развиваемое государственнымъ кредитомъ, которое способствуетъ въ извѣстной степени увеличенію неравенства состояній. Не трудно понять, что это вліяніе не распространяется на все населеніе, а ограничивается только кружками, соприкасающимися съ биржей.

Примѣчанія къ IV-й главѣ.

[1]) Здѣсь мы расходимся съ Hacce (Nasse. Steuern und Staatsanleihen. Zeitschrift für die gesam. Staatswissenschaft 1868, 8—9), который утверждаетъ, что капиталы, временно свободные, могутъ выгодно получить употребленіе въ частныхъ хозяйствахъ, что полезно обращеніе ихъ даже на рискованныя, мало извѣданныя предпріятія, которыя приносятъ убытки, но, обогащая опытностью, пролагаютъ и въ этихъ отрасляхъ путь для правильнаго веденія хозяйства.

[2]) Ср., напр., разсужденіе Вагнера. Wagner у Schönberg'a Handbuch der politisch. Oeconomie. II, 428—9.

[3]) «Такъ какъ государство, говоритъ *Леруа-Болье*, есть единственное лицо, платежную способность котораго grosso modo можетъ оцѣнить каждый, то самые робкіе люди рѣшаются, наконецъ, давать ему взаймы; вкусивъ разъ отъ движимыхъ цѣнностей, они чувствуютъ къ нимъ меньшее отвращеніе; отъ государственныхъ кредитныхъ бумагъ они переходятъ къ городскимъ, желѣзнодорожнымъ займамъ и т. д.». Т. ж. 135. Во Франціи число кредиторовъ государства въ 1830 г. не превышало 125000—Въ 1876 г. число это составляло не менѣе 1250000. Т. ж. 135—7.

[4]) Это особенно убѣдительно доказывается повсемѣстнымъ до послѣдняго времени обращеніемъ въ нашемъ отечествѣ купоновъ, срокъ платежа по которымъ наступаетъ только черезъ 2—3 года и болѣе, при чемъ они обыкновенно принимаются безъ учета, al pari съ бумажными деньгами.

[5]) Обращеніе купоновъ содѣйствуетъ въ извѣстной степени обезцѣненію нашихъ бумажныхъ денегъ. Поэтому, слѣдуетъ признать большую важность за состоявшимся минувшимъ лѣтомъ ограниченіемъ употреблять въ платежахъ досрочные купоны.

[6]) Wagner. Назв. статья 428—9.

[7]) Ср. Nebenius, 672—5, Nasse, 39—41, Schaeffle, 639—40 и многіе другіе.

[8]) Когда бремя расходовъ, связанныхъ съ государственнымъ долгомъ, возлагается, въ видѣ извѣстной подати, только на нѣкоторые классы или группы (землевладѣльцевъ, потребителей табаку, вина), то возможно увеличеніе неуравнительности налоговъ. Для того, чтобы упростить вопросъ, мы исходимъ изъ предположенія, что процессъ переложенія выведетъ этого рода подать далеко за предѣлы той сферы, для которой она установлена.

[9]) Точное вычисленіе для какой-либо страны степени, въ которой могутъ возрастать ея государственные долги безъ вреднаго вліянія на распредѣленіе имуществъ, представляетъ крайне трудную задачу. Въ примѣненіи къ нашему отечеству мы выразимъ это приблизительно въ такихъ числахъ. Если бы Россія въ 1880 г. вовсе не имѣла государственнаго долга, и онъ, постепенно наростая, достигъ къ 1900 г. 2 милліардовъ руб-

лей, то такое задолжаніе не оказывало бы сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на распредѣленіе, даже при нашей дурной податной системѣ. Въ теченіе 100 лѣтъ на среднюю семью бремя налоговъ, вызванное этимъ долгомъ, составляло бы не болѣе 7 р. 50 коп. (20 мил. семей и 150 мил. для процентовъ и погашенія), а для бѣднѣйшихъ семей, быть можетъ, 1 р. 50 к.—2 р. Эта сумма, образовавшаяся небольшими долями въ теченіе 100 лѣтъ, не вносила бы въ распредѣленіе имуществъ сколько-нибудь замѣтнаго, имѣющаго практическую важность, измѣненія.

[10]) Очеркъ науки финансоваго права 1883, 665.

ГЛАВА V.

Организація государственнаго кредита.

Краткосрочный кредитъ государства принимаетъ слѣдующія формы.

1) *Долги по управленію*, связанные съ отдѣльными вѣдомствами. а) Разные подрядчики выполняютъ заказы отдѣльныхъ вѣдомствъ и получаютъ уплату по истеченіи извѣстнаго срока, что обусловливается обыкновенно необходимостью испытать качество поставленныхъ товаровъ, иногда же—финансовыми затрудненіями. Насколько первая причина возникновенія долга нормальна, на столько вторая (если затрудненія не мимолетны, не выражаются во временномъ отсутствіи въ кассахъ денежныхъ суммъ) указываетъ на разстроенное состояніе финансовъ. б) Кредитъ по залогамъ, представляемымъ въ государственныя кассы разными подрядчиками, казначеями и другими чиновниками, чрезъ руки которыхъ, по ихъ служебному положенію, проходятъ значительныя казенныя денежныя суммы. Если число лицъ, обязанныхъ представлять залоги, велико, и залоги поступаютъ деньгами, то этимъ открывается значительный источникъ кредита. в) Сберегательнымъ, вспомогательнымъ кассамъ и другимъ учрежденіямъ предписывается помѣщать часть капиталовъ въ государственныя кассы или кредитныя учрежденія. г) Разныя правительственныя и судебныя установленія хранятъ капиталы частныхъ лицъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ (при отсутствіи наслѣдниковъ, ихъ малолѣтствѣ и т. п.).—Во всѣхъ такихъ случаяхъ возникаетъ кредитное отношеніе, и государство является должникомъ. Дабы капиталы частныхъ хозяйствъ не лежали непроизводительно, государство платитъ проценты и пользуется этими суммами для своихъ цѣлей. Хотя личности кредиторовъ перечис-

ленныхъ разрядовъ часто мѣняются, но въ распоряженіи государства всегда остаются денежныя суммы въ извѣстномъ среднемъ размѣрѣ, что и дѣлаетъ часть этихъ текучихъ долговъ постоянными. Этотъ кредитъ получаетъ полное оправданіе, по скольку государство не ставитъ стѣснительныхъ, не лежащихъ въ интересахъ дѣла условій для лицъ, которыя являются необходимо его кредиторами. Умѣренные залоги отъ подрядчиковъ и чиновниковъ, помѣщеніе въ государственныя кассы или кредитныя установленія умѣренныхъ долей капиталовъ сберегательныхъ и вспомогательныхъ кассъ ради цѣлости этихъ учрежденій и т. п. могутъ быть оправданы. Но разъ безцѣльно установляется слишкомъ большая высота этихъ взносовъ или обязываются представлять залоги такіе чиновники, которые не могутъ причинить казнѣ матеріальный ущербъ, то у частныхъ хозяйствъ отнимаются капиталы, которые могли бы иногда получить тамъ болѣе полезное назначеніе, многіе граждане, способные быть полезными на государственной службѣ доставленіемъ казнѣ различныхъ товаровъ и услугъ, искусственно устраняются отъ соискательства, и краткосрочный кредитъ государства въ этой формѣ получаетъ чрезмѣрно широкое развитіе.

2) *Долги по финансовому управленію.* а) Безотлагательность расходовъ и замедленіе въ поступленіи доходовъ, недостатокъ денегъ въ кассахъ побуждаютъ финансовое управленіе прибѣгать къ краткосрочнымъ займамъ. Для этого выпускаются кредитные знаки (билеты государственнаго казначейства, bills of exchequer, bons du trésor), погашаемые, большею частью, въ сроки отъ 3—12 мѣсяцевъ; эти займы обыкновенно оплачиваются невысокими процентами, низшими, чѣмъ по долгосрочнымъ займамъ. б) Если государство стоитъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ съ какимъ-либо банкомъ, то нерѣдко беретъ у него и краткосрочныя ссуды.

Таковы главныя формы краткосрочнаго государственнаго кредита. Какъ въ частномъ хозяйствѣ чрезмѣрное накопленіе краткосрочныхъ долговъ, и особенно, для цѣлей, издержки на которыя покрываются въ продолжительные періоды, представляетъ большія опасности, такъ вредно оно можетъ быть и для хозяйства государственнаго. Крупная сумма этихъ долговъ легко можетъ создавать для финансовъ затрудненія, когда наступаютъ сроки уплаты капиталовъ. Эти трудности особенно велики во время войнъ, политическихъ потря-

сеній. Для избѣжанія разстройства финансовъ, примѣняется *отвержденіе* (консолидированіе) краткосрочныхъ долговъ посредствомъ обращенія ихъ въ долгосрочные. Эта мѣра приводится въ исполненіе двумя способами: 1) кредиторамъ государства по текучему долгу предлагаютъ въ уплату, вмѣсто денегъ, государственныя кредитныя обязательства долгосрочныя или безсрочныя; 2) уплата по текучему долгу производится на счетъ долгосрочнаго займа, заключеннаго именно съ этой цѣлью.—Эти оба пріема, часто неизбѣжные для сохраненія равновѣсія въ государственномъ хозяйствѣ, имѣютъ ту крупную невыгоду, что ведутъ къ смѣшенію кредита краткосрочнаго съ долгосрочнымъ, которое часто не можетъ быть оправдано изъ вышеуказанныхъ соображеній. Краткосрочный кредитъ долженъ быть только предвзятіемъ текущихъ государственныхъ доходовъ, не поступающихъ ко времени совершенія расходовъ. Если имъ пользуются только въ этихъ предѣлахъ, то онъ не можетъ быть очень великъ, и отвержденные долги не могутъ достигать слишкомъ крупныхъ размѣровъ. Если пользованіе имъ было очень широко, но частью для цѣлей, оправдывающихъ долгосрочный заемъ, то отвержденіе такого долга вполнѣ правильно, ибо онъ и первоначально долженъ былъ быть долгосрочнымъ. Наконецъ,—и это бываетъ особенно часто,—если пользованіе краткосрочнымъ кредитомъ было слишкомъ легкомысленно, если оно имѣло мѣсто по отношенію къ расходамъ, которые вовсе не оправдываютъ кредита, то отвержденіе, быть можетъ, и необходимое при данномъ состояніи финансоваго хозяйства, не можетъ быть оправдано наукой: въ этомъ случаѣ предпочтительно возвышеніе налоговъ, для возможно скораго уменьшенія текучихъ долговъ и исправленія ошибокъ, связанныхъ съ легкомысленнымъ пользованіемъ кредитомъ. Сказанное примѣнимо къ обоимъ способамъ отвержденія. Но при первомъ есть еще элементъ принужденія: кредиторы государства обязываются иногда получать уплату государственными процентными бумагами; многіе принимаютъ ихъ вопреки желанію, быть можетъ, лишаютъ свои хозяйства необходимыхъ оборотныхъ средствъ; по отношенію къ этимъ лицамъ отвержденіе долга носитъ всѣ признаки принудительнаго займа, который, какъ будетъ указано ниже, оправданъ быть не можетъ.

Долгосрочный кредитъ государства принимаетъ двоякую форму—*погашаемыхъ и непогашаемыхъ займовъ*. Различіе между этими

долгами состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ государство обязуется уплатить въ теченіе извѣстнаго срока капиталъ, во второмъ же, не обѣщая вовсе уплаты капитала и представляя своему усмотрѣнію выборъ времени погашенія долга, обѣщаетъ уплачивать только проценты. Такимъ образомъ, второй долгъ всегда является безсрочнымъ.

Въ III-й главѣ было разсмотрѣно, насколько оправдывается заключеніе непогашаемыхъ займовъ; было указано, что эти займы, граничащіе съ вѣчными, могутъ быть оправданы только для затратъ, которыя на долгое время вносятъ въ общественную жизнь новыя условія, благопріятствующія ея развитію, и—оказываютъ вліяніе не только на жизнь современниковъ, но и потомства. Въ теоріи и практикѣ, для доказательства предпочтительности однихъ займовъ предъ другими, приводятся обыкновенно слѣдующіе аргументы. Сторонники непогашаемыхъ долговъ утверждаютъ, что только эта система допускаетъ пониженіе процента сравнительно съ тѣмъ, по которому былъ заключенъ заемъ. Но исторія финансовъ Франціи за послѣдніе годы даетъ доказательства того, что и при заключеніи погашаемыхъ займовъ проценты могутъ быть понижаемы.— Превосходство же погашаемыхъ займовъ усматриваютъ въ томъ, что, будто бы проценты по нимъ нѣсколько ниже, курсъ такихъ государственныхъ бумагъ выше; незначительная разница въ курсѣ бумагъ по займамъ обоихъ разрядовъ лишаетъ этотъ доводъ первостепенной важности.—Мы потому отдаемъ предпочтеніе погашаемымъ займамъ, что признаемъ въ нихъ большее ручательство за осторожное пользованіе государства кредитомъ: необходимость погасить капиталъ служитъ тѣмъ „memento mori,“ которое способно нѣсколько удерживать правительство отъ легкомысленнаго заключенія займовъ.

Погашаемые займы принимаютъ слѣдующія формы.

а) *Облигаціонные*. Облигація имѣетъ нарицательную цѣну капитала и снабжена процентомъ опредѣленной высоты. При облигаціи есть листъ купоновъ, по которымъ уплачиваются проценты въ назначенные сроки. Сумма, которая написана на облигаціи, называется *нарицательной* цѣной; сумма, по которой онѣ впервые поступаютъ въ продажу—*выпускная* цѣна; биржевою называется та часто колеблющаяся цѣна, по которой покупаются и продаются облигаціи подъ вліяніемъ измѣняющихся условій денежнаго и кредит-

наго рынка. Первая продажа облигаціи называется *выпускомъ*. Эти займы, относительно погашенія, принимаютъ двѣ формы. а) Весь долгъ погашается ежегодными тиражами въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Каждый годъ можетъ быть погашаема, сравнительно съ предъидущимъ, большая доля, ибо съ каждымъ годомъ уменьшается сумма, поступающая въ уплату процентовъ. б) При заключеніи займа назначаются сроки начала погашенія и его окончанія (напр., начало черезъ 10 лѣтъ, окончаніе—черезъ 20 лѣтъ). Въ послѣднемъ случаѣ государство имѣетъ большую свободу выбирать для погашенія время въ теченіе всего назначеннаго на это срока.

б) *Лоттерейные*, при которыхъ погашеніе занятыхъ капиталовъ производится въ опредѣленные сроки посредствомъ тиража и посредствомъ его же вся сумма процентовъ (безпроцентные лоттерейные займы) или часть этой суммы (процентные) не распредѣляется поравну между облигаціями, а падаетъ на извѣстное число выигрышей. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ владѣлецъ облигаціи вовсе не получаетъ процентовъ и можетъ получить ихъ въ видѣ болѣе или менѣе крупной суммы при выигрышѣ. Во второмъ же—часть суммы, предназначаемой на уплату процентовъ, по равну распредѣляется между облигаціями и уплачивается вѣрителямъ въ извѣстные сроки; другая же часть разбивается на извѣстное число выигрышей, которые и достаются при тиражѣ болѣе счастливымъ. Соблазнительность выигрыша, иногда дѣлая процентъ по этимъ займамъ ниже, нежели по займамъ другихъ формъ, доставляетъ выгоды государственному хозяйству. Въ литературѣ установилось отрицательное отношеніе къ лоттерейнымъ займамъ, имѣющимъ, будто бы, деморализующее вліяніе на народъ. „Оплодотворяющая влага, говоритъ одинъ писатель, которая, при своемъ истеченіи изъ государственныхъ кассъ, должна бы быть направлена чрезъ всѣ мелкіе каналы и борозды, чтобы повсемѣстно проявить свое живительное дѣйствіе, сосредоточивается въ немногихъ обширныхъ бассейнахъ, и сомнительно, чтобы изъ нихъ она проводилась дальше; во всемъ томъ обширномъ кругу, на который имѣютъ вліяніе государственные займы, людьми овладѣваетъ необузданная жажда наживы и игры, всѣ хотятъ обогатиться быстро и безъ труда, не черезъ побѣды надъ природой, но чрезъ подчиненіе самихъ себя ея темной силѣ—случаю“ [1]). Въ томъ же духѣ высказываются и многіе другіе извѣстные пи-

сатели [2]). Ставится на видъ усиленное развитіе, подъ вліяніемъ этихъ займовъ, биржевой игры и именно покупокъ промессъ, надежды выиграть. Мы считаемъ сильно преувеличенными дурныя стороны лоттерейныхъ займовъ. Можно, пожалуй, признавать за этими займами такое вліяніе, если выигрыши чрезмѣрно велики и сразу создаютъ выигравшему большое состояніе. Но умѣренные выигрыши могутъ содѣйствовать только развитію бережливости въ небогатыхъ классахъ, вызываемому желаніемъ пріобрѣсти облигацію лоттерейнаго займа и, при счастьѣ, увеличить благосостояніе. Изъ биржевой игры, въ ея разнообразныхъ формахъ, извлекаютъ выгоды обыкновенно биржевые дѣльцы; именно эти люди стремятся нажить богатство игрой, а не полезной для общества дѣятельностью. И при отсутствіи лоттерейныхъ займовъ биржевая игра будетъ привлекать этихъ лицъ и доставлять нѣкоторымъ изъ нихъ случай къ наживѣ безъ труда огромныхъ состояній. Личный же опытъ каждаго изъ насъ приводитъ къ убѣжденію, что масса мелкаго люда, пріобрѣтающаго облигаціи лоттерейныхъ займовъ, не оставляетъ своихъ занятій, не предается мечтательной праздности, а только находитъ вѣрное помѣщеніе трудовой копѣйкѣ и, не выигрывая, —таковъ удѣлъ большинства—имѣетъ небольшой запасъ на черный день. Нѣтъ, думаемъ мы, основанія отрицательно относиться къ лоттерейнымъ займамъ и ссылкой на запрещеніе закона частнымъ лицамъ розыгрывать лоттереи. Въ послѣднемъ случаѣ выигрышу немногихъ соотвѣтствуетъ несомнѣнный проигрышъ большинства участниковъ и столь же несомнѣнный, крупный выигрышъ предпринимателя. При лоттерейномъ же займѣ не проигрываетъ никто, ибо капиталъ сохраняется, и самый крупный выигрышъ—въ сбереженіи на процентахъ—достается не частному лицу, а государству [3]).— Поэтому, въ системѣ государственныхъ, городскихъ, общинныхъ займовъ можно удѣлить мѣсто и займамъ лоттерейнымъ.

в) *Пожизненныя ренты* образуютъ ту форму займовъ, при которой государство получаетъ капиталъ безвозвратно и уплачиваетъ кредитору проценты до его смерти. Вслѣдствіе невозвратности капитала, процентъ обыкновенно высокъ [4]), и въ этихъ помѣщеніяхъ находятъ особенную выгоду владѣльцы мелкихъ капиталовъ, проценты съ которыхъ не обезпечиваютъ спокойной старости. Дурная сторона этихъ займовъ та, что они особенно питаютъ эгоистическую

наклонность человѣка жить праздно и прожить все состояніе; такимъ образомъ, наслѣдники лицъ, получающихъ пожизненныя ренты, могутъ нерѣдко нести чувствительный ущербъ. Большинство писателей именно съ этой стороны возражаютъ противъ пожизненныхъ рентъ, и нельзя не согласиться съ ихъ возраженіями. При господствѣ права частной собственности и необходимости для человѣка почерпать изъ духовныхъ силъ и матеріальныхъ благъ семьи главныя условія существованія, не можетъ быть оправдано все то, что лишаетъ человѣка этой опоры. А такъ какъ пожизненныя ренты соблазняютъ человѣка прожить все состояніе и ничего не оставить наслѣдникамъ, то онѣ и заслуживаютъ порицаніе.—Сюда же примыкаютъ *тонтины* (получили свое названіе по имени изобрѣтателя итальянца Тонти). Онѣ занимаютъ среднее мѣсто между пожизненными рентами и лоттерейными займами. Группа лицъ, соединенныхъ въ одно цѣлое, образуетъ тонтину. Всѣ участники получаютъ ренту пожизненно; сверхъ того, по смерти одного участника, оставшіеся въ живыхъ получаютъ ренту, которая слѣдовала умершему. Такимъ образомъ, послѣдніе члены, пережившіе своихъ товарищей, могутъ получать очень большую ренту [5]). Понятно, что надежда пережить другихъ и имѣть крупный доходъ можетъ дѣйствовать еще болѣе соблазнительно, нежели система простыхъ пожизненныхъ рентъ. Небеніусъ даетъ этимъ рентамъ такую оцѣнку. „Всѣ эти средства добыть капиталы для нуждъ государства должны быть отвергнуты, да при томъ они и недостаточны: чѣмъ выше уровень нравственности народа, тѣмъ меньшимъ кругомъ лицъ должны ограничиваться они“ [6]).

Вторую форму долгосрочныхъ займовъ образуютъ *непогашаемые*, *рентные*, при которыхъ государство обѣщаетъ только платить проценты, но не возвратить капитала. Эти займы болѣе умѣстны въ центральномъ государственномъ кредитѣ, нежели въ кредитѣ городовъ, земствъ, общинъ, ибо уровень благосостоянія и платежная способность народа въ предѣлахъ всей страны отличаются гораздо большею устойчивостью, нежели въ предѣлахъ болѣе мелкихъ единицъ, и центральное государственное хозяйство съ гораздо большею увѣренностью въ своей состоятельности можетъ завѣщать уплату долга неопредѣленному будущему, нежели хозяйства земствъ, городовъ. Эти займы могутъ облекаться въ двоякую форму.

а) Рентные займы съ правомъ государства уплатить капиталъ. Правительство можетъ въ этомъ случаѣ, черезъ извѣстный срокъ по оповѣщеніи кредиторовъ, возвратить имъ капиталъ. Рента есть извѣстный процентъ къ тому капиталу, который, въ случаѣ желанія погасить долгъ, обязано возвратить правительство. б) Рентные займы безъ права государства возвратить капиталъ. При этомъ, погашеніе долга можетъ совершиться только чрезъ вольную покупку государствомъ рентныхъ свидѣтельствъ. Такъ какъ капиталъ не можетъ быть возвращенъ кредиторамъ, то здѣсь рента не есть процентъ, а абсолютная величина. Первая форма заслуживаетъ предпочтеніе потому, что предоставляетъ государству-должнику большую свободу дѣйствій и облегчаетъ возможность пониженія процента.

Способы заключенія займовъ раздѣляются на 3 разряда.

а) *Принудительные займы*, когда государство обязываетъ всѣ частныя хозяйства или нѣкоторыя группы гражданъ (болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, промышленниковъ) дать ему въ ссуду извѣстный капиталъ. Послѣдній распредѣляется между крупными территоріальными единицами (округами, провинціями), затѣмъ между болѣе мелкими (общинами, уѣздами) и изъ нихъ между отдѣльными хозяйствами, которымъ вмѣняютъ въ обязанность стать кредиторами государства [7]). Сюда же примыкаетъ такъ называемое *орошеніе*, когда кредиторы разными насильственными мѣрами (напр., угрозой, въ случаѣ неповиновенія, не возвратить имъ всего капитала или понизить проценты) вынуждаются сдѣлать добавку къ суммамъ, ссуженнымъ государству. Эти займы, понятные только при состояніи крайней необходимости, не могутъ быть оправданы наукой. Знакомство государства съ платежными силами отдѣльныхъ хозяйствъ не можетъ идти такъ далеко, чтобы не поставить многихъ кредиторовъ въ стѣсненное положеніе: многіе вынуждены, не имѣя на лицо свободныхъ капиталовъ, обращаться сами къ кредиту, часто ростовщичьему, чтобы дать государству требуемую сумму. Крайнее недовольство кредиторовъ, медленное поступленіе нужныхъ суммъ, крупныя недоимки,—вотъ необходимые спутники принудительныхъ займовъ.

б) *Займы патріотическіе* имѣютъ мѣсто тогда, когда государство обращается къ патріотическимъ чувствамъ капиталистовъ и проситъ ихъ ссудить ему капиталы на условіяхъ, болѣе выгодныхъ,

за низшій процентъ, нежели то было бы возможно по состоянію рынка въ данное время. Хотя воззваніе къ патріотическимъ чувствамъ народа, особенно въ годины тяжелыхъ испытаній, можетъ найдти откликъ и въ средѣ капиталистовъ, однако, трудно разсчитывать на полученіе этимъ способомъ значительныхъ суммъ. При обычномъ же состояніи государственной жизни, этому способу заключенія займа нельзя обѣщать сколько-нибудь значительный успѣхъ [8]). Такъ какъ, обращаясь къ патріотическимъ чувствамъ населенія, заемъ этотъ есть по существу своему, внутренній, неспособный привлекать заграничные капиталы, то страна, имѣющая малые запасы свободныхъ капиталовъ, имѣетъ особенно мало шансовъ на успѣхъ.

в) *Нормальные займы*, при которыхъ государство, стараясь добыть капиталы наиболѣе выгодно, привлекаетъ ихъ изъ тѣхъ хозяйствъ, которые желаютъ представить ихъ въ распоряженіе государства на обычныхъ условіяхъ денежнаго рынка. Здѣсь государство не прибѣгаетъ къ мѣрамъ принужденія, не взываетъ къ патріотическимъ чувствамъ капиталистовъ, а обращается только къ ихъ хозяйственному разсчету. Есть три вида заключенія нормальныхъ займовъ. При двухъ изъ нихъ государство дѣйствуетъ чрезъ биржу, банкировъ, которые служатъ главными посредниками во всѣхъ кредитныхъ сдѣлкахъ и всего ближе соприкасаются съ капиталами, ищущими помѣщенія. Связь между биржами разныхъ странъ помогаетъ привлеченію къ государственному займу и капиталовъ иноземныхъ. а) Если нѣтъ надобности торопиться съ реализованіемъ займа, то финансовое управленіе само чрезъ своихъ агентовъ, банкировъ, открываетъ подписку на заемъ. При этомъ, реализованіе займа совершается съ незначительными расходами. Необходимость получить въ короткое время нужную сумму побуждаетъ обращаться в) къ посредничеству одного банкира или цѣлой группы, которые подписываются на всю сумму, вручаютъ государству частію изъ собственныхъ, частію изъ занятыхъ средствъ весь капиталъ, и сами заботятся о помѣщеніи займа въ публикѣ. Этотъ способъ, доставляя государству въ короткое время весь нужный капиталъ, обходится дорого, ибо банкиры, беря на себя рискъ помѣщенія займа, стараются возмѣстить его значительной прибылью, требуютъ большихъ уступокъ на цѣнѣ покупаемыхъ облигацій. Надежда на со-

перничество между банкирскими домами, побуждающее ихъ соглашаться на наименьшую прибыль отъ операціи, служитъ плохимъ утѣшеніемъ: банкиры чаще стараются повысить прибыль посредствомъ соглашенія, нежели дать ей понизиться подъ вліяніемъ соперничества. 3) *Займы, реализуемые финансовымъ управленіемъ* (внутренніе) имѣютъ мѣсто тогда, когда кредитныя свидѣтельства продаются въ центральномъ и мѣстныхъ казначействахъ. Удаленіе отъ биржи и банкировъ, какъ каналовъ международнаго кредита и капитала, привлекаетъ къ этимъ займамъ почти исключительно туземные капиталы и оправдываетъ наименованіе такихъ займовъ „внутренними". —Хотя по условіямъ, въ которыхъ находится государственное хозяйство, можетъ быть оправдано пользованіе каждымъ изъ 3 способовъ, однако, послѣдній имѣетъ тѣ два важныхъ достоинства, что требуетъ наименьшихъ расходовъ и ведетъ къ *демократизаціи государственнаго кредита.* Казначейства, разсѣянныя по всей странѣ, гораздо болѣе доступны и мелкому люду, населенію отдаленныхъ окраинъ, чѣмъ биржа. Многія лица малодостаточныхъ классовъ имѣютъ удобный случай помѣстить свои сбереженія въ государственныя кредитныя бумаги [9]).

Вопросъ *о выборѣ валюты*, при заключеніи займовъ, не имѣетъ значенія для странъ съ благоустроеннымъ денежнымъ обращеніемъ. Въ странахъ же, гдѣ обращаются неразмѣнныя бумажныя деньги, утратившія часть своей цѣнности, этотъ вопросъ имѣетъ практическую важность. Заключеніе въ такой странѣ займовъ въ бумажной валютѣ невыгодно для государства, при наступающемъ пониженіи лажа, и выгодно, если лажъ повышается. Для кредиторовъ эти движенія лажа имѣютъ обратное значеніе. Сверхъ того, заключеніе займа въ бумажной валютѣ, если заемъ помѣщается, главнымъ образомъ, заграницей, не позволяетъ реализовать его такъ выгодно, какъ при валютѣ металлической, ибо на заграничныхъ рынкахъ происходятъ гораздо болѣе чувствительныя колебанія цѣнности бумажныхъ денегъ даннаго государства, нежели внутри страны. По этому, государство, принимающее мѣры для возстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ—а это является необходимой составной частью разумной экономической политики,—должно заключать займы въ металлической валютѣ.

Вопросъ объ *однообразіи государственныхъ долговъ* встрѣчаетъ

въ литературѣ различную оцѣнку. Онъ касается формы заключенія займовъ, нарицательной цѣны облигацій, срока уплаты процентовъ, порядка погашенія и т. п. Сторонники однообразія находятъ предпочтительнымъ, чтобы государство, выработавъ типъ займовъ, держалось его и чтобы каждый послѣдующій заемъ походилъ на предъидущіе. Это можетъ облегчить управленіе долгами и сдѣлать болѣе доступнымъ пониманію обширнаго круга все состояніе государственнаго кредита.—Сторонники разнообразія находятъ предпочтительнымъ заключеніе займовъ разныхъ формъ, ибо вкусы капиталистовъ весьма различны: одни имѣютъ большую наклонность къ обыкновеннымъ облигаціоннымъ или рентнымъ займамъ, другіе—къ лотерейнымъ, третьи—къ пожизненнымъ рентамъ и т. п. Разнообразіе типовъ долговъ даетъ возможность государству воспользоваться всѣми вкусами и наклонностями капиталистовъ и реализовать займы на условіяхъ болѣе выгодныхъ. Мы примыкаемъ къ послѣднему воззрѣнію и думаемъ, что если крайнее разнообразіе въ долгахъ вноситъ только запутанность въ финансовое управленіе, то, въ связи съ цѣлями, для которыхъ возникаетъ долгъ, съ преобладаніемъ наклонности къ риску въ однихъ капиталистахъ и желанія спокойно пользоваться точно опредѣленнымъ доходомъ въ другихъ—разнообразіе типовъ до извѣстной степени можетъ быть вполнѣ оправдано.

Установленіе процента принимаетъ двѣ формы. а) Процентъ установляется равнымъ рыночному. Обѣщая такой процентъ, государство получаетъ отъ кредитора капиталъ, равный написанному на облигаціи. б) Процентъ опредѣляется круглой цифрой безъ всякаго соотвѣтствія съ рыночнымъ; онъ можетъ быть выше послѣдняго, но обыкновенно бываетъ ниже. Въ послѣднемъ случаѣ, уже съ самаго момента заключенія займа, выпускная и биржевая цѣны облигацій не равны цѣнѣ нарицательной, и государство получаетъ меньшій капиталъ, нежели написанный на облигаціи, который оно обѣщало уплатить кредитору. Практика предпочитаетъ второй способъ опредѣленія процента. Предпочтеніе это мотивируется слѣдующими соображеніями. 1) При существованіи „законнаго“ процента и недостаточности на рынкѣ капиталовъ, государство было бы вынуждено платить, слѣдуя первому способу, процентъ высшій установленнаго закономъ для частныхъ кредитныхъ сдѣлокъ т. е. само бы нарушило законъ, что оно искусно прикрываетъ во второмъ

случаѣ. 2) Второй способъ ведетъ къ сбереженію на процентахъ, ибо надежда кредиторовъ получить большій капиталъ, нежели ссуженный государству, поддерживаетъ курсъ этихъ процентныхъ бумагъ выше, нежели выпущенныхъ al pari. Первое возраженіе, вообще, не довольно серьезное, не имѣетъ ничего общаго съ государственнымъ кредитомъ. Второе же, подкрѣпляемое многими фактами, не имѣетъ всеобщаго значенія, оправдывается далеко не всегда. При оживленномъ состояніи биржи, при такомъ положеніи финансовъ, когда кредиторы могутъ въ недалекомъ будущемъ разсчитывать на пониженіе процента, а стало быть возвратъ капитала, курсъ низкопроцентныхъ рентныхъ свидѣтельствъ, какъ показываютъ многіе факты финансовой исторіи Франціи и Англіи, стоитъ выше, нежели высокопроцентныхъ, что и сберегаетъ финансовому управленію на суммахъ, поступающихъ въ уплату процентовъ. Но этой разницы въ курсахъ вовсе не замѣчается при вяломъ настроеніи биржи, въ государствахъ съ потрясеннымъ кредитомъ; когда нѣтъ данныхъ разсчитывать на пониженіе процента въ недалекомъ будущемъ, курсы высоко и низко-процентныхъ бумагъ стоятъ на одномъ уровнѣ [10]). Но даже при возможности сберегать на процентахъ, низкопроцентные займы имѣютъ крупную невыгоду. При установленіи высокаго процента, близко подходящаго къ рыночному, можно разсчитывать на его пониженіе въ недалекомъ будущемъ, что даетъ крупныя сбереженія на суммѣ, поступающей въ уплату процентовъ. Не имѣя надежды получить отъ государства капиталъ, большій ссуженнаго, кредиторы потребуютъ, можетъ быть, нѣкотораго повышенія процента, но излишекъ въ $^1/_4$ или $^1/_2$ %, который нужно платить въ первые годы по заключеніи займа, можетъ быть съ избыткомъ искупленъ сбереженіемъ, которое дастъ со временемъ пониженіе процентовъ на 1 или $1^1/_2$.—При низкихъ процентахъ этотъ путь отрѣзанъ. Такимъ образомъ, установленіе процента, близкаго къ рыночному, заслуживаетъ предпочтенія [11]).

Должны ли подлежать налогу проценты по государственнымъ долгамъ? Мы считаемъ нужнымъ дать на это утвердительный отвѣтъ. Доводы противниковъ, что государство, взимая налогъ съ процентовъ, уплачиваемыхъ кредиторамъ, соотвѣтственно съ налогомъ должно возвысить процентъ, т. е. выдавать одной рукой то же, что беретъ другой, часто не имѣетъ основанія: условія, отъ которыхъ

зависитъ процессъ переложенія налоговъ, такъ разнообразны, что нельзя считать за общее правило возможность переложенія подати съ кредитора на должника, въ данномъ случаѣ, повышенія процента соотвѣтственно съ окладомъ налога; когда запасъ свободныхъ капиталовъ увеличивается и процентъ вообще имѣетъ наклонность къ пониженію, то можно съ значительнымъ вѣроятіемъ разсчитывать, что кредиторъ будетъ нести на себѣ весь налогъ или часть его. Но если бы даже налогъ этотъ былъ переложенъ на государство, то онъ необходимъ, дабы капиталисты, все имущество которыхъ помѣщено въ государственныя процентныя бумаги, платили прямые налоги, ибо только въ нихъ однихъ выражается тѣсная, установленная самой властью, финансовая связь между гражданами и государствомъ. Конечно, исключеніемъ должны служить тѣ займы, при заключеніи которыхъ кредиторы были навсегда освобождены отъ налога.

Пониженіе процентовъ есть такая операція, посредствомъ которой нарицательно понижается процентъ по государственнымъ долгамъ. Если пониженіе не совершается принудительно, а по соглашенію съ кредиторами, то юридически оно можетъ быть вполнѣ оправдано. Дабы послѣднее имѣло мѣсто, необходимо на лицо два условія. 1) Такое состояніе денежнаго рынка, когда процентъ ниже платимаго государствомъ по ранѣе заключеннымъ займамъ. При хорошо устроенномъ управленіи долгами, избирается для пониженія такое время, когда рядъ хозяйственныхъ условій вызываетъ пониженіе рыночнаго процента на продолжительный періодъ. 2) Изъ финансовополитическихъ соображеній необходимо обезпеченіе государства капиталами, которые могли бы быть выданы кредиторамъ, не желающимъ уменьшенія процента. Конечно, если для пониженія выбрано хозяйственно удобное время, то кредиторы, уже по условіямъ рынка, не найдутъ болѣе выгоднаго помѣщенія для своихъ капиталовъ, и только очень немногіе изъ нихъ потребуютъ капиталъ обратно, большинство же согласится на пониженіе процентовъ. Выгоды, проистекающія для государственнаго казначейства изъ пониженія процентовъ, не должны закрывать предъ правительствомъ невыгоды, которыя можетъ повлечь за собой быстрая уплата суммъ государственнаго долга; этой уплаты склонны потребовать многіе мелкіе капиталисты, чувствительные къ пониженію процентовъ. Воз-

вратъ имъ капиталовъ и желаніе ихъ увеличить доходъ легко могутъ побуждать ихъ на неразсчетливое основаніе разнообразныхъ предпріятій и влечь за собой растрату многихъ капиталовъ. —Пониженіе процентовъ можетъ быть выполнено посредствомъ заключенія новаго займа съ болѣе низкими процентами и усиленнаго погашенія прежнихъ долговъ.

Послѣдній актъ въ управленіи долгами есть ихъ *погашеніе*. Относительно долговъ срочныхъ вопросъ о погашеніи рѣшается очень легко: если частное хозяйство подрываетъ свой кредитъ и лишаетъ себя прочныхъ основаній не точнымъ исполненіемъ обязательствъ, то еще болѣе невыгодъ можетъ испытывать государственное хозяйство, поколебавши довѣріе капиталистовъ опущеніемъ сроковъ, на которые была назначена уплата долговъ. А потому, срочные займы должны быть погашаемы своевременно, хотя-бы это стоило большихъ усилій и жертвъ: дорожа своимъ кредитомъ, государственное, городское, земское хозяйства не должны останавливаться предъ заключеніемъ невыгоднаго займа, что-бы въ срокъ покрыть долгъ, возникшій на условіяхъ, болѣе выгодныхъ.

Иначе стоитъ вопросъ относительно долговъ безсрочныхъ. Они не связаны съ тѣмъ внѣшнимъ условіемъ—срокомъ,—которое въ первомъ случаѣ оправдываетъ крупныя жертвы должника, для сохраненія его кредитоспособности. Приносить такую жертву, заключать менѣе выгодные займы для погашенія безсрочныхъ и болѣе выгодныхъ является совершенной нелѣпостью. А потому, здѣсь заслуживаютъ обсужденія только тѣ способы уплаты долга, которые не представляются, по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда несомнѣнно невыгодными и даже раззорительными для государства-должника. Эти способы могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ типамъ.

1) Быстрое погашеніе всего безсрочнаго долга или крупной части его. Это можетъ быть выполнено двумя способами.

а) Продажей государственныхъ земель. Съ точки зрѣнія узкихъ финансовыхъ разсчетовъ, эта мѣра представляется вполнѣ цѣлесообразною. Если, какъ принято думать и какъ доказывается многочисленными наблюденіями въ разныхъ странахъ, государственныя имущества малодоходны и есть возможность продать ихъ за сумму, равную рентѣ, капитализированной изъ 2, 3, даже 4%, для упла-

ты долга, стоющаго 5—6%, то государственное казначейство получаетъ крупное сбереженіе, и народъ освобождается отъ извѣстной доли налоговъ, покрывавшихъ проценты по долгу. Но этотъ способъ, доступный только для государствъ или городовъ съ обширными площадями земли, которая является главнымъ видомъ домэнъ, теряетъ всю свою привлекательность, когда нужно отъ словъ переходить къ дѣлу. Продажа въ теченіе не многихъ лѣтъ огромныхъ площадей земли, что-бы погасить 1—2 милліарда долга или прямо невозможна, или требуетъ предоставленія покупателямъ такихъ льготъ, такого пониженія цѣны, такихъ разсрочекъ платежей, что должна быть для государства прямо невыгодна.—Наконецъ, если-бы представилась возможность продать быстро и выгодно милліоны казенныхъ десятинъ, такая мѣра не можетъ быть оправдана изъ высшихъ соображеній, которыя должны лежать въ основаніи хозяйственной политики. Это высшее соображеніе, подкрѣпляемое научной мыслью новаго времени и, частію, проникающее въ законодательство—поставить государство въ возможность не только юридическаго, но и непрерывнаго и незатруднительнаго фактическаго воздѣйствія на хозяйственную жизнь народа въ лицѣ настоящаго и длиннаго ряда будущихъ поколѣній. А такъ какъ возможность воздѣйствія тѣмъ болѣе велика, чѣмъ большей массой цѣнностей владѣетъ государство, то отчужденіе земли, какъ самого важнаго хозяйственнаго блага, не можетъ быть оправдано ни для уплаты долговъ, ни для какихъ-либо иныхъ цѣлей [12]).

б) Введеніемъ налоговъ, которые составили-бы въ теченіе немногихъ лѣтъ сумму, способную покрыть крупный долгъ или большую его часть. Эта мысль, имѣвшая еще въ началѣ нынѣшняго вѣка много сторонниковъ, среди нихъ и первоклассныхъ экономистовъ, опирается на предположеніе, что уменьшенію или погашенію долговъ государства будетъ соотвѣтствовать, какъ прямое слѣдствіе, расширеніе кредита между частными хозяйствами; оно вызывается необходимостью для многихъ изъ нихъ уплатить въ срокъ высокій налогъ и недостаточностью дохода или даже свободнаго капитала для этой уплаты. Если государственный долгъ, разсуждаютъ сторонники этого мѣропріятія, стоитъ 5% и требуетъ, для покрытія процентовъ, ежегодныхъ налоговъ въ 100 милліон., то въ частныхъ хозяйствахъ капиталъ въ 2000 милліоновъ является связан-

нымъ, предназначеннымъ для уплаты только процентовъ. Уплатить этотъ капиталъ сразу—значитъ освободить себя на всегда отъ извѣстной суммы налоговъ и тѣмъ облегчить условія развитія общественнаго хозяйства.—Возможность для общественнаго хозяйства вынести въ теченіе немногихъ лѣтъ такую тягость доказывается ссылкою на годы войны и покрытіе изъ налоговъ огромныхъ военныхъ расходовъ.—Если для цѣлей теоретическаго познанія достаточно считаться только съ важнѣйшими силами, дѣйствующими въ общественномъ хозяйствѣ, то, при осуществленіи какого-либо мѣропріятія, должно имѣть въ виду всю совокупность условій, вліяющихъ на экономическую жизнь. Вся же совокупность условій дѣлаетъ для народнаго хозяйства эту мѣру крайне тягостной. Новые усиленные налоги, распредѣленные между плательщиками даже вполнѣ равномѣрно, поведутъ къ разрушенію многихъ хозяйствъ. Кредиторы государства и другіе владѣльцы денежныхъ капиталовъ будутъ испытывать отъ этого налога наименѣе невыгодъ: они будутъ въ состояніи уплатить налогъ изъ своихъ капиталовъ безъ необходимости обращаться къ кредиту и искать его, быть можетъ, на условіяхъ обременительныхъ. Но землевладѣльцы, промышленники, торговцы, не имѣющіе свободныхъ денежныхъ капиталовъ, будутъ вынуждены искать ихъ нерѣдко на условіяхъ тягостныхъ, сокращать свое производство, обращать извѣстную часть постоянныхъ капиталовъ въ деньги; а сокращеніе производства, убыточное для каждаго предпріятія, гибельно дѣйствуетъ особенно на мелкихъ производителей. Съ каждымъ успѣхомъ техники ихъ положеніе, на ряду съ болѣе крупными, становится все менѣе устойчивымъ, и каждое условіе, затрудняющее имъ веденіе предпріятія, ускоряетъ ихъ гибель въ неравной борьбѣ. Такимъ образомъ, раззореніе многихъ мелкихъ предпріятій должно быть ближайшимъ послѣдствіемъ усиленнаго погашенія долговъ этимъ способомъ. Но и крупнымъ предпріятіямъ эта мѣра можетъ принести тяжкія испытанія. При современномъ состояніи хозяйства, многія крупныя предпріятія странъ, наиболѣе развитыхъ экономически, производятъ для всемірнаго рынка. На этомъ рынкѣ идетъ безкровная борьба между англичанами, американцами, нѣмцами, французами, и широко развитое соперничество, вызывающее пониженіе цѣнъ до предѣловъ, у которыхъ прекращается выгодность производства, даетъ побѣду тѣмъ,

которые пользуются хотя незначительными преимуществами. Каждое новое завоеваніе, сдѣланное на всемірномъ рынкѣ однимъ народомъ, ревниво оберегается имъ отъ соперниковъ, и пораженіе на этомъ рынкѣ, уменьшеніе сбыта товаровъ, заглаживается не легко. Такимъ образомъ, если многія крупныя предпріятія страны, подъ вліяніемъ усиленнаго погашенія государственныхъ долговъ оцѣниваемымъ способомъ, хотя только на 3—4 года вынуждены будутъ сократить производство для всемірнаго рынка, они, оправившись и возвративъ производство въ обычное русло, найдутъ свое мѣсто занятымъ другими народами.—Но раззореніе многихъ частныхъ хозяйствъ представляется еще болѣе неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой мѣры, если вспомнить, что налоги во всѣхъ странахъ распредѣляются крайне неравномѣрно, что они болѣе тяжелы для добросовѣстныхъ плательщиковъ и менѣе обременительны для гражданъ съ гибкой совѣстью. Если налоги далеко неравномѣрно тяжелы, поглощая $^1/_7$, $^1/_6$, $^1/_4$ общественнаго дохода, то какъ же должно быть велико различіе въ бремени податей, требующихъ отъ гражданъ $^1/_{15}$—$^1/_{10}$ части всего ихъ имущества.—Всѣ приведенныя соображенія объясняютъ, почему не слѣдуетъ оправдывать эту мѣру ссылкой на несеніе той или другой страной тяжелыхъ налоговъ въ военное время. Обширная и продолжительная война потрясаетъ все народное хозяйство и причиняетъ странѣ, даже при благопріятномъ исходѣ, крупныя потери. Бремя податей, введенныхъ для военныхъ цѣлей, можетъ быть скорѣе оправдано въ общей массѣ потрясеній, испытываемыхъ страною, нежели въ мирное время, при плавномъ теченіи хозяйства. Это бремя способно скорѣе, нежели тягость заключаемыхъ займовъ, уменьшить продолжительность войны. Въ мирное же время такое кровопусканіе и потому не можетъ быть оправдано, что оно ни мало не обезпечиваетъ народа въ будущемъ отъ злоупотребленій кредитомъ со стороны государственной власти.

2) Постепенное и сравнительно медленное погашеніе долговъ можетъ принимать двоякую форму.

а) Чрезъ образованіе особаго погасительнаго фонда, имѣющаго самостоятельное мѣсто на ряду съ финансовымъ управленіемъ. Въ распоряженіе этого фонда предоставляются особыя суммы (обыкновенно часть капиталовъ, полученныхъ изъ займа, поступленія изъ

общихъ государственныхъ доходовъ) которыя наростаютъ процентами и затрачиваются на покупку государственныхъ кредитныхъ обязательствъ. На получаемые по этимъ обязательствамъ проценты фондъ снова покупаетъ облигаціи и т. д. По разсчету изъ сложныхъ процентовъ, даже не большая сумма, непрерывно увеличиваемая наростающими процентами, способна въ извѣстный періодъ погасить громадный долгъ. Математически эти разсчеты совершенно вѣрны; но упускаются изъ вида многочисленныя препятствія, которыя дѣйствительная жизнь ставитъ на пути къ достиженію цѣли. А такими препятствіями служатъ и трудность производительнаго помѣщенія всѣхъ суммъ, наростающихъ на капиталъ, и угнетенное состояніе хозяйственныхъ оборотовъ, причиняющее уничтоженіе многихъ капиталовъ и, въ особенности, дѣйствія государственной власти. Послѣдняя, имѣя въ погасительномъ фондѣ большой запасъ свободныхъ капиталовъ, всегда склонна пользоваться ими вопреки ихъ назначенію, черпать изъ нихъ, когда заключеніе займа сопряжено съ затрудненіями. Вотъ почему эта система погашенія государственныхъ долговъ, примѣнявшаяся въ большинствѣ государствъ Европы, отмѣнена почти повсемѣстно.

б) Единственнымъ правильнымъ способомъ уплаты долговъ является погашеніе ихъ изъ бюджетныхъ остатковъ, изъ излишковъ доходовъ надъ расходами, а также изъ чрезвычайныхъ поступленій (контрибуціи). Но, дабы погашеніе долговъ, при незначительности бюджетныхъ остатковъ, не было слишкомъ медленно, правительство должно напрягать всѣ силы для улучшенія системы налоговъ, для увеличенія государственныхъ доходовъ, насколько это допускаетъ состояніе народнаго хозяйства.—Платежи процентовъ и погашенія по долгу изъ опредѣленныхъ источниковъ дохода (спеціальное прикрытіе долга) тѣмъ болѣе могутъ быть оправданы, чѣмъ менѣе общенародное значеніе имѣетъ затрата, совершенная посредствомъ займа. Поэтому, напр., прикрытіе долга изъ доходовъ отъ желѣзной дороги, для сооруженія которой онъ возникъ, можетъ быть скорѣе оправдано, нежели долга для улучшенія быта бѣднѣйшихъ классовъ исключительно изъ платежей, возложенныхъ на эти классы.

Познакомимся со способами погашенія бумажно-денежнаго долга.

1. *Уничтоженіе бумажныхъ денегъ*, признаніе правительствомъ,

что всѣ находящіяся въ обращеніи бумажныя деньги ничего не стоютъ, не должны быть обязательно принимаемы въ платежъ казною или частными лицами. Формально, такая мѣра есть вопіющая несправедливость: государственная власть должна служить гражданамъ примѣромъ точнаго исполненія обязательствъ, а между тѣмъ она однимъ почеркомъ пера признаетъ негодными деньги, пущенныя ею въ оборотъ и ставшія всеобщимъ платежнымъ средствомъ. Есть, однако, случай, когда нельзя по существу возражать противъ этого мѣропріятія: если бумажныя деньги упали до $^1/_{500}$, $^1/_{1000}$ своей цѣнности, понизились почти до нуля, то никакія усилія финансоваго управленія, никакое напряженіе хозяйственныхъ силъ народа не могутъ возстановить ихъ цѣнность. Фактически, въ этихъ случаяхъ онѣ почти ничего не стоютъ, а потому, не обольщая себя и народъ, государственная власть можетъ прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ и съ одного удара покончить съ выродившимся бумажно-денежнымъ обращеніемъ. Разъ же обезцѣненіе только умѣренно, это средство должно быть совершенно отвергнуто и замѣнено однимъ изъ слѣдующихъ трехъ.

2. *Девалюація*, т. е. пониженіе нарицательной цѣнности бумажныхъ денегъ до полнаго уничтоженія лажа, до возможности для нихъ обмѣниваться на монету al pari. Такимъ образомъ, если одинъ кредитный рубль стоитъ только 65 коп. серебромъ, то правительство совершитъ девалюацію, постановляя, что отнынѣ бумажный рубль долженъ быть принимаемъ во всѣхъ платежахъ только за 65 коп. Эта операція, испытанная въ разныхъ государствахъ и иногда сопровождавшаяся успѣхомъ, представляется, повидимому, и теоретически совершенно правильною. Не есть ли самообольщеніе думать, что 100 бумажныхъ рублей имѣютъ большую покупательную силу чѣмъ 65 металлическихъ? Понесутъ-ли отдѣльныя лица или правительство ущербъ отъ того, что фактически понизившаяся цѣнность бумажныхъ денегъ будетъ понижена и юридически? Подробный анализъ показываетъ, что съ девалюаціей сопряжены два неудобства. 1) Лажъ, съ каждымъ успѣхомъ въ развитіи международныхъ отношеній, пріобрѣтаетъ все большую подвижность. Правительство не въ состояніи найдти точку опоры для совершенія девалюаціи: оно признаетъ нарицательную цѣнность рубля равной 65 коп., но нѣтъ ручательства, что чрезъ мѣсяцъ онъ не будетъ

стоить 60 или 70 коп. Въ первомъ случаѣ снова появится лажъ и цѣль правительства не будетъ достигнута; во второмъ—обнаружится недостатокъ въ бумажныхъ деньгахъ, способный легко соблазнить къ новому ихъ выпуску даже за предѣлы потребностей оборота. 2) Вторая и гораздо большая невыгода состоитъ въ томъ, что девалюація особенно пагубно отражается на судьбахъ тѣхъ классовъ, которые имѣютъ право на наибольшую заботливость государственной власти. Обезцѣненіе бумажныхъ денегъ особенно рѣзко обнаруживается въ ихъ отношеніи къ монетѣ и къ товарамъ, ввозимымъ изъ заграницы; оно гораздо слабѣе отражается на цѣнахъ многихъ туземныхъ произведеній. Но если цѣны послѣднихъ медленно слѣдуютъ за лажемъ вверхъ, то имѣютъ наклонность, поднявшись, не опускаться при движеніи лажа внизъ. Если, поэтому, вслѣдъ за девалюаціей понизятся цѣны привозныхъ товаровъ, то туземныя издѣлія, составляющія главные предметы потребленія рабочихъ классовъ, не подешевѣютъ, соотвѣтственно съ девалюаціей, и заработная плата, при стремленіи техническихъ особенностей современнаго производства вызывать относительный излишекъ населенія и при старательномъ пользованіи предпринимателей всѣми поводами для пониженія платы, понизится, и положеніе рабочихъ классовъ можетъ ухудшиться на долгое время [13]). Наконецъ, девалюація есть потому обоюдуострое оружіе, что можетъ быть совершена правительствомъ безъ напряженія силъ и при кажущемся соблюденіи всѣхъ интересовъ. А этого рода мѣры обыкновенно не даютъ поучительныхъ уроковъ и забываются раньше, чѣмъ успѣли изгладиться причиненныя ими невыгоды.

3. *Извлеченіе изъ оборота и уничтоженіе извѣстнаго количества бумажныхъ денегъ посредствомъ займовъ.* Правительство заключаетъ заемъ, привлекаетъ къ себѣ бумажныя деньги и предаетъ ихъ сожженію. Строго формально, эта мѣра заслуживаетъ полное оправданіе: правительство принимаетъ на себя отвѣтственность за пресыщеніе оборота бумажными деньгами, свято исполняетъ свои обязательства и возстановляетъ валюту.—Если бы правительство стояло совершенно особнякомъ отъ гражданъ и народнаго хозяйства, то можно было бы удовлетвориться требованіями формальной справедливости. Разъ же это не такъ, возникаетъ вопросъ о цѣлесообразности этой мѣры и ея вліяніи на народное хозяйство.

Обыкновенно эта мѣра—такъ можно принять и въ теоріи—совершается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: а) лажъ высокъ, нужно извлечь изъ обращенія бумажныхъ денегъ на крупную сумму и заключить крупный заемъ; б) государство уже обременено долгами, финансы его разстроены, и новый крупный заемъ можетъ быть заключенъ только на невыгодныхъ условіяхъ; в) къ этому присоединяется скудость свободныхъ капиталовъ на туземномъ рынкѣ. Можетъ быть одно изъ двухъ. а) Заключается внутренній заемъ. Очень выгодныя для кредиторовъ условія могутъ побудить многихъ капиталистовъ вынуть капиталы изъ доселѣшняго помѣщенія и направить къ новому государственному займу. Это перемѣщеніе капиталовъ ослабляетъ многія отрасли промышленности, затрудняетъ отпускную торговлю и склоняетъ платежной балансъ къ невыгодѣ данной страны, что опять имѣетъ стремленіе колебать цѣнность бумажныхъ денегъ. в) Заемъ заключается за границей. Это еще сильнѣе увеличиваетъ невыгодность платежнаго баланса, еще болѣе увеличиваетъ запросъ на монету и еще болѣе стремится понизить цѣнность бумажныхъ денегъ. Наконецъ, во всѣхъ случаяхъ новый крупный заемъ—обременяетъ народъ новыми платежными тягостями. Вотъ причины, по которымъ нужно часто высказываться противъ этого средства [14]). Если же условія въ данной странѣ болѣе благопріятны, нежели перечисленныя подъ пунктами а, б и в, если лажъ невысокъ и нужно извлечь изъ обращенія лишь небольшую сумму бумажныхъ денегъ, то мѣра эта можетъ быть вполнѣ оправдана.

4. *Совокупность экономическихъ и финансовыхъ мѣропріятій въ связи съ мѣрами, дѣйствующими прямо на бумажно-денежное обращеніе.* Правительство въ этомъ случаѣ отказывается отъ вышеперечисленныхъ мѣропріятій. Оно не стремится возстановить цѣнность бумажныхъ денегъ однимъ почеркомъ пера, а сосредоточиваетъ всѣ свои средства на развитіи экономическихъ силъ страны. Какъ воздѣйствовать на эти силы—вопросъ, рѣшаемый политикой въ связи съ данными условіями времени и мѣста. Поднятіе благосостоянія сельскихъ классовъ чрезъ увеличеніе ихъ землевладѣнія, переселеніе изъ густонаселенныхъ центральныхъ мѣстностей на плодородныя и почти необитаемыя окраины, улучшеніе желѣзныхъ и водныхъ путей, поддержаніе мелкой промышленности пря-

мымъ воздѣйствіемъ, а крупной—чрезъ разумно проведенную систему таможенныхъ налоговъ—вотъ важнѣйшія мѣропріятія, способныя увеличить производительность труда, оживить обмѣнъ, а чрезъ это и сдѣлать болѣе выгоднымъ заграничный платежный балансъ и усилить потребность въ бумажныхъ деньгахъ, какъ орудіяхъ обращенія.—Рядомъ съ этимъ должны идти столь же плодотворныя измѣненія въ финансахъ: въ доходахъ—правильное, наиболѣе сотвѣтствующее требованіямъ теоріи, построеніе налоговъ, пошлинъ, пользованіе государственными имуществами, въ расходахъ—крайняя бережливость въ затратахъ, производительность которыхъ сомнительна. Съ тѣмъ вмѣстѣ остатки государственныхъ доходовъ надъ расходами могутъ быть съ пользою употребляемы для постепеннаго извлеченія бумажныхъ денегъ, насколько замѣчается излишекъ ихъ въ обращеніи. Но главное условіе при всемъ этомъ—необремененіе народа новыми безполезными займами и твердая рѣшимость правительства не выпускать болѣе бумажныхъ денегъ для цѣлей финансовыхъ, не создавать себѣ капиталовъ изъ ничего, въ ущербъ для народнаго хозяйства.—Мы съ особенной настойчивостью указываемъ на рѣшительное преимущество этой мѣры предъ всѣми другими. Первыя три борятся прямо съ недостатками бумажно-денежнаго обращенія и если побѣждаютъ ихъ, то устраняютъ одно изъ многихъ хозяйственныхъ бѣдствій и, быть можетъ, далеко не важнѣйшее. Послѣдняя же мѣра, не достигая такъ скоро этой цѣли, даетъ дѣятельности правительства то теченіе, которое оживляетъ все народное хозяйство, развиваетъ его ростъ и не только создаетъ условія для возстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ, но и безконечно увеличиваетъ его силы до возможности обойдтись при финансовыхъ затрудненіяхъ въ будущемъ безъ чрезмѣрныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ или же легче возстановить ихъ цѣнность, если бы выпуски были неизбѣжны. Относя все сказанное къ Россіи, мы заключимъ этотъ отдѣлъ слѣдующими словами Н. Х. Бунге: „такъ какъ вліяніе нашей денежной системы проникло съ большей или меньшей силою во всѣ проявленія нашей экономической жизни, и такъ какъ эта жизнь со всѣми своими недостатками отразилась на денежной системѣ (мы обращались къ бумажнымъ деньгамъ, потому что не имѣли другихъ финансовыхъ рессурсовъ), то можно съ полнымъ правомъ сказать, что наша денежная система можетъ улучшиться не только вслѣд-

ствіе того, что будетъ сдѣлано полезнаго для нея самой, но и вслѣдствіе того, что будетъ предпринято въ видахъ обновленія на разумныхъ началахъ всего строя нашей экономической жизни“ [15]).

Примѣчанія къ V-й главѣ.

[1]) Hock., Т. ж., 286.

[2]) Nebenius 350—51, Wagner 444, Stein.

[3]) Въ томъ же духѣ высказывается *Леруа-Болье*. 245—50.

[4]) На сколько высокъ процентъ при пожизненныхъ рентахъ, видно, напр., изъ того, что въ Англіи при Вильгельмѣ III заемъ въ 1 милл. фунтовъ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: каждый, взносившій 100 фунтовъ, имѣлъ право на пожизненное полученіе 14 фун. въ годъ. Leroy-Beaulieu. 212.

[5]) Около 1730 г. во Франціи умерла одна женщина 96 лѣтъ. Она участвовала въ двухъ тонтинахъ, учрежденныхъ въ 1689 и 1696 гг., взнесла въ обѣ только 600 фр., пережила всѣхъ участниковъ и получила въ послѣдній годъ жизни 73500 фр. При жизни всѣхъ участниковъ, ежегодная рента каждаго составляла только 10%—60 фр. въ годъ для названной женщины. Leroy-Beaulieu, 213.

[6]) Nebenius. Т. ж. 343.

[7]) Принудительный заемъ 1793 г. во Франціи, вмѣсто 1 милліарда, доставилъ казнѣ только 100 милліоновъ франковъ. Многочисленные займы этого рода также и въ другихъ государствахъ. См. Leroy-Beaulieu. 197 и далѣе.

[8]) Неуспѣхъ займовъ этого рода во Франціи въ 1831 и 48 гг. Правительство, находясь послѣ революцій 1830 и 48 гг. въ стѣсненномъ положеніи, приглашало покупать 5% ренту вмѣсто 80 (биржевая цѣна) за 100 фр. Поступленія были незначительны: въ первый разъ была подписка только на 1022000 фр. ренты, во второй—вмѣсто ожидаемыхъ 100 милл. ренты, состоялась подписка только на 1309104 фр. L—Beaulieu. 206.

[9]) Этотъ видъ заключенія займовъ особенно успѣшно развился во Франціи и повелъ за собой привлеченіе къ государственному кредиту даже самыхъ мелкихъ сбереженій.

[10]) Такъ было, напр., въ Австріи въ 1848—68 г., когда курсъ всѣхъ процентныхъ бумагъ, при крайнемъ разнообразіи процентовъ, былъ одинъ и тотъ-же. Wagner. назв. соч. 449.

[11]) Л. ф. Штейнъ, не придавая практическаго значенія этому вопросу, говоритъ слѣдующее: «цѣнность и биржевая цѣна обѣщанія платить проценты, подчиняются вліяніямъ, которыя вызываютъ слишкомъ дробныя различія въ выпускномъ курсѣ, что-бы высота процента могла слѣдовать за ними. Когда за 5 процентныя облигаціи, съ нарицательной цѣной въ 100, получаютъ 90, то за $5^1/_2$% легко получить 100, если-же по-

лучаютъ $98^1/_3$ или подобную сумму, то рѣшительно невозможно измѣнить такъ $5^0/_0$, что-бы высота ихъ соотвѣтствовала выпускной цѣнѣ во 100. Поэтому представляется просто невозможнымъ достигнуть, посредствомъ поднятія высоты процента, того, чтобы выпускная цѣна сполна покрывала нарицательную». (Stein. Lehrbuch 714.) На это можно возразить Штейну, что важно не точное совпаденіе этихъ цѣнъ, а возможное ихъ сближеніе. Указанныя въ текстѣ выгоды легче достижимы при отношеніи нарицательной цѣны къ выпускной, какъ 100: 95, нежели какъ 100: 70.

[12]) См. подробнѣе въ моей статьѣ: «Принципъ неотчуждаемости государственныхъ земель». Юрид. Вѣстн. 1884, VIII и IX.

[13]) Положимъ, что работникъ получаетъ 300 бумажныхъ рублей въ годъ. По девалюаціи съ 300 на 200, плата его упадетъ до 250—270 рублей (если не больше). Многіе товары туземнаго производства, если и не поднялись въ цѣнѣ соотвѣтственно съ лажемъ, то подорожали на 7—8—10—$15^0/_0$ (хлѣбъ, топливо и т. п.) Цѣна ихъ, и по девалюаціи, удержится на этой высотѣ и, такъ какъ они поглощаютъ большую часть доходовъ работника, положеніе этого класса замѣтно ухудшится.

[14]) Полагая, что въ Россіи, для уничтоженія лажа, нужно было бы извлечь изъ оборота не менѣе 500 милл. бумажныхъ рублей, мы считаемъ нецѣлесообразнымъ совершить эту операцію съ одного удара, посредствомъ крупнаго займа.

[15]) Замѣтки о настоящемъ положеніи нашей денежной системы. Сборн. Госуд. Знаній. VIII, 127.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДОЛГОВЪ

и

УЧЕНІЙ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ КРЕДИТѢ.

ГЛАВА I.

Государственный кредитъ въ Англіи.

Въ началѣ новаго времени финансовая политика Англіи характеризуется множествомъ разнообразныхъ налоговъ и пошлинъ и не устроеннымъ кредитомъ. Для покрытія чрезвычайныхъ потребностей короли пользовались субсидіями сословій и накопляли металлическіе фонды. Генрихъ VII былъ послѣднимъ королемъ, оставившимъ значительный фондъ (1800000 ф.). Генрихъ VIII часто обращался къ принудительнымъ займамъ. Суммы, добываемыя со свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, вычеркивались изъ списка долговъ актами парламента. Понятно, что кредитъ правительства былъ ничтоженъ: Маріи Тюдоръ, даже подъ очень высокіе проценты, не хотѣли дать взаймы ни англійская компанія въ Антверпенѣ, ни самый городъ; первая вынуждена была къ займу только силой, задержаніемъ ея кораблей. До революціи 1688 г. государственный долгъ былъ и незначителенъ, и неорганизованъ. При низложеніи Стюартовъ онъ немного превышалъ 1 милл. фун. ст., слагаясь изъ долговъ разныхъ наименованій: отсрочекъ платежей за поставки для правительства, текучій долгъ въ ассигновкахъ, срочные займы. Со времени революціи долгъ началъ быстро возрастать и къ 1697 г. достигъ уже 13 милл. фунт. Къ послѣднимъ годамъ 17 столѣтія относится возникновеніе въ Англіи долговъ различныхъ типовъ: пожизненныхъ рентъ, тонтинъ; въ это же время сложился тотъ типъ билетовъ казначейства (exchequer bills), которые и до настоящаго времени служатъ главными представителями въ Англіи текучаго долга. Наконецъ, тогда же положено было начало непрерывнымъ рентамъ посредствомъ займа 1200000 фун. у англійскаго банка, основаннаго въ 1694 г. и получившаго, за эту ссуду правитель-

ству, крупныя привилегіи. Эти займы часто облекались въ такую форму, что, кромѣ опредѣленнаго нарицательнаго процента, кредиторъ получалъ съ каждыхъ 100 фунт. капитала добавочный процентъ въ видѣ срочной ренты (аннюитетъ). Сошлемся для примѣра на заемъ, заключенный въ 1761 г. на сумму около 11 $^1/_2$ мил. фунтовъ. По немъ было установлено, при выпускѣ al pari, 3 %, и на каждые подписанные 100 фунтовъ кредиторъ получалъ ренту въ теченіе 99 лѣтъ въ 1 ф. 2 $^1/_2$ шиллинга. Иногда годичныя добавки длились только 30—40 лѣтъ. Добавочные проценты были настолько соблазнительны, что, и при низкомъ нарицательномъ процентѣ, государство могло выпускать свои обязательства по цѣнѣ нарицательной и не обременяло себя долгомъ, большимъ капитала, полученнаго отъ кредиторовъ. Эта форма займовъ, столь часто примѣнявшаяся въ 18 вѣкѣ, перешла и въ 19-й, и еще въ 1855 году по займу въ 16 милл. фунт., заключенному въ формѣ непрерывныхъ рентъ, были даны на 30-лѣтіе эти добавочные проценты. Дальнѣйшимъ шагомъ въ устроеніи государственнаго кредита было консолидированіе многихъ займовъ въ одно цѣлое, что было совершено въ 1697 г. Ранѣе, для обезпеченія уплаты процентовъ и погашенія, по каждому долгу назначался извѣстный налогъ, который нерѣдко былъ недостаточенъ для этой цѣли. Поэтому, отдѣльныя статьи дохода были соединены въ одинъ общій фондъ, который и долженъ былъ покрывать расходы по займамъ. Но еще и въ первые годы прошлаго вѣка долги краткосрочные преобладали надъ фундированными. Непогашаемые займы, форма, нынѣ господствующая въ Англіи, начала получать преобладаніе въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Самая сумма государственнаго долга, подъ вліяніемъ частыхъ войнъ, быстро возрастала; возрастаніе выражалось въ увеличеніи почти исключительно отвержденныхъ долговъ, причемъ текучіе долги уменьшались даже абсолютно. Въ ростѣ долговъ мы замѣчаемъ такое правильное движеніе: каждая новая война приноситъ съ собой огромныя суммы долговъ, а во время мира погашаются сравнительно ничтожныя доли занятыхъ капиталовъ. Въ теченіе 18 в., до борьбы съ Америкой, стремившейся къ независимости, войны приносили долговъ на десятки милліоновъ фунтовъ; американская война прибавила къ нимъ 115 милліоновъ, а борьба съ Франціей въ теченіе 24 лѣтъ (1793—1816) увеличила

долговой капиталъ почти на 600 милліоновъ фунтовъ. Къ этому же времени относится принудительный курсъ банковыхъ билетовъ, соотвѣтствующій злоупотребленіямъ бумажными деньгами на материкѣ Европы. Постоянные займы правительства у банка, необходимость вывозить массы золота за границу для содержанія англійскихъ войскъ и выдачи пособій союзникамъ, сдѣлали для банка невозможнымъ поддерживать обмѣнъ билетовъ на монету. Въ маѣ 1797 года банкъ былъ освобожденъ отъ обязанности обмѣнивать билеты. Первонально эта мѣра была введена на нѣсколько недѣль, но продолжавшаяся война побуждала отсрочивать возстановленіе обмѣна до мая 1821 года. Высшее обезцѣненіе банковыхъ билетовъ составляло (въ 1813 г.) $29^1/_4$ %. За этимъ періодомъ слѣдуетъ долгій періодъ мира вплоть до крымской войны. 38 лѣтъ были временемъ или значительнаго уменьшенія капитальной суммы долга, или уменьшенія суммы процентовъ чрезъ ихъ пониженіе, или же небольшаго увеличенія долга (1830—41) для покрытія недочетовъ по бюджетамъ. Послѣднее крупное увеличеніе долга—на 40 милл. фунтовъ—было вызвано крымской войной.

Англійскій государственный долгъ почти цѣликомъ былъ вызванъ потребностями военнаго времени. Совершенно незначительныя доли его были затрачены для покрытія бюджетныхъ недочетовъ во время мира и изъ него вовсе не было затратъ для прямаго воздѣйствія на благосостояніе населенія. Послѣднее обстоятельство объясняется широкимъ развитіемъ въ Англіи частной предпріимчивости, которая издавна привыкла направляться на разныя стороны общественной жизни, брать на свой рискъ огромныя затраты, въ другихъ странахъ производимыя государствомъ.

Возникновеніе громадныхъ долговъ на военныя надобности не могло не внушать государственнымъ людямъ Англіи убѣжденія, что одной изъ главныхъ задачъ финансовой политики является возможное противодѣйствіе росту долговъ, возможное уменьшеніе платимыхъ процентовъ и правильно организованное погашеніе заключенныхъ займовъ. Мѣры, которыхъ держались англійскіе политики, не всегда были цѣлесообразны; но онѣ представляютъ обширное поле для изученія разныхъ формъ, въ которыя облекались противодѣйствіе новымъ займамъ и погашеніе долговъ.

Первый пріемъ состоялъ въ возвышеніи налоговъ на время вой-

ны, возвышеніи, болѣе значительномъ, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ; крупное повышеніе налоговъ замедляло ростъ англійскаго долга, даже при огромныхъ военныхъ расходахъ. Издержки почти на всѣ войны, которыя вела Англія съ 1688 года покрывались въ большой пропорціи и изъ налоговъ. Такъ, изъ 32 милл. фунтовъ, затраченныхъ на войны въ Ирландіи и съ Франціей (1688—97), почти половина была доставлена налогами. Расходы на войну съ Испаніей (1718—21) въ $4^1/_2$ мил. фун. были слишкомъ на $^3/_4$ покрыты изъ налоговъ. Но самыми выдающимися примѣрами того, насколько англійское правительство пользовалось налогами и старалось задерживать возрастаніе долговъ, служатъ годы войнъ съ Наполеономъ и крымской. Изъ $831^1/_2$ милліона, истраченнаго въ наполеоновскія войны, болѣе 391 милл. было доставлено налогами. Сумма налоговъ въ 1816 г. была въ $3^1/_2$ раза больше суммы ихъ за 1793 г. Налоги возвышались такъ быстро, что, напр., въ 1799 г. они составляли сумму на 33% большую, чѣмъ въ 1798; въ 1805 г. они были на 20% выше, нежели въ 1804. Высота налоговъ видна уже изъ того, что въ 1816 г. на 1 душу населенія приходилось 4 фун. стерл. налоговъ.—Крупное возвышеніе податей сдѣлано было также для веденія крымской войны.

На ряду съ этой особенностью мы замѣчаемъ и другую: стремленіе къ погашенію долга, возникшее еще въ концѣ 17 вѣка. Историкъ англійскаго государственнаго долга Гамильтонъ, закончившій свое изслѣдованіе 1813 годомъ, насчитываетъ въ теченіе 124 лѣтъ, которыя обнимаетъ его трудъ, 63 года военнаго и 61—мирнаго времени. Первые приносили новые и новые займы, вторые были временемъ погашенія. Хотя на 638 мил. фун. долговъ, возникшихъ за 63 года, было въ мирное время погашено менѣе 40 мил. фун. [1]), однако попытки организовать погашеніе посредствомъ образованія погасительнаго фонда представляютъ большой интересъ уже потому, что, при всемъ разнообразіи формъ, въ которыхъ онѣ примѣнялись, ясно обнаруживаютъ недостатки цѣлой системы.

Погасительный фондъ былъ основанъ въ 1716 году, въ министерство Роберта Вальполя. Пониженіе процентовъ по непрерывнымъ рентамъ съ 6 на 5 доставляло казнѣ ежегодное сбереженіе около 350000 фунтовъ. Это сбереженіе было предназначено на составленіе фонда погашенія государственныхъ долговъ. Къ этой первоначальной

суммѣ были сдѣланы крупныя добавленія въ 1727 и 1750 гг. дальнѣйшими сбереженіями отъ пониженія процентовъ. Завѣдываніе фондомъ было поручено особымъ коммиссарамъ; самый фондъ долженъ былъ дѣйствовать на основаніи сложныхъ процентовъ: фондъ скупалъ кредитныя обязательства, сберегалъ ихъ и получалъ по нимъ проценты, которые предназначались для дальнѣйшихъ закупокъ обязательствъ государственнаго долга. И литература, и государственные дѣятели взирали на фондъ съ полнымъ упованіемъ: всѣ были твердо убѣждены, что капиталъ, наростающій изъ сложныхъ процентовъ, можетъ въ короткое время погасить самый большой долгъ. 11 лѣтъ фондъ дѣйствовалъ съ большою правильностью; этому способствовали и мирное время, и завѣдываніе финансами Вальполя, который и былъ творцомъ фонда. Съ внѣшней стороны погашеніе долговъ было построено правильно, ибо съ 1716 до 1727 года, хотя и были заключаемы новые займы, долгъ уменьшился почти на $^1/_2$ милліона фунтовъ. Но формальная вѣрность установленному началу—затрачивать капиталы фонда только для погашенія долговъ и, въ случаѣ недостатка въ деньгахъ, заключать новые займы—не устраняла, по содержанію, одного крупнаго недостатка: фондъ покупалъ обязательства дороже, нежели была выпускная цѣна новыхъ займовъ; такимъ образомъ, уничтожалась часть долговъ, оплачиваемыхъ низкими процентами, и одновременно возникалъ новый заемъ съ процентомъ, болѣе высокимъ. Съ 1727 года въ фондѣ начались измѣненія, которыя отклонили его отъ первоначально намѣченной цѣли. На него была возложена обязанность платить проценты по вновь заключеннымъ займамъ, а затѣмъ не затруднялись черпать изъ него и для покрытія недочетовъ въ бюджетѣ. Отклоненный отъ своего назначенія, фондъ не принесъ существенной пользы: за 56 лѣтъ (1716—72) онъ погасилъ около 20 милл. фунтовъ, а вновь возникшіе займы составляли сумму, почти вчетверо большую.

Въ 1786 г. фондъ былъ преобразованъ Питтомъ. Въ распоряженіе фонда, кромѣ процентовъ по долгамъ, уже выкупленнымъ, отпускалась ежегодно сумма въ 1 милл. фунтовъ изъ общихъ доходовъ государственнаго казначейства, соединенныхъ въ такъ называемый консолидированный фондъ (consolidated fund). Онъ составлялся изъ доходовъ отъ таможенныхъ налоговъ, акцизовъ, штем-

пелей, почтъ и домэнъ и предназначался на покрытіе извѣстныхъ государственныхъ расходовъ, въ томъ числѣ и процентовъ по долгамъ. Было постановлено, что, какъ скоро капиталъ погасительнаго фонда достигнетъ 4 милл. фунтовъ, къ нему не будутъ присоединяться проценты погашенныхъ долговъ и пресѣкшіяся за срокомъ или жизнью кредиторовъ ренты. До войны съ Франціей фондъ дѣйствовалъ безостановочно. Система эта была расширена учрежденіемъ въ 1792 году втораго фонда. Первый фондъ долженъ былъ служить для погашенія ранѣе возникшихъ долговъ, а второй—былъ предназначенъ для погашенія займовъ, которые были заключены со времени его основанія. Капиталъ втораго фонда составлялся изъ 1% нарицательнаго капитала по каждому займу, и изъ процентовъ на долги погашенные. Разсчитывали на возможность погашенія изъ втораго фонда каждаго долга въ теченіе 45 лѣтъ. Хотя эти фонды и дѣйствовали, однако, военное время на столько увеличило долгъ, что погасительная операція, не смотря на увеличеніе отпусковъ въ фонды, была совершенно ничтожна. Фонды претерпѣвали разныя частичныя измѣненія вплоть до 1829 года. 1827 годъ былъ временемъ появленія болѣе здравыхъ воззрѣній на погасительный фондъ и на самую операцію погашенія. Лордъ Гренвилль нанесъ ударъ старой системѣ. Онъ находилъ цѣлесообразнымъ погашать долги только изъ чистыхъ излишковъ доходовъ надъ расходами, осуждалъ погашеніе въ то время, когда государство было вынуждаемо заключать новые займы, и признавалъ вреднымъ и опаснымъ продолжать погашеніе во время войны или, вообще, при недочетахъ въ бюджетѣ. Такимъ образомъ, представлялось цѣлесообразнымъ погашать долги только въ мирное время и притомъ назначать на эту цѣль такую долю государственныхъ доходовъ, какую, взвѣшивая измѣняющіяся условія общественной жизни, найдетъ полезнымъ ассигновать на это законодательная власть. Выводы лорда Гренвилля обратили на себя вниманіе парламента, и избранная имъ въ 1828 г. коммиссія подвергла изслѣдованію дѣятельность погасительнаго фонда. Заключенія коммиссіи были для фонда неблагопріятны: они показали, что обыкновенно приходилось, параллельно съ погашеніемъ низкопроцентныхъ долговъ, заключать высокопроцентные займы и что въ теченіе 42 лѣтъ (1786—828) государство понесло убытки, по крайней мѣрѣ, на 40 милл.

фунтовъ, увеличивъ, благодаря несвоевременному погашенію, на эту сумму капиталъ своего долга. Коммиссія предлагала, чтобы погасительный фондъ получалъ въ свое распоряженіе только чистые излишки доходовъ на расходами. Но было-бы не извинительно, по ея мнѣнію, забыть о необходимости планомѣрно погашать долги и разсчитывать на случайные излишки доходовъ надъ расходами: слѣдуетъ вносить для этой цѣли въ роспись 3 милл. фун. въ годъ и передавать ихъ въ фондъ погашенія; если-же исполненіе росписи не давало такого излишка, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало надѣлять фондъ посредствомъ заключенія займовъ. Наконецъ, всѣ выкупленныя обязательства, какъ консолидированнаго, такъ и текучаго долга, должны быть уничтожаемы и вычеркиваемы изъ книгъ. На такихъ началахъ фондъ и былъ преобразованъ въ 1829 году, и въ этомъ-же году, согласно съ росписью, было ассигновано для него болѣе 3 милл. фунт. — Если-бы политика осталась вѣрна предложенію коммиссіи и лорда-канцлера Голбурна, который первый приводилъ въ исполненіе требованія коммиссіи, то погашеніе англійскаго государственнаго долга шло-бы гораздо успѣшнѣе. Но министры финансовъ, смѣнившіе его, держались инаго воззрѣнія: многіе изъ нихъ считали болѣе цѣлесообразнымъ пользоваться излишками доходовъ не для погашенія долговъ, а для пониженія налоговъ. Не только многіе второстепенные политики, но и такіе государственные люди, какъ Робертъ Пиль и Джонъ Россель, стояли не за усиленное погашеніе долговъ, а за пониженіе или отмѣну нѣкоторыхъ налоговъ. Давленіе со стороны разныхъ сферъ въ пользу пониженія однихъ налоговъ и устраненія другихъ было настолько велико, что даже Гладстонъ не считалъ возможнымъ проводить то начало, которое было провозглашено Голбурномъ въ 1829 году. Вотъ почему въ теченіе 40 лѣтъ (1829—69) было погашено долговъ не на 120 милл. фунтовъ, какъ то казалось возможнымъ, а только около 49 $^1/_2$ милл. фунт., почти въ равной мѣрѣ текучихъ и отвержденныхъ. Это направленіе въ политикѣ крѣпко все болѣе и повело къ признанію въ пониженіи процентовъ главнаго средства для уменьшенія тягости государственнаго долга. Въ министерство Дизраели былъ снова учрежденъ погасительный фондъ (1876). Онъ получаетъ въ свое распоряженіе $^1/_4$ бюджетныхъ остатковъ, невостребованные и

перешедшіе за давностью въ собственность государства вклады сберегательныхъ кассъ и нѣкоторыя другія суммы. Въ годы дефицитовъ онъ не дѣйствуетъ, а потому и не вызываетъ возраженій, которыя были сдѣланы противъ старыхъ фондовъ.

Въ первое столѣтіе (до 1780) развитія англійскаго долга займы обыкновенно выпускались съ нарицательнымъ процентомъ, близкимъ къ рыночному, и давали казнѣ капиталъ, почти равный нарицательному. Девять займовъ, заключенныхъ въ 1755—63 гг., доставили государству 53 милл. фун. и увеличили капиталъ долга на 54230000 ф. Но съ 1780 г. вошло въ обычай заключать займы съ низкимъ нарицательнымъ процентомъ (3 и не выше 4%), что увеличивало долговой капиталъ далеко за предѣлы суммы, реализованной государствомъ. Такъ какъ главная сумма долговъ была сдѣлана на этихъ условіяхъ, то былъ затрудненъ путь къ безостановочному пониженію процентовъ, и государство, по вычисленіямъ Леруа Больё, обременило себя для платежа процентовъ излишнимъ ежегоднымъ расходомъ слишкомъ въ 4 милл. фун. сравнительно съ тѣмъ, чего стоили-бы эти долги, если-бы займы были помѣщены al pari [2]). Но съ 1816 года продолжительное мирное время настолько обогатило Англію капиталами и упрочило ея кредитъ, что биржевая цѣна 3% консолей,—этотъ процентъ усвоенъ англійскимъ государственнымъ долгомъ—стоитъ около 100, иногда нѣсколько выше (въ 1881 и 82 гг.—102).

Господствующимъ въ Англіи способомъ заключенія займовъ служитъ отдача ихъ съ торговъ банкирскимъ домамъ, которые предлагаютъ наиболѣе выгодныя условія. Банкиры взносятъ въ казначейство капиталъ и берутъ на свой рискъ помѣщеніе займа въ публикѣ.

Съ внѣшней стороны организація англійскихъ отвержденныхъ долговъ весьма близко подходитъ къ частно-хозяйственному кредиту. Весь отвержденный долгъ вѣдается англійскимъ банкомъ, который еще съ самаго основанія поставленъ въ ближайшія отношенія къ государственному казначейству. При банкѣ ведется Большая Книга, въ которой отмѣчены всѣ вѣрители государства. Всѣ займы, примыкая къ долгу, сдѣланному государствомъ изъ фонда банка, еще при основаніи послѣдняго, образуютъ консолидированный національный долгъ, а каждая часть этого долга носитъ наз-

ваніе *консоля*. Всѣ операціи по обращенію консолей совершаются въ Большой Книгѣ посредствомъ переписыванія съ однихъ лицъ на другія. Богатство Англіи свободными капиталами, помѣщеніе займовъ почти исключительно внутри страны дѣлаютъ этотъ купеческій порядокъ вполнѣ пригоднымъ, и до послѣдняго времени по консолямъ не выдавалось кредитныхъ документовъ. Но въ 60-хъ гг., дабы облегчить обращаемость консолей, каждому владѣльцу таковыхъ предоставлено право требовать облигацій, именной или на предъявителя.

Насколько великъ англійскій отвержденный долгъ, на столько-же незначителенъ текучій. Онъ представляется документами государственнаго казначейства разныхъ наименованій и срочности: exchequer bonds, выпускаемые на 3 года и долѣе, exchequer bills—на 5 лѣтъ, съ правомъ владѣльца ежегодно, въ извѣстные сроки требовать обмѣна, treasury bills—на 3, 6 мѣсяцевъ и долѣе. За небольшими перерывами, мы замѣчаемъ его постоянное уменьшеніе съ половины прошлаго вѣка. Только войны съ Франціей и крымская увеличили его до крупной цифры; теперь-же, постоянно уменьшаясь, онъ составляетъ немного болѣе 14 милл. фунтовъ. Это объясняется и правильнымъ поступленіемъ доходовъ и почти постоянными излишками по росписямъ.

Приведемъ въ заключеніе цифры государственныхъ долговъ. Къ началу войнъ съ Франціей (1792 г.) весь долгъ Англіи составлялъ только около 240 милл. фунтовъ; въ 1815 онъ достигъ своей высшей точки—861 милл., и затѣмъ, исключая время вслѣдъ за крымской войной, принесшей ему небольшое увеличеніе, онъ уменьшался почти безостановочно. Въ 1884 году общая сумма его составляла до 746½ милл. фунтовъ, изъ которыхъ на отвержденные долги приходилось 640631095 ф., срочныя ренты—91682269 и 14110600—на текучій долгъ. Всѣ расходы по платежу процентовъ и погашенія составляли около 29 милл. фунтовъ. По вычисленіямъ Бакстера [3]), ежегодная тягость платежей по долгамъ равнялась въ 1700 г. только 2 шилл. 9 пенс. на одну душу, въ 1815—34 ш. 8 пен., въ 1870—15 ш. 9 п. и теперь (1884) составляетъ приблизительно такую же сумму [4]).

Общинные долги въ Англіи также весьма значительны. Въ 1876—77 гг. они достигали 106½ милл. фунтовъ, а въ 1882—83 г.—

уже превышали 159 милл. Эти суммы были заняты городами и графствами для разныхъ цѣлей, всего болѣе для улучшеній санитарныхъ, сооруженія портовъ и доковъ, постройки школъ (для этихъ цѣлей въ сложности болѣе 110 милл. фунт.) и на другіе расходы по благоустройству [5]) Во многихъ городахъ долги составляютъ весьма крупныя суммы; на 1 жителя приходится долговаго капитала въ фунтахъ: въ Манчестерѣ болѣе $7^1/_2$, Бирмингамѣ—7, Ливерпулѣ—болѣе $4^1/_2$ и т. д.

Примѣчанія къ I-й главѣ.

[1]) Leroy Beaulieu, II, 420.

[2]) Т. ж. 241.

[3]) Baxter. National Debts, 13.

[4]) Полагая въ 1884 г. населеніе въ $36^1/_2$ милл. (по переписи 1881г., населеніе равнялось 35246562).

[5]) Block. Dictionnaire da l'econom. politique, 1885, 688—89.

ГЛАВА II.

Государственный кредитъ во Франціи.

И во Франціи государственный кредитъ возникъ въ формѣ личныхъ долговъ короля. Когда порча монеты, притѣсненія евреевъ, продажа должностей не покрывали чрезвычайныхъ потребностей, короли обращались къ займамъ, главнымъ образомъ, принудительнымъ. Особенно усердно началъ пользоваться этимъ источникомъ Францискъ I. Въ 1522 году онъ созвалъ парижанъ различныхъ классовъ и просилъ дать ему денегъ взаймы, у однихъ 1000 ливровъ, у другихъ—800, третьихъ—500 и т. д. Онъ обращался съ этой просьбой къ торговцамъ, адвокатамъ, нотаріусамъ и разнымъ другимъ лицамъ. Въ томъ-же году были выработаны условія займовъ: 1 ливръ процентовъ на каждые 12 ливровъ занятаго капитала. Для погашенія этого и послѣдующихъ долговъ были предназначаемы нѣкоторые налоги: со скота, морской рыбы, вина и т. п. Король обязался платить проценты и удерживалъ за собой право выбора времени для уплаты капитала. Такимъ образомъ, было положено начало непогашаемымъ займамъ, непрерывнымъ рентамъ (rentes payables à l' Hôtel de Ville).

Преемники Франциска слѣдовали его примѣру. При Генрихѣ II государственный долгъ достигъ уже крупной суммы въ 42 милл. ливровъ, равныхъ нынѣшнимъ 168 мил. франковъ. Займы слѣдовали за займами; большая часть ихъ была принудительными, и въ началѣ 17 вѣка долговой капиталъ достигъ 300 мил. Министръ Сюлли улучшилъ финансы и уменьшилъ долги. Къ концу управленія онъ успѣлъ составить запасной фондъ болѣе 15 мил. фр. Но улучшенія въ финансахъ, которыя производили Сюлли и Кольберъ, парализовались частыми войнами и расточительностью двора.

Большая часть годовъ заканчивалась дефицитами, требовавшими заключенія новыхъ займовъ. Уменьшеніе жалованья и пенсій, принудительные займы, сбавка суммы платежей по рентамъ—всѣ эти насильственныя мѣры примѣнялись весьма часто. При Людовикѣ XIV итальянецъ Тонти ввелъ въ употребленіе новую форму займовъ—*тонтины*. Общество нашло эти займы заманчивыми, и онѣ замѣнили часть непрерывныхъ рентъ. Правленіе Людовика XIV началось искорененіемъ многихъ злоупотребленій въ финансахъ, увеличеніемъ доходовъ, а закончилось крайнимъ истощеніемъ страны, обремененіемъ народа непосильными налогами и оставленіемъ слѣдующему царствованію огромнаго долга въ $3^1/_2$ милліарда франковъ.

Регентство герцога Орлеанскаго открывается рядомъ проектовъ касательно улучшенія финансовъ: уменьшеніе числа свободныхъ отъ налоговъ гражданъ, уменьшеніе долга, поддѣлка монеты. Но всѣ эти частичныя мѣры затѣняются знаменитой системой Джона Ло: основаніе огромнаго банка, который долженъ былъ сосредоточивать доходы и расходы государства, завѣдывать различными отраслями торговли и погашать государственный долгъ. Послѣднее предложеніе казалось особенно привлекательнымъ. Кратковременные, но блестящіе успѣхи банка Ло заставили всѣхъ вѣрить въ осуществимость его плановъ. Не мудрено, если, слѣдуя указу короля, кредиторы государства спѣшили обмѣнить свои рентныя обязательства, обезпеченныя налогами, на ассигнаціи банка и получить въ обезпеченіе „безпредѣльную область мечтаній“ [1]). Надежды скоро смѣнились разочарованіемъ; билеты банка утратили почти всякую цѣнность, и торжественное обѣщаніе въ немного лѣтъ погасить весь государственный долгъ повело къ увеличенію его на 625 мил.

Но попытки погасить долгъ не прекращались. Генералъ-контролеръ Машо учредилъ въ 1749 г. погасительный фондъ. На образованіе этого фонда долженъ былъ идти налогъ въ $^1/_{20}$ дохода, которымъ были обложены всѣ имущества. Но налогъ поступалъ неправильно, недоимки возрастали и въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, кромѣ огромныхъ текучихъ долговъ, капитальная стоимость непрерывныхъ рентъ превышала 2 милліарда.

Царствованіе Людовика XVI было также богато разнообразными попытками улучшить состояніе финансовъ. Въ ряду наиболѣе выдающихся дѣятелей и по устроенію государственнаго кредита былъ

Тюрго. Онъ уничтожилъ погасительный фондъ, старался заключать займы изъ 4%, что-бы понизить ренту по 5—процентнымъ. Замѣненный неспособнымъ Клюньи, который не довелъ до конца его плановъ, Тюрго нашелъ на короткое время достойнаго преемника только въ Неккерѣ. Но и этотъ, за недолгое время управленія финансами, не могъ принести осязательную пользу. Калоннь, фокусникъ на посту министра финансовъ, хотѣлъ обмануть всѣхъ скрытіемъ истиннаго положенія дѣлъ. Онъ платилъ долги принцевъ, покупалъ замки для короля, щедро раздавалъ пенсіи на право и налѣво, добывая для этого деньги отъ капиталистовъ на крайне обременительныхъ для народа условіяхъ. Вѣнцомъ всего зданія долженъ былъ служить возстановленный погасительный фондъ.

Революція потрясла все обветшалое зданіе государственнаго хозяйства. Но она сама была поставлена въ крайнія финансовыя затрудненія: ассигнаціи были единственнымъ средствомъ, которое, казалось, могло спасти государство отъ банкротства подъ напоромъ огромныхъ долговъ. На ряду съ крупными измѣненіями въ податяхъ, уже въ первые годы революціи было приступлено къ сведенію въ одно цѣлое многочисленныхъ и запутанныхъ долговъ стараго порядка. Главнымъ долгомъ была непрерывная рента. Около нея группировались и многіе другіе, въ томъ числѣ ассигнаціи.

Современное устройство государственнаго кредита Франціи обязано своимъ происхожденіемъ Камбону, представителю Монпелье въ генеральныхъ штатахъ. Происходя изъ торговаго сословія, онъ внушалъ такое довѣріе къ своему финансовому искусству, что пользовался большимъ авторитетомъ въ конвентѣ и чрезвычайнымъ уваженіемъ самого Дантона. Его идеей было объединить всѣ разнообразные долги и демократизировать государственный кредитъ. По мысли Камбона, была учреждена въ 1793 году Большая Книга государственнаго долга. Въ эту книгу должны были заноситься всѣ непрерывныя ренты; но онѣ могли быть выкупаемы капитализированіемъ изъ 5%. Нѣсколько позднѣе пожизненныя ренты были обращены въ непрерывныя. Трудное финансовое положеніе юной республики, обезцѣненіе бумажныхъ денегъ не позволяли проявиться этой новой организаціи долга во всемъ ея выгодномъ свѣтѣ, и въ 1797 г. было предписано оставить въ Большой Книгѣ

только $^1/_3$ рентъ, $^2/_3$ же уплатить. Такъ какъ уплата производилась исключительно обезцѣнившимися бумажными деньгами, то кредиторы государства были поставлены въ очень тяжелыя условія. Ассигнаціи, выпущенныя первоначально въ 1789 году на небольшую сумму—400 мил. фр.—были 5—процентными обязательствами, въ которыхъ правительство дѣлало себѣ авансъ суммы отъ земель казны и духовенства, предназначенныхъ къ продажѣ. Но уже въ 1790 г. проценты по нимъ были отмѣнены, и онѣ стали бумажными деньгами, быстро падавшими въ цѣнѣ. Полное обезцѣненіе ассигнацій, упавшихъ до $^1/_{500}$ нарицательной цѣны и отказъ правительства уплатить бумажно-денежный долгъ (всѣхъ ассигнацій было выпущено на сумму болѣе 45 милліардовъ фр.), искусственное уменьшеніе ренты свели въ послѣдніе годы прошлаго вѣка весь государственный долгъ Франціи къ ничтожной цифрѣ въ 40216000 франковъ процентами.

Наполеонъ I былъ убѣжденный противникъ долговъ. Послѣдніе представлялись ему вѣрнымъ признакомъ слабости правительства, и онъ за 14—лѣтнее управленіе Франціей (1800—1814) увеличилъ государственный долгъ только на 23 мил. франк. ренты, изъ коихъ 6 мил. были долгами присоединенныхъ къ Франціи странъ. Расходы на непрерывныя войны могли почти сполна покрываться на счетъ побѣжденныхъ народовъ.

Возстановленіе Бурбоновъ, униженіе Франціи союзниками, выплата крупной контрибуціи и содержаніе 150000 иностраннаго войска въ теченіе 5 лѣтъ, вознагражденіе эмигрантовъ за понесенныя ими во время революціи потери сдѣлали снова необходимымъ обратиться къ кредиту. Былъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ выпусковъ ренты, которые довели въ 1830 году долгъ до $164^1/_2$ милліоновъ процентовъ. Въ первые годы реставраціи кредитъ Франціи былъ потрясенъ; займы, помѣщаемые въ руки нѣкоторыхъ крупныхъ банкирскихъ домовъ, обходились дорого и еще болѣе удорожались назначеніемъ низкаго нарицательнаго процента. Но въ 20-хъ годахъ совершился уже замѣтный поворотъ къ лучшему. Возобновившаяся съ новой силой хозяйственная дѣятельность страны и мирное время возстановили кредитъ, а искусство министровъ финансовъ, въ особенности, Виллеля, помогало пользоваться наиболѣе выгодными условіями при заключеніи займовъ. Займы были помѣ-

щаемы въ руки группъ банкировъ съ торговъ и было предпринимаемо пониженіе процентовъ. Въ 1830 г. государственный кредитъ стоялъ такъ прочно, что рента въ 4% была помѣщена по цѣнѣ выше 102 фр.

Царствованіе Л. Филиппа не внесло замѣтныхъ улучшеній ни въ финансы вообще, ни въ кредитъ; но долгъ увеличился лишь немного. Мирное время позволяло безостановочно производить погашеніе, и въ 1848 году долгъ составлялъ рентами только 177 милліоновъ. Къ этому-же царствованію относится неудачная попытка заключенія патріотическаго займа по % ниже рыночнаго: вмѣсто ожидаемыхъ 100 мил., поступило только 20.

Республика 1848 года также немного увеличила долгъ; но съ Наполеона III ростъ долга идетъ быстрыми шагами впередъ. Войны и значительныя общественныя работы, въ особенности по сооруженію желѣзныхъ дорогъ, требовали громадныхъ средствъ, и правительство Наполеона, боязливое въ дѣлѣ возвышенія налоговъ, смѣло обращалось къ кредиту. Одна крымская война вызвала займовъ на сумму свыше $1^1/_2$ милліардовъ. Мы замѣчаемъ за это время въ политикѣ по государственному долгу двѣ характерныя особенности. 1) почти всѣ займы выпускались съ низкими процентами (3 за 100), что увеличивало капитальную сумму долга, и 2) они помѣщались прямо въ публикѣ безъ обращенія къ посредничеству капиталистовъ. Послѣдній способъ, вызванный стремленіемъ правительства окружить наибольшимъ блескомъ и финансовую политику, прибѣгать ко „всеобщей подачѣ голосовъ капиталовъ“, имѣлъ то важное значеніе, что распространилъ рентныя свидѣтельства въ многочисленныхъ массахъ народа. Отъ 1830 до 1868 года число рентьеровъ возрасло съ 125000 до 832798, т. е. увеличилось слишкомъ въ $6^1/_2$ разъ, а сумма долга только удвоилась. Правительство еще тѣмъ способствовало привлеченію въ государственную казну наименьшихъ сбереженій, что, при многократномъ покрытіи суммы займа, признавало право на полное удовлетвореніе только подписавшихся на 10 фр. ренты, а позднѣе только подписавшихся на 5 фр.

Какъ ни расточительно было правительство Наполеона III, какъ ни много расходовало оно на войны и общественныя работы, возрастаніе долга было умѣренно. Къ 231 мил. франк. ренты, ко-

торые вторая имперія застала въ 1852 году, она прибавила только 129 милл., и весь долгъ въ началѣ франко-прусской войны составлялъ въ рентѣ 360 мил., что не поглощало болѣе $^1/_5$ всего бюджета расходовъ. Текучіе же долги не достигали къ 1870 г. полныхъ 800 милліоновъ фр.

Несчастная война 1870—71 года быстро увеличила задолжаніе Франціи. Издержки на веденіе войны, контрибуцію Германіи, вознагражденіе многихъ, потерпѣвшихъ отъ войны, увеличили долговой капиталъ почти на 9 милліардовъ. Казалось-бы, что такое увеличеніе долга въ теченіе 3—4 лѣтъ должно было въ основаніи потрясти государственный кредитъ Франціи. Но занятіе $^1/_3$ территоріи побѣдоноснымъ врагомъ не опускало такъ низко курса государственныхъ рентъ, какъ то было въ революціи 1830 и 1848 гг. Въ іюльскую революцію 3% ренты опустились до 46 фр., въ февральскую—до $32^1/_2$, а въ 1870 и 71 гг. онѣ не стояли ниже 50 фр. Это было не столько слѣдствіемъ распространенія государственныхъ кредитныхъ обязательствъ въ обширныхъ слояхъ населенія, сколько результатомъ благосостоянія страны и увѣренности народа, что отечество скоро оправится отъ испытанныхъ бѣдствій.

Дабы получить въ долгъ столь огромный капиталъ, правительство заключило цѣлый рядъ займовъ, пользуясь для этого различными способами. Около $1^1/_2$ милліарда заняло оно въ банкѣ Франціи, билетамъ котораго былъ сообщенъ принудительный курсъ; значительныя суммы были заняты у компаніи восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, былъ заключенъ небольшой (въ 250 мил. фр.) „заемъ Моргана“, погашаемый періодическими тиражами. Но главную часть этого новаго долга составили два огромные займа, принесшіе въ 1871 и 72 гг. казнѣ болѣе 6700 милліоновъ. Предъ заключеніемъ этихъ огромныхъ займовъ въ печати и палатахъ обсуждались различные способы покрытія предстоявшихъ расходовъ (во главѣ которыхъ была 5—милліардная контрибуція Германіи). Одни предлагали воззвать къ патріотизму гражданъ и собрать нужныя суммы изъ добровольныхъ приношеній; другіе находили наиболѣе цѣлесообразнымъ поимущественную подать [2]). Но верхъ одержали сторонники займа. Они не согласились съ проектомъ погашаемыхъ займовъ, а остались при формѣ непрерывныхъ рентъ, которую уже

давно усвоилъ государственный кредитъ Франціи. Эти два займа были выпущены по 5 за 100 и были встрѣчены крайне сочувственно публикой, какъ во Франціи, такъ и за границей. Первый, въ 2226 милліон., былъ покрытъ подпиской слишкомъ въ 2 раза, а второй, въ 3398 милліон.—слишкомъ въ 13 разъ. Вотъ что говоритъ Леруа—Больё о помѣщеніи этихъ займовъ въ публикѣ. „Наши 2 большіе займа извлекли изъ подъ замка металлическіе запасы, которые у насъ существуютъ въ значительномъ количествѣ во всѣхъ мансардахъ, во всѣхъ хижинахъ; они вызвали продажу и вывозъ множества иностранныхъ кредитныхъ цѣнностей, итальянскихъ, турецкихъ, испанскихъ, американскихъ, которыми владѣли наши сограждане; наконецъ, они возбудили бережливость французовъ и сполна поглотили ее въ теченіе 3 лѣтъ, отвративъ ее отъ всѣхъ другихъ помѣщеній капитала во Франціи и заграницей, къ которымъ она обыкновенно направлялась“ [3]). Когда эти суммы устранили финансовыя затрудненія, причиненныя послѣдней войной, правительство рѣшилось сдѣлать огромныя затраты въ 5—6 милліардовъ для цѣлаго ряда сооруженій, въ особенности желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и портовъ. Начало этому было положено въ 1878 г. при министерствѣ Фрейсинэ. Было рѣшено покрыть эти расходы посредствомъ займовъ, и формой для нихъ выбрана 3%-ная рента, погашаемая въ теченіе 72 лѣтъ, съ обязательнымъ ежегоднымъ погашеніемъ посредствомъ тиража $^1/_{72}$ занятаго капитала. Для этой цѣли уже заключено займовъ на сумму около $1^1/_2$ милліарда франковъ.

Такимъ образомъ, главной формой государственнаго кредита Франціи служитъ непрерывная рента. Около нея группируются долги другихъ формъ: облигаціонные займы, пожизненныя ренты, платежи по гарантіямъ желѣзныхъ дорогъ и т. д.

Текучій долгъ составляютъ долги по залогамъ, которые обязаны вносить всѣ поставщики казны, нотаріусы, чиновники разныхъ вѣдомствъ и т. д. Въ 1881 г. было узаконено возвратить издателямъ газетъ ихъ залоги. Но какъ велико число лицъ, на которыхъ распространяется обязанность представлять залоги, видно изъ того, что въ 1882 году въ вѣдомствѣ министерства юстиціи было болѣе 24000 статей залоговъ. Далѣе, въ составъ текучаго долга входятъ ссуды генеральныхъ сборщиковъ налоговъ, капиталы общинъ и об-

щественныхъ установленій, которыя обязаны вносить ихъ въ кассу вкладовъ (Caisse des dépôts et consignations), передающую ихъ на текущій счетъ въ государственное казначейство и, наконецъ, долги по краткосрочнымъ обязательствамъ казначейства (bons du trésor). Эти обязательства выпускаются на сроки отъ 3 мѣсяцевъ до 1 года и оплачиваются невысокими процентами (за послѣдніе годы $^1/_2$—2%).

Управленіе долгами напоминаетъ англійскую организацію, съ тою разницею, что Большая книга (Grand livre) ведется не банкомъ, а финансовымъ управленіемъ. Въ Большую книгу заносятся всѣ долги, и кредиторы получаютъ документъ—titre—именной или на „предъявителя"; послѣдній снабженъ купонами. Кассы налоговъ служатъ и мѣстами управленія долгомъ. Эти кассы и крупные банкирскіе дома завѣдуютъ продажей ренты.

Исторія французскихъ государственныхъ долговъ представляетъ свои особенности.

Хотя большая часть долга возникла для веденія войнъ или для устраненія бѣдствій, причиненныхъ войнами, однако, довольно большая масса капиталовъ была затрачена на производительныя цѣли, преимущественно на общественныя работы. Во Франціи населеніе далеко не отличается тѣмъ духомъ предпріимчивости, который составляетъ выдающуюся черту англичанъ, и правительство беретъ на себя починъ въ такихъ предпріятіяхъ, которыя въ Англіи ведутся частными обществами. Желѣзныя дороги, каналы, порты—вотъ главныя общественныя работы, совершенныя посредствомъ займовъ или самимъ правительствомъ или городами, департаментами, общинами, промышленными компаніями съ пособіями отъ правительства. Леруа-Больё опредѣляетъ къ 1 января 1876 г. сумму около 1800 милліоновъ, получившихъ прямо производительное назначеніе [4]) на школы, порты, желѣзныя дороги, орошеніе въ Алжирѣ и т. п. Сюда-же должны быть пріобщены $1^1/_2$ милліарда, занятые въ послѣдніе годы для подобныхъ же цѣлей [5]).

Второй особенностью служитъ крупная сумма текучихъ долговъ. Въ связи съ централизаціей всего государственнаго строя стоитъ и широко развитая во Франціи система привлекать въ государственное казначейство капиталы разныхъ учрежденій, общинъ, департаментовъ, сберегательныхъ кассъ и т. п. Увеличеніе текучаго долга

приняло за послѣдніе годы такіе размѣры, что внушаетъ серьезныя опасенія ученымъ и политикамъ: они считаютъ возможнымъ, въ минуту политическаго кризиса, обращеніе къ правительству съ требованіемъ единовременной уплаты 1 милліарда франковъ и даже болѣе [6]).

Третьей особенностью являются легкость, съ какою французское правительство обращалось къ кредиту, и стараніе избѣжать возвышенія налоговъ, для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ. Эта политика особенно рѣзко обнаружилась во время войнъ крымской и итальянской. Да и франко-прусская война завершилась огромнымъ увеличеніемъ долга безъ того, что-бы сдѣланы были серьезныя попытки покрыть изъ налоговъ значительную часть этихъ затратъ. Понятно, что легкое обращеніе къ займамъ и нерѣшительность въ возвышеніи налоговъ лишали операцію погашенія тѣхъ выгодъ, которыхъ отъ нея ожидали. Погасительный фондъ Франціи (caisse d'amortissement), возникшій впервые только на 1 годъ въ 1725 г. по предложенію братьевъ Пари, и неоднократно преобразованный, былъ снимкомъ съ англійской системы погашенія. Такая-же вѣра въ могущество сложныхъ процентовъ, такія-же отклоненія фондовъ отъ ихъ первоначальнаго назначенія, такія-же потери, вслѣдствіе погашенія низко-процентныхъ долговъ и одновременнаго заключенія болѣе дорогихъ займовъ. Въ текущемъ столѣтіи погасительный фондъ пережилъ нѣсколько періодовъ. Въ 1816—25 г. фондъ получалъ по 75 мил. фр. въ годъ и проценты погашенныхъ частей долговаго капитала. Для непрерывнаго пополненія фонда были проданы 150000 гектаровъ лѣса едва за $^2/_3$ своей дѣйствительной цѣны. Онъ скупалъ 5%-ную ренту по 84 фр., тогда какъ новые выпуски производились по 70. Съ 1825—33 г. фондъ получалъ по 1% съ долговаго капитала по каждому займу, и выкупленныя обязательства уничтожались; онъ дѣйствовалъ успѣшно, но погашеніе также приносило убытки. Періодъ 1833—48 г. характиризуется дѣятельностью особыхъ фондовъ для займовъ различныхъ типовъ. Съ 1848—66 г. фондъ не дѣйствовалъ. Послѣднее его преобразованіе было совершено въ 1866 г.; онъ получилъ въ свое распоряженіе различные доходы; отъ казенныхъ лѣсовъ, желѣзнодорожнаго налога, бюджетные остатки и др.; съ тѣмъ вмѣстѣ на него были возложены разные расходы, кромѣ погашенія займовъ. За 4 года онъ погасилъ только 100 милл. и въ 1871 г. былъ упраздненъ.

Къ 1 января 1884 года государственный долгъ Франціи превышалъ 28 милліардовъ франковъ и слагался изъ слѣдующихъ статей: долговой капиталъ въ непрерывныхъ рентахъ составлялъ около 20 милліардовъ; погашаемые займы разныхъ категорій до7 милліардовъ, и текучій долгъ въ тѣсномъ смыслѣ 1200 милліон. Для конца 1885 г. долговой капиталъ опредѣлялся французскимъ журналомъ „Economiste“ въ 29—30 милліардовъ. Проценты поглощаютъ не менѣе 1200 милліоновъ, что составляетъ до 40% всѣхъ расходовъ (по бюджету на 1885 годъ, расходы исчислены въ 3022 милліона); на 1 душу населенія платежъ однихъ процентовъ возлагаетъ ежегодное бремя въ 31½ франка. По задолженности, Франція оставила далеко позади себя всѣ другія государства.

Слѣдуетъ упомянуть о значительныхъ долгахъ французскихъ городовъ. Городскіе долги имѣютъ форму займовъ, погашаемыхъ періодической жеребьевкой. Распространены также лоттерейные займы. Эти долги возникли преимущественно для разныхъ общественныхъ сооруженій. Во главѣ городовъ съ огромнымъ долгомъ стоитъ Парижъ, долговой капиталъ котораго составлялъ въ 1882 г. болѣе 2135 милл. франковъ. По росписи на 1885 г., изъ общей суммы расходовъ Парижа, около 260 милл. фр., расходы по долгамъ исчислены около 98 мил., болѣе 40 фр. на 1 душу населенія. Въ 1878 г. долги 17979 общинъ составляли около 751½ милл. фр. Въ томъ числѣ изъ 260 городовъ, съ доходомъ болѣе 100000 фр., только 6 не имѣли долговъ. Съ тѣхъ поръ долговой капиталъ значительно увеличился [7]). Кредитоспособность большихъ городовъ всего лучше доказывается низкими процентами по займамъ (4% по послѣднимъ займамъ Марселя) и неоднократно совершеннымъ пониженіемъ процентовъ.

Примѣчанія къ II-й главѣ.

[1]) Gorge. La dette publique, 1884, 71.

[2]) Предложеніе гр. Браницкаго добыть 3 милліарда посредствомъ поимущественной подати, которая единовременно уменьшила-бы на 2% имущества французскихъ гражданъ. См. у Bonnet. Le crédit. 1875, 216 и далѣе.

[3]) Leroy-Beaulieu. Т. ж. 462.

[4]) Т. ж. 335—8.

[5]) Во 2 изд. своего «Traitè» Леруа-Больё опредѣляетъ въ 4—5 милліардовъ часть долговаго капитала, получившую производительное назначеніе. II. 580.

[6]) Leroy-Beaulieu. Traité 2 изд. II. 410. На дняхъ газеты принесли извѣстіе, что въ апрѣлѣ предположено выпустить 3%-ной ренты на 1 милліардъ франковъ, для погашенія 618 милл. фр. краткосрочныхъ обязательствъ и отвержденія 382 милл. текучаго долга.

[7]) Noel Etude sur la gestion financière en France depuis 1871, 1884, 76—78.

ГЛАВА III.

Государственный кредитъ въ Пруссіи.

Въ Пруссіи кредитъ возникъ въ формѣ задолжанія короля, сословій, городовъ съ всѣми признаками частно-хозяйственнаго кредита. Когда одинъ изъ бранденбургскихъ маркграфовъ конца 15 вѣка нашелъ, при своемъ вступленіи на престолъ, долгъ въ 124000 гульденовъ, то дворянство, духовенство и города обязались уплатить $^2/_3$ этой суммы. а послѣднюю треть принялъ на себя маркграфъ; $^2/_3$ должны были быть уплачены въ 4 года. Въ то же время было постановлено избѣгать заключенія займовъ и связанной съ нимъ отдачи въ залогъ земель, замковъ и городовъ. Эти постановленія были, однако, пустымъ звукомъ. Послѣдующіе маркграфы не покрывали расходовъ обыкновенными доходами, и сословіямъ приходилось принимать на себя все большую сумму долговъ. Хотя возраставшее бремя побуждало сословія приглашать маркграфовъ „слѣдовать примѣру бережливыхъ предковъ“ и уменьшать расходы, однако, въ концѣ 16 вѣка государственный долгъ возросъ до огромной для того времени суммы въ 3689981 талеровъ. Тридцатилѣтняя война настолько подорвала благосостояніе Германіи и поколебала довѣріе къ правительствамъ, что въ 20-хъ годахъ 17 вѣка бранденбургскій курфюрстъ не могъ достать ничтожную сумму въ 144500 талеровъ.

Лучшаго состоянія достигли финансы Пруссіи только при королѣ Фридрихѣ I. Значительная часть расходовъ на содержаніе постояннаго войска покрывалась пособіями отъ иностранныхъ правительствъ, и 2 мил. талер., которые задолжалъ этотъ король, могли быть отчасти уплачены еще при его жизни изъ текущихъ доходовъ. Фридрихъ Вильгельмъ I былъ противникъ долговъ. Круп-

ныя улучшенія казенныхъ земель давали излишки доходовъ и позволили ему составить металлическій фондъ болѣе $8^1/_2$ милл. талеровъ. Этой политикѣ слѣдовалъ и Фридрихъ II. Силезская и семилѣтняя войны требовали крупныхъ затратъ, вынуждали обращаться къ займамъ у голландскихъ банкировъ, къ принудительнымъ займамъ у чиновниковъ посредствомъ уплаты имъ жалованья свидѣтельствами казначейства (Kassenscheine), къ ухудшенію монеты, однако, металлическій фондъ, оставленный этимъ королемъ превышалъ 55 милл. талер. Мирное время, слѣдовавшее за семилѣтней войной, было посвящено улучшеніямъ въ финансахъ, и табачная монополія, нѣкоторые новые акцизы и таможенные налоги доставляли излишки государственныхъ доходовъ надъ расходами.

Сравнительно цвѣтущее состояніе, въ которомъ оставилъ финансы Фридрихъ II, было непродолжительно. Наступило время многолѣтней и безуспѣшной борьбы съ Франціей. Металлическіе запасы были вскорѣ исчерпаны. Правительство удерживалось отъ введенія новыхъ податей, и быстрый ростъ долговъ сталъ неизбѣженъ. Главнымъ банкиромъ европейскихъ правительствъ была Голландія, гдѣ прусскіе короли также заключали многіе займы. Пруссія того времени была такъ бѣдна капиталами, что изъ $10^1/_2$ милліон. талеровъ долгосрочныхъ займовъ, заключенныхъ при Фридрихѣ Вильгельмѣ II, только около 1 мил. составляли внутренній долгъ, а $9^1/_2$ милл. были заняты заграницей.

Первые годы текущаго столѣтія были посвящены заботамъ объ уменьшеніи долговъ, о замѣнѣ значительной части внѣшнихъ долговъ внутренними; но тильзитскій миръ, заключившій несчастную войну съ Франціей, прервалъ всѣ эти начинанія, лишилъ Пруссію значительной части территоріи и обременилъ ее въ пользу Франціи контрибуціею въ 120 милліон. франковъ. Здѣсь уже не время было думать объ упорядоченіи кредита: нужно было спасти страну отъ дальнѣйшихъ потрясеній. Крайнее финансовое затрудненіе государства видно уже изъ того, что когда Наполеонъ угрожалъ принудительными мѣрами за промедленіе въ уплатѣ контрибуціи, министръ Альтенштейнъ не находилъ средствъ иначе удовлетворить грознаго побѣдителя, какъ уступкой ему Силезіи.

Съ 1810 года въ прусскомъ государственномъ хозяйствѣ снова начались улучшенія. Первымъ министромъ былъ назначенъ Гар-

денбергъ, которому такъ много обязана Пруссія. Въ первые же годы управленія государствомъ онъ привелъ въ порядокъ текучіе долги. На суммы недоимокъ жалованья и пенсій чиновникамъ и военнымъ людямъ были выданы имъ обязательства казначейства; краткосрочныя же обязательства были выданы за долги поставщикамъ для войска. Недоимки процентовъ по внѣшнимъ займамъ были уплачены, а нѣкоторые внутренніе займы консолидированы.— Бранное время 1812—15 гг. замедлило дальнѣйшее упорядоченіе кредита, побудило обратиться къ усиленному выпуску бумажныхъ денегъ (Tresorscheine), продажѣ казенныхъ земель, принудительнымъ займамъ у провинцій; но низложеніе Наполеона принесло Пруссіи контрибуцію въ 145 милл. франковъ и постепенно дало ей возможность привести въ порядокъ государственный кредитъ.

18 лѣтъ (1815—33) въ исторіи финансовъ Пруссіи характеризуются первоначально медленнымъ удовлетвореніемъ кредиторовъ и невозможностью точно исполнять обязательства, затѣмъ—заключеніемъ немногихъ займовъ и стремленіемъ погашать долги. Для погашенія употреблялись суммы по бюджетамъ, а также выручка изъ продажи домэнъ, доставившая на погашеніе въ теченіе 14 лѣтъ (1820—33) около 24 милл. талеровъ. Такимъ образомъ, долгъ значительно уменьшился.

Періодъ 1883—48 гг. былъ временемъ усиленнаго погашенія, долговъ, которые въ 1848 г. понизились до суммы въ $158^1/_2$ милл. талеровъ. Въ теченіе 26 лѣтъ (1822—48) долгъ уменьшился на $73^1/_2$ милліона, т. е. слишкомъ на 30%.

1848 годъ открываетъ новую эпоху въ исторіи государственнаго кредита Пруссіи. Желѣзныя дороги возникли тамъ, какъ частныя предпріятія, иногда съ гарантіей отъ государства. Но съ этого времени началась постройка дорогъ казною. Сооруженіе совершалось съ помощью кредита, и изъ 13 займовъ, заключенныхъ отъ 1848 до 66 г., 7 были заключены спеціально для построенія дорогъ, и 2 займа—для покупки двухъ дорогъ у частныхъ компаній. Остальные займы были вызваны необходимостью увеличить расходы въ виду военныхъ событій въ сосѣднихъ государствахъ. Хотя часть долговъ не имѣла прямо производительнаго назначенія, однако, въ 1865 г., благодаря усиленному погашенію за весь этотъ періодъ, состояніе государственнаго кредита было превосходно. За 17 лѣтъ

(съ 1848 до 65) нарицательно долгъ увеличился на 119 мил. талер., а желѣзныя дороги, сооруженныя за этотъ періодъ, стоили болѣе 118 милл. талер., участіе же казны въ капиталахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ было на 6 мил. больше, нежели въ 1848 г. Такимъ образомъ, по содержанію своему, долгъ былъ на 5 милл. легче. Если казенныя земли потеряли отъ продажи почти на 23 милл. талер., и если, съ точки зрѣнія принципа, продажа эта оправдана быть не можетъ, то, все же, тягость государственнаго долга не увеличилась.—Напротивъ, она даже значительно уменьшилась: въ 1822 г. долгъ составлялъ на 1 душу населенія 20 талер. капиталомъ и 25 грош. процентами, а въ 1866 г.—16 талер. и 18½ грош. Благосостояніе же государства за этотъ 44-лѣтній періодъ, по крайней мѣрѣ, удвоилось, и цѣнность денегъ значительно упала. Счастливая война 1866 года увеличила долгъ на 70 мил. талер. долгами присоединенныхъ государствъ; но эта тягость съ избыткомъ выкупалась земельными пріобрѣтеніями.

1870 годъ потребовалъ заключенія новыхъ займовъ для веденія войны съ Франціей. Кредитъ государства, какъ показываютъ курсы процентныхъ бумагъ этого года, нѣсколько поколебался: облигаціи въ 3½% стоили 78, 5, въ 4%—81, 5. (въ 1868 г. 80, 75—83, 60 и 87, 25—89, 40). Но такое положеніе дѣлъ было непродолжительно; уже въ 1871 году курсъ поднялся до 83, 25 и 89, 75, а въ 1872 году до 90, 25 и 95, 9.—Огромная контрибуція, уплаченная Франціей, переполнила оборотъ деньгами, вызвала образованіе множества предпріятій [1]) повела къ хозяйственному кризису, чему, среди другихъ причинъ, способствовало и погашеніе въ короткое время значительной части государственнаго долга. Въ концѣ 1872 года долгъ составлялъ около 1318 милл. марокъ, въ концѣ 1873—около 1081½ милл., а въ 1875—немного болѣе 947 милл. Такимъ образомъ, за 3 года долговой капиталъ уменьшился на 360 милл., болѣе, чѣмъ на ¼. Но съ 1876 года долгъ началъ быстро возрастать, и въ 1885 году достигъ 3902 милл. (31 марта 1885 г. долговой капиталъ составлялъ 3901920404 марки), увеличившись за 10 лѣтъ слишкомъ въ 4 раза.—Все послѣднее десятилѣтіе займы имѣли производительное назначеніе: для пріобрѣтенія государствомъ желѣзныхъ дорогъ; если не встрѣтятся какія-либо политическія ослож-

ненія, то процессъ этотъ закончится сосредоточеніемъ въ собственности государства всѣхъ желѣзнодорожныхъ линій. Быстрый ростъ долговъ за послѣднее 10-лѣтіе, въ связи съ цѣлями затраты займовъ, нимало не поколебалъ государственнаго кредита Пруссіи. Курсъ $3^1/_2$ %-ныхъ облигацій стоялъ въ 1881 году на 98, 55, а 4%-ныхъ, повышаясь съ 1877 года, достигъ въ 1883 году 101, 96. Такое изобиліе свободныхъ капиталовъ позволило правительству въ апрѣлѣ 1885 года превратить $4^1/_2$ %-ный заемъ въ 4%-ный. Это конвертированіе долга, капиталъ котораго составлялъ до 546 милл., дало казнѣ на платежѣ процентовъ ежегодное сбереженіе въ 2728000 мар. Насколько благопріятно было выбрано время для пониженія процентовъ, насколько къ этому пониженію были готовы кредиторы, видно изъ того, что курсъ 4%-ныхъ облигацій стоялъ въ 1884 году выше $4^1/_2$-ныхъ, первыхъ 102, 90—103, 40, вторыхъ—102, 10—102, 90.—Дальнѣйшее пониженіе процентовъ [2]), на $3^1/_2$, вѣроятно, не заставитъ себя долго ждать: въ началѣ февраля текущаго года прусскій министръ финансовъ ф. Шольцъ заявилъ, въ своей бюджетной рѣчи, что въ теченіе 1885 года было употреблено болѣе 1 милліарда марокъ нѣмецкаго капитала на покупку иностранныхъ цѣнныхъ бумагъ. Такимъ оброзомъ, прусскимъ финансамъ предстоитъ новое крупное облегченіе на платежѣ процентовъ.

Краткосрочный кредитъ Пруссіи представляется *обязательствами казначейства*, ведущими свое начало отъ 1798 г. Они были выпущены, какъ бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ (Tresorscheine), и хотя сумма ихъ въ обращеніи не превышала 10—12 милліон. талер., однако, они падали во время борьбы съ Наполеономъ I до $^1/_4$ нарицательной цѣнности. Но послѣ затрудненій первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка бумажныя деньги, выпускаемыя въ очень ограниченномъ количествѣ (Kassenanweisungen) обыкновенно ходили al pari. Краткосрочный кредитъ въ тѣсномъ смыслѣ представляется билетами казначейства, которые введены въ 1866 г., подъ именемъ Schatzanweisungen, выпускаются на сроки не свыше 9 мѣсяцевъ и приносятъ 3%.

Долгосрочный кредитъ принимаетъ различныя формы: пожизненныя и временныя ренты, непрерывныя ренты, съ правомъ, но безъ обязанности государства погасить долгъ; однако, главную часть об-

разуютъ погашаемые, облигаціонные займы, по которымъ капиталъ не можетъ быть востребованъ кредиторами, но которые ежегодно, небольшими долями обязано погашать государство. Въ ряду этихъ займовъ есть лоттерейные съ выигрышами; огромное же большинство составляютъ обыкновенные облигаціонные займы.

Примѣръ англійскаго погасительнаго фонда оказалъ вліяніе и на Пруссію. И здѣсь съ первыхъ годовъ текущаго вѣка былъ образованъ фондъ, для усиленнаго погашенія долговъ. Въ распоряженіе фонда поступали опредѣленныя суммы изъ государственныхъ доходовъ, а также 1% суммы займа и сбереженія въ процентахъ по погашеннымъ долямъ долговаго капитала. Постепенно, по образцу Англіи, вошло въ употребленіе учреждать для каждаго вновь заключаемаго займа особый фондъ погашенія. Но въ послѣднее время многіе займы имѣли общій фондъ. Отдѣльные фонды тѣмъ различались между собой, что нѣкоторые получали изъ года въ годъ равныя суммы, для другихъ же суммы отпускались въ каждый послѣдующій годъ больше, чѣмъ въ предъидущій. — Дѣятельность погасительныхъ фондовъ въ Пруссіи не представляется столь малорезультатною, какъ въ Англіи, и различіе въ суммахъ погашенныхъ долговъ и вновь возникшихъ займовъ далеко не такъ велико, какъ въ этой послѣдней: за 20 лѣтній періодъ (1847—66 гг.) было погашено на сумму болѣе 91 милл. талер. и вновь заключено займовъ слишкомъ на 195½ милл. Однако, и здѣсь можно подмѣтить то же явленіе, съ которымъ мы познакомились изъ очерка исторіи англійскихъ долговъ: государство уплачивало болѣе дешевые долги и одновременно заключало болѣе дорого стоющіе займы. Такъ, напр., въ 1859 г. былъ заключенъ для военныхъ надобностей заемъ по 5% и выпущенъ по 95 за 100. Въ томъ же году посредствомъ тиража по нарицательной цѣнности было погашено 1167900 талер. займа, стоившаго 4½%. Такимъ образомъ, государство и потеряло 5% на этотъ капиталъ, и должно было впредь на эту сумму платить ежегодно на ½% больше. То же было и во многихъ другихъ случаяхъ. — Вотъ почему въ прусскомъ сеймѣ неоднократно слышались голоса противъ ежегоднаго обязательнаго погашенія государственныхъ долговъ. Оно было отмѣнено закономъ 19 декабря 1869 года, объединившимъ 17 различныхъ займовъ въ одинъ 4½%-ный долгъ и замѣнившимъ

обязательное ежегодное погашеніе погашеніемъ изъ бюджетныхъ остатковъ.

При установленіи процента, въ Пруссіи можно замѣтить двоякое направленіе. Прежніе займы выпускались съ низкими процентами, и обыкновенно выпускная цѣна на 30—33% была ниже нарицательной. Но съ 50-хъ гг. преобладаетъ противоположное направленіе: займы выпускаются съ процентомъ, весьма близкимъ къ рыночному, что и позволяло выпускной цѣнѣ быть только на 2—3% ниже нарицательной. Такому же направленію слѣдуютъ при выпускѣ и краткосрочныхъ свидѣтельствъ казначейства: ихъ выпускная цѣна на $^1/_2$% отклоняется отъ нарицательной вверхъ или внизъ. Это обстоятельство позволило въ послѣдніе годы понизить проценты по нѣкоторымъ займамъ съ 5 на $4^1/_2$ и на 4.

Еще въ началѣ текущаго вѣка было образовано самостоятельное учрежденіе для завѣдыванія государственнымъ кредитомъ, которое и получило наименованіе „Главнаго управленія государственныхъ долговъ". Въ 1820 г. оно было поставлено совершенно независимо на ряду съ министерствомъ финансовъ, но по закону 1850 г. было подчинено послѣднему, хотя до послѣдняго времени рядъ столкновеній между ними показываетъ, что первое не вполнѣ сознаетъ свою зависимость. Имѣя коллегіальное управленіе, оно завѣдуетъ всѣми государственными долгами: заготовляетъ кредитныя обязательства, выпускаетъ ихъ, извлекаетъ изъ оборота, платитъ проценты, погашаетъ долги и распоряжается суммами, которыя предназначены для этихъ цѣлей. Ему подчинены касса погашенія государственныхъ долговъ и контроль государственныхъ бумагъ; контроль завѣдуетъ изготовленіемъ долговыхъ документовъ, реализованіемъ займовъ и т. п. Въ 1884 году въ управленіи долгами было сдѣлано важное измѣненіе: учреждена государственная долговая книга. До этого времени главнымъ типомъ долговыхъ обязательствъ служили безъименныя облигаціи. Теперь же всякій желающій можетъ замѣнять облигаціи именнымъ счетомъ въ государственной долговой книгѣ, что даетъ капиталу кредитора вѣрное обезпеченіе отъ кражи, пожара и т. п.

Прусскій государственный кредитъ, могущій вызывать теперь зависть большинства государствъ, представляетъ, въ своемъ историческомъ развитіи, гораздо бо́льшее соотвѣтствіе съ основными

требованіями долговой политики, нежели кредитъ Англіи и Франціи: большая часть долговъ получила производительное назначеніе; бумажно-денежный долгъ былъ непродолжителенъ; текучіе долги ничтожны. Этому способствовали, главнымъ образомъ, счастливыя условія внѣшней политики, ничѣмъ не нарушенныя со времени разгрома Пруссіи Наполеономъ I-мъ. Состояніе финансовъ вообще, а въ частности кредита, даетъ прусскому правительству широкій просторъ для достиженія разныхъ цѣлей управленія и не безъ основанія заставляетъ думать, что именно тамъ и совершатся многія преобразованія общественнаго хозяйства по замѣнѣ частно-хозяйственнаго начала государственнымъ. Факты послѣдняго времени еще разъ свидѣтельствуютъ о легкости, съ какой правительство можетъ стремиться къ поставленнымъ цѣлямъ: въ послѣднемъ январѣ въ ландтагъ поступилъ законопроектъ о поощреніи германской колонизаціи въ Познани; для осуществленія плана нуженъ кредитъ въ 100 мил. марокъ на покупку земли у поляковъ. Не оцѣнивая этого мѣропріятія съ точки зрѣнія политики, мы замѣтимъ только, что состояніе финансовъ дѣлаетъ для Пруссіи эту мѣру легко осуществимой: государственный долгъ можетъ быть, безъ всякихъ опасеній за будущее, увеличенъ на эти 100 милліоновъ и на многія другія сотни, которыя, вѣроятно, послѣдуютъ за первой для германизаціи восточной окраины.

Кредитъ въ прусскомъ общинномъ хозяйствѣ имѣетъ также довольно широкое развитіе. Въ 188$^3/_4$ году, изъ общаго расхода городскихъ и сельскихъ общинъ въ 373 милл. марокъ, на проценты по долгамъ и погашеніе было употреблено 34$^1/_2$ мил.; въ городскихъ общинахъ долги потребовали 9, 9% всей суммы расходовъ, а въ сельскихъ—7, 7% [3]). Тшоппе сопоставилъ за 188$^3/_4$ г. таблицы доходовъ и расходовъ 174 прусскихъ городовъ съ населеніемъ болѣе 10000 жителей; изъ этихъ таблицъ видны размѣры бремени, возлагаемаго на душу населенія платежами процентовъ и погашенія долговъ. Для всего населенія этихъ городовъ средній годовой платежъ равнялся 3, 61 марки. Но отдѣльные города представляютъ большія отклоненія: въ Кельнѣ 9, 54, Франкфуртѣ—14, 61, въ Ремшейдѣ—огромная цифра въ 35, 19 марокъ на 1 душу, болѣе 40% всѣхъ расходовъ [4]). За 1882 годъ долговой капиталъ Берлина достигалъ 130 милл. марокъ, Франкфурта (1881 г.)

36289636, а на 1 жителя 118 и 246 марокъ [5]). Города заключаютъ срочные облигаціонные займы, и кредитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ стоитъ столь же высоко, какъ государственный. Это видно, напр., изъ превращенія Берлиномъ $4^1/_2$%-ныхъ займовъ въ 4%-ные, послѣдовавшее въ 1880 и 81 гг. [6]).

Примѣчанія къ III-й главѣ.

[1]) Въ началѣ 1870 года Германія имѣла монеты на 480 милл. талеровъ; французская контрибуція доставила ей 1395 милл. талеровъ, изъ нихъ 512 милл. франковъ золотомъ и серебромъ. За 80 лѣтъ (1790—іюнь 1870) въ Пруссіи было учреждено 279 акціонерныхъ обществъ и затѣмъ до конца 1872 года (за 30 мѣсяцевъ) 762. Soetbeer. Die fünf Milliarden. 1874. Въ этой же брошюрѣ данъ хорошій сжатый очеркъ вліянія французской контрибуціи на общественное хозяйство Германіи.

[2]) Въ палатѣ господъ, при обсужденіи законопроекта о послѣднемъ пониженіи % съ $4^1/_2$ на 4, многіе высказались за пониженіе на $3^1/_2$. Schanz. Die Konvertierung preussischer Staatsschulden. Finanzarchiv. 1885; II, 508.

[3]) Herrfurth. Die Finanzlage der Städte u. Landgemeinden in Preussen. Finanzarchiv 1884, II.

[4]) Tzschoppe. Vergleichende Darstellungen aus der Finanzstatistik der preussischen Gemeinden für das Jahr $188^3/_4$. Zeitschr. des preuss. statist. Bureaus. 1884.

[5]) Körösi. Bulletin annuel des finances des grandes villes. 5 année. 1883.

[6]) Bericht über die Gemeindeverwaltung der Stadt Berlin. 1877—81, I, 1883.

ГЛАВА IV.

Государственный кредитъ въ Россіи.

Начало государственныхъ долговъ Россіи относится къ царствованію Василія Шуйскаго. Борьба съ поляками, шведами, самозванцами истощила средства государства. Казна была пуста; крайнее напряженіе платежныхъ силъ народа дѣлало невозможнымъ дальнѣйшее возвышеніе налоговъ, и правительство старалось добыть нужныя средства посредствомъ займовъ. Царь Шуйскій и Скопинъ разсылали по городамъ и монастырямъ грамоты съ просьбою дать денегъ взаймы, обѣщая, по одержаніи побѣды надъ врагами, возвратить „тое монастырьскую всякую казну.... вдвое". Нѣсколько городовъ и монастырей, нѣкоторыя частныя лица откликались на царскій призывъ и давали взаймы правительству. Суммы, взятыя въ долгъ, зачитывались однимъ кредиторамъ въ слѣдуемыя съ нихъ подати, а другимъ не возвращались вовсе. Въ слѣдующія царствованія прибѣгали къ тѣмъ же способамъ заключенія займовъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ обращался и заграницу; но посольство его съ этою цѣлью въ Голландію не имѣло успѣха, а отъ англійскаго короля ему удалось получить въ 1619 г. только 20000 рублей, которые и были уплачены въ слѣдующемъ году. Къ этому же царствованію относятся и нѣкоторые принудительные займы правительства, напр., у Строгоновыхъ. Уплату займа обѣщались производить посредствомъ зачета податей и пошлинъ. Въ царствованіе Алексѣя Михаиловича правительство пыталось создать источникъ дохода изъ выпуска мѣдной монеты, имѣвшей нарицательную цѣну серебряной; но переполненіе оборота малоцѣнными деньгами повело къ повышенію цѣнъ товаровъ, къ разстройству экономической жизни и не дало казнѣ ожидаемыхъ выгодъ. При-

нудительные займы у монастырей, взятіе на короткіе сроки денегъ въ ссуду у частныхъ лицъ и безуспѣшныя попытки привлечь въ Россію иностранные капиталы — „ефимки“ — наполняютъ и это царствованіе. При Петрѣ В. и его ближайшихъ преемникахъ главнымъ источникомъ чрезвычайныхъ доходовъ казны былъ усиленный выпускъ мѣдной монеты. Чрезмѣрные выпуски вызывали въ хозяйствѣ страны всѣ невыгодныя послѣдствія, причиняемыя обыкновенно обезцѣнившимися деньгами [1]). Правительство признавало, однако, своимъ долгомъ извлекать изъ обращенія мѣдную монету, какъ скоро это будетъ возможнымъ по состоянію финансовъ государства (указъ 26 января 1727 г.) Хотя въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка и была совершена девалюація мѣдныхъ денегъ (5 копѣечниковъ въ 3 и 2 копѣйки), однако, въ концѣ царствованія Елизаветы и при Петрѣ III снова выпускали мѣдную монету съ высокой нарицательной цѣной и тѣмъ поддерживали мѣдно-денежный кризисъ.

При Екатеринѣ II государственный кредитъ получилъ болѣе правильную организацію. Та роль, которую для предъидущихъ правительствъ играли мѣдныя деньги, выпала теперь на долю бумажныхъ. Указъ о выпускѣ ассигнацій былъ изданъ 29 декабря 1768 года. Для размѣна ихъ на монету были учреждены два ассигнаціонныхъ банка въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Императрица руководилась убѣжденіемъ, что выпускъ ассигнацій можетъ дать народному хозяйству такое орудіе обращенія, которое во многихъ случаяхъ доставляетъ больше удобствъ, нежели монета. Введеніе ихъ въ оборотъ было ускорено тѣмъ, что, при всякомъ платежѣ въ казну, необходимо было уплачивать 5 % ассигнаціями. Таково возникновеніе въ Россіи бумажныхъ денегъ. Но въ ассигнаціяхъ были только элементы, изъ которыхъ предстояло развиться бумажнымъ деньгамъ и бумажно-денежному долгу: онѣ не имѣли принудительнаго курса, не были обязательнымъ и всеобщимъ платежнымъ средствомъ; онѣ не только свободно обмѣнивались банками на монету, но банки имѣли въ монетѣ сумму, равную суммѣ въ выпущенныхъ ассигнаціяхъ. Такимъ образомъ, онѣ были первоначально — хотя аналогія и не точна — правительственными росписками на храненіе. При такомъ порядкѣ ассигнаціи были безвредны, но и безполезны: важная выгода бумажныхъ денегъ — за-

мѣна дорогаго товара болѣе дешевымъ—не достигалась; металлъ не получалъ другаго полезнаго назначенія и развѣ только, покоясь въ кладовыхъ банковъ, сохранялся отъ изнашиванія. Для повсемѣстнаго облегченія размѣна, были учреждены конторы банковъ во многихъ городахъ, Новгородѣ, Псковѣ, Твери и другихъ.

Первый шагъ долженъ былъ увлечь правительство. Разъ есть въ обращеніи бумажные листки, разъ они стоятъ al pari съ монетой, не естественно-ли правительству, въ случаѣ финансовыхъ затрудненій, соблазниться легкостью создать денежныя средства и обратиться къ усиленному выпуску ассигнацій? Такъ и случилось. До 1786 года въ Имперіи было только на сорокъ милліоновъ ассигцій; въ этомъ же году было выпущено ихъ еще на шестьдесятъ милліоновъ; изъ нихъ 33 милліона были предназначены для ссудъ дворянству и городамъ, а остальные—пошли на нужды правительства. Этотъ выпускъ сразу увеличилъ слишкомъ на 25% сумму денегъ, находившихся въ оборотѣ. Гр. Шуваловъ, главный виновникъ этого выпуска, предсказывалъ и обогащеніе казны, и улучшеніе быта дворянства, и развитіе промышленности. Императрица боялась, однако, чрезмѣрныхъ выпусковъ и тогда же постановила, что сумма ассигнацій никогда не должна превышать 100 милліоновъ рублей. Однако, къ концу ея царствованія сумма ихъ въ обращеніи достигла 150 милліоновъ.

При Екатеринѣ II развились и текучіе долги: начались заимствованія правительствомъ капиталовъ у казенныхъ кредитныхъ установленій, которыя были основаны въ 1773 и 86 гг. и должны были привлекать къ себѣ вклады для раздачи ихъ въ ссуду. Въ 1798 г. числилось за государственнымъ казначействомъ заимствованій ихъ заемнаго банка 7 мил.—Въ эту же категорію—финансоваго кредита въ широкомъ смыслѣ—должны быть отнесены и суммы, которыя казна задолжала подрядчикамъ. Отъ царствованія Екатерины этихъ суммъ осталось 17570000 рублей.

Главнымъ источникомъ долгосрочнаго кредита были внѣшніе займы. Большинство европейскихъ правительствъ еще въ XVIII в. заключало займы у голландскихъ, швейцарскихъ, итальянскихъ банкировъ, которые предъявляли нерѣдко ростовщичьи требованія. Насамыхъ выгодныхъ условіяхъ заключали займы правительства Маріи Терезіи и Іосифа II, много сдѣлавшихъ для благоустройства

австрійскихъ финансовъ. Екатерина II заняла довольно выгодное положеніе среди кредитующихся правительствъ. Первый внѣшній заемъ былъ заключенъ въ 1769 г. Какъ онъ, такъ и послѣдующіе, были заключены при посредствѣ голландскихъ банкировъ, въ общемъ итогѣ на сумму до 41 $^1/_2$ мил. рублей. Особенностями этихъ займовъ было то, что они заключались на короткіе сроки (8—10 лѣтъ) и правительство обезпечивало уплату указаніемъ опредѣленныхъ доходовъ. Для платежа процентовъ и капитала по первому займу были назначены „особливо эстляндскія и лифляндскія пошлины за привозные и отвозные товары Риги, Пернова, Ревеля и Нарвы". Къ концу царствованія Екатерины сумма всѣхъ государственныхъ долговъ (включая и бумажныя деньги) не превышала 215 милл. рублей.

При Павлѣ I состояніе русскихъ государственныхъ долговъ не потерпѣло существенныхъ измѣненій. Въ 1798 г. въ составъ русскаго долга вошелъ и польскій (23850000), и общая сумма долговъ по внѣшнимъ займамъ возрасла до 70350000. Бумажныхъ денегъ было въ 1799 г. уже 210 милл.

Войны съ Наполеономъ требовали напряженія всѣхъ силъ государства. Потрясеніе хозяйственныхъ оборотовъ Европы, причиненное войнами, дѣлало невозможнымъ заключеніе внѣшнихъ займовъ. Хотя изъ субсидій, которыя щедро раздавала Англія разнымъ правительствамъ для борьбы съ Наполеономъ (всего затрачено на субсидіи въ 1792—1816 г. болѣе 57 милл. фунт.), на долю Россіи и пришлось болѣе 9 $^1/_2$ мил. фунт., однако, сумма эта была далеко недостаточна, и увеличеніе государственныхъ долговъ, и именно внутреннихъ, было неизбѣжно. Въ 1810 г. внутренніе долги были исчислены въ суммѣ 668261804 р., которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 577 милл. ассигнацій, заемному банку и воспитательнымъ домамъ (почти по равну) болѣе 86 мил., удѣламъ—болѣе 2 мил. и внутренній заемъ—болѣе 3 мил. Присовокупляя внѣшній долгъ (по бумажно-денежному курсу того времени) въ 148680000, мы имѣемъ для 1810 г. общую сумму долга около 817 мил. Такимъ образомъ, главную массу долговъ составляли бумажныя деньги, быстро падавшія въ цѣнѣ и стоившія въ 1812 г. только 23 $^1/_2$ коп. сер. за рубль бумажный. Состояніе текучихъ долговъ вызывало справедливыя опасенія.

Крупныя позаимствованія у заемнаго банка и воспитательныхъ домовъ объясняются обильнымъ приливомъ вкладовъ въ эти учрежденія, пользовавшіяся высокимъ довѣріемъ публики. 5%, которые платили по вкладамъ, являлись крупною приманкою для многихъ капиталистовъ. Но казенные банки, уже съ первыхъ годовъ своего существованія, были поставлены въ тяжелое положеніе: вклады могли быть внезапно востребованы публикою, и банки были бы лишены возможности удовлетворить запросъ. Такъ случилось, напр., въ 1810 г.: было внесено вкладовъ на 25242623 р., а востребовано на 38247105. Департаментъ Экономіи, имѣвшій въ своей средѣ такихъ проницательныхъ финансистовъ, какъ Сперанскій, Мордвиновъ и Гурьевъ, весьма разумно проектировалъ принимать впредь отъ частныхъ вкладчиковъ капиталы на сроки не менѣе 1 года, дабы хотя сколько-нибудь избѣгнуть возможныхъ затрудненій. Въ 1817 г. было совершено консолидированіе въ особый 6% заемъ капиталовъ, занятыхъ у заемнаго банка, удѣловъ, приказовъ, духовныхъ училищъ, всего на сумму 169609100 р. ассигнаціями и 10331288 р. металлическихъ. Въ такой же заемъ были обращены на сумму 10649793 долги по военному и морскому вѣдомствамъ за разные подряды и поставки. Въ 1820 г. весь государственный долгъ составлялъ уже 1202376704 р. Надъ приведеніемъ въ порядокъ государственныхъ долговъ много потрудился министръ фин. гр. Гурьевъ. Благодаря нѣсколькимъ займамъ, которые были заключены по его иниціативѣ, неотвержденные долги уменьшились и къ концу его управленія финансами (1823) половина государственнаго долга была консолидирована.

Канкринъ, преемникъ гр. Гурьева, направилъ все вниманіе на возстановленіе цѣнности бумажныхъ денегъ. Нельзя утверждать, что бы правительство относилось ранѣе безучастно къ обезцѣненію ассигнацій. Еще въ 1810-мъ году была учреждена Коммиссія Погашенія Долговъ, которая и должна была посредствомъ займовъ извлечь изъ обращенія ассигнацій на 100 милліоновъ. Условія займовъ были выгодны для кредиторовъ: уплата правительствомъ процентовъ и капитала была обѣщана въ монетѣ, а кредиторы вносили ассигнаціями по курсу, высшему биржеваго. Но недостатокъ свободныхъ капиталовъ былъ причиной безуспѣшности этой мѣры; правительство уничтожило только 5-ть мил. Въ 1812-мъ году пра-

вительство сдѣлало ассигнаціи всеобщимъ платежнымъ средствомъ по ихъ биржевому курсу и тѣмъ придало имъ важное свойство бумажныхъ денегъ. Затѣмъ, Коммиссіи Погашенія Долговъ было предписано извлекать ежегодно изъ обращенія ассигнацій на 30 милліоновъ, для чего и назначалась соотвѣтствующая сумма изъ государственныхъ доходовъ. Съ этою же цѣлью былъ заключенъ за границей первый 5% заемъ на 40 мил. руб. (1820 г.) Канкринъ возстановилъ цѣнность бумажныхъ денегъ въ періодъ 1839—43-го года. 1-го іюля 1839 года серебряный рубль снова былъ сдѣланъ главнымъ платежнымъ средствомъ и установлено отношеніе его къ ассигнаціонному рублю, какъ 1: $3^1/_2$. Постепенно ассигнаціи были извлечены изъ обращенія и замѣнены, по курсу, государственными кредитными билетами, которыхъ до 1848 года было выдано на сумму около 230 мил. рублей. Билеты эти обезпечивались всѣмъ достояніемъ государства, и постоянный размѣнъ ихъ долженъ былъ поддерживаться металлическимъ фондомъ, составлявшимъ приблизительно $^1/_6$ всего выпущеннаго ихъ количества. Девалюація, совершенная Канкринымъ, устранила на 12 лѣтъ (1842—54) бумажно-денежный долгъ. Металлическій фондъ въ Размѣнной Кассѣ Экспедиціи былъ не только достаточенъ для непрерывнаго обмѣна, но принималъ въ обмѣнъ за кредитные билеты больше монеты, чѣмъ выдавалъ ея: въ 1846-мъ году онъ выдалъ монеты на 9, 4 милліон., а принялъ на 19, 7 мил. руб., въ 1847 году— на 7, 4 мил. и 50, 9 мил. и т. д. Упорядоченность бумажно-денежнаго обращенія выражалась и въ вексельныхъ курсахъ: съ 1841 года по 1853 годъ курсъ въ Петербургѣ на Парижъ стоялъ отъ 370 до 426 фр. за 100 рублей. Дѣятельность этого министра по отношенію къ государственному кредиту представляетъ, однако, и свои слабыя стороны. Хотя заимствованія у казенныхъ банковъ были осуждены еще финансистами александровской эпохи, однако, Канкринъ обильно черпалъ изъ этого источника для покрытія дефицитовъ, и въ 1842 г. вся сумма позаимствованій превышала 321 милл. Вторымъ источникомъ служили для Канкрина фонды, предназначенные для погашенія долговъ и отданные въ распоряженіе Коммиссіи Погашенія Долговъ. Пользуясь этими фондами для покрытія дефицитовъ по текущимъ расходамъ, онъ взялъ изъ нихъ за 10 лѣтъ (1832—42) болѣе 186 милл. Къ его же

управленію относится развитіе въ Россіи финансоваго кредита въ тѣсномъ смыслѣ слова въ видѣ выпусковъ билетовъ государственнаго казначейства (серіи). Выпуски начались въ 1831 году и въ 1840 г. было всего выпущено до 89 мил. Къ 1843 г. долгъ значительно возросъ. Вся сумма его составляла 2049458868 ассигн. Изъ нихъ консолидированнаго долга было только 862148146 р. Преобладаніе неотвержденнаго долга надъ консолидированнымъ и бросаетъ тѣнь на управленіе Канкрина государственнымъ кредитомъ.

28-лѣтній періодъ съ 1843 по 1870 г. можетъ быть названъ временемъ хроническихъ дефицитовъ, которые составляли за весь этотъ періодъ болѣе $1^1/_2$ милліарда. Часть этихъ дефицитовъ была вызвана тремя войнами—венгерскою, крымскою и польскою, которыя, по самому умѣренному вычисленію, причинили расходовъ на 675 мил. Остальной же дефицитъ слишкомъ въ 826 милл. былъ связанъ съ обыкновенными расходами. Первыя 8 лѣтъ послѣ Канкрина, для покрытія дефицитовъ, прибѣгали преимущественно къ старымъ средствамъ—заимствованіямъ у казенныхъ банковъ. Консолидированными займами пользовались въ очень скромныхъ размѣрахъ, и передъ крымской войной неотвержденными были уже $^3/_4$ всѣхъ долговъ. Съ 1852—61 г. также мало пользовались консолидированными займами, а заимствовали крупныя суммы у казенныхъ банковъ и снова обратились къ выпуску бумажныхъ денегъ, непримѣнявшемуся въ предъидущее 9-лѣтіе. Такая политика привела къ совершенно ненормальному состоянію государственнаго долга: хотя общій итогъ его въ 1759 мил. (1858 г.) и не можетъ быть названъ чрезмѣрнымъ, однако, неотвержденная его часть составляла громадную сумму почти въ 1400 мил. Г. Кауфманъ замѣчаетъ: „она была *единственное* явленіе въ своемъ родѣ, подобія которому не только въ то время, но и никогда на пространствѣ всей финансовой исторіи не было видно“ [2]) Такимъ образомъ, предъ правительствомъ стояли двѣ главныя задачи—регулировать обращеніе бумажныхъ денегъ и уменьшить бремя, причиняемое позаимствованіями капиталовъ изъ казенныхъ банковъ. Для достиженія первой цѣли, въ 1858 г. было сожжено кредитныхъ билетовъ на 60 милліоновъ. Въ 1862 и 3-мъ годахъ Государственный Банкъ сдѣлалъ попытку уменьшить лажъ возобновленіемъ размѣна, но истощилъ свой металлическій фондъ, не достигнувъ цѣли. По вы-

численію г. Гольдмана, Банкъ уничтожилъ билетовъ только на 45 милліоновъ рублей, а вся операція, принимая въ разсчетъ сдѣланный для этого заграницей заемъ, стоила государству 107 милліоновъ, вексельный же курсъ, искусственно поднятый этой операціей, сталъ быстро понижаться [3]). Для достиженія второй цѣли, 4%, платимые вкладчикамъ, были понижены до 3. Это повело къ востребованію вкладчиками капиталовъ въ огромныхъ размѣрахъ. Напоръ на банки въ 1858 году былъ такъ силенъ, что стала очевидна необходимость ликвидировать ихъ и консолидировать ту часть займовъ изъ нихъ государства, которая не могла быть возвращена. Вся сумма этого долга составляла болѣе 521 милліона. Изъ нихъ наличными деньгами было погашено болѣе 194 милліоновъ и слишкомъ на 161 милліонъ было консолидировано обращеніемъ въ 4% непрерывно-доходные билеты, вѣчные и казенные вклады. Но значительная часть долга еще не была погашена. Въ 1862 году общій итогъ долговъ составлялъ 1601148733 р., изъ коихъ консолидированныхъ было неполныхъ 525 милліоновъ.

Хотя въ слѣдующее 9-лѣтіе (1862—70) итогъ дефицитовъ составлялъ болѣе 322 мил., однако, государственное казначейство получило въ свое распоряженіе крупныя суммы, которыя, повидимому, дѣлали излишними новые выпуски кредитныхъ билетовъ. Этими источниками были 3 внѣшнихъ и 3 внутреннихъ займа, бумаги по выкупной операціи на сумму 293½ мил. и болѣе 238½ мил., вырученныхъ изъ облигацій для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Хотя совокупность чрезвычайныхъ рессурсовъ превышала 1115000000, однако, медленность и невыгодность реализованія займовъ побуждала къ временнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ.

Періодъ 1871—5 гг. былъ временемъ самаго лучшаго состоянія нашихъ финансовъ. Доходы превышали расходы, хотя не вводилось новыхъ податныхъ тягостей. Въ то же время замѣчается крупное улучшеніе въ состояніи нашего государственнаго кредита, что всего лучше доказывается реализованіемъ желѣзно-дорожныхъ займовъ. Второй выпускъ 5% консолидированныхъ облигацій былъ реализованъ въ 1871 году по 79 за 100. Слѣдующіе займы этого рода были заключены на болѣе выгодныхъ условіяхъ, а 5-ый выпускъ въ 4½% былъ реализованъ по 90 за 100. Словомъ, положеніе государственнаго вредита улучшилось на столько, что въ

теченіе 4 лѣтъ каждая 100-рублевая облигація давала правительству лишнихъ 21 руб. Предъ началомъ послѣдней войны финансы находились, быть можетъ, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ когда-либо. Итогъ государственныхъ долговъ къ 1 января 1876 г. выражался цифрою въ 3412184640 р., изъ коихъ болѣе 1640 мил. были консолидированы.

Послѣдняя русско-турецкая война нанесла чувствительный ударъ нашимъ финансамъ. Неблагопріятнымъ при началѣ войны обстоятельствомъ была неполноцѣнность нашихъ бумажныхъ денегъ. Благодаря выгодному финансовому положенію, онѣ сохраняли еще 85% своей нарицательной цѣны, но выпускъ предъ войной новыхъ 400 милл. рублей повелъ къ быстрому ихъ обезцѣненію. Самая война вызвала громадные расходы, болѣе 1113 мил. (1876—82). Расходы на войну не могли быть покрыты изъ обыкновенныхъ источниковъ, и обращеніе къ займамъ было неизбѣжнымъ. Въ государственномъ кредитѣ послѣднихъ лѣтъ обращаетъ на себя вниманіе развитіе внутреннихъ займовъ, которые въ прежнее время являлись почти исключительно неотвержденнымъ долгомъ, въ видѣ позаимствованій изъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій. Только съ 1859 г. консолидація вкладовъ положила начало правильнымъ внутреннимъ займамъ. Въ періодъ же 1876—81 гг. внутренній кредитъ нѣсколькими послѣдовательными займами далъ государственному казначейству болѣе 900 мил. по курсу 90 за 100, тогда какъ, напр., еще въ 1869 было трудно реализовать небольшой внутренній заемъ по 83 за 100. И эта перемѣна къ лучшему должна быть цѣликомъ приписана благопріятному состоянію нашихъ финансовъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, а также замѣтному росту за это время народнаго богатства. Но суммъ, вырученныхъ изъ внутреннихъ займовъ, не доставало для покрытія расходовъ на войну, что и повело къ усиленнымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ со всѣми невыгодными послѣдствіями.

Въ 1878 г. въ обращеніи было кредитныхъ билетовъ на 1200 милл. рублей, и лажъ превышалъ 40%. Дабы изъять изъ оборота излишнія бумажныя деньги, Высочайшимъ указомъ отъ 1 января 1881 года повелѣно государственному казначейству вносить въ государственный банкъ по 50 мил. руб. въ годъ, для погашенія 400 милл. кредитныхъ руб. Первые 30 мил. были сожжены въ

1883 году. Въ 1884 году было снова сожжено билетовъ на 30 милл. руб.

За два послѣдніе года долгъ увеличился новыми выпусками краткосрочныхъ билетовъ казначейства и серій, всего на 56 милл. и 7-мъ консолидированнымъ желѣзнодорожнымъ займомъ на 15 мил. фунтовъ стерлинговъ. Къ 1 января 1886 года весь государственный долгъ представлялся въ такихъ цифрахъ.

А) Долги, обезпеченные общими средствами государства.	
1) Отвержденные	2213, 5
2) Текучіе:	
а) Кредитные билеты	1046, 4
в) Билеты и свидѣт. казнач.	265
	5524, 9
Б) Долги спеціальнаго обезпеченія:	
1) По выкупной операціи	534
2) 5% банковые билеты	143, 1
3) Долги госуд. казнач. госуд. банку . . .	150
	827, 1

А всего 6352 милл. кредитныхъ рублей, считая $1\frac{1}{2}$ кредигныхъ равными 1 рублю металлическому. Сюда не включены обязательства казны по гарантіи желѣзно-дорожнаго дохода [4]). Въ дѣйствительности же долгъ составляетъ менѣе 6 милліардовъ, такъ какъ можно съ достаточнымъ вѣроятіемъ предположить, что оборотъ способенъ поглощать кредитныхъ билетовъ приблизительно на 500 милліоновъ. На одну душу населенія долговой капиталъ составляетъ до 60 руб., а по росписи на 1886 годъ, исчисляющей 259645177 рублей на проценты и погашеніе (32% обыкновенныхъ расходовъ), платежи по долгамъ возлагаютъ на 1 душу населенія бремя въ 2 р. 60 коп. въ годъ.

Сопоставляя движенія государственныхъ долговъ по десятилѣтіямъ съ 1816 года, мы видимъ, что за 70 лѣтъ долгъ увеличился почти въ 50 разъ. Самое быстрое возрастаніе его относится къ послѣднему 25-лѣтію. Ростъ долговаго капитала многократно превышалъ увеличеніе государственныхъ доходовъ: за тѣ же 70 лѣтъ доходы возрасли только въ 7 разъ [5]).

Отвержденные государственные долги Россіи представляютъ два типа: облигаціонныхъ и рентныхъ; первые раздѣляются на *срочные и безсрочные*. По первымъ, при заключеніи займовъ, опредѣляются срокъ и порядокъ погашенія долга; по вторымъ, сроки погашенія не опредѣляются, но ежегодно назначается для погашенія извѣстная сумма. По нѣкоторымъ долгамъ этого типа, правительство опредѣляетъ срокъ, въ теченіе котораго оно не имѣетъ права погашать долгъ: такъ, напр., 7-й внѣшній заемъ (англійскій), заключенный въ 1862 г., былъ связанъ съ условіемъ, что въ теченіе 20 лѣтъ онъ не можетъ быть погашаемъ, равно какъ по немъ не могутъ быть понижаемы проценты. Всѣ погашаемые займы имѣютъ форму простыхъ облигаціонныхъ, за исключеніемъ 2 лоттерейныхъ (съ долговымъ капиталомъ въ 250 мил. руб.), по которымъ часть суммы, поступающей въ проценты, распредѣляется на выигрыши отъ 500 до 200000 рублей. Къ чистому типу непогашаемыхъ займовъ подходитъ „золотая рента“, выпущенная въ ноябрѣ 1883 года. Кредиторы имѣютъ право требовать только непрерывной ренты; погашеніе капитала не обѣщается, и правительство удерживаетъ за собой погасить этотъ долгъ по нарицательной цѣнѣ, но только по истеченіи 10 лѣтъ со времени выпуска. Текучій долгъ, кромѣ бумажныхъ денегъ, представляется билетами государственнаго казначейства, выпускаемыми на 8 лѣтъ съ 4, 32 % и краткосрочными (6-мѣсячными) обязательствами государственнаго казначейства съ 4 % и 4½ %.

При установленіи процента, русское правительство обыкновенно держалось 5 % нарицательныхъ. Займы изъ 4, 6, 3 % представляютъ только исключенія. Но такъ какъ рыночный процентъ былъ обыкновенно выше 5, то реализуемая сумма была значительно ниже нарицательной. Это обстоятельство, препятствуя пониженію процентовъ, увеличиваетъ бремя, причиняемое погашеніемъ.

До новѣйшаго времени главнымъ способомъ заключенія займовъ было посредничество банкирскихъ домовъ, преимущественно иностранныхъ (амстердамскихъ, лондонскихъ и берлинскихъ); но съ 1860 года государственный банкъ, завѣдующій многими обязанностями по государственному кредиту, является главнымъ дѣятелемъ по реализованію займовъ. Въ особенности была успѣшна дѣятельность государственнаго банка и его конторъ, при заключеніи

3 восточныхъ займовъ и продажѣ золотой ренты. Такой способъ гораздо болѣе правиленъ: онъ сберегаетъ на побочныхъ расходахъ, куртажныхъ деньгахъ, которыя обильно поступаютъ въ карманы банкировъ, при заключеніи каждаго займа.

Займы заключаются въ металлической валютѣ (русской и иностранной) и въ бумажно-денежной. По вычисленіямъ г. Иващенка, къ 1879 г. займы въ бумажно-денежной валютѣ составляли $^2/_3$ общей суммы долга [6]).

Погашеніе займовъ совершается посредствомъ составленія къ каждому займу особаго фонда, въ который ежегодно отчисляется сумма, равная извѣстной части долговаго капитала (1—2%) часто съ пріобщеніемъ къ ней суммы процентовъ на долю капитала, уже погашенную. Изъ всей суммы долговъ приблизительно $^3/_4$ погашаются изъ общихъ средствъ казны, а $^1/_4$—имѣетъ спеціальное прикрытіе: такими обезпеченіями служатъ выкупные платежи крестьянъ по долгу, возникшему для выкупа крестьянскихъ надѣловъ, и взносы желѣзно-дорожныхъ обществъ—по долгамъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Съ 1885 года спеціальныя прикрытія, поступающія изъ названныхъ источниковъ, включаются въ общую роспись государственныхъ доходовъ, что формально даетъ всѣмъ долгамъ обще-бюджетное прикрытіе.

Организація управленія кредитомъ ведетъ свое начало отъ 1810 года, когда была учреждена Коммиссія Погашенія Долговъ. Въ 1817 году былъ образованъ Совѣтъ Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, подвѣдомственный министерству финансовъ. Онъ имѣетъ высшее наблюденіе за всѣми государственными кредитными учрежденіями. Въ составъ его входятъ Коммиссія Погашенія Долговъ и Канцелярія министра по кредитной части. Въ то же время (1818) послѣдовало учрежденіе при Коммиссіи Государственной Долговой Книги, въ которую должны были быть заносимы всѣ долги государства съ подраздѣленіемъ на внѣшніе и внутренніе, срочные и безсрочные. Билетъ, выданный кредитору государства о внесеніи его въ эту книгу, служилъ главнымъ основаніемъ его правъ. До 1859 г. займы были сосредоточены въ вѣдѣніи Коммиссіи Погашенія, но съ этого времени многія обязанности по государственному кредиту перешли къ государственному банку: таковы выпускъ кредитныхъ билетовъ, реализація займовъ. Многіе займы, находясь

въ вѣдѣніи государственнаго банка, только чрезъ нѣсколько лѣтъ по заключеніи, вносятся въ Государственную Долговую Книгу.

Подводя итоги всему сказанному, мы должны установить слѣдующія положенія.

1) Исторія государственнаго кредита Россіи можетъ быть разбита на нѣсколько періодовъ. Она начинается случайными и часто принудительными займами у городовъ, монастырей и частныхъ лицъ, вступаетъ съ Алексѣя Михаиловича въ періодъ мѣдно-денежныхъ долговъ, который длится почти цѣлое столѣтіе. Съ Екатерины II быстро развиваются бумажно-денежный и внутренніе неотвержденные долги, которые, при всѣхъ мѣропріятіяхъ правительства, и до сихъ поръ далеки отъ удовлетворительнаго состоянія. Замѣчательна продолжительность періода, въ теченіе котораго Россія обременена бумажно-денежнымъ долгомъ. Съ 1769 года, когда впервые появился лажъ, и до настоящаго времени можно насчитать только 14 лѣтъ (1774 и 1841—53 гг.) полноцѣнности бумажныхъ денегъ и 103 года обезцѣненія, съ лажемъ отъ 1 до 300%. Эта продолжительность борьбы съ обезцѣнившимися бумажными деньгами составляетъ отличительную черту исторіи русскаго государственнаго кредита. Хотя Россіи не было извѣстно острое и громадное обезцѣненіе, пережитое Франціей и Соединенными Штатами, однако, хроническая бумажно-денежная болѣзнь нигдѣ не держалась съ такимъ упорствомъ, какъ у насъ. Если, такимъ образомъ, обезцѣнившіяся бумажныя деньги дѣлаютъ и современное положеніе наше преемникомъ мѣдно-денежной эпохи, то начало 2-му періоду, правильному заключенію внѣшнихъ займовъ, кладется Екатериною. Въ послѣднее 15-лѣтіе является поворотъ къ 3-му періоду—успѣшному заключенію внутреннихъ займовъ.

2) Большая часть долга была вызвана войнами. Хотя эти войны, обыкновенно побѣдоносныя, далеко расширили предѣлы нашего отечества и обогатили его новыми матеріальными благами, однако, въ связи съ вышеизложеннымъ, эта часть долговъ требуетъ возможно быстраго погашенія. Только за послѣднее 25-лѣтіе (и особенно въ 1866—76 гг.) займы были заключаемы съ цѣлями, которыя вполнѣ оправдываютъ долгосрочность (для выкупа крестьянскихъ надѣловъ, постройки желѣзныхъ дорогъ и иныхъ сооруженій). По вычисленію г. Иващенка за 1879 годъ, изъ всѣхъ за-

ключенныхъ займовъ 27% имѣли производительное назначеніе, а 73% были употреблены на военныя надобности, покрытіе бюджетныхъ недочетовъ или же отвержденіе текучаго долга [7]).

3) Быстрому увеличенію долговъ совершенно не соотвѣтствовала мертвенность всего финансоваго строя. Въ государственные доходы не вводилось улучшеній, которыя могли-бы устранять дефициты и замедлять возрастаніе долга. Крайне неравномѣрное распредѣленіе податныхъ тягостей, нечувствительное бремя для богатѣйшихъ гражданъ, непосильное для бѣднѣйшихъ классовъ, безслѣдныя попытки правильно организовать существующія подати (напр., поземельную посредствомъ кадастра), робость предъ подоходными налогами, административныя преграды свободному передвиженію большинства гражданъ, а потому и препятствія процессу переложенія податей — все это быстро увеличило долги Россіи и бюджетъ государственныхъ расходовъ далеко за предѣлы того, что могло бы быть оправдано уровнемъ благосостоянія народа.

4) Есть, поэтому, основаніе съ боязнью взирать на огромную цифру государственнаго долга. И только измѣненія къ лучшему въ нашихъ финансахъ за послѣдніе годы нѣсколько ослабляютъ этотъ пессимизмъ. Отмѣна соляной и подушной податей, налоги купонный и на доходы крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій вносятъ замѣтныя улучшенія въ наше финансовое хозяйство и кладутъ основанія для перестройки всей системы налоговъ. А нѣкоторыя начинанія въ экономической политикѣ (особенно учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка и улучшеніе способовъ отдачи казенныхъ оброчныхъ статей въ аренду) позволяютъ разсчитывать на ростъ народнаго богатства и меньшую обременительность государственныхъ долговъ.

Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и городовое передали мѣстному самоуправленію обширный кругъ заботъ, находившихся ранѣе въ вѣдѣніи центральной власти. Возникли земское и городское хозяйства, которыя, удовлетворяя извѣстныя коллективныя потребности, съ первыхъ же дней по образованіи, ощутили нужду и въ кредитѣ.

Нужда земствъ въ денежныхъ средствахъ до извѣстной степени

удовлетворяется капиталами. Нѣкоторыя губернскія земства получили въ свое распоряженіе остатки по смѣтамъ на губернскія земскія повинности до введенія земскихъ учрежденій. Эти остатки послужили первоначальными фондами запасныхъ капиталовъ. Земскія собранія, губернскія и уѣздныя, высказывались за необходимость образованія такихъ капиталовъ, за увеличеніе ихъ процентами, смѣтными назначеніями и другими суммами [8]). Эти капиталы служатъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, равно какъ и расходовъ обыкновенныхъ, при замедленіи въ поступленіи доходовъ. Помимо запасныхъ капиталовъ, въ вѣдѣніи земствъ, особенно губернскихъ, находятся и иные капиталы, переданные правительствомъ [9]), образованные на основаніи закона [10]), составленные самими земствами [11]), пожертвованные разными лицами и учрежденіями [12]). Эти капиталы имѣютъ спеціальное назначеніе и, въ извѣстной мѣрѣ, дѣлаютъ обращеніе ка займамъ излишнимъ.

Но капиталы далеко недостаточны. Многія губернскія земства или не имѣютъ вовсе капиталовъ нѣкоторыхъ категорій или имѣютъ ихъ въ немногихъ тысячахъ рублей [13]). Большая часть уѣздныхъ земствъ вовсе не имѣетъ капиталовъ. Такимъ образомъ, уже съ первыхъ дней дѣйствія земскихъ учрежденій заявила о себѣ нужда въ кредитѣ, какъ кратко-такъ-и долгосрочномъ.

Несовершенство всего финансоваго механизма Россіи, неисправное поступленіе сборовъ, накопленіе недоимокъ особенно рѣзко обнаруживаются въ земскомъ хозяйствѣ. Недоимки (преимущественно за крупными землевладѣльцами), составляющія нѣсколько годовыхъ окладовъ, пустота земскихъ кассъ, неуплата жалованья мировымъ судьямъ, врачамъ, учителямъ такъ часты и общеизвѣстны, что непрерывная нужда уѣздныхъ земствъ въ деньгахъ не требуетъ поясненій. Въ этихъ случаяхъ главными кредиторами ихъ служатъ губернскія земства, выдающія ссуды иногда изъ запасныхъ или другихъ капиталовъ, но, большею частію, изъ суммъ, поступающихъ съ уѣздовъ въ губернскіе сборы. Сроки этихъ ссудъ рѣдко превышаютъ 6 мѣсяцевъ, ограничиваются временемъ вѣроятнаго поступленія уѣздныхъ земскихъ сборовъ. Ссуды выдаются иногда безъ процентовъ, большею частію же изъ 5—6 % годовыхъ. Образцомъ этихъ кредитныхъ отношеній между уѣздными и губернскими земствами можетъ служить, напр., постановленіе саратовскаго губерн-

скаго земскаго собранія: „выдавать изъ остатковъ земскаго сбора уѣзднымъ управамъ ссуду, по мѣрѣ возможности, на срокъ не свыше первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, считая съ 1 января 1867 года. Уѣздныя управы, сдѣлавшія позаимствованія, обязаны, при первомъ поступленіи земскихъ сборовъ, внести занятую сумму въ губернскую управу“ [14]). Необходимость въ краткосрочномъ кредитѣ такъ настоятельна, что уѣздныя управы, не имѣя подъ руками суммъ губернскаго сбора, совершаютъ заимствованія изъ спеціальныхъ капиталовъ, находящихся въ ихъ кассахъ, напр., продовольственнаго [15]) учительской эмиритальной кассы [16]). Но, кромѣ губернскихъ земствъ, кредиторами уѣздныхъ, по краткосрочнымъ долгамъ, служатъ отдѣльныя лица, банки [17]).

Долгосрочный кредитъ на постройку школъ, больницъ, пріемныхъ покоевъ, дорогъ открываютъ уѣзднымъ земствамъ также, преимущественно, губернскія изъ запаснаго или другихъ капиталовъ. Ссуды выдаются на сроки отъ 2—10 лѣтъ [18]) и оплачиваются всего чаще 6% годовыхъ. Нѣкоторыя губернскія земства установляютъ общія правила для выдачи ссудъ уѣзднымъ. Такъ, напр., саратовское губернское земское собраніе 1877 года постановило. 1) Размѣръ ссуды каждому уѣздному земству не долженъ превышать суммы годоваго оклада, причитающейся съ даннаго уѣзда въ губернскіе сборы. 2) Разрѣшать ссуды только тѣмъ земствамъ, которыя приступятъ къ образованію запаснаго капитала 3) Установить общій 2-лѣтній срокъ и 4) взимать 6% [19]). Сходенъ съ этимъ и порядокъ, введенный курскимъ губернскимъ земствомъ [20]). Тверское губерское земское собраніе 1877 года постановило выдавать заимообразно въ помощь уѣздамъ на устройство каждаго училища по 2000 рублей [21]). —Займы заключаются также у правительства [22]).

Кредитъ уѣздныхъ земствъ стоитъ очень не высоко. Главный кредиторъ—губернское земство—нерѣдко отказываетъ въ ссудѣ, или не оправдывая цѣли займа [23]), или за истощеніемъ своихъ средствъ [24]). Займы у другихъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ обходятся слишкомъ дорого [25]). —Наконецъ, малая кредитоспособность видна и изъ частаго обезпеченія займовъ залогами или поручительствомъ [26]). Мы не располагаемъ данныммъ о задолжаніи всѣхъ уѣздныхъ земствъ Имперіи. Свѣдѣнія по нѣкоторымъ губерніямъ

указываютъ на значительные размѣры долговъ. Къ 1 января 1883 г. уѣздныя земства были должны новгородскому губернскому 477238½ р., изъ коихъ около 100000 значились, какъ долги, а остальные 377533—губернскій сборъ, который мы въ правѣ отнести къ текучему долгу. Этотъ долгъ тѣмъ болѣе великъ, что со всѣхъ уѣздовъ окладъ на 1883 годъ составлялъ только 103471 рубль [27]). На уѣздныхъ земствахъ смоленской губ. къ 1884 году лежалъ огромный долгъ въ 2262647 руб., изъ которыхъ около 1900000 приходилось на долгъ губернскому и имперскому продовольственнымъ капиталамъ, а остальное—другимъ губернскимъ земскимъ капиталамъ [28]).

Губернскія земства, при наличности капиталовъ, въ меньшей степени нуждаются въ кредитѣ. Ихъ главнымъ кредиторомъ служитъ правительство, для продовольствія населенія, борьбы съ эпизоотіями [29]) и т. п.

Кредитъ земствъ, скажемъ мы въ заключеніе, находится въ состояніи полнаго неустройства. Онъ по своей формѣ, можетъ быть вполнѣ уподобленъ кредиту частныхъ лицъ: земство не есть тотъ должникъ, на призывъ котораго охотно спѣшили бы капиталисты; его документы не поступаютъ въ хозяйственный оборотъ даже въ тѣсныхъ предѣлахъ данной мѣстности: какъ промышленникъ съ безнадежно-разстроенными дѣлами разсчитываетъ только на займы у близкихъ родныхъ или друзей или же обращается къ ростовщичьему кредиту, обезпечиваетъ заемъ залогомъ, такъ и земства, именно уѣздныя, зависятъ отъ милости губернскихъ, правительства; разъ не хотятъ или не могутъ открыть имъ кредитъ,—положеніе ихъ становится безнадежнымъ.—Такое состояніе кредита объясняется тѣмъ, что земское хозяйство не приведено въ тѣсную органическую связь со всѣмъ государственнымъ хозяйствомъ Имперіи. Составляя нѣчто среднее между частнымъ лицомъ и общественнымъ организмомъ, имѣя довольно широкое право установленія сборовъ и увеличенія доходовъ и ничтожныя средства для осуществленія этого права и пополненія своихъ кассъ, земство хронически страдаетъ безденежьемъ, а потому и не можетъ пользоваться широкимъ кредитомъ. Вопросъ объ организованіи долгосрочнаго земскаго кредита, неоднократно обсуждавшійся въ земскихъ собраніяхъ [30]), до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно,

пока не будутъ правильно поставлены земскія учрежденія во всемъ строѣ нашего управленія. Такъ какъ уѣздныя земства — слишкомъ мелкія единицы, то мы считаемъ цѣлесообразнымъ долгосрочный облигаціонный кредитъ губернскихъ земствъ (безъ правительственной гарантіи), который удовлетворялъ-бы и нужды уѣздныхъ. Однако, пока главную тягость земскихъ расходовъ несетъ земля, и обработывающая промышленность даетъ слабый притокъ земскимъ кассамъ, пока отъ произвола полиціи зависитъ наполненіе земскихъ кассъ или оставленіе ихъ пустыми, до тѣхъ поръ земскія облигаціи или рентныя свидѣтельства, какъ бы ни были онѣ съ внѣшней стороны заманчивы, будутъ находить немного покупателей.

Городовое Положеніе 1870 года, расширивъ городское самоуправленіе, сдѣлало кредитъ необходимой составной частью и городскаго хозяйства. Законъ, предоставляя думамъ разрѣшать предположенія о займахъ и иныхъ кредитныхъ обязательствахъ, требуетъ, что-бы въ думахъ, для рѣшенія всѣхъ вопросовъ этого рода, было на лицо не менѣе половины общаго числа гласныхъ; если же сумма кредитныхъ обязательствъ, вмѣстѣ съ предположеннымъ займомъ, превосходитъ сумму доходовъ за два года, то должно быть испрашиваемо разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, съ указаніемъ источниковъ, откуда предполагается покрывать новый заемъ [31]). Хотя такое ограниченіе ставитъ, повидимому, развитіе кредита городовъ въ тѣсные предѣлы, однако, до сихъ поръ практически оно не было чувствительно, ибо долги нашихъ городовъ совершенно ничтожны. Отчасти это объясняется значительностью городскихъ имуществъ, особенно въ столицахъ, а главное — крайне низкимъ уровнемъ городскаго благоустройства, вялымъ отношеніемъ къ тѣмъ нуждамъ, которыя могутъ быть покрываемы только посредствомъ долгосрочнаго кредита. По отчету, изданному Хозяйственнымъ Департаментомъ, въ 1881 году 798 городовъ европейской Россіи и Царства польскаго имѣли долговъ на 26842177 рублей. Изъ этой суммы болѣе 17 милл. приходилось на 4 города — 2 столицы, Одессу и Ригу. 28 городовъ имѣли долги болѣе 100000 р. каждый. Платежи по займамъ составляли въ русскихъ городахъ 4, 6% всей суммы расходовъ, а въ польскихъ 7, 3%. При скромномъ задолжаніи большинства городовъ, рѣзко выдѣляются крупные долги нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ — Рыбинска, Кременчуга, осо-

бенно, Жиздры. Послѣдняя, при населеніи менѣе 12000, имѣла долгъ болѣе 190000 руб., платежи по которому составляли въ 1881 г. до 40% суммы городскихъ расходовъ. Приведенная таблица сообщаетъ свѣдѣнія о долгахъ нѣкоторыхъ городовъ за послѣднее время.

Названіе города.	Годъ.	Сумма долга въ рубляхъ.	Платежъ процентовъ и погашенія въ рубляхъ.	% суммы городскихъ расходовъ.	На 1 жителя ежег. расходъ рублей.	Мѣсто по тягости долговъ на 1 жителя.
С. Петербургъ [32]) .	За 1880–82	6621487,00	168944,43	2,9	0,20	6
Москва [33])	1886	5591497,80	509094,95	8,7	0,60	4
Варшава [34]) . . .	1881	692078,00	140613,00	7,1	0,35	5
Одесса [35])	1885	?	303800,00	12,5	1,40	1
Кіевъ [36])	1885	?	42934,00	6,0	0,20	6
Ярославль [37])	1886	291635,27	35567,00	16,9	0,90	3
Рыбинскъ [38]) . . .	1886	231000,00	15502,03	7,9	0,92	2

Малые города, какъ видно изъ таблицы, имѣютъ относительно больше долговъ. Но, по относительной суммѣ долговъ, наши города далеко отстоятъ отъ городовъ западной Европы. По свѣдѣніямъ о хозяйствѣ 26 городовъ, собраннымъ Керёзи за 1881 годъ, видно, что только въ Берлинѣ ежегодный расходъ на проценты и погашеніе долговъ былъ ниже, чѣмъ въ Одессѣ (1, 22 руб. на жителя); въ другихъ же городахъ онъ превышалъ эту цифру (отъ minimum'а въ 1, 92 руб. для Кёнигсберга до maximum'а въ 17 руб. для Парижа).

Значительная часть этихъ долговъ возникла для покрытія бюд-

жетныхъ недочетовъ, которые извѣстны очень многимъ городамъ, между ними и такимъ крупнымъ хозяйствамъ, какъ Москвы и Одессы [39]). Но большая часть долговъ возникла для производительныхъ затратъ: водопроводовъ, пристаней, зданій для училищъ, театровъ, казармъ и т. д. [40]).

Кредиторами городовъ служатъ отдѣльныя лица [41]), разныя кредитныя учрежденія, [42]) губернскія земства [43]) и, наиболѣе часто, правительство [44]). Встрѣчается обезпеченіе займовъ залогами городскихъ имуществъ [45]). Облигаціонный кредитъ получаетъ, впрочемъ, все большее развитіе; нѣкоторые провинціальные, даже мелкіе города опередили въ этомъ отношеніи столицы [46]).

Городское хозяйство поставлено въ общемъ строѣ управленія болѣе нормально, нежели земское, а потому можно высказать два главныхъ пожеланія: что бы облигаціонные займы вытѣснили всѣ другія формы долговъ, которыя не соотвѣтствуютъ характеру должниковъ и удорожаютъ кредитъ [47]), и что-бы города, сознавая важность и высокую производительность крупныхъ затратъ на благоустройство, не затруднялись обращаться съ этими цѣлями къ долгосрочному кредиту [48]).

Къ государственному же кредиту долженъ быть отнесенъ и кредитъ, которымъ пользуются сословія: дворянское, городскія, крестьянское. Въ кредитномъ хозяйствѣ сельскихъ обществъ отмѣтимъ ссуды, выдаваемыя имъ земствами на продовольствіе, для пріобрѣнія пожарныхъ инструментовъ, земли [49]). Сюда же слѣдуетъ отнести тотъ благотворный, по своему назначенію, кредитъ, который государство, чрезъ посредство крестьянскаго земельнаго банка, открываетъ сельскимъ обществамъ на покупку земельныхъ участковъ [50]).

Примѣчанія къ IV-й главѣ.

[1]) Объ обезцѣненіи мѣдныхъ денегъ можно судить по тому, что 1 серебряный рубль стоилъ: 1 сентября 1658 года 1 р. 4 коп. мѣдныхъ, 1 сентября 1661 г,3 р., а 1 мая 1663 г.—15 рублей. См. Таблицы въ кн. *Бржескаго*. Государствен. долги Россіи. 1884.

[2]) *Кауфманъ*. Государственные долги Россіи. Вѣстн. Евр. 1885, II, 582.

[3]) *Гольдманъ*. Русс. бумажн. деньги, 1866. 137.

[4]) Экономич. Журналъ, 1886, II.

[5]) Т. ж.

[6]) Ежегодникъ русск. кредитн. учрежденій III, 1883, 90.

[7]) Т. ж. 92.

[8]) Въ 1871 году всѣ уѣздныя земскія управы тверской губерніи высказались за образованіе запасныхъ капиталовъ, съ отчисленіемъ для нихъ 5—7—10% смѣты расходовъ. Сборн. матеріал. для исторіи Тверскаго губерн. земства. 1883. I, 670—71.

[9]) Продовольственные и благотворительные.

[10]) Страховые, на устройство мѣстъ заключенія, на улучшеніе полицейской и пожарной части въ селеніяхъ.

[11]) На народное образованіе, медицинскую часть, постройку разныхъ зданій, истребленіе вредныхъ животныхъ и т. п.

[12]) На богоугодныя заведенія, училища, пособія погорѣльцамъ.—Капиталы всѣхъ этихъ 4 разрядовъ подробно перечислены въ книгѣ: «Сводъ свѣдѣній о состоящихъ въ распоряженіи земскихъ учрежденій капиталахъ». Изд. Хозяйств. Департам. 1884.

[13]) Калужское, орловское, особенно, олонецкое губернскія земства. См. «Сводъ».

[14]) Систематическій сборникъ постановленій саратовскаго губернскаго земскаго собранія 1866—82. 1884, 985.

[15]) Какъ это подробно было разъяснено, напр , въ засѣданіи московскаго губернскаго земскаго собранія 8 января 1886 года, когда обсуждался вопросъ, не слѣдуетъ-ли предать суду московскую уѣздную земскую управу прежняго состава за краткосрочныя позаимствованія изъ продовольственнаго капитала сельскихъ обществъ.

[16]) Въ 1880 г. осинское земское собраніе предоставило въ пользованіе управы изъ 6% годовыхъ капиталъ учительской эмеритальной кассы. Земскій Ежегодникъ за 1880 годъ. 1884, 45.

[17]) Въ 1880 году пермское уѣздное земское собраніе разрѣшило управѣ кредитоваться въ кредитныхъ учрежденіяхъ на сумму до 5000 и на сроки до 3 мѣсяцевъ; въ томъ же году осинское земское собраніе предложило управѣ заключать займы изъ суммъ, находящихся въ волостныхъ правленіяхъ. Т. ж. 45.

[18]) 10 лѣтъ—сколько намъ извѣстно—крайній предѣлъ срока, на который выдаются ссуды: полтавское губернское земское собраніе разрѣшило золотоношскому земству ссуду въ 20000 р. на 10 лѣтъ для устройства переправы чрезъ Днѣпръ противъ Черкассъ и Канева. Системат. сводъ постановл. и распоряженій полтавскаго губернскаго земства (1865—82) 1885, 376—77.

[19]) Системат. сборн. постановл. саратов. губерн. зем. собр. 986.

[20]) Земскій Ежегодникъ Курской губ. за 1882 г. 1884.

[21]) Сборн. матеріал. для истор. Тверск. губ. земства, 664.

[22]) Въ 1880 году обращались за ссудами къ правительству уѣздныя

земства: александровское, саратовское, вольское, камышинское и др. Земскій Ежегодникъ 44—47.

[23]) См., напр., многіе случаи отказа въ ссудѣ по матеріаламъ для исторіи тверскаго и полтавскаго земствъ.

[24]) Вологодское губерн. земское собраніе 1884 года отклонило ходатайство никольской земской управы о ссудѣ 10000 рублей, ссылаясь на истощеніе своихъ капиталовъ. Журн. вологод. губерн. земск. собр. 1885, 189—91.

[25]) Въ 1880 году осинское земское собраніе разрѣшило управѣ кредитоваться тамъ, гдѣ-бы заемъ стоилъ не дороже 8%. Земскій Ежегодникъ, 45.

[26]) Въ 1880 году александровское, старо русское, верхотурское и другія уѣздныя земства уполномочили управы заключать займы подъ залогъ земскаго имущества, государственныхъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщены запасные капиталы.—За ссуды, выдаваемыя уѣзднымъ земствамъ правительствомъ, являются поручителями губернскія земства: въ 1880 саратовское губерн. земство поручилось по такимъ ссудамъ за нѣсколько уѣздныхъ земствъ. Земскій Ежегодн. 44—47.

[27]) Отчетъ о суммахъ новгородскаго губернскаго земства за 1883 г. 1884, 54.

[28]) Отчетъ о суммахъ смоленскаго губернскаго земства за 1883. 1884, 58—59.

[29]) По смѣтѣ расходовъ самарскаго губернскаго земства на 1885 годъ, на борьбу съ чумой ассигновано 200000 р., занятыхъ у правительства. Экон. Журн. 1885, VI, 19.

[30]) Въ послѣднее время обратило на себя вниманіе предложеніе курскаго губернскаго гласнаго г. Арнольди объ организованіи долгосрочнаго кредита. Г. Арнольди совершенно справедливо указываетъ на переселенія, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, развитіе сельско-хозяйственныхъ училищъ, артелей и т. п., какъ на важные предметы земскихъ заботъ (См. Экономич. Журн. 1885, 9). Для развитія земской политики въ этомъ направленіи необходимъ долгосрочный кредитъ; но нѣтъ надежды организовать его на государственныхъ началахъ, при неустройствѣ земскихъ хозяйствъ, проистекающемъ изъ неопредѣленнаго положенія земскихъ учрежденій.

[31]) Городовое положеніе 1870 г. ст. 55, 67 и 124.

[32]) Статистическій Ежегодн. С. Петербурга III, 1884, 131.

[33]) Свѣдѣнія о Москвѣ обязательно доставлены мнѣ завѣдующимъ московск. статист. отдѣломъ С. В. Лепешкинымъ.

[34]) Отчетъ о денежн. оборотахъ городск. кассъ за 1881. 1885.

[35]) Вѣстникъ финансовъ, 1885, III, 568.

[36]) Т. ж. 1884, II, 1804.

[37] и [38]) Свѣдѣнія о долгахъ Ярославля и Рыбинска получены изъ канцеляріи ярославскаго губернатора.

[39]) Ср., напр., статьи въ газетѣ «Земство»: *Щепкина* «Московское городское самоуправленіе и его задачи», 1882, 7 и *П. К.* «Финансы города Одессы», 1881, 40. По «Отчету о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ за 1881 годъ», въ 682 городахъ Имперіи, не считая польскихъ, обыкновенные расходы на 3, 7 милл. р., т. е. слишкомъ на 10%, превышали обыкновенные доходы. См. Экономич. Журн., 1885, I, 56.

[40]) Изъ 231000 руб. долговъ города Рыбинска 126500 были сдѣланы для устройства гавани, 72100—на сооруженіе театра и 33000 для другихъ зданій.

[41]) Напр., Рыбинскъ занялъ на покупку дома для мужской гимназіи у почет. гражд. Тюменева 30000 р.

[42]) Ярославль занялъ въ город. обществен. банкѣ въ 1880 и 82 гг. 100000 руб.

[43]) Ярославль занялъ въ 1882 г. у ярослав. губ. земства 60000 руб., для устройства казармъ.

[44]) На Москвѣ еще до сихъ поръ есть долги по 32 займамъ, заключеннымъ въ 1839—54 гг. въ московск. приказѣ обществ. призрѣнія.— Заемъ Москвы въ 1878 г. 1700000 р. изъ государств. банка.

[45]) Долгъ Рыбинска общественному банку въ 23000 обезпеченъ залогомъ городскихъ недвижимостей.

[46]) Москва заключила первый облигаціонный заемъ (въ 3 милл. на 49½ лѣтъ) только въ февралѣ 1886 г. Уже ранѣе облигаціонные займы заключались Одессой, Кіевомъ, Рыбинскомъ. Въ Рыбинскѣ облигаціонные займы составляютъ болѣе 77% всей суммы долговъ.

[47]) Ярославль заключалъ въ 1880 и 82 гг. займы въ общественномъ банкѣ изъ 7 и 7½%. Въ 1885 г. онъ занялъ у частныхъ лицъ 35000 руб. изъ 8%—фактъ невѣроятный, если припомнить объ изобиліи денежныхъ капиталовъ въ прошломъ году.—3% облигаціонный заемъ, реализованный московской думой въ февралѣ 1886, помѣщенъ у берлинскихъ банкировъ по 95, 51 к. за 100.

[48]) Слѣдя за дѣятельностью городскихъ думъ, часто встрѣчаемъ ничѣмъ не оправдываемую робость предъ долгосрочными займами для такихъ цѣлей, гдѣ кредитъ вполнѣ умѣстенъ; такъ обнаруживалось, напр., въ теченіе прошлаго года въ засѣданіяхъ московской думы, обсуждавшей вопросъ объ устройствѣ боенъ. Этой робостью предъ долгосрочнымъ кредитомъ объясняется отсутствіе канализаціи въ нашихъ даже большихъ городахъ и разныхъ другихъ полезныхъ учрежденій, созидаемыхъ только посредствомъ кредита.

[49]) Къ 1 января 1885 г. за разными сельскими обществами ярославской губерніи состояло въ долгу 3355 р. 99 коп., отпущенныхъ имъ ярославскимъ губерн. земствомъ на покупку пожарныхъ трубъ. За 4 года (1881—84) ярославское губернское земство выдало 66 крестьянскимъ обществамъ, для покупки земли, ссудъ на 95536 р. 33 к., на которые и

пріобрѣтено 8375 десят. 855 саж. Отчетъ ярослав. губ. зем. управы за 1884, 64 и 75. Такой же кредитъ открываютъ сельскимъ обществамъ московское и тверское губ. земства.

[50]) До 1 марта 1886 года крестьянскій поземельный банкъ разрѣшилъ ссудъ слишкомъ на 33994 тыс. руб. На все число разрѣшенныхъ ссудъ— 2909—827 разрѣшены сельскимъ обществамъ. *Вѣстн. Финансовъ.*

ГЛАВА V.

Ученія о государственномъ кредитѣ.

„Едва ли болѣе неблагоразумно открыть расточительному сыну кредитъ въ каждой банкирской конторѣ Лондона, чѣмъ уполномочить государственнаго человѣка выдавать этимъ способомъ векселя на потомство». D. Hume. Of public credit, 383.

„Народъ тѣмъ богаче, хозяйство народа тѣмъ болѣе процвѣтаетъ, тѣмъ быстрѣе идетъ впередъ, чѣмъ большую часть государственныхъ расходовъ образуютъ проценты по государственнымъ долгамъ". Dietzel. Syst. d. Staatsanleihen, 200.

„Государственный долгъ не есть счастье или несчастье, но необходимая составная часть высоко развитаго государственнаго хозяйства". Stein, Lehrbuch derFinanzwiss. 4 Aufl. II, 347.

По мѣрѣ того, какъ долги занимали все болѣе видное мѣсто въ государственномъ хозяйствѣ и приносили народамъ все большія податныя тягости, экономическая литература дѣлала ихъ предметомъ своего изслѣдованія. Научная мысль находилась подъ двумя вліяніями: одно вытекало изъ всего склада государственной жизни двухъ предъидущихъ вѣковъ, другое—изъ цѣлей, вызывавшихъ заключеніе займовъ.

Разъ государственная власть считала своей неизмѣнной обязанностью упорядочивать многія стороны частной жизни гражданъ, разъ она создавала многообъемлющіе своды повелѣній и запрещеній въ области частнаго права, религіозныхъ вѣрованій, научныхъ идей, хозяйства, разъ она отрицала за подданными возможность руководствоваться ихъ личнымъ интересомъ и опытомъ даже во многихъ мелкихъ актахъ торговли и промышленности,—государственные долги, какъ выраженіе воли государства, воли, неспо-

собной заблуждаться, должны были получать оправданіе. Если кредитъ между частными хозяйствами имѣетъ созидающую силу, то она еще въ большей степени присуща кредиту государства, этого олицетворенія высшей мудрости.

Такое воззрѣніе на государственные долги, рѣзко обнаружившись въ началѣ 18 столѣтія, и до сихъ поръ не вполнѣ исчезло изъ научной литературы. Извѣстный французскій писатель Мелонъ, признавая государственные долги слѣдствіемъ войнъ и другихъ чрезвычайныхъ событій, находитъ эти долги не вредными, ибо они увеличиваютъ въ странѣ обращеніе кредитныхъ знаковъ („оборотные кредиты") и чрезъ это облегчаютъ народу уплату налоговъ [1]). Будучи только „долгомъ правой руки лѣвой", они вовсе не ослабляютъ государства [2]). Эта мысль, мимоходомъ высказанная Мелономъ, на долгое время подавленная противнымъ теченіемъ въ экономической литературѣ, получаетъ свое полное развитіе и, повидимому, прочное обоснованіе въ сочиненіи Дитцеля, на которое было указано уже не разъ [3]). Если Дитцель считаетъ крупные государственные долги главнымъ условіемъ благосостоянія народа, если онъ, Л. ф. Штейнъ, Вагнеръ въ прежнихъ трудахъ своихъ такъ много говорятъ о созданіи государствомъ, посредствомъ кредита, нематеріальныхъ капиталовъ, то не слѣдуетъ-ли съ полнымъ основаніемъ усматривать въ этомъ отголосокъ воззрѣній давно прошедшихъ временъ и соединительное звено между меркантилистами и многими писателями нашего вѣка?

Но преклоненіе предъ мудростью, всемогуществомъ и безпредѣльной творческой силой государства выразилось въ формѣ, еще болѣе рѣзкой. Благотворное дѣйствіе кредита велико и несомнѣнно; государство нуждается въ капиталахъ. Не унизительно-ли, однако, для него искать ихъ посредствомъ кредита? Не гораздо ли болѣе соотвѣтствуетъ его назначенію создавать капиталы изъ ничего и, открывая кредитъ подданнымъ, осыпать народъ новыми благодѣяніями? И на этотъ вопросъ, въ теченіе уже двухъ столѣтій, дается многими утвердительный отвѣтъ. Эта мысль получила въ банкѣ Джона Ло самое полное выраженіе. Ло отрицаетъ кредитъ, получаемый государствомъ. Онъ считаетъ долги вредными, но вредными не по цѣли, для которой затрачены капиталы, а только по необходимости черпать изъ существующаго запаса цѣнностей, по

ограниченности этого источника и зависимости, недостойной государства, отъ доброй воли капиталистовъ. „Въ самомъ дѣлѣ, если старый кредитъ короля, привлекавшій деньги соблазномъ всегда обременительныхъ процентовъ и точной уплатой капитала въ срокъ, былъ великимъ благомъ, чего же нельзя ожидать отъ кредита, лучше устроеннаго, который одинъ только и заслуживаетъ это названіе?.. Старый кредитъ могъ только временно поддерживать короля. Этотъ же, прочный и непрерывный по своей природѣ, уже выгодно упорядочилъ старые долги и предусматриваетъ всѣ нужды будущаго“ [4]). Вотъ почему слѣдуетъ погасить всѣ старые долги и сдѣлать банкъ съ его непрерывнымъ выпускомъ акцій неисчерпаемымъ источникомъ кредита для государства [5]).—Еще ранѣе Ло извѣстный нѣмецкій камералистъ ф. Шрёдеръ предложилъ германскому императору планъ быстро загладить опустошенія, причиненныя Австріи турками, оживить промышленность, привлечь населеніе со всѣхъ концовъ Европы, увеличить вчетверо благосостояніе народа, сдѣлать государя фактическимъ главой всей торговли и промышленности страны. Стоитъ для этого только учредить банкъ, который бы выдавалъ свидѣтельства подъ залогъ имуществъ частныхъ лицъ и взималъ по нимъ 6% годовыхъ. Авторъ не сомнѣвается, что эти бумажки будутъ обращаться наравнѣ съ деньгами, а проценты по свидѣтельствамъ будутъ наполнять государеву казну [6]). Въ этихъ свидѣтельствахъ государь, который теперь часто имѣетъ нужду занимать деньги, „получитъ вѣчный и неисчерпаемый рудникъ золота и денегъ, для поддержанія котораго не нужно затрачивать капиталъ“ [7]).—Стремленіе устранить зависимость государства отъ капиталистовъ и ограниченности существующихъ капиталовъ пережило банкъ Ло, проекты Шрёдера и другихъ. Въ новое время имъ руководствуются всѣ сторонники безостановочной работы печатнаго станка для выпуска бумажныхъ денегъ и другихъ кредитныхъ обязательствъ. Въ 19 вѣкѣ наиболѣе законченную обработку далъ этимъ планамъ гр. Цѣшковскій [8]). Осуждая заключеніе займовъ для цѣлей непроизводительныхъ и совѣтуя выкупить всѣ существующіе долги, Цѣшковскій вспоминаетъ Дж. Ло, что государь долженъ не искать кредита, а самъ давать его всѣмъ нуждающимся. Для этого слѣдуетъ преобразовать всю денежную и кредитную системы. Монета и безпроцентныя бумажныя деньги слу-

жать несовершенными орудіями обмѣна потому, что, внѣ мѣновыхъ сдѣлокъ, не даютъ дохода и лежатъ праздно. Единственнымъ орудіемъ обмѣна должны быть процентныя бумажныя деньги, обезпеченныя постоянными капиталами. Введеніе въ оборотъ такихъ денегъ содѣйствуетъ мобилизированію постоянныхъ капиталовъ, и каждый владѣлецъ таковыхъ можетъ, подъ ихъ обезпеченіе, открыть самъ себѣ кредитъ. Обезпеченіемъ денегъ, которыя выпускаетъ государство для своихъ цѣлей, служатъ государственныя имущества и капитализированный поземельный налогъ, такъ какъ эта подать поступаетъ съ наибольшею правильностью. За погашеніемъ всѣхъ старыхъ долговъ единственнымъ представителемъ государственнаго кредита останутся процентныя бумажныя деньги. Погашеніе ихъ, служащихъ и всеобщимъ платежнымъ средствомъ, будетъ совершаться по мѣрѣ накопленія бюджетныхъ остатковъ чрезъ удержаніе государствомъ извѣстной суммы изъ билетовъ, поступившихъ въ его кассы.—Снимкомъ съ системы гр. Цѣшковскаго являются предложенія г. Новосельскаго о введеніи въ оборотъ государственныхъ земельныхъ облигацій, обезпеченныхъ цѣнностью государственныхъ имуществъ и предназначенныхъ замѣнить собою безпроцентныя бумажныя деньги [9]).—Всѣ эти системы, подкупающія своей простотой, оставляютъ безъ отвѣта нѣкоторые важные вопросы: какъ устранить измѣненія въ курсѣ процентныхъ бумажныхъ денегъ, которыя подлежатъ такимъ же колебаніямъ, какъ и всѣ кредитные знаки? Какъ организовать кредитъ тому государству, цѣнность имущества котораго и капитализированный поземельный налогъ не могутъ обезпечить всѣ долги и т. п.?—Всѣ эти проекты, отчасти испытанные въ прошломъ, все болѣе теряютъ сторонниковъ и служатъ только краснорѣчивымъ доказательствомъ того, какъ прочно еще держится вѣра въ безпредѣльное могущество государства.

Но воззрѣнія на государственный кредитъ слагались и подъ другимъ вліяніемъ. Научная критика не могла обойдти молчаніемъ тотъ фактъ, что главная масса долговъ была вызвана войнами, неустройствомъ финансовъ, чрезмѣрными расходами государства, хроническими бюджетными недочетами; что эти войны часто возникали по ничтожнымъ поводамъ и удовлетворяли только династическое тщеславіе. Все большее обремененіе народа податями заставляло многихъ писателей забывать о невозможности государственной власти

заблуждаться и вызывало отрицательное отношеніе къ государственнымъ долгамъ. Еще современникъ Мелона Дюто, признавая благотворное дѣйствіе правильно развитаго кредита, смотритъ на государственныя срочныя и непрерывныя ренты, какъ на зло; онѣ отвлекаютъ капиталы отъ торговли, вызываютъ презрительное отношеніе къ сельскому хозяйству и другимъ отраслямъ промышленности, создаютъ классъ праздныхъ богачей и т. д. [10]). Совершенно тѣ же возраженія противъ разныхъ формъ государственныхъ займовъ мы находимъ у другаго французскаго писателя прошлаго вѣка—Кондильяка [11]).

Но отрицаніе, которое въ началѣ прошлаго вѣка принимало форму отрывочныхъ положеній и часто внушалось только чувствомъ, было принципіально обосновано въ концѣ его, когда школы физіократовъ и Смита потребовали освобожденія хозяйственной жизни отъ опеки правительства. Если государственная власть не можетъ направлять ко благу хозяйство народа, если каждый рубль въ послѣднемъ получаетъ гораздо болѣе производительное назначеніе, чѣмъ въ распоряженіи правительства, то государственный кредитъ можетъ быть только осужденъ. Краснорѣчиваго противника нашло чрезмѣрное задолжаніе государства въ лицѣ Д. Юма [12]). Восхваляя финансовую политику прежнихъ временъ, направленную на собираніе сокровищъ, Юмъ осуждаетъ задолжаніе государства, какъ и частныхъ лицъ. „Развѣ такъ велика разница между обществомъ и недѣлимымъ, что-бы установлять для каждаго особыя правила поведенія“ [13]). „Обычай заключенія займовъ ведетъ каждое правительство къ злоупотребленіямъ. Едва-ли болѣе неблагоразумно открыть расточительному сыну кредитъ въ каждой банкирской конторѣ Лондона, чѣмъ уполномочить государственнаго человѣка выдавать этимъ способомъ векселя на потомство“ [14]). Вредъ государственныхъ долговъ можетъ быть выраженъ слѣдующими положеніями: 1) кредитные знаки умножаютъ количество орудій обращенія и поднимаютъ цѣны; 2) возвышеніе налоговъ для платежа процентовъ возвышаетъ цѣну труда или же обременяетъ бѣдныхъ людей; 3) страна становится данницей заграницы, гдѣ находятся многіе изъ ея кредиторовъ; 4) государственныя процентныя бумаги находятся въ рукахъ людей бездѣятельныхъ, и развитіе государственнаго кредита поощряетъ праздность и лѣнь. Чѣмъ больше

долгъ, тѣмъ болѣе многочисленны такіе люди, не связанные съ родиной, преданные растлѣвающей роскоши, чуждые идеаловъ. Въ подобномъ положеніи находится, по мнѣнію Юма, Великобританія". Должно случиться одно изъ двухъ, говоритъ онъ: „или народъ долженъ уничтожить государственный кредитъ, или же государственный кредитъ погубитъ народъ" [15]).

Критика Юма, дальше котораго нельзя идти и въ формѣ выраженія, была усвоена А. Смитомъ и положила начало отрицательному отношенію къ государственнымъ долгамъ. „Недостатокъ бережливости въ мирное время вынуждаетъ входить въ долги во время войны" [16])—такъ объясняетъ Смитъ причины возникновенія кредита. Развитіе торговли и промышленности создаетъ большой запасъ свободныхъ капиталовъ; надежность должника-государства побуждаетъ капиталистовъ охотно давать ему взаймы, и эта готовность уменьшаетъ въ правительствѣ наклонность къ бережливости. Имѣя предъ собой примѣръ дѣятельности англійскаго погасительнаго фонда, Смитъ считаетъ это учрежденіе безсильнымъ препятствовать наростанію долговъ: такъ какъ подъ руками правительства есть фондъ, то оно часто склонно измѣнять его назначеніе и дѣлать изъ него позаимствованія для покрытія и текущихъ расходовъ. Напрасно думать, что вредное вліяніе оказываетъ помѣщеніе займа только заграницей. Если большая часть кредиторовъ—туземцы, и тогда возвышеніе налоговъ, уменьшая доходы собственниковъ земли, промышленниковъ, торговцевъ, отнимаетъ у нихъ охоту къ улучшеніямъ въ промыслахъ и гонитъ капиталъ за границу. Есть только одно вѣрное средство пріостановить развитіе долговъ: вести войны, которыя и содѣйствуютъ, главнымъ образомъ, ихъ росту, посредствомъ возвышенія налоговъ. Новое бремя, болѣе чувствительное, нежели одни проценты по долгамъ, способно будетъ уменьшать продолжительность войнъ, а производительныя силы страны, оживленныя съ наступленіемъ мирнаго времени, способны будутъ содѣйствовать накопленію капиталовъ взамѣнъ уничтоженныхъ усиленными налогами. Старые долги нужно погасить, но не при помощи призрачнаго средства—погасительнаго фонда,—а чрезъ продажу казенныхъ земель, которыя не нужны государству, какъ худшему изъ хозяевъ.

Авторитетъ Ад. Смита былъ слишкомъ великъ, неспособность

государства созидающимъ образомъ дѣйствовать на народное хозяйство казалась слишкомъ очевидной, что-бы длинный рядъ послѣдующихъ писателей не шелъ по пути, проложенному Д. Юмомъ. И это вліяніе сказалось какъ въ Англіи, такъ и на материкѣ Европы. Не нужно читать изслѣдованіе Рикардо о государственныхъ долгахъ, что-бы угадать, какъ долженъ былъ отнестись къ нимъ этотъ великій питомецъ Смита. Столь-же убѣжденный противникъ долговъ, какъ и его учитель, Рикардо находитъ предпочтительнымъ вести войны и покрывать другіе чрезвычайные расходы изъ налоговъ, которые, будучи обременительны, вызываютъ усиленное развитіе бережливости. Подвергая подробной критикѣ дѣятельность англійскаго погасительнаго фонда, Рикардо считаетъ всякій фондъ излишнимъ. Онъ идетъ въ своихъ требованіяхъ дальше Смита: если тотъ высказывался за погашеніе долговъ посредствомъ продажи государственныхъ земель, то Рикардо считаетъ возможнымъ погасить весь долгъ въ теченіе 2—3 лѣтъ мирнаго времени налогомъ на собственность. Столь быстрое погашеніе произведетъ двоякое дѣйствіе: 1) дастъ въ руки кредиторовъ государства массу свободныхъ капиталовъ; 2) вызоветъ у землевладѣльцевъ и промышленниковъ, уплатившихъ крупныя суммы налога, потребность въ капиталахъ, которые и будутъ доставлены имъ первыми. А потому государственно-кредитныя отношенія будутъ замѣнены сѣтью частно-кредитныхъ сдѣлокъ. Не развивая своего плана въ подробностяхъ, но увѣренный въ легкой его осуществимости, Рикардо говоритъ: „такимъ образомъ, однимъ великимъ усиліемъ мы бы освободили себя отъ одного изъ самыхъ ужасныхъ бичей, которые были изобрѣтены для удрученія народа“ [17]). Нигдѣ, быть можетъ, не обнаруживается такъ ярко безсиліе чистой дедуктивной методы при рѣшеніи финансовыхъ вопросовъ, какъ въ этомъ предложеніи Рикардо. Одни кредитныя отношенія замѣняются, вслѣдствіе быстраго погашенія всего долга, другими: что же препятствуетъ за 2—3 года погасить долгъ въ 800 милл. фунтовъ? Въ первомъ отдѣлѣ мы оцѣнили степень пригодности этой системы и показали, что она должна повлечь за собой раззореніе многихъ частныхъ хозяйствъ.

Воззрѣніе на долги, установленное Юмомъ, развитое Смитомъ и Рикардо, усвоили и другіе первоклассные экономисты. „Между

займами частныхъ лицъ и правительствъ, читаемъ у Сэя, есть та великая разница, что первыя ищутъ капиталовъ, дабы затратить ихъ производительно, вторыя же занимаютъ только для того, чтобы безслѣдно израсходовать капиталы, данные имъ взаймы" [18]). Каждый заемъ отвлекаетъ капиталы отъ производительнаго назначенія; кредитъ, благодаря злоупотребленіямъ, служитъ болѣе ужаснымъ оружіемъ, нежели порохъ. Какъ бы нехотя, Сэй дѣлаетъ уступку господствующему ученію: онъ не отрицаетъ производительности кредита, съ помощью котораго правительство строитъ дороги, каналы. А если занятые капиталы не получаютъ такого назначенія, пусть лучше владѣльцы зарываютъ ихъ въ землю: по крайней мѣрѣ, граждане не будутъ платить на нихъ проценты. Если государственный кредитъ вреденъ, то нельзя одобрить и собираніе сокровищъ государями: всякіе капиталы въ распоряженіи правительствъ только соблазняютъ къ злоупотребленіямъ. — Съ неменьшею энергіей возстаетъ противъ займовъ и Сисмонди. „Ни одно изобрѣтеніе не было, быть можетъ, столь пагубно для людей, какъ изобрѣтеніе государственнаго кредита, и ни съ однимъ не связано такъ много иллюзій" [19]). „Изобрѣтеніе займовъ повело къ защитѣ настоящихъ поколѣній всѣмъ трудомъ и всѣми надеждами потомства" [20]). Такое рѣшительное отрицаніе выгодъ государственнаго кредита ведетъ Сисмонди къ положенію, которое, при современномъ развитіи теоріи этого явленія, звучитъ крайне странно: „вообще, можно установить въ принципѣ, что народъ, не имѣющій долговъ, съ доходомъ въ 20 милл. франковъ, богаче, нежели народъ, имѣющій, при 10-милліонномъ долгѣ, 30 милл. фр. дохода, потому что расходы управленія, составляющіе потерю для всѣхъ, увеличиваются съ возвышеніемъ валоваго дохода" [21]). Всѣ формы займовъ вредны, и особенно пагубной представляется Сисмонди форма непрерывныхъ рентъ, ибо онѣ дѣлаютъ отдаленное потомство отвѣтственнымъ за грѣхи правительства, растратившаго массу капиталовъ.

Такое же направленіе продолжалось и въ англійской литературѣ. Вѣрный послѣдователь Рикардо Макъ-Куллохъ сравниваетъ налоги и долги, какъ средства для покрытія чрезвычайныхъ потребностей и именно расходовъ на войну. Онъ высказывается за предпочтительность первыхъ, ибо войны могутъ быть, вслѣдствіе обременительности налоговъ, менѣе продолжительны. Но даже не-

зависимо отъ этой выгоды, покрытіе такихъ расходовъ налогами требуетъ меньшихъ средствъ: по его вычисленіямъ, война съ Франціей (1794—816) стоила-бы Англіи почти на 52 милл. фунтовъ дешезле, если-бы расходъ на нее былъ покрытъ исключительно налогами [22]). Вліяніе предъидущихъ писателей отразилось даже на Дж. Ст. Миллѣ, который, при оцѣнкѣ экономическихъ явленій, большею частію отклонялся отъ математической дедукціи. И по его мнѣнію, могутъ быть оправданы только займы изъ иностранныхъ капиталовъ и тѣхъ частей туземнаго капитала, которыя или совершенно свободны, излишни для производства или же были бы не производительно растрачены частными хозяйствами. Въ противномъ случаѣ, необходимо отдать предпочтеніе налогамъ. Но значительное отклоненіе его отъ учителей видно изъ того, что онъ считаетъ разорительнымъ быстрое погашеніе долговъ по мысли Рикардо, стоитъ, главнымъ образомъ, за погашеніе изъ бюджетныхъ остатковъ и совѣтуетъ погашать чрезъ продажу государственныхъ земель и другихъ имуществъ лишь постольку, насколько сохраненіе ихъ не важно для общественныхъ интересовъ [23]).

Параллельно этимъ теченіямъ начинается еще въ прошломъ вѣкѣ систематическое изученіе государственнаго кредита. Отличительной чертою этого направленія служитъ то, что научная мысль воздерживается отъ огульнаго осужденія государственныхъ долговъ и ихъ возвеличенія; она стремится классифицировать ихъ по цѣлямъ затратъ, по формѣ, срокамъ, указать на преимущества однихъ способовъ организаціи кредита предъ другими и тѣмъ дать рядъ указаній и для финансовой политики.

Среди англійскихъ писателей этого направленія особеннаго вниманія заслуживаетъ Джемсъ Стюартъ. Въ нѣсколькихъ главахъ своего обширнаго сочиненія, посвященныхъ вопросу о государственномъ кредитѣ [24]), Стюартъ указываетъ вліяніе, которое имѣетъ на благосостояніе народа сумма долговъ, отмѣчаетъ разныя эпохи въ развитіи государственнаго кредита, отъ времени его полнаго тожества съ частнымъ до новѣйшихъ типовъ займовъ, даетъ полный очеркъ исторіи государственныхъ долговъ Англіи и Франціи и т. д. Стюартъ выясняетъ различіе между торговымъ и платежнымъ балансами и говоритъ, что выгодный торговый балансъ для страны можетъ быть парализованъ необходимостью для нея платить за-

границу по займамъ изъ иноземныхъ капиталовъ. Разсматривая разные способы погашенія долговъ, которыхъ онъ насчитываетъ 6, Стюартъ подвергаетъ вѣрной оцѣнкѣ предложеніе, сдѣланное слишкомъ полвѣка спустя Рикардо. Вся сумма долга могла-бы быть погашена единовременно, но выгодно-ли это? „Если-бы землевладѣльцы согласились продать часть своихъ имѣній для уплаты государственныхъ долговъ, то количество земли, предложенной на рынкѣ, значительно уронило-бы ея цѣну, и землевладѣльцы понесли-бы крупные убытки". „Если бы, допустимъ, были привезены изъ Индіи сокровища, что-бы сразу погасить долгъ Великобританіи, то оборотъ настолько переполнился бы деньгами, что процентъ упалъ бы до нуля" [25]). Такимъ образомъ, нужно держаться, смотря по обстоятельствамъ, разныхъ способовъ частичнаго погашенія долговъ.— Послѣ того, что было сдѣлано Стюартомъ для изученія вопроса о государственномъ кредитѣ, многое, сказанное Смитомъ, Рикардо и другими, за исключеніемъ важной и вѣрной мысли о предпочтительности во многихъ случаяхъ налоговъ предъ долгами, не является шагомъ впередъ.

Однако, полная научная разработка явленій государственнаго кредита, какъ и всего ученія о государственномъ хозяйствѣ, совершилась въ Германіи. За объясненіемъ причинъ ходить не далеко: если вспомнить, что до настоящаго времени частный починъ въ Германіи гораздо чаще оказывался безсиленъ, чѣмъ въ Англіи и даже Франціи, что опека государства надъ общественнымъ хозяйствомъ чаще бывала необходима, то легко понять, что именно здѣсь была благопріятная почва для вѣрной оцѣнки государственнаго кредита. Наклонность же нѣмецкаго ума развивать каждое научное положеніе до мельчайшихъ частностей помогла сложиться здѣсь систематическому ученію и о государственныхъ долгахъ.

Уже старые теоретики были чужды чрезмѣрнаго увлеченія этой стороной финансоваго хозяйства и голаго ея осужденія. Юсти говоритъ о необходимости для государя имѣть широкій и прочный кредитъ, для покрытія чрезвычайныхъ потребностей. Если кредита нѣтъ, то „не приходится и думать о многихъ превосходныхъ планахъ и предпріятіяхъ, которыя служатъ къ истинному благу государства". [26]). Уже это положеніе доказываетъ, на сколько Юсти

считаетъ возможнымъ для государства производительно затрачивать занятые капиталы. Разобравъ пригодность разныхъ формъ заключенія займовъ, Юсти настаиваетъ на своевременномъ погашеніи долговъ, на сокращеніи менѣе важныхъ расходовъ, напр., на содержаніе двора и т. п., дабы кредитъ не поколебался неточнымъ исполненіемъ обязательствъ.—Столь же вѣрнымъ цѣнителемъ государственнаго кредита является и Зонненфельсъ; возможно, говоритъ онъ, злоупотребленіе кредитомъ, но оно не должно быть признаваемо необходимымъ спутникомъ государственныхъ займовъ. Мы находимъ у него точныя разграниченія между кредитомъ въ государственномъ и частномъ хозяйствахъ, которыя и до сихъ поръ удержались въ наукѣ: несоотвѣтствіе реальнаго кредита съ личностью должника-государства и др., осужденіе принудительныхъ займовъ, пожизненныхъ рентъ и т. д. [27]).

Проходя мимо многихъ другихъ писателей, которые въ отрицаніи государственныхъ долговъ не дошли до крайностей французскихъ и англійскихъ экономистовъ, [28]) мы признаемъ въ Небеніусѣ перваго ученаго, создавшаго полную теорію кредита. Небеніусъ еще не дошелъ до оправданія долговъ, возникающихъ для затратъ, не прямо производительныхъ. Онъ держится стариннаго различенія расходовъ производительныхъ и непроизводительныхъ, разумѣя подъ послѣдними тѣ, которые не оставляютъ матеріальныхъ слѣдовъ. Поэтому, принципіальное оправданіе имъ государственныхъ займовъ не соотвѣтствуетъ глубинѣ, съ которой онъ изслѣдуетъ другія стороны этого явленія. Опредѣленіе условій, имѣющихъ вліяніе на кредитоспособность государства, характера распредѣленія имуществъ, системы налоговъ, государственнаго устройства; выясненіе вредныхъ вліяній, которыя имѣютъ долги на производство, уменьшая его капиталъ, увеличивая спросъ на разные виды непроизводительнаго труда, (напр., домашнюю прислугу со стороны вѣрителей государства, на сборщиковъ податей вслѣдствіе возвышенія налоговъ), на распредѣленіе, чрезъ возложеніе лишнихъ податныхъ тягостей на бѣднѣйшіе классы для уплаты процентовъ богатымъ; сравненіе займовъ разныхъ типовъ, формъ погашенія долговъ и т. д.—все это нашло въ Небеніусѣ старательнаго изслѣдователя и систематика [29]). Замѣтимъ также, что уже у Небеніуса есть принципіальное отдѣленіе, въ связи съ цѣлями, фи-

нансоваго кредита отъ государственныхъ долговъ [30]), творцомъ котораго часто несправедливо считаютъ Л. ф. Штейна.

Безпристрастіе и добросовѣстность въ изслѣдованіи Небеніуса поставили ученіе о государственномъ кредитѣ на такую высоту, что послѣдующимъ писателямъ, кромѣ нѣкоторыхъ принципіальныхъ улучшеній, оставалась дальнѣйшая разработка частностей. Принципіальнымъ улучшеніемъ наука обязана, главнымъ образомъ, Дитцелю. Не смотря на крайнее увлеченіе всѣми актами правительственной дѣятельности, на искусственное оправданіе огромныхъ государственныхъ долговъ (что было разсмотрѣно нами въ первомъ отдѣлѣ), Дитцель оказалъ ученію о государственномъ кредитѣ важную услугу потому, что, вопреки направленію, созданному Смитомъ, сгладилъ различіе между трудомъ производительнымъ и просто полезнымъ и призналъ государство способнымъ создавать нематеріальныя цѣнности для длиннаго ряда поколѣній. А если доказано, что идеальное благо, напр., большая гражданская свобода извѣстнаго класса, внесенная въ жизнь народа, благотворно дѣйствуетъ на судьбы многихъ поколѣній, то уже не можетъ быть сомнѣнія, что для этой цѣли оправдываются крупные расходы государства и займы, покрывающіе эти затраты [31]).

Новѣйшіе писатели успѣли постепенно освободиться отъ крайностей, которыя внесло въ литературу ученіе Дитцеля; не идя такъ далеко въ поклоненіи государству, они содѣйствовали дальнѣйшей разработкѣ нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ о государственномъ кредитѣ и, особенно, технической стороны его. Оправданіе долгосрочнаго кредита, въ связи съ цѣлями затраты, изслѣдованіе вліянія, оказываемаго на общественное хозяйство налогами и долгами, сравненіе выгодности займовъ изъ туземныхъ и иностранныхъ капиталовъ, критика бумажно-денежныхъ долговъ и т. п. — вотъ чѣмъ обязано это ученіе трудамъ Вагнера [32]) и Нассе [33]). Подробное развитіе положенія Небеніуса о строгомъ различеніи текучихъ и отвержденныхъ долговъ, поставленіе формы кредита въ тѣсную связь съ особенностями отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ, признаніе въ кредитѣ необходимой составной части финансоваго хозяйства являются главными пріобрѣтеніями науки отъ Л. ф. Штейна [34]). Многіе частные вопросы (классификація займовъ, критика долговъ различныхъ типовъ) искусно разработаны Гокомъ [35]).

Наконецъ, въ послѣднее время явился въ лицѣ Шеффле самый рѣшительный протестъ противъ крайнихъ воззрѣній Дитцеля, и до сихъ поръ сохранившаго вліяніе на литературу о кредитѣ. Утверждая, что чрезвычайные расходы государства не всегда должны быть покрываемы долгами, указывая на дурныя стороны непогашаемыхъ займовъ, Шеффле строитъ сложную систему средствъ, которыя въ разныхъ случаяхъ могутъ служить для удовлетворенія этихъ потребностей [36]). Но идеи Смита, Рикардо, Сэя все болѣе утрачиваютъ послѣдователей также во Франціи и Англіи. Укажемъ на Леруа-Больё, который, не будучи глубокимъ мыслителемъ, сдѣлалъ много по разработкѣ частныхъ вопросовъ финансоваго хозяйства вообще и кредита, на [37]) Ковеса [38]), изъ англичанъ—Сиджуика [39])—писателей, которые оправдываютъ долги, возникающіе ради производительныхъ затратъ, и тѣмъ признаютъ возможность благотворнаго воздѣйствія государства на хозяйственную жизнь населенія.

Для теоріи и политики кредита потрудилась и наша юная экономическая литература. Написанная въ 1832 году книга Орлова [40]), къ сожалѣнію, совсѣмъ забытая, была для своего времени превосходнымъ изслѣдованіемъ. Указаніе на непогашаемые займы, какъ единственную пригодную форму государственнаго кредита, и признаніе въ кредитѣ главнаго основанія величія Англіи дѣлаютъ Орлова прямымъ предшественникомъ Дитцеля. Горловъ, въ своемъ учебникѣ, далъ сжатый, но полный очеркъ государственнаго кредита, остановившись, преимущественно, на вопросахъ о его организаціи [41]). Какъ онъ, такъ и Бутовскій [42]), находясь подъ вліяніемъ экономистовъ-классиковъ, считаютъ государственный кредитъ ненормальнымъ источникомъ для удовлетворенія потребностей и оправдываютъ его только состояніемъ крайней необходимости. Вопросъ о способахъ погашенія долговъ нашелъ добросовѣстнаго изслѣдователя въ лицѣ Запасника [43]). Вопросы теоріи кредита вообще и, въ частности, государственнаго, особенно, о бумажныхъ деньгахъ, разработывались Н. Х. Бунге [44]), проф. Вреденомъ [45]) и г. Кауфманомъ [46]). Сжатые систематическіе очерки, согласно съ выводами новѣйшей науки, мы находимъ въ курсахъ проф. И. Т. Тарасова [47]) и Патлаевскаго [48]).

Ученіе о государственномъ кредитѣ, въ его основаніи, можно

считать на столько законченнымъ, что принципіальные вопросы могутъ возбуждать сравнительно не много разногласій. Дальнѣйшія работы будутъ имѣть, главнымъ образомъ, политико-техническій характеръ, отвѣчать на вопросъ, пользоваться ли для данной цѣли кредитомъ и—какъ организовать его? Наибольшіе пробѣлы представляетъ ученіе о кредитѣ единицъ самоуправленія. Народное хозяйство едино, а потому всѣ общія положенія о государственномъ кредитѣ въ равной мѣрѣ примѣнимы относительно центральнаго и мѣстныхъ финансовыхъ хозяйствъ. Но вопросы о соотношеніи и равновѣсіи этихъ кредитныхъ хозяйствъ, о ихъ организаціи даютъ еще обширное поле для плодотворной научной работы.

Мы спросимъ, въ заключеніе, имѣла-ли научная мысль вліяніе на политику, на развитіе и организацію государственныхъ долговъ? На это слѣдуетъ дать утвердительный отвѣтъ.

Государственные долги выростали, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ расходовъ военнаго времени. Если краснорѣчивое слово филантроповъ и убѣдительные доводы публицистовъ не сдѣлали до сихъ поръ войнъ не возможными, то неудивительно, что научная мысль не остановила и возрастанія для этихъ цѣлей государственныхъ долговъ. Но вліяніе науки сказывается и въ попыткахъ задержать возрастаніе долговъ, и въ измѣненіяхъ, которыя претерпѣвала ихъ организація. Такъ, усиленное пользованіе въ Англіи налогами для веденія войнъ можно привести въ тѣсную связь съ идеями Смита и его послѣдователей. Погасительные фонды возникали, дѣйствовали и упразднялись подъ вліяніемъ ученій о погашеніи [49]). Воззрѣнія Смита на продажу государственныхъ земель, какъ лучшій источникъ для погашенія долговъ, повели къ отчужденію домэнъ во многихъ странахъ Европы. Правительства, опираясь на теорію кредита и денежнаго обращенія, стремились и стремятся къ уменьшенію текучихъ долговъ, къ возстановленію цѣнности бумажныхъ денегъ и т. д. Если наука почерпала новый матеріалъ и новые доводы изъ отдѣльныхъ, случайныхъ опытовъ, опытовъ, „на угадъ“, которые и до сихъ поръ такъ часты въ политикѣ, то она съ каждымъ годомъ даетъ послѣдней все болѣе и болѣе указаній. Трудно рѣшить, насколько связана наука съ каждымъ

крупнымъ измѣненіемъ въ строѣ государственнаго кредита отдѣльныхъ странъ; но могущество ея вліянія, даже при сравнительно невысокомъ ея уровнѣ, всего лучше доказывается системою Джона Ло, которая вся была порожденіемъ теоретика. Развитіе и распространеніе знаній въ новѣйшее время, все чаще побуждая людей обращаться къ наукѣ за отвѣтомъ на разные практическіе запросы, даетъ право предсказать, что въ дальнѣйшей исторіи государственнаго кредита стремленія близорукой практики будутъ отступать предъ ясно сознанными указаніями и требованіями науки.

Примѣчанія къ V-й главѣ.

[1]) Mélon. Êssai politique sur le commerce (изд. 1734, 20 гл.).

[2]) Т. ж. 749.

[3]) См. III главу перваго отдѣла этой книги.

[4]) Law. Lettres sur les banques (Economistes financiers du dix—huitième siècle, 2 ed. 1851), 613.

[5]) Т. ж. 613, 623—24.

[6]) v. Schröder. Fürstliche Schatz-u.-Rentkammer 1734, 237—69.

[7]) Т. ж. 249,

[8]) Cieszkowski. Du crédit et de la circulation. 2 ed. 1847.

[9]) Новосельскій. Современныя задачи государственной экономіи въ Россіи. 1884.

[10]) Dutot. Réflections sur le commerce et les finances (Econom. financ. du dix-huit. siècle), 857—58.

[11]) Condillac. Le commerce et le gouvernement (Collection des Economistes. Mélanges, I) 403—07.

[12]) Hume. Of public credit (Works, III, 1854).

[13]) Т. ж. 382.

[14]) Т. ж. 383.

[15]) Т. ж. 394.

[16]) Smith Ad. Wealth of nations, book V, chapt 3, 284.

[17]) Ricardo. Essay on the funding system (Works, 1871) 546. Мысль Рикардо развита Пебреромъ въ цѣлый планъ; см. книгу Запасника, 92—97.

[18]) J. B. Say. Traité d'économie politique. 1819, II 396 и далѣе.

[19]) S. d. Sismondi. Nouveaux principes d'économie politique, 1827, II, 226—27.

[20]) Т. ж. 228.

[21]) Т. ж. 237.

[22]) Mac Culloch. A treatise on the principles and practical influence of taxation and the funding system. 1845, 396—467.

[23]) Дж. Ст. Милль. Основанія политической экономіи, 1865, I 100—110, II. 402—10.

[24]) James Steuart. An inquiry into the principles of political oeconomy. 1767. II, 348—481

[25]) Т. ж. 474—75.

[26]) Justi. Staatswirthschaft. 1758 II, 451.

[27]) Sonnenfels. Grundsätze der Polizey, Handlung und Finanz. 1787, III, 381—485.

[28]) Ср , напр., Lotz. Handbuch der Staatswirthschaftslehre, 1822, III, 435 и далѣе. Malchus. Handbuch der Finanzwissenschaft u. Finanzverwaltung. 1830, II, 422 и далѣе.

[29]) Nebenius. Ueber die Natur u. Ursachen des öffentlichen Credits. 1829.

[30]) Т. ж. 325 и далѣе.

[31]) Dietzel. Das System der Staatsanleihen. 1855.

[32]) Wagner. Russische Papierwährung. 1868.

Его-же. Die Ordnung der Finanzwirthschaft. у Schönberg, въ Handbuch der politisch. Oeconomie. II. 1 изд. 1882, 2-е 1885.

[33]) Nasse. Steuern u. Staatsanleihen. Tübing. Zeitschrift, 1868.

[34]) L. v. Stein. Lehrbuch der Finanzwissenschaft. 4 изд. 1878.

[35]) Hock. v. Die öffentlichen Abgaben u. Schulden. 1863.

[36]) Schaeffle. Zur Theorie der Deckung des Staatsbedarfes. Tübing. Zeitschrift. 1883 и 1884.

[37]) Leroy—Beaulieu. Traité de la science des finances. 1 изд. 1877, 3-е 1883, II vol.

[38]) Cauwès. Précis du cours d'économie politique. 1880, II.

[39]) Sidgwick. The principles of political economy. 1883.

[40]) (Орловъ) О государственномъ кредитѣ. 1833.

[41]) Горловъ. Теорія финансовъ. 2 изд. 1845.

[42]) Бутовскій. Опытъ о народномъ богатствѣ. 1847, III.

[43]) Запасникъ. О погашеніи государствен. долговъ. 1857.

[44]) Бунге. Теорія кредита. 1840. Его-же. Замѣтки о настоящ. полож. нашей денежн. системы. Сборн. государ. Знаній, VIII. Его-же. О возстановленіи постоянн. денежн. единицы въ Россіи. 1878.

[45]) Вреденъ. Финансовый кредитъ. 1871.

[46]) Кауфманъ. Банки, кредитъ, денежное обращеніе. 1873.

[47]) Тарасовъ. Очеркъ науки финансоваго права. 1883.

[48]) Патлаевскій. Курсъ финансоваго права. 1885.

[49]) Въ исторіи англійскаго погасительнаго фонда важная роль принадлежала теоріи д-ра Прайса. См. *Запасникъ*. Назв. соч. 55—62.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стран. 33, строкѣ 12. Мы съ удовольствіемъ нашли подтвержденіе нашей мысли въ мнѣніи большинства коммиссіи, назначенной палатой депутатовъ для разсмотрѣнія тонкинскаго кредита. Большинство предложило отказать министерству въ кредитѣ (ок. 80 милл.) и оставить Тонкинъ, ссылаясь на невыгодность для Франціи этого пріобрѣтенія. По мнѣнію большинства, политика приключеній ведетъ „только къ раздробленію силъ страны". „Къ Франціи африканской она присовокупила бы Францію индо-китайскую, еще болѣе обширную и населенную, отдаленную на четыре тысячи миль отъ метрополіи и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ самымъ могущественнымъ государствомъ крайняго востока. Эта политика заставляетъ въ значительной степени рисковать судьбами Франціи на другомъ концѣ земнаго шара". Прибавленіе къ газетѣ „Temps" отъ 19 декабря 1885.

Къ стран. 39, строкѣ 8. Какъ легко перемѣщаются капиталы далеко за предѣлы отечества своихъ владѣльцевъ и какими надежными должниками представляются даже некультурныя государства, видно изъ того, что за 9 мѣсяцевъ 1885 г. въ Англіи было подписано 13475000 фунт. стерл. на иностранные государственные займы: 9 милл. на египетскій, 3755000 на 2 китайскихъ и 720000 фунт. на чилійскій. Эта сумма составляетъ болѣе $^1/_5$ стоимости всѣхъ процентныхъ бумагъ, выпущенныхъ за тотъ же 9-мѣсячный періодъ. Вѣстн. финанс. 1885, III, 422.

КОНЕЦЪ.

S0041346
СФ СПбГУ